Printed in Russia

45.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ П. В. Быкова и съ приложеніемъ портрета К. М. Станюковича.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1906 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1906.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

БЕЗЪ ИСХОДА

РОМАНЪ.

БЕЗЪ ИСХОДА

I.

Утромъ 186* года, въ одинъ изъ мокрыхъ апрѣльскихъ дней, передъ небольшимъ деревяннымъ домомъ глухого переулка на Петербургской сторонѣ остановилась извозчичья карета. Изъ нея торопливо вышелъ пожилой, плотный господинъ въ сѣромъ пальто и сѣрой шляпѣ, взглянулъ на нумеръ дома, затѣмъ вынулъ изъ бокового кармана шагреневую записную книжку съ застежками, основательно развернулъ ее, внимательно прочелъ записанный въ ней адресъ и сильно дернулъ за колокольчикъ. Прошло съ добрыхъ пять минутъ, пока не вышелъ дворникъ, поспѣшившій, при видѣ кареты, поклониться и спросить:

— Вамъ кого угодно, генерала Ожигова?

— Здѣсь живетъ г. Черемисовъ? Глѣбъ Петровичъ Черемисовъ?—отчеканило сѣрое пальто.

— А я полагалъ, вамъ генерала!—проговорилъ дворникъ, нѣсколько разочарованный.—Черемисовъ здѣсь. Въ восьмомъ нумерѣ, черезъ дворъ, во второй подъѣздъ, первая дверь налѣво!.. А то идите за мной!

Дворникъ привелъ сѣраго барина въ темныя сѣни и немедленно исчезъ, словно сквозь землю провалился. Сѣрый баринъ позвонилъ на этотъ разъ не очень сильно, но и не очень тихо. Ему отворила дверь старая кухарка, пропустила въ переднюю, заперла двери и, не спросивъ гостя, кого ему нужно, указала на вѣшалку, промолвивъ: «сюда повѣсьте!», и быстро скрылась въ темный коридоръ. Сѣрый баринъ улыбнулся, бережно повѣсилъ пальто, оглядѣлъ переднюю,—передняя была не казиста,—снялъ съ правой руки сѣрую перчатку, раза два крякнулъ и, наконецъ, постучалъ въ первую попавшуюся на глаза дверь.

— Войдите!—отвѣтилъ свѣжій мужской голосъ изъ-за двери.

Сѣрый баринъ вошелъ въ большую, скромно меблированную комнату и очутился лицомъ къ лицу съ высокимъ мужчиной, лѣтъ двадцати шести-семи. Оглядѣвъ быстрымъ взглядомъ молодого человѣка, сѣрый баринъ замѣтилъ умное—не изъ красивыхъ—лицо, зоркіе, каріе «съ огонькомъ» глаза, нѣсколько вздернутую, точно подсмѣивающуюся верхнюю губу, слегка приподнятый носъ и славные густые волосы.

— Вы господинъ Черемисовъ?—поспѣшилъ спросить, кланяясь, сѣрый баринъ, повидимому озадаченный спокойной позой молодого человѣка, который молча глядѣлъ въ глаза гостю, пощипывая тонкими, цѣпкими пальцами свою кудрявую бородку.

— Я самый... А вы?—въ свою очередь спросилъ Черемисовъ, отдавая поклонъ и разглядывая изящно одѣтаго во все сѣрое, крѣпкаго, приземистаго, пылающаго здоровьемъ мужчину, лѣтъ сорока пяти, съ свѣжимъ, румянымъ лицомъ, густо заросшимъ русой окладистой бородой, чуть-чуть засѣдѣвшими усами и парой маленькихъ темныхъ глазокъ, живо и юрковато бѣгающихъ по сторонамъ.

Сѣрый баринъ залился звонкимъ, добродушнымъ хохотомъ при вопросѣ Черемисова, при чемъ его румяныя щеки прыгали и дрожали.

— Точно перекрестный допросъ! ха-ха-ха!—щеки опять замелькали въ глазахъ Черемисова.—Стрекаловъ! Николай Николаевъ Стрекаловъ, помѣщикъ, заводчикъ, подрядчикъ, предприниматель, все, что хотите, но только не лежебокъ!—быстро говорилъ, сквозь смѣхъ, Стрекаловъ.—Пріѣхалъ, чтобы имѣть честь лично съ вами познакомиться и просить... Вы, конечно, предупреждены о моемъ предложеніи,—просьбѣ, хотѣлъ я сказать,—господиномъ Алфимовымъ?

— Онъ мнѣ говорилъ,—замѣтилъ Черемисовъ, придвигая гостю кресло и усаживаясь къ письменному столу.

Стрекаловъ не сѣлъ, а скорѣе повалился въ кресло съ простой безцеремонностью янки, положилъ ногу на ногу, вынулъ изъ кармана ловко сшитой жакетки солидный портсигаръ и спичечницу, спросилъ: «не старовѣры?» и, получивъ въ отвѣтъ отрицательный кивокъ головой, не спѣша, основательно срѣзалъ гильотинкой кончикъ сигары и закурилъ ее.

— Я пріѣхалъ въ вашъ гнилой Питеръ (вѣдь дрянь городъ, согласитесь) по дѣламъ,—началъ Стрекаловъ, попыхивая синимъ дымкомъ.—Дѣлъ у меня чортова пропасть, а времени мало. Черезъ четыре дня надо въ Москву на общее собраніе (дѣлишки тамъ), а оттуда спѣшить домой. Такъ нельзя ли вамъ, Глѣбъ Петровичъ, точно сказать, когда вы можете дать отвѣтъ?.. Сегодня у насъ вторникъ... Напримѣръ, въ четвергъ, послѣ завтра, къ двѣнадцати часамъ дня нельзя ли? Надѣюсь, Алфимовъ передалъ вамъ подробности?

— Никакихъ. Онъ только передалъ ваше предложеніе заняться съ вашимъ сыномъ...

— Только? Узнаю петербургскаго барича!—опять захохоталъ Стрекаловъ.—Заняться!.. Коротко и не ясно... ха-ха-ха! Неужто и объ условіяхъ ничего?..

— Ничего!—улыбнулся едва замѣтно Черемисовъ.

— Самъ-то видно горбомъ денегъ не зарабатывалъ! Столичный чиновникъ!—не безъ презрѣнія сказалъ Стрекаловъ.—Мои условія, Глѣбъ Петровичъ, слѣдующія: приготовить сына къ экзамену въ университетъ, сто рублей въ мѣсяцъ, проѣздъ въ Грязнополье и обратно, отдѣльная комната—окна въ садъ—и, если не побрезгуете нашимъ хлѣбомъ-солью, приборъ за столомъ къ вашимъ услугамъ,—добавилъ Стрекаловъ, кланяясь.—Впрочемъ, если захотите обѣдать отдѣльно,—васъ никто не стѣснитъ. Ненарушеніе чужой свободы—девизъ въ нашемъ домѣ.

— Сколько часовъ заниматься?

— Это ужъ ваше дѣло...

— Однако?

— Ну, ужъ коли вы любите въ условіяхъ точность—признаться, и я ее люблю!—часовъ шесть въ день. Мой мальчикъ башковатъ.

— Послѣ занятій я свободенъ?

— Совершенно...

— Занятія будутъ продолжаться годъ?

— Ровно годъ. До 15 апрѣля будущаго года...

Черемисовъ помолчалъ, исподлобья взглянулъ на своего гостя, усмѣхнулся и промолвилъ:

— Я принимаю ваши условія!..

— Принимаете?.. Очень радъ, очень радъ!—проговорилъ Стрекаловъ, вставая и весело пожимая руки Черемисова.—Я такъ много о васъ слышалъ... Надѣюсь, на бумагѣ излагать условій нашихъ не нужно?..

— Отчего-жъ?.. Можно и изложить!..

Стрекаловъ, казалось, не ожидалъ со стороны молодого человѣка такой предусмотрительности. Онъ пристально поглядѣлъ на Черемисова и весело повторилъ:

— Конечно, можно и изложить!.. Отчего не изложить... Я очень, очень радъ, что вы согласились. Грязнополье вамъ понравится. Я слышалъ, вы изволили изучать заводское дѣло?

— Немножко...

— Рекомендую мои заводы вашему вниманію; у меня ихъ два и, по совѣсти скажу, работаютъ не дурно. Конечно, не англійскіе. Тамъ заводы!!. Кончитъ мальчикъ университетъ, пошлю его къ Модслею. Пусть самъ поработаетъ, бѣлоручкой не выйдетъ. Я лямку-то прошелъ!—не безъ гордости добавилъ Стрекаловъ.—Любого прокатчика научу и цѣню людей дѣла... Довольно мы говорили. Пора и работать!..

И точно самъ Стрекаловъ почувствовалъ, что много говорилъ и что пора къ дѣлу, онъ спросилъ:

— Такъ когда прикажете васъ ждать?

— Я выѣду отсюда ровно черезъ двѣ недѣли.

— Прекрасно-съ. Попадете къ намъ какъ разъ въ самый разгаръ земскихъ выборовъ. Увидите насъ, земцевъ, въ дѣвственной чистотѣ (опять смѣхъ и прыганье щекъ). Позвольте передать вамъ билеты. Вотъ этотъ до Москвы, а эти дальше по двумъ линіямъ до Грязнополья. Годятся во всякое время и на всякій поѣздъ во второмъ классѣ. Что же касается до суточныхъ...

— Это ужъ лишнее!—перебилъ Черемисовъ.

— Какъ угодно! Радъ, очень радъ!—повторилъ Стрекаловъ, снова крѣпко потрясая руку Черемисова на прощанье.

— А условія изложите сами и пришлите къ Алфимову завтра... Я подпишу обѣими руками.

Новые знакомцы разстались вполнѣ довольные другъ другомъ.

«Основательный молодой человѣкъ. Не нигилистъ. Обо всемъ переговорилъ. Все предусмотрѣлъ и признаетъ явочные акты!—улыбался Стрекаловъ, повѣряя въ каретѣ свои впечатлѣнія о Черемисовѣ.—Жена будетъ довольна, а мальчику прокъ! Эка мостовыя дьявольскія!—прибавилъ вслухъ Стрекаловъ, взглядывая на мостовую.—Пора, кажется, столицѣ мостовыя имѣть европейскія!..»

— Ну, маменька, къ чистѣйшему американцу на урокъ ѣду... Къ самому современному человѣку! Урокъ выгодный!—весело сказалъ Черемисовъ, входя въ комнату къ своей матери.

II.

Ровно черезъ двѣ недѣли Черемисовъ уѣзжалъ въ Грязнополье.

— Вы, матушка, не горюйте! Писать буду аккуратно!—говорилъ Черемисовъ сидѣвшей съ нимъ въ Николаевскомъ вокзалѣ маленькой, худощавой старушкѣ, которая съ безконечной любовью и грустью глядѣла въ глаза сыну.

Старуха принудила себя улыбнуться и принялась перебирать коробокъ съ пирожками.

— Вотъ эти, Глѣбушка, съ говядиной, а эти, въ сторонкѣ, съ капустой—любимые твои, тутъ и соль въ синенькой бумажкѣ, а здѣсь...

Она остановилась и робко замѣтила:

— А когда тебя назадъ ждать, Глѣбъ? Ты мнѣ этого не сказалъ.

— Назадъ?—переспросилъ Глѣбъ.

Ему стало жаль мать Онъ крѣпко пожалъ ей руку и сказалъ:

— Черезъ годъ вернусь.

— Вернешься?

— Еще бы!—засмѣялся Черемисовъ.

— Вѣдь ты цыганъ. Кажется, недавно пріѣхалъ и опять въ отлетъ... Что бы здѣсь пріискалъ службу... Ну.. ну... не буду, мой милый... Вѣдь я такъ только!—добавила старуха, удерживая слезы.

— Добрая вы моя!..—шепнулъ Глѣбъ, цѣлуя ея руки.

Пробилъ звонокъ. Публика торопливо хлынула къ двери.

— Ну, прощай, мой голубчикъ! — глотала слезы старушка.—Постой... дай перекрещу тебя! Будь здоровъ... Будь здоровъ... не болѣй...

— Мнѣ-то болѣть? Что вы? Да вы только взгляните на вашего геркулеса-сына!

Черемисовъ горячо обнялъ мать, взялъ въ руки чемоданъ и направился къ двери.

— Смотри, — шопотомъ говорила старуха, нагоняя сына:—опять какъ-нибудь не попадись... Ты меня извини, дружокъ, я вѣдь попросту, брось ты все это и меня пожалѣй...

Мать снова перекрестила Глѣба и нашоптывала молитву.

— Не бойтесь. Вы-то себя берегите. Не деликатничайте съ деньгами; получать будете аккуратно, такъ какъ мой американецъ, какъ кажется, исправнѣе хронометра... Заболѣете, за докторомъ, не мѣшкая, а меня извѣстите... Ну, милая моя, будьте здоровы...

Скоро поѣздъ тронулся, и старуха, давъ волю слезамъ, одиноко отправилась на Петербургскую сторону и въ тотъ же вечеръ съ горя начала новую бутылку наливки, заботливо приготовленную Глѣбомъ, хорошо знавшимъ маленькую слабость своей матери къ кіевской вишневкѣ въ восемь гривенъ.

Черемисовъ усѣлся къ окну и оглядѣлъ своихъ спутниковъ. Всѣ прилаживались, суетились, особенно дамы. Противъ Черемисова сидѣлъ хмурый господинъ, лѣтъ сорока, больной, желтый, совсѣмъ сѣдой. Онъ, какъ пришелъ, сѣлъ на мѣсто и сейчасъ же уткнулся въ газету. «Вѣрно шатунъ старый!»—подумалъ Черемисовъ, оглядывая потертое гороховое пальто хмураго барина.

И хмурый баринъ, оставивъ газету, пристально оглядѣлъ своего сосѣда и, видно, сосѣдъ ему понравился, потому что на угрюмомъ лицѣ его явилось подобіе какой-то улыбки, и онъ спросилъ:

— До Москвы?

— Дальше. Въ Грязнополье...

— Видно, на вакаціи пробираетесь?

— Именно...

— Отвратительный городъ! — оживился хмурый баринъ.—Я тамъ три года учительствовалъ... Скверный!

— А вашъ путь куда? — полюбопытствовалъ Черемисовъ.

— На Кавказъ. Пробираюсь изъ Архангельска!

— Далеконько!

— Вотъ посмотрю, каково на Кавказѣ!—не безъ злобной горечи шипѣлъ хмурый баринъ.—До сѣдыхъ волосъ съ мѣста на мѣсто таскаюсь и не могу до хорошаго города дотаскаться!

— Быть-можетъ, на Кавказѣ понравится?

— Врядъ!—махнулъ рукой хмурый баринъ.—Посмотрю, какъ тамъ, и махну оттуда въ Сибирь. Тамъ, говорятъ, лучше всего,—прибавилъ онъ, смѣясь тихимъ, язвительнымъ смѣхомъ.—Поживите съ мое, и вы потаскаетесь,—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:—коли жи-

ромъ не обрастете, какъ вонъ тотъ (хмурый баринъ взглянулъ въ сторону на толстаго, отдувающагося пассажира) салотопенный заводъ! Времена такія!—обрѣзалъ недовольный господинъ и снова уткнулся въ газету.

Черемисовъ улыбнулся. «Такъ и есть, старый шатунъ, да вдобавокъ еще болтливый!»—подумалъ онъ и сталъ глядѣть на мелькавшія поля и будки.

Во всю дорогу хмурый сосѣдъ Черемисова шипѣлъ на все безразлично: на погоду, на газеты, на буфеты, на кондукторовъ и, только подъѣзжая къ Москвѣ, онъ обратился прямо къ Черемисову:

— Вы сегодня же дальше?

— Сегодня!

— А я въ этой грязной Москвѣ останусь, отдохну. Вы ночь-то спали, словно сказочный богатырь, а я на этихъ проклятыхъ узкихъ диванахъ заснуть не могъ. Чортъ знаетъ, какъ строятъ у насъ желѣзныя дороги! Трясетъ, бросаетъ васъ изъ стороны въ сторону!—желчно пилилъ хмурый баринъ, ставшій за ночь похожимъ на выцвѣтшій лимонъ.

— Будто такъ плохо?—едва улыбнулся Черемисовъ.

— Совсѣмъ плохо! Вы сомнѣваетесь? Развѣ у насъ могутъ что-нибудь хорошее устроить?—накинулся онъ на Черемисова.—Развѣ могутъ? Впрочемъ,—замѣтилъ онъ, помолчавъ съ минуту:—я нѣсколько преувеличиваю. Я человѣкъ преувеличенія. Во всякомъ случаѣ радъ съ вами познакомиться. — Онъ протянулъ сухую, желтую руку, которую Черемисовъ пожалъ.—Вы рѣдкій пассажиръ, не стѣсняющій сосѣда болтовней. Зовутъ меня Любомудровъ. Фамилія нѣсколько странная? Виноваты предки мои—поповичи. А ваша?

Черемисовъ сказалъ.

— Изъ Вольска?

— Изъ самаго.

— Такъ не вашего ли отца я знавалъ въ Вольскѣ? Впрочемъ, это вамъ рѣшительно все равно. Да, былъ я, г. Черемисовъ, и въ Вольскѣ!—угрюмо говорилъ Любомудровъ короткими періодами.—Пансіонъ тамъ завелъ, но свиньи помѣшали! Не улыбайтесь! Буквально свиньи! Вольское юношество купно съ родителями больше свиньями занималось, чѣмъ уроками. Плюнулъ и уѣхалъ. Свиньи остались. Что, отецъ вашъ попрежнему запиваетъ?

— Отецъ мой умеръ.

— А!—протянулъ Любомудровъ.—Ему нельзя было и пить! Если я не пью—а я не пью!—то потому только, что холостъ и страдаю разлитіемъ желчи, отчего доктора совѣтуютъ перемѣну мѣста. Я и передвигаюсь такъ всю жизнь!—какъ-то кисло, болѣзненно улыбнулся Любомудровъ.—Вотъ и хваленая Москва!—прибавилъ онъ, когда поѣздъ подходилъ къ станціи.—Вонъ какъ разнесло ее, матушку, на семи-то холмахъ! Кажется, на семи, а впрочемъ, чортъ ее знаетъ! Прощайте, г. Черемисовъ! Еще вѣрно встрѣтимся. Времена нынче таковы, что людей носитъ изъ края въ край, пока не донесетъ до могилы или, по крайней мѣрѣ, до Ташкента. Смотрите, осторожнѣе съ Стрекаловымъ, жирная каналья! жирная каналья!—на ходу добавилъ хмурый баринъ, унося съ собой свой порыжѣлый, старый, тощій чемоданишко, съ которымъ, по наружности, хозяинъ его имѣлъ большое сходство.

III.

Опять дорога. Опять спутники, но на этотъ разъ ни одного шатуна. Напротивъ, все люди, повидимому, устойчивые, умѣющіе пускать корни. И разговоръ кипѣлъ ключомъ; все о матеріяхъ важныхъ и не безъ сознанія, что сами бесѣдующіе состоятъ у прогресса, цивилизаціи и общаго блага (эти слова особенно часто слышались изъ одного уголка, гдѣ сидѣли: предсѣдатель какой-то управы, членъ суда и подрядчикъ) въ качествѣ ярыхъ погонщиковъ. Черемисовъ сперва прислушивался къ бесѣдамъ, но онѣ такъ напоминали ему передовыя статьи,—только въ худшей редакціи,—разныхъ органовъ нашей прессы, что скоро онъ слушать пересталъ (такъ какъ самъ читалъ газеты) и пересѣлъ въ дальній уголъ, куда «прогрессъ» и «общее благо» не долетали.

Онъ сѣлъ къ окну и задумался о бывшемъ сосѣдѣ, старомъ шатунѣ, пробиравшемся изъ Архангельска на Кавказъ и желчно огрызавшемся на людей, съ надеждой въ будущемъ покончить существованіе гдѣ-нибудь въ больницѣ, если такая на дорогѣ случится, безплодно проклиная попавшагося подъ руку, слишкомъ усердствующаго фельдшера.

— Нынче люди нужны. Можно дѣло дѣлать!—донеслось изъ уголка нужныхъ людей.

«А этотъ вотъ старикъ шатается! А чѣмъ хуже другихъ!? Неужели мнѣ такъ мыкаться?..»

Его высокій лобъ сморщился, лицо какъ-то съежилось, одна губа перекосилась, и ротъ искривился въ непріятную, злую усмѣшку. Онъ облокотился на окно и сталъ глядѣть на мелькавшія передъ глазами, уже зеленѣвшія поля... Подъ однообразный шумъ колесъ одна за другою мелькали передъ Черемисовымъ прошлыя картины.

И вспомнилъ онъ грязный городишко на берегу Волги, большую семью съ запивавшимъ отцомъ и кроткой, доброй матерью. Припомнились ему тихіе, монотонные разсказы матери объ его рожденіи и первыхъ годахъ младенчества.

Въ самый день рожденія Глѣбъ былъ обруганъ хмѣльнымъ отцомъ.

— Еще сынъ!—недовольно проговорилъ отецъ Черемисовъ, безцѣльно глядя мутными глазами на маленькое существо, бережно завернутое въ пеленки.—Ну и бить же я его буду!..

Мать съ укоромъ взглянула на мужа и нѣжнѣй прижала къ груди безпомощное существо. Впрочемъ, Петръ Аѳанасьичъ (отецъ Глѣба) слово свое сдержалъ, и какъ только ребенокъ подросъ настолько, что сумѣлъ ползать по полу, отецъ, подъ пьяную руку, давалъ ему шлепки, приговаривая:

— Не бей васъ, подлецовъ, зазнаетесь.

Хотя Глѣбъ былъ очень малъ, чтобы зазнаваться, но отецъ все-таки шлепалъ его во избѣжаніе будущихъ зазнаваній. Такая своеобразная философія оправдывалась до извѣстной степени положеніемъ отца. На рукахъ у Черемисова была большая семья: три сына и двѣ дочери, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что новый потребитель не особенно пришелся по сердцу Черемисову. Петръ Аѳанасьевичъ былъ мелкій чиновникъ и бѣднякъ, одинъ изъ тѣхъ, которымъ словно на роду написано тянуть лямку вѣчно впроголодь. Бралъ онъ взятки, конечно, сколько могъ и гдѣ могъ, безъ опаски «быть привлеченнымъ къ отвѣтственности», но эти мелкіе поборы были—крохи, едва прокармливавшія семью; а такъ какъ бѣдствованіе семьи нерѣдко мучило его, то Черемисовъ запивалъ, и тогда доставалось женѣ и дѣтямъ.

— За что?—спрашивала, бывало, жена.

— За то!—махалъ вверхъ, вмѣсто отвѣта, кулакомъ Черемисовъ, точно призывая небо въ свидѣтели, и ложился спать, ворча пьянымъ лепетомъ:—Ишь, выискали

поденщика! Корми, пои, да и не бей!.. ха-ха-ха... Еще спрашиваютъ, за что?..

Подолгу, бывало, стоялъ маленькій Глѣбъ у постели отца и смотрѣлъ на отцово лицо, сводимое судорогами и нервнымъ смѣхомъ. Тихо, не шевелясь, глядѣлъ онъ на эти открытые стеклянные глаза и, преодолѣвая жгучій страхъ, тихо дотрагивался до руки его, тяжело свѣсившейся и налившейся кровью.

— Ты что, чертенокъ? Вотъ я тебя!—бывало, вскрикнетъ отецъ.

Но Глѣбъ зналъ, что отецъ не встанетъ, и не отходилъ, продолжая смотрѣть на отца съ какимъ-то сосредоточеннымъ дѣтскимъ вниманіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ. Трудно сказать, чѣмъ занятъ былъ во время такихъ наблюденій дѣтскій умишко, но несомнѣнно только то, что Глѣбъ меньше другихъ дѣтей боялся своего бѣднаго отца и всегда, когда отецъ, бывало, начиналъ храпѣть, онъ стаскивалъ съ него сапоги и осторожно разстегивалъ сюртукъ.

Не весела была жизнь въ этомъ уголкѣ. Скверно было женѣ и дѣтямъ, да не весело было и самодержцу этого маленькаго государства. Бывали времена—и тяжелы были эти времена!—когда старикъ сознавалъ свою неправоту относительно поголовнаго битья. Случалось, что, послѣ очень рѣзкой расправы, Черемисовъ стремглавъ убѣгалъ изъ дому, несся за городъ, на Волгу, и, шатаясь по крутому берегу рѣки, задумчиво глядѣлъ на ея зелено-мутныя воды. Хмель проходилъ, и старому подьячему становилось отчего-то невыносимо тяжко. Испитое лицо его въ эти минуты было полно глубокаго отчаянія, губы какъ-то глупо тряслись, а небольшіе, сѣрые, замутнѣвшіе глаза глядѣли куда-то съ выраженіемъ чрезвычайной скорби. Онъ ощущалъ какое-то тоскливое, грызущее чувство (но какое именно, онъ не могъ бы объяснить себѣ); онъ видѣлъ, что есть люди, которые иначе живутъ (дѣтей не бьютъ, а посылаютъ въ гимназіи); онъ сознавалъ, что онъ—пропойца, но въ то же время и не обманывалъ себя пустой надеждой улучшить свое матеріальное положеніе. Что могъ онъ, посѣдѣвшій ярыга, выдумать, кромѣ кляузнаго прошенія въ питейномъ заведеніи? И гдѣ поправка? Съ какой стороны ея ждать? — Ахъ! Если бы да капиталу!..—думалось ему,—и затѣмъ эти «если бы» подавлялись какимъ-то покорнымъ, чисто-русскимъ вздохомъ, похожимъ на икоту.

Въ такія «гамлетовскія» мгновенія онъ давалъ себѣ слово «безъ пути дѣтей не бить» и, возвратившись съ прогулки домой, видимо старался загладить вину свою, былъ ласковъ съ женой, дѣтей сажалъ на колѣни и манилъ къ себѣ Глѣба. Но Глѣбъ не сразу подходилъ. Ребенокъ, онъ выучился уже не довѣрять, узнавши на практикѣ, что отецъ быстро переходилъ отъ ласки къ сильному гнѣву.

— Да ты не бойсь, Глѣбъ. Подойди....

Мальчикъ исподлобья глядѣлъ на отца, но не подходилъ.

— А я всѣмъ пряника дамъ, а тебѣ не дамъ!..—шутилъ старикъ.

— И не надо!..—шепталъ въ углу Глѣбъ.

— И не дамъ!—дразнилъ отецъ.

Семья оживала во время такой отходчивости главы государства. Мать безъ трепета садилась за столъ обѣдать, старшія дѣти смѣялись громко; Глѣбъ безъ страха возился въ навозѣ, отыскивая бутылочныя стекла, изъ которыхъ онъ мечталъ выстроить домъ для матери и для себя...

Не долго обыкновенно продолжался миръ. Жена подъ конецъ мѣсяца просила денегъ на провизію, дѣти просили обуви, хозяинъ—денегъ за квартиру, а денегъ не было, и Петръ Аѳанасьевичъ снова объявлялъ своимъ подданнымъ войну, начало которой ознаменовывалось запоемъ... Снова раздавались въ маленькомъ домишкѣ бѣшеные возгласы невѣжества и горя, выражавшіеся обычной формулой:

— Не бей васъ, подлецовъ, что изъ васъ выйдетъ!

И билъ.

IV.

Такъ росъ маленькій Глѣбъ, и маленькое его сердце уже научилось озлобляться и на-зло раздражать своего отца. Старшіе братья и сестры, бывало, во время отцовскихъ вылазокъ, спасаются отъ непріятеля, куда Богъ пошлетъ: кто на чердакъ, кто на улицу, а кто и подъ кровать, а Глѣбъ нарочно давай въ это время стучать палкой объ полъ. Отецъ повелительно крикнетъ: «брысь, чортовъ сынъ!», а Глѣбъ языкъ покажетъ, а самъ дрожитъ, какъ осиновый листъ. Наступаетъ зловѣщая тишина передъ грозой. Старикъ отъ бѣшенства не говоритъ, а только страшно глядитъ своими мутно-сѣрыми глазами на

Глѣба, бѣлаго, какъ мраморъ, со стиснутыми губами и сверкающими, точно угольки, глазенками. Съ минуту длится это тягостное положеніе для двухъ борцовъ, старика и ребенка; первый нѣсколько пораженъ такимъ явнымъ неповиновеніемъ власти; второй ждетъ не безъ трепета исхода...

Наконецъ, старикъ схватываетъ розгу и начинаетъ сѣчь мальчика. Раздается оглушительный концертъ рыдающей матери и прибѣжавшихъ изъ своихъ убѣжищъ другихъ дѣтей.

— Покорись, Глѣбъ!—бѣшено кричитъ отецъ.

— Не хочу!—съ раздражительнымъ воплемъ отвѣчаетъ мальчикъ, пытаясь куснуть отца за руку.

— Не покоришься!?.. хорошо же!..

И снова сѣкъ, пока не уставалъ, оставляя мальчика и приговаривая:

— Каторжникомъ будешь, идолъ!

Послѣ такихъ сценъ долго Глѣбъ не подходилъ къ отцу, несмотря на готовность послѣдняго къ примиренію. Долго еще бушевало молодое сердце и даже не отходило отъ ласки матери, старавшейся утѣшить Глѣба вкусными пирогами или пряникомъ. Глѣбъ не забывалъ обиды и часто ночью, лежа подъ бокомъ у матери, нервно рыдалъ.

На двѣнадцатомъ году Глѣба послали въ уѣздное училище, гдѣ, благодаря счастливой случайности, его замѣтилъ одинъ изъ почетныхъ посѣтителей, и мальчика опредѣлили на казенный счетъ въ гимназію...

Передъ Черемисовымъ ясно пронеслись эти семь лѣтъ гимназическаго ученія, полузатворническая жизнь, однообразіе которой нарушалось шалостями, борьбой (не всегда равной) съ директоромъ и нерѣдкими наказаніями, выпадавшими на долю Глѣба, хоть онъ никогда не бывалъ коноводомъ и не пользовался особенной любовью товарищей. Его болѣе уважали, чѣмъ любили. Недовѣрчивый, угрюмый, державшійся поодаль отъ другихъ, онъ рано выработалъ независимость характера и не обладалъ той покладливостью натуры и той стадовой отзывчивостью, которыя вмѣстѣ съ откровеннымъ характеромъ даютъ названіе «симпатичныхъ натуръ». Съ дѣтства прикопившій въ себѣ запасъ злобы, Глѣбъ рано сумѣлъ подмѣчать неискренность и смѣшныя черты въ другихъ и не упускалъ случая пускать въ ходъ свое оружіе противъ тѣхъ, на чьей сторонѣ была сила... Точно демонъ какой буше-

валъ въ молодой груди мальчика, грызя и не давая покоя, когда, послѣ долгаго раздумья, онъ нападалъ на своихъ враговъ... Эту черту знали хорошо его товарищи, особенно вліятельные, такъ-сказать, «власть имѣющіе», прозвавшіе его «умнымъ, но злымъ Черемисовымъ». «Въ немъ чортъ сидитъ!»—сказалъ про него одинъ добродушный мальчикъ и до нѣкоторой степени вѣрно опредѣлилъ душевное настроеніе Глѣба... Вспоминая свою раннюю борьбу, Черемисовъ грустно улыбнулся, перебирая въ памяти мотивы этой борьбы...

Среди разныхъ лицъ, характеровъ этой поры жизни особенно выдѣляется ярко-освѣщенная въ воспоминаніяхъ Черемисова свѣтлая личность инспектора гимназіи—Реброва. Какъ живой, рисуется ему этотъ худощавый, сгорбленный мужчина, почти сѣдой, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, съ темными, ясными добрыми глазами, въ своемъ классическомъ, затертомъ вицъ-мундирѣ, съ вѣчнымъ сухимъ кашлемъ... Черемисовъ былъ его любимцемъ. Онъ живо припомнилъ обстоятельства, снискавшія ему любовь инспектора: онъ отчетливо вспомнилъ хмурый октябрьскій день, полусвѣтъ въ классѣ и робкую, запуганную фигуру учителя русскаго языка—пьяницы, но добряка, надъ которымъ особенно потѣшались гимназисты... Нѣсколько качаясь, вошелъ въ классъ учитель и, не отвѣчая на градъ насмѣшекъ, сталъ читать «Шинель» Гоголя... Въ это время одинъ изъ школяровъ, желая отличиться шалостью, тихонько отрѣзалъ полы вицмундира у своего учителя... Когда классъ кончился, и учитель поднялся при общемъ смѣхѣ и замѣтилъ, что онъ безъ фалдъ, то его пьяное, красное лицо побагровѣло еще болѣе, и онъ со слезами въ горлѣ крикнулъ:

— Отроки неразумные!.. Надъ кѣмъ вы тѣшитесь и кого позорите?!.. Надъ бѣднякомъ, которому не на что купить новый вицмундиръ!..

И ушелъ, оставивъ классъ въ недоумѣніи...

Тогда всталъ Черемисовъ и, обведя вызывающимъ взглядомъ весь классъ, гнѣвно произнесъ:

— Кто это сдѣлалъ—тотъ подлецъ, и я его проучу... Выходи...

Высокій, сильный гимназистъ, прозванный «отчаяннымъ», принялъ вызовъ при громкихъ крикахъ раздѣлившагося на двѣ партіи класса. Но въ эту самую минуту вмѣстѣ съ инспекторомъ вошелъ директоръ, попросту называемый

гимназистами «метелкой» за его педантизмъ и чисто-нѣмецкую выправку и точность.

— Молодцы! — сказалъ онъ. — Хороши!.. Черемисовъ! подите сюда!

Черемисовъ вышелъ.

— Это, конечно, ваши фокусы... съ г. учителемъ?

— Не мои.

— А чьи же, господинъ Черемисовъ?..

— Не знаю!

— Не знаете?

— Не знаю, Иванъ Ивановичъ.

— Еще разъ, не знаете, г. Черемисовъ?

— Еще два раза, не знаю, г. директоръ!—отвѣчалъ, подергивая насмѣшливо губами, Глѣбъ.

— Дерзкій мальчикъ! Васъ высѣкутъ.

— Сѣките, но я доносчикомъ не буду,—проговорилъ Глѣбъ, блѣднѣя и глядя въ упоръ на «метелку» сверкающими глазами.

Ребровъ стоялъ тутъ же, разстроенный, смущенный и, казалось, еще болѣе сгорбленный. Его, повидимому, терзало сознаніе безсилія помѣшать этой сценѣ. Онъ зналъ, что Черемисовъ не могъ сдѣлать шалости съ учителемъ, и онъ, какъ Пилатъ, долженъ былъ, умывъ руки, отдать мальчика на закланіе.

При послѣднихъ словахъ Глѣба, директоръ, обыкновенно хладнокровный, вышелъ изъ себя.

— Verfluchter Knabe! Розогъ сюда!

Глѣбъ побѣлѣлъ еще больше и только съ укоромъ взглянулъ на Реброва. Ребровъ отвернулся отъ этого взгляда и закашлялся. Богъ знаетъ, что въ эти минуты происходило у него въ душѣ, но у него было на рукахъ большое семейство... Онъ вспомнилъ о томъ, что директоръ ищетъ только случая придраться къ нему, вспомнилъ о своемъ здоровьѣ, о нѣсколькихъ оставшихся годахъ до пенсіи и хотѣлъ-было уйти изъ класса.

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, пожалуйста, останьтесь!— остановилъ его директоръ.—Вы всегда защищали этого господина. Полюбуйтесь имъ!

Инспекторъ остался.

Когда принесли розги, «отчаянный» вышелъ изъ-за скамейки и сказалъ, что Черемисовъ не виноватъ, а виноватъ онъ, и что готовъ лечь подъ розги.

— Вотъ видите!—весело замѣтилъ инспекторъ.

— Я вижу только, что этотъ дерзкій негодяй увертливъ, какъ угорь.

Послѣ длинной (и, по совѣсти сказать, скучной) рѣчи любившаго говорить директора, розги были унесены, «отчаянный» отправленъ въ карцеръ, а Черемисовъ предупрежденъ, что за свои «дерзости» онъ при слѣдующемъ проступкѣ будетъ исключенъ изъ гимназіи.

— Вы строптивы, г. Черемисовъ, а строптивость—родоначальница всѣхъ золъ... Я строптивыхъ не люблю!—заключилъ рѣчь свою г. директоръ.

Съ этого самаго дня началось сближеніе инспектора съ Глѣбомъ. Инспекторъ звалъ Глѣба къ себѣ, и Глѣбъ нерѣдко проводилъ праздники въ семействѣ инспектора. Самъ Ребровъ привязался къ непокорному отроку, какъ къ сыну; давалъ ему книги, возилъ съ собою въ театръ, занимался съ нимъ математикой, которую особенно любилъ. Скоро директора смѣнили, назначили другого, и инспектору не приходилось играть двусмысленной роли. Ему дана была полная свобода дѣйствій, и скоро среди гимназистовъ онъ пріобрѣлъ сильную любовь. Справедливость его вошла въ поговорку.

Но дни его были сочтены. Чахотка приходила къ концу. Какъ вчерашній, припомнилъ Черемисовъ тотъ послѣдній вечеръ, который ему—уже гимназисту шестого класса—довелось провести съ Ребровымъ. Онъ былъ особенно возбужденъ, много говорилъ, шутилъ съ женою и дѣтьми, разсказывалъ про свою молодость, про знакомство съ Бѣлинскимъ, съ Полевымъ.

— Ваша дорога лучше нашей,—говорилъ старый инспекторъ.—И учиться, и дѣйствовать вамъ будетъ свободнѣе. А наше время было тяжелое, мрачное время: много нужно было воли, чтобъ не свихнуться, не пасть и не сдѣлаться мертвымъ буквоѣдомъ. Мы вамъ расчистили дорогу, теперь ваша очередь прокладывать ее дальше. Не поминайте же лихомъ насъ, стариковъ, потерявшихъ въ бою если не жизнь, то здоровье...

Тутъ съ инспекторомъ сдѣлался страшный припадокъ кашля. Жена испуганно посмотрѣла на мужа и ушла съ дочерьми за каплями. Глѣбъ хотѣлъ-было бѣжать за докторомъ.

— Останьтесь со мной,—какъ-то особенно ласково заговорилъ Ребровъ, кладя руку на плечо Черемисову.—Докторъ не поможетъ: чахотка въ исходѣ...—улыбнулся инспекторъ.—Я конца давно жду. Слава Богу, до пенсіона

дотянулъ... Подвиньте-ка меня къ окну... Что-то худо мнѣ... Отворите окно...

Глѣбъ, глотая слезы, отворилъ окно и придвинулъ кресло. Онъ едва сдерживалъ рыданія. Чудный іюньскій вечеръ дышалъ ароматомъ зелени и цвѣтовъ въ саду, подъ окномъ. Инспекторъ жадно впивалъ душистый воздухъ и, замѣтивъ слезы на глазахъ юноши, полушутя сказалъ ему:

— А многіе считаютъ васъ злымъ... слѣпые! Не плачьте, юный другъ. Старое старится, молодое растетъ. Будьте честны, глядите въ глаза правдѣ, золотому тельцу не поклоняйтесь, и вы будете умирать спокойнѣе меня... Я васъ полюбилъ съ того дня, какъ эта глупая исторія изъ-за фалдъ была—помните? Вы еще ребенкомъ были тогда, а показали характеръ не хуже взрослаго. Но только вы съ такимъ укоромъ взглянули на меня, другъ мой... А у меня семья и... бѣдность!

Глѣбъ рыдалъ горючими, ребячьими слезами.

Пришла жена и дочери. Больному дали лѣкарства. Онъ улыбнулся своей кроткой улыбкой, сказалъ, что стало легче, и нѣжно поцѣловалъ жену и дѣтей. Въ комнатѣ была зловѣщая тишина. Только въ окно доносились далекіе звуки чьей-то звонкой, веселой пѣсни.

— Вотъ и легче дышится. Не бойтесь, дѣти! А гдѣ Глѣбъ? Онъ тутъ?

Глѣбъ подошелъ къ инспектору, который положилъ свою руку ему на голову.

— Экая горячая голова!—улыбнулся инспекторъ.—Не безъ бурь проведетъ она жизнь!

Снова припадокъ кашля повторился сильнѣе. Пришелъ докторъ, за которымъ тихонько послала жена инспектора. Онъ взглянулъ на больного, послушалъ грудь, сжалъ губы и солидно покачалъ головой. Дочери рыдали. Жена ловила въ глазахъ доктора лучъ надежды...

Докторъ опять серьезно свелъ брови, прописалъ капли и ушелъ, не сказавъ непріятнаго слова.

— Прощайте... конецъ пришелъ, — коснѣющимъ языкомъ проговорилъ больной.

Жена и дѣти стали на колѣни вокругъ умирающаго. Черемисовъ рыдалъ.

— Любите мать свою... будьте честны... Глѣбъ тутъ? Скажи товарищамъ, что я любилъ ихъ... Прости, Лидія... дѣти, прощайте... Навѣщай жену, Глѣбъ!

Еще припадокъ удушья, еще послѣдній крикъ: «воздуху, воздуху!!»—и стараго инспектора не стало.

Трудно переживалъ эту потерю Глѣбъ. Воспоминаніе объ этомъ другѣ юности еще и теперь растравляетъ старую сердечную рану.

V.

Гимназическій курсъ конченъ. Цѣль впереди—университетъ. На пути Глѣбъ завернулъ домой. Опять знакомый городокъ на Волгѣ ясно рисуется передъ Черемисовымъ. Стоялъ жаркій іюльскій день. Городокъ словно вымеръ. На улицѣ ни души; только свиньи, куры да гуси лѣниво бродили у заборовъ. Даже деревья печально свѣсили свои листья, точно млѣя подъ невыносимымъ зноемъ. Вотъ и хроменькій домишко въ пыльномъ, кривомъ переулкѣ; знакомая калитка со старой щеколдой. Мертвая тишина царила въ домикѣ, когда вошелъ Глѣбъ. Всѣ спали, кромѣ кухарки, не замѣтившей гостя и лѣниво перебиравшей въ кухнѣ какую-то рухлядь. И мебель, казалось, встрѣтила гостя нерадостно, точно говорила: чего пришелъ? Развѣ не видишь, что мы постарѣли и сдѣлались совершенными калѣками? И неизбѣжная герань на окнахъ какъ-то пожелтѣла, осунулась... И котъ, дремавшій посреди комнаты, глядѣлъ совершеннымъ старикомъ...

Въ грустномъ расположеніи духа присѣлъ Глѣбъ къ окну и тупо глядѣлъ на дворъ, гдѣ въ навозѣ бойко возился пѣтухъ. Изъ сосѣдней комнаты доносился храпъ отдыхавшей семьи, прерываемый оханьями, вздохами и икотой.

Долго просидѣлъ такъ Глѣбъ.

Не особенно была радостна встрѣча его съ семьей. Онъ увидѣлъ старый содомъ: постарѣвшую мать, нерѣдко прибѣгавшую къ водочкѣ, отца, окончательно спившагося (его выгнали изъ службы, и онъ чуть не христарадничалъ), братьевъ-писцовъ въ губернскомъ правленіи, умѣвшихъ ловко прятать гривенники, и сестеръ, которыя такъ и глядѣли публичными женщинами. Крѣпко призадумался Глѣбъ, и не юношескою ненавистью сверкнули его глаза. Онъ отдалъ матери прикопленные имъ въ гимназіи отъ уроковъ пятьдесятъ рублей и рѣшилъ черезъ нѣсколько дней пробраться въ Петербургъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ?—закричали всѣ родные.

— Оставайся здѣсь! — строго сказалъ отецъ. — Посту-

пишь на службу, дадутъ жалованье, помогать намъ будешь...

— Я, батюшка, учиться еще долженъ. Послѣ больше помогу. Я въ Петербургъ черезъ три дня поѣду!

— А этого хочешь?—началъ-было старикъ, показывая сыну ослабѣвшій, нетвердый кулакъ.

— Папенька, — задумчиво проговорилъ Глѣбъ: — я не ребенокъ и кулаковъ не боюсь. Развѣ такъ лучше жить?..

Всѣ недоумѣвали. Старикъ понурилъ голову.

— Развѣ лучше этакъ безобразничать! — повторилъ сынъ.—Не удерживайте меня здѣсь, папенька... я не останусь...

— Иди, Глѣбъ, иди!..—покорно отвѣтилъ старикъ.

— И знаете еще, что я вамъ скажу,—нѣжно говорилъ Глѣбъ, оставшись глазъ-на-глазъ съ отцомъ:—не бейте мать. Вы ее совсѣмъ забьете.

Старикъ что-то хотѣлъ сказать, но точно подавленное рыданіе застряло въ горлѣ, и онъ только махнулъ рукой.

— А сестры что?—продолжалъ онъ.—Развѣ только по вечерамъ на улицѣ хлѣбъ доставать?..

— Капиталу нѣтъ, Глѣбушка... Если бы да капиталъ...—оправдывался старикъ.

— Господи! Да развѣ я смѣю винить васъ!—съ отчаяніемъ крикнулъ Черемисовъ.—Я понимаю, что и вамъ тяжело...

У старика градомъ закапали слезы. Сынъ съ воплемъ боли припалъ къ его изможденной рукѣ.

VI.

Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ съ обратными, но только черезъ недѣлю добрался Глѣбъ до Москвы, а оттуда въ Петербургъ, имѣя при въѣздѣ своемъ въ столицу пять рублей. Словно огромная пасть калильной печи, готовой поглотить массу мѣди и чугуна, встрѣтила столица новаго пришельца. И душно показалось ему, послѣ береговъ Волги, въ этой горячей пасти большого города. Непривѣтливо глядѣли на него вверхъ вытянутые дома и обжигали его пекломъ, словно совѣтуя не подходить близко. «Эка жарень,—раздумывалъ новый гость, шагая по улицѣ съ легкимъ узломъ за спиной, на подобіе ранца. — Встрѣчаетъ Петербургъ не радушно; ни тѣни нигдѣ, ни прохлады!»—улыбался Глѣбъ, поправляя свои непокорныя кудри подъ

пуховой шляпой и оглядывая блестящіе магазины. Въ тотъ же вечеръ онъ разыскалъ товарищей по гимназіи, у которыхъ и пріютился на первое время; затѣмъ, не долго думая, онъ взялъ предложенную ему переписку для существованія впредь до болѣе выгодной работы. Въ августѣ онъ поступилъ въ университетъ.

Не безъ борьбы, не безъ лишеній проходили университетскіе годы; приходилось въ одно время и учиться, и искать себѣ кусокъ хлѣба. Случалось, что и занятія не шли на умъ въ сырой, нетопленной комнатѣ, на тощій желудокъ...

И снова пронеслись въ памяти Черемисова эти годы, хорошіе годы, несмотря на частыя лишенія. То было время надеждъ и порываній, жилось полнѣй, ждалось веселѣй. Утромъ лекціи, затѣмъ хожденіе на урокъ, вечера за работой, или въ кругу рьяной молодежи за спорами, за рѣшеніями всевозможныхъ вопросовъ... И улыбнулся теперь Глѣбъ, вспоминая эти рѣшенія. Часто въ нихъ было много юношескаго, невыработаннаго, но все это было честно, искренно... Тогда не было (какъ теперь) жаркихъ бесѣдъ объ окладахъ, начиная съ тысячи. Время было не то. Оклады отходили на задній планъ, а впереди было безкорыстное стремленіе служить всему честному, хорошему... Гдѣ эти стремленія и гдѣ служители?.. — пронеслось въ головѣ у Черемисова. Стремленія видоизмѣнились; болѣе пылкіе служители сошли со сцены; болѣе уживчивые успокоились, а большинство поплыло за волной, выкатившей несмѣтное количество концессіонеровъ, судей, журналистовъ, адвокатовъ, директоровъ, сыроваровъ, обрусителей, словомъ — всевозможныхъ дѣятелей, сотворившихъ себѣ кумиръ изъ золотого тельца или изъ выѣденной скорлупки. Къ тому же и литература тогда имѣла воспитательное значеніе. Связь литературы съ обществомъ не порвалась; молодежь съ такою же жадностью бросалась тогда на выходившія книжки журналовъ, съ какою теперь безбородый адвокатъ бросается на первую денежную «практику».

Среди напряженной дѣятельности не забывались и занятія. Черемисовъ усиленно работалъ, считался надеждой профессоровъ и въ кругу товарищей пользовался репутаціей дѣльнаго математика. Опять улыбка пробѣжала по губамъ Глѣба. Что̀ сталось съ этими надеждами?.. Вмѣсто каѳедры онъ ѣдетъ въ Грязнополье на урокъ.

Среди разныхъ лицъ, друзей, пріятелей, знакомыхъ, передъ Черемисовымъ встаетъ мощная, неуклюжая, высокая фигура стараго профессора-математика. Онъ походилъ на слона; былъ неповоротливъ, тяжелъ, страненъ, грубъ, читалъ лекціи подчасъ апатично; но иногда задавались часы, когда, обобщая математическіе законы, этотъ слонообразный великанъ, метая молніи изъ умныхъ, маленькихъ глазъ, охватывалъ міровые законы механики, раскрывалъ связь явленій и, увлекаясь все болѣе и болѣе, развертывалъ передъ слушателями грандіозную картину небесныхъ явленій и велъ ихъ дальше и выше. Захватывалось дыханіе, и пробѣгалъ трепетъ въ сердцахъ молодыхъ студентовъ. Они глядѣли на этого слона, боясь проронить слово, и трепетно ждали новыхъ обобщеній.

Случалось часто, что профессоръ вдругъ умолкалъ. Грустная, ироническая улыбка вдругъ являлась на лицѣ его. Глаза тухли. Блескъ смѣнялся апатіей. Казалось, онъ перерождался въ эти минуты и говорилъ съ оттѣнкомъ добродушнаго юмора:

— Эка, куда забрели... Зачѣмъ это вамъ? Все равно придется по праздникамъ съ поздравленіями ѣздить, а не вычислять параллаксъ Венеры... Съ параллаксомъ хлѣба не будетъ... Давайте-ка лучше дифференцировать, хлопцы...

А вотъ и другой образъ напрашивается на воспоминаніе—образъ стараго бездомнаго отставного учителя исторіи, сѣдого, какъ лунь, съ строгими чертами, длинной бѣлой бородой и безконечно ласковыми глазами. Знакомство съ нимъ свелось какъ-то случайно, и какъ же радъ былъ этому знакомству Глѣбъ! Странный былъ этотъ старикъ: жилъ онъ въ бѣдной квартиркѣ отшельникомъ, рѣдко выходилъ изъ дому, вѣчно занимался, читалъ и много писалъ... Молодые годы онъ провелъ далеко отъ Петербурга въ ссылкѣ, и только на старости лѣтъ удалось ему вернуться сюда. Необыкновенной любовью къ людямъ, отсутствіемъ всякаго эгоизма отличался этотъ старикъ, дитя въ практической жизни; только лѣнивый не надувалъ его, и, когда замѣчали о томъ молодые его друзья, онъ какъ-то шутливо-грустно кривилъ губы и говорилъ: «пусть!» Онъ писалъ какое-то длиннѣйшее изслѣдованіе, но не рѣшался показать его раньше конца...

И вспоминаются Черемисову долгіе зимніе вечера въ этой комнаткѣ и живыя бесѣды стараго отшельника, въ

которыхъ было столько любви, огня и прощенія. Съ какой-то евангельской простотой относился онъ ко всѣмъ и терпѣть не могъ хвастовства и тщеславія, въ какихъ бы формахъ они ни проявлялись.

— Берегись этого!—говорилъ старикъ (любимцамъ онъ говорилъ «ты»).—Не называй людей поспѣшно подлецами, а называй слѣпцами. Не кичись знаніемъ, не дѣлай изъ него капища, а пуще того торжища, на которомъ за тысячу серебренниковъ продаютъ истину.

И когда старикъ бывалъ въ духѣ (что̀ было почти постоянно), онъ объяснялъ историческія явленія оригинальнѣйшимъ образомъ, открывая при этомъ сокровища знаній политической экономіи, литературы и исторіи.

— Настанетъ время, — говорилъ онъ, и сипловатый голосъ его звучалъ какъ-то пророчески:—настанетъ время, хоть и не скоро, когда общества перестанутъ дѣлиться на враждебные лагери, и трудъ человѣческій не станетъ питать однихъ избранныхъ, званыхъ. Ваше дѣло работать въ пользу этого времени и передать дѣтямъ любовь къ нему, чтобы внуки наши, или правнуки могли сказать: отцы наши послужили истинѣ!

И какъ вѣрилось этимъ словамъ! И какъ хотѣлось молодымъ людямъ сослужить эту службу!

Этотъ старикашка, котораго не сломили ни лишенія (которыя онъ терпѣлъ постоянно), ни бездомство, и который во всю свою жизнь на пядь не отступилъ отъ своихъ убѣжденій и не боялся никого, былъ однако же совершенно въ рукахъ старухи-кухарки, которой даже слегка и побаивался. И часто, бывало, когда, оживленный своей рѣчью, онъ, при свѣтѣ крадущагося дня, бойкой кистью дорисовывалъ своимъ друзьямъ какую-нибудь историческую картину,—Анисья (такъ звали его кухарку) безцеремонно прерывала старика:

— Ну, полно, полно... Наболтались! Пора и спать, вишь, день на дворѣ. Маршъ, молодцы, по домамъ!

И старикъ робко умолкалъ, мигая на Анисью, и, прощаясь съ молодыми пріятелями, замѣчалъ:

— Надо ей покориться. Она меня въ тяжелые годы пріютила и одна не оставила. Боится, видите ли, что захвораю...

И старика нѣтъ на свѣтѣ. Умеръ онъ и передъ смертью сошелъ съ ума и въ это время сжегъ всѣ свои рукописи. Хоронили старика молодые друзья и Анисья. Анисья

плакала, какъ полоумная, и, схоронивъ своего «ангела-человѣка», пріютилась въ богадѣльнѣ...

А надежды одна за другою подкашивались. Въ обществѣ измѣнилось настроеніе. Мечтатели превращались въ практиковъ. Большинство заговорило о порядкѣ и благочиніи; вопросы совѣсти стали низводить на вопросы «будки», вопросы науки—на вопросы объ узкоколейныхъ дорогахъ. Литература допѣвала лебединую пѣснь воспитательнаго значенія; вмѣсто статей явились уставы, вмѣсто вопросовъ—проекты коммерческихъ банковъ.

Пришлось Глѣбу на время оставить Петербургъ.

Прошло два года, какихъ-то тупыхъ, сонныхъ два года. Опять Глѣбъ въ Петербургѣ. Но много воды утекло въ это время. Многихъ знакомыхъ людей не было; старые профессора смолкли; часть прежней молодежи куда-то скрылась и разбрелась, остальная бросилась на оклады, «кліентовъ» и предпріятія. Литература пережила время разработки банковыхъ и иныхъ уставовъ. Рѣчь ея стала безсмысленнѣй, хотя и была изукрашена цифрами и выкладками.

Кандидатскій экзаменъ сданъ. Глѣбъ стоялъ на распутьѣ. Трудолюбивый, энергичный работникъ предлагалъ себя обществу. Какъ же оно его приняло?

А вотъ какъ.

На первыхъ же порахъ Глѣбъ поступилъ на заводъ помощникомъ бухгалтера. Заводъ большой, рабочихъ много. «Что же я буду только возиться съ цифрами!—подумалъ Глѣбъ.—Стану-ка вечера отдавать рабочимъ!» Сталъ онъ ихъ учить. Сначала ходило мало, потомъ больше. Училъ онъ, какъ умѣлъ, просто съ желаніемъ быть понятымъ. Заинтересовались. Заинтересовался и хозяинъ завода. Пришелъ въ классъ и потомъ насупился.

— Отчего вы своимъ дѣломъ не занимаетесь?

— Занимаюсь.

— Принесите книги.

Посмотрѣли, книги бухгалтерскія исправны.

— Зачѣмъ вы уроки даете?

Глѣбъ объяснилъ. Далось разрѣшеніе. Удовлетворились. Видятъ, рабочіе меньше пьянствуютъ. Дѣло пошло на ладъ. Пригласилъ Глѣбъ знакомаго доктора и еще кой-кого. Кажется, всѣмъ бы радоваться? Нѣтъ. Опять призываютъ Глѣба.

— Отчего вы своимъ дѣломъ не занимаетесь?

— Занимаюсь.

— Покажите книги!

Осмотрѣли, исправны.

— Но вы рабочихъ развращаете!

— Чѣмъ, помилуйте?

— Вы имъ объясняете, что выгодно работать на себя.

— Да помилуйте... развѣ въ томъ, что дважды два...

— Я ариѳметику знаю и безъ васъ и въ доказательство могу сказать вамъ, сколько вамъ слѣдуетъ получить жалованья за 15 дней, то-есть до перваго, такъ какъ съ этого числа вы свободны.

Не одинъ такой примѣръ припомнился Глѣбу. Думалъ онъ идти прямо и скоро пришелъ къ убѣжденію, что не всегда прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками.

Въ одинъ изъ осеннихъ дней, возвратясь съ дальняго урока, Глѣбъ нашелъ у себя письмо съ черною печатью. Въ письмѣ мать увѣдомляла о смерти отца и звала скорѣй пріѣхать. Глѣбъ поѣхалъ, привезъ съ собой мать и пріютилъ ее. Старуха, на закатѣ жизни, нашла, наконецъ, тихій уголъ, жизнь безъ брани, побоевъ и упрековъ.

Опять уроки, чтеніе, уроки и жизнь въ маленькомъ пріятельскомъ кругу.

А молодая сила рвалась наружу и, казалось, могла бы горы сдвинуть. Да и сдвигались горы въ воображеніи. Какихъ только картинъ не рисовала задорная молодость. Какихъ только мечтаній не лелѣялось ею.

Мечты разбивались. Безумецъ снова шелъ за ними, опять ускользали онѣ, и онъ въ концѣ концовъ оставался безъ положенія, безъ профессіи, безъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни.

И что всего хуже: ни сознанія полезности, ни личнаго счастья—ничего!..

«Хорошо ученымъ, — размышлялъ онъ.—Они замкнутся въ кабинетѣ, глядятъ на міръ объективнымъ окомъ и жизнь кладутъ въ науку. Хорошо писателю,—онъ внутренній міръ свой, свои воззрѣнія высказать можетъ... А нашъ братъ, обыкновенный смертный, человѣкъ толпы?.. Что онъ, если голова работаетъ, не срослась съ желудкомъ и не увлеклась окладами?»

А нужные люди въ дальнемъ углу говорили безъ умолку о водопроводахъ. Глѣбъ въ душѣ пожелалъ имъ всѣхъ

благъ, закрылъ глаза и скоро заснулъ подъ журчанье будущихъ фонтановъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ.

VII.

Послѣ четырехъ сутокъ ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ, перенесшимъ Черемисова изъ петербургскихъ болотъ въ теплыя южныя степи, дышавшія ароматомъ свѣжихъ сочныхъ травъ, рано утромъ, на пятый день, поѣздъ пришелъ въ Грязнополье.

«Городокъ красивый!» — сказалъ Черемисовъ, оглядывая съ платформы раскинувшійся на склонѣ горы небольшой городокъ, весь укутанный зеленью и цвѣтами распустившихся грушъ, яблонь и сливъ. Справа—стальной узкой лентой, сливаясь съ бархатнымъ ковромъ зелени, вилась рѣчка, пробѣгая подъ самымъ городомъ; сейчасъ, рукой подать, у вокзала, раскинулась тѣнистая роща, еще не вырубленная для растопки локомотива, откуда доносился свистъ птицы, точно негодующей на глухое ворчанье паровика, выпускающаго пары. Утро стояло прелестное.

Полюбовавшись городомъ, Черемисовъ собирался уже уходить съ платформы, какъ вдругъ обратилъ вниманіе на торопливо проходившаго молодого человѣка въ форменной фуражкѣ служащихъ при желѣзной дорогѣ, который низенькимъ теноркомъ отдавалъ какое-то приказаніе кондуктору. Голосъ и фигура молодого человѣка показались знакомыми Глѣбу. Въ его памяти пронеслось знакомое, веселое лицо пріятеля. «Не можетъ быть!»—подумалъ Черемисовъ. Въ это время форменная фуражка повернулась.

— Крутовской!—крикнулъ Глѣбъ.

— Черемисовъ!

Молодые люди обнялись.

— Какъ я радъ! — скороговоркой заговорилъ Крутовской.—Какъ радъ!—повторилъ онъ, снова пожимая руки Глѣба и оглядывая его бойкими, небольшими черными глазами.—Не измѣнился, только борода отросла... А вѣдь четыре года не видались!

— А васъ, Крутовской, трудно узнать! Похудѣли, видно кормы плохи. Взглядъ тотъ же! — прибавилъ Глѣбъ. — Глаза попрежнему бѣгаютъ, какъ мышата.

— Похудѣешь,—улыбнулся Крутовской: — дежуря по суткамъ на станціи; я служу здѣсь, какъ видите по фуражкѣ, багажнымъ кассиромъ... Поскитался-таки... Чере-

десять минутъ я свободенъ и тащу васъ къ себѣ пить чай... Впрочемъ, главнаго не спросилъ,—вы не дальше?..

— Нѣтъ.

— Остаетесь здѣсь?—обрадовался Крутовской.

— На цѣлый годъ. Пріѣхалъ обучать одного юношу.

— И прекрасно, значитъ, ко мнѣ! Я вотъ только кончу свои государственныя соображенія насчетъ составленія поѣзда. Идите въ вокзалъ и ждите меня!—оборвалъ Крутовской и торопливо пошелъ отдавать свои приказанія.

Черемисовъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и пошелъ въ вокзалъ.

Глѣбъ зналъ Крутовского давно, еще въ то время, когда онъ, молодой, блестящій офицеръ генеральнаго штаба, бросилъ службу и поступилъ въ университетъ. Отецъ Крутовского, старый боевой генералъ и стоикъ, прервалъ всякія сношенія съ сыномъ послѣ его отставки и не велѣлъ домашнимъ произносить имени Володи. «У меня нѣтъ болѣе сына!»—сказалъ онъ своей дочери, отворачиваясь и хмурясь, чтобы скрыть навернувшіяся, помимо воли его, слезы. «Не говори мнѣ о немъ... Я думалъ, онъ пойдетъ по слѣдамъ отца... будетъ способный, дѣльный офицеръ, а онъ...» Старикъ не докончилъ и заперся въ кабинетѣ, въ томъ самомъ, гдѣ, бывало, за картой, истыканной булавками, онъ съ Володей, еще пажемъ, разбивалъ всѣхъ великихъ полководцевъ отъ Аннибала до Наполеона.

Съ тѣхъ поръ блестящій офицеръ сталъ кое-какъ перебиваться уроками и статейками. Занимался онъ недурно, но неусидчиво; онъ больше все схватывалъ, чѣмъ изучалъ, все ему давалось легко, но зато и ничего онъ не зналъ основательно. Къ тому же его грызъ литературный червякъ. Онъ началъ со стиховъ и подъ конецъ уже сталъ печатать небольшія критическія статьи въ маленькомъ журналѣ, гдѣ скоро сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, писалъ много и скоро разсказы, статьи, компиляціи. Пріятели уже прозвали его «литераторомъ» и считали, что онъ можетъ быть не безполезнымъ рядовымъ въ литературѣ, какъ въ одно прекрасное утро начинающій литераторъ долженъ былъ оставить Петербургъ . . . . . .

. . . . . .

— Вотъ я и свободный гражданинъ!—весело засмѣялся Крутовской, хлопая по плечу Черемисова.—Ѣдемъ чай пить. Люда дожидается!

— Какая Люда?

— Забылъ сказать, — расхохотался Крутовской.—Людмила Николаевна, моя жена.

— Вы женаты? Вы, непосѣда, безпокойный характеръ?

— Три года, сэръ. Въ Угрюмовѣ (слышали про такой городокъ?) сочетался законнымъ бракомъ. Уже и первенецъ есть...

— А литература какъ?

Крутовской нервно улыбнулся.

— Таланту мало. На большую вещь не хватаетъ.

— Пробовали?

— Пробовалъ и недоволенъ. Или вы забыли меня? Я до сихъ поръ норовлю луну за хвостъ поймать!

— И надѣетесь еще?

— По временамъ.

Черемисовъ умолкъ. Видно было, Крутовскому не по нутру былъ этотъ разговоръ, шевелившій еще не совсѣмъ схороненныя надежды...

— Однако ѣдемъ. Я ѣсть хочу!—замѣтилъ Крутовской.

Пріятели вышли изъ вокзала и поѣхали.

— Эти четыре года, которые я прожилъ въ Угрюмовѣ, таки дали себя знать. Въ этихъ краяхъ, хоть и благорастворенiе воздуховъ и обилiе плодовъ земныхъ, а съ голоду умереть нашему брату, россiйскому caballero съ бѣлыми ручками, весьма незатруднительно. Ну, и изощрялся, какъ бы прокормиться... Впрочемъ, надежда еще не покинула. Еще гложетъ червякъ!—какъ-то печально добавилъ Крутовской.

— Три года, Черемисовъ, какъ зайца травили, и какъ травили! — разсказывалъ Крутовской. — Только-что найдешь кустикъ тѣнистый, расположишься подъ нимъ и даже дерзкую мысль питаешь, что нѣкоторымъ образомъ, какъ россiйскiй гражданинъ, находишься подъ сѣнью законовъ, какъ вдругъ слышишь лай гончихъ, въ образѣ смѣшныхъ угрюмовскихъ обитателей, и крики: ату его, ату!.. Ну, и травили же!.. То зачѣмъ учу попова сына? То какъ смѣлъ тушить пожаръ? То зачѣмъ длинные волосы ношу? Нравится?—смѣялся Крутовской.

— Питались, чѣмъ Богъ пошлетъ?

— Гдѣ уроки, гдѣ сочиненiе прошенiй, у одного сквайра здѣшняго чтецомъ былъ, ну, и сатирическiй элементъ выручалъ, статейки да корреспонденцiи подкармливали. Изъ-за нихъ-то и травля была... умора!

И, говоря объ этой «уморѣ», Крутовской хохоталъ какъ сумасшедшій, точно безъ этой «уморы» жизнь для него представлялась дѣйствительно «глупой шуткой».

— Темпераментъ, какъ погляжу, все тотъ же. Безъ травли вамъ скучно станетъ.

— Именно скучно... Ну, теперь васъ потрошить пора. Гдѣ вы обрѣтались?

— Моя эпопея, Крутовской, видоизмѣненіе вашей. Жилъ въ Архангельской, потомъ кончилъ курсъ, былъ учителемъ, бухгалтеромъ, помощникомъ начальника завода, письмоводителемъ у мирового судьи, гувернеромъ у важнаго сановника, потомъ пріѣхалъ въ Вятскую губернію, оттуда опять въ столицу и...

— Пріѣхали сюда на урокъ? — со смѣхомъ добавилъ Крутовской.

— И пріѣхалъ на урокъ...

— А потомъ опять, что Богъ пошлетъ?..

— Почти что такъ...

— Положенія не имѣете?

— Не имѣю.

— Капиталовъ не копите?

— Не изъ чего!—усмѣхнулся Черемисовъ:—а то бы копилъ.

— Зачѣмъ?

— Нашлось бы зачѣмъ...

— А мы съ Людой не копимъ ничего, кромѣ долговъ, да и тѣхъ скоро не изъ чего будетъ копить! Вотъ и коттеджъ нашъ. Вѣдь картина?

Дрожки остановились передъ калиткой густого сада. Пріятели прошли по аллеѣ межъ яблонь, сливъ, кустовъ жимолости, розъ и малины и приблизились къ небольшому бѣленькому домику съ зелеными ставнями, который совсѣмъ спрятался въ зелени.

Вошли въ небольшую комнату. Убрано бѣдно, нѣсколько напоминало студенческій безпорядокъ, но чистенькія занавѣски на окнахъ и выхоленные цвѣты обличали женскій глазъ. За столомъ шумѣлъ самоваръ, около котораго сидѣла маленькая, бѣлорукая женщина въ сѣренькомъ платьѣ, съ ребенкомъ на рукахъ. При видѣ посторонняго лица, она покраснѣла до ушей и хотѣла уйти.

— Люда, куда бѣжишь? Помнишь разсказы о Черемисовѣ?—остановилъ ее, звонко цѣлуя, Крутовской.—Ну, сей незнакомецъ—онъ самый и есть! Будьте знакомы'

Глѣбъ Петровичъ, Людмила Николаевна! А вотъ и еще особа: тиранъ Сиракузскій нашего дома! Позвольте вамъ представить, Черемисовъ, Алексѣя Владиміровича Крутовского,—говорилъ отецъ, указывая на сынишку.—Несмотря на свои полтора года, этотъ соплякъ, по мнѣнію матери, геніальный ребенокъ! Простите великодушно увлеченіе родительницы и садитесь пить чай!

Маленькая женщина долгимъ, внимательнымъ взглядомъ оглядѣла Черемисова и стала разливать чай.

Людмила Николаевна далеко не была красавицей и съ перваго раза не бросалась въ глаза, но чѣмъ дольше вы на нее смотрѣли, тѣмъ милѣй и симпатичнѣй становилось ея милое, вдумчивое лицо, главнымъ украшеніемъ котораго были большіе, свѣтлые, синіе глаза, никогда, казалось, не лгавшіе и не имѣвшіе нужды глядѣть внизъ. Точно свѣтлое озеро, на днѣ котораго видна каждая песчинка, эти глаза отражали кроткую душу, смягчали ваше душевное настроеніе и точно просили снисхожденія ко всякой божьей твари. Такія маленькія женщины особенно милы съ ребенкомъ; безъ него это не картина, а эскизъ, повѣсть безъ конца, пьеса безъ развязки... Она сперва показалась Черемисову незначительной. Она больше слушала, чѣмъ говорила и, только освоившись съ новымъ лицомъ, рѣшилась заговорить съ Глѣбомъ, гуляя съ нимъ въ тотъ день по саду.

— Какъ вы нашли мужа? Очень онъ измѣнился? Похудѣлъ... поблѣднѣлъ?

— Немножко похудѣлъ.

— Хоть бы вы заставили его лѣчиться. Онъ удивительно безпеченъ, кашляетъ и не лѣчится. Меня онъ не слушаетъ!—покраснѣла Людмила Николаевна.—Вы ему скажите. Скажете?

— Непремѣнно...

— А самая главная его болѣзнь, Глѣбъ Петровичъ,—продолжала она своимъ тихимъ голосомъ, похожимъ скорѣй на шопотъ, ясно глядя въ глаза Черемисову:—это неудовлетворенность жизнью. Иногда онъ такъ хандритъ, такъ хандритъ!—грустно замѣтила Людмила Николаевна и вздохнула.

Цѣлый уголокъ семейнаго гнѣздышка освѣтился Черемисову этими немногими словами.

— И все незадача ему! Въ Угрюмовѣ, напримѣръ, онъ совсѣмъ захирѣлъ: сами знаете, какъ тамъ могли смо-

трѣть на Володю. Пріѣхали сюда, ожилъ онъ—все же городъ! Завели мы съ нимъ столярную мастерскую—Володя въ Угрюмовѣ этому научился и мнѣ отличныя два кресла сдѣлалъ!—дѣла пошли хорошо, опять бѣда—закрыли, сказали, что Володя вредныя идеи проводитъ.

Говоря объ этомъ, Людмила Николаевна какъ-то потупилась и опять сконфузилась, точно ей стыдно стало за людей, которые закрыли Володину мастерскую.

— Однимъ семейнымъ счастьемъ,—какъ-то тихо, задумчиво шептала маленькая женщина:—Володя не удовлетворится. Тянетъ его все куда-то. Иной разъ книгу читаетъ—сердится; музыку слушаетъ,—я люблю играть,—задумается и такой печальный-печальный станетъ!.. А то вернется съ желѣзной дороги,—не по душѣ ему эта служба!—раздраженный такой, блѣдный. Спросишь—не скажетъ, боится, видно, меня огорчить... Душа живая!..

И все о немъ, все о немъ и ни слова о себѣ. «Какъ же она его любитъ!»—подумалъ Черемисовъ.

Что̀ могъ сказать ей Глѣбъ въ утѣшеніе? Неужели рѣзкимъ словомъ еще болѣе разорить и безъ того полуразоренное семейное гнѣздышко? Она видитъ въ своемъ Володѣ идеалъ человѣчества. Пусть видитъ! Она въ восторгѣ отъ его повѣсти. Къ чему разубѣждать? Она влюблена, а онъ?.. Черемисовъ промолчалъ и завелъ разговоръ совсѣмъ о другихъ предметахъ.

Черемисовъ остался обѣдать у Крутовскихъ. За обѣдомъ (обѣдъ былъ плохенькій) Крутовской болталъ безъ умолку, описывалъ нравы Грязнополья, смѣялся и острилъ. Людмила Николаевна была въ восторгѣ, глядя на веселье своего Володи.

— Онъ рѣдко такой веселый!..—замѣтила она за обѣдомъ Черемисову.

— Рѣдкому гостю радъ, Люда. Знаешь ли что, не послать ли намъ за бутылочкой краснаго?..

Людмила Николаевна какъ-то выразительно взглянула на мужа...

— Пошли-ка, Люда...

Людмила Николаевна встала изъ-за стола и кинула взглядъ, выразительно объяснявшій, что послать не на что...

— Полно, полно, Крутовской,—серьезно заговорилъ Глѣбъ:—какія вина!..

— Ну, не надо. А то бы недурно!..

Людмила Николаевна съ благодарностью взглянула на Глѣба, облегчившаго ей рѣшеніе трудной задачи послать за виномъ безъ денегъ.

Послѣ обѣда къ Людмилѣ Николаевнѣ пришли какіе-то дѣвочки и мальчики (ученики ея, какъ объяснилъ мужъ), и она ушла съ ними заниматься, а Глѣбъ съ Крутовскимъ пошли гулять.

— Вотъ и живемъ, какъ видите! — говорилъ Крутовской.—Жена учитъ, я служу на желѣзной дорогѣ, строчу корреспонденціи, да помаленьку адвокатствомъ занимаюсь... Кое-какъ и существуемъ... Матеріалу для корреспонденціи только мало бываетъ. Слава Богу, теперь у насъ скоро земскіе выборы, такъ матеріалъ будетъ. Теперь здѣсь самое горячее время... Избиратели всѣ собрались... шумятъ... Тутъ-то ихъ я и накрою...

— А адвокатство?..

— Разъ защищалъ одного мужика... Оправдали. Теперь у меня дѣльце интересное... Съ однимъ богачомъ процессъ... со Стрекаловымъ...

— Съ моимъ хозяиномъ...

— Какъ?..

— Такъ!—засмѣялся Глѣбъ:—я къ нему пріѣхалъ сына обучать.

— Процессъ интересный съ вашимъ принципаломъ: хотѣлъ по закону рабочихъ надуть. Посмотримъ, какъ вывернется!..

— Не пощадите?—смѣялся Глѣбъ.

— Пощады не дамъ! Только бы наши инженеры не помѣшали! Вѣдь онъ у насъ на дорогѣ подрядчикъ.

— Такъ что вы и мѣстомъ рискуете?

— Рискую, да мнѣ на это наплевать!—весело замѣтилъ Крутовской.—Надоѣло мнѣ это мѣсто, а главное—дѣло-то забористое, ловко, законно подведено-то какъ!

И Крутовской сталъ быстро разсказывать дѣло, дѣйствительно интересное, заранѣе восхищаясь, какъ онъ «наклеитъ носъ» жирному «буржуазу».

Вернулись домой. Черемисовъ было-хотѣлъ ѣхать къ Стрекалову, но было поздно, и онъ остался ночевать. Долго бесѣдовали пріятели. Говорилъ больше Крутовской, разсказывалъ о бывшей мастерской, читалъ отрывки изъ романа, увлекся и тутъ же далъ слово, что кончитъ его скоро и тогда напишетъ новый, мечталъ вслухъ и объ адвокатствѣ и жаловался подъ конецъ на скуку...

Черемисовъ легъ спать, а Крутовской еще пошелъ строчить корреспонденціи. Долго не могъ заснуть Черемисовъ. Онъ все думалъ объ этомъ гнѣздышкѣ, гдѣ случайно сошлись два совершенно различные характера. И ему почему-то стало жаль Людмилу Николаевну.

А Людмила Николаевна тоже не спала. Она тихо, прижавши лицо къ подушкѣ, плакала, но плакала не отъ горя, а отъ радости, что Володя, съ пріѣздомъ Черемисова, перестанетъ хандрить и станетъ веселѣй... «Какая я ему собесѣдница!—подумала она.—Со мной, пожалуй, ему и скучно!»

Крутовской въ это время «продергивалъ» размашистымъ почеркомъ земцевъ и предупреждалъ читателей не вѣрить обѣщаніямъ этихъ «крѣпостниковъ», громилъ «интригановъ» и въ концѣ концовъ подъ вымышленными именами разсказалъ біографіи «претендентовъ» на выборныя должности. Увлекся и кстати обругалъ администрацію желѣзной дороги. «Мѣсто фукнетъ!»—пронеслась мысль. Но Крутовской только улыбнулся и подбавилъ еще жару, обозвавъ желѣзнодорожную администрацію «скопищемъ воровъ на законномъ основаніи». Корреспонденціи вышли пикантныя.

VIII.

Раннее майское утро.

Въ роскошно убранномъ кабинетѣ большого каменнаго дома, на лучшей грязнопольской улицѣ, сидѣли два человѣка: губернскій предводитель, Александръ Андреевичъ Колосовъ, и его интимный секретарь, Иванъ Петровичъ Лампадовъ.

Несмотря на ранній часъ, Колосовъ былъ занятъ. Онъ писалъ за большимъ рабочимъ столомъ, заваленнымъ газетами, журналами и брошюрами.

Колосовъ—смуглый брюнетъ, лѣтъ сорока, съ поношеннымъ, но все еще очень красивымъ лицомъ. Изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей выглядывала пара черныхъ, острыхъ глазъ, освѣщавшихъ лицо умнымъ, чуть-чуть плутоватымъ выраженіемъ; длинные, густые черные волосы были откинуты назадъ, открывая высокій лобъ бронзоваго цвѣта. Во всей мощной фигурѣ Колосова была удивительная соразмѣрность и мягкость формъ: онъ былъ высокаго роста, не толстъ, не худъ, а по-русски плотенъ и широкъ въ костяхъ, и обладалъ солидными, не безъ

изящества, манерами. Складки подъ глазами и двѣ-три глубокія борозды на лицѣ ясно говорили, что Колосовъ на своемъ вѣку пожилъ, побывалъ въ передѣлкахъ, но все это не помѣшало ему съ честью выйти изъ нихъ такимъ солиднымъ и кряжистымъ, какимъ видитъ его читатель...

Совершеннѣйшая противоположность Колосова—Иванъ Петровичъ Лампадовъ. Это—низенькій, невзрачный, рыжеватый господинъ лѣтъ за тридцать, съ робкими, добродушными, маленькими свѣтлыми глазками. Онъ сидѣлъ сбоку у письменнаго стола, пробѣгалъ газету и по временамъ поднималъ острый юркій носъ, взглядывая на Колосова, усердно накидывавшаго четкимъ, крупнымъ почеркомъ какое-то «мнѣніе» на бѣлый листъ почтовой бумаги.

— Будетъ. Усталъ! — произнесъ Александръ Андреевичъ, поднимая голову и выпуская струйку дыма.—Эка, что за дивное утро!... (И онъ полной грудью дохнулъ свѣжаго майскаго воздуха).—Прикажите-ка, Иванъ Петровичъ, перебѣлить, да хорошенько, голубчикъ. Къ министру! — добавилъ онъ, подавая исписанную бумагу.

Колосовъ не говорилъ, а скорѣе пѣлъ тихимъ, задушевнымъ теноромъ и при разговорѣ глядѣлъ на собесѣдника съ такой ласковой серьезностью, что рѣдкому человѣку не чувствовалось съ Колосовымъ, что называется, по себѣ.

Лампадовъ быстро взялъ бумагу и промолвилъ почтительно:

— Слушаю-съ, Александръ Андреичъ!

— Да не откладывайте въ долгій ящикъ работы, о которой я васъ просилъ вчера...

— Будьте покойны, Александръ Андреичъ, въ точности исполню.

— И когда мы составимъ резюме всѣхъ министерскихъ циркулярныхъ разъясненій по земскому дѣлу, мы все это изучимъ основательно и явимся въ собраніе во всеоружіи земскихъ дѣятелей...

При послѣднихъ словахъ Колосовъ ласково подмигнулъ глазомъ и прищурился.

— Они вѣдь ничего не дѣлаютъ, только шумятъ! — прибавилъ Колосовъ, презрительно мотнувъ головой на улицу.

— Черезъ недѣльку все изготовлю-съ. Изъ кожи буду лѣзть.

— Лѣзьте, лѣзьте, Иванъ Петровичъ! («На что же ты больше способенъ?»—договаривали колосовскіе глаза). Зато потомъ отдохнемъ: въ Новоселье поѣдемъ бекасовъ бить. Вѣдь вы у меня незамѣнимый, а?—продолжалъ Колосовъ, ласково трепля Ивана Петровича по колѣнкѣ.—И если, поможетъ Богъ, меня выберутъ, секретарь въ управушкѣ — вы. Кто же другой? А жалованье тамъ, батенька, не наше. Въ представительномъ собраніи,—шутилъ Колосовъ, похлебывая чай:—мало не положатъ, а? Какъ думаете? Можно будетъ тысченки полторы положить, такъ, что ли?

Лампадовъ осклабился и поклонился.

— Что, денегъ не нужно ли? Вы, пожалуйста, безъ церемоніи...

— Благодарю васъ, Александръ Андреичъ, ужъ я и такъ взысканъ вами,—проговорилъ Лампадовъ съ легкой дрожью въ голосѣ.—Изъ вертепа, можно сказать, извлеченъ.

— Полно, полно. Какія тутъ благодарности! Ни вамъ съ нихъ шубы, ни мнѣ рубашки. И вертепы, милѣйшій, лишнее—остатокъ семинаріи. На-те! — добродушно сказалъ Колосовъ, подавая пятидесятирублевую бумажку нѣсколько умиленному Лампадову.—На ваше жалованье не раскутишься. Какъ еще вы ухитряетесь? А доходишки у насъ плохи. Вѣдь плохи, а, мой кабинетъ-министръ?.. Что, матушка здорова?..

— Благодарю васъ, слава Богу...

— Кстати, вотъ новая газета.. тутъ и ваша біографія есть, рядомъ съ моей... Прочтите, что пишутъ!—весело шутилъ Колосовъ, подавая нѣсколько опечаленному Лампадову нумеръ газеты.—Да вы не пугайтесь: не названы по фамиліи, а просто такъ подлецами обругали, безъ фамиліи, — смѣялся Колосовъ. — Это все Крутовской!.. Я скоро доберусь до него, если не кончитъ!—тихо замѣтилъ Колосовъ.—Отсюда можетъ проѣхаться и въ Соловецкій, Богу помолиться... Вѣдь слѣдуетъ грѣхи ему замаливать, почтеннѣйшій?

— Пасквилянтъ-съ!..—сердито отвѣтилъ Лампадовъ.

— Да вы прежде прочтите... не безъ подробностей, каналья, описалъ насъ. И перо рѣзвое... Вы его знаете?

— Какъ же-съ его не знать! Полицеймейстеръ давно на него сердитъ. Всѣмъ извѣстенъ...

— Прессы не любите?.. ха-ха-ха!.. Вѣрно, въ будущемъ нумерѣ и стрекаловская біографія появится... Что, Стрекаловъ хлопочетъ? Слышали что-нибудь?..

— Говорятъ, Александръ Андреичъ, купечество за нихъ. Вчерась собирались у нихъ-съ; банкетъ былъ, разливанное море... цѣлая ихъ партія...

— Партія! Собранія!? А развѣ, Иванъ Петровичъ, допускаются въ предѣлахъ имперіи партіи и скопища?— смѣялся предводитель.—Вы вѣдь законникъ, въ сенатѣ стулъ протерли, пять лѣтъ судились и знаете это лучше меня! У насъ одна партія—вѣрноподданные! И мы партій не потерпимъ, какъ вы полагаете, милѣйшій?—улыбался Колосовъ.—Вѣдь его высокопревосходительство, свѣтлѣйшій князь Сергѣй Николаевичъ Вяткинъ никакихъ партій, кромѣ карточныхъ, не любитъ?.. ха-ха-ха...—заливался Александръ Андреичъ.

— Не любятъ-съ!..—подтвердилъ Лампадовъ.

— А главное,—хохоталъ Колосовъ:—заводы стрекаловскіе идутъ лучше вяткинскихъ, а свѣтлѣйшій до сихъ поръ съ этимъ согласиться не можетъ.

— Туговаты на согласіе-съ!..

— На все свѣтлѣйшій туги. Значитъ, почтенный мой другъ и соперникъ Николай Николаичъ Стрекаловъ, а равно и почтенная супруга его Настасья Дмитріевна не помѣшаютъ вамъ, возлюбленный мой, получать гонораръ въ тысячу пятьсотъ!—добавилъ Колосовъ.

Лампадовъ таилъ дыханье, глядя на своего патрона съ восторженнымъ удивленіемъ.

— Баранье стадо они всѣ, вотъ что!—замѣтилъ Колосовъ.—А вы, Иванъ Петровичъ, куйте желѣзо, пока горячо. Глядите въ оба и работайте, иначе, того и гляди, выберутъ Стрекалова, и ваши полторы тысячи улетучатся. Сегодняшнюю бумагу поторопите, а то и сами перебѣлите. Секретно... Отвѣтъ на министерскій запросъ о школѣ... Который, бишь, запросъ?

— Пятый-съ!

— И, надѣюсь, послѣдній! «Реальная школа, въ виду не вполнѣ благонадежнаго броженія въ умахъ, можетъ оказать вреднѣйшее вліяніе и усугубить мысли, потребностямъ времени не отвѣчающія!» Такъ, что ли, пишется?— смѣялся Александръ Андреичъ, читая свое же «мнѣніе».— Глупо, но сильно! Ха-ха-ха!

Въ кабинетѣ гудѣлъ заразительный хохотъ.

— «И слѣдовательно, — продолжалъ читать Колосовъ, лукаво щуря глаза:—деньги на школу, грязнопольскимъ дворянствомъ пожертвованныя, было бы цѣлесообразнѣе (каковъ слогъ-то, почтеннѣйшій?) употребить на негласныя пособія тѣмъ изъ дворянъ, которые особенно пострадали вслѣдствіе благодѣтельной реформы освобожденія податного сословія». Кстати, сколько употреблено на пособія, Иванъ Петровичъ?

Лампадовъ заморгалъ глазками и быстро отвѣтилъ:

— Десять тысячъ!

— Остается еще сорокъ?

— Съ процентами-съ сорокъ четыре тысячи восемьсотъ девяносто два рубля шестьдесятъ восемь съ половиною копеекъ...

— И полукопейки, варваръ, не забылъ, точно инженеръ, представляющій сомнительную смѣту. Прекрасно!.. Въ отвѣтъ на запросъ сумму проставьте покрупнѣй. Да не забудьте въ концѣ—я и упустилъ это! — насчетъ повѣрки суммъ... Ну, до свиданія... Съ Богомъ, родной!.. На досугѣ прочитайте, какъ насъ съ вами распудрили. Впрочемъ; не бойтесь, этотъ нумеръ въ Грязнопольѣ попридержали. Я ужъ просилъ почтмейстера...

Лампадовъ пожалъ протянутую руку и уже дошелъ до дверей, какъ Колосовъ вернулъ его и тихо спросилъ:

— Чуть-было и не забылъ! Узнавали о Кошельковой?

Лампадовъ мгновенно съежился и безъ пути заморгалъ свѣтленькими глазками.

— Узнавалъ-съ!—произнесъ онъ нерѣшительно.

— Ну, и что же узнали, carissimo? Говорите скорѣй!

— Она дочь портного, живетъ въ Галкиномъ переулкѣ-съ. Заведеніе у нихъ плохенькое-съ, а отецъ, вдобавокъ, пьяница.

— Жаль дѣвушку, жаль!—задумчиво проговорилъ Колосовъ.—Вѣрно, ей дома не масленица!

— Она-съ, какъ я слышалъ, замужъ собирается.

— За кого?

— За подмастерья, у нихъ живетъ. Человѣкъ молодой. Только пока отецъ не согласенъ,—говоритъ: капиталу у жениха нѣтъ.

— И хорошо дѣлаетъ! — живо подхватилъ Колосовъ.— Вѣрно, и женихъ пьянчужка! Вы, Иванъ Петровичъ, какъ посвободнѣй будетъ, разузнайте-ка хорошенько, подъ секретомъ. Дѣвушку-то жаль! Такая молоденькая, худень-

кая! Ее можно бы къ Надеждѣ Алексѣевнѣ въ горничныя пристроить.

— Я узнаю-съ, только врядъ ли она пойдетъ!—быстро замѣтилъ Лампадовъ.

— Лучше же ей горничной быть, чѣмъ драться съ пьянымъ мужемъ и плодить нищую братью! Вы побывайте у нихъ и пришлите отца ко мнѣ. Да смотрите, все это дѣлайте тайкомъ... А то чортъ знаетъ что̀ выдумаютъ; еще въ прессу опять попадемъ!..

— Она жениха любитъ и не пойдетъ жить въ люди!— рѣшительно настаивалъ Лампадовъ.

— Да?—тихо и протяжно процѣдилъ Колосовъ и пристально взглянулъ на Лампадова.

Подъ вліяніемъ этого взгляда маленькіе глазки Ивана Петровича безпокойнѣй забѣгали, точно умоляя не тревожить ихъ; неуклюжія худыя руки безцѣльно ерзали по сюртуку, точно въ немъ искали помощи, и на широкой лысинѣ показались крупныя капли пота.

Чуть замѣтное презрѣніе скользнуло въ колосовскихъ глазахъ, когда они отвернулись отъ зардѣвшагося лица Лампадова. Колосовъ помолчалъ, закурилъ сигару и замѣтилъ:

— Можно ей и лучше партію подыскать и выдать замужъ за порядочнаго человѣка съ хорошимъ приданымъ! Гдѣ-нибудь сколотимъ ей тысченки три! Дѣвушку жаль!— опять повторилъ Колосовъ добродушнѣйшимъ голосомъ.— Вы отца-то пришлите; вѣдь жизнь ихъ не на розахъ, милѣйшій мой. Такъ-то-съ!

И, ласково потрепавъ по плечу Лампадова, Колосовъ снова пожалъ ему руку и раскланялся.

«Робость—большой порокъ! ну, чего я сробѣлъ!? Что̀ подумаетъ Александръ Андреевичъ?—пробѣжало въ головѣ у Лампадова за дверями колосовскаго кабинета.—А горничной ей быть невозможно... пропадетъ! Эка, что̀ запустилъ: съ небольшимъ приданымъ! Въ мой огородъ! Думаетъ, судился, такъ на все готовъ?.. Понравилась, такъ спуску не дастъ!—думалъ Лампадовъ, и его добродушные глазки усиленно моргали, словно изыскивали средство помѣшать намѣреніямъ предводителя.—Память геніальная! Думалъ — забылъ? Нѣтъ, шалишь! А какъ тайну эту узнаетъ пасквилянтъ да въ газету, что̀ тогда?»— улыбнулся не безъ злости Лампадовъ...

Иванъ Петровичъ такъ былъ занятъ послѣдней мыслью.

что забылъ о своей біографіи и, шагая по улицѣ съ опущенной внизъ головой, не замѣтилъ, какъ изъ растворенного окна маленькаго домика одного изъ грязнопольскихъ переулковъ высунулась старушечья голова и окликнула его по имени.

— Иль очумѣлъ!—громко крикнула старуха.—Иванъ Петровичъ... Ваня! Самоваръ кипитъ!

— Иду, маменька! — очнулся невзрачный человѣчекъ и вошелъ въ свою квартирку.

IX.

Колосовъ молча шагалъ по кабинету, временами улыбался и щелкалъ пальцами; вѣроятно, размышленія его были пріятныя, потому что, садясь къ столу, онъ громко засмѣялся, прибавивъ вслухъ: «О, дураки!»

И написалъ слѣдующее письмо:

«Вчера, любезный братъ Павелъ Андреевичъ, получилъ твое письмо, извѣщающее о намѣреніи Мухина подать мой вексель въ 10.000 ко взысканію; прошу тебя во что бы то ни стало уговорить Мухина подождать, а если эта свинья останется къ твоимъ рѣчамъ глуха, чего я весьма опасаюсь, то—coûte que coûte—постарайся достать сколько-нибудь денегъ, чтобы заткнуть эту ненасытную глотку. У васъ въ Москвѣ достать денегъ легче, а здѣсь я по уши въ долгахъ; ради Бога похлопочи, такъ какъ иначе—въ случаѣ описи Новоселья—скандалу обрадуются мои здѣшніе враги, и будетъ не ладно. А дѣла мои, я сильно надѣюсь, поправятся, когда меня выберутъ въ предсѣдатели; а что выберутъ, въ этомъ почти не сомнѣваюсь, ибо съ нашими олухами ладить не трудно, особливо если кормишь ихъ до отвалу, хотя, знаю, они же меня и ругаютъ. Тѣмъ не менѣе эти болваны у меня въ рукахъ, и я стукаю ихъ лбы другъ о дружку такимъ незамѣтнымъ образомъ, что въ концѣ концовъ они ко мнѣ же идутъ лѣчить свои шишки. Больше всѣхъ интригуетъ Стрекаловъ; онъ подобралъ серію нашихъ бородатыхъ банкировъ, но полагаю, что если навострить стараго осла князя Вяткина (личнаго его врага), то Стрекаловъ съ банкирами провалятся, какъ черти въ балетахъ. Наши «народники-демократы» тоже не опасны: во-первыхъ, ихъ мало, люди безъ вліянія и такъ звѣроподобно агитируютъ въ пользу «меньшого брата», что грязнопольскіе наши бономы напуганы, полагая, что всѣ ихъ добродѣтельныя

жены немедля обстригутъ волосы и кинутся въ объятія этихъ «смазныхъ сапогъ». А въ случаѣ чего, можно опять приструнить свѣтлѣйшаго и затѣмъ «демократовъ» за ушко, да на солнышко! Затѣмъ остаются крѣпостники pur sang, мечтающіе о возвращеніи вновь рабовъ и рабынь (особливо послѣднихъ). Они бредятъ свѣтлѣйшимъ; я имѣю причины думать, что князь сюда не поѣдетъ (хоть въ Питерѣ онъ и не у дѣлъ, а все же ближе къ солнцу) и всѣхъ этихъ троглодитовъ заставитъ подать голосъ за меня. Voilà où nous en sommes. Поторопись и московскія дѣла поправь, а мы потомъ въ накладѣ не останемся. Лѣтомъ свидимся. Поклонъ женѣ. Надя васъ цѣлуетъ».

— Непремѣнно надо развязаться съ этими проклятыми долгами и жить полегче, en bourgeois! какъ и подобаетъ скромному либералу! — мечталъ Колосовъ, подойдя къ окну.

Мимо проѣзжала коляска.

— И не стыдно!—крикнулъ Колосовъ, посылая самый любезный воздушный поцѣлуй. — Мимо ѣдете и не завернете!

Коляска остановилась.

— Не могу, простите... обѣщалъ къ графу!—проговорилъ молодой человѣкъ изъ коляски.

Колосовъ укоризненно покачалъ головой, словно поступокъ молодого человѣка причинялъ ему кровную обиду.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, обѣдать, mio caro? Молодыя стерлядки, sauce piquant...

— Непремѣнно, дорогой Александръ Андреичъ!

Коляска покатилась.

«И этому молокососу хотѣлось бы меня спустить!— усмѣхнулся Александръ Андреевичъ.—Ругаетъ! Ругать-то, голубчикъ, ругайте, но только не прекращайте платежей! Теперь каждый мыслящій человѣкъ обязанъ быть швейцарцемъ; кто платитъ, тому служи. Я вотъ служу этимъ... (на лицѣ Александра Андреевича явилась самая презрительная гримаса) служу изо всѣхъ силъ, кормлю, пою, «Вѣсть» выписываю, говорю, что у нихъ кровь алая, а у Ѳомки-лакея черная, а имъ все неймется. Колосовъ, молъ, фальшивый человѣкъ! Колосовъ-де подлецъ... Олухи вы, олухи царя небеснаго!»

Опять улыбка застыла на тонкихъ губахъ Александра Андреевича; вспомнилъ онъ, какъ третьягодня раскланивавшійся съ нимъ «молокососъ» сказалъ ему, что «Але-

ксандръ Андреевичъ по нѣкоторымъ вопросамъ self government'а отъ времени отсталъ».—«Болванъ ты, болванъ!—мысленно ругалъ Колосовъ «молокососа», котораго звалъ на стерлядки.—Я отсталъ? Дай мнѣ двадцать тысячъ гонорару, и я впереди всѣхъ васъ пойду; дай тридцать, и я сзади всѣхъ останусь! Точно для тебя, шалопая, не все равно!.. У насъ партіи? Въ Грязнопольѣ?? Передовой или отсталый, красный или бѣлый!? Шутъ гороховый!! А двадцать или тридцать тысячъ разница!..»

— Гриша! — закричалъ Колосовъ и хлопнулъ въ ладоши.

Кабинетъ тихо отворился, и вошелъ камердинеръ Гриша, молодой щегольской лакей, любимецъ барина. Мальчикомъ Гриша попалъ къ Колосову, живетъ у него лѣтъ десять и привязанъ къ барину такъ же, какъ и баринъ къ нему. Въ Гришѣ сказывался типъ губернскаго лакея; онъ зналъ всѣ сплетни, интересныя сообщалъ на сонъ грядущій барину, былъ посвященъ во всѣ домашнія тайны и потому держалъ себя въ домѣ съ заносчивой развязностью; щеголялъ платьемъ съ барскаго плеча, предпочиталъ лиловые и голубые галстуки, носилъ серебряные часы на бронзовой цѣпочкѣ и множество колецъ на пальцахъ. Ко всему этому бѣлокурый, кудрявый, румяный и вѣчно улыбающійся Гриша былъ отчаянный Донъ-Жуанъ и жестокій бичъ горничныхъ и мелкихъ чиновницъ; онъ мастерски покорялъ ихъ сердца и, при случаѣ, на особенно красивую мѣщанку въ бумажномъ платкѣ обращалъ вниманіе барина; умѣлъ во-время заговорить съ нимъ и во-время попросить жилетку. Въ домѣ его звали Григоріемъ Ивановичемъ и побаивались.

— Что, Гриша,—спрашивалъ Колосовъ, натягивая сапоги:—Абрамовъ былъ?

— Былъ-съ, Александръ Андреичъ!

— Ты ему сказалъ, что въ іюнѣ?..

— Сказалъ-съ, только онъ обижается...

— Дуракъ какой... еще обижается...

Гриша засмѣялся.

— Ты чего?—улыбнулся Колосовъ.

— Смѣшно-съ!—скалилъ бѣлые ровные зубы Гриша.

— Что тебѣ смѣшно?

— Да на Абрамова глядя-съ. Онъ вотъ ходитъ изъ дому все за деньгами, а жена его...

— Что?

— Рада-съ... хи-хи-хи...

— Ты, Гриша, опять, а? — проговорилъ, улыбаясь, баринъ. — Нынче за купчихами, бестія, ухаживаешь?.. Сюртукъ!

— Мы-съ и за стрекаловской горничной не зѣваемъ-съ!—разсказывалъ Гриша, пользуясь хорошимъ расположеніемъ барина.

— Смотри, не попадись, дуракъ!..—замѣтилъ баринъ и приказалъ подавать фаэтонъ.—Что, барыня встала?

— Только-что встали. Изволятъ кофе кушать!—совсѣмъ серьезно, съ выправкой фешенебельнаго лакея доложилъ Гриша и вышелъ вонъ.

Александръ Андреевичъ не безъ удовольствія посмотрѣлъ еще разъ на себя въ зеркало, взялъ шляпу, натянулъ на одну руку лиловую перчатку и медленной, солидной походкой, чуть-чуть переваливаясь, вышелъ изъ кабинета поздороваться и проститься съ женой.

А Гриша, сбѣжавъ на дворъ, говорилъ толсторожему, плотному кучеру:

— Смотрите же, Кириллъ Иванычъ, коли будете у Стрекаловыхъ, шепните какъ-нибудь Фіонѣ, чтобъ въ воскресенье безпремѣнно на бульваръ шла... преэкстренное, молъ, дѣло... Подавайте, сейчасъ ѣдетъ.

Кучеръ мотнулъ головой, осклабился, проговорилъ: «злодѣй!»—подобралъ возжи и съ шумомъ выѣхалъ со двора къ подъѣзду.

X.

Надежда Алексѣевна Колосова проснулась раньше обыкновеннаго и протирала заспанные глазки. Потомъ потянулась, вздохнула и задумалась. Ея нѣжное, красивое лицо, подернутое легкимъ румянцемъ, глядѣло невесело, а большіе, влажные, каріе глаза словно говорили: «ахъ, господа, какая тоска!» и словно искали у васъ мягкаго слова участія. Темные, короткіе, подвитые въ локоны волосы падали на лицо, придавая ему почти дѣтское выраженіе. Впрочемъ, Колосова была не первой молодости; нѣсколько морщинокъ на лбу, темноватые круги подъ глазами и чуть замѣтная рыхлость лица—все это вмѣстѣ заставляло ей дать не менѣе тридцати двухъ-трехъ лѣтъ... Тѣмъ не менѣе это была еще очень красивая женщина.

Большіе темные ея глаза были необыкновенно выразительны и по временамъ глядѣли съ такой страстью, на

лицѣ ея въ это время играла такая кокетливая улыбка, а полныя малиновыя губы складывались такъ нѣжно, что старые люди рѣшительно теряли голову, а молодые готовы были на всякія безумства. Надежда Алексѣевна считалась первой грязнопольской красавицей. Стройная, высокая, хорошо сложенная, она рѣшительно возбуждала восторгъ когда, граціозно кланяясь по сторонамъ съ привѣтливой улыбкой, она, роскошно одѣтая, залитая брильянтами (иногда взятыми на прокатъ), входила подъ руку съ красивымъ мужемъ въ залу грязнопольскаго собранія, вызывая шопотъ замѣчаній, что мужъ и жена совершеннѣйшая пара.

Надежда Алексѣевна уныло обвела глазами спальню, уютно убранную красивой мебелью, цвѣтами, статуэтками и прочими бездѣлками, и капризно отвернулась къ стѣнѣ. Снова забродили ея глаза и остановились на большомъ, поразительно схожемъ портретѣ Александра Андреевича во весь ростъ. Надежда Алексѣевна на мгновеніе остановилась на немъ, и на лицѣ ея мелькнуло выраженіе страха и отвращенія.

— Да не могу же я... не могу! Боже! какъ все это гадко!—проговорила она, сдерживая рыданія, и бросилась лицомъ въ подушки.

Черезъ нѣсколько минутъ она утирала заплаканные глаза и позвонила.

Вошла молодая, веселая горничная въ чистенькомъ ситцевомъ платьѣ, съ бойкой улыбкой, задорно вздернутымъ носомъ и ямками на полныхъ розовыхъ щекахъ; она быстро подошла къ постели и поклонилась барынѣ фамильярнымъ поклономъ барской фаворитки.

— Что, Даша, поздно?

— Десять часовъ, барыня.

— Десять? Какъ рано! Плохо мнѣ сегодня спалось, Даша!—задумчиво проговорила Надежда Алексѣевна.— Такая тоска!

— Вы бы меня позвонили, барыня. Я бы васъ развеселила,—прочиликала скороговоркой Даша.

— Развеселила?!—Надежда Алексѣевна горько улыбнулась.—Врядъ ли, Даша!

— И, полноте, барыня. Чего вамъ грустить-то? Кажется, слава тебѣ Господи: всего довольно, домъ полная чаша... жить тутъ только, какъ сыръ въ маслѣ...

— Ты думаешь, въ этомъ счастіе, Даша?

И Надежда Алексѣевна тихо покачала головой.

«Я бѣдна была и знала счастливыя минуты!»—подумала она и сказала:

— Давай-ка, Даша, одѣваться!

Колосова лѣниво поднялась съ постели и, свѣсивши ноги на медвѣжью шкуру, велѣла подать себѣ зеркало; она внимательно разсматривала свое лицо и, улыбаясь, спросила Дашу:

— Очень я постарѣла, Даша?

— Вы-то? Полноте, барыня, что вы!

— Нѣтъ, Даша, не лги, а говори правду. Вѣдь постарѣла?

— Ну васъ, барыня! Если мнѣ не вѣрите, у другихъ спросите!—замѣтила Даша и опустила глаза.

Барыня чуть-чуть покраснѣла, погрозила Дашѣ пальцемъ и шепнула:

— Скоробрешка ты, Даша! Ты думаешь, другіе правду скажутъ?..

— А то какъ же?

— И другіе могутъ обманывать... всѣ они...

Барыня не докончила и стала умываться.

— А ты, Даша, счастлива?—тихо спрашивала Надежда Алексѣевна, плескаясь въ водѣ.

— Какое наше счастье?—засмѣялась Даша.

— Тебя любитъ?—еще тише полюбопытствовала барыня.

— Смѣлъ бы не любить! Развѣ я ему мужнина жена?—вспыхнула горничная.

— А развѣ всѣ мужья женъ не любятъ?—печально усмѣхнулась Колосова.—Отъ этого-то ты и замужъ не идешь?

— Беретъ онъ, беретъ, но только нашей сестрѣ опасно это, бить начнетъ...

— А теперь не смѣетъ?—смѣялась барыня.

— Смѣй только. У самой руки есть!—хохотала Даша, вытягивая здоровую, толстую руку.

— И ты никогда не пойдешь замужъ?

— А Богъ знаетъ, барыня. Состарѣюсь, можетъ, и пойду; не все же по людямъ жить, захочется и своимъ домомъ жить.

— Съ разборомъ иди замужъ, Даша. Это не шутка!—серьезно проговорила барыня.—Не шутка!—прибавила она черезъ нѣсколько времени.

Даша молча подавала юбки.

— А сына давно видѣла, Даша?

— Въ воскресенье!..

— Что, славный мальчишка?

— Ахъ, какой славный, барыня. И когда усмѣхнется, весь въ черноволосаго отца, такой же, подлецъ, ласковый, добрый,—говорила Даша, и на ея свѣжемъ добромъ лицѣ, при воспоминаніи о сынѣ, засвѣтилась такая чистая, хорошая радость, что Надеждѣ Алексѣевнѣ вчужѣ завидно стало.

— Счастливица ты, Даша! А я... я...

И облако печали, пробѣжавъ по лицу ея, сморщило лобъ, насупило брови и вызвало слезы.

Даша ничего не сказала въ отвѣтъ. Она только едва замѣтно улыбнулась съ добродушіемъ няньки, слушающей ребенка, и подумала:

«Ну, тоже и наше счастіе не Богъ знаетъ какое! При счастьѣ не отдала бы Митьку въ чужія руки!»

Скоро Надежда Алексѣевна была готова и, по замѣчанію Даши, одѣта «совсѣмъ превосходно». Посмотрѣвшись въ трюмо, Колосова горько усмѣхнулась и велѣла подавать кофе.

«Сегодня же скажу! Это невозможно, подло, гадко!»—роились одна за другой тяжелыя мысли въ красивой головкѣ Надежды Алексѣевны.

— А мужъ?—шепталъ ей чей-то голосъ.

«Но я его не люблю», — защищалась Надежда Алексѣевна.

— А зачѣмъ же ты десять лѣтъ съ нимъ прожила?—невольно являлся роковой вопросъ.

«Я слабая женщина... я...»

— И другихъ въ это время любила же?—опять нашоптывалъ въ самое сердце неотвязный голосъ.

Нѣсколько времени она сидѣла, закрывъ глаза. Наконецъ порывисто встала и заходила по комнатѣ. «Сегодня же все покончу!»—Эта мысль придала ей бодрости и силы; въ этотъ моментъ она была бы готова на такой подвигъ: грудь ея тяжело дышала, глаза блистали, и энергія ярко свѣтилась въ ея глазахъ; она была хороша въ эту минуту. Но минута прошла, шквалъ пронесся далѣе, и передъ вами было снова слабое, хрупкое созданіе, въ безсиліи склонившее свою голову на столъ.

Вошла Даша съ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ и,

озираясь, какъ мышенокъ, по сторонамъ, ловко сунула барынѣ записку.

— Приказали въ собственныя ручки отдать, — шепнула она, ласково улыбнувшись, и вышла изъ комнаты.

Надежда Алексѣевна быстро разорвала конвертъ и стала читать письмо.

Выраженіе любви свѣтилось на лицѣ Колосовой во время чтенія; она нѣсколько разъ перечитала письмо (для невлюбленнаго читателя письмо неинтересное), повторяя: «Какой же онъ добрый!..»

«Развѣ уѣхать!—мечтала она, и глаза ея метнули молнію.—Онъ подлѣ... онъ любитъ... чего-жъ еще больше желать?..»

— А мужъ развѣ пуститъ?..

Надежда Алексѣевна сжала руками голову и просидѣла такъ нѣсколько времени въ забытьѣ. Ее разбудилъ легкій стукъ въ двери ея спальни и тихій, ровный голосъ: «можно войти?»

Она вздрогнула отъ этого мягкаго, знакомаго голоса

— Войдите!—сказала она, ловко спрятавъ записку.

Вошелъ Александръ Андреевичъ; ласково поцѣловавъ женину руку, онъ спросилъ, садясь подлѣ:

— Что съ тобой, Надя? На тебѣ лица нѣтъ!

И Колосовъ снова взялъ руку жены и сталъ гладить ее своей рукой. Жена быстро отдернула руку и сказала съ нѣкоторой торжественностью:

— Александръ Андреевичъ! Я хочу съ тобою серьезно поговорить; мнѣ, право, тяжело вѣчно играть роль въ нашей супружеской комедіи...

— Роль? Комедіи?.. — удивился Колосовъ. — Я рѣшительно ничего не понимаю!

— Не лги, Бога ради не лги: ты все очень хорошо понимаешь, и я должна...

— Понимаю, понимаю!—перебилъ Колосовъ.—Ты, милая Надя, все еще, несмотря на свои тридцать лѣтъ (вѣдь, кажется, тридцать?), хочешь летѣть куда-то dahin, какъ хотѣла лѣтъ десять тому назадъ, помнишь?—улыбнулся Колосовъ.

— Я все помню... Что же дальше?—нѣсколько театрально сложила руки Надежда Алексѣевна, готовясь слушать мужа.

— Но тогда была остановка за boire и manger, и ты успокоилась.

Колосова сдѣлала нетерпѣливый жестъ головой.

— Не торопись, мой другъ, сейчасъ доскажу. Тебя теперь, послѣ научныхъ бесѣдъ съ молодыми людьми, мучаетъ, вѣроятно, отсутствіе серьезной цѣли въ твоей жизни,—говорилъ Колосовъ тихо, ровно, ласково.—Дѣла, труда хочется... истиннаго дѣла, какъ говоритъ эта маленькая Крутовская со стрижеными волосами. Школы, что ли, подъ твоимъ наблюденіемъ, гдѣ бы ты могла озарить нечесаныя головы мужиченковъ свѣтомъ разума? Эта игрушка—школа, хотѣлъ я сказать — будетъ, Надя, у тебя скоро, вотъ только въ предсѣдатели меня выберутъ. Школъ будетъ всякихъ много; какіе хотите эксперименты надъ ними производите... То-то Крутовской будетъ праздникъ!

Жена слушала мужа, и съ каждой новой его фразой сильнѣе отражалось на лицѣ ея чувство отвращенія. Она дала ему договорить и, усмѣхнувшись, отвѣтила:

— Къ чему ты глумишься и надъ кѣмъ издѣваешься? И съ чего ты тутъ школы и Крутовскую приплелъ? Я вовсе не о томъ съ тобой хотѣла говорить, и ты это знаешь.

Колосовъ морщился, слушая порывистую рѣчь жены, и взглянулъ на часы; онъ давно зналъ, о чемъ хотѣла сказать ему жена, и, видя невозможность замять щекотливое объясненіе (онъ вообще былъ врагъ всякихъ щекотливыхъ объясненій), рѣшился, хотя не безъ непріятнаго чувства, поскорѣе выдержать эту, какъ онъ называлъ, «игру въ сентименты».

— Надя, къ чему, другъ, сердиться? Ну, не отгадалъ съ одного раза, угадаю съ другого. Ты, вѣрно, хочешь сообщить мнѣ, что Айкановъ за тобою ухаживаетъ,—такъ вѣдь, мой другъ?

— Айкановъ,—вспыхнула Надежда Алексѣевна:—меня любитъ и...

— Или даже, — быстро перебилъ Колосовъ: — и любитъ... Что же, Надя? Я, по совѣсти, одобряю такое помѣщеніе его привязанности; Айкановъ—молодой человѣкъ, милый и неглупый, и ваша дружба для меня не новость и совершенно понятна...

Колосова широко открыла на мужа глаза и не выронила ни слова.

— Чему ты такъ дивишься, Надя? Ей-Богу, ваше сближеніе полезно со всѣхъ точекъ зрѣнія: Айкановъ разо-

вьется еще болѣе, изъ акцизной службы сдѣлаетъ живое дѣло, отучится, знаешь ли, отъ своихъ нѣсколько угловатыхъ манеръ,—вѣдь вліяніе женщины, и по Миллю, кажется, такъ благотворно!.. Ну, а ты?.. Ты не скучаешь и проводишь время въ пріятныхъ и, во всякомъ случаѣ, назидательныхъ бесѣдахъ. Что, обѣдаетъ Айкановъ сегодня? Ты бы позвала его, Надя, а то въ послѣднее время его что-то давно не видать...

Надежда Алексѣевна сидѣла молча, потупивъ голову.

— Чудачка ты, право, Надя, какъ я посмотрю!—продолжалъ ласково Колосовъ.—Умный и красивый молодой человѣкъ ее обожаетъ, а она печалится! Это излишняя сентиментальность, мой другъ. Угоди на васъ, красивыхъ женщинъ!—улыбнулся Александръ Андреевичъ и взглянулъ на часы.—Ну, однако, Надя, мнѣ пора ѣхать; полно, другъ, не хандри, прими валерьяну...

И Колосовъ взялся за шляпу.

— Александръ! Александръ Андреевичъ! Не уходи, выслушай. Я тоже—слышишь ли?—я тоже люблю Айканова! — проговорила порывисто Надежда Алексѣевна и прямо уставила на мужа глаза.—Понимаешь ты это и избѣжишь ли отвѣта?

Колосовъ не пошевельнулъ ни однимъ мускуломъ. Онъ, такъ же ласково улыбаясь, глядѣлъ на жену и мягко замѣтилъ:

— Такъ что-жъ изъ этого? Онъ милый молодой человѣкъ, и я его люблю.

— Знаешь ли, что ты говоришь?—вскрикнула Колосова.

— Ты, Надя, не маленькая,—продолжалъ тихо мужъ:—и знаешь, какъ себя держать, слѣдовательно...

— Мнѣ разрѣшается тайно имѣть любовника?—съ истерическимъ смѣхомъ перебила Колосова.

— ...Слѣдовательно моя жена сумѣетъ вести себя такъ, чтобы въ обществѣ на нее не указывали пальцами,—ласково и серьезно добавилъ Колосовъ, вставая.—Ну, до свиданія, Надя; не плачь! Да пошли за Айкановымъ, вѣдь одной скучно!—повторилъ мужъ и быстро вышелъ.

«Экіе смѣшные люди! Совсѣмъ жизни не понимаютъ,—думалъ Колосовъ, садясь въ коляску.—Непремѣнно мелодраму разыгрываютъ, точно безъ нея нельзя наслаждаться жизнью! Ну, пой себѣ романсы вдвоемъ подъ кущей деревъ, да только осторожно, прилично, ну и, конечно, чтобы дѣтей не было...»

— Куда прикажете?—перебилъ эти мечты кучеръ.

— Пошелъ къ князю Вяткину! — отвѣтилъ Колосовъ, привѣтливо раскланиваясь въ отвѣтъ на поклоны гостинодворскихъ купцовъ и грязнопольскихъ обывателей.

Надежда Алексѣевна еще долго плакала, потомъ сѣла за фортепьяно и кончила тѣмъ, что написала длинное письмо Айканову и звала его непремѣнно придти для важнаго разговора.

XI.

Въ полуверстѣ отъ Грязнополья, на высокомъ, обрывистомъ берегу рѣки Быстрой, стоитъ небольшой каменный двухэтажный домъ; онъ блеститъ новизной и, какъ видно, не безъ умысла построенъ вдали отъ людныхъ улицъ, чтобы обитатели его не могли стѣсняться либо непріятнымъ сосѣдствомъ, либо уличными сценами. Особнякъ этотъ предназначался для помѣщенія одной семьи; строитель, казалось, имѣлъ въ виду устроить себѣ, на манеръ богатыхъ англичанъ, уютное гнѣздо и болѣе всего заботился о комфортѣ и удобствахъ; все было изящно, прочно и просто въ этомъ домѣ.

И съ виду особнякъ этотъ казался какимъ-то заѣзжимъ иностранцемъ предъ грязнопольскими домами; выкрашенъ онъ дико-сѣрой краской, вездѣ чугунъ и камень, деревянныя подѣлки—краснаго дерева; на окнахъ жалюзи и маркизы; у подъѣзда ни тигровъ, ни львовъ, ни швейцара: небольшія краснаго дерева двери заперты наглухо, и вмѣсто тяжелой мѣдной ручки на нихъ блеститъ бѣленькая пуговка отъ электрическаго звонка; посрединѣ—маленькая фарфоровая дощечка, на которой четкими буквами (не крупно, но и не мелко) вырѣзано имя хозяина этого уютнаго дома по-русски и по-французски: вверху—Н. И. Стрекаловъ, а внизу—N. Strekaloff; на фронтонѣ никакихъ эмблемъ и гербовъ; надъ воротами никакой надписи,—словомъ, ничего лишняго, затѣйливаго, разсчитаннаго на эффектъ. Небольшой дворъ, выложенный цокольнымъ камнемъ, тоже сіялъ чистотой и порядкомъ, рѣдкими въ русскихъ дворахъ; конюшни были не хуже иной гостиной, а людскія службы à part, помѣщавшіяся въ порядочномъ разстояніи отъ барскаго дома, глядѣли крайне опрятно. Дворъ былъ окруженъ каменною стѣной, и калитка въ ней (соединявшаяся съ домомъ крытой галереей,

уставленной цвѣтами) вела прямо въ большой садъ, раскинувшійся на берегу рѣки.

Садъ, какъ и домъ и дворъ, обличалъ аккуратнаго хозяина: дорожки вездѣ расчищены и посыпаны краснымъ пескомъ, клумбы расположены симметрично, а деревья подстрижены; на небольшой лужайкѣ была устроена гимнастика: столбы, лѣстницы, гигантскіе шаги, а двѣ красивыя бесѣдки, пріютившіяся въ зелени, назначались для отдыха; въ одной изъ нихъ, поставленной передъ самой стѣной, стояла американская качалка и токарный станокъ. По всему чувствовалось, что хозяинъ этихъ уютныхъ мѣстъ совсѣмъ не заботился о красивыхъ видахъ, иначе онъ непремѣнно перенесъ бы бесѣдку на самый край сада, на высокій, крутой берегъ Быстрой, такъ какъ съ обрыва открывался красивый видъ; внизу шумѣла Быстрая, впереди синѣлъ лѣсъ, вправо зеленѣли поля и луга и терялись, сливаясь съ неясными очертаніями высокой горы.

Утро давно стояло надъ рѣкой, и жизнь на ней давно шумѣла, особливо на мосту, гдѣ мужицкія лошади съ трудомъ подымали на крутой подъемъ взъѣзда тяжелые возы и, останавливаясь, протестовали противъ непосильной тяжести. Мужики сердились, кричали и ругались, и словно гулъ какой висѣлъ надъ рѣкой съ той стороны.

Молча и точно свысока поглядывалъ каменный домъ на мелкія людскія заботишки. Каменный домъ еще спалъ, и ничто не могло обезпокоить сна его обывателей. Казалось, до него не долеталъ грохотъ жизни снизу, а если и долеталъ, то не могъ пробраться сквозь толстыя стѣны, тяжелыя драпри, мягкіе ковры и потревожить сна. Недаромъ же хозяинъ построилъ свой особнякъ за чертою города и недаромъ же вымостилъ довольно порядочное разстояніе передъ домомъ торцовой мостовой.

Ровно въ девять часовъ (ни минутой позже) къ подъѣзду подкатили дрожки, и ровно въ девять часовъ (ни минутой раньше) изъ дверей вышелъ Николай Николаевичъ Стрекаловъ и поѣхалъ на заводъ, по направленію къ рѣкѣ. Съ отъѣздомъ хозяина скоро проснулась и хозяйка, и на дворѣ началось движеніе. Рыжій лакей медленно проходилъ изъ людской къ дому, меланхолически потирая очень большой носъ и бакенбарды рыже-огненнаго цвѣта; изъ дома выбѣжала востроглазая брюнетка-горничная и, остановивъ лакея посреди двора, сказала:

— Скорѣй, Филатъ, чай накрывайте: сейчасъ встаетъ.

Филатъ не тотчасъ отвѣтилъ: онъ сперва потеръ бакенбарды и любовно взглянулъ на Фіону своими добрыми, голубыми глазами.

— Успѣемъ еще!

— То-то успѣете! Барыня, сами знаете, васъ не очень-то обожаетъ, а вы копаетесь; видно, баки свои прекрасныя все расчесываете?

— А я, Фіона Андреевна,—ни мало не обижаясь на ироническій тонъ горничной, отвѣчалъ Филатъ:—опять сегодня сонъ видѣлъ, будто вы...

— Нечего, нечего,—засмѣялась брюнетка:—сны разсказывать! Я вамъ разъ сказала! Идите-ка лучше скорѣй, а то Арина Петровна жалованье ваше порастрясетъ!.. Туда же со страстью, рыжій чортъ! — тихо прибавила Фіона, надувъ губки.

Филатъ собирался-было отвѣтить, что ему на нелюбовь барыни начихать, и что Арина Петровна ему не страшна, только бы она, Фіона, взглянула на него ласковѣе, но пока онъ собирался и теръ свои бакенбарды, точно онѣ были источникомъ его вдохновенія, бойкая горничная успѣла юркнуть въ коридоръ и скрыться въ комнатахъ, такъ что приготовленная рѣчь замерла на Филатовыхъ губахъ. Онъ махнулъ рукой, молча пошелъ въ комнаты и сталъ накрывать на столъ, бережно разставляя чайную посуду, о которой онъ теперь думалъ меньше обыкновеннаго; его мысли вертѣлись около Фіоны. Затѣмъ Филатъ турнулъ къ дьяволу почему-то набѣжавшаго на мысль колосовскаго камердинера Гришу и чуть не разбилъ дорогую фарфоровую чашку; тогда онъ снова обратилъ все свое вниманіе на посуду, вспомнилъ, что нынче мѣсячный разсчетъ, и поморщился. «Позавчера хрусталю разбилъ— пожалуй, опять будетъ вычетъ!»

Тутъ Филатъ рѣшительно положилъ: еще разъ на-чистоту объясниться съ Фіоной, и если она не дастъ слова выйти за него замужъ («чѣмъ я не мужъ?»—пробѣжало у него въ головѣ, когда онъ взглянулъ на себя въ зеркало и, вѣроятно, былъ единственнымъ человѣкомъ, оставшимся довольнымъ своей физіономіей), то уйти изъ этого дома, гдѣ все на строгостяхъ да на «книжкахъ» (Филатъ не любилъ эти «книжки») и гдѣ онъ сильно полюбилъ, на свою бѣду, «этого дьявола—Фіону».

Въ это самое время, за нѣсколько комнатъ отъ столовой, рѣшалась судьба Филатова мѣсячнаго жалованья.

Въ изящно убранномъ дамскомъ кабинетѣ, гдѣ все было безукоризненно чисто и мило, за маленькимъ письменнымъ столомъ сидѣла Настасья Дмитріевна Стрекалова и пересматривала разсчетныя книжки. На видъ ей казалось лѣтъ тридцать пять; она сохраняла слѣды замѣчательной красоты и, поддерживая ее разными средствами, смотрѣла еще очень красивой женщиной. Высокій лобъ, сѣрые, строгіе стальные глаза, сжатыя тонкія губы и выраженіе какого-то сдержаннаго, холоднаго довольства — вотъ ея наружный портретъ. Отъ этой стройной, изящной фигуры въ бѣломъ пеньюарѣ, обшитомъ брюсселями, вѣяло строгой добродѣтелью и холодомъ, точно эта женщина была ходячимъ олицетвореніемъ долга, созданная природой нарочно для того, чтобы своей непорочной, добродѣтельной особой колоть глаза слабому и порочному человѣку; она вся, казалось, вся насквозь была пропитана сознаніемъ собственнаго превосходства и безукоризненности и напоминала собой тѣ замѣчательныя своей красотой и безстрастностью женскія лица, на которыхъ, какъ на мраморѣ, застыла строгая улыбка, объясняющая всѣмъ и каждому: «я исполняю свой долгъ безупречно; я вѣрная жена, добродѣтельная мать и аккуратная хозяйка!»

Въ такихъ женщинъ часто влюбляются, но рѣдко любятъ. Въ двадцать лѣтъ онѣ цѣломудренныя красавицы-дѣвушки; въ тридцать—роскошныя красавицы-жены; въ пятьдесятъ—непремѣнно ханжи со строгими правильными лицами и съ неумолимымъ приговоромъ на устахъ ко всему, что спотыкается, ошибается и падаетъ.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Настасьи Дмитріевны, сзади, почтительно стояла пожилая женщина въ темномъ коричневомъ платьѣ, съ худенькимъ, сморщеннымъ лицомъ, на которомъ правый глазъ служилъ дьяволу, а лѣвый—Богу. Лукавая на видъ, съ лисьимъ взоромъ и кошачьими манерами, Арина Петровна имѣла репутацію вѣрной и неподкупной слуги и, въ дѣлѣ домашняго управленія, была правой рукой Настасьи Дмитріевны; она ключница, имѣетъ отдѣльную комнату и ѣстъ съ господскаго стола. Арина Петровна—дѣвица, и такъ какъ дѣвица престарѣлая, то очень нравственна, строга и исправно блюдетъ нравственность прислуги въ стрекаловскомъ домѣ; открывать интриги—ея любимое занятіе, ловить въ проступкахъ—пріятное развлеченіе; она пользуется расположеніемъ Настасьи Дмитріевны, ее терпитъ самъ Стрекаловъ,

ее не любятъ гувернеры и гувернантки и ненавидитъ вся прислуга.

— Ну, а Филатъ—что? — спрашивала Настасья Дмитріевна, поднявъ глаза и уставивъ бѣлый, выхоленный, съ розовымъ миндалеобразнымъ ногтемъ, палецъ на цифру 20, поставленную противъ имени Филата въ разсчетной книжкѣ.

— Что же я смѣю сказать, барыня, про своего же брата? Кажется, ничего себѣ!—отвѣчала Арина Петровна, не безъ умысла подавивъ вздохъ.

— Лѣнивъ онъ очень, Арина, и посуду часто бьетъ!

— Это ужъ что и говорить!.. Вотъ позавчера—я и забыла, по старости, доложить вамъ—хрустальную вазу изъ-подъ варенья разбилъ. Имъ что: думаютъ — господское, бей!

Настасья Дмитріевна молча написала противъ имени Филата очень изящнымъ, красивымъ англійскимъ почеркомъ: «штрафъ по третьему разряду».

— А поведеніе какъ? Пьетъ?

— Не замѣтно, кажется, не замѣтно, барыня!—тихо прошипѣла Арина Петровна.—Вотъ только...—замялась старая лисица.

— Что?—подняла медленно на нее глаза Настасья Дмитріевна.

— Ужъ я и не знаю, слѣдуетъ ли вамъ докладывать, матушка Настасья Дмитріевна; конечно, онъ это больше отъ баловства... Вчерась,—проговорила Арина Петровна, понизивъ голосъ:—двѣ рюмки хереса изъ бутылки, убирая со стола, выпилъ!..

— То-есть у-к-р-а-л-ъ?—отчеканила Стрекалова.

— Видно, лукавый попуталъ! Убиралъ онъ со стола, да и налилъ себѣ двѣ рюмки до краешковъ, выпилъ и облизался. Я изъ буфетной замѣтила и срамить его стала, а онъ на меня же напустился и заурчалъ подъ свой длинный носъ: «ну что-жъ, говоритъ, жальтесь, на то вы шпіонка!» Обидѣлъ меня за то, что я барское добро расхищать не даю!—прибавила Арина Петровна, вытирая платкомъ маленькіе глаза, покрывшіеся влагой.

Настасья Дмитріевна вздохнула, не безъ соболѣзнованія покачала своей красивой головой, шепнула: «кажется, могъ бы не воровать!?» и поставила въ книжкѣ крестикъ.

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что въ администраціи дома-

шняго управленія стрекаловскаго дома постановка креста означала первое предостереженіе; послѣ трехъ такихъ крестовъ или предостереженій прислуга увольнялась изъ стрекаловскаго дома, и о каждомъ крестѣ прислугѣ сообщалось черезъ Арину Петровну. Кресты ставились за важные проступки; за менѣе важные налагались штрафы, которые были нѣсколькихъ разрядовъ: въ 3 рубля, въ 2 р., 1 р. и въ 75 и 50 копеекъ; иногда — впрочемъ, чрезвычайно рѣдко—налагались двойные штрафы.

Нечего и говорить, что стрекаловская прислуга не особенно одобряла подобный порядокъ устрашенія, но она получала большое жалованье (втрое противъ того, что платили обыкновенно въ Грязнопольѣ) и шла въ этотъ домъ, разсчитывая какъ-нибудь не проштрафиться и получить жалованье если и не сполна (такой мечты никто не питалъ!), то хоть за малымъ вычетомъ.

По долгу справедливаго лѣтописца слѣдуетъ сказать, что хотя штрафы часто и налагались, но зато часто и прощались, а именно во время амнистій, объявляемыхъ Настасьей Дмитріевной и санкціонированныхъ Ариной Петровной; такія амнистіи бывали въ дни большихъ праздниковъ: Рождества, Крещенія, Пасхи, Благовѣщенія, Успенія и въ дни рожденій и именинъ хозяина, хозяйки и ихъ дѣтей. По замѣчанію Настасьи Дмитріевны, штрафы налагались для того, чтобы «народъ нашъ пріучался къ порядку, бережливости и нравственности».

И правда, стрекаловская прислуга отличалась степенностью, благообразіемъ и молчаливостью; обращеніе съ прислугой было вѣжливое и строгое; бранныя слова отнюдь не допускались — Стрекалова ихъ выносить не могла; любовь была подвергнута остракизму; Настасья Дмитріевна не могла бы потерпѣть «этого у себя дома», и за «этимъ» строго наблюдала Арина Петровна; словомъ, Настасья Дмитріевна держала бразды внутренняго управленія въ крѣпкихъ рукахъ и всегда говорила, что если она «платитъ людямъ хорошее жалованье», то въ правѣ, въ свою очередь, и отъ нихъ требовать «честнаго исполненія обязанностей».

Стрекалова еще нѣсколько времени занималась съ ключницей и слушала ея доклады. Нѣкоторое сомнѣніе въ дѣлѣ нравственности возбуждалъ-было молодой подкучеръ Михей, котораго Настасья Дмитріевна на-дняхъ замѣтила «какъ будто черезчуръ веселымъ на козлахъ», но Арина

Петровна сумѣла уладить это недоразумѣніе къ благополучію своего любимца Михея, объяснивъ, что онъ «съ роду веселый». Зато другіе не избѣжали своей участи, и Арина Петровна была довольна. Такъ, младшая горничная Катя была оштрафована по первому разряду за «неблагопристойное противорѣчіе» Аринѣ Петровнѣ (читай: за то, что на Катю заглядывается Михей, что̀ Аринѣ Петровнѣ почему-то крайне не нравится), конюхъ Сидоръ (Исидоръ, какъ пишетъ Настасья Дмитріевна) былъ наказанъ по третьему разряду за «неприличіе въ одеждѣ». Сама Настасья Дмитріевна съ ужасомъ увидѣла въ окно, какъ Сидоръ шелъ по двору въ однихъ исподнихъ, «чуть не безъ платья», по выраженію строгой хозяйки, и наконецъ садовникъ Антипъ былъ оштрафованъ по второму разряду за «неуваженіе къ чужой собственности»,—иначе за продажу господскаго горшка цвѣтовъ на сторону.

Покончивъ съ разсчетами, Настасья Дмитріевна выдала Аринѣ Петровнѣ деньги для раздачи жалованья, выслушала отъ нея свѣжую сплетню о Колосовой, при чемъ не побрезгала войти въ самыя сокровенныя подробности сплетни, и послала Арину Петровну доложить дѣтямъ и гувернанткѣ, чтобы шли пить чай. Затѣмъ Настасья Дмитріевна поднялась съ кресла, взглянула въ зеркало, вырвала нескромный сѣдой волосокъ, бѣлѣвшій въ чудной, густой, черной косѣ, и тихо вышла изъ комнаты.

XII.

Въ тотъ же день, часу во второмъ, пара кровныхъ сѣрыхъ рысаковъ осадила фаэтонъ у подъѣзда стрекаловскаго дома, и Александръ Андреевичъ Колосовъ выскочилъ и позвонилъ. Филатъ, уже во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, молча и угрюмо отворилъ двери и, на вопросъ: «принимаютъ?» лаконически отвѣтивъ: «у себя, пожалуйте!» снялъ съ гостя пальто и отворилъ боковую дверь.

Черезъ рядъ комнатъ, убранныхъ съ той изящной простотой, какой вообще отличался этотъ домъ, Колосовъ дошелъ до маленькой гостиной, гдѣ на диванѣ, передъ круглымъ столомъ, сидѣла Настасья Дмитріевна. Увидавъ Колосова, Настасья Дмитріевна пріятно улыбнулась, усадила гостя въ кресло «поближе» и крайне любезно освѣдомилась о здоровьѣ «милѣйшей Надежды Алексѣевны». Колосовъ поцѣловалъ ручку хозяйки, сказалъ, что жена не совсѣмъ здорова, «простудилась во время вчерашняго ката-

нія» (тутъ Стрекалова вздохнула и посовѣтовала французскія лепешки) и велѣла передать Настасьѣ Дмитріевнѣ «самый низкій поклонъ»,—добавилъ Колосовъ, нагибая голову. На вопросъ Стрекаловой: «скоро ли въ деревню?» Александръ Андреевичъ отвѣтилъ, что, вѣроятно, въ іюнѣ, и поторопился отъ имени жены пригласить Настасью Дмитріевну «посѣтить ихъ скромную деревушку лѣтомъ, пріѣхать погостить со всѣмъ семействомъ». Настасья Дмитріевна опять протянула свою ручку (сперва взглянувъ на нее не безъ пріятнаго чувства: рука, дѣйствительно, была хороша), которую Александръ Андреевичъ снова поцѣловалъ, и замѣтила: «она такая милая, ваша Надежда Алексѣевна!» Тутъ Колосовъ поспѣшилъ узнать о здоровьѣ «прелестной Ольги Николаевны, живого портрета матери», и «несравненнаго Ѳеди, который обѣщаетъ походить на отца», на что Настасья Дмитріевна усмѣхнулась, шепнула: «вы отчаянный льстецъ» и замѣтила, что дѣти здоровы, вѣроятно, читаютъ въ саду съ mademoiselle Lenorme, при чемъ прибавила, что француженка «образованная молодая дѣвушка, много училась», что «нынче, слава Богу, и женщины взялись за умъ», такъ какъ «требованія становятся шире».—«Вотъ и я на старости лѣтъ,—улыбнулась Настасья Дмитріевна:—учиться вздумала, читаю Маколея! Преинтересная книга!»

Хозяйка и гость такъ мило любезничали другъ съ другомъ, что имъ обоимъ надоѣли эти дипломатическія прелюдіи.

«Вѣдь я знаю, не спроста прикатилъ ты сюда!»—подумала Настасья Дмитріевна, разсказывая о вчерашней прогулкѣ на лодкѣ, когда «луна такъ мягко, нѣжно свѣтила».

«Экая шельма! льется-то какъ, льется!»—шепталъ въ душѣ Колосовъ, прибавляя вслухъ:

— На лодкѣ кататься очаровательно, но не рано ли, Настасья Дмитріевна? Беречься надо; чего добраго, не долго и гриппъ схватить! нынче повѣтріе, Настасья Дмитріевна!»

И Колосовъ такъ кротко, серьезно глядѣлъ на хозяйку, что та не удержалась, чтобы въ умѣ не произнести весьма не лестный для Колосова эпитетъ.

— А Николай Николаевичъ, по обыкновенію, занятъ?—освѣдомился Колосовъ.

— Nicolas на заводѣ. Сегодня суббота, и тамъ у него разсчеты, скучная матерія! Да не послать ли за нимъ?—

проговорила Настасья Дмитріевна, приподнимаясь ровно на столько съ дивана, на сколько требовало приличіе (ни на полдюйма больше).—А то онъ сожалѣть будетъ, что васъ не видалъ...

— Э, полноте, зачѣмъ безпокоить? У Николая Николаевича время—деньги, а у меня его всегда найдется и для васъ, и для него.

— Не скромничайте, Александръ Андреевичъ. Вѣдь и у васъ хлопоты, дѣла... Мы бы менѣе спокойно спали, если бы не знали, что у насъ такой предводитель...

— Послѣднее время, слава Богу, послѣднее время, Настасья Дмитріевна. Вотъ скоро земскіе выборы будутъ, и часть обузы съ меня свалится...

— Да кто-жъ, какъ не вы, Александръ Андреевичъ, предсѣдателемъ управы будетъ? Кому же кромѣ васъ?— удивилась Стрекалова.

Колосовъ даже обидѣлся отъ такого предположенія и горько усмѣхнулся.

— Да хоть вы-то пожалѣйте меня, добрая Настасья Дмитріевна, вѣдь я и съ предводительствомъ-то усталъ.

— Но согласитесь, Александръ Андреевичъ, что для блага общества...

— Конечно, благо общества—святое дѣло, но вѣдь человѣкъ прежде всего эгоистъ и о себѣ хочетъ подумать. Усталъ я, старъ сталъ, и спина побаливаетъ; ближе къ старости, отдыха хочется. Какъ сдамъ свое предводительство, забьюсь въ Новоселье и стану хлѣбъ сѣять; ну ихъ со службой совсѣмъ. Земство—дѣло новое, трудное... По счастью, въ городѣ ужъ называютъ будущаго предсѣдателя управы.

— Кого?

— Говорятъ, а вы знаете, Настасья Дмитріевна, гласъ народа — гласъ Божій, что выберутъ князя Сергія Николаевича Вяткина! — тихо проговорилъ Колосовъ, глядя на Настасью Дмитріевну съ неповинностью младенца.

При этой новости въ сердцѣ Настасьи Дмитріевны заскребли кошки; глаза ея какъ-то странно блеснули, и рука что-то очень шибко перебирала каемку батистоваго платка. Впрочемъ, Настасья Дмитріевна была дама опытная и замѣтила:

— Что-жъ... князь Вяткинъ весьма почтенный человѣкъ!

— И съ такимъ стариннымъ именемъ, потомокъ Рюрика!—подсказалъ Колосовъ.

— Да, и съ именемъ!—повторила Стрекалова и вспомнила не безъ боли, что у нея нѣтъ родовыхъ предковъ.—Но—entre nous soit dit—князь нѣсколько отъ времени отсталъ,—ядовито усмѣхнулась Настасья Дмитріевна.

Колосовъ не «смѣлъ спорить противъ этого». Напротивъ, «вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ уважаемой Настасьи Дмитріевны», онъ замѣтилъ, что для земства нуженъ былъ бы человѣкъ болѣе дѣятельный, молодой и, главное, «не зараженный сословными предразсудками».

— Конечно, раздѣленіе сословій—историческая необходимость, но нельзя же въ настоящее время быть крѣпостникомъ pur sang. Земство именно должно примирить, сгладить эти различія...

— Еще бы! Слава Богу, у насъ выводятся татарскіе порядки, а земство—c'est presque une assemblée nationale!—тихо шепнула Настасья Дмитріевна.

— Не совсѣмъ, но почти!—улыбнулся Колосовъ:—и потому тѣмъ болѣе необходимъ человѣкъ, понимающій требованія времени.

«Только не ты!» — промелькнуло въ головѣ Настасьи Дмитріевны.

— Вѣдь надо,—продолжалъ Александръ Андреевичъ и даже впалъ въ нѣкоторый паѳосъ:—вѣдь надо, говорю я, о желѣзныхъ дорогахъ подумать, позаботиться о народномъ образованіи, наши проселки—ces routes du diable—исправить! А князь, хоть и заслуженный человѣкъ, но на все это туговатъ; il ne comprend que налѣво кругомъ да тихимъ шагомъ маршъ!..—усмѣхнулся Колосовъ.

— И вдобавокъ глухъ!—пришпилила Стрекалова.

— Намъ нуженъ человѣкъ образованный,—продолжалъ горячо Колосовъ:—человѣкъ, сознающій потребности народа и умѣющій стоять на высотѣ своего положенія... И если есть такой человѣкъ, то это...

— Кто же?—поспѣшила спросить Настасья Дмитріевна.

— Уважаемый всѣми Николай Николаевичъ,—неожиданно сказалъ Александръ Андреевичъ, глядя въ упоръ на хозяйку.

Настасья Дмитріевна была поймана врасплохъ. Мысль о предсѣдательствѣ давно ею лелѣялась и принадлежала самой Настасьѣ Дмитріевнѣ; но всѣ приготовленія дѣлались втайнѣ, крайне осторожно. Она не ожидала напа-

денія съ этой стороны и улыбнулась, осклабившись, словно котъ, которому къ мордѣ неожиданно поднесли тарелку со сливками.

«Пробрало небойсь? Ужо запоешь, запоешь!»—подумалъ грязнопольскій Талейранъ.

Настасья Дмитріевна и вѣрила, и не вѣрила искренности словъ Колосова; этотъ задушевный, горячій тонъ, эта серьезная ласковость взгляда на минуту смутили ее. «Не хочетъ ли онъ занять большой суммы?»—пробѣжало у нея въ головѣ. Но она скоро оправилась; улыбка быстро сбѣжала съ губъ, и вмѣсто нея явилось выраженіе не то удивленія, не то скорби.

— Nicolas? — переспросила она. — Спасибо, милѣйшій Александръ Андреевичъ, за лестное о немъ мнѣніе, но у него у самого столько дѣла, столько дѣла!.. Просто сердце надрывается, глядя, какъ онъ, бѣдный, работаетъ; вы вѣдь знаете его слабости: разные проекты, постройки, заводы.

— Эту слабость и нужно намъ! — воскликнулъ Александръ Андреевичъ.—И я первый, Настасья Дмитріевна, подамъ голосъ за Николая Николаевича!

— Что вы, батюшка? Что вы, Александръ Андреевичъ? Куда это вы меня прочите?—раздался вдругъ сзади громкій голосъ, и въ гостиную, неслышно по ковру, вошелъ самъ хозяинъ, Николай Николаевичъ.

Онъ крѣпко, по-англійски, пожалъ руку Александра Андреевича, громко чмокнулъ жену въ губы и повалился въ кресло.

— Куда это вы меня суете, а? Что вы, почтеннѣйшій, Александръ Андреевичъ? Куда намъ, купцамъ!? Мы купцы, аферисты, предприниматели!—не безъ самодовольства говорилъ Стрекаловъ.—Наше дѣло машины дѣлать, заводы строить, вино гнать, а вамъ—наставлять насъ и оберегать наше дѣло!..

И Стрекаловъ раскатился громкимъ густымъ смѣхомъ.

Послѣ разспросовъ о здоровьѣ Надежды Алексѣевны и замѣчаній о погодѣ, разговоръ, конечно, возвратился къ предстоящимъ выборамъ.

— Да, батюшка, земство дѣло нешуточное; смѣло можно сказать: эра новая, — и перекреститься! Съ земствомъ можно много чего сдѣлать: банки завести, рельсовые пути проложить, школы, газъ, водопроводы, да всего и не пере-

чтешь!.. Новымъ, свѣжимъ повѣяло на нашу бѣдную Америку!—весело говорилъ Стрекаловъ.

— Денегъ только развѣ мало, ни у кого нѣтъ,—скромно вставилъ Колосовъ.

— И деньги будутъ, если нашъ братъ помѣщикъ пойметъ, что безъ техническихъ знаній да съ жизнью не по карману — ему капутъ.—Николай Николаевичъ сдѣлалъ при этомъ энергическій жестъ и показалъ рукой на полъ.—Рабочій, послѣ реформъ, не одумался, разоренъ, рукъ много и дешевы; теперь только не зѣвай и пользуйся временемъ, дѣло можно дѣлать! А дѣлаю я дѣло—у меня народъ сытъ!

Стрекаловъ говорилъ съ жаромъ и видимымъ убѣжденіемъ, и Александръ Андреевичъ не безъ зависти глядѣлъ на этого свободно трактующаго богача, у котораго такой домъ, такія лошади, такія сигары...

— Вамъ бы и помочь дѣлу!—промолвилъ Колосовъ.

— Куда намъ!?—усмѣхнулся Стрекаловъ, хотя довольное лицо ясно говорило, что Николай Николаевичъ не прочь...

— Вообрази, Николай, кого хотятъ выбрать?—вставила слово Стрекалова.—Я увѣрена, ты даже и не повѣришь...

— Я, Настенька, всему повѣрю. Скажи, что выберутъ полицейскую каланчу, и тогда повѣрю... Кого же?

— Князя Вяткина!

Стрекаловъ даже осердился.

— Не можетъ быть?—обратился онъ къ Колосову.

— Говорятъ, и шибко...

— Да неужели, Александръ Андреевичъ, наша soit disant, джентри не вѣдаетъ бо, что̀ творитъ?

— Я самъ только-что говорилъ объ этомъ Настасьѣ Дмитріевнѣ...

— За титулы, что ли, его выберутъ?—громко горячился хозяинъ.—Вѣдь на титулы,—пора бы это понять,—нынче смотрѣть нечего! Я всего отставной гвардіи поручикъ, какъ видите, не велика птица,—усмѣхнулся Николай Николаевичъ:—и, какъ знаете, не жалѣю, что не генералъ. Теперь не генералы нужны, а деньги да умъ; генералы нынче на биржѣ стоятъ слабо, а билеты выигрышнаго займа крѣпко. Вотъ что, батинька!

«Погоди, какъ провалишься на выборахъ, тогда и узнаешь: слабо ли стоятъ у насъ генералы!»—подумалъ Колосовъ.

— Я вотъ самъ работаю иногда на заводѣ, могу за любой станокъ стать и горжусь этимъ; въ началѣ у меня были крохи, а теперь состояніе. И обязанъ этимъ кому? Одному себѣ! По переднимъ спины не гнулъ! Натура не такая, не выдержала бы... не гнется!

Каріе глазки Николая Николаевича блестѣли ярко, быстро бѣгая по сторонамъ. Онъ говорилъ, не останавливаясь, скоро, возбужденно...

— Да не можетъ быть, Александръ Андреевичъ? Неужто выберутъ князя? Правда, большинство избирателей—помѣщики, но все-таки... c'est trop fort!

— Развѣ на нашихъ можно положиться!—замѣтилъ Колосовъ.

— Да, трудновато!..

— И даже очень!—многозначительно проговорила Стрекалова, уходя изъ гостиной.

Стрекаловъ поднялся съ кресла и быстро заходилъ по комнатѣ. Потомъ нѣсколько фамильярно подхватилъ Колосова подъ руку и повелъ въ свой кабинетъ. Кабинетъ былъ въ стрекаловскомъ вкусѣ — простъ и полонъ удобствъ: дубовая, прочная мебель, обитая чернымъ репсомъ, посреди—большой рабочій столъ, заваленный планами, чертежами и брошюрами, далѣе конторка со счетами и бумагами, исписанными цифрами; еще столъ съ моделями разныхъ зданій и фабричныхъ и земледѣльческихъ машинъ, по стѣнамъ карты, планы стрекаловскихъ фабрикъ и домовъ, портреты Уатта, Франклина, Стефенсона, Модслея и другихъ знаменитостей, а въ углу большой шкапъ съ богатой библіотекой.

Они усѣлись, закурили сигары и заговорили. Стрекаловъ настоятельно доказывалъ необходимость не стѣсняться «сословными перегородками», требовалъ земству болѣе простора, «чего при ловкости можно достигнуть», и безпощадно рисовалъ картины одна мрачнѣе другой.

— У насъ нынче голодъ, а вслѣдствіе того—недовольство! Слѣдуетъ и объ этомъ подумать, Александръ Андреевичъ! Вѣдь вы человѣкъ вліятельный! Неужели вы допустите благое дѣло погибнуть, поручивъ его вначалѣ Вяткинымъ?

Стрекаловъ долго говорилъ на эту тему и говорилъ увлекательно, энергично, рѣзко. Колосовъ слушалъ со вниманіемъ и одобрялъ, повторяя: «да, картина непривле-

кательная!», хотя непривлекательность картины нимало его не смущала.

— Мало того, мало! — горячился Николай Николаевичъ:—скажите—ужасная! Вѣдь допускать голодъ, значитъ, — понизилъ голосъ Стрекаловъ: — значитъ скорыми шагами приближаться къ броженію умовъ. Сегодня онъ, — указалъ Николай Николаевичъ пальцемъ на улицу, хотя улица была пуста, и его не было:—сегодня онъ милостыню проситъ, завтра — красть начнетъ, а послѣзавтра и на насъ съ вами, если встрѣтитъ въ глухомъ переулкѣ, занесетъ свою дрожащую отъ голода руку.

Такое быстрое, трагическое развитіе похожденій этого ужаснаго таинственнаго незнакомца, имя котораго—онъ, не особенно испугало Александра Андреевича, и хотя онъ внималъ Стрекалову не безъ приличнаго участія, тѣмъ не менѣе про себя-таки подсмѣивался и даже не былъ бы въ большой претензіи, если бы не только «послѣзавтра», но даже и сегодня этотъ миѳическій «онъ» занесъ «въ глухомъ переулкѣ свою дрожащую отъ голода руку» на почтеннаго хозяина.

Переждавъ паузу, во время которой Колосовъ успѣлъ закурить новую сигару изъ ящика Стрекалова, Николай Николаевичъ продолжалъ:

— Голодные люди, какъ насъ учитъ исторія, самые опасные люди въ государствѣ; кто сытъ, тотъ консервативенъ. А у насъ еще скрываютъ голодъ, и разные господа поютъ о всеобщемъ благоденствіи. Не скрывать надо это бѣдствіе, а по мѣрѣ силъ истреблять его, строить желѣзныя дороги, поощрять заводы, не жалѣть денегъ на пріюты и больницы; жертвовать нужно и дворянамъ, и купцамъ, жертвовать пока немногимъ, чтобы потомъ, быть-можетъ, не въ далекомъ будущемъ,—совсѣмъ понизилъ свой голосъ Николай Николаевичъ, глядя на собесѣдника въ упоръ:—не пришлось бы пожертвовать большимъ и, умирая, знать, что дѣти наши будутъ образованные пролетаріи, а слѣдовательно и утописты. Вотъ, почтеннѣйшій Александръ Андреевичъ, мое искреннее мнѣніе, и вотъ чего не понимаютъ наши Вяткины, помогающіе недовольству своими безсмысленными мѣрами... Нынче палкой управлять нельзя, а надо изыскать иные, болѣе мягкіе, хотя по результатамъ и болѣе дѣйствительные способы, и тогда «онъ» пойметъ, что завидовать нечего и что сего-

дня онъ нагъ, а завтра самъ можетъ ѣсть съ серебряной тарелки и курить хорошія сигары.

— Не хуже этихъ!—засмѣялся Колосовъ, показывая на стрекаловскія londres.

— Именно... не хуже!.. А то у насъ... Вы только вспомните недавнюю исторію...

Александръ Андреевичъ вспомнилъ, и такъ какъ при этомъ воспоминаніи ничего не почувствовалъ, то пожалъ только плечами, а Николай Николаевичъ такъ яростно плюнулъ на чудеснѣйшій американскій коверъ подъ ногами, что Колосовъ не безъ удивленія взглянулъ на оплеванное мѣсто.

— Вѣдь пятьдесятъ человѣкъ изъ края ушли. Пятьдесятъ рабочихъ силъ, пятьдесятъ рабочихъ единицъ, которыя на полѣ или фабрикѣ принесли бы и хозяину, и себѣ пользу на пятьдесятъ тысячъ! А сколько бы у этихъ пятидесяти единицъ было бы дѣтей и, слѣдовательно, новыхъ рабочихъ силъ!?..—горько сокрушался Николай Николаевичъ о «рабочихъ единицахъ».

У Колосова не было ни фабрикъ, ни обширныхъ земель, а потому не было повода и ему сокрушаться о потерѣ «пятидесяти рабочихъ единицъ»; но тѣмъ не менѣе и онъ не желалъ отстать отъ собесѣдника и, видимо, попадалъ въ его тонъ; онъ тоже хотѣлъ бы «бо́льшей независимости земскихъ функцій», онъ тоже жалѣлъ о потерѣ «пятидесяти гражданъ», хотя надѣялся, что «колонизація зато выиграетъ»; онъ тоже поощрялъ «устройство въ Грязнопольѣ водопровода и газа» (хотя воды онъ и не пьетъ, но зато,—вспомнилъ Колосовъ,—можно безопасно возвращаться по ночамъ изъ клуба); онъ шопотомъ передалъ Николаю Николаевичу о недавнемъ событіи въ одномъ земскомъ собраніи и даже заявилъ сожалѣніе, что въ «числѣ гласныхъ мало представителей крестьянскаго сословія».

— Объ этомъ, такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, жалѣть нечего, Александръ Андреевичъ. Хотя нашъ русскій мужикъ не глупъ, особливо въ такомъ дѣлѣ, гдѣ можетъ васъ надуть, но тѣмъ не менѣе, согласитесь, задача цивилизаціи для него то же, что китайская грамота.

Конечно, Колосовъ согласился, хотя не безъ нѣкотораго приличнаго колебанія и заявленія о «задаткахъ въ русскомъ народѣ».

Впрочемъ, и Николай Николаевичъ признавалъ «задатки», хвалилъ смѣтливость и терпѣніе русскаго чело-

вѣка и объяснялъ, что онъ, Николай Николаевичъ, «честный его другъ, но не слѣпой народникъ и смотритъ безпристрастными глазами».

— Стали шибко пьянствовать послѣднее время!—говорилъ Николай Николаевичъ.—Ну, и честность хромаетъ. Я, напримѣръ, своимъ рабочимъ плачу хорошо и аккуратно; отработалъ недѣлю—и получи сполна деньги, если штрафовъ нѣтъ, а онъ все же норовитъ что-нибудь у васъ стянуть... Нѣтъ у нихъ этой нѣмецкой выдержки, этого западническаго уваженія къ чужой собственности... Индивидуализма нѣтъ! И долго всего этого ждать, если не возьмемся мы сами за умъ!

Не мало еще говорили наши знакомые и говорили оба болѣе или менѣе въ либеральномъ духѣ. Колосовъ окончательно убѣдился, что Стрекаловъ не прочь отъ предсѣдательства и что, пожалуй, «заговоритъ, шельма, грязнопольцевъ, падкихъ до рѣчей», а Стрекаловъ и въ самомъ дѣлѣ, въ виду возможности выбора Вяткина, не отказался бы отъ случая приложить къ дѣлу «мягкіе, но болѣе дѣйствительные способы» къ успокоенію умовъ. А кромѣ того пріятно быть во главѣ либеральнаго учрежденія и, по выраженію Стрекалова, «дѣло дѣлать», ну и три тысячи—вещь не лишняя.

Скоро Колосовъ распростился и ѣхалъ къ князю Вяткину.

Онъ чувствовалъ, что къ тремъ тысячамъ (а сколько могло быть за этими тремя тысячами другихъ тысячъ,—еще опытъ не показалъ) ползетъ еще рука, и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало не допускать этой руки. «Хотя бы пришлось для этого коммунистомъ сдѣлаться, которыхъ столь боится мой почтенный другъ! — думалъ, посмѣиваясь, Александръ Андреевичъ. — Видно, богатство развиваетъ боязнь призраковъ. Чего боится? Точно у насъ полиціи нѣтъ!!»—громко хохоталъ въ своей коляскѣ Александръ Андреевичъ.

Такія мысли занимали почтеннаго предводителя, пока онъ катилъ по грязнопольскимъ улицамъ и пока ему мерещилось много цѣпкихъ рукъ, тянувшихся къ тому же, къ чему и онъ тянулся. «Предводительство и предсѣдательство дадутъ мнѣ гонораръ приличный! А мнѣ онъ нуженъ во что бы то ни стало!»

XIII.

— Каковъ?—говорила въ тотъ же день Настасья Дмитріевна.—Нынче и Колосовъ либераломъ сталъ!

— Такіе люди, какъ онъ, Настенька, чѣмъ угодно могутъ быть; гдѣ выгоднѣй, тамъ и они. Колосовъ уменъ, а съ умными, хоть и фальшивыми людьми лучше имѣть дѣло, чѣмъ съ честными, но крѣпкоголовыми Вяткиными.

— И ты думаешь, Вяткина выберутъ?

— Богъ ихъ знаетъ. Колосовъ имѣетъ вліяніе и врядъ ли допуститъ!

— Чтобъ попасть самому?

— Ну, и это врядъ ли! Репутація его пошатнулась, онъ кругомъ въ долгахъ, поговариваютъ о растратѣ какихъ-то суммъ...

— А умъ, вліяніе?

— Пожалуй, и это не вывезетъ...

— А мы, Nicolas, какъ? Двигаемся ли? Вѣдь скоро собраніе.

— Мы, мой другъ, находимся пока въ неопредѣленномъ положеніи; впрочемъ, шансы на успѣхъ есть. Купцы подадутъ голоса за меня, нѣкоторымъ изъ нихъ, менѣе сговорчивымъ, обѣщалъ вино отпускать дешевле... Нельзя!—улыбнулся Николай Николаевичъ:—что твоя Англія: мирволь избирателямъ! Евграфу Ивановичу далъ полтораста рублей взаймы, редактору «Чижика» триста на изданіе брошюры о моей фабрикѣ, кстати и о больницѣ скажетъ, Тихановъ вчера взялъ сто рублей; отказать невозможно, хоть и жаль давать этимъ бездонпымъ бочкамъ на шампанское...

— Свое-то этотъ Тихановъ на танцовщицъ спустилъ, а теперь побирается!—замѣтила презрительно Настасья Дмитріевна.—Отдачи ждать, конечно, нечего!

— Понятно, кто же отъ Тиханова можетъ ждать возврата денегъ! Голоситъ, болтунъ, вездѣ бываетъ, говоритъ не глупо и тоже избиратель!—смѣялся Стрекаловъ.—Вотъ съ духовенствомъ, Настенька, трудно сладить, ничего въ толкъ не берутъ, хоть ты имъ колъ на головѣ теши. Упираются, да и баста! Мы, говорятъ, по-божески, какъ Богъ велитъ. Намъ, молъ, все равно, какъ прочее общество. Столкуй съ ними, съ этими гражданами-избирателями!

— А хорошо было бы, если бы тебя выбрали. Ты вѣдь

такой разумный, да честный, Николай!—проговорила Настасья Дмитріевна и нѣжно поглядѣла на мужа.—Тогда бы и концессію скорѣе получилъ.

— И все тебѣ обязанъ, мой другъ. Кто подалъ мысль? Ты—мой первый министръ!

— Ты бы много добра сдѣлалъ! Ты, во главѣ, повелъ бы земство по честному пути!—продолжала жена, и на ея, обыкновенно холодномъ, лицѣ появилась даже умиленная улыбка. Она съ гордостью смотрѣла на мужа, точно ужъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, самъ во главѣ, велъ «земство по честному пути».

И Николай Николаевичъ растрогался, и лицо его расплылось въ нѣжную улыбку.

Въ виду возможности выбора Колосова (Стрекаловъ сильно не довѣрялъ ему), Настасья Дмитріевна рѣшила тотчасъ же ѣхать къ Борщовой и разузнать. Разумѣется, Николай Николаевичъ одобрилъ это намѣреніе.

— Поѣзжай, Настенька, ты вѣдь всегда и во всемъ моя лучшая помощница!

— Еще бы!—отвѣтила Настасья Дмитріевна.

И взглядъ ея точно объяснялъ: «Кажется, смѣшно и сомнѣваться. Я умѣю исполнять свои обязанности».

— А что, мой другъ, комната Черемисова готова?—спросилъ Николай Николаевичъ.

— Давно. Когда же онъ будетъ?

— Вѣроятно, завтра. Обѣщалъ, по крайней мѣрѣ.

— И пробудетъ годъ?

— Годъ.

— Хорошъ ли только этотъ Черемисовъ? Знаешь, какъ воспріимчивъ Ѳедя.

— За это не тревожься. Я не возьму какого-нибудь говоруна и пустомелю. Алфимовъ его рекомендовалъ, какъ дѣльнаго и солиднаго молодого человѣка. Я самъ съ нимъ съ часъ говорилъ и остался въ восхищеніи; говоритъ просто, фактично; знаетъ, видно, много. Говорятъ, въ фабричномъ дѣлѣ и по химіи собаку съѣлъ, я еще его потомъ сманю на заводъ. Толковый парень и, кажется, съ такимъ умомъ, что деньгу нажить можетъ и не маленькую!

— О цѣнѣ спорилъ?

— Нѣтъ, не спорилъ, такъ какъ я цѣну далъ хорошую: сто рублей въ мѣсяцъ. Впрочемъ, какъ кажется, деньги не презираетъ, небойсь, какъ эти шатуны-строчилы, въ родѣ этого мерзавца Крутовского! Все обусловилъ, обо

всемъ переговорилъ, такой практичный, даже опредѣлилъ, сколько времени заниматься, ну и явочные акты признаетъ!—не безъ сочувствія прибавилъ Николай Николаевичъ.—Мы заключили домашнее условіе!

— Кто онъ такой?

— Этого, Настенька, не скажу. Въ откровенности онъ не пускался, да и, видно, вообще попусту разговаривать не любитъ. Больше о дѣлѣ говорили... Солидный молодой человѣкъ!...

— Дай-то Богъ!—проговорила со вздохомъ Настасья Дмитріевна, уходя изъ кабинета.

Стрекаловъ сѣлъ къ письменному столу и сталъ разглядывать карту грязнопольской губерніи. Долго онъ сидѣлъ надъ ней, водилъ по картѣ карандашомъ, соображалъ, разсчитывалъ и мысленно покрылъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ всю грязнопольскую губернію.

«Да, если бы къ богатству да немного власти, много, много добра можно сдѣлать на свѣтѣ!»—думалъ Стрекаловъ, улыбаясь своей мысли. Въ головѣ у него носились широкіе планы: Грязнополье представлялось маленькимъ Нью-Іоркомъ, а самъ онъ созидателемъ; вездѣ газъ, вездѣ ватерклозеты, макадамъ, омнибусы, заводы, фабрики, фермы и коттеджи.

— Да,—прибавилъ онъ:—съ властью и деньгами все возможно.

А Настасья Дмитріевна въ это время собрала у Борщовой всѣ нужныя свѣдѣнія: узнала, что Вяткинъ вчера пріѣхалъ, что Колосовъ «интригуетъ», и достала номеръ столичной газеты, гдѣ напечатана была біографія Колосова. Она съ восторгомъ прочитала статью, не безъ радости везла ее мужу и даже къ автору этой статьи, Крутовскому, чувствовала нѣчто въ родѣ благодарности.

Но пока она везла «біографію» Колосова, почтальонъ принесъ Николаю Николаевичу письмо изъ Петербурга, въ которомъ одинъ изъ пріятелей Стрекалова поспѣшилъ прислать номеръ газеты съ только-что напечатанной корреспонденціей изъ Грязнополья, въ которой не безъ юмора и не безъ хлесткости описывался, разумѣется, подъ вымышленнымъ именемъ, Стрекаловъ и его продѣлка съ рабочими, освѣщенная надлежащимъ свѣтомъ.

Прочитавъ статью, Николай Николаевичъ быстро отодвинулъ карту, надъ которой сидѣлъ, и вскочилъ, какъ ужаленный; онъ хотѣлъ-было немедленно ѣхать къ гу-

бернатору, однако одумался и рѣшилъ дѣйствовать иначе, чтобы вѣрнѣе «пришибить этого мерзавца».

Когда пріѣхала Настасья Дмитріевна и не безъ торжества подала мужу газету, со словами: «прочти, какъ отдѣлали Колосова!» — Стрекаловъ молча подалъ женѣ вырѣзку и промолвилъ:

— А ты прочти, какую гнусность про меня напечатали!

Настасья Дмитріевна поблѣднѣла, однако прочла, и губы ея задрожали отъ злости.

— Неужели опять Крутовской?..

— Кому же больше!..

— Ты что думаешь дѣлать?

— Предложить денегъ этому подлецу и заставить написать контръ-статью...

— Ты думаешь, онъ согласится?

— Такой мерзавецъ, навѣрно, согласится!..

— И какъ редакторы печатаютъ такія гадости?..

— Живутъ этимъ!—не безъ презрѣнія замѣтилъ Стрекаловъ.—Я приму мѣры, чтобы этотъ нумеръ въ Грязнопольѣ не разошелся. Попрошу почтмейстера...

— Господи! Какіе на свѣтѣ дурные люди бываютъ! Что мы ему сдѣлали? За что такая ненависть противъ честныхъ людей?—злобно говорила, какъ полотно блѣдная, Настасья Дмитріевна.—Кажется, тотъ же Крутовской собирается защищать этихъ пьяницъ, которымъ ты же благодѣтельствовалъ и которые отплатили тебѣ тѣмъ, что подали жалобу?..

— Кажется, онъ и адвокатствуетъ; впрочемъ, если и будетъ процессъ, то они же въ дуракахъ останутся, такъ какъ законъ на моей сторонѣ... я вѣдь не поступлю противъ закона...

— Но къ чему же этотъ пасквиль?—мяла въ рукахъ ненавистную газету Стрекалова, чуть не плача отъ гнѣва.

— Время такое, Настенька. Всѣ эти негодяи потому только ругаются, что у самихъ у нихъ нѣтъ ума заработать честно свой хлѣбъ; отъ этого они, со злости, и проповѣдуютъ утопіи.

— Скажи лучше: безумство.

— Это все еще цвѣточки, другъ мой, а ягодки еще впереди: не то еще будетъ.

— Какъ я боюсь за Ѳедю...

— Бояться нечего: Черемисовъ не такой.

— А если?..

— Если...—повторилъ Стрекаловъ, ничего не отвѣтилъ и задумался.

— Мнѣ кажется, Николай, Крутовской не возьметъ денегъ,—сказала немного спустя Стрекалова.

— Возьметъ, долженъ взять! — рѣзко отвѣчалъ Стрекаловъ.

Кажется, Николай Николаевичъ и самъ плохо этому вѣрилъ, потому что съ досадой сказалъ:

— Дуракъ онъ, впрочемъ, большой! Но у меня есть и другія средства заставить его замолчать. Нѣтъ, Настенька, Черемисовъ не похожъ на него... Вѣдь это было бы ужасно держать около Ѳеди такого человѣка.

Настасья Дмитріевна поцѣловала мужа въ лобъ, пожала ему руку, точно хотѣла напомнить, что она будетъ на стражѣ, и вышла изъ кабинета, оставивъ Николая Николаевича «успокоиться одного».

XIV.

Какъ стрекаловскій домъ былъ примѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ точно и супружеская жизнь Стрекаловыхъ была примѣрною во всѣхъ отношеніяхъ. Настасья Дмитріевна была безукоризненная супруга и насчетъ нравственности строга и къ себѣ, и къ другимъ. Николай Николаевичъ держался въ этомъ отношеніи взглядовъ жены, хотя на дѣлѣ и къ себѣ, и къ другимъ былъ схисходительнѣе: дальше засматриванья на хорошенькую горничную (и то только послѣ черезчуръ веселаго обѣда) онъ не шелъ, дальше щипковъ (и то при соблюденіи крайней осторожности относительно «своей Настеньки») онъ не осмѣливался и любилъ жену, насколько хватало силъ и умѣнья. Вообще онъ носилъ брачныя цѣпи весело, незамѣтно, ласкалъ, холилъ жену, совѣтовался въ приличныхъ случаяхъ, выдавалъ безконтрольно ежемѣсячно круглую сумму на содержаніе, а она за все это рожала ему здоровыхъ ребятишекъ, заказывала вкусные обѣды, держала домъ въ порядкѣ, знала всѣ привычки Николая Николаевича, начиная отъ любимыхъ сухарей за утреннимъ кофе до любимаго французскаго романа на столикѣ передъ постелью, безропотно сносила мужнины ласки, когда не было свидѣтелей, и считала своей обязанностью окружать мужа всевозможными попеченіями. При этомъ Настасья Дмитріевна обладала счастливою способностью дѣ-

лать все въ свое время: во-время умѣла поговорить съ мужемъ о домашнихъ расходахъ, во-время пошутить, иногда даже слегка пококетничать и во-время подлить мужу за ужиномъ,—когда находила это нужнымъ,—любимаго cherry «своему Николушкѣ».

Во всемъ была видна съ ея стороны обстоятельность, во всемъ проглядывало строгое исполненіе долга, но ни въ чемъ не замѣтно было ни страсти, ни увлеченья, и Настасья Дмитріевна въ теченіе восемнадцати лѣтъ была вѣрною, исполняющею супружескія обязанности, законною женой своего мужа, не бывъ ни разу его любовницей. Супруги прожили эти восемнадцать лѣтъ мало того, что счастливо, но даже какъ-то черезчуръ животно счастливо, и не только ни разу въ теченіе супружества не поссорились, но даже и не побранились. Они видимо тщеславились своимъ согласіемъ и любовью, шли рука-объ-руку, пѣли тонъ въ тонъ, другъ къ другу были предупредительны, другъ друга звали «другомъ», и жизнь ихъ шла мирнымъ, однообразнымъ шагомъ,—точно они предварительно рѣшили, что для прочности семейнаго гнѣзда необходимо только «исполнять свой долгъ», жить спокойно и уютно, трудиться по мѣрѣ силъ, оставить дѣтямъ непоколебленное состояніе и тогда, свершивъ все земное, можно, пожалуй, и умереть спокойно, съ чистой совѣстью, окруженными благодарными дѣтьми, а, пожалуй, и внуками.

И счастіе ихъ было такъ обаятельно, что многіе благоразумные отцы и матери нерѣдко въ умиленіи указывали своимъ дочерямъ на эту согласную чету и замѣчали:

— Вотъ примѣрные супруги! Вотъ настоящее супружеское счастье!

Казалось бы, что такіе нѣжные супруги должны были сочетаться бракомъ не иначе, какъ по страсти, но предположившій это былъ бы очень далекъ отъ истины. Николай Николаевичъ женился на Настасьѣ Дмитріевнѣ вслѣдствіе многихъ основательныхъ соображеній, къ которымъ страсть (была, конечно, и ея доля) относилась, какъ единица къ десяти. Стрекаловъ какъ-то привыкъ къ молодой дѣвушкѣ, у отца которой, откупщика Полугарова, Николай Николаевичъ былъ своимъ человѣкомъ. Настасья Дмитріевна еще въ молодости отличалась роскошной полнотой стана, красотой и благоразуміемъ, а Николай Николаевичъ и прежде, какъ теперь, уважалъ красоту формъ и практичность. Понятно, эти качества и постоянное пре-

бываніе вмѣстѣ сблизили молодыхъ людей. Настасья Дмитріевна и тогда отлично наливала Николаю Николаевичу чай (Стрекаловъ всегда любилъ, чтобы чай наливали аккуратно и чтобы на блюдечкѣ не было ни капли, и Настасья Дмитріевна скоро это замѣтила), понимала хорошую сторону откупщицкаго дѣла и даже могла судить объ откупныхъ операціяхъ, симпатично относилась къ солиднымъ молодымъ людямъ (а Стрекаловъ къ тому же былъ недуренъ) и никогда никому не надоѣдала ни пылкостью рѣчей, ни пылкостью привязанности. Напротивъ, она знала всему мѣру и время, и даже разъ, когда Николай Николаевичъ, бывши женихомъ, сталъ черезчуръ нѣжно цѣловать молодую красавицу, красавица тихо отвела его руки и не безъ хладнокровія замѣтила:

— Перестаньте, Николай Николаевичъ. Теперь не слѣдуетъ. Подождите, послѣ свадьбы. Да и пора чай разливать,—прибавила она, вставая.

И мѣрной походкой пошла въ столовую разливать чай; никому не забыла положить столько сахару, сколько кто любитъ, аккуратно поставила передъ Николаемъ Николаевичемъ густыя сливки и домашніе сухари, и при всемъ этомъ ея бѣлая рука ни разу не дрогнула. Только румянецъ нѣсколько ярче горѣлъ на щекахъ; но сѣрые глаза, по обыкновенію, глядѣли строго, сжатыя губы все-таки не хотѣли разжаться, и какимъ-то холодомъ вѣяло отъ этого красиваго лица, точно передъ вами было изящное мраморное изваяніе.

Отецъ Полугаровъ очень любилъ свою дочь и врядъ ли бы отдалъ ее замужъ за Стрекалова, тогда еще очень небогатаго молодого человѣка, если-бъ не видѣлъ въ немъ тѣхъ же качествъ терпѣнія и мастерства въ пользованіи обстоятельствами для наживанія денегъ, какими обладалъ и самъ онъ. Этими качествами, вмѣстѣ съ умѣньемъ быстро понять суть всякаго практическаго дѣла, Стрекаловъ отличался смолоду и еще юношей любилъ читать о производствѣ и обмѣнѣ и жадно слушалъ въ полугаровскомъ домѣ, въ которомъ почти что провелъ свое дѣтство, разсказы о подвигахъ русскихъ дѣльцовъ; эти способности мальчика еще болѣе развились во время пятилѣтняго пребыванія въ Англіи, гдѣ онъ, послѣ гимназическаго курса, доканчивалъ свое образованіе и, между прочимъ, изучалъ заводское и фабричное дѣло. Въ странѣ «угля и желѣза» прирожденные инстинкты молодого русскаго предпринима-

теля облеклись въ ту изящно-дѣловую англійскую складку, которая рѣдко встрѣчается въ русскихъ дѣльцахъ, устраивающихъ дѣла «какъ Богъ на душу положитъ»: то замѣчательнымъ плутовствомъ, то наглостью и наскокомъ; по-своему восхищаясь «страной закона», молодой человѣкъ приглядывался къ тамошнимъ порядкамъ, работалъ безъ устали, учился усидчиво и вынесъ большой запасъ энергіи, сноровку и складку англійскаго дѣльца. Онъ порѣшилъ составить себѣ состояніе, понимая хорошо, что на родинѣ можетъ съ успѣхомъ приложить знанія, пріобрѣтенныя на чужбинѣ, и вернулся въ Россію завзятымъ англоманомъ. Если бы не отецъ Стрекалова, чудакъ-помѣщикъ, молодой дѣлецъ немедленно бы затѣялъ «дѣло», но, не желая огорчать отца, Николай Николаевичъ поступилъ въ гвардію и, послуживъ столько, сколько требовало сыновнее приличіе, вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ Грязнополье.

Въ полугаровской семьѣ его встрѣтили какъ родного, и старикъ не безъ уваженія смотрѣлъ на основательнаго, толковаго молодого человѣка. Тѣсное сближеніе стараго дѣльца съ молодымъ началось послѣ одного обстоятельства, при которомъ молодой человѣкъ блистательно доказалъ, что изъ него, какъ говорилъ старикъ Полугаровъ, «человѣкъ выйдетъ».

Обстоятельство было такое: какъ-то Полугарову понадобились на короткій срокъ деньги, и онъ рѣшился обратиться за ними къ своему молодому пріятелю Стрекалову, у котораго было тысячъ пятнадцать. Старикъ былъ человѣкъ, умѣвшій со всего снять пѣнку, и думалъ занять деньги выгодно, т.-е. безъ процентовъ. Полугаровъ былъ увѣренъ, что молодой человѣкъ (Стрекалову было тогда двадцать пять лѣтъ) дастъ деньги безъ слова, потому что, полагалъ старикъ, въ молодые годы чувства мягче, связи чувствуются живѣй, и благодарность еще находитъ пріютъ въ молодомъ сердцѣ.

И вотъ, однажды, когда Николай Николаевичъ зашелъ въ кабинетъ къ Полугарову посовѣтоваться насчетъ какой-то земли, которую онъ предполагалъ взять въ аренду, старикъ, послѣ разговора объ этомъ дѣлѣ, сказалъ:

— А мнѣ, Николай Николаевичъ, нужно тысячъ двѣнадцать. Нѣтъ ли у тебя, дружище, свободныхъ денегъ?

— Пятнадцать тысячъ въ банкѣ есть! — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Дай-ка мнѣ ихъ, пожалуйста; оборотъ нужно сдѣлать, а деньги всѣ въ операціяхъ; мнѣ всего на шесть мѣсяцевъ.

— А сколько вы, Дмитрій Ивановичъ, платите процентовъ?—продолжалъ Николай Николаевичъ.

— Что ты, что ты? — шутливо засмѣялся старикъ:— своему старому пріятелю да на проценты?.. Ну,—шутилъ старикъ:—полъ-процента въ мѣсяцъ довольно?

— Дружба дружбой, уважаемый Дмитрій Ивановичъ, а деньги деньгами. Полагаю, что за полъ-процента вы денегъ нигдѣ не достанете, а за два процента въ мѣсяцъ я съ удовольствіемъ предложу вамъ требуемую сумму. Надѣюсь, это и вамъ будетъ удобно, такъ какъ теперь время горячее, и денегъ достать за меньшій процентъ трудновато.

Старикъ пристально взглянулъ на Стрекалова и замѣтилъ:

— Ну, братецъ, ты деньги-то наживешь! Изъ тебя человѣкъ выйдетъ!.. Согласенъ, согласенъ, — продолжалъ Полугаровъ:—отчего и не дать умному человѣку двухъ процентовъ... Неси свою мошну... неси!

— Само собою вы, Дмитрій Ивановичъ, заемное письмецо мнѣ дадите. Надѣюсь, тогда дѣло будетъ аккуратнѣе?..

— Аккуратнѣе... именно! — повторилъ старикъ. — Изволь, Николай Николаевичъ, и заемное письмецо дамъ...

— И проценты, конечно, впередъ?..

— Впередъ... впередъ... да! изъ тебя человѣкъ выйдетъ! богатъ будешь!—повторилъ Полугаровъ и ласково потрепалъ Николая Николаевича по плечу.

Скоро послѣ этого происшествія старикъ болѣе сблизился съ молодымъ человѣкомъ, подающимъ большія надежды, и, удостовѣрившись, что Стрекаловъ обладаетъ большимъ практическимъ умомъ и умѣньемъ вести дѣла, далъ молодому человѣку пай въ дѣлѣ, и дѣло, при помощи молодого человѣка, пошло замѣтно лучше. Черезъ два года Николай Николаевичъ уже былъ женихомъ его дочери.

И тутъ молодой человѣкъ показалъ себя достойнымъ уваженія Дмитрія Ивановича.

Когда старикъ, отдавая замужъ Настеньку, выразилъ мнѣніе, что не лучше ли Николаю Николаевичу вмѣсто назначенныхъ въ приданое пятидесяти тысячъ получать

ежегодно 15 процентовъ, Николай Николаевичъ скромно, но не безъ твердости, замѣтилъ, что, конечно, «проценты, и такіе большіе—вещь хорошая», но тѣмъ не менѣе «онъ полагалъ бы—и надѣялся, что и Дмитрій Ивановичъ съ этимъ согласится,—что капиталъ въ рукахъ представитъ болѣе гарантій», при чемъ присовокупилъ:

— Мало ли что впередъ случится... Пойдутъ дѣти, нужно о нихъ позаботиться!

Однимъ словомъ, Николай Николаевичъ настоялъ на своемъ и получилъ наканунѣ свадьбы наличными деньгами пятьдесятъ тысячъ. Старикъ и тутъ хотѣлъ-было дать на двадцать тысячъ векселей, но молодой человѣкъ не безъ рѣшительности отклонилъ это предложеніе.

— Нѣтъ спору,—замѣтилъ онъ:—что векселя, особливо ваши,—тѣ же деньги, но Настенька и я предпочли бы банковые билеты... Оно, знаете ли, какъ-то надежнѣе. Вы, конечно, поймете, Дмитрій Ивановичъ, что я настаиваю единственно потому, что понимаю, какія обязанности вытекаютъ изъ брака...

— Пойму, пойму, другъ мой!—говорилъ старикъ не безъ ироніи; однако векселей не далъ, а далъ наличныя.

Свадьба была не пышная. «Непроизводительный расходъ»,—говорилъ Стрекаловъ. «Много народа!»—согласилась Настасья Дмитріевна. Какъ до свадьбы Настасья Дмитріевна не считала въ числѣ своихъ обязанностей принимать слишкомъ нѣжныя ласки отъ Николая Николаевича, такъ теперь она считала своей обязанностью принимать жаркіе поцѣлуи безъ всякаго смущенія. Она, молодая, свѣжая и красивая, полная силъ и здоровья, отвѣчала на ласки жгучими ласками. Она отдалась на законномъ основаніи, безъ одуряющей страсти, но зато, разъ отдавшись, она не стѣснялась; женская стыдливость точно разомъ исчезла, замѣнившись самымъ откровеннымъ служеніемъ богинѣ сладострастья. Она смотрѣла на брачное ложе (освидѣтельствовавъ сперва безукоризненность чистоты бѣлья), какъ на мѣсто, гдѣ натурѣ дозволено все то, чего натура, съ наклонностями животнаго, разнуздавшись, потребуетъ...

Даже Николай Николаевичъ не безъ удивленія замѣтилъ, что его молодая жена слишкомъ «горячо и часто его цѣлуетъ».

— Помнишь, Настя, какъ ты не позволяла себя поцѣловать, бывши невѣстой?..

— Тогда—другое дѣло, а теперь я твоя предъ людьми и Богомъ...

Въ первое же утро супружеской жизни Настасья Дмитріевна показала, что она не забываетъ и другихъ своихъ обязанностей. Замѣтивъ, что сливки къ кофе были не слишкомъ горячи, она сдѣлала выговоръ лакею, предупредивъ его своимъ ровнымъ металлическимъ голосомъ, чтобы впередъ этого не было, и когда Николай Николаевичъ хотѣлъ поцѣлуемъ смягчить ея первое послѣ свадьбы неудовольствіе, она не безъ стыдливости замѣтила по-французски, что «при людяхъ цѣловаться стыдно», и повторила лакею выговоръ.

Любила ли она?

По-своему, конечно, любила, хотя въ ея проявленіяхъ любви было не менѣе, если не болѣе, того холоднаго, обстоятельнаго разврата, за который такъ бичуютъ продажныхъ женщинъ. Послѣднія развратны по нуждѣ или изъ любви къ роскоши; Настасья Дмитріевна по святой обязанности.

Кто лучше?

XV.

Нѣсколько времени послѣ свадьбы, зять и тесть вели дѣла вмѣстѣ, но пронеслись слухи объ уничтоженіи откуповъ, да кромѣ того сгорѣла знаменитая ситцевая полугаровская фабрика, и зять отдѣлился отъ тестя. Послѣ раздѣла Стрекаловъ могъ считаться во ста тысячахъ. Предсказанія его о томъ, «мало ли что впередъ можетъ случиться», сбылись: послѣ уничтоженія откуповъ, дѣла старика Полугарова пошли плохо; тутъ же подоспѣло освобожденіе крестьянъ, тоже надѣлавшее бѣдъ не умѣвшему извернуться Полугарову. Дѣла его окончательно запутались, и онъ понемногу совсѣмъ разорился и, наконецъ, разоренный, умеръ на рукахъ у растроганныхъ зятя и дочери, которые, впрочемъ, не рискнули своимъ состояніемъ, чтобы во-время спасти старика отъ банкротства.

Дѣла Николая Николаевича въ то время, наоборотъ, шли отлично. Онъ зналъ технику многихъ производствъ, одинъ изъ первыхъ въ то время завелъ пароходное общество, съ толкомъ читалъ разныя спеціальныя книги по заводскому и фабричному дѣлу, зналъ химію, понималъ сельское хозяйство, прилагалъ прочитанное со смѣлостью на практикѣ, и дѣла его шли блестяще. Ему, какъ гово-

рять, везло. Онъ строилъ фабрики, заводы и имѣлъ успѣхъ. Въ то время, когда помѣщики плакались на «эмансипацію» и бросали земли, Стрекаловъ скупалъ ихъ за безцѣнокъ, смекнувъ, что эмансипація съ небольшимъ надѣломъ, собственно говоря, не мѣшаетъ ему выгодно сдавать земли и получать оброки, какъ онъ получалъ прежде. Онъ еще и во время крѣпостного состоянія освободилъ крестьянъ, надѣливъ ихъ по полторы десятины на душу, не безъ остроумія замѣчая:

— Крѣпостной работаетъ хуже, ну и заботься, кромѣ того, о немъ, а наемный — денежки получилъ, и баста. Не годится—вонъ. Было бы болото, а черти всегда найдутся.

Николай Николаевичъ почитывалъ политико-экономическія книжки. Восхищался Смитомъ и въ развитіи промышленности видѣлъ конечную цѣль блага и цивилизаціи; съ этой стороны идеаломъ его была любимая имъ Англія съ ея безчисленными заводами, фабриками и мастерскими. Поклонникъ Бруно-Гильтебранта, Жюля Симона, Рошера, Сея и другихъ экономистовъ, русскій англизированный практикъ Николай Николаевичъ вполнѣ раздѣлялъ ихъ мнѣнія и радъ былъ, что «гидра пролетаріата не виситъ надъ русской землей». Впрочемъ, если-бъ и явился пролетаріатъ, то это было бы, по мнѣнію Стрекалова, неизбѣжное зло, помочь которому могли бы сами пролетаріи трудолюбіемъ и бережливостью.

Съ своими рабочими,—а у Стрекалова ихъ было временами до трехъ тысячъ, — Николай Николаевичъ обращался относительно хорошо; онъ и во время крѣпостного состоянія не наказывалъ тѣлесно, кормилъ вволю, но донималъ ихъ штрафами; система штрафовъ была доведена до виртуознаго совершенства, и рабочіе были постоянно въ долгу у хозяина, такъ что de facto они работали за половину рыночной цѣны; при стрекаловскихъ заводахъ и фабрикахъ были школы и больницы, но въ нихъ какъ-то неохотно шелъ мужикъ, тѣмъ болѣе, что и тамъ Стрекаловъ завелъ такую дисциплину и такой казарменный порядокъ, которые удивительно пугали русскаго человѣка.

Съ крестьянами (Стрекаловъ имѣлъ нѣсколько имѣній) Николай Николаевичъ тоже велъ дѣло ловко и хорошо при помощи штрафовъ. Если мужикъ не во-время внесъ оброкъ—налагался «умѣренный» штрафъ; вырубилъ дерево изъ господскаго лѣса — опять штрафъ; пустилъ свинью въ господское поле — штрафъ же.

— Вѣдь я, любезнѣйшій, по совѣсти поступаю!—говорилъ обыкновенно виновному мужику Николай Николаевичъ.—Ты вѣдь рубилъ дерево?

— Это точно, что рубилъ, Миколай Миколаевичъ!—отвѣчалъ, понуря голову, мужикъ.

— А по закону развѣ можно рубить?

Мужикъ, разумѣется, молчалъ.

— Нѣтъ, Степанъ, разсуди самъ,—ласково продолжалъ Николай Николаевичъ:—можно ли по закону рубить чужое дерево? Вѣдь я твою избу не трогаю?..

— Да что ее трогать... Вотъ соломы нѣту, покрыть нечѣмъ!..

— Ну, и ты моего не трогай, а то, самъ посуди, что̀ было бы, если-бъ я твое трогалъ, ты мое... Чортъ знаетъ что̀ было бы!..

Мужикъ опять молчалъ.

— А тронулъ—что дѣлать, съ кѣмъ, братъ, грѣха не бываетъ?—заплати... Вѣдь это лучше, чѣмъ за порубку судиться... Нынче вѣдь, Степанъ, строго... Новые суды—ой, ой, ой...

— Нечего платить, Миколай Миколаевичъ... Освобони, отецъ родной...

— Теперь не можешь—подожду. Ты, кажется, плотникъ, а мнѣ плотникъ нуженъ, амбаръ срубить... Ты и деньги заработаешь, и штрафъ заплатишь...

Обыкновенно мужикъ соглашался «на штрафъ».

— У меня,—говаривалъ Стрекаловъ:—все по добросовѣстному соглашенію. Самъ чувствуетъ, что неправъ, ну, и штрафуется. По крайней мѣрѣ, пріучится къ честности и порядку.

Нельзя сказать, чтобы подобный, хоть и вполнѣ законный образъ дѣйствій очень нравился крестьянамъ, которымъ приходилось «штрафоваться», такъ какъ подобная система дѣлала то, что и крестьяне, и рабочіе, на самыхъ законныхъ основаніяхъ, находились въ положеніи не лучшемъ, чѣмъ при крѣпостномъ состояніи. Поэтому-то мужики нерѣдко говорили:

— Ну, отпори лучше, а не штрафуй! Отпори лучше, коли тебѣ обидно!

Слыша подобныя рѣчи, Николай Николаевичъ ужасался «скотству русскаго человѣка» и замѣчалъ, что въ немъ нѣтъ рѣшительно никакой чести и сознанія человѣческаго достоинства.

— Сѣчь проситъ!—говорилъ не безъ соболѣзнованія Николай Николаевичъ:—точно я палачъ или живодеръ. Я, слава Богу, въ жизнь никого пальцемъ не тронулъ и не трону, а виноватъ—плати или судись. Кто работаетъ у меня—получаетъ сполна свою плату... никто гроша его даромъ не задержитъ... Я тоже,—съ гордостью продолжалъ Николай Николаевичъ:—началъ съ небольшимъ; по переднимъ спины не гнулъ, казну не обкрадывалъ, съ крѣпостныхъ шкуры не тянулъ и выбрался въ люди... ну, и всякій можетъ. Вѣдь вотъ Сиволаповъ: мужикъ былъ, а теперь коммерціи совѣтникъ и концессіонеръ... Ну, и ты работай, а то сѣчь...

Несмотря на такіе убѣдительные примѣры о самомъ баринѣ и о Сиволаповѣ, мужикъ все-таки просилъ сѣчь...

— Нѣтъ, братъ, уйди... Не могу я этого видѣть, какъ ты унижаешься!—говорилъ Стрекаловъ и, дѣйствительно, искренно возмущался такой глубокой, по его словамъ, «испорченностью русскаго человѣка».

А мужикъ все валялся въ ногахъ и говорилъ:

— Хоть убей, а заплатить нечѣмъ. Сѣки!

Тогда Николай Николаевичъ приказывалъ уводить такого невольнаго охотника до сѣченья и уменьшалъ штрафъ, но все-таки взималъ его съ легкимъ сердцемъ, безъ всякаго «страха и упрека».

Тѣхъ мужиковъ-«кулаковъ», которые умѣли разными прижимками своей же бѣдной братьи сколачивать деньгу, Николай Николаевичъ особенно любилъ, таковыхъ поощрялъ и нерѣдко ссужалъ деньгами.

— Такому и дать не жаль!—говаривалъ Стрекаловъ.—Не на вино пойдутъ, а на дѣло. Сколько тебѣ?

— Да сотъ пять-то нужно. Въ Подгорьѣ хочу трахтиръ ладить!—замѣчалъ мужикъ.

— Ладь, ладь... дѣло хорошее. Мѣсто людное, бойкое, доходъ будетъ. Вотъ тебѣ деньги, ступай съ Богомъ!

— Кормилецъ ты нашъ... дай Богъ тебѣ всего, что̀ пожелаешь!—благодарилъ кулакъ, уходя съ деньгами.

— Желаю успѣха. На дѣло не жаль!

Такимъ образомъ Стрекаловъ пользовался въ окрестностяхъ Грязнополья репутаціей кормильца и ангела-человѣка. Кабатчики, харчевники, торговцы, кулаки, лѣсные маклаки, скупщики крестьянскаго хлѣба,—весь этотъ народъ боготворилъ Николая Николаевича и пропагандировалъ его имя, извѣстное во всей губерніи.

Только бѣдняки недолюбливали этого благодѣтеля, но ихъ говоръ считался говоромъ пьянаго и лѣниваго народа.

Пока онъ наживалъ деньги и предпринималъ предпріятія, Настасья Дмитріевна ежегодно рожала по ребенку; но изъ восьми человѣкъ дѣтей осталось въ живыхъ только двое: сынъ и дочь. Въ послѣднее время у Стрекаловыхъ дѣтей не было. Настасья Дмитріевна находила, что рожать утомительно, и что частые роды портятъ красоту, и рѣшила, что можно, при умѣньи, обойтись и безъ дѣтей...

Дѣтей своихъ Стрекаловъ любилъ безъ памяти, и дѣти росли среди довольства, ласкъ, подъ присмотромъ боннъ и гувернантки, сперва нѣмки, потомъ англичанки и наконецъ француженки. Образованіе имъ, по словамъ родителей, хотѣли дать основательное, и правда: и сынъ и дочь уже въ четырнадцать лѣтъ знали четыре языка, свободно на нихъ говорили, не худо знали гимназическій курсъ и мастерски играли на фортепіано; сынъ, кромѣ того, изучилъ бухгалтерію. Когда сыну минуло пятнадцать лѣтъ, отецъ задумалъ приготовить его къ университету (для чего и пригласилъ Черемисова), а по окончаніи курса рѣшилъ послать на заводъ въ Англію. Дочь, которой было семнадцать лѣтъ, еще училась и тоже должна была присутствовать на нѣкоторыхъ урокахъ Черемисова, конечно, въ присутствіи гувернантки. Стрекаловы жили скромно, особнякомъ. Самъ онъ былъ постоянно занятъ, то въ разъѣздахъ, то дома за дѣломъ; жена не любила выѣздовъ; впрочемъ, у нихъ былъ небольшой, но избранный либеральный кружокъ грязнопольскихъ жителей. Судебный персоналъ былъ, конечно, въ томъ числѣ.

Въ послѣднее время Николай Николаевичъ лелѣялъ самую завѣтную мысль: ему хотѣлось получить концессію; разъ это дѣло сорвалось, но онъ не унывалъ и хотѣлъ испробовать удачи во второй; предсѣдательства онъ желалъ, какъ средства скорѣй подвинуть дѣло; впрочемъ, и безъ него онъ надѣялся, что зимой все будетъ рѣшено, такъ какъ приготовленія всѣ были сдѣланы, и даже для этого онъ часто приглашалъ къ себѣ въ домъ молодого предсѣдателя грязнопольскаго суда, имѣвшаго въ Петербургѣ большія связи, который не безъ особеннаго удовольствія заглядывался на дочь Стрекалова. «Если бы Ольга полюбила его,—иногда мечталъ Стрекаловъ:—дѣло бы значительно подвинулось; конечно, заставлять ее не буду!»

Онъ только искусственно сближалъ ихъ, чему помогала, конечно, и Настасья Дмитріевна, такъ какъ, помимо связей, предсѣдатель, по ихъ мнѣнію, былъ солидный, изящный молодой человѣкъ съ блестящей карьерой впереди, которая, того и гляди, приведетъ его къ министерскому креслу.

XVI.

— Вамъ кого угодно?—по обыкновенію, невозмутимо вѣжливо спрашивалъ Филатъ, отворивъ Черемисову двери стрекаловскаго дома.

— Скажите г. Стрекалову, что Черемисовъ пріѣхалъ. Учитель, молъ...

— Барина нѣтъ дома... Пожалуйте наверхъ, ваша комната давно готова... Прикажете взять вещи?

— Сдѣлайте одолженіе...

Филатъ взялъ чемоданъ и не безъ улыбки поднялъ его. «Малюсенькій!»—подумалъ онъ, провожая наверхъ и оглядывая костюмъ Черемисова.—«Шитье не важное и товаръ не Богъ знаетъ какой!»—размышлялъ Филатъ, поднимаясь по лѣстницѣ; затѣмъ, когда они поднялись наверхъ, онъ не безъ ловкости забѣжалъ впередъ, распахнулъ двери комнаты и, деликатно отступивъ назадъ, промолвилъ: «пожалуйте!»

Комната оказалась удобной во всѣхъ отношеніяхъ: свѣтла, просторна, окнами въ садъ, отлично меблированная, полная комфорта; ничто въ ней не было забыто; все сіяло чистотой и порядкомъ.

— Апартаментъ — роскошный! — промолвилъ Черемисовъ.

«Чай, никогда и не живалъ въ такихъ!»—про себя подумалъ Филатъ.

— Ну-ка, давайте чемоданъ!..—обратился Черемисовъ, принимая изъ Филатовыхъ рукъ чемоданъ.

Такая выходка нѣсколько озадачила Филата. Онъ выступилъ шага три впередъ и замѣтилъ:

— Прикажете открыть?

— А я-то что буду дѣлать?—засмѣялся Черемисовъ.

Филатъ удивленно взглянулъ на Черемисова и, отступивъ къ дверямъ, сталъ глубокомысленно наблюдать, какъ Черемисовъ разбиралъ вещи.

«Мало-жъ у тебя бѣльишка... мало!.. всего шесть рубахъ, а ночныхъ три!.. И одежды всего-на-всего двѣ пары!

Видно, и ты подневольный человѣкъ, хоть и баринъ. А можетъ, и не изъ господъ?—философствовалъ Филатъ.—Нынче обучился и сталъ баринъ! Эка, книжекъ сколько Должно, любопытныя есть!—порадовался Филатъ, большой охотникъ до чтенія любовныхъ и страшныхъ исторій.—Прочтемъ!»

Замѣтивъ Филата, въ почтительной позѣ стоявшаго у дверей, Черемисовъ не могъ удержаться отъ улыбки: красноватое, солидное лицо, подпертое туго накрахмаленнымъ галстукомъ, полная безстрастнаго достоинства фигура, наконецъ самая молчаливость были въ высшей степени комичны.

— Какъ васъ звать?—спросилъ Черемисовъ.

— Филатомъ-съ.

— Ладно. Чего вы стоите здѣсь, Филатъ?

— Не будетъ ли съ вашей стороны какихъ приказаній? Назначенъ къ вамъ для услугъ!—тихо отчеканилъ лакейски-офиціальнымъ тономъ солидный лакей.

Черемисовъ расхохотался такъ, что Филатъ очень странно взглянулъ на него; впрочемъ, черезъ минуту онъ попрежнему сталъ серьезенъ и важенъ.

— Ничего мнѣ не надо. Ступайте себѣ съ Богомъ.

— Быть-можетъ, одѣваться изволите?

— Самъ одѣнусь...

— Платье не прикажете ли почистить?

— И платье вычищу!

Филатъ окончательно былъ сраженъ. Желая щегольнуть знаніемъ своихъ обязанностей и въ то же время кольнуть Черемисова, онъ снова отчеканилъ:

— Не угодно ли будетъ приказать доложить о благополучномъ прибытіи вашемъ барину, когда они вернутся съ завода?

— «Экая выправка!»—улыбнулся Глѣбъ.—Пожалуй, доложите о моемъ прибытіи. Постойте, Филатъ! Одинъ вопросъ: отчего вы такъ говорите?

— То-есть какъ-съ?—недоумѣвалъ Филатъ.

— Да странно какъ-то...

— Приказываютъ... Здѣсь выученъ... Какъ же и говорить въ порядочномъ домѣ!—невозмутимо-серьезно доложилъ Филатъ.

— А!.. Идите съ Богомъ.

Филатъ поклонился, предупредивъ, что «пуговка отъ звонка у кровати».

— Электрическій звонокъ-съ. Если угодно позвать, извольте только чуть-чуть придавить!—снисходительно пояснилъ Филатъ, не безъ доли ироніи въ голосѣ.

Оставшись одинъ, Глѣбъ разразился веселымъ смѣхомъ. «Къ англичанамъ заѣхалъ, да и только! И хозяинъ—англичанинъ, и Филатъ—англичанинъ, и комната въ англійскомъ вкусѣ... ишь, умывальникъ какой... отлично! И деревья подстрижены, какъ въ англійскихъ иллюстраціяхъ... Образцовый домъ, да и только! Каковы сама миссисъ, миссъ и юный лордъ?»—улыбался Глѣбъ, приглаживая передъ зеркаломъ свои непокорныя кудри.

Приведя костюмъ свой въ порядокъ, Черемисовъ хотѣлъ-было спуститься въ садъ, какъ въ двери постучали два раза. «Самъ, вѣрно?»—подумалъ Глѣбъ, проговоривъ обычное «войдите!»

Вошелъ Николай Николаевичъ и весело пожалъ Глѣбу руку.

— Вы, Глѣбъ Петровичъ, аккуратны, какъ англичанинъ... Сегодня пятнадцатое—именно то число, въ которое обѣщались быть... Аккуратность, кажется, у насъ рѣдкая добродѣтель, и тѣмъ пріятнѣе ее видѣть... Довольны вы комнатой?

— Очень...

— Весьма радъ... Кажется, вамъ здѣсь будетъ удобно. Завтракать угодно вмѣстѣ съ нами?

— Отчего-жъ...

— Черезъ двѣ минуты будетъ звонокъ,—замѣтилъ Стрекаловъ, взглянувъ на часы.—Мы, Глѣбъ Петровичъ, завтракаемъ ровно въ двѣнадцать, обѣдаемъ въ шесть!—добавилъ Николай Николаевичъ, бросая быстрый взглядъ на костюмъ Черемисова и, повидимому, удовлетворенный осмотромъ.

Черезъ минуту прозвонилъ колоколъ, и хозяинъ съ Черемисовымъ сошли внизъ.

Вся семья была въ сборѣ за столомъ; всѣ глаза съ любопытствомъ были устремлены на Глѣба, когда онъ, подъ руку со Стрекаловымъ, вошелъ въ столовую. Николай Николаевичъ подвелъ Черемисова къ женѣ и сказалъ:

— Прошу быть добрыми знакомыми. Глѣбъ Петровичъ Черемисовъ, Настасья Дмитріевна—моя жена!

— Очень рада съ вами познакомиться, Глѣбъ Петровичъ!—промолвила Настасья Дмитріевна, любезно протягивая руку.—Я уже раньше знакома съ вами по восторжен-

нымъ рѣчамъ мужа и заранѣе считаю себя вашей доброй знакомой!—улыбнулась Стрекалова.

Въ отвѣтъ на этотъ маленькій любезный спичъ Черемисову оставалось только поклониться, что̀ онъ и исполнилъ не безъ успѣха.

— А вотъ моя дочь Ольга Николаевна, наша добрая наставница mademoiselle Ленормъ и сынъ мой—вашъ будущій ученикъ, Ѳедя,—продолжалъ Стрекаловъ знакомить Глѣба съ остальными членами семейства.—Теперь, кажется, вы со всѣми знакомы; милости прошу, Глѣбъ Петровичъ, садиться.

Стрекаловъ посадилъ Черемисова подлѣ себя. Всѣ ѣли молча и чинно, изрѣдка поглядывая на новаго сожителя, который, послѣ жиденькаго чая у Крутовскихъ, усердно уписывалъ порядочный кусокъ ростбифа, поданный ему еще болѣе серьезнымъ, чѣмъ Филатъ, пожилымъ лакеемъ во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ.

На Настасью Дмитріевну Глѣбъ произвелъ съ перваго раза скорѣй пріятное, чѣмъ непріятное впечатлѣніе.

«Приличенъ!»—подумала она, убѣдясь, что онъ умѣетъ ѣсть съ вилки и не чавкаетъ губами, и взглянула на его руки и бѣлье. И руками, и бѣльемъ она осталась довольна, хотя и нашла, что руки были великоваты и красноваты, а бѣлье худо выглажено. Незамѣтно бросая взгляды на Черемисова, Настасья Дмитріевна осталась довольною и лицомъ; физіономія учителя, по ея мнѣнію, была «не глупая, но и не семинарская, вообще физіономія ничего себѣ». Не совсѣмъ довольна осталась Настасья Дмитріевна только глазами Глѣба (хотя они въ это время весьма скромно исполняли свое назначеніе), показавшимися ей «цытливыми», да густыми вьющимися его волосами, которые, несмотря на приглаживанье, настойчиво лѣзли вверхъ, образуя на головѣ нѣчто въ родѣ лохматой волосяной шапки.

«Ахъ, если бы онъ остригся!»—искренно пожелала Настасья Дмитріевна, не безъ нѣкоторой душевной тоски посматривая на черемисовскую гриву.

Ольга раза два-три украдкой исподлобья взглянула на Черемисова и каждый разъ равнодушно отворачивалась. Она думала, что пріѣдетъ блѣдный, задумчивый черноволосый молодой человѣкъ, съ печатью скорби на лицѣ (такими, по крайней мѣрѣ, она представляла себѣ «учителей» по послѣднимъ романамъ), а вмѣсто этого краснощекій, не въ мѣру здоровый, скорѣе веселый, чѣмъ грустный, съ

«такими большими красными руками и съ такимъ волчьимъ аппетитомъ».

Ленормъ взглядывала на Черемисова не безъ любопытства, и француженкѣ понравилось его смѣлое лицо; Ѳедя безъ церемоніи разглядывалъ будущаго учителя, стараясь рѣшить вопросъ: «что это за птица?»

Покончивъ съ ростбифомъ, Черемисовъ принялся за кофе и наблюденія.

«Лэди строга, а миссъ красавица!»—рѣшилъ онъ, переводя взглядъ съ матери на дочь. Сходство между ними было поразительное: тотъ же, что и у матери, строгій взглядъ сѣрыхъ стальныхъ глазъ, тѣ же сжатыя, рѣзко очерченныя линіи губъ, та же правильность и изящество формъ, но дочь могла похвастаться тѣмъ,чего не доставало матери: свѣжестью семнадцатилѣтней дѣвушки, пышнымъ румянцемъ и сосредоточеннымъ, пытливымъ выраженіемъ (точно она занята была рѣшеніемъ какой-то задачи, засѣвшей въ ея головку), которое смѣнилось самой привѣтливой, открытой улыбкой, когда она засмѣялась тихимъ сдержаннымъ смѣхомъ, разговаривая съ Ленормъ. И глаза ея въ это время глядѣли какъ-то мягче, ласковѣе...

М-lle Ленормъ была брюнетка лѣтъ двадцати пяти, съ дерзкимъ смуглымъ лицомъ, обладавшимъ, впрочемъ, способностью мѣнять свое выраженіе со скоростью мысли. Маленькой, стройной, нервной француженкѣ, казалось, не сидѣлось на мѣстѣ, точно внутри ея былъ какой-то бѣсъ, не смѣвшій однако совсѣмъ высунуть свои рожки въ этомъ благовоспитанномъ домѣ; она была не хороша, а мила, граціозна, лукава, и если-бъ на ней было не скромненькое свѣтленькое ситцевое платье, а шелкъ и бархатъ, то она скорѣй бы смахивала на Фрину, чѣмъ на скромную наставницу.

Она заговорила первая и со всѣми на разные лады: съ Настасьей Дмитріевной серьезно-почтительно, съ Ольгой по-товарищески, съ Николаемъ Николаевичемъ съ чуть примѣтнымъ лукавымъ кокетствомъ...

«Степной коникъ, попавшій въ оглобли!» — подумалъ про нее Глѣбъ, разсматривая Ѳедю.

Ѳедя походилъ на отца и лицомъ, и складомъ: это былъ плотный, здоровый, остриженный отрокъ; физіономія умная, глаза маленькіе—живые... Когда Глѣбъ взглянулъ на него, отрокъ сконфузился и сталъ усердно скатывать хлѣбные шарики.

За кофе разговоръ оживился. Стрекаловъ шутилъ съ сыномъ, Ленормъ болтала съ Ольгой, только Настасья Дмитріевна съ Глѣбомъ молчали. Наконецъ она обратилась къ Черемисову:

— Ну, какъ вамъ понравилось Грязнополье, Глѣбъ Петровичъ?

Городъ красивый!—отвѣчалъ Черемисовъ.

— Я думаю, васъ утомила дорога?—спросила она черезъ нѣсколько времени, смущенная его лаконическимъ отвѣтомъ.

— Нѣтъ. Я привыкъ ѣздить.

«Странно онъ говоритъ!» — подумала Настасья Дмитріевна и стала придумывать, какъ бы втянуть его въ разговоръ. Ей очень хотѣлось поговорить съ Черемисовымъ о воспитаніи, но его односложные отвѣты заставили ее отложить это намѣреніе до другого, болѣе удобнаго случая.

«Когда болѣе познакомимся, тогда поговоримъ!»—рѣшила она.

Вопросы воспитанія были любимымъ конькомъ Настасьи Дмитріевны; она читала книжки и журналы, посвященные этимъ вопросамъ, любила кстати и не кстати упоминать въ разговорѣ имена знаменитыхъ педагоговъ, считала себя, нѣкоторымъ образомъ, авторитетной въ дѣлѣ воспитанія, и потому ей очень хотѣлось «позондировать съ этой стороны молодого человѣка, для котораго дѣло воспитанія, — полагала Настасья Дмитріевна, — должно быть близкимъ сердцу».

Первыя попытки втянуть Глѣба въ разговоръ не остановили ее; ей хотѣлось показать учителю вниманіе и желаніе стать съ нимъ скорѣе на дружескую, короткую ногу, и она снова обратилась къ нему:

— А что, Глѣбъ Петровичъ, дѣлается въ Петербургѣ? Вы бы намъ, провинціаламъ, разсказали... Отъ Николая правды не услышишь. Онъ бранитъ Петербургъ.

Глѣбъ чуть-чуть улыбнулся при этомъ неожиданномъ вопросѣ и вскинулъ на хозяйку глаза. Обѣ дѣвушки поймали эту улыбку; Ленормъ сама улыбнулась, а Ольга не безъ досады взглянула на Черемисова.

— Врядъ ли я въ состояніи, Настасья Дмитріевна, сообщить вамъ что-либо интересное... Вы, вѣроятно, читаете газеты?

— Мы получаемъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Голосъ».

— Я, право, знаю меньше «Вѣдомостей» и «Голоса», — улыбнулся Черемисовъ.

— О женскихъ курсахъ ничего утѣшительнаго не слыхать?—внушительно спрашивала Настасья Дмитріевна.

— Нѣтъ-съ...

— Жаль будетъ, если они не состоятся...

— Да, жаль!..

«Однако лэди лиоералка!»—подумалъ Черемисовъ.

— Лавровская еще восхищаетъ своимъ дивнымъ голосомъ?—продолжала Настасья Дмитріевна, полагая, что если этого молодого человѣка не тронули женскіе курсы, то, быть-можетъ, тронетъ опера.

— Кажется, поетъ...

— Не правда ли, что за прелестный голосъ?

— Голосъ хорошій...

Настасья Дмитріевна снисходительно улыбнулась и замолчала.

«Не особенно разговорчивъ!»—подумала она.

— Господинъ Черемисовъ оперы не любитъ?—на чистомъ русскомъ языкѣ обратилась къ Черемисову Ленормъ не безъ насмѣшки въ голосѣ и взглядѣ.

«Съ чего и эта юла пристаетъ ко мнѣ? Экзаменуютъ онѣ меня, что ли?»—подумалъ Глѣбъ, пристально взглядывая на француженку, глаза которой посмѣивались и имѣли сильное желаніе подразнить «этого медвѣдя», какъ она уже окрестила Глѣба по секрету своей сосѣдкѣ.

— Вы думаете?—спросилъ Черемисовъ.

— Думаю,—засмѣялась француженка.

— Въ такомъ случаѣ вы ошибаетесь...

— Очень рада, что ошиблась... Кто не любитъ музыки... Ленормъ остановилась.

— Что-жъ вы не досказываете? — вступился Стрекаловъ.—Заставьте Глѣба Петровича выпить до дна горькую чашу...

— Тотъ человѣкъ безъ сердца...

— А кто любитъ?—улыбнулся Глѣбъ.

— Отвѣтъ не труденъ, — съ гримаскои сказала Ленормъ...

Черемисовъ не продолжалъ разговора, и его оставили въ покоѣ. Послѣ завтрака Николай Николаевичъ уѣхалъ на заводъ, а Настасья Дмитріевна объявила, что идетъ въ гостиную продолжать Маколея, и сказала дѣтямъ и гувернанткѣ, что имъ пора за чтеніе.

— У насъ,—улыбнулась она Черемисову: — всѣ часы распредѣлены. Я считаю такой образъ жизни самымъ правильнымъ и удобнымъ...

Она остановилась, ожидая, что Черемисовъ согласится съ этимъ, но такъ какъ Глѣбъ упорно молчалъ, то она замѣтила:

— Строгое распредѣленіе времени пріучаетъ къ труду и къ исполненію своихъ обязанностей... Мы здѣсь къ этому привыкли и, кажется, всѣ довольны... Послѣ завтрака m-lle Lenorme обыкновенно два часа читаетъ съ дѣтьми въ саду... Въ какое время угодно вамъ будетъ заниматься съ Ѳедей?..

— Вы рано встаете?—обратился Черемисовъ къ отроку.

Ѳедя вспыхнулъ и сказалъ, что рано, въ девять часовъ.

— Ну, это не особенно рано. Когда вамъ удобнѣе заниматься?..

— Мнѣ кажется, Глѣбъ Петровичъ, что вопросъ объ удобствѣ долженъ быть рѣшенъ вами, а не Ѳедей.

— Мнѣ кажется, обоими, Настасья Дмитріевна... Вы не прочь, Ѳедя, заниматься утромъ?—снова обратился Глѣбъ къ юношѣ.

— Отчего-жъ?.. Будемте заниматься по утрамъ,—проговорилъ Ѳедя.

— Значитъ, вопросъ и рѣшенъ, Настасья Дмитріевна...

— Я очень рада, что вы такъ скоро пришли къ соглашенію, — улыбнулась Настасья Дмитріевна. — Ну, mesdames, берите книгу и въ садъ, погода славная...

— Господину Черемисову не угодно будетъ вмѣстѣ слушать... les contes de M. Laboulaye?..—совершенно серьезно спросила Ленормъ, лукаво щуря глаза въ то самое время, когда Настасья Дмитріевна отвернулась...

— Нѣтъ, благодарю!—отвѣчалъ Глѣбъ.

— Изволили читать?

— Читалъ.

— Интересная книга!..—усмѣхнулась француженка.

— Очень!—улыбнулся Глѣбъ.

— Идите, господа!—крикнула Ленормъ, и обѣ дѣвушки вмѣстѣ съ Ѳедей вышли изъ комнаты.

«Съ душкомъ! Отъ скуки можно развлечься съ этимъ медвѣдемъ!»—подумала про себя француженка.

— Понравился вамъ медвѣдь, господа?..—спрашивала она въ саду Ольгу и Ѳедю.

— Нѣтъ!..—отвѣчала Ольга.—У него такая злая улыбка...

— А по-моему, вовсе не злая... Не даромъ папа его хвалитъ!..—замѣтилъ Ѳедя...

— Ты всегда говоришь съ чужихъ словъ, Ѳедя...

— А ты по-своему, да...— Ѳедя во-время остановился.

— Ужъ и споры... Есть изъ чего,—вступилась, громко смѣясь, Ленормъ, раскрывая книгу.—Давайте-ка лучше читать.

— Ты, Оля, не сердись,—ласково заговорилъ Ѳедя минуту спустя:—но развѣ можно судить такъ скоро о человѣкѣ?..

— Я, милый мой, не сержусь... Я и не сужу... я только высказываю свое первое впечатлѣніе...

— Ты не сердишься? Такъ поцѣлуемся,—промолвилъ Ѳедя, подбѣгая къ сестрѣ.

Братъ и сестра звонко поцѣловались.

— Ну, миръ заключенъ, значитъ, можно начинать!..—промолвила гувернантка и стала читать...

Настасья Дмитріевна плохо одолѣвала Маколея. Ее занимали больше мысли о новомъ лицѣ... Что это за человѣкъ? Не ошибся ли Николай въ выборѣ?.. Будетъ ли онъ хорошимъ наставникомъ Ѳеди?.. Не испортитъ ли онъ мальчика?

Какъ нарочно въ это самое время ей подвернулась мысль о Крутовскомъ, и она съ сердцемъ отодвинула книгу. «Господи, какіе злые есть между ними!»—шепнула она, и въ сердце ея почему-то стало закрадываться сомнѣніе относительно Черемисова.

Черемисовъ ушелъ наверхъ и заперся. Онъ пролежалъ на диванѣ, пока не прозвонилъ колоколъ.

XVII.

«Сегодня ровно мѣсяцъ, любезный дружище Василій,—писалъ Глѣбъ къ своему пріятелю:—какъ я пребываю у моихъ англичанъ Стрекаловыхъ, занимаюсь съ отрокомъ, отчасти съ молодой миссъ. Признаюсь, все это время я таки-порядочно хандрилъ, валялся на диванѣ, безсмысленно глядя въ потолокъ, и ропталъ на судьбу, толкнувшую меня въ этотъ благовоспитанный домъ, гдѣ даже лакеи накрахмалены и говорятъ въ умѣренно-либеральномъ тонѣ... Хандра моя, впрочемъ, по обыкновенію, продолжалась не долго; нѣсколько дней тому назадъ я пошелъ на заводъ вмѣстѣ съ Стрекаловымъ и...

«Смѣйся, смѣйся, братъ, изъ своего непріютнаго далека, куда тебя забросила судьба, но мнѣ не передѣлать своего характера, горбатаго могила исправитъ... Вѣдь, кажется, какъ ты говорилъ, давно бы пора нашему брату, прохвосту, поджать хвостъ и издали, забившись въ норку, вдоволь любоваться тѣмъ интереснымъ зрѣлищемъ, которое представляетъ чреватое событіями наше время... А если не любоваться, то злиться... (какъ ты и дѣлаешь) и показывать кукиши изъ кармана подъ опаской самому не превратиться въ кукишъ, который потомъ опишутъ наши знаменитые романисты на посмѣшище старымъ и малымъ. Опытомъ, горькимъ опытомъ познали мы съ тобой, дружище, что на этомъ пиршествѣ, гдѣ каждый норовитъ на самомъ законномъ основаніи урвать самый вкусный кусокъ, надо присутствовать съ лицомъ веселымъ, имѣя видъ самый беззаботный, въ противномъ случаѣ...

«Къ чему доказывать?.. Точно и ты, и я, и многіе другіе не чувствуютъ этого своими боками...

«И вотъ—смѣйся, коли можешь,—я опять сунулъ свой носъ туда, гдѣ меня не спрашиваютъ, и чувствую, что во мнѣ жизнь бьетъ ключомъ... Опять, какъ говаривалъ твой почтенный дядюшка Павелъ Петровичъ, «я забралъ себѣ въ голову идею» и снова начинаю чувствовать, что не въ моей натурѣ, какъ свинья, валяться на диванѣ и безплодно огрызаться... Если бы твой дядюшка прочиталъ эти строки, то немедленно бы сказалъ: «на цѣпуру его!...» Странно, кажется! Вѣдь твой дядя въ сущности не злой человѣкъ, а скорѣе добрый,—поди-жъ!—я искренно убѣжденъ, что человѣку, у котораго нѣтъ чина, нѣтъ капиталовъ, и который не подаетъ надежды урвать концессію и вообще отличается способностью «урывать»,—единственное мѣсто «быть на цѣпурѣ». «Или урывай, или на цѣпуру!» такова дилемма, на разные лады повторяемая почтеннымъ твоимъ дядей...

«А вѣдь жить, дружище, хочется... Помнишь, какіе, бывало, планы занимали насъ съ тобой и какіе мы были тогда юные и добродѣтельные герои... Бывало, съ неба звѣзды хватали, горы выворачивали... прибавь—въ мечтахъ, а на дѣлѣ чуть-было... Умолчу, а то ты, пожалуй, осердишься и не скоро отвѣтишь...

«Знаешь ли что̀, испыталъ ли ты то унизительное, скверное чувство, когда размышлялъ объ этихъ, въ сущности невинныхъ, выворачиваніяхъ горы? Эта гора, въ переводѣ

на простой языкъ, какая-нибудь школа, чтеніе, желаніе помочь людямъ... принимала въ глазахъ твоего дяди такой ужасный видъ, что онъ не даромъ грозилъ намъ «проклятіемъ всѣхъ здравомыслящихъ людей». И его предсказаніе начинаетъ сбываться... Времена наступили такія, когда здравомыслящіе—иногда очень добрые люди—проклинаютъ и, торжествуя по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, съ какой-то дикой безсознательной злостью кричатъ: «ату, ату его!»

«Не знаю, какъ дѣйствуетъ этотъ крикъ на тебя... На меня онъ дѣйствуетъ возбудительно... Я чувствую приливъ злости и смириться не могу...

«Однако къ дѣлу.

«Пошли мы со Стрекаловымъ на заводъ. Дорогой онъ мнѣ разсказывалъ о своихъ предположеніяхъ относительно увеличенія доходовъ, объ администраціи завода, о системѣ штрафовъ (система эта доведена имъ до виртуознаго совершенства) и вообще пустился со мной въ откровенности. Не дивись! Я, какъ кажется, нравлюсь моему англичанину, вѣроятно, за то, что мало говорю.

«Пришли. Заводъ обширнѣйшій. Встрѣтилъ насъ рыжій нѣмецъ изъ пруссаковъ съ наглой рожей и съ большими усами... Стали осматривать заводъ—нашли все въ порядкѣ! Стрекаловъ, видимо, былъ доволенъ моими замѣчаніями, смекнувъ, что я въ дѣлѣ кое-что маракую... Нѣмецъ не отставалъ отъ насъ ни на шагъ и готовъ былъ, кажется, съѣсть меня; вѣроятно, подумалъ, что не хотятъ ли его по боку, а меня на его мѣсто. Однако, когда Стрекаловъ познакомилъ насъ, объяснивъ, что я учитель, мой нѣмецъ нѣсколько смягчился и сталъ любезнѣе... На заводѣ до трехъ тысячъ людей работаютъ, и ничего себѣ... Стрекаловъ говоритъ, что очень довольны...

«— У меня,—пояснилъ онъ:—людямъ хорошо. Я врагъ всякихъ притѣсненій... Работаютъ аккуратно и получаютъ въ субботу разсчетъ, ну, а если онъ не исполнитъ своей обязанности, то—что дѣлать—и я не долженъ исполнять своей... Око за око, зубъ за зубъ...» Года три тому назадъ, что бы сказалъ я на это?.. А теперь?..

«Я молча кивнулъ головой и спросилъ у нѣмца:

«— Какъ велика плата?..

«— О... — поспѣшилъ сказать пруссакъ:—плата очень велика... пятьдесятъ копеекъ въ день, но только русскій человѣкъ работаетъ лѣниво... Надо часто штрафовать...

«— И много штрафуете?..

«— Много... Пьяница—русскій человѣкъ.

«А «русскій человѣкъ» добродушно посматривалъ на насъ и слушалъ, какъ его ругали, точно и не его ругали... Этотъ «русскій человѣкъ» глядѣлъ такимъ жалкимъ, что нѣмецъ имѣлъ полнѣйшее право, нимало не стѣсняясь, называть его скотомъ; «русскій человѣкъ» только добродушно улыбался, когда нѣмецъ коверкалъ русскую ругань...

«Я полюбопытствовалъ узнать у Стрекалова, правда ли, что люди пьянствуютъ.

«— Къ несчастію, Карлъ Ивановичъ совершенно правъ!—отвѣчалъ Стрекаловъ.—Пьянство большое и особенно въ послѣднее время... послѣднюю рубашку готовы пропить... Посмотрите на ихъ лица...

«Я посмотрѣлъ... Стрекаловъ говорилъ почти правду. Бо̀льшая часть лицъ—были испитыя, изможженныя лица...

«— И штрафы не помогаютъ... Ужъ, кажется, Карлъ Ивановичъ потачки не даетъ (Карлъ Ивановичъ широко улыбнулся, открывъ рядъ крупныхъ бѣлыхъ зубовъ). И все-таки пьютъ!..

«Осмотрѣвши заводъ, мы молча возвращались домой...

«— Мнѣ кажется,—сказалъ я и, признаюсь, сердце мое забилось, какъ у школьника:—вы бы, Николай Николаевичъ могли сдѣлать доброе дѣло...

«Стрекаловъ вопросительно вскинулъ на меня глаза...

«— Помочь и имъ, и себѣ... Пьянство вѣдь невыгодно и вамъ?

«— Еще бы... Сколько пропадаетъ времени!—живо подхватилъ Стрекаловъ.

«— И если бы... напримѣръ (я чувствовалъ, что говорю несвязно, я впервые пробовалъ «окольный путь»)... вы захотѣли устроить для рабочихъ чтенія...

«Улыбайся, дружище, сколько хочешь и сумѣй вообразить эту сцену... Я жду, ты готовъ даже смѣяться и замѣтить, что «соловья баснями не кормятъ», но вѣдь начало не конецъ, и Стрекаловъ не ты, а потому слушай...

«— Чтенія? — переспросилъ Стрекаловъ и пристально взглянулъ на меня.—Для чего?..

«— Рабочіе развлекутся. Меньше будутъ пьянствовать...

«Англичанинъ» крякнулъ и промолчалъ.

«Гаденькое чувство колыхнулось во мнѣ. Чувствовать, такіе обходы надо дѣлать, и въ концѣ концовъ не смѣть сказать прямо то, что можетъ говорить семилѣтній маль-

чикъ. Признаюсь, я чуть-было не «сошелъ съ рельсовъ» и не провралcя...

«— Мысль ваша, Глѣбъ Петровичъ, не дурная,—наконецъ сказалъ Стрекаловъ, подходя къ дому.—Мы о ней поговоримъ...

«Начало сдѣлано... Что будетъ дальше, не знаю, но я снова не безъ задора сую свой носъ туда, гдѣ меня не спрашиваютъ, и... вѣрю...

«Выкладкой и цифрами моего англичанина соблазнить можно; докажи ему, что доходъ его увеличится отъ той или другой мѣры, онъ готовъ будетъ на самый рѣзкій шагъ... Года три тому назадъ я бы не выжилъ и трехъ дней у моихъ англичанъ, но «уроки» сдѣлали свое дѣло... Я ужъ не бросаюсь на каждаго съ пѣной у рта и со скрежетомъ зубовнымъ (а помнишь, какъ мы бросались, и къ чему это приводило?) и начинаю привыкать слушать многое не безъ стоическаго хладнокровія. На войнѣ (а развѣ мы, въ нѣкоторомъ родѣ, не воины?) допускается многое, и такъ какъ киданіе съ пѣной у рта не всегда даетъ осязательные результаты, то надо пробовать мудрость змія. Не мытьемъ, такъ катаньемъ... Что-жъ, попробуемъ!..

«Однако я слишкомъ расписался, а мнѣ пора заняться съ отрокомъ. Малый понятный, добрый, изъ него можетъ выйти порядочный человѣкъ, если не погубятъ его «добрые люди». Пока прощай и Бога-ради не хандри, не злобствуй, поклонись отъ меня своему дядюшкѣ и подразни старика, сказавъ, что я не «на цѣпурѣ...»

Глѣбъ все это писалъ совершенно искренно и не замѣчалъ, сколько было въ этомъ письмѣ юношескаго задора, непрактичности и глубочайшаго идеализма, несмотря на его «практическія разсужденія». Онъ выходилъ на окольную дорогу одинъ, безъ союзниковъ, и вѣрилъ...

XVIII.

Положеніе Черемисова въ стрекаловскомъ домѣ опредѣлилось съ первыхъ же дней: онъ сталъ въ совершенно независимое положеніе; всѣ мало-по-малу привыкли къ его сдержанному, молчаливому обращенію, тѣмъ болѣе, что оно какъ-то вязалось со всѣмъ строемъ стрекаловской жизни. Даже Филатъ и тотъ пересталъ удивляться «чудному учителю» и въ отношеніи къ нему пересталъ напускать на себя молчаливую серьезность, такъ какъ по-

чувствовалъ къ Черемисову нѣчто въ родѣ пріязни послѣ потери четырехъ его рубашекъ.

Однажды Филатъ вошелъ въ комнату къ Черемисову и мрачно проговорилъ:

— Глѣбъ Петровичъ.

— Что, Филатъ?..

— Я собственно... Такъ какъ... Ужъ и придумать не могу, какъ это случилось, но только ей-Богу не виноватъ... Потерялъ, а какъ потерялъ...

Онъ не могъ объяснить и невыносимо скребъ ногтями свои рыжія баки.

— Да что вы потеряли?

— Сорочки ваши... Я-съ, Глѣбъ Петровичъ,—докладывалъ Филатъ мрачнымъ голосомъ:—если позволите... что онѣ стоятъ, со всѣмъ моимъ удовольствіемъ...

— Эка вы нагородили чего!.. Ну, потеряли, впередъ не теряйте. У меня не особенно много этого добра.

— Я бы почелъ долгомъ, Глѣбъ Петровичъ...

— Очень, видно, богаты?—усмѣхнулся Глѣбъ.

— Какое наше богатство, а все бы...

— Полно размазывать-то!

Филатъ осклабился и крякнулъ.

— А у насъ, я вамъ доложу, Глѣбъ Петровичъ, чуть что, хоть какую ни на есть бездѣлицу затерялъ или разбилъ—сейчасъ штрафъ!.. Не бей!..—ухмыляясь и уже совсѣмъ фамильярно разсказывалъ Филатъ, прислонившись къ притолкѣ.

— Неужели за все?..

— За все-съ... Строгости... Ты какое ни на есть опущеніе въ одеждѣ допустилъ, напримѣръ, къ столу не въ бѣломъ галстукѣ вышелъ—штрафъ!.. Слово блудное произнесъ—штрафъ!—во все лицо улыбался Филатъ, точно ощущая большое удовольствіе въ этихъ штрафахъ.

— Зачѣмъ же вы здѣсь живете?

— Во-первыхъ, думаешь—человѣкъ мнителенъ-съ—не проштрафиться, а во-вторыхъ, своя причина есть...

— Ну, идите съ Богомъ, Филатъ, и не печальтесь о рубахахъ. Новыя куплю...

Филатъ вышелъ и долго еще въ глубокомъ раздумьѣ скребъ свои баки... «Вѣдь и у самого ни Боже ни, а душа...»—сказалъ онъ, проходя по двору на кухню.

Въ людской, гдѣ Филатъ по секрету разсказалъ объ этомъ происшествіи, разсказъ произвелъ впечатлѣніе.

Впрочемъ, Терентій, старшій лакей, не безъ презрѣнія выслушалъ восторженную рѣчь Филата и замѣтилъ, важно оттопыривъ губу:

— Нигилистъ, вѣрно!..

Такъ какъ ни Филатъ, ни кучеръ не поняли этого мудренаго слова, то и попросили Терентія объяснить.

— Секта такая... Въ Бога не вѣруютъ... Что твое, то мое, что мое, то твое... Народъ самый опасный. Голякъ народъ!—прибавилъ Терентій.—Смуту любитъ.

Хотя Филату и обидно было слушать такую «мараль» на учителя, но онъ промолчалъ, такъ какъ считалъ Терентія нѣкоторымъ авторитетомъ (Терентій пятнадцать лѣтъ прожилъ въ стрекаловскомъ домѣ), и рѣшилъ впредь называть колосовскаго Гришку нигилистомъ, полагая, что врядъ ли найдется другое прозвище хуже этого.

Черезъ Фіону исторія о рубашкахъ дошла до дому. Настасья Дмитріевна чуть-было не прогнала Филата, Ольга пожалѣла «бѣднягу», а Ленормъ замѣтила, что «этотъ медвѣдь не безъ сердца». Такимъ образомъ пустѣйшее дѣло въ этомъ строгомъ домѣ возбудило сенсацію.

Уроки шли своимъ чередомъ, успѣшно. Ѳедя былъ толковый, впечатлительный мальчикъ, и скоро между учителемъ и ученикомъ установилась та нравственная связь, которая дѣлаетъ уроки не однимъ исполненіемъ обязанности.

Ѳедя принадлежалъ къ числу симпатичныхъ, порывчатыхъ натуръ, очень легко поддающихся вліянію натуръ болѣе сильныхъ. Изъ такихъ натуръ, глядя по обстоятельствамъ, выходятъ хорошіе и дурные люди, смотря по тому, какое дѣйствуетъ вліяніе. Онъ былъ отъ природы не глупъ, не особенно испорченъ, добръ, самолюбивъ и воспріимчивъ и находился именно въ томъ переходномъ возрастѣ изъ отрочества въ юность, когда хорошее вліяніе обаятельно дѣйствуетъ на молодую натуру, особенно отзывчивую въ это время на все смѣлое и доброе. Это тотъ предразсвѣтный возрастъ, когда отрокъ начинаетъ анализировать явленія и ищетъ скораго и рѣшительнаго отвѣта на всѣ вопросы и сомнѣнія, закрадывающіеся въ молодое сердце.

Ѳедя черезчуръ поспѣшно привязывался къ Глѣбу, не думая, почему, отчего, хотя Глѣбъ и не искалъ этой привязанности и видѣлъ ученика только во время уроковъ. Привязанность пришла сама собой... Онъ полюбилъ Черемисова безотчетно, найдя въ немъ и въ его урокахъ и отвѣты на свои сомнѣнія, и какую-то бодрую, юношескую увѣрен-

ность, что на свѣтѣ есть вещи, для которыхъ стоитъ учиться и жить.

Настасья Дмитріевна нѣсколько разъ пробовала «покороче сблизиться съ молодымъ человѣкомъ», но каждый разъ попытки ея не приводили ни къ какому результату. Однажды Черемисову пришлось даже выслушать цѣлое profession de foi Настасьи Дмитріевны, и онъ выслушалъ съ должнымъ вниманіемъ, когда она распространилась и объ «обязанности матери», и о «задачѣ воспитать» честнаго человѣка и нравственнаго семьянина; но такъ какъ Глѣбъ не высказывалъ никакого мнѣнія и оставался безмолвенъ, несмотря даже на то, что Стрекалова говорила съ нѣкоторой горячностью, которая такъ мало шла къ ея общему складу, то Настасья Дмитріевна осталась въ какомъ-то недоумѣніи относительно «страннаго молодого человѣка». Такимъ образомъ, «сближеніе» какъ-то не удавалось, и она «стояла на стражѣ», наблюдая за Черемисовымъ не безъ помощи даже Арины Петровны. Иногда, невзначай, Настасья Дмитріевна заходила въ классную комнату, слушала уроки и уходила все-таки неудовлетворенная... Страхъ за сына, какой-то безотчетный страхъ нерѣдко терзалъ сердце матери, хоть она и не могла объяснить причинъ своего безпокойства...

— Ты, Арина, ничего не замѣчала?—рѣшилась однажды спросить Настасья Дмитріевна у своей ключницы.—Учитель не похожъ на бывшаго гувернера?.. Помнишь?..

Настасьѣ Дмитріевнѣ совѣстно было яснѣе выразить свою мысль.

— Гдѣ мнѣ замѣтить, матушка, Настасья Дмитріевна... Стара я стала... Богъ его знаетъ... Здѣсь-то тихоня, а на сторонѣ что—Богъ его знаетъ...

— Ну, до этого мнѣ дѣла нѣтъ, лишь бы здѣсь велъ себя прилично... Ѳедю бы не испортилъ... дурнымъ примѣромъ...

— Младенецъ Ѳедоръ Николаевичъ... младенецъ... и душа ангельская... Намедни пришелъ къ нимъ Филатъ постельку стлать, а Ѳедоръ-то Николаевичъ не допустилъ... самъ, говоритъ, могу, и у меня руки есть. А учитель-то этотъ косматый сидитъ, бороду пощипываетъ и ухмыляется... Я стою тутъ, смотрю—бѣлье чистое приносила—и говорю Филату: «чего, говорю, ты смотришь: развѣ, говорю, прилично барину самому себѣ постель стлать,—на это, сказываю, тебя нанимаютъ, жалованье даютъ», а Ѳедоръ-то Николаевичъ — добродѣтельная душа — всту-

пился: «Оставьте, говорить, няня, Филата въ покоѣ, я самъ постель стлать буду...»—Да какъ же это такъ, Ѳедоръ Николаевичъ? прежде этого не было никогда.—«То было прежде»,—замялся Ѳедоръ Николаевичъ. Я думала, учитель-то надоумитъ, а онъ поглядываетъ, помалчиваетъ, да все ухмыляется... Богъ его знаетъ, какой онъ такой.

Настасья Дмитріевна выслушала этотъ разсказъ молча, не безъ тоскливаго предчувствія о чемъ-то страшномъ.

— И креста не носитъ! — озираясь по сторонамъ, шопотомъ продолжала Арина Петровна. — Не носитъ, матушка!.. Лба никогда не перекреститъ... Не видали этого... Н-н-нѣтъ!..

Настасья Дмитріевна съ соболѣзнованіемъ тихо покачала головой...

— Ты, Ариша, слѣди,—проговорила она чуть слышно.— Неужели никогда не молится?..

— Никто не видалъ этого!—усмѣхнулась на это Арина Петровна.—По ночамъ все книжки читаетъ... Не до молитвы тутъ!

На слѣдующее утро Настасья Дмитріевна присутствовала на урокахъ, которые давалъ Глѣбъ Ольгѣ Николаевнѣ (на этихъ урокахъ она всегда присутствовала), и, несмотря на желаніе найти въ нихъ что-нибудь нехорошее, осталась довольна. Черемисовъ, по ея мнѣнію, излагалъ предметы «ясно и отчетливо», хотя не безъ нѣкотораго, пожалуй, и лишняго «увлеченія». Зато это «увлеченіе» было по душѣ молодымъ людямъ. Сперва Ольгѣ показалась странною непривычная ей, свободная, рѣзкая рѣчь Черемисова, когда онъ, описывая историческія явленія, освѣщалъ наиболѣе выдающіеся моменты...

«Что это такое? Гдѣ она? Она никогда не слыхала такого языка?»—невольно навертывались вопросы, и она скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ увлеченіемъ, слушала Глѣба. Ей даже казалось неприличнымъ, что «этотъ бѣдный учитель» трактовалъ съ какой-то плебейской увѣренностью о такихъ событіяхъ, о которыхъ она прежде слышала совсѣмъ другое и которыя всегда обходила съ какой-то странной боязнью.

И вдругъ объ этомъ говорятъ совсѣмъ другимъ языкомъ.

Сперва Ольга дивилась, а потомъ полюбила эту смѣлость. «Точно надъ пропастью танцуешь!»—сказала она однажды Lenorme, которая, вмѣстѣ съ Ѳедей, жадно впивалась въ Черемисова во время интересныхъ уроковъ. Случа-

лось, что и Настасья Дмитріевна подчасъ увлекалась и находила, что онъ преподаетъ не безъ таланта.

«Но отчего онъ не молится, несчастный?—задумывалась она не разъ.—И отчего вдругъ Ѳедя самъ сталъ постель себѣ стлать?»

Она искала и не находила отвѣта.

Стрекаловъ не могъ нахвалиться Черемисовымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Глѣбъ сдѣлалъ какое-то очень удачное примѣненіе на заводской машинѣ. Съ тѣхъ поръ уваженіе къ нему росло, и Стрекаловъ не разъ обращался къ Черемисову за совѣтами.

Въ одну изъ субботъ Николай Николаевичъ пріѣхалъ къ обѣду не въ духѣ. Противъ обыкновенія, онъ молча и сердито хлебалъ супъ. Настасья Дмитріевна раза два украдкой взглянула на мужа и, когда онъ, кончивъ супъ, выпилъ рюмку хереса, она рѣшилась спросить:

— Ты съ завода? Вѣрно, тамъ тебя разстроили, Николай?

— Да!..—сердито замѣтилъ Стрекаловъ.

— Опять пьянство?

— Хуже...

— Что такое?—испугалась Стрекалова.

— То-есть этакій народъ, просто бѣда! Вѣдь, кажется, заботишься о нихъ, хлопочешь, платишь аккуратно, однимъ словомъ, бьешься, чтобы изъ нихъ порядочные люди вышли, а они вмѣсто благодарности...

— Нашелъ у кого искать благодарности,—ядовито вставила Настасья Дмитріевна.

— Ну, такъ хоть изъ разсчета, — горячо продолжалъ Николай Николаевичъ:—вели бы себя какъ люди, а не скоты... А то вообразите,—обратился онъ прямо къ Черемисову:—сегодня пятьдесятъ человѣкъ пьяныхъ и вдобавокъ большой мѣдный чанъ украли! А, какъ вамъ это понравится?

Черемисовъ ни слова не отвѣчалъ, а Ленормъ едва замѣтно улыбнулась, точно говоря этой улыбкой: «Посмотримъ, каковъ будетъ спектакль?»

Ольга разсѣянно слушала отца, а Настасья Дмитріевна укоризненно покачала головой и замѣтила:

— Оштрафовалъ?

— Разумѣется! Не бросать же мнѣ деньги на вѣтеръ... И хоть бы сознались,—а то и раскаянія никакого нѣтъ...

Сегодня прихожу, спрашиваю: ребята, говорите прямо, кто укралъ? ничего не будетъ. Молчатъ. Карлъ Ивановичъ чуть отъ злости не плакалъ, допрашивая. Ничего—молчатъ!..

Николай Николаевичъ перевелъ духъ и наложилъ къ себѣ на тарелку соте изъ рыбы.

— Такое закоренѣлое невѣжество, такая ненависть, и къ кому же?—продолжалъ горячиться Стрекаловъ и говорилъ съ искреннимъ соболѣзнованіемъ къ людской испорченности.—Къ тому, кто имъ желаетъ всякаго добра и не на словахъ, кажется, только... Просто руки разведешь отъ удивленія.

— Къ несчастію, народъ нашъ только и можетъ работать изъ-подъ палки!—вздохнула Настасья Дмитріевна, прихлебывая изъ рюмки бѣлое вино.

Ѳедя вспыхнулъ и удивленно взглянулъ на Черемисова, но Глѣбъ былъ упорно занятъ своей тарелкой.

— То-то и непостижимо!—съ грустью промолвилъ Николай Николаевичъ.—Ну, добро бы голоденъ—укралъ, а то вѣдь нѣтъ, жалованье получаетъ хорошее — значитъ испорченность... Вѣдь это обидно же наконецъ! Не правда ли, Глѣбъ Петровичъ?—окончилъ свой монологъ Стрекаловъ, обращаясь прямо къ Черемисову.

Всѣ взглянули на Глѣба. «Надѣюсь, теперь нашъ сфинксъ выскажется!»—не безъ ехидства подумала Настасья Дмитріевна. «Ну, будетъ сейчасъ представленіе!»—мелькнуло въ головѣ Ленормъ, и она съ удовольствіемъ ждала пикантной сцены. Ольга подняла глаза и тоже чего-то ждала. Ѳедя, казалось, готовъ былъ съѣсть Черемисова.

Глѣбъ чуть-чуть поблѣднѣлъ, когда отъ него потребовали категорическаго отвѣта; негодующее чувство охватило его, готовое прорваться, но онъ сдержалъ себя. Онъ нервно перекосилъ губы, взглянулъ какъ-то странно на Ѳедю и отвѣтилъ:

— Конечно, обидно!

Ѳедя чуть не заплакалъ отъ злости, а Ленормъ съ презрѣніемъ отвернулась отъ «этого труса». Только Настасья Дмитріевна пристально взглянула на Глѣба, и ей стало досадно, что онъ согласился...

«Не то у него на умѣ... не то!»—подумала она.

— Я радъ, что и вы со мной, Глѣбъ Петровичъ, согласны,—весело говорилъ Стрекаловъ, уводя его послѣ обѣда въ кабинетъ. — Просто голову теряешь. Говорю

вамъ по совѣсти, я не злой человѣкъ, а послѣ такихъ фактовъ готовъ, кажется...

Онъ не досказалъ и махнулъ рукой.

— А вы еще чтенія предлагали!—усмѣхнулся Стрекаловъ. — Имъ—одна водка нужна, а не чтенія... Онъ отца обокрасть готовъ для водки... Онъ жену продастъ для того, чтобы напиться, какъ стелька... Онъ воровать станетъ... Какія тутъ чтенія... Не англичане мы, Глѣбъ Петровичъ...

Черемисовъ не выронилъ ни одного слова и далъ Стрекалову наговориться досыта.

— Я не спорю, у васъ на заводѣ, быть-можетъ, и большое пьянство, отъ котораго вы и терпите убытки, но,— замѣтилъ Глѣбъ, когда кончилъ Стрекаловъ:—все-таки остаюсь при своемъ мнѣніи, что помочь этому—въ вашей власти.

— Какимъ образомъ?

— Отвлеките ихъ чѣмъ-нибудь и вы увидите...

— Вы думаете, ваши чтенія остановятъ?..

— Попробуйте... Сдѣлаете доброе дѣло.

Стрекаловъ пытливо взглянулъ на Глѣба. Глѣбъ глядѣлъ совершенно серьезно.

— «А вѣдь, пожалуй, онъ и правъ!»—подумалъ Николай Николаевичъ.

— Но кто же займется этимъ дѣломъ?

— Если позволите, хоть я...

— Не только что позволю, а буду вамъ весьма благодаренъ... Какая ваша цѣна?..

— О цѣнѣ поговоримъ послѣ, Николай Николаевичъ, когда пойдетъ дѣло!—улыбнулся Глѣбъ.

— Идея, конечно, не дурна... Въ Англіи эти чтенія сильно развиты, но вѣдь у насъ...

Стрекаловъ горько усмѣхнулся.

— А вы первый попробуйте устроить чтенія въ Россіи... Газеты заговорятъ, и другіе станутъ пробовать...

— Газеты наши только ругаются!—со злобой проговорилъ Стрекаловъ, вспомнивъ статью Крутовского.

— Тоже не мѣшало бы, Николай Николаевичъ, и доктора пригласить въ больницу, а то фельдшеръ ровно ничего не смыслитъ.

— Объ этомъ я давно думалъ... Спасибо вамъ, Глѣбъ Петровичъ, что напомнили... Фельдшеръ, дѣйствительно, только пьянствуетъ...

Стрекаловъ обѣщалъ скоро съѣздить къ губернатору просить разрѣшенія и предложилъ Черемисову заняться этимъ дѣломъ. О выборѣ чтеній не говорили, такъ какъ Николай Николаевичъ заявилъ, что «вполнѣ довѣряетъ въ этомъ отношеніи Глѣбу Петровичу».

Черемисовъ ушелъ изъ кабинета и вздохнулъ свободно. «Не особенно весело идти кривымъ путемъ!»—промелькнуло у него въ головѣ. «Начало хорошо, каковъ будетъ конецъ»,—думалъ Глѣбъ, и на губахъ его мелькнула торжествующая улыбка. По обыкновенію, увлекаясь разъ засѣвшею въ головѣ мыслью, Глѣбъ уже мечталъ, какъ онъ будетъ играть роль мудраго змія, а Стрекаловъ — глупой овцы, и заранѣе наивно торжествовалъ побѣду.

«Добрый человѣкъ, кажется, Черемисовъ, только молодъ!.. Еще не объѣзженный коникъ... Объѣздится!»—подумалъ о немъ, усмѣхнувшись, Стрекаловъ.

Глѣбъ сидѣлъ за книгой, когда въ комнату вошелъ Ѳедя и остановился у дверей.

— Я вамъ мѣшаю?

— Нѣтъ... Что съ вами, чѣмъ вы взволнованы?—спрашивалъ Глѣбъ, глядя на возбужденное лицо юноши.

— Отчего вы, Глѣбъ Петровичъ, сегодня за обѣдомъ не то говорили, что говорите мнѣ?

Черемисовъ понялъ, въ чемъ дѣло, и не сразу отвѣчалъ на вопросъ. Онъ взглянулъ на Ѳедю. Тотъ съ замираніемъ ждалъ отвѣта.

— Оттого, Ѳедя, что не всегда возможно говорить правду...

— Значитъ, вы... солгали?..—съ трудомъ прошепталъ мальчикъ.

— Солгалъ!..

— Но вѣдь это... это...

— Подло?—подсказалъ Глѣбъ.

— Не хорошо!..—шепнулъ Ѳедя и покраснѣлъ.

Черемисовъ ласково взглянулъ на мальчика и замѣтилъ:

— Жизнь сама вамъ отвѣтитъ за меня, и тогда вамъ придется узнать, какъ это ни грустно, что иногда приходится лгать...

— Странно это какъ-то...

— Еще страннѣй узнаете вещи, Ѳедя!—промолвилъ Черемисовъ, кладя руку на его плечо.—Конечно, лучше дѣй-

ствовать прямо, открыто, не лгать, но если такой путь невозможенъ... что тогда, по вашему мнѣнію?

— Тогда?..

Мальчикъ на секунду остановился въ раздумьѣ.

— Тогда лучше не жить!—чуть не крикнулъ онъ со слезами на глазахъ.

Черемисовъ грустно взглянулъ на отрока. Онъ вспомнилъ въ немъ самого себя, и сердце его какъ-то тоскливо сжалось.

— Мало кому пришлось бы тогда жить на свѣтѣ!..—съ горькой усмѣшкой вымолвилъ Глѣбъ.

Ѳедя не продолжалъ разговора. Онъ тихо сидѣлъ, охвативъ голову руками.

— Глѣбъ Петровичъ,—вдругъ спросилъ онъ тихо, глядя въ упоръ на Черемисова умными, свѣтившимися мыслью, глазами.—Вы мнѣ всю правду скажете?

— Всю!..

— До капли всю?

— До капли всю!—улыбнулся Черемисовъ.

— Я много думалъ,—началъ мальчикъ, видимо, желая освободиться отъ какой-то гнетущей его мысли:—и... Неужели и папа не такъ поступаетъ, какъ надо?

Черемисовъ молчалъ.

— Значитъ, и онъ,—какъ-то глухо продолжалъ Ѳедя:—значитъ, и онъ...

Мальчикъ не договорилъ и зарыдалъ, закрывъ лицо руками. Тяжело ему было, когда въ его молодое сердце закралось сомнѣніе относительно отца, котораго онъ горячо любилъ.

— Что же вы молчите?—крикнулъ мальчикъ.

— Что же я вамъ скажу?—какъ-то грустно-серьезно прошепталъ Глѣбъ, знавшій по опыту, какъ тяжело переживаются минуты, когда самый близкій человѣкъ является не въ томъ свѣтѣ, въ которомъ привыкъ его видѣть.

— Значитъ...

Онъ снова не смѣлъ досказать свою мысль и снова залился слезами.

Когда онъ поднялъ голову, глаза его были сухи.

— Я не буду такимъ... Я буду жить своимъ трудомъ!..—твердо проговорилъ мальчикъ, и въ тоненькихъ нотахъ его голоса звучала рѣшимость.

Черемисовъ пожалъ руку Ѳеди и ласково проговорилъ:

— А пока учитесь, чтобы знать, почему люди злы противъ людей... Отецъ вашъ не виноватъ...

— Онъ вѣдь добрый... добрый... не правда ли?

— Конечно...—улыбнулся Глѣбъ.—И онъ не виноватъ, что смотритъ такъ, а не иначе...

— Но отъ этого другимъ не легче...

— Это вѣрно, но вѣрно и то, что если бы онъ зналъ, какъ тяжело другимъ, то другимъ было бы легче...

Ѳедя ушелъ отъ Глѣба разстроенный, полный сомнѣнія. Онъ даже въ тотъ вечеръ не поѣхалъ съ отцомъ на заводъ, и когда отецъ спросилъ: «что съ тобой?», то Ѳедя серьезно какъ-то сказалъ: «такъ, не хочется!»

«Пошла въ головѣ ломка! — подумалъ Глѣбъ, отправляясь къ Крутовскимъ.—Пусть... Дѣло полезное».

XVIII.

Черемисовъ засталъ Людмилу Николаевну въ саду. Она играла на травѣ съ своимъ ребенкомъ, бросала въ него цвѣтами и весело смѣялась своимъ тихимъ, сдержаннымъ смѣхомъ.

— Какъ поживаете, Людмила Николаевна?—спросилъ у нея Черемисовъ, усаживаясь. — Впрочемъ, что и спрашивать—хорошо?

— Ничего себѣ... А вы слышали — Володя оставилъ службу?—проговорила маленькая женщина съ радостью.

— Уволили?

— Да, за корреспонденцію...

— Отъ этого и веселы?—засмѣялся Глѣбъ.

— Отчасти, я рада за мужа... Онъ вѣдь такъ жаловался на эту службу, а теперь свободенъ...

— А жить чѣмъ?

— Жить? — улыбнулась Людмила Николаевна. — Проживемъ! Корреспонденціи и моя работа прокормятъ насъ; вѣдь намъ немного нужно...

— А потомъ?—опять спросилъ Глѣбъ, замѣтивъ по полнотѣ стана, что скоро и еще ребенокъ будетъ.

Людмила Николаевна покраснѣла.

— Потомъ?—переспросила она.—И потомъ какъ-нибудь справимся... Володя сумѣетъ заработать... Онъ все это время такой веселый и довольный; его забавляетъ, какъ всѣ злятся на него за его статьи...

— Онъ не дома?

— Сейчасъ будетъ... Онъ только пошелъ къ бухгалтеру за деньгами... свое послѣднее жалованье получать.

Скоро явился и Крутовской. Онъ сіялъ.

— Слышали?

— Слышалъ.

— Бѣсятся-то какъ... Колосовъ, такъ тотъ, говорятъ, къ губернатору ѣздилъ жаловаться!..

— И опять, пожалуй, вамъ отсюда придется уѣхать?

— И пусть! по крайней мѣрѣ, здѣсь насолилъ этимъ мерзавцамъ!—весело говорилъ Крутовской.—Весь городъ трещитъ, Грязнополье волнуется, таки всколыхнулъ это стоячее болото... Ну, а вамъ какъ живется?

Глѣбъ разсказалъ о предполагаемыхъ чтеніяхъ и просилъ Крутовского черкнуть два слова объ этомъ въ газетахъ.

— Да вѣдь я Стрекалова только-что обругалъ?..

— Да кто-жъ васъ проситъ хвалить? Вы только напишите, что будутъ, съ разрѣшенія губернатора, чтенія. Ему это понравится, и сомнѣнія не станутъ грызть его. И вообще я бы васъ просилъ, Крутовской, оставить пока Стрекалова въ покоѣ.

— Этого мерзавца?!—горячился Крутовской.

— Да.

— А зачѣмъ?

— А за тѣмъ, чтобы не мѣшать дѣлу.

— Какому?—допрашивалъ Крутовской.

— Я вѣдь вамъ сказалъ...

— Ничего вы не сдѣлаете съ этимъ бариномъ!

— Попытаюсь.

— Обойдетъ онъ васъ, помяните мое слово!

— Это увидимъ, а пока обѣщайте его не продергивать!

— Да мнѣ чортъ съ нимъ! Теперь и безъ него матеріалу много,—смѣялся Крутовской.—А вы нынче, Глѣбъ Петровичъ, по іезуитской дороженькѣ изволите шествовать?—не безъ ироніи говорилъ Крутовской.

— Изволю.

— И дружбу съ прохвостами завязали?

— И дружбу съ прохвостами завязалъ.

— И терпите это собачье общество?

— Терплю и даже хересъ отличный попиваю!

Пріятели помолчали. Крутовскому не нравился такой образъ дѣйствій. «Ужъ не сталъ ли и онъ филистеромъ?»—быстро заподозрилъ онъ Глѣба и какъ-то двусмысленно посмотрѣлъ на пріятеля. Глѣбъ замѣтилъ этотъ взглядъ и улыбнулся.

— Не по нраву вамъ?—спросилъ онъ.

— Не по нраву.

— Вамъ безъ травли ни-ни?.. Чтобы все трещало вокругъ, и чтобы ваше имя не безъ треска произносили? Это нравится?

— Нравится.

— А что толку изъ этого?

— Толку?.. — остановился Крутовской. — Да хоть бы тотъ, что я этимъ подлецамъ кровь порчу.

— Малымъ же вы довольствуетесь! Ну, а я хочу бо̀льшаго.

— Какъ бы васъ они сами не объѣхали!

— Меня?—спросилъ Глѣбъ, и взглядъ его былъ такой злой, а насмѣшка такая ехидная, что Крутовской съ удивленіемъ взглянулъ на Глѣба.—Меня они не объѣдутъ, а если и объѣдутъ, то не безъ труда, Крутовской. Я знаю ихъ недурно. Въ васъ, Крутовской, барство говоритъ, тщеславіе... Вамъ подай все готовенькое, руки-то у васъ бѣленькія, а у меня вѣдь, — не безъ гордости сказалъ Глѣбъ:—онѣ не барскія... Не спорю, ваши статьи хлестки и не безъ пользы, да только польза-то крохотная и, главное, вамъ самимъ больше удовольствія доставляетъ этотъ трескъ, чѣмъ самая польза. Развѣ не правда? — продолжалъ Глѣбъ, глядя въ глаза Крутовскому.

Тотъ молчалъ.

— А вы меня,—вѣдь я вижу по глазамъ,—чуть въ подлецы не записали изъ-за того, что я хочу идти не тѣмъ путемъ, который вамъ нравится. «Или ручку пожалуйте, или бацъ въ рыло!» Чуть не по-твоему — подлецъ! Если бы я васъ не зналъ хорошо, Крутовской, я бы наплевалъ на ваши намеки, но мнѣ за ваше мальчишество стыдно...

— Да вы поймите, Черемисовъ, что плетью обуха не перешибешь! Ну; хорошо, чтенія вы устроите и хорошія,— много отъ этого пользы? Соловья баснями не кормятъ! А Стрекаловъ будетъ думать, что и вы заодно съ нимъ.

— Да пусть думаетъ, а чтенія—все-жъ-таки польза.

— Не ахти какая!

— И безъ васъ знаю, что не ахти какая, и не въ чтеніяхъ вижу самую суть.

— Вотъ, видите ли, и вы согласны, что это—толченіе воды!

— Во-первыхъ, вовсе не согласенъ, а во-вторыхъ, по-вашему, лучше сидѣть сложа руки и показывать кукиши въ карманѣ?—рѣзко крикнулъ Глѣбъ.

— Чего вы злитесь: я знаю, что вы честный человѣкъ.

— А знаете, такъ и не намекайте!—озлился Черемисовъ и даже поблѣднѣлъ.—Кто что̀ можетъ, тотъ то̀ и дѣлаетъ: вы пишете статьи и благо вамъ, я стараюсь по возможности иначе помочь людямъ, которые и ѣдятъ-то хуже стрекаловскихъ собакъ,—и благо мнѣ, если это удастся. Ваше дѣло—помочь мнѣ, а не намекать... А то чуть не по-нашему—рознь. Никогда ничего и не выйдетъ съ такими воинами: нечего сказать, хороши будутъ воины, если изъ-за выѣденнаго яйца станутъ ссориться! Да такихъ воиновъ всѣхъ по одиночкѣ врагъ переѣстъ! А врагъ умнѣе себя держитъ... Нѣтъ, сэръ Крутовской, не объѣдутъ они меня: не изъ такого мы тѣста сляпаны!—закончилъ Глѣбъ, смѣясь своимъ обычнымъ рѣзкимъ и насмѣшливымъ смѣхомъ и самоувѣренно встряхивая головой.—Что, какъ финансы?

— Плохи, по обычаю.

— Надо?

— И очень. Сейчасъ ходилъ за жалованьемъ—не дали.

— Возьмите у меня.

— А вы?—сконфузился Крутовской.

— Я одинъ, а вы, вишь, съ семействомъ. Еще, того и гляди, турнутъ васъ куда-нибудь! — сказалъ Глѣбъ, прощаясь съ Крутовскимъ.

— Вы не сердитесь?—спросилъ Крутовской, провожая Глѣба.

— За что̀?

— Да я заподозрилъ васъ,—сконфузился Крутовской.

— Нѣтъ, не сержусь. Темпераментъ у васъ такой—что съ нимъ подѣлаешь! Подозрѣвать—отчего же, да только съ толкомъ надо и подозрѣвать, а то порядочнаго человѣка подчасъ подозрѣвать станете и—напакостите. Людей надо раскусывать, и долго, а не сразу накидываться,—право такъ, Крутовской.

XIX.

Крутовской нимало не прибавилъ, говоря, что онъ «всколыхнулъ стоячее болото» своими корреспонденціями. Дѣйствительно, Грязнополье волновалось, и, несмотря на старанія Колосова и Стрекалова, нумера газетъ съ пикантными корреспонденціями были выписаны, и обыватели читали ихъ съ засосомъ. Самъ губернаторъ, генералъ лѣтъ сорока, прочелъ передъ обѣдомъ статью Крутовского не

безъ удовольствія: онъ нѣсколько разъ улыбнулся и нашелъ, что у автора острое перо. Когда въ кабинетъ къ нему вошелъ правитель канцеляріи, генералъ замѣтилъ съ улыбкой, указывая на газету:

— А вѣдь согласитесь, что перо острое, и что статья эта оживитъ Грязнополье, а то скучно какъ-то!—замѣтилъ генералъ, оглядывая свои тонкіе, бѣлые пальцы.

— Статья игривая...

— Немножко дерзка, но остроумна. Кстати: я давно хотѣлъ спросить васъ—ничего предосудительнаго въ поведеніи Крутовского, кажется, нѣтъ? ведетъ онъ себя хорошо?—какъ-то нехотя, точно для очистки совѣсти, спросилъ генералъ.

— Рѣшительно ничего; пишетъ только! — улыбнулся правитель канцеляріи.

— Знаю. Эта страсть и сгубила бѣднягу, а то могъ бы человѣкомъ быть. Я его еще нажемъ помню, у отца встрѣчалъ. Отецъ его былъ почтенный генералъ.

Его превосходительство зѣвнулъ и полюбопытствовалъ:

— Они волнуются?

— Кажется...

— Это имъ полезно! — засмѣялся генералъ и раскланялся съ чиновникомъ.

«Господи, какая тоска!—прошепталъ онъ, подходя къ окну, и запѣлъ французскую пѣсенку.—Скорѣй бы отсюда въ Петербургъ!»—Онъ подошелъ къ зеркалу и отъ нечего дѣлать сталъ разглядывать свое красивое, мужественное лицо. Скоро и это занятіе надоѣло ему; тогда онъ взялъ гребенку и сталъ ровнять и безъ того безукоризненный проборъ...

«Куда дѣться до обѣда?»—раздумывалъ, зѣвая и шагая по комнатѣ, генералъ. Онъ крикнулъ слугу, велѣлъ заложить коляску и собрался ѣхать на бульваръ.

Тамъ онъ встрѣтилъ весь грязнопольскій beau-monde. Александръ Андреевичъ, увидавъ генерала, тотчасъ же подошелъ къ нему и шутливо проговорилъ:

— Защитите, ваше превосходительство! Прежде, бывало, въ Грязнопольѣ жили мы мирно, а теперь писаки развелись.

— Время нынче прогрессивное, Александръ Андреевичъ,—не безъ язвительной улыбки замѣтилъ генералъ:— всякій хочетъ высказаться.

— Помилуйте, ваше превосходительство, отчего не вы-

сказаться, развѣ я противъ этого! Но если ругаются, клевещутъ...

— Нынче, благодаря Бога, судъ правый и скорый, и слѣдовательно, если пишутъ клеветники, то ихъ и накажутъ...

Тѣмъ разговоръ этотъ и кончился, и Александръ Андреевичъ отошелъ отъ генерала, затаивъ про себя порядочный запасъ злобы.

— Это чортъ знаетъ, что̀ такое нынче дѣлается!—остановилъ онъ Николая Николаевича, который проходилъ по бульвару съ однимъ изъ грязнопольскихъ негоціантовъ.

— А что?

— Да ругаются!

— Кто?

— Газеты! Вы, вѣрно, не читали послѣднихъ корреспонденцій?—не безъ ехидства спрашивалъ Колосовъ.

— Читалъ; по-моему, плюнуть сто̀итъ.

— Да я-то наплевалъ, потому что насъ, чиновниковъ, ругать самъ Богъ велѣлъ!—смѣялся Колосовъ.—Но вотъ что обидно, когда на людей, посвятившихъ труды свои на пользу меньшихъ братій, взводятъ клеветы... Вы читали, въ какомъ гнусномъ свѣтѣ выставили ваши добрыя намѣренія?

— Читалъ!—не безъ досады сказалъ Николай Николаевичъ, желая отойти.

— Вѣдь это такая наглая ложь, что просто досадно. Вы не знаете, кто авторъ?

— Не знаю.

— Говорятъ, Крутовской.

— А Богъ съ нимъ!—проговорилъ Стрекаловъ, отходя далѣе взбѣшенный и раздосадованный.

«Небойсь, проняло!» — смѣялся Колосовъ, подхватывая подъ руку одного знакомаго, которому и не замедлилъ разсказать о томъ, какъ Стрекалова описали.

— И сто̀итъ! — добавилъ Александръ Андреевичъ. — Вѣдь это такой, я вамъ скажу, мошенникъ!—говорилъ по секрету Колосовъ.—Такой пройдоха...

Николай Николаевичъ спѣшилъ уйти съ бульвара. Ему казалось, что всѣ «читали этотъ пасквиль» и всѣ радуются тому, что нашелся «негодяй, осмѣливающійся оклеветать честнаго человѣка». И Николай Николаевичъ не ошибался: грязнопольцы радовались не потому, что злорадствовали

(они и сами были не безъ пушка на рыльцѣ), а просто отъ скуки.

Стрекаловъ рѣшился сейчасъ же ѣхать къ «подлому пасквилянту».

— Дома г. Крутовской?—спросилъ онъ не безъ нѣкотораго волненія у кухарки, подойдя къ двери маленькаго сѣренькаго домика.

— Дома-съ. Да вы идите прямо.

Николай Николаевичъ вошелъ и встрѣтился съ Людмилой Николаевной. Онъ вѣжливо поклонился и спросилъ:

— Г. Крутовского можно видѣть?..

— Володя!—крикнула Людмила Николаевна въ дверь и сама ушла, ласково промолвивъ: «садитесь, пожалуйста».

Крутовской вошелъ и, увидѣвъ ненавистнаго ему «буржуа» у себя, почувствовалъ нѣкоторое пріятное чувство, щекотавшее его самолюбіе. Онъ поклонился Стрекалову и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Мы можемъ поговорить одни? — сказалъ Стрекаловъ, оглядывая своего собесѣдника.

— Отчего-жъ не можемъ? Можемъ, г. Стрекаловъ. Пожалуйте сюда—это мой кабинетъ,—замѣтилъ Крутовской, показывая на дырявый стулъ въ своей узенькой комнатѣ, слишкомъ смѣло названной имъ кабинетомъ.

— Извините меня, г. Крутовской,—началъ Стрекаловъ, усѣвшись:—если я позволю себѣ задать одинъ вопросъ: вы авторъ послѣдней корреспонденціи?

— Я!—не безъ самодовольства отвѣтилъ Крутовской.

«Скотина!—подумалъ Стрекаловъ и возымѣлъ сильное желаніе придушить «эту маленькую, тщедушную фигурку съ змѣиными глазками».—Еще хвастается!»

— Вотъ видите ли что, г. Крутовской. Я, конечно, не смѣю винить васъ въ томъ, что вы, не зная меня, вошли въ личную оцѣнку моихъ поступковъ и даже намѣреній—это дѣло, конечно, ваше; но я позволилъ себѣ пріѣхать къ вамъ, чтобы объяснить, что дѣло это не совсѣмъ такъ было, какъ вы изволили описать...

— А какъ же было дѣло?—спросилъ Крутовской.

— Если вамъ будетъ угодно, для разъясненія истины, которая для меня дороже всего, я могу вамъ доставить самыя подробныя свѣдѣнія. Я—людей не обманывалъ, какъ вы изволили выразиться въ статьѣ. Я заключилъ съ ними условія, быть-можетъ, и стѣснительныя для нихъ—

хотя лично я въ томъ и сомнѣваюсь, — но во всякомъ случаѣ они знали, что дѣлали, когда подписывали контрактъ...

— Но что же вамъ угодно?..—нетерпѣливо сказалъ Крутовской.

— Я позволю себѣ васъ просить возстановить только истинный смыслъ факта... Вы бы этимъ крайне меня обязали и поступили бы согласно справедливости!..—ласково говорилъ Стрекаловъ.

«Ну, какъ я ему предложу денегъ?—думалъ Николай Николаевичъ.—Очевидно—невозможно!»

— По моему мнѣнію, г. Стрекаловъ, вы лучше всего сдѣлаете, если отвѣтите на статью и сами возстановите смыслъ факта. Предположимъ, что я, быть-можетъ, и ошибся, вы докажете мою ошибку, и дѣлу конецъ...

— Я такъ занятъ... и если-бъ вы могли взять на себя это дѣло, то повѣрьте, г. Крутовской, что я не остался бы неблагодарнымъ...

— То-есть какъ же это, г. Стрекаловъ?—почти крикнулъ Крутовской, сверкая своими маленькими глазенками.

— Я бы вамъ былъ обязанъ, какъ человѣку, возстановившему фактъ въ истинномъ его видѣ...

— Нѣтъ ужъ... возстановляйте его сами, г. Стрекаловъ, а я не буду!

Стрекаловъ ни слова не сказалъ, всталъ и уѣхалъ.

«О, подлецы!—шепталъ онъ.—И гордость какая... гоноръ! Сидитъ себѣ, точно у него двѣсти тысячъ въ карманѣ!»

Дѣлать было нечего; мысль о подкупѣ пришлось оставить и возложить надежды на то, что о гнусномъ пасквилѣ скоро забудутъ. И правда, черезъ недѣлю въ Грязнопольѣ забыли о статьѣ, но Николай Николаевичъ не забывалъ объ ея авторѣ. Онъ не могъ хладнокровно слышать фамилію Крутовского, этого «подлаго пасквилянта».

XX.

Чтенія на заводѣ были разрѣшены безъ особыхъ затрудненій; его превосходительство, предварительно изъявляя Николаю Николаевичу свое согласіе, сдѣлалъ Стрекалову комплиментъ за его «либеральныя начинанія», заявилъ, что онъ «съ своей стороны радъ всей душой помочь дѣлу просвѣщенія непросвѣщенныхъ», и прибавилъ:

— Надѣюсь, Николай Николаевичъ, лекторъ лицо благонадежное?

— Совершенно. Дѣльный и скромный молодой человѣкъ, которому я не затруднился довѣрить образованіе сына...

— Значитъ, говорить нечего! Очень радъ, что вы нашли подобнаго молодого человѣка... Теперь такіе люди, говорятъ, рѣдкость... Нынѣшняя молодежь, кажется, не грѣшитъ скромностью и, кромѣ того, очень любитъ высказывать свои мнѣнія рѣшительно... особливо въ газетахъ,— добавилъ генералъ не безъ ироніи.

Николай Николаевичъ при этихъ словахъ вспомнилъ о своемъ врагѣ и хотѣлъ-было о немъ заикнуться, но благоразумно согласился съ «вполнѣ справедливымъ мнѣніемъ его превосходительства» и, поблагодаривъ за помощь такого просвѣщеннаго администратора, уѣхалъ, промолчавъ о Крутовскомъ.

Въ ближайшее воскресенье было назначено первое чтеніе, о чемъ было сообщено рабочимъ наканунѣ самимъ Стрекаловымъ при разсчетѣ; при этомъ Николай Николаевичъ сказалъ маленькій спичъ, въ которомъ упомянулъ, что «ученье свѣтъ, а неученье тьма», и что «знающему легче заработать деньги, сберечь ихъ, а не пропить въ первомъ кабакѣ»... Рабочіе прослушали спичъ молча и заявленіе о чтеніяхъ приняли совершенно равнодушно и даже не безъ юмора. Однако-жъ, ради любопытства, на слѣдующій день на заводъ пришло до трехсотъ человѣкъ; собрался больше молодой народъ; старые не пошли и даже посмѣивались надъ тѣми, кто шелъ «ихнія сказки слушать».

Въ ожиданіи начала, толпа заняла пустую мастерскую и громко галдѣла о своихъ дѣлахъ; слышалось пощелкиванье орѣховъ, смѣхъ и насмѣшки надъ «сказками».

Въ половинѣ двѣнадцатаго стали собираться и почетные посѣтители; вѣсть о чтеніяхъ пронеслась въ Грязнопольѣ съ быстротою вѣтра, и грязнопольцы заранѣе вкушали удовольствіе посмотрѣть «на спектакль» и поглазѣть другъ на друга. Первымъ пріѣхалъ Стрекаловъ съ семействомъ, затѣмъ супруга предсѣдателя палаты съ мужемъ, штабъ-офицеръ, нѣсколько лицъ судебнаго вѣдомства, десятка два дамъ и мужчинъ... Весело болтая, разсаживалась публика въ кресла, поставленныя за барьеромъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ рабочаго люда. Явилась и Колосова подъ руку съ Александромъ Андреевичемъ. Надежда Алексѣевна была нѣсколько блѣдна и похудѣла; тѣмъ не ме-

нѣе при входѣ она обратила на себя общее вниманіе; вся въ черномъ, она была очень интересна.

— Айкановъ развѣ не будетъ?..—съ ехидствомъ прошипѣла Настасья Дмитріевна на ухо мужу, оглядывая вошедшую пару.

Въ это время Колосова поровнялась съ Настасьей Дмитріевной и, кажется, услышала шопотъ Стрекаловой; она поблѣднѣла еще больше и любезно поздоровалась съ Стрекаловой. Обѣ дамы поцѣловались и очень нѣжно узнавали о здоровьѣ другъ друга, пока мужья ихъ крѣпко жали другъ другу руки...

— Le voilà!—опять шепнула Стрекалова не безъ злобнаго чувства зависти къ Колосовой и любезно пожала руку вошедшему молодому красивому брюнету...

Брюнетъ сѣлъ недалеко отъ Надежды Алексѣевны.

Ровно въ двѣнадцать часовъ на лекторскомъ возвышеніи явился Глѣбъ въ новой парѣ платья, довольно ловко сидѣвшей на его ширококостномъ тѣлѣ. Онъ сѣлъ и окинулъ взглядомъ аудиторію. Всѣ глаза устремились на него, точно на морское чудовище; разглядывали глаза, носъ, руки и запонки «стрекаловскаго учителя», большинство дамъ нашло его «вульгарнымъ»; Надежда Алексѣевна вскинула лорнетъ и внимательно взглянула на Глѣба. «Лицо оригинальное, очень хорошее для актера»,—подумала она. Мужчины нашли, что «учитель» приличенъ (они ждали «косматаго» учителя), а прокуроръ пытливо осмотрѣлъ его въ pince-nez. Толпа заколыхалась... «Пришелъ, ребята!» — крикнулъ кто-то, и аудиторія притихла...

Глѣбъ смутился. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить beau-monde. «Они-то чего сюда понаѣхали?..» Однако онъ оправился и началъ чтеніе. Первое чтеніе было по русской исторіи.

Сначала голосъ его былъ слабъ, неувѣренъ; онъ говорилъ тихо, но мало-по-малу голосъ сталъ тверже, увѣреннѣе, рѣчь потекла свободно. Глѣбъ уже никого передъ собой не видалъ. Его возбудило чтеніе. Яснымъ, понятнымъ простолюдину языкомъ разсказывалъ онъ о началѣ Руси, о христіанствѣ, о томъ, какъ жили предки, о нравахъ, объ обычаяхъ, о великомъ Новгородѣ, и толпа, сперва равнодушная и шумливая, съ каждымъ словомъ слушала внимательнѣй и любовнѣй и наконецъ, притаивъ дыханіе, впилась въ разсказъ, боясь проронить слово, съ

сосредоточеннымъ вниманіемъ ребенка, слушающаго занимательную сказку.

Когда черезъ полтора часа чтеніе было окончено, рабочіе молчали, точно очарованные, и только когда Глѣбъ объявилъ, что въ слѣдующее воскресенье онъ будетъ продолжать, толпа разомъ загудѣла, наивно, искренно и громко выражая свое удовольствіе.

Глѣбъ былъ доволенъ. Успѣхъ былъ полный. Beaumonde выразилъ свое удовольствіе (что скоро окончилась эта «сухая матерія») приличными рукоплесканіями и громко поднялся съ своихъ мѣстъ. Впрочемъ, всѣ находили, что «господинъ читаетъ не безъ таланта», и спѣшили еще разъ выразить Николаю Николаевичу чувство своего глубокаго уваженія за «его идею, столь гуманную и своевременную». Николай Николаевичъ благодарилъ за сочувствіе.

— И какъ довольны эти люди; съ какимъ вниманіемъ они слушали!—говорила жена предсѣдателя казенной палаты, указывая пальцемъ на расходившуюся толпу.—Кто бы могъ ожидать?

— Признаюсь, и я этого не ожидалъ!.. — весело отвѣчалъ Николай Николаевичъ.

— Русскій человѣкъ на все хорошее отзовется! — не безъ умиленія замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

Между тѣмъ Николай Николаевичъ спѣшилъ пожать руку Глѣбу и поздравить его съ успѣхомъ. «Отлично это онъ придумалъ!»—весело проносилось у него въ головѣ. Примѣру Николая Николаевича послѣдовали и другіе, и всѣ наперерывъ благодарили Глѣба Петровича. Настасья Дмитріевна сказала, что она «вспомнила Маколея»; прокуроръ промолвилъ, крѣпко сжимая Глѣбу руку:

— Позвольте и мнѣ искренно благодарить васъ за удовольствіе, доставленное вашимъ превосходнымъ чтеніемъ.

Толстый предсѣдатель палаты тоже пожалъ руку и лаконически пробасилъ: «весьма занятно!» Всѣ спѣшили что-нибудь заявить, хотя всѣмъ такое же было дѣло до чтеній, какъ и до прошлогодняго снѣга, но всѣмъ хотѣлось казаться либеральными, не менѣе штабъ-офицера.

Глѣбъ только кланялся и думалъ: «Изъ-за чего это они надрываются?»

— Не правда ли, смѣлое лицо?—шепнула Надежда Алексѣевна Айканову.

— Да, а что?—отвѣчалъ, зѣвнувъ, брюнетъ.

— Я съ нимъ хочу познакомиться!

— Что-жъ!

— Вы не разсердитесь?—лукаво улыбнулась Надежда Алексѣевна и направилась къ Глѣбу.

— Мнѣ захотѣлось съ вами познакомиться, г. Черемисовъ, послѣ вашего чтенія! — заговорила Надежда Алексѣевна съ самой обворожительной улыбкой и назвала себя.

Глѣбъ сказалъ, что очень радъ.

— Я вспомнила сегодня прежнее!—задумчиво проговорила Колосова.—Васъ это удивляетъ? Вы, вѣрно, не знаете: я была актриса—Наумовой имя слыхали?

Глѣбъ вспомнилъ, что онъ слышалъ о Наумовой, какъ о замѣчательной актрисѣ.

— Слышалъ отъ другихъ!..

— Да это все равно, впрочемъ. А вотъ что, Черемисовъ,—говорила Колосова совершенно уже дружескимъ тономъ:—навѣщайте меня; я по утрамъ всегда дома. Мнѣ бы хотѣлось потолковать съ вами о школѣ...

Колосовъ подошелъ къ женѣ и любезно подалъ ей руку, мелькомъ взглянувъ на Черемисова.

«Неужто Айканову Надя отставку предпишетъ, возьметъ въ обожатели этого чтеца?—думалъ, улыбаясь, мужъ, ведя жену подъ руку.—Будетъ очень любопытно, а впрочемъ, отчего же? Надя—натура художественная!..»

— А что, Наденька, Айкановъ развѣ не съ нами?—спрашивалъ Колосовъ, разыскивая глазами Айканова.

— Нѣтъ! — сухо отвѣчала Колосова, вскакивая въ карету.

Ольга ни слова не сказала Глѣбу и задумчиво возвращалась съ матерью домой. Странное дѣло! Этотъ медвѣдь съ красными руками и волчьимъ аппетитомъ гораздо красивѣй, когда говоритъ. И глаза такіе дерзкіе! Она вспомнила, что не спускала съ него глазъ во время чтенія, и покраснѣла. Что же тутъ дурного? А онъ, кажется, добрый человѣкъ и ни передъ чѣмъ не остановится! Только скрытный! Да мнѣ-то какое дѣло?

Ольга во все время пребыванія Глѣба въ ихъ домѣ ни разу съ нимъ не говорила, исключая самаго обыкновеннаго обмѣна вѣжливыхъ словъ; она его точно пугалась. «А онъ совсѣмъ не страшный, только совсѣмъ не похожъ на другихъ!.. Богъ знаетъ, какія я глупости сегодня думаю!»—прошептала молодая дѣвушка, входя въ комнаты.

M-lle Lenorme еще на заводѣ подошла къ Глѣбу и замѣтила ему не безъ ядовитой улыбки:

— Вы умѣете быть яснымъ, когда захотите...

— Что это значитъ?

— Это значитъ, что вы отлично читали, но къ чему вы всегда съ нами молчите?.. Что вы за сфинксъ?.. Или съ нами не о чемъ разговаривать?—кокетливо шепнула француженка.

— То-есть съ кѣмъ это—съ нами?

— Вы не понимаете? Мило! Ну, хоть бы со мной...

— Да не приходится...

— Не хотите?

Глѣбъ пожалъ плечами.

— И не станете?

— Стану, коли придется...

— Ахъ вы медвѣдь!.. Вы не сердитесь?.. Нѣтъ! Вы не сердитесь, это было бы для меня очень... очень... какъ бы сказать?.. непріятно!—шепнула Lenorme.—Однако мои принципалы ѣдутъ... Поѣдемте вмѣстѣ! Мѣсто будетъ.

— Нѣтъ, не могу.

— Все нѣтъ, да нѣтъ... Когда вы скажете: да?—сверкнула не безъ досады своими черными глазами француженка, нагоняя Стрекаловыхъ.

«Забавляется!—подумалъ Глѣбъ, глядя вслѣдъ.—Пусть себѣ! А не дурна; впрочемъ, миссъ лучше!.. И о чемъ она все думаетъ, эта миссъ... О милордѣ, что ли?.. А, впрочемъ, мнѣ-то какая отъ этого польза? Пусть думаетъ, о чемъ ей угодно!»

Вечеромъ Глѣбъ, противъ своего обыкновенія, спустился внизъ. Въ залѣ онъ засталъ Ольгу Николаевну; она разсѣянно перебирала по клавишамъ. Глѣбъ хотѣлъ-было выйти изъ залы, но Ольга сказала ласковымъ тономъ:

— Могу я обратиться къ вамъ съ просьбой?

— Разумѣется, Ольга Николаевна.

— Укажите мнѣ, пожалуйста, интересныя историческія книги.

Глѣбъ назвалъ два-три заглавія.

— Благодарю, Глѣбъ Петровичъ...

Глѣбу почему-то не хотѣлось уходить, и онъ спросилъ:

— Вы гдѣ думаете достать эти книги, Ольга Николаевна?

— Выпишу изъ Петербурга...

— Зачѣмъ? Лучше я ихъ вамъ дамъ—у меня онѣ есть!..

Ольга поблагодарила и снова стала перебирать клавиши.

— Вы любите музыку, Глѣбъ Петровичъ?..

— Иногда люблю...

— А я такъ всегда люблю.—Ольга помолчала.—Тяжело, я думаю, женщинѣ своимъ трудомъ жить?..—проговорила она какъ бы въ раздумьѣ.

«Отъ музыки къ труду, —экая странная!» — подумалъ Глѣбъ.

— Не легко... Почему вы объ этомъ подумали?

— Я объ этомъ много думала, Глѣбъ Петровичъ. Вы знавали трудящихся женщинъ?..

— Знавалъ...

— Имъ, конечно, тяжело, но зато какое, я думаю, наслажденіе не зависѣть ни отъ кого!..—почти что крикнула Ольга рѣзкимъ, страстнымъ голосомъ.

«Что за тонъ! что за мысли! вотъ она какая однако-жъ, эта миссъ!..»—удивлялся Глѣбъ.

Ольга какъ будто раскаялась, что сказала болѣе обыкновеннаго. Она посмотрѣла на Глѣба. Онъ молчалъ. Тогда она поднялась съ мѣста и замѣтила холоднымъ, сухимъ тономъ:

— Впрочемъ, я, кажется, сказала вздоръ... Ни отъ кого не зависѣть невозможно!.. Это nonsens.

И тихо вышла изъ залы, оставивъ Глѣба въ недоумѣніи.

«И все это подъ бокомъ у чинной лэди?!»—улыбнулся Глѣбъ, уходя въ садъ. Когда онъ вернулся изъ сада съ остальнымъ семействомъ, Ольга Николаевна играла какую-то бетховенскую сонату. Игра была какая-то порывистая, нервная... Всѣ прошли въ гостиную, а Глѣбъ тихо прошелъ въ залу и, незамѣтно скрывшись за трельяжемъ, слушалъ игру. Кончивъ сонату, Ольга Николаевна склонилась надъ роялемъ и просидѣла такъ нѣсколько минутъ. Когда она подняла лицо, Глѣбу показалось, что на глазахъ у дѣвушки были слезы. Она снова заиграла какую-то шопеновскую вещицу.

— Ольга! — раздался изъ гостиной голосъ Настасьи Дмитріевны.—Что ты все нервныя вещи играешь?..

— Вамъ не нравится, мама?

— Сыграй, дружокъ, что-нибудь другое.

Ольга сыграла что-то другое, не кончила и снова начала какой-то вальсъ, оборвала его и встала изъ-за фортепіано. Мать вошла въ залу.

— Да что ты, Оля, такая странная сегодня... Начнешь

одно—не кончишь, и за другое! здорова, дитя мое?—нѣжно спрашивала мать, заглядывая въ лицо дочери.

— Здорова, мама!—отвѣчала Ольга и поцѣловала мать въ лобъ.—А что?

— Мнѣ показалось, что ты не въ духѣ... Не болитъ ли голова?..

— Немножко.

— То-то... Прими валеріану и приходи къ намъ, сыграемъ въ трикъ-тракъ.

Мать и дочь, обнявшись, вышли изъ залы, а Глѣбъ тихо поднялся къ себѣ наверхъ и пилъ чай у себя.

Черезъ нѣсколько дней послѣ чтенія въ одной изъ петербургскихъ газетъ была напечатана короткая поощрительная замѣтка о чтеніи, а въ «Грязнопольскомъ Вѣстникѣ» появилась слѣдующая статья подъ заглавіемъ: Отрадное явленіе въ Грязнопольѣ.

«Съ глубокимъ чувствомъ радости спѣшимъ извѣстить читателей объ отрадномъ явленіи въ нашемъ скромномъ городѣ, которое говоритъ само за себя, громко свидѣтельствуя о томъ гуманномъ взглядѣ на нашихъ меньшихъ братій, который, благодаря правительственной иниціативѣ, все болѣе и болѣе встрѣчается во всѣхъ уголкахъ нашей дорогой родины. Читатели догадываются, конечно, что мы говоримъ о чтеніяхъ, устроенныхъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію г. начальника губерніи, нашимъ почтеннымъ и высокообразованнымъ Н. Н. Стрекаловымъ. Своимъ просвѣщеннымъ умомъ онъ позналъ, а прямымъ русскимъ сердцемъ почувствовалъ, что недостаточно только матеріально заботиться о людяхъ, имѣющихъ счастіе работать у него на заводѣ. Нѣтъ! Онъ захотѣлъ имъ помочь нравственно и возымѣлъ благую мысль кинуть лучъ свѣта въ мракъ невѣжества, озарить истиной гнѣздо предразсудковъ и, не щадя издержекъ, привести въ исполненіе идею, давно его занимавшую. Въ прошлое воскресенье было первое чтеніе. Надо было самому присутствовать, чтобы видѣть, съ какимъ глубокимъ чувствомъ благодарности отнеслись къ своему хозяину признательные русскіе люди. Они мало говорили, но много чувствовали,—такова одна изъ чертъ нашего народа!

«На лекціи, прочитанной не безъ таланта наставникомъ сына г. Стрекалова, мы замѣтили многихъ лицъ нашего лучшаго общества, отъ души сочувствующихъ благому

начинанію. Дай Богъ побольше такихъ дѣятелей, не забывающихъ меньшого брата! Заслуги подобныхъ людей,—говоримъ это прямо, безъ страха обвиненія въ пристрастіи,—говорятъ очень громко и, конечно, должны заслуживать общественной благодарности; въ рукахъ у такихъ людей каждое дѣло,—будь это земское, частное или служебное дѣло,—всегда будетъ плодотворно... Мы слышали изъ вѣрныхъ источниковъ, что чтенія эти будутъ продолжаться... Дай Богъ имъ всякаго успѣха.

«А между тѣмъ находятся какіе-то литературные проходимцы, для которыхъ совѣсть и честь—жалкія слова, которые рады бросить въ честныхъ людей грязью и, прикрываясь анонимомъ, печатать (мы только удивляемся почтенной редакціи «Петербургскаго Глашатая»!) самыя неблаговидныя клеветы о людяхъ, до нравственной чистоты которыхъ этимъ пасквилянтамъ такъ же далеко, какъ до солнца. Впрочемъ, презрѣніе — единственное наказаніе, достойное этихъ наемныхъ писакъ.

«Полагаемъ, не лишнее будетъ сказать, что въ городѣ носятся слухи, будто Н. Н. Стрекаловъ получитъ концессію на Грязнополье-Бакшеевскую линію. Отъ души желаемъ, чтобы слухъ этотъ оправдался...»

— Ну что, каково?—спрашивалъ редакторъ «Вѣстника», Иванъ Ивановичъ Кашкадамовъ, высокій, сухощавый человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, прочитывая вышеизложенныя строки своему сотруднику, нѣсколько выпившему, рыжеватому человѣку съ красноватымъ носомъ.

— Ничего себѣ, живетъ...

— Съ паѳосомъ?..

— Припущено-таки.

— Чай, Крутовской озлится?

— Отжаритъ же онъ васъ, Иванъ Ивановичъ, помяните мое слово.

— Такъ я его и боюсь... Наплевать мнѣ...

— Ну, это мы посмотримъ. У него вѣдь талантъ... «Глашатай»—не провинціальная газета; недаромъ же она его печатаетъ...

— Никакого таланта нѣтъ... одна хлесткость.

— Хлесткость?—засмѣялся «красный носъ».—Дудки!.. Напишите-ка вы такъ...

— Вы вѣчно придираетесь. Напишите, напишите... Сами знаете, каково въ Грязнопольѣ писать.

— То-то... Послушайте, Иванъ Ивановичъ, сколько въ

хотите стянуть со Стрекалова?—вдругъ спросилъ «красный носъ»...

— Г. Мурьяновъ, это личности!

— Полно, Кашкадамушка, дурака-то корчить!.. Полно, дружище... Лучше дай-ка мнѣ пять рублей въ счетъ твоего или моего долга. Туда же—личности!.. Ужъ не гражданскіе ли герои? Свиньи мы, вотъ что!.. Ну, ты вези свое произведеніе,—вѣдь знаю, самъ повезешь!—а мнѣ пять рублей или жизнь!—театрально сложивъ руки, продекламировалъ Мурьяновъ.

— Въ трактиръ?

— А то куда же?

— Загубите вы свой талантъ, Мурьяновъ, загубите!—внушительно замѣтилъ редакторъ.

— Есть что губить! ну, живо, пять рублей и я иду... Туда же—личности у такихъ поросятъ, какъ мы съ тобой!.. Горе ты богатырь, Кашкадамушка, и никогда тебѣ великимъ подлецомъ не сдѣлаться, — а почему? таланта нѣтъ...

«Красный носъ» засмѣялся и, взявъ пять рублей, дружелюбно простился съ редакторомъ.

— Погибшій!—прошепталъ Кашкадамовъ вслѣдъ за Мурьяновымъ.—Когда пьянъ—бѣда! И терпи все отъ него! Безъ него—что моя газета? Эхъ, тяжела ты, шапка журналиста!—промолвилъ онъ, надѣвая фракъ.

Хотя Стрекаловъ очень хорошо былъ убѣжденъ, что Иванъ Ивановичъ Кашкадамовъ «такая шельма, которая не затруднится завтра же отречься отъ того, что написалъ сегодня», тѣмъ не менѣе грубая лесть статьи его тронула, а то мѣсто, гдѣ намекалось на Крутовского, даже очень понравилось.

— Спасибо за статью, Иванъ Ивановичъ,—заговорилъ Стрекаловъ, сидя съ Кашкадамовымъ въ кабинетѣ:—но не черезчуръ ли вы хвалите меня?

Редакторъ взглянулъ на Стрекалова, и его неглупые глаза улыбнулись.

— Такихъ людей, какъ вы, нужно указывать обществу... Пора вамъ проснуться—пора!—Кашкадамовъ взмахнулъ рукой и начиналъ горячиться. — Я только намекалъ, а мнѣ слѣдовало прямо сказать: вотъ, слѣпые, кто долженъ быть предсѣдателемъ управы... Но я не могъ, я только намекнулъ, вы замѣтили: «всякое дѣло — будь это земское...» Поймутъ-съ...

Даже Стрекалову стало совѣстно отъ этой наглой лести, излагаемой наглымъ языкомъ.

«Какой же ты однако мерзавецъ!»—подумалъ онъ и замѣтилъ «этому мерзавцу»:

— Мнѣ остается только благодарить васъ за лестное мнѣніе...

— Я, Николай Николаевичъ, всегда съ удовольствіемъ готовъ бѣлое называть бѣлымъ, а черное чернымъ... Это святая наша обязанность!.. Одна бѣда... Вы понимаете, я говорю о нашей публикѣ. Никакой поддержки не оказываетъ!—съ горечью замѣтилъ Кашкадамовъ.

«До кошелька добирается!»—подумалъ про себя Стрекаловъ.

— Развѣ подписчиковъ мало?

— Совсѣмъ мало.

Послѣ двухъ-трехъ незначительныхъ фразъ, Николай Николаевичъ далъ редактору сто рублей на изданіе миѳической брошюры, и Иванъ Ивановичъ уѣхалъ отъ Стрекалова довольный, напѣвая про себя какую-то веселую пѣсенку.

«Вѣдь не дай я ему денегъ за непрошенную статью, завтра же обругаетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ!»—улыбнулся Стрекаловъ.

XXI.

Прошелъ мѣсяцъ. Выборы земцевъ почему-то были отсрочены. Чтенія на заводѣ шли своимъ чередомъ, хотя грязнопольскій beau-monde пересталъ на нихъ присутствовать, къ немалому удовольствію Черемисова. Стрекаловы сперва аккуратно посѣщали заводъ en famille, но послѣ двухъ-трехъ чтеній и они перестали ѣздить, несмотря на робко выраженное желаніе Ольги Николаевны и Ленормъ. Настасьѣ Дмитріевнѣ самой ѣздить не хотѣлось, а пускать дѣвицъ однѣхъ она считала «неблаговиднымъ». Самъ Стрекаловъ послѣ перваго чтенія пересталъ бывать на слѣдующихъ, такъ что единственнымъ постояннымъ посѣтителемъ чтеній, кромѣ рабочихъ, былъ только управляющій-нѣмецъ, который постоянно досиживалъ до конца и хотя плохо понималъ русскій языкъ, но тѣмъ не менѣе усердно и внимательно слушалъ Черемисова.

Воспользовавшись приглашеніемъ Надежды Алексѣевны «навѣстить ее запросто», Черемисовъ былъ у нея два раза и успѣлъ вселить ей мысль о концертѣ въ пользу семействъ

рабочаго люда. Мысль эта была принята Надеждой Алексѣевной съ жаромъ; она принялась дѣятельно хлопотать, сама ѣздила къ губернатору, который, конечно, разрѣшилъ ей сдѣлать «доброе дѣло», сама раздавала билеты съ такой очаровательной граціей и съ такой кокетливой улыбкой, что люди, которые и гроша не дали бы въ пользу «этихъ негодяевъ», давали теперь по десяти и болѣе рублей въ маленькія ручки Надежды Алексѣевнѣ съ самымъ искреннимъ, повидимому, участіемъ къ положенію семействъ «этихъ честныхъ тружениковъ». Такимъ образомъ, благодаря красотѣ и умѣнью Надежды Алексѣевны, концертъ вышелъ блистательный, и была собрана весьма почтенная сумма.

Въ то же самое время отношенія Николая Николаевича къ своему управляющему стали замѣтно сухи. Стрекаловъ сталъ подозрѣвать нѣмца въ большомъ воровствѣ; книги оказались несовсѣмъ аккуратны. Стрекаловъ однажды сообщилъ о своихъ подозрѣніяхъ Черемисову, жалуясь вообще на людей, не понимающихъ, сколько они могутъ и сколько не должны мочь.

— Ну, Богъ съ тобой,—воруй!—говорилъ, по обыкновенію, не безъ горячности Николай Николаевичъ:—но знай, по крайней мѣрѣ, границы! я знаю, честнаго управляющаго найти трудно, ну и, конечно, извѣстный процентъ въ бюджетѣ завода кладу на воровство,—и пользуйся этимъ процентомъ съ тактомъ, да не заходи дальше!

Результатъ разговора былъ тотъ, что Стрекаловъ предложилъ Черемисову нелегкое дѣло—провѣрить всѣ заводскія книги за трехлѣтнее управленіе нѣмца. Черемисовъ принялъ предложеніе, не споря даже о цѣнѣ, предложенной Стрекаловымъ.

Цѣлый мѣсяцъ по вечерамъ онъ просиживалъ за книгами, дѣлая изъ толстыхъ бухгалтерскихъ фоліантовъ выборки, выписки, и скоро безмолвныя цифры, разобранныя Глѣбомъ, стали намекать на крупное воровство; впрочемъ, работа еще начиналась, и Глѣбъ съ бо́льшей энергіей углубился въ этотъ дремучій лѣсъ цифръ, надѣясь къ осени кончить свой трудъ.

Звѣздный іюньскій вечеръ заглядывалъ въ отворенное окно комнаты Черемисова. Его косматая голова склонилась надъ толстой бухгалтерской книгой. Глѣбъ заработался за выписками. Наконецъ онъ поднялъ голову, взглянулъ

на массу написанныхъ имъ цифръ, и лицо его перекосилось усмѣшкой. Онъ долго просидѣлъ, задумавшись, надъ книгой... «А еще Крутовской сомнѣвается!—презрительно шевельнулась мысль.—Сомнѣвается и меня чуть не въ подлецы произвелъ!»—копошилось злостное чувство противъ Крутовского.

Хотя Глѣбъ и говорилъ, что не сердится на Крутовского за высказанныя имъ подозрѣнія относительно образа дѣйствій Глѣба, хотя онъ попрежнему дружелюбно встрѣчался съ Крутовскимъ, но на днѣ души его зрѣло злое зернышко, которое могло разростись въ чувство ненависти. Глѣбъ, правда, старался увѣрить себя, что онъ попрежнему любитъ пріятеля, но что-то внутри шевелилось, отнимая у отношеній тотъ задушевный характеръ, который прежде существовалъ между ними. Подсмѣиваясь надъ Крутовскимъ, что онъ «или въ зубы, или пожалуйте ручку!», Глѣбъ—дитя своего времени—и самъ не былъ безупреченъ въ этомъ отношеніи. Недовѣріе, критическое отношеніе къ нему самому, выраженное, вдобавокъ, въ рѣзкой формѣ, хотя и смягченное потомъ Крутовскимъ, задѣло его самолюбіе сильнѣй, чѣмъ онъ самъ предполагалъ. «Да какъ онъ смѣлъ подумать? какъ смѣлъ?»—спрашивалъ себя въ эту минуту Черемисовъ, не безъ злости къ Крутовскому. Тонъ сарказма и ироніи какъ-то настраивался самъ собой при встрѣчѣ съ Крутовскимъ. Глѣбъ шевелилъ его «литературнаго червяка» не безъ яду; понятно, и Крутовской не оставался въ долгу. Обладая меньшей сдержанностью и бо̀льшимъ воображеніемъ, чѣмъ Глѣбъ, Крутовской — скорѣе художникъ, чѣмъ логикъ — рисовалъ себѣ картину обращенія Глѣба въ «прохвосты», и картина выходила, по его мнѣнію, «оригинальная». Эта «оригинальность» понравилась Крутовскому, и онъ, не долго думая, набросалъ письмо къ петербургскому пріятелю и въ этомъ письмѣ, правда, въ шуточной формѣ, нарисовалъ очень художественную и рѣзкую характеристику лица, обращающагося изъ «ярыхъ» въ «прохвосты». Письмо имѣло въ виду будущее и подразумѣвало Черемисова. Крутовской такъ увлекся собственнымъ созданіемъ своего воображенія, что и не замѣчалъ, какъ онъ безсовѣстно лгалъ на пріятеля; его подкупила оригинальность, и онъ не задумался послать свое произведеніе въ Петербургъ къ одному знакомцу, охотнику до чужихъ «характеристикъ». На другой же день въ Крутовскомъ шевельнулось

сознаніе сдѣланной гадости. «Вѣдь я, свинья, набрехалъ все на Глѣба, а тамъ, поди, письмо по всѣмъ закоулкамъ разнесутъ!» — подумалъ Крутовской и немедленно написалъ знакомому письмо, въ которомъ чистосердечно каялся въ лганьѣ, поясняя процессъ этого лганья и заклиная немедленно вернуть первое письмо обратно и подъ страхомъ «подлеца» никому не говорить ни единаго слова... Однако было поздно. Мастерская характеристика Крутовского сдѣлала свое дѣло. Сплетня начинала созрѣвать, готовясь принять самые гигантскіе размѣры.

Глѣбъ усердно продолжалъ работать и не замѣтилъ, какъ тихо отворилась дверь, и на порогѣ явился Крутовской.

Крутовской пришелъ къ Глѣбу съ намѣреніемъ разсказать о своемъ «художническомъ промахѣ», и сознаніе гадости еще болѣе укололо его при видѣ Глѣба. «Спины не разгибаетъ, а я фантазіи сочиняю!» Но, постоявъ съ минуту на порогѣ, Крутовской уже забылъ, зачѣмъ пришелъ. Пораженный роскошью обстановки, онъ, прищуриваясь, оглядывалъ комнату и замѣтилъ не безъ насмѣшки въ голосѣ:

— Дворецъ у васъ, Черемисовъ, отличнѣйшій!

Черемисовъ поднялъ голову и сухо замѣтилъ:

— Здравствуйте, Крутовской, что скажете?..

— И цвѣты тропическіе, экраны... ишь мягкость какая...—продолжалъ Крутовской, опускаясь на диванъ...— Роскошно живете, Глѣбъ Петровичъ!

— Да, роскошно, Крутовской,—совсѣмъ сухо замѣтилъ Глѣбъ.

Тонъ Черемисова раздражилъ Крутовского. «Живетъ какъ филистеръ и не извиняется!»—подумалъ онъ, и глазки его злобно забѣгали.

Онъ весь съежился на большомъ диванѣ; въ его маленькой, нервной, блѣдной фигуркѣ съ умными глазками замѣчалось что-то кошачье; онъ, точно кошка, свернулся въ клубокъ, готовясь сдѣлать прыжокъ на врага.

Секунду онъ помолчалъ, озираясь язвительно по сторонамъ, и наконецъ спросилъ:

— Вашъ либералъ дома?

— Вы про Стрекалова спрашиваете?

— Конечно, кто-жъ другой...

— Кажется, нѣтъ.

— Подслушивать насъ не будутъ?..—тихо шипѣлъ Крутовской.

— А вы развѣ какое-нибудь радикальное средство отъ золъ пришли предложить?—съ саркастической усмѣшкой спросилъ Глѣбъ, задѣтый за живое тономъ Крутовского.

— Вы въ нихъ не вѣрите... Вы вѣдь все постепенно, постепенно...—явно язвилъ Крутовской.

Глѣбъ сверкнулъ глазами. Лицо его поблѣднѣло, губа слегка задрожала. Одно мгновеніе ему хотѣлось схватить Крутовского за шиворотъ и размозжить ему голову. Однако, секунду спустя, онъ самъ покраснѣлъ за свою мысль.

— Вы ругаться пришли?—холодно спросилъ Глѣбъ.

— Вы нынче свободное выраженіе мнѣній называете руганью? Скоро, пожалуй, не смѣй и слова вымолвить, сейчасъ отлученіе, какъ непогрѣшимый папа.

— Бросьте этотъ тонъ и говорите иначе.

— Вамъ не нравится?

— Нѣтъ...

— А мнѣ онъ, Черемисовъ, нравится. Вотъ вы воображаете, будто и дѣло дѣлаете, а Стрекаловъ не далѣе, какъ вчера, говорилъ одному мерзавцу, не хочетъ ли онъ къ нему управляющимъ заводомъ... Къ чему же эти ваши труды!..

Крутовской съ презрѣніемъ махнулъ рукою на ворохи бумаги.

— Кому онъ предлагалъ?..—живо спросилъ Глѣбъ.

— Начальнику мастерскихъ на желѣзной дорогѣ.

— Это еще посмотримъ.

— Нечего смотрѣть... Объѣдетъ онъ васъ,—улыбнулся Крутовской:—а пока вы будете канитель плести, пожалуй, эта барская жизнь...

— Что?..—спросилъ Глѣбъ.

— Втянетъ!..—ѣдко замѣтилъ Крутовской.

Оба помолчали. «Опять?»—шепнуло злое чувство. Глѣбъ начиналъ злиться.

— Я васъ прошу—безъ совѣтовъ. Втянетъ или нѣтъ—не ваше дѣло. Напередъ ныть не стану; я вѣдь не изъ плаксивыхъ, дряблыхъ господъ, которые вѣчно киснутъ и топорщатся, точно безъ нихъ міръ провалится.

— Это кто же?—подскочилъ на диванѣ Крутовской.

— Ваша братія!—рѣзко сказалъ Глѣбъ.—Радикалы, которые въ рукахъ ловкаго человѣка станутъ...

— Чѣмъ?—вскочилъ, какъ ужаленный, Крутовской.

— Стриженными овцами!—пришпилилъ Черемисовъ.— Пора намъ объясниться, Крутовской,—продолжалъ Глѣбъ тихимъ, шипящимъ голосомъ.—Вы начали, я докончу. Васъ, какъ и многихъ, бездѣлье и самолюбіе заѣстъ, вспомните это! Заѣстъ и сдѣлаетъ или новѣйшими Печориными, или добродѣтельными охранителями сосуда радикализма, завѣщаннаго вамъ въ оны дни. Какъ вы встали на одну точку, дальше не пойдете—отчасти по невѣжеству, отчасти по лѣни, и всякаго, кто пойдетъ дальше, будете въ своемъ кагалѣ производить въ прохвосты... Отъ жизни отстанете, и жизнь останется впереди васъ... Вамъ нужна палка съ именемъ. Скажи эта «палка», что я геній, вы первый на меня молиться станете, — я это знаю. И тѣмъ печальнѣе, что вы одинаково быстро ихъ развѣнчиваете... Самостоятельности—ни на ломанный грошъ! Зеркало вамъ чаще показывать нужно. Зеркало нелицепріятное, въ которомъ бы стадо казалось стадомъ, а не борцами.

Крутовской слушалъ эту злостную, страстную рѣчь, прищуря глазки и подобравъ побѣлѣвшія губы. Онъ пристально смотрѣлъ на Глѣба и крикнулъ:

— Стара пѣсня...

— Нѣтъ, нова, и вы это чувствуете...

— Я пришелъ предупредить васъ, а вы...

— Довольно! — сухо перебилъ Глѣбъ. — У меня дѣло есть...

— Бѣлки въ колесѣ?..—не могъ не подсказать взбѣшенный Крутовской.

— Хотя бы и это! а затѣмъ прощайте!—тихо шепнулъ Глѣбъ, и лицо его исказилось такимъ злымъ, жестокимъ выраженіемъ, что Крутовской подошелъ къ двери и вышелъ вонъ.

Когда онъ очутился на улицѣ, ему сдѣлалось какъ-то скверно. Злость исчезла подъ вліяніемъ сцены, окончившейся такимъ полнымъ разрывомъ. Былъ близокъ человѣкъ, и вдругъ! За что разошлись? Изъ-за чего вся эта глупая ссора? «Я шелъ покаяться въ пакости и снова началъ гадить... фу, мерзость!» Крутовской зашелъ въ трактиръ и спросилъ вина. Онъ залпомъ выпилъ бутылку и сильнѣй почувствовалъ раскаяніе. Онъ вѣдь искренно считаетъ Глѣба честнымъ человѣкомъ. Онъ любилъ—нѣтъ, вретъ!—любитъ Глѣба. Онъ готовъ теперь же вернуться къ нему и искренно броситься на шею. Онъ сейчасъ же это

сдѣлаетъ! Дѣйствительно, Крутовской вышелъ изъ трактира и чуть не бѣгомъ добѣжалъ до стрекаловскаго дома. Онъ подошелъ къ нему, постоялъ и не рѣшался войти. Самолюбіе подняло голову. Со словами на глазахъ отошелъ онъ прочь, разрывая отношенія съ близкимъ человѣкомъ.

XXII.

Глѣбъ долго шагалъ по комнатѣ. «Бойцы, нечего сказать!?—повторялъ онъ не безъ презрѣнія и къ Крутовскому, и къ самому себѣ.—Ай да дѣятели! Чуть задѣли самолюбіе, такъ что твои собаки?!» И вся сцена съ Крутовскимъ представилась ему въ такомъ мелкомъ, пошловатомъ свѣтѣ; онъ вспомнилъ прежнія подобныя же размолвки изъ-за выѣденнаго яйца; онъ предвидѣлъ такія же въ будущемъ, и изъ груди его вылетѣлъ непріятный, рѣзкій, сухой смѣхъ. На глазахъ его рѣдѣла кучка людей, связанныхъ, повидимому, общими интересами... И люди не дурные, а всѣ врозь: кто въ лѣсъ, кто по дрова. «О, проклятая сѣренькая жизнь, подкрашенная гостепріимной сплетней, что ты дѣлаешь?! Мы, какъ прусаки въ банкѣ, ѣдимъ другъ друга съ остервенѣніемъ и сами радуемся!» Глѣбъ взглянулъ на свою работу. Видитъ—масса исписанной бумаги. Неужто опять даромъ? Цифры прыгали передъ его глазами и, точно поддразнивая, нашоптывали: «бѣлка ты въ колесѣ, глупая бѣлка!»

«Посмотримъ, посмотримъ!—шепнулъ Глѣбъ съ такой рѣшимостью, точно вызывалъ на бой не одного Стрекалова, а цѣлыя тысячи Стрекаловыхъ.—Кто кого? Не время бередить себя разными сомнѣніями. Намѣтилъ цѣль, не отступай—иди! Помѣшаютъ,—столкнемъ, пусть плачутъ, коли могутъ. Ты ихъ не столкнешь,—они столкнутъ. Ты ихъ не обойдешь,—они обойдутъ...»

Онъ тихо улыбался жестокой улыбкой, глаза блеснули знакомымъ огонькомъ, вся его плотная, здоровая фигура дышала какой-то юношеской, задорной отвагой.

Онъ подошелъ къ окну. Прохладная струя ночного свѣжаго воздуха освѣжила его горячую голову. Онъ вглядывался во мракъ ночи и задумался...

«А вѣдь жить хочется!»—вдругъ вырвался изъ груди его искренній стонъ.

И какъ бы въ отвѣтъ на это восклицаніе, изъ-за мрака вѣтвей послышался шорохъ, и вслѣдъ затѣмъ раздался тихій шопотъ:

— Черемисовъ!

Глѣбъ вглядывался, но никого не видалъ.

— Черемисовъ!—снова прозвучалъ громче прежняго нѣсколько рѣзкій гортанный голосъ, и внизу, подъ окномъ, вырисовался силуэтъ знакомой маленькой фигурки француженки.

Глѣбъ наклонился надъ окномъ.

— Вы глухи, Черемисовъ?

— Что вамъ угодно?

— Идемте гулять... Видите, что за ночь.

— Гулять?—безсознательно повторилъ Глѣбъ.

— Медвѣдь! — шепнула Ленормъ. — Конечно, гулять! Или нельзя? Дѣло станетъ?—не безъ ироніи хихикнула француженка.

Глѣбъ быстро очутился въ саду.

Маленькая ручка крѣпко пожала руку Черемисова.

— То-то, а я думала, что вы не придете, все за этими глупыми счетами сидѣть станете. Давайте-ка руку.

Глѣбъ подалъ. Она ловко положила свою и оперлась.

— Теперь идемъ, хочется подышать на свободѣ!..

Они молча шли густой аллеей въ самую глубь сада. Обоимъ дышалось привольно на свѣжемъ ночномъ воздухѣ.

— Мы такъ и будемъ молчать, какъ влюбленная пара?—засмѣялась Ленормъ, слегка подталкивая плечомъ Глѣба.—Вы, кажется, не похожи на влюбчиваго человѣка, правда?

Глѣбъ засмѣялся.

— И не влюблялись?

— Влюблялся...

— Разскажите, это должно быть забавно.

— Не особенно...

— И признавались въ любви?

— И признавался!

Оба весело захохотали.

— И были клятвы?

— Не было...

— То-то... Иначе вы не были бы интересны.

— А теперь?

— Ага! И вы не безъ кокетства. Хочется знать?—лукаво шепнула Ленормъ, близко наклоняясь къ Глѣбу.

— Ну?—какъ-то грубо спросилъ Глѣбъ.

— Безъ грубыхъ «ну», сердитый медвѣдь,—я не рус-

ская и этихъ «ну» не люблю... Опять руку отнялъ? Не могу же я въ темнотѣ безъ руки ходить... Что же вы?

«Экая юла!»—подумалъ Глѣбъ и подалъ руку.

— Такъ хочется знать? Хорошо, скажу: вы интересный медвѣдь... довольны? Господи, онъ молчитъ. Жаль, луны нѣтъ, я бы увидала, смѣетесь вы или нѣтъ? Вамъ смѣшно?

— А что, если бы насъ увидала почтенная лэди?—весело спросилъ Черемисовъ.

— Живыми бы съѣла!—смѣялась Ленормъ.—Кстати, неужто вамъ этотъ домъ не опротивѣлъ?..

— А вамъ?

— Мнѣ—давно... Если бы только я могла его оставить!..

— Такъ зачѣмъ же дѣло?..

— За boire и manger, мой непонятливый рыцарь... Только за этимъ... Но я не долго буду въ этой клѣткѣ, я не изъ домашнихъ животныхъ, нѣтъ!..

— А изъ какихъ?..

— Изъ хищныхъ!—весело сказала француженка.—Мнѣ душно здѣсь—воли хочется, простора, жизни...

«Ишь ты какая!»—подумалъ Глѣбъ...

— А развѣ моя жизнь—жизнь?.. Да лучше...

Она не докончила и замолчала.

— Что лучше?

— Вы—ригористъ... этого не поймете... Впрочемъ, мнѣ не все ли равно—купить право, если его не имѣешь, жить, какъ хочется, чѣмъ тянуть эту скучную лямку...

— Какъ купить?

— Такъ купить! Послушайте, Черемисовъ, какъ вы думаете, могу я поступить на сцену?

— Отчего же?..

— Понравлюсь?..

— Пожалуй...

— Я вѣдь родилась въ Россіи, русскій языкъ знаю, говорю хорошо, и мнѣ хочется попробовать. И вамъ понравлюсь? Да?—совсѣмъ шептала Ленормъ, черезчуръ близко наклоняясь къ лицу Глѣба.

Глѣбъ испытывалъ какое-то особенное чувство. Эта дивная ночь, близкое присутствіе женщины, которая такъ лукаво и нѣжно заигрывала—все это отуманило его. Кровь прилила къ головѣ, и онъ такъ сжалъ руку француженки, что захрустѣли кости.

— Ай!—вскрикнула она:—больно... Настоящій русскій

медвѣдь... Такъ понравилась бы? А богатымъ старцамъ понравлюсь?

— Что это вы говорите... какую гадость!

— Что за гадость... Я не намѣрена свой вѣкъ коротать по-вашему... Лучше сгорѣть не безъ блеска... Послушайте... вѣдь...

Она замолчала и тихо заплакала...

— Что съ вами?

— Ничего, пройдетъ... Вѣдь вы не кинете камня, вы не добродѣтельная Стрекалова. Я не могу выносить болѣе, я здѣсь задыхаюсь... Но жить въ бѣдности еще хуже... И остается—одинъ исходъ...

— Да вы бредите?..

— Я вамъ сказала, я изъ хищныхъ и, значитъ, дѣлу конецъ... Не говорите болѣе ни слова, не разубѣдите. Я рѣшилась давно, случая только не подыскала!—оборвала она съ такой рѣшимостью въ голосѣ, что Глѣбъ замолчалъ.

— Вотъ и пропало веселое расположеніе духа... А все вы... Эхъ вы... А знаете ли что, мой медвѣдь?..

— Что?

— Сядемте-ка...—засмѣялась дѣвушка какимъ-то нервнымъ смѣхомъ.

Они сѣли недалеко отъ бесѣдки.

— А вамъ не противна ваша жизнь?

— Нѣтъ.

— И вѣчно ломовая лошадь?

— Ломовая...

— А послѣ скромныя похороны?

— И даже безъ некролога!—засмѣялся Черемисовъ.

— Мы не похожи другъ на друга! Экія дивныя звѣзды. И какъ онѣ на насъ пристально смотрятъ. И какъ онѣ, я думаю, подсмѣиваются! — полушутливо, полугрустно шептала француженка, ласково кладя руку на плечо Глѣба.

— Чему?..

Она не отвѣтила ничего, быстро вскочила и, обхвативъ голову Глѣба, крѣпко прильнула къ его устамъ.

— Какой вы хорошій!—шепнула она.

Глѣбъ обхватилъ молодое, гибкое тѣло, сдавилъ его и потомъ быстро оттолкнулъ отъ себя.

— Къ чему?—сухо сказалъ онъ.

— Вы можете спасти меня!—страстнымъ шопотомъ говорила бѣдная дѣвушка:—одинъ вы... Или не видите, я люблю васъ, злой мой медвѣдь... люблю.

И она схватила его руку и сжала въ своихъ. Прошла минута. Она встала и рѣзко спросила:

— Я жду отвѣта?

Глѣбъ молча пощипывалъ бороду.

— Придется спросить его у старцевъ?..

— Вѣрнѣе, что такъ!..

— Спасибо за откровенность. Люблю это; по крайней мѣрѣ, на чистоту дѣло... честно!—холодно замѣтила дѣвушка и умолкла.

— Пойдемте-ка по домамъ... Руки не надо... Впрочемъ, постойте, не сердитесь, я васъ еще разъ поцѣлую.

Она быстро прикоснулась горячими губами къ его лбу. Глѣбъ поцѣловалъ ея руку.

Вдругъ въ бесѣдкѣ что-то шелохнулось, и точно тѣнь промелькнула въ кустахъ. Ленормъ быстро схватила руку Глѣба и испуганно къ нему прижалась. Глѣбъ повернулъ голову и окликнулъ. Никого не было. Они тихо прошли аллею и молча разошлись. Ленормъ поднялась къ себѣ въ комнату взволнованная... лицо ея было бѣлѣй полотна, на глазахъ дрожали слезы. Она быстро раздѣлась, бросилась въ постель и разразилась истерическими рыданіями...

Ольга тоже не спала. Она только-что вернулась другой дорогой изъ сада, гдѣ невольно подслушала чужую тайну. Ей почему-то было досадно на Ленормъ и на Глѣба. Ея строгое лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, и сѣрые ея глаза глядѣли какъ-то грустно, задумчиво. Молодая дѣвушка вошла въ свою спальню, тихо распустила передъ зеркаломъ свои длинныя косы и такъ просидѣла нѣсколько времени. Потомъ медленно поднялась, подошла къ столу, вынула изъ потаеннаго ящика книжку въ бархатномъ переплетѣ, отомкнула его ключикомъ, висѣвшимъ на шеѣ вмѣстѣ съ золотымъ крестомъ, и сѣла писать свой дневникъ, который она держала въ большой тайнѣ отъ всѣхъ... Никто не зналъ, что эта странная дѣвушка, обыкновенно молчаливая, одной бумагѣ повѣряетъ свои думы, сомнѣнія и дѣвическія тайны...

Она писала долго, спрятала дневникъ и облокотилась на столъ. Тихія слезы лились изъ ея задумчивыхъ глазъ. Она ихъ не вытирала.

Дѣвушкѣ было жутко. Она встала и медленно опустилась на колѣни передъ образомъ. О чемъ она молилась? Впрочемъ, молитва не успокоила ее, и она легла въ постель, тихо, какъ дитя, всхлипывая.

На утро, когда обѣ дѣвушки встрѣтились, онѣ обѣ почему-то покраснѣли и какъ-то сухо поздоровались.

XXIII.

Александръ Андреевичъ Колосовъ не потерялъ даромъ мѣсяца. Онъ хлопоталъ, гдѣ только могъ, стараясь залучить на свою сторону всякаго грязнопольца, не безъ гордости называя себя «избирателемъ». Съ грязнопольскими либералами Колосовъ былъ либералъ; вмѣстѣ съ ними онъ мягко, нѣжно, съ оттѣнкомъ меланхоліи журилъ администрацію и грязнопольскій институтъ городовыхъ; жаловался на неимѣніе водопроводовъ, газа и Грязнопольско-Бакшеевской линіи, по которой Грязнопольская губернія снабжала бы столицы арбузами и дынями; поощрялъ школы, сыровареніе и добрую нравственность и даже при словѣ «классическое образованіе» какъ-то иронически улыбался и значительно покачивалъ головой. Съ славянофилами (были и такіе) Александръ Андреевичъ декламировалъ Хомякова, распинался за Аксакова и въ дружеской бесѣдѣ на распашку пилъ за «просвѣтлѣніе народнаго самосознанія» и проклиналъ нѣмцевъ и гнилой Западъ; съ большинствомъ же грязнопольскихъ помѣщиковъ Александръ Андреевичъ разыгрывалъ роль завзятаго крѣпостника и въ самомъ азартномъ кружкѣ «бѣлыхъ» Александръ Андреевичъ съ таинственностью итальянскаго карбонарія читалъ «меморій» одного «замѣчательнаго господина, дворянина изъ Тамбова», въ которомъ самыми ужасными красками было изображено положеніе государства, и если-бъ въ концѣ меморія не предлагалось «радикальнаго поворота» при помощи «созыва со всей имперіи благородныхъ дворянъ русскихъ, заявившихъ себя и въ 12 году», то, по мнѣнію меморія, бѣдному отечеству грозила бы страшная участь Содома. Меморій этотъ, устрашившій даже редакцію «Вѣсти», ходилъ въ то время по рукамъ въ рукописи, и Александръ Андреевичъ произвелъ большой эффектъ, ознакомивъ съ этимъ твореніемъ грязнопольскихъ патриціевъ. И рѣчь его была иная, чѣмъ съ либералами: съ тѣми онъ былъ мягокъ и нѣженъ; тутъ онъ гремѣлъ и требовалъ, такъ что становилось даже страшно. Съ одними бородатыми негоціантами Александръ Андреевичъ никакъ не могъ сладить. Хотя онъ и жаловался, что «колоколъ въ соборѣ малъ», и что «не мѣшало бы ходатайствовать объ открытіи кабаковъ до обѣдни», тѣмъ

не менѣе дѣло его у господъ купцовъ не выгорало. Они своими боками знали доброту Александра Андреевича, и хотя крякали и соглашались, что «колоколъ въ соборѣ малъ», но тѣмъ не менѣе помнили о привычкѣ Колосова черезчуръ фамильярно относиться къ кредиту...

Послѣ объясненія съ мужемъ, Надежда Алексѣевна нѣсколько поблѣднѣла, похудѣла и стала задумчивѣй... Она успѣла обдумать свое положеніе и разъяснила Айканову взглядъ мужа на ихъ отношенія. Айкановъ вспылилъ и находилъ, что это «гнусно», что «надо все кончить».

— Или я, или онъ!—твердилъ молодой человѣкъ.

— Ты, ты, мой милый!—страстнымъ шопотомъ отвѣчала Надежда Алексѣевна, ласкаясь къ Айканову.

Счастливые любовники и не догадывались, что въ эту минуту за ними наблюдалъ вовсе непрошенный глазъ Александра Андреевича. Онъ тихо, на цыпочкахъ, подкрался къ спальнѣ жены и глядѣлъ въ замочную скважину. Тонкая улыбка скользила по его губамъ.

«Или я, или онъ!—мысленно передразнилъ своего соперника Александръ Андреевичъ.—Дуракъ ты, дуракъ! Пользовался бы счастіемъ, коли даютъ его, смирненько. А то посмотрю, что̀ запоешь, коли изъ акциза выгонятъ... Небойсь, «или я, или онъ» не запоешь!?.. Экая институтка—моя благовѣрная... Такъ и льнетъ... такъ и льнетъ!»

Постоявъ не безъ стоицизма минуты съ двѣ, Колосовъ такъ же тихо, какъ пришелъ, скользнулъ въ свой кабинетъ.

«Скандала въ родѣ бѣгства не будетъ! — размышлялъ онъ. — Бѣжать она не захочетъ... boire и manger надо... Любовью занимайся, другъ, но только не мути!»—мысленно предостерегъ онъ Айканова.

Въ голову Александра Андреевича какъ-то тихо подкралась мысль о дѣтяхъ; онъ поморщился, улыбнулся и потеръ подбородокъ.

«Айкановъ молодъ, того и гляди, дуракъ, подаритъ меня младенцемъ.—Колосовъ сдѣлалъ кислую гримасу и закурилъ сигару. — Начнутъ поздравлять... Стрекаловъ что-нибудь да сострить, ну, и все-жъ твое чадо, заботься!—усмѣхнулся Колосовъ.—Непремѣнно надо сказать Надѣ, чтобы этого не было...»

Александръ Андреевичъ успокоился и усердно присѣлъ къ столу за занятія.

За чаемъ Александръ Андреевичъ былъ очень любезенъ

и съ женой, и съ Айкановымъ, и съ Лампадовымъ, незамѣтно очутившимся у чайнаго стола. Лампадова онъ шутливо поздравлялъ съ гонораромъ въ 1½ тысячи и напомнилъ, что Иванъ Петровичъ что-то очень медленно исполняетъ нѣкоторыя его порученія, такъ что привелъ въ смущеніе застѣнчиваго своего секретаря; женѣ разсказалъ свѣженькій анекдотъ о Настасьѣ Дмитріевнѣ Стрекаловой, а съ Айкановымъ былъ ласково-серьезенъ. Онъ освѣдомился о томъ, что̀ новаго у нихъ въ акцизномъ вѣдомствѣ, велики ли штрафныя деньги, и шутя замѣтилъ, что Василью Васильевичу пора быть ревизоромъ. Кстати спросилъ объ интересныхъ статьяхъ въ журналахъ и пожаловался на грязнопольскую библіотеку.

Сухихъ, даже рѣзкихъ отвѣтовъ Айканова Колосовъ, казалось, не замѣчалъ и не слыхалъ, и, выпивъ съ аппетитомъ двѣ большихъ чашки чаю, всталъ изъ-за стола и ушелъ въ кабинетъ съ Лампадовымъ, ласково поцѣловавъ жену въ лобъ и крѣпко пожавъ руку Айканову, при чемъ прибавилъ:

— Мы съ Иваномъ Петровичемъ до поздней ночи опять за работу, такъ вы, Василій Васильевичъ, не оставляйте Надю одну... Она соскучится... Да и обѣдать заходите. Вы вѣдь знаете, вашъ приборъ у насъ всегда за столомъ.—Ну, мой министръ... говорили съ тятенькой, а?..—допрашивалъ Колосовъ въ кабинетѣ своего секретаря.

— Онъ пьянствуетъ все-съ...

— Цѣлый мѣсяцъ? долго что-то... Да коли вамъ некогда, милѣйшій, скажите. Мы какъ-нибудь иначе, а?..

— Отчего же-съ...

— А вѣдь хороша дѣвочка?..—подмигнулъ глазомъ Александръ Андреевичъ.

— Красива-съ...

— Такая худенькая... Неопытная... Да?.. Нѣтъ, вы, дружище, непремѣнно узнайте, тятеньку отрезвите и пришлите ко мнѣ... А теперь за дѣло...

Оба стали работать. Но только Иванъ Петровичъ работалъ плохо; онъ какъ-то исподлобья взглядывалъ на своего патрона, и глазки его моргали безъ обычнаго добродушія. «Одно спасенье—сатира!—думалъ онъ, почему-то называя всякую печатную статью сатирой. — Не забылъ, нѣтъ! шалишь!»

— Да вы, Ванечка, влюблены, что ли?—вдругъ со смѣхомъ обратился къ нему Александръ Андреевичъ.

Лампадовъ побагровѣлъ.

— Есть грѣхъ, а?—шутилъ Колосовъ.

Ивану Петровичу приходилось очень жутко отъ этого шутливаго тона. Его некрасивая физіономія приняла такое умоляющее выраженіе, что даже Колосову стало жаль.

— Да вѣдь я шучу, мой министръ... Вижу—вы перепутали бумаги, ну, и сказалъ... Нездоровы, быть-можетъ?—совсѣмъ ласково добавилъ Колосовъ.

— Нездоровъ-съ,—точно проскрипѣлъ Лампадовъ.

— Ну, и ступайте съ Богомъ домой... Вѣдь какой—не скажетъ. Идите, родной... Поправитесь—догоните; работникъ-то вы незамѣнимый!..

И, ласково отпустивъ Лампадова, Колосовъ остался за работой одинъ. «Туда же!—улыбнулся онъ, принимаясь за бумаги:—старая подошва, а влюбленъ!..»

Послѣ ухода Александра Андреевича, Айкановъ и Колосова переглянулись. У обоихъ на лицахъ промелькнуло выраженіе отвращенія...

— Это невозможно... Уѣдемъ отсюда...

— А мужъ?—какъ-то испуганно шепнула Колосова.

И обоимъ совершенно ясно представилась невозможность рѣшительнаго шага. «Что̀ я сдѣлаю безъ средствъ?»—думалъ Айкановъ. «Какъ я пойду противъ мужа?»—подумала Надежда Алексѣевна. Оба нахмурились.

Впрочемъ, скоро снова пошли ласки, и влюбленные забыли и о рѣшительномъ шагѣ, и обо всемъ на свѣтѣ.

— Господи... Что же я дѣлаю!?—почти вскрикнула Надежда Алексѣевна, расправляя свои кудри передъ зеркаломъ послѣ ухода Айканова.—Служить двумъ богамъ? Какъ это гнусно! До чего я дошла!..

Она, горько плача, бросилась на свою постель.

XXIV.

На другой день Александръ Андреевичъ ждалъ къ обѣду князя Вяткина; обѣдъ по этому случаю былъ заказанъ самый тонкій, и вина приготовлены отборныя. Въ ожиданіи пріѣзда Колосовъ бесѣдовалъ въ кабинетѣ съ толстымъ, маленькимъ бѣлокурымъ человѣчкомъ, говорившимъ нѣжнымъ теноркомъ, при чемъ его свѣтлые глазки глядѣли такъ добродушно, что вы безъ всякой опасности рѣшились бы положить этому добродушному человѣчку въ ротъ свой

палецъ. Онъ былъ одѣтъ по модѣ, носилъ очки и смахивалъ скорѣй на адвоката или нотаріуса, чѣмъ на помѣщика, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Колосовъ лебезилъ около маленькаго человѣчка и настойчиво просилъ его потерпѣть.

— Отчего не потерпѣть... Вы знаете, Александръ Андреевичъ, насколько я... — Рыбаковъ (такъ звали бѣлокураго господина) остановился и перевелъ духъ.

— Знаю, дорогой мой, и я вѣдь...

Оба помолчали и взглянули другъ на друга.

— Такъ въ чемъ же затрудненіе?..

Рыбаковъ вмѣсто отвѣта засмѣялся и прибавилъ:

— Князь пріѣхалъ... Поговоримъ послѣ...

Колосовъ выбѣжалъ и встрѣтилъ князя у крыльца. Это былъ очень дряхлый, морщинистый князь, съ фальшивыми зубами и въ парикѣ. Онъ, впрочемъ, бодрился и засѣменилъ по лѣстницѣ, съ видимымъ желаніемъ показать, что онъ еще можетъ бѣгать. Онъ прямо прошелъ съ Колосовымъ въ кабинетъ и, кивнувъ головой Рыбакову, медленно опустился въ кресло.

— Я и говорю... кому бишь?.. да, вспомнилъ—графу Аракову въ клубѣ... я и говорю: тутъ, графъ, не полиція виновата... Впрочемъ, что же это я безъ предисловія,— улыбнулся князь Бяткинъ.—Заспорили мы, Александръ Андреевичъ, съ графомъ... Я и говорю...

«Скорѣй бы ты говорилъ только!»—подумалъ Колосовъ, усаживаясь подлѣ князя.

— Я и говорю: нѣтъ, говорю, графъ, — а вы знаете, графъ опять не у дѣлъ... не потрафилъ нынѣшнимъ! — какъ-то кисло усмѣхнулся князь:—тутъ не полиція виновата, что вездѣ, знаете ли...—Морщинистые пальцы въ кольцахъ описали вензель въ воздухѣ.—Вина вся въ бюро-кра-тіи!—произнесъ князь съ такимъ же точно торжествомъ, съ какимъ Колумбъ открывалъ Америку.—Наши кровныя денежки проживаютъ: мы, землевладѣльцы, платимъ подати, а они...—Опять пальцы зачертили воздушные вензеля.—Я и говорю: графъ, пока мы не примемъ мѣръ, бѣдная наша родина не станетъ на ноги, пока дѣти наши не получатъ классическаго воспитанія... Вотъ Катковъ завелъ лицей и слава Богу, а то что̀ вездѣ? Графа-то Аракова сынъ лягушекъ рѣжетъ, какіе-то инсекты собираетъ, а?.. Какъ вамъ это нравится?

Всю эту безсвязную рѣчь ветхаго князя Александръ Ан-

дреевичъ слушалъ съ видомъ глубокаго вниманія и, когда лепетъ князя пресѣкся, Колосовъ сказалъ:

— Князь! ваши слова да золотыми буквами бы напечатать... Вотъ что, князь.

Старикъ окончательно разнуздался, и въ его тусклыхъ глазахъ заблисталъ огонекъ.

— Нравится, а? А дочь генерала Фендрикова, сына героя отечественной войны, выходитъ за лѣкаришку... Что же это такое?.. И какой-нибудь employé, изъ поповичей, говоритъ: «я членъ судебнаго института»... Нравится?.. Института? До чего все это дойдетъ... Я и говорю княгинѣ, нѣтъ, виноватъ, графу: «Недалеко время, графъ, что мужики намъ законы издавать станутъ, а? Сядутъ въ сенатъ и станутъ писать законы. Мы тогда мужиками станемъ, а они дворянами. А послѣ и свои земли отдадимъ... возьмите ихъ, берите остальное!..»—говорилъ князь, иронически подергивая непослушными губами.

— Князь... ваше сіятельство! Я привелъ бы сюда нашихъ лѣвыхъ, лѣвыхъ привелъ бы сюда и посмотрѣлъ, что̀ бы они могли сказать послѣ вашихъ словъ? Чай, языки бы свои прикусили!—съ паѳосомъ замѣтилъ Колосовъ.

Рыбаковъ не безъ улыбки внималъ этой сценѣ.

— И знаете ли, достойный Александръ Андреевичъ,— не унимался расходившійся старикъ:—я въ свободное время и проектъ написалъ...

«Этого только недоставало, старый ты дуракъ!»—въ одно время подумали Колосовъ и Рыбаковъ.

— О чемъ, князь?

— Послѣ въ управу отдамъ... Дѣлайте, что хотите!.. Меморандумъ мой называется: «Объ образованіи молодого поколѣнія въ классическомъ духѣ православія, смиренномудрія, терпѣнія и любви!»

— Князь... Дайте раньше прочесть... Вѣдь этакія вещи— цѣнность...

Старикъ совсѣмъ сталъ терять контенансъ.

— Хорошо... пришлю...—лепеталъ онъ, точно мысли выползали у него изъ головы въ видѣ круглыхъ голыхъ камешковъ.—Тутъ не полиція... тутъ энергія нужна... сильныя мѣры... я предлагалъ... не послушали...

— И не мудрено, князь. Вотъ вы святую истину изволили говорить, а поймутъ ли ее у насъ? Вотъ хоть бы наши лѣнивые, слышали, что они хотятъ?..

— Что?

— Стрекалова выбрать!—тихо отчеканилъ Колосовъ.

— Стрекалова?—переспросилъ князь.

Бѣдняга даже побагровѣлъ, и голосъ его задрожалъ при этой новости.

— Что-жъ? Вы полагаете, князь, не выберутъ?..

— Ни за что на свѣтѣ... Вѣдь онъ... Онъ у меня въ домѣ говорилъ, что мы все проѣли и пропили.. а?.. Въ домѣ!.. Мерзавецъ! Да я не позволю...

Жаль было смотрѣть на лицо бѣднаго стараго князя, обтянутое, худое, съ выдавшимися губами, дрожавшими отъ гнѣва и волненія; словно собака какая укусила князя, и онъ чуть не кричалъ, задыхаясь отъ бѣшенства.

Александръ Андреевичъ молча смотрѣлъ на этотъ спектакль, внутренно радуясь, что князя, по выраженію Колосова, «проѣхали по животу».

— Я имъ покажу... У меня, слава Богу, еще связи не порваны... Н-н-ѣ-ѣ-тъ!.. Стрекалову не бывать!..

Для объясненія ненависти князя къ Николаю Николаевичу надо сказать, что князь, благодаря стрекаловскимъ заводамъ, принужденъ былъ закрыть свои, и съ тѣхъ поръ одно имя Стрекалова приводило его въ бѣшенство.

Колосовъ переглянулся съ Рыбаковымъ, словно спрашивая: «что, молъ, хорошо нажучилъ?», на что Рыбаковъ отвѣчалъ быстрымъ, лукавымъ взглядомъ изъ-подъ очковъ: «хорошенько его, хорошенько!»

А князь свирѣпѣлъ.

— Вашими устами да медъ бы пить!—заговорилъ Колосовъ.

— Слѣпцы, что ли, наши избиратели?—вкрадчиво поддакнулъ Рыбаковъ.—Вождь нашъ отмѣченъ, можно сказать, перстомъ Божіимъ... Кому-жъ вождемъ быть, кромѣ князя!

— Спасибо... Польщенъ... благодарю!.. — прошамкалъ растроганный старикъ.—Но я старъ и—что дѣлать? — пока долженъ быть въ столицѣ... Но мое благословеніе на Александра Андреевича... Онъ молодъ, силенъ... Онъ достоинъ...

— Князь... ваше сіятельство!..—изнывалъ Колосовъ.

Тутъ произошла одна изъ тѣхъ чувствительныхъ сценъ, во время которой всѣ дѣйствующія лица, точно по командѣ, лѣзутъ въ карманы за носовыми платками... Князь облобызалъ Колосова, и оба вытерли слезы... Рыбаковъ, для приличія, мялъ платокъ въ рукахъ...

— Я бы не прочь, князь,—нѣжно пѣлъ Колосовъ:—но противъ меня враговъ много... Стрекаловская партія...

— Стрекаловъ? — опять взбѣленился старикъ.—Ваши враги—мои враги... Этотъ либералъ? Этотъ барышникъ, погубившій мои заводы? Нѣтъ! я еще, Божіей милостью, не совсѣмъ слабъ... Я всѣмъ дворянамъ порекомендую васъ. Я въ Петербургѣ скажу... Вы—и больше никто!..

Тутъ князь далъ наставленіе Колосову насчетъ того положенія, въ которое должно быть поставлено земство, дабы «принципъ крови не потерпѣлъ ущерба». Колосовъ, слушая старческій лепетъ, утверждалъ, что онъ «будетъ дѣйствовать, твердо памятуя отеческое благословеніе именитаго старца».

Опять сцена. Опять пришлось лѣзть за платками.

— Я, право, жалѣю, князь,—замѣтилъ, помолчавъ, Колосовъ:—что сказалъ вамъ о Стрекаловѣ. Не разстроилъ ли я васъ?

— Ничего, ничего...—бодрился старикъ.

— Да здѣсь и душно, князь... накурили... Не угодно ли къ женѣ, она такъ всегда рада васъ видѣть.

— Отдохну... душно... благодарю... пойду...—лепеталъ бѣдный старикъ.—Надежда Алексѣевна прелестна, мой милый Александръ Андреевичъ, только не позволяетъ мнѣ ухаживать... хе-хе-хе,—оскалился князь.

— Э, князь! Съ вашимъ умомъ всякая женщина будетъ рада, когда вы станете ухаживать.

Князю понравился комплиментъ. Онъ улыбнулся, какъ-то безсмысленно выпятивъ нижнюю губу, и замѣтилъ:

— Стариковъ нынче не любятъ... хе-хе-хе... Не любятъ, мой милый,—шутилъ старикъ, нетвердыми шагами уходя, опираясь на плечо Колосова, изъ кабинета.

Рыбаковъ едва удерживался отъ смѣха.

— Добрый старикашка,—сказалъ Колосовъ, возвращаясь къ Рыбакову:—но только...

И Александръ Андреевичъ, вмѣсто окончанія, показалъ на лобъ и медленно постучалъ пальцами по столу.

— Есть грѣхъ!..—смѣялся Рыбаковъ.

— Ну-съ, батюшка, такъ какъ же насчетъ затрудненій? а?—подсѣлъ къ Рыбакову Колосовъ.—Теперь вы убѣдились, что старикашка за меня?.. Выберутъ, что ли, Стрекалова?

— Богъ вѣсть. Интригуетъ онъ, мнѣ это весьма коротко извѣстно, и его шансы не меньше вашихъ...

— Вы думаете?—искоса поглядѣлъ на гостя Колосовъ, желая прочесть на лицѣ, вретъ онъ или говоритъ правду.

Но лицо маленькаго бѣлокураго человѣка было, по обыкновенію, застлано тѣмъ свѣтски-добродушнымъ выраженіемъ, сквозь которое, какъ сквозь туманъ, ничего не видать...

— Думаю и даже, какъ нейтральное лицо, самъ заручился четырьмя голосишками; знаете ли, пріятно, когда найдешь людей тебѣ сочувствующихъ... ну, и подыскалъ...

— Для кого же?—быстро спросилъ Колосовъ...

— Да для того,—тихо улыбался Рыбаковъ:—кто это безпокойное дѣло объ опекѣ кончитъ...

— Аѳанасій Яковлевичъ! И не стыдно? Да развѣ я день съ вами знакомъ?.. развѣ я не уважаю васъ, какъ честнѣйшаго человѣка? Развѣ я не понимаю, какъ непріятны эти глупыя дрязги?..

— Не въ томъ дѣло,—перебилъ его Рыбаковъ:—что вы понимаете и уважаете,—улыбался Рыбаковъ.—Вы и прежде уважали меня, а дѣлу ходъ было-дали...

— Но вѣдь вы знали... недоразумѣнія...

— Именно мнѣ и хотѣлось бы отклонить эти недоразумѣнія...

— Даю слово, что дѣло задержится. Сироты хоть и жаловались, но дѣло у меня... Теперь я его задержу, а послѣ мы его направимъ согласно съ вашимъ мнѣніемъ.

— Вѣрно ли?

— Эхъ, Ѳома невѣрный... А мои векселя?

— Это точно, ихъ у меня много...

— Такъ, значитъ, вы за меня?

— За кого же?..

Почтенные пріятели еще нѣсколько времени бесѣдовали «по душѣ» и кончили свое дѣло къ обоюдному удовольствію. Колосовъ обѣщалъ уговорить сиротъ, а въ случаѣ если не послушаютъ, то принять болѣе дѣйствительныя мѣры, а Рыбаковъ, скупившій на всякій случай Колосовскіе векселя, обѣщалъ «подарить Александру Андреевичу четыре голоса и пятый свой» и возвратить половину векселей, если сироты «умудрятся», и другую половину, если Колосовымъ впослѣдствіи подряды по земству будутъ сданы Рыбакову. Эта сдѣлка велась самымъ элегантнымъ и даже задушевнымъ образомъ. У обоихъ названныхъ джентльменовъ никакихъ злодѣйскихъ чувствъ не проявлялось, и они рѣшили это дѣло такъ элегантно, мягко и

нѣжно, что со стороны казалось, будто они оказываютъ сиротамъ такое одолженіе, послѣ котораго остается только несказанно благодарить ихъ. Слушая этихъ милыхъ, порядочныхъ людей и внимая задушевности ихъ разговора, перспектива такого ласковаго и изящнаго ограбленія казалась настолько заманчивой, что всякій, съ ужасомъ отскакивающій отъ немытаго нищаго, протягивающаго руку за вашими часами въ глухомъ переулкѣ, съ удовольствіемъ, кажется, обратился бы къ названнымъ джентльменамъ съ покорнѣйшей просьбой: обчистить его самымъ изящнымъ образомъ и притомъ — что̀ тоже имѣетъ свою прелесть—на самомъ законномъ основаніи. Такъ это было мило.

Обѣдъ удался какъ нельзя лучше; вина были тонкія. Князю то и дѣло подливали икему; онъ млѣлъ и не спускалъ глазъ съ Надежды Алексѣевны, а Рыбаковъ, съ аппетитомъ поѣдая вкусныя блюда и запивая ихъ букетистыми винами, мысленно улыбался, припоминая, что онъ кушаетъ не стерлядь и не рябчики, а дворянскія денежки. «Голова у него башковатая!—мечталъ маленькій толстый обжора въ антрактахъ между блюдами и взглядывалъ на амфитріона не безъ нѣкотораго уваженія.—Умѣетъ, бестія, жить!..»

Обѣдъ прошелъ весело, и всѣ подпили. Даже у Колосова засоловѣли глаза. Старикъ растаялъ и даже шепталъ: «ah, si la vieillesse pouvait», за что Колосова сдѣлала строгую гримаску, а Колосовъ шутя отвѣчалъ, что такіе старики, какъ князь, заткнутъ за поясъ нынѣшнюю тщедушную молодежь.

— Всѣ князья Вяткины издавна славились долговѣчностью...—прибавилъ Александръ Андреевичъ.

— Да... нашъ родъ издавна отличался крѣпостью... Вы не повѣрите, прелестная Надежда Алексѣевна, что̀ это были за крѣпыши... Куда нынѣшнимъ!

— Вѣрю, князь... Вы сами изъ крѣпкихъ!—подшутила Колосова.

— Древній, древній родъ!—съ уваженіемъ отнесся Рыбаковъ, смакуя шампанское.

— Гедиминовичи... Мы Гедиминовичи... Но только нынѣ насъ, Гедиминовичей...

Старикъ не окончилъ фразы, но на его посоловѣвшемъ лицѣ пробѣжала горькая улыбка, докончившая недосказанную фразу...

— Что-жъ Гедиминовичей?..—улыбалась Колосова.

— Не всегда цѣнятъ... Не всегда, Надежда Алексѣевна...

Послѣ обѣда всѣ пошли на балконъ, пили чай и кофе и вели разговоры, обличавшіе самое благодушное настроеніе. Князь забылъ «мѣры» и говорилъ о природѣ не безъ сентиментальности:

— Вѣдь вотъ, хоть бы этотъ цвѣтокъ... цвѣтетъ и вянетъ... Грустно!..

Колосовъ согласился, что «грустно, даже больше — обидно», и вовсе не кстати замѣтилъ нараспѣвъ, перевирая Лермонтова:

— Есть много непонятнаго въ созвучьѣ силъ живыхъ...

Даже Рыбаковъ—и тотъ трепалъ свое откормленное брюшко не безъ умиленія и ударился въ поэзію, разсказывая объ Италіи, о дивной, благословенной Италіи:

— Боже, какъ тамъ хорошо!..

Надежда Алексѣевна дремала подъ этотъ поэтическій сумбуръ.

Часовъ въ десять гости разъѣхались, и Колосовъ ушелъ въ свой кабинетъ. Тамъ онъ еще долго сидѣлъ, потягивая дорогой хересъ, и былъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, которое находитъ на человѣка, наконецъ увѣреннаго, что онъ скоро достигнетъ вожделѣнной цѣли. Взвѣсивъ всѣ шансы и сообразивъ всѣ обстоятельства, онъ пришелъ къ убѣжденію, что все идетъ какъ по маслу, и что предводительство съ предсѣдательствомъ уживутся, какъ самые лучшіе друзья. Онъ благодушно, очень благодушно вздохнулъ отъ легкаго сердца и не безъ глубокаго религіознаго чувства шепнулъ, осѣнивъ себя медленно и истово крестнымъ знаменіемъ:

— Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!

Былъ первый часъ ночи. Въ домѣ тишина. Колосовъ надѣлъ халатъ и тихо вышелъ изъ кабинета.

— Надя! Ты спишь?—тихо постучалъ онъ въ двери спальной.

— Нѣтъ... Что тебѣ?

Колосовъ вошелъ въ полуосвѣщенную матовымъ свѣтомъ комнату. Надежда Алексѣевна полулежала въ креслѣ въ бѣломъ пеньюарѣ. Грустная, задумчивая, она была очень хороша въ эту минуту. Увидавъ мужа, въ такомъ костюмѣ, въ такой часъ, у себя, она вскочила, какъ ужаленная, съ кресла и испуганно, точно дѣвочка, крикнула:

— Что тебѣ?..

— Надя... милая ты моя Надя!..

И Колосовъ протянулъ губы, чтобы поцѣловать жену. Она отскочила назадъ и стала бѣлѣй рубашки. Губы ея дрогнули. Она была испугана.

— Чего испугалась, ребенокъ? Или ты не моя жена, Надя?

— Александръ... уйди! Ты вѣдь знаешь, я люблю другого.

— Такъ что-жъ?..

И Колосовъ снова сталъ подходить къ женѣ нѣсколько пьяной походкой, находя, что сегодня она «замѣчательно мила».

— Не подходи... Я отдалась другому!..—отчаянно шепнула молодая женщина.

— Люби другихъ, но и меня люби, мужа...—мягкимъ, слегка пьяноватымъ голосомъ шепталъ Колосовъ и рѣшительно обнялъ свою законную жену.

— Подлецъ!—крикнула жена и упала въ обморокъ.

Долго еще послѣ ухода мужа Надежда Алексѣевна была въ безчувственномъ состояніи. Она точно окаменѣла; она ничего не чувствовала, не слышала, не видала. Наконецъ пришло сознаніе, и горькія рыданія раздались въ спальнѣ; она уткнулась въ подушку, смачивая ее слезами. Проходили долгія минуты, а бѣдная женщина не переставала плакать. Она было-искала оправданія и себѣ, и мужу и точно попадала въ какую-то бездну, которая, какъ неодолимая сила, тянула ее въ себя... Отчаяніе и оскорбленное самолюбіе, и отвращеніе къ нему и къ себѣ, и нѣтъ оправданія!.. Если же оно и подкрадывалось, словно змѣй-искуситель, въ сердце бѣдной женщины, то какой-то голосъ шепталъ ей: «а прежде? прежде? Развѣ не служила ты двумъ богамъ? И развѣ не привыкъ къ этому твой мужъ? Что-жъ теперь ты мучаешься? Или и это порывъ? Опять порывъ, послѣ котораго снова примиренье?»

Бѣдная не находила отвѣта. Она страдала, и не дай Богъ никому испытывать такія страданія.

А Колосовъ скоро заснулъ въ своей спальнѣ подъ вліяніемъ хорошаго хереса. Онъ спалъ, и снились ему хорошіе сны. Снилась и портниха—эта худенькая, неопытная дѣвушка, до которой онъ не добрался, но надѣялся добраться... Словомъ, очень хорошія вещи снились Александру Андреевичу.

Пока жена плачетъ, а мужъ спитъ, читатель ниже можетъ узнать исторію нашихъ знакомыхъ Колосовыхъ, супружескому счастію которыхъ тоже не мало завидуютъ многіе добрые отцы и матери Грязнополья, наивно желающіе и своимъ дочерямъ такого же счастія и довольства, какими пользуется, по ихъ мнѣнію, Надежда Алексѣевна.

XXV.

Лѣтъ за десять до описанныхъ событій въ Петербургѣ появилась замѣчательная драматическая актриса, Надежда Алексѣевна Наумова. Рѣдкій талантъ ея сразу обратилъ на себя вниманіе и сдѣлалъ ее любимицей публики. Кто разъ видѣлъ ее въ лучшихъ ея роляхъ, тотъ не могъ забыть талантливой артистки. Съ самаго начала она привлекала симпатію зрителя, а подъ конецъ совсѣмъ завладѣвала имъ своей страстной, нервной, глубоко-натуральной игрой; случалось, что артистка, играя «Бѣдную невѣсту», такъ натурально падала безъ чувствъ, что пораженный театръ на секунду таилъ дыханіе и потомъ бѣшено разражался рукоплесканіями. Но артистка часто не могла подняться съ подмостковъ; бѣдная красавица въ самомъ дѣлѣ лежала безъ чувствъ, и рукоплесканія публики не могли поднять ее. Ее уносили за кулисы и, больную, нервно потрясенную, увозили домой.

Жизнь Надежды Алексѣевны нельзя было назвать счастливой. Отецъ ея былъ тихій, богомольный старикъ, посвятившій конецъ своей жизни посту и молитвѣ, а мать— настоящій дьяволъ въ юбкѣ; она мучила, ревновала и всячески терзала свою дочь и притомъ страшно, посвоему, ее любила, какъ это часто бываетъ у множества матерей-самодурокъ. Она нерѣдко и бивала свою дочь, хотя послѣ плакала, мучилась и просила прощенія. Отецъ все это видѣлъ, но помочь не могъ, потому что и ему доставалось порядкомъ, такъ какъ онъ самъ былъ безотвѣтнымъ, жалкимъ существомъ, за которое нерѣдко заступалась Надежда Алексѣевна. Отставной дворецкій графскаго дома, Алексѣй Трифоновичъ Наумовъ отличался необыкновенной робостью передъ своей характерной супругой. Сидя вѣчно въ отведенномъ ему уголкѣ (Наумовы жили въ двухъ небольшихъ комнатахъ), онъ все почитывалъ Четьи-Минеи да Апокалипсисъ и все собирался посѣтить Аѳонъ и Іерусалимъ. Когда госпожа Наумова бы-

вала не въ духѣ (а это случалось ежедневно), она обыкновенно срывала сердце на своемъ супругѣ Алексѣѣ Трифоновичѣ.

— Ну, что ты, старый хрычъ, разсѣлся здѣсь, видишь—гладить нужно!—обыкновенно, словно голодная собака, начинала воркотню хозяйка.

— Я, Лизавета Петровна, уйду, сейчасъ уйду... Только куда бы уйти?—разсуждалъ Алексѣй Трифоновичъ, надвигая очки въ мѣдной оправѣ на свой оплѣшивѣвшій лобъ.

— Куда?—горячилась Лизавета Петровна. — Къ чорту! Вотъ куда!

Алексѣй Трифоновичъ богобоязненно крестился и поникалъ головой.

— Ты подумай, Лизавета Петровна, что ты говоришь-то? И развѣ это не грѣхъ?—тихимъ, слегка укоряющимъ тономъ замѣчалъ Алексѣй Трифоновичъ.

— Ахъ, ты, старый халдей! Еще грѣхомъ стращать вздумалъ! Кабы не я, кто бы тебя, дурака, кормилъ, а? А туда же: грѣхъ!

— Разумѣется, грѣхъ!—еще тише шепталъ старикъ.

— Сейчасъ же проваливай!.. Ступай по церквамъ, а то хоть прямо на Аѳонъ... убирайся!..—кричала Лизавета Петровна.

— Маменька!—раздавался изъ сосѣдней комнаты тоненькій голосъ Нади:—оставьте папашу.

— И ты за него? У, чортово отродье! Изъ-за тебя ночей не сплю, не доѣдаю, не допиваю, а ты такъ-то мать уважаешь?

Обыкновенно Алексѣй Трифоновичъ, не дожидаясь конца такой сцены, собиралъ тихонько свои духовныя книги, бережно пряталъ ихъ въ шкапчикъ и, поцѣловавъ и благословивъ дочку, уходилъ изъ дому и только поздно вечеромъ возвращался домой, вволю пошатавшись по разнымъ церквамъ. Тихо укладывался въ своемъ углу на жесткой кровати и долго еще нашоптывалъ разныя молитвы.

Когда Лизавета Петровна сживала изъ дому мужа, то принималась грызть дочь. Она обвиняла ее во всевозможныхъ гадостяхъ. То корила воображаемыми любовниками, то винила въ неблагодарности, въ нелюбви, въ безсердечіи и тому подобномъ. Тогда, вся въ слезахъ, Надя убѣгала изъ дому...

Оставшись одна, Лизавета Петровна предавалась раскаянію: она вслухъ упрекала себя, называла себя извергомъ и по цѣлымъ часамъ неутѣшно рыдала, бія себя въ грудь передъ образами. Пообѣдавъ одна, Лизавета Петровна выпивала рюмки двѣ наливки и шла въ театръ. Въ галлереѣ пятаго яруса ей давали безплатно мѣсто, и Лизавета Петровна, глядя на свою играющую дочку, смѣялась и плакала, какъ ребенокъ. Если сосѣди ея дѣлали замѣчанія не въ пользу дочки, она, не обинуясь, громко называла ихъ ничего не понимающими свиньями и вообще вступала въ такую крупную брань, что нерѣдко усовѣщевать Лизавету Петровну приходилось капельдинеру. Когда, однажды, послѣ одной изъ домашнихъ сценъ, Надежда Алексѣевна, играя какую-то роль несчастной дѣвушки, грохнулась взаправду безъ чувствъ въ театрѣ, зрители пятаго яруса видѣли пожилую женщину съ сѣдоватыми волосами, съ энергичнымъ, умнымъ лицомъ, кинувшуюся опрометью вонъ съ мѣста и кулаками расчищавшую себѣ ходъ, такъ что ее приняли за сумасшедшую.

То была Лизавета Петровна. Какъ полуумная, вбѣжала она за кулисы и, припавъ къ помертвѣлому лицу нервной дочери, при множествѣ актеровъ и актрисъ, просила у нея прощенія, заливаясь сама самыми искренними слезами.

Восторженная, самолюбивая отъ похвалъ, возвращалась молодая артистка домой, и еще суровѣй и печальнѣй казалась ей дѣйствительность. Она, кажется, и жила двумя жизнями: одной—въ театрѣ, другой—дома. Тамъ — восторгъ и сочувствіе. Здѣсь—брань, попреки и чистенькая бѣдность (Наумова получала 500 рублей жалованья, на которое и жила вся семья). Возвращаясь изъ театра домой, Надежда Алексѣевна садилась на кровать къ старику-отцу и разсказывала ему о своихъ успѣхахъ.

— Вотъ ты какая! — съ восторгомъ шепталъ старикъ, гладя своей худой рукой по щекамъ дочери.

Самъ Алексѣй Трифоновичъ никогда не видалъ своей Нади на сценѣ; онъ вообще считалъ неприличнымъ для себя ходить въ театръ, но никогда, впрочемъ, не отговаривалъ дочь бросить артистическую карьеру.

— Пусть каждый соблюдаетъ себя по возможности! — говаривалъ старикъ.

Въ отвѣтъ на восторженные разсказы дочери о блескѣ, успѣхахъ и оваціяхъ въ театрѣ, Алексѣй Трифоновичъ

разсказывалъ Надѣ о красотахъ Аѳона, о дальнихъ путешествіяхъ, которыя его манили, о странникахъ и подвижникахъ-богомольцахъ. И голосъ старика, во время этихъ разсказовъ, слегка дрожалъ отъ умиленія; рѣчь его лилась плавно; онъ, вѣчно забитый, робкій старикъ, говорилъ теперь увлекательно, съ какимъ-то мистическимъ вдохновеніемъ, такъ что Надя заслушивалась его по цѣлымъ часамъ.

— Папаша, мой милый,—спрашивала иногда Надя:— отчего ты такой святой? Отчего это ты все молишься, голубчикъ мой?

— Грѣшилъ, Наденька, много. Охъ, много!

И старикъ больше ничего не объяснялъ.

Только Лизавета Петровна во время сильнаго гнѣва разъясняла иногда причины такого усерднаго подвижничества своего супруга.

— Небойсь,—упрекала она, не въ мѣру сердитая:— старые грѣхи, подлецъ, замаливаешь! Съ вашимъ графомъ загубили вы божью душу, христопродавцы!

Ничего не отвѣчалъ на тяжкій упрекъ Алексѣй Трифоновичъ, а только пуще поникалъ головой и пуще молился. И нерѣдко, во время страстной его молитвы, передъ старикомъ являлся образъ молодой, блѣднолицой дѣвушки, которая съ убійственнымъ укоромъ глядѣла прямо старику въ глаза, и ея губы, казалось, шептали: «За что̀ вы убили меня? Что̀ я вамъ сдѣлала?»

Въ такія минуты ужасъ пробиралъ старика; глаза его какъ-то дико смотрѣли передъ собой, и молитва не шла на уста. Прошлое вставало во всей наготѣ своей, и въ этомъ прошломъ вспоминалъ старикъ свою племянницу, блѣднолицую дѣвочку 15 лѣтъ, Машу, принесенную Алексѣемъ Трифоновичемъ въ жертву разврата своего барина-графа. Онъ думалъ облагодѣтельствовать племянницу, сдѣлавъ ее наложницей сѣдого старика, и чуть ли не силою привезъ ее отъ матери, а Маша не вынесла и черезъ годъ умерла отъ чахотки, проклиная и графа, и Алексѣя Трифоновича. Графъ давно забылъ объ этомъ происшествіи, но его бывшій камердинеръ не могъ забыть этого до сихъ поръ. Онъ тогда же ушелъ отъ графа, всѣ скопленныя имъ деньжонки отдалъ Машиной матери, а самъ съ тѣхъ поръ искалъ утѣшенія въ постѣ и молитвѣ...

Съ самаго того дня, какъ Алексѣй Трифоновичъ отдалъ скопленныя годами деньги, Лизавета Петровна вознена-

видѣла мужа. Она разсчитывала на жизнь въ покоѣ и тишинѣ, полагала даже сдѣлать приращеніе къ небольшому мужнину капитальцу, отдавая деньги въ ростъ подъ залоги, словомъ, разсчитывала прикопить деньги для дочери,—и вдругъ, вмѣсто будущей спокойной жизни, пришлось снова жить въ бѣдности среди заботъ о кускѣ хлѣба.

— Подлецъ ты этакій!—плюнула Лизавета Петровна мужу въ глаза послѣ его поступка.

И съ того самаго дня ежедневно точила Алексѣя Трифоновича, работая сама дни и ночи, чтобы какъ-нибудь да сдѣлать изъ своей Нади не дѣвку, а барышню.

— Дѣвкамъ плохо,—разсуждала Лизавета Петровна:—ихъ бьютъ, а барышнямъ лучше: онѣ бить могутъ! Пусть же лучше мое дитя бьетъ, чѣмъ его будутъ бить! Знаю я, больно намъ-то достается!—говаривала дѣятельная женщина, вспоминая свое подневольное житье.

Такимъ образомъ Надю опредѣлили въ театральное училище, изъ котораго она дѣйствительно вышла не дѣвкой, а барышней, съ самымъ смутнымъ понятіемъ о жизни, безъ всякихъ знаній... По счастію, талантъ ее выручилъ.

Отецъ и дочь крѣпко любили другъ друга. Въ тѣ дни, когда Лизавета Петровна уже черезчуръ грубо копалась своими рабочими, не знавшими устали, пальцами въ сердцѣ Алексѣя Трифоновича, старикъ украдкой подходилъ къ дочери и, цѣлуя ея бѣленькія ручки, тихо, словно ребенокъ, плакалъ.

— Не плачь, папаша, не плачь, дорогой! Переѣдемъ-ка съ тобой и будемъ жить отдѣльно!—говорила Надя, утѣшая отца.

— Что ты, Надя, что ты?—пугался старикъ.—Да гдѣ же это показано, чтобы дитя отъ матери врозь? Нѣтъ, Надя, нѣтъ! Нельзя оставлять родную мать. Жизнь наша временная, тамъ зато лучше будетъ!

И разговоръ обыкновенно кончался тѣмъ, что отецъ и дочь вмѣстѣ плакали.

Лизавета Петровна стала еще болѣе тѣснить Алексѣя Трифоновича, видя, какъ Надя любитъ отца и ухаживаетъ за нимъ; она ревновала дочь не только къ постороннимъ, но даже—и еще сильнѣе—къ отцу.

Однажды, разучивая роль, Надя заглянула въ полурастворенную дверь на сидящаго за книгой старика и вдругъ, подъ вліяніемъ прихлынувшаго теплаго чувства,

подбѣжала къ отцу, обхватила руками его шею и крѣпко-крѣпко поцѣловала.

— Милое ты мое дитя, ласковое ты мое дитя! — сказалъ растроганный старикъ. — Одна ты только меня и любишь!

Лизавета Петровна увидала этотъ поцѣлуй; онъ ужалилъ ревнивую мать,—ей никогда не случалось дожить до такого счастія, а какъ хотѣлось!—она подпрыгнула, словно разъяренная тигрица, у которой отняли тигренка, и бросилась къ дочери.

— Надька, дура! Пошла въ свою комнату, пошла! Тебѣ учить ролю надобно, а не точить лясы; вечеромъ вѣдь въ этотъ проклятый театръ поѣдешь, тамъ кому-нибудь да будешь на шею вѣшаться! Пошла!—закричала Лизавета Петровна, побагровѣвшая, какъ вареный ракъ.

— Не обижай Надю, Лизавета Петровна!—робко вступился старикъ.

— Я обижаю, я? Ты еще будешь говорить, богомолъ проклятый! А кто въ домѣ все дѣлаетъ, кто? Ты, небойсь, ты? Отъ тебя, какъ отъ козла молока, изъ твоихъ книгъ супу не сваришь, а туда же: обижаешь! У, подлецъ старый!

Алексѣй Трифоновичъ молчалъ, а молчаніе еще болѣе взрывало Лизавету Петровну. Она, какъ и всѣ самодуры, любила, чтобы передъ ней дрожали и ея видимо пугались.

— Да ты оглохъ, что ли? — крикнула Лизавета Петровна.

Старикъ не отвѣчалъ, а бормоталъ про себя какой-то акаѳистъ.

— Оглохъ, говорю, скотина? Отвѣчай же, идолъ!

Алексѣй Трифоновичъ не подавалъ голоса и все глядѣлъ въ книгу.

Тогда разсвирѣпѣвшая Лизавета Петровна наотмашь взмахнула рукой и ударила старика по щекѣ.

Онъ не проронилъ слова, перекрестился, бережно собралъ книги и собирался уйти. Только одна крупная слеза скатилась на сѣдую бороду, лучше словъ говоря, каково старику.

Надя бросилась къ матери и, глотая слезы, крикнула:

— Это подло такъ обижать папашу! За что вы его обижаете? За то, что я его люблю? Ну да, люблю, а васъ нѣтъ!

— И ты, змѣенышъ, туда же? Вотъ тебѣ, вотъ!—забылась вовсе мать и нѣсколько разъ ударила дочь.

Надя вскрикнула, схватила шляпку и выбѣжала вслѣдъ за отцомъ изъ дому.

— Папаша, дорогой мой папаша,—нагнала она отца:—уйдемъ отъ нея!

— Другъ мой, я совсѣмъ уйду!—тихо отвѣчалъ Алексѣй Трифоновичъ.—Уйду туда!—добавилъ старикъ, показывая куда-то рукой.

— Куда?

— На Аѳонъ уйду, завтра же уйду! А ты оставайся, тебѣ легче будетъ. Мать изъ-за меня и тебя ѣстъ! Я ее нищей сдѣлалъ, а тебя она любитъ. Господь съ ней, я на нее не сержусь и тамъ за всѣхъ васъ помолюсь Богу!—прибавилъ рѣшительно Алексѣй Трифоновичъ.

Печальная пришла Надя къ своей подругѣ и въ тотъ же вечеръ играла «Катерину». Все вспомнилось Наумовой во время игры, свое горе подошло къ сердцу, и театръ дрожалъ отъ рукоплесканій.

На другой день Алексѣй Трифоновичъ прощался съ женой и дочерью. Онъ былъ одѣтъ странникомъ, въ черной ряскѣ, съ котомкой за плечами, въ рукахъ была длинная палка.

— Прости, Лизавета Петровна,—сказалъ старикъ, низко кланяясь:—и не поминай лихомъ.

Лизавета Петровна какъ ни крѣпилась, а зарыдала.

— Ну, поцѣлуемся, — продолжалъ Алексѣй Трифоновичъ:—не годъ вѣдь съ тобой прожили, а, почитай, двадцать пять лѣтъ!

И когда супруги обнялись, у обоихъ изъ глазъ текли обильныя слезы.

— Ну, Надя, будь счастлива!—рыдалъ старикъ.—Лизавета Петровна, береги дочь.

Надя такъ и припала къ отцу.

Наконецъ Алексѣй Трифоновичъ оторвался и ушелъ. Съ тѣхъ поръ она никогда его не видала. Гдѣ онъ? Надежда Алексѣевна до сихъ поръ не знаетъ.

Разлука съ отцомъ сильно подѣйствовала на нервную натуру дѣвушки. Первые дни она тосковала, исхудала и, наконецъ, слегла въ постель.

Лизавета Петровна была безутѣшна. Она страстно ухаживала за дочерью, позвала доктора, не спала ночей, но какъ только дочь стала поправляться,—таки не выдержала и упрекнула:

— Отца, небойсь, любишь, даже заболѣла! А мать не любишь!

Надя отвернулась, не сказавъ ни слова, а Лизавета Петровна снова стала каяться и до того измучилась, что заболѣла сама.

Такъ шла жизнь Надежды Алексѣевны. Она только и жила на сценѣ. Дома—учила роли или читала романы, какіе попадались подъ руку, да слышала брань и упреки. Всѣ эти противоположности сильно вліяли на дѣвушку, и она стала любить какой-то заоблачный, ею самой созданный міръ и ненавидѣть дѣйствительность, въ романахъ она находила для этого благодарную почву. Впрочемъ, время взяло свое; вѣчныя дрязги дома, закулисныя интриги и чрезмѣрное поклоненіе поклонниковъ и ее испортили; она сдѣлалась раздражительна, капризна, властолюбива съ тѣми, кто поддавался. Это ужъ знали при театрѣ. Скоро узнала это и мать, когда дочь понемногу стала выходить изъ положенія рабы. Мать сперва бранилась, но потомъ, когда Надя сама стала браниться, помирилась съ своей новой ролью и только жаловалась, утирая слезы, за рюмкой вишневки, своей пріятельницѣ:

— Житья нѣтъ! Не дочь, а чортъ! Родную мать изъ дому хотѣла выгнать... Родную, а, каково это? За всѣ мои заботы... До чего дожила я, бѣдная?—плакалась Лизавета Петровна, изливая ручьи слезъ послѣ третьей и четвертой рюмки.

Дѣйствительно, однажды послѣ безобразной сцены Надежда Алексѣевна въ порывѣ сказала, что она оставитъ мать и будетъ жить одна. Лизавета Петровна сообразила, что жалованье получаетъ не она, а дочь, и... поджала хвостъ, смирилась. Такимъ-то образомъ, мало-по-малу, онѣ помѣнялись ролями. Рабъ сталъ господиномъ, а господинъ—рабомъ.

XXVI.

Поклонниковъ у Надежды Алексѣевны было, разумѣется, множество. Каждый разъ, по окончаніи спектакля, около ея кареты стояла толпа молодыхъ людей, каждый вечеръ ей кидались букеты, нерѣдко подносились подарки. Не разъ она получала и записки: однѣ—почтительно влюбленныя, другія—прилично-развращенныя, въ которыхъ предлагали ее «холить, какъ царицу», а взамѣнъ этого просили сердца или, говоря откровеннѣе,—тѣла. Надежда

Алексѣевна сначала плакала, разрывая эти записки, но потомъ привыкла, не рвала, а смѣялась. Впрочемъ, не всегда можно было и смѣяться! Разъ ей чуть не пришлось покинуть сцену изъ-за преслѣдованій одного важнаго и вліятельнаго старика. Онъ ее, какъ актрису, потребовалъ къ себѣ, и когда они остались вдвоемъ въ кабинетѣ, старикъ взялъ фамильярно молодую дѣвушку за подбородокъ и сказалъ:

— Ну, моя миленькая, поцѣлуй меня!

Бѣдняга испугалась, увидѣвъ близко блестящіе глаза стараго развратника.

— Ну, позволь, позволь... вѣрно ужъ имѣешь любовника? Кто этотъ счастливецъ, кто?

— Нѣтъ, графъ, не имѣю. Что вамъ угодно, графъ?

— Что̀ мнѣ угодно, моя милая?—прошепталъ старикъ, выставляя въ сладкой улыбкѣ рядъ вставныхъ зубовъ.— А вотъ подойди поближе, подойди, не бойся...

Наумова не двигалась съ мѣста, стоя шагахъ въ пяти отъ сидѣвшаго въ креслѣ старика. Графъ пристально посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, кряхтя поднялся съ мѣста и, приблизившись, протянулъ свои объятія.

Наумова отскочила назадъ, взялась за ручку двери и крикнула:

— Графъ, я закричу! Я громко закричу, графъ! Что̀ вамъ угодно? зачѣмъ вы требовали меня?

— Ну, ну,—растерялся старикъ:—не надо, не надо. Я думалъ, что ты снизойдешь къ старику, утѣшишь его... А ты?.. Ишь какая недотрога! Ступай, ступай! Мнѣ такія не нравятся... Я звалъ тебя, чтобы поговорить съ тобой о прибавкѣ жалованья, а ты кричать собралась... Ступай, ступай!..

Съ радостью выбѣжала Наумова изъ этого кабинета, откуда нерѣдко ниспадали милости на болѣе сговорчивыхъ артистокъ. Когда вечеромъ въ театрѣ узнали, что Надю требовалъ старикъ, то всѣ поздравляли ее:

— Сколько получила прибавки?.. сколько разовыхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... я ничего не получила и ничего не просила!

— Лжешь... Зачѣмъ же тебя требовалъ графъ?—ухмылялись товарки.

— Требовалъ, но я убѣжала отъ этого подлеца!..

— Глупая!—шептали артистки.—Теперь наплачешься!.. Ты, вѣрно, испугалась?.. Чего, дурочка, боялась? Поцѣ-

ловала бы только... онъ совсѣмъ старикъ, только охотникъ цѣловаться... Что за бѣда отъ этого?..

Послѣ памятной аудіенціи, Наумова стала рѣже играть. Графъ какъ-то замѣтилъ, что Наумова плохо играетъ, и посовѣтовалъ не давать ей ролей; помощникъ его тоже нашелъ, что «Наумова дурно играетъ», но позволилъ себѣ замѣтить, что ее любитъ публика.

— Публика? Что вы мнѣ публику тычите?—разсердился графъ.—Тутъ надо сообразоваться со мной, а не съ публикой.

Надеждѣ Алексѣевнѣ пришлось бы плохо, если бы одно важное лицо, заѣхавшее какъ-то въ театръ, не спросило:

— Отчего я Наумовой не вижу?..

Благодаря этому случайному вопросу, роли Наумовой были возвращены, хотя прибавки ей все-таки не дали.

Изъ числа многихъ поклонниковъ Надежды Алексѣевны особенно отличался ухаживаніемъ Александръ Андреевичъ Колосовъ, въ то время блестящій молодой кавалеристъ, постоянно сидѣвшій въ первомъ ряду во время спектаклей, въ которыхъ участвовала молодая актриса. Ухаживанье его было долгое и деликатное; онъ каждый разъ стоялъ у театральнаго подъѣзда, былъ чрезвычайно внимателенъ и ни разу не позволилъ себѣ ни одной оскорбительной любезности. Напротивъ: однажды, когда одинъ изъ его товарищей сказалъ Надеждѣ Алексѣевнѣ какую-то пошлость, Колосовъ немедленно вступился за дѣвушку, и чуть-было не произошла дуэль; такъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ то время, и слухи эти, конечно, дошли и до Надежды Алексѣевны. Дуэль, впрочемъ, не состоялась, такъ какъ оскорбившій дѣвушку просилъ извиненія. Надежда Алексѣевна замѣтила своего рыцаря и изрѣдка дарила его взглядами, отъ которыхъ душа кавалериста уходила въ пятки, и Колосовъ влюблялся все болѣе и болѣе. Но Александръ Андреевичъ все еще не могъ попасть въ домъ къ Наумовымъ; даже на первую просьбу его пріѣхать къ Надеждѣ Алексѣевнѣ съ визитомъ ему отвѣчали отрицательно. Это, конечно, еще болѣе подзадорило молодого человѣка, и онъ далъ себѣ слово добиться позволенія бывать у нея.

Мѣсяца два спустя послѣ первой просьбы, Колосовъ какъ-то встрѣтилъ Надежду Алексѣевну на улицѣ; онъ подошелъ къ ней и снова просилъ позволенія бывать у нея.

— Къ чему?—усмѣхнулась Надежда Алексѣевна.

— И вы еще спрашиваете, Надежда Алексѣевна? Стыдно вамъ, — проговорилъ мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ Александръ Андреевичъ, робко взглядывая на дѣвушку.

— Я знаю, вы ухаживаете за мной, мосье Колосовъ, но вѣдь за мной многіе ухаживаютъ! Что же изъ этого?

— Не говорите такимъ тономъ... Я не ухаживаю, я...

— Вы все шутите!..—перебила дѣвушка.

Тогда Колосовъ заговорилъ о своей любви. Онъ говорилъ страстно, нѣжно, увлекательно. Онъ ничего не ждалъ, только просилъ одного: не отталкивать его.

Наумова слушала это признаніе молча, прикрывъ длинными рѣсницами опущенные глаза, и, когда Колосовъ кончилъ, вскинула ихъ на него и сказала:

— Вѣрю, но я васъ не люблю! Сдѣлайте такъ, чтобы я васъ полюбила, и тогда...

Она не докончила и, оставивъ Колосова на улицѣ, скрылась въ подъѣздѣ.

Прошелъ годъ. Молодая дѣвушка стала больше обращать вниманіе на своего влюбленнаго рыцаря и, замѣтивъ его трогательное постоянство, пригласила его бывать у нея. Колосовъ сталъ каждый день ѣздить къ Наумовой и держалъ себя тамъ удивительно скромно: онъ очень робко говорилъ о своей привязанности, не требуя отвѣта, и просиживалъ вечера, разсказывая анекдоты и играя въ дурачки съ Лизаветой Петровной. Уходя, онъ просилъ позволенія быть въ слѣдующій день; обыкновенно ему его давали, и онъ уходилъ веселый. Даже Лизавета Петровна, при всей своей недовѣрчивости, успѣла полюбить Колосова и нерѣдко говаривала дочери:

— Кажется, добрый человѣкъ, Надя; на другихъ не похожъ! Ты, Надя, счастливица! Выйдешь за богатаго и хорошаго человѣка замужъ!

— Не въ богатствѣ, мамаша, сила... любитъ ли онъ?..

— Полно вздоръ-то городить! Безъ богатства замужемъ не ахти какая малина! А что любитъ, развѣ не видишь? Видишь сама: ѣздитъ и на содержаніе не проситъ?.. Между ними это рѣдкій человѣкъ...

Прошло еще нѣсколько времени. Въ одинъ изъ вечеровъ Александръ Андреевичъ снова заговорилъ о любви и просилъ категорически отвѣта. Надежда Алексѣевна грустно поглядѣла на Колосова и сказала:

— Что-жъ я вамъ отвѣчу?.. Нѣтъ, Александръ Андреевичъ, не бывайте у насъ, я васъ не люблю...

Колосовъ осовѣлъ.

— Нечего, нечего... — прибавила она. — Не люблю и только, что дѣлать?

Александръ Андреевичъ совсѣмъ растерялся, и слезы показались на его темныхъ глазахъ.

— Не бывайте лучше у насъ. И вамъ тяжело будетъ, да и мнѣ не весело... Не будете бывать,—забудете!.. Прощайте же, мой бѣдный рыцарь!—полушутливо, полусерьезно сказала Надежда Алексѣевна и ушла въ свою комнату, оставивъ Колосова одного.

Александръ Андреевичъ уѣхалъ отъ Наумовой влюбленный болѣе прежняго. Образъ красивой дѣвушки преслѣдовалъ его вездѣ и преслѣдовалъ до того, что въ голову Колосова забѣжала даже шальная мысль, въ случаѣ крайности, жениться, испробовавъ, конечно, прежде всѣ средства, чтобы сдѣлать изъ Наумовой любовницу. Молодой человѣкъ все же не могъ забыть, что онъ записанъ въ седьмой книгѣ, а она дочь дворецкаго. Уже Колосовъ, повидимому, приближался къ цѣли, бывалъ у Наумовой, понравился матери и ждалъ только какого-нибудь удобнаго случая въ родѣ ужина съ шампанскимъ, какъ вдругъ его просятъ не бывать!

Въ тотъ же день въ ресторанѣ Александръ Андреевичъ встрѣтилъ товарищей, которые за шампанскимъ поздравляли его съ побѣдой надъ такой замѣчательной красавицей и спрашивали:

— Дорого далъ? Сколько положилъ на ея имя? Гдѣ наймешь ей квартиру?

Колосова бѣсили эти разспросы. Онъ отвѣчалъ, что всѣ эти слухи—сплетни, однако категорически не опровергалъ ихъ и улыбался очень двусмысленно, и далъ себѣ слово добиться Наумовой, хоть бы пришлось и жениться.

Въ то время Колосовъ былъ еще молодъ, богатъ и еще не изучилъ хорошо науки жизни; въ то время онъ только проѣдалъ и пропивалъ свое состояніе, прожигая жизнь; только впослѣдствіи онъ сумѣлъ пожинать плоды съ «посѣяннаго», какъ нѣсколько лѣтъ позже Колосовъ называлъ свое истраченное состояніе.

«Она будетъ моей во что бы то ни стало!»—рѣшилъ Колосовъ и продолжалъ бывать вездѣ, гдѣ только могъ встрѣтить Надежду Алексѣевну; насмѣшки пріятелей еще

болѣе раздражали его, а равнодушіе дѣвушки доводило его до бѣшенства. Впрочемъ, онъ и тогда уже умѣлъ скрывать подъ маской любезнаго выраженія свои чувства и на вопросы своихъ знакомыхъ о Наумовой всегда отвѣчалъ съ тактомъ.

Онъ зналъ, что дѣвушки любятъ постоянство, и игралъ на этой струнѣ. Колосовъ не ошибся. Замѣчая его вездѣ, Надежда Алексѣевна сочла его преслѣдованіе за рыцарскую любовь и стала сама привязываться къ нему. Она еще никого не любила, и первая любовь развилась полнымъ, пышнымъ цвѣтомъ. Она полюбила полно, безотчетно, со страстью впервые любящей дѣвушки.

Въ одинъ весенній вечеръ, Надежда Алексѣевна, увидавъ Колосова въ Лѣтнемъ саду, сама подошла къ Александру Андреевичу, увела его въ боковую аллею и, крѣпко стиснувъ ему руку, сказала ему страстнымъ, задушевнымъ шопотомъ, такъ часто трогавшимъ зрителя въ театрѣ:

— Я люблю тебя! Я люблю тебя, мой милый!

«Наконецъ-то!»—подумалъ Колосовъ и готовъ былъ броситься сейчасъ же обнимать дѣвушку, съ покорнымъ видомъ теперь стоявшую передъ нимъ, если-бъ они были одни; онъ сдержалъ бѣшеный порывъ, и только самодовольная улыбка скользнула по его губамъ.

Скоро у Наумовой явился экипажъ, хорошая квартира, дорогія платья, бездѣлки, брильянты; ее, какъ райскую птичку, лелѣяли въ роскошно убранномъ гнѣздышкѣ. Она ничего этого не хотѣла, но хотѣлъ этого Колосовъ, а слова его стали закономъ для любящей дѣвушки. Каждый день пріѣзжалъ Колосовъ и уже не спрашивалъ о любви; Надежда Алексѣевна сама чаще спрашивала и горячими поцѣлуями прерывала его рѣчи. О свадьбѣ Колосовъ еще ничего не говорилъ, но зато Лизавета Петровна зорко глядѣла за молодыми людьми и какъ-то разъ прямо отрѣзала Колосову:

— Когда же ваша свадьба будетъ?

— Черезъ мѣсяцъ, добрѣйшая Лизавета Петровна, Надя будетъ моей женой передъ людьми и Богомъ!—отвѣчалъ нѣсколько торжественно Колосовъ, хотя вопросъ матери и покоробилъ его.

— То-то же!—воркнула Лизавета Петровна.

Не совсѣмъ легка была борьба для Колосова, и онъ думалъ: «ужъ не отступиться ли?» Но страсть, жгучая

страсть взяла свое, рѣшивъ борьбу въ пользу свадьбы. Онъ подалъ въ отставку и сталъ уговаривать Надежду Алексѣевну бросить театръ.

— Зачѣмъ же, Саша? Я такъ люблю театръ... Развѣ тебѣ стыдно, что твоя жена будетъ актрисой?!..

— Вовсе не потому, Надя; но вѣдь ты знаешь, что намъ надо ѣхать въ деревню... Надо поправить имѣніе, похозяйничать; будемъ хозяйничать вмѣстѣ...

— И никогда...

— А надоѣстъ тебѣ, мой другъ,—перебилъ Колосовъ:— ты опять, коли захочешь, поступишь на сцену.

— И ты позволишь?..

— Еще бы, развѣ я могу тебѣ не позволить!—окончилъ Колосовъ, цѣлуя невѣсту и думая про себя: «Никогда этого не будетъ! Моя жена не должна показываться всѣмъ на сценѣ!»

Черезъ мѣсяцъ молодые люди обвѣнчались и уѣхали въ деревню. Лизавета Петровна осталась одна, и ей былъ обѣщанъ отъ Александра Андреевича небольшой пенсіонъ.

XXVII.

Молодые провели цѣлый годъ въ деревнѣ. Этотъ годъ прошелъ какъ сонъ для Надежды Алексѣевны; ее лелѣяли, ласкали и исполняли ея малѣйшія прихоти, ей ни о чемъ не давали подумать, потому что думали за нее. А состояніе Колосова въ это время уменьшалось и уменьшалось; по мѣрѣ этого уменьшенія, Александръ Андреевичъ все болѣе и болѣе хмурился и становился холоднѣй къ женѣ; ея наивности уже не такъ нравились ему, какъ бывало прежде; ея страстныя ласки уже пресытили его, такъ что онъ уже начиналъ останавливать ее и нерѣдко тихонько, отклоняя ея объятія, говорилъ:

— Какая ты экзальтированная, Надя... довольно, довольно! Не все же намъ цѣловаться съ тобой!

Подобныя замѣчанія производили на молодую женщину дѣйствіе ушата холодной воды. Сперва она горевала, потомъ стала вглядываться въ мужа. Чѣмъ ближе она узнавала его, тѣмъ яснѣе видѣла, что мужъ хоть и любитъ ее, но какъ-то странно, какъ-то по-султански; кромѣ ласки и покровительственнаго тона отца къ ребенку, она ничего не видала; серьезно онъ съ ней никогда не говорилъ. Она пробовала открыть ему свой внутренній міръ, онъ выслушалъ ее, какъ ребенка, скучавшаго по игрушкѣ.

Она пробовала спорить съ нимъ, онъ какъ-то шутя, мягко доказывалъ ей, что она ребенокъ и ничего не понимаетъ... Она начинала плакать, онъ тихо вытиралъ ея слезы платкомъ и говорилъ, что она послѣ слезъ хорошенькая; она, бывало, начинала дуться, Колосовъ будто не замѣчалъ этого; а при капризахъ мягко выговаривалъ ей, что ему ихъ слушать некогда. Незамѣтно для самой себя, она понемногу попадала въ бархатныя лапки мужа и наконецъ вполнѣ подчинилась его волѣ, хотя, повидимому, она была вполнѣ свободна; на дѣлѣ Александръ Андреевичъ дѣлалъ съ молодой женой все, что̀ ему хотѣлось; онъ мягко, но основательно забралъ ее въ руки. Случалось, что мужъ во всемъ согласится съ женой, а смотришь—Надежда Алексѣевна дѣлаетъ такъ, какъ хочетъ Александръ Андреевичъ... Все это дѣлалось незамѣтно, безъ рѣзкостей, безъ шума. Такимъ образомъ эта система тонкой, улучшенной тираніи окончательно опутала Надежду Алексѣевну, и она, видя въ Александрѣ Андреевичѣ умнаго и характернаго человѣка, мало-по-малу даже стала его немного побаиваться.

Жизнь въ деревнѣ послѣ жизни на сценѣ наскучила молодой женщинѣ, и вотъ однажды она приступила къ мужу съ просьбой переѣхать въ Петербургъ.

— Отчего же, Надя! переѣдемъ, вотъ только дай немножко привести дѣла въ порядокъ...

— И ты пустишь меня на сцену?

— Видишь ли что, Надя; я, конечно, не прочь, чтобы ты играла, но только, душа моя, это мнѣ повредитъ... Ты ребенокъ и не понимаешь, какъ странно свѣтъ смотритъ на общественное положеніе актрисы...

Долго еще говорилъ въ этомъ родѣ Колосовъ и окончилъ вопросомъ:

— А ты развѣ захочешь стать на дорогѣ мужу?..

Что̀ оставалось дѣлать Надеждѣ Алексѣевнѣ?

— Ты не горюй, Надя, время не ушло... Я вѣдь не противъ сцены, но только подожди, голубушка!..

Въ ожиданіи прошелъ еще годъ. А дѣла Колосова все шли хуже и хуже; въ деревнѣ то и дѣло получались непріятныя письма, въ которыхъ напоминали о долгахъ, и даже не разъ пріѣзжалъ становой съ бумагами, не особенно веселыми. Кредиторы требовали уплатъ. Колосовъ-пажъ, Колосовъ-блестящій офицеръ слишкомъ широко жилъ и шутя сорилъ деньгами, и вотъ теперь Колосовъ-

помѣщикъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, вернуть обратно свои деньги. Жить умѣренно для него было невозможно, и, ради этой цѣли, бывшій кавалеристъ обратился въ прожектера; онъ сталъ выдумывать проекты, ѣздилъ въ Петербургъ, хлопоталъ; но проекты его какъ-то не шли, люди вліятельные его не слушали съ тѣмъ вниманіемъ, котораго добивался Колосовъ. Тогда онъ рѣшилъ позвать на помощь жену. «Меня не слушаютъ эти старцы,—думалъ онъ: — хорошенькую женщину навѣрно выслушаютъ!»

Онъ началъ посылать къ вліятельнымъ людямъ Надежду Алексѣевну, которой давалъ на этотъ счетъ точныя инструкціи.

— Ты, Надя, съ этими стариками говори слаще, они это любятъ, и отъ нихъ все зависитъ... Одѣвайся, душа моя, элегантно и шикарно... слегка пококетничай...

Когда Колосовъ въ первый разъ прочитывалъ такое наставленіе, Надежда Алексѣевна вспыхнула и почти что крикнула:

— Но вѣдь это, Александръ...

— Гадко, хочешь ты сказать, мой милый ребенокъ? Эхъ, Надя, Надя, милая ты Надя! Да вѣдь ты для насъ же будешь хлопотать! И развѣ я прошу тебя сдѣлать что-нибудь нехорошее? Что ты, голубчикъ?.. Ты только не будь съ ними дика, будь любезна, мила, не кричи, коли тебѣ поцѣлуютъ твою маленькую ручку,—эка важность! и смотришь,—дѣло, о которомъ мы хлопочемъ, удастся... А что же ты, собственно говоря, дурного сдѣлала, Надя?.. Ты только пособила мужу!.. Впрочемъ,—прибавлялъ Колосовъ:—я тебя, Надя, не стѣсняю, поступай, какъ знаешь, но только тогда наше дѣло другому достанется... Вѣдь у насъ безъ хлопотъ ничего не дается!..

Что было отвѣчать на такіе убѣдительные доводы? И отчего не помочь своему же мужу?

Александръ Андреевичъ цѣловалъ свою жену, называлъ ее умницей и посылалъ ее одѣваться. За туалетомъ ея тоже онъ самъ слѣдилъ, выбиралъ платья къ лицу, декольтировалъ жену болѣе обыкновеннаго и, полюбовавшись красавицей-женой, отправлялъ ее, не забывая замѣтить на прощанье, чтобы она была развязнѣе и не особенно пугалась «этихъ длинноухихъ старцевъ».

Надежда Алексѣевна не безъ какого-то щемящаго чув-

ства ѣхала, просила, выслушивала комплименты, выдерживала пожатія рукъ и томные взгляды и успѣвала; мужъ получалъ какой-нибудь мудреный подрядъ и даже сумму на задатки. Тогда уплачивались долги и начинались затѣи. Колосовъ строилъ въ деревнѣ новый домъ, выписывалъ изъ-за границы новую мебель, машины, экипажи, задаривалъ жену массой ненужныхъ, но дорогихъ вещей, и деньги такъ же легко улетучивались, какъ и доставались... Онъ снова пускалъ въ ходъ какую-нибудь новую аферу, снова поправлялъ прозрачную косынку, еле закрывавшую прелестную шею жены, отправляя ее къ финансовому тузу, и снова доставалъ деньги, которыя снова сорилъ...

Во время этой прожектерской дѣятельности Колосовы попеременно жили въ Петербургѣ, Москвѣ и въ деревнѣ, и жили открыто. Александръ Андреевичъ сталъ ближе узнавать людей и увидалъ, что достаются деньги нѣсколько труднѣй, чѣмъ тратятся; понялъ онъ также, что достаются деньги умѣючи, и что для этого надо не быть особенно разборчивымъ въ средствахъ... Онъ такъ и дѣлалъ и, наѣзжая въ обѣ наши столицы, сумѣлъ завести связи, влѣзая въ душу нужнаго человѣка съ той артистической ловкостью, которая со временемъ сдѣлалась его второй натурой. Обладая, кромѣ того, здравымъ смысломъ, вѣрной оцѣнкой людскихъ слабостей и нѣкоторымъ презрѣньемъ къ людямъ и владѣя хорошо рѣчью, Колосовъ скоро пріобрѣлъ репутацію умнаго и даровитаго человѣка, изъ котораго, при случаѣ, можетъ выйти крупный дѣятель...

— Съ вашими способностями служить надо,—говорили ему вліятельные люди.

Колосовъ и самъ былъ отъ этого не прочь; безтолковая, мелкая прожектерская дѣятельность не была ему по душѣ; его натура искала чего-нибудь посолиднѣй и поосновательнѣй... «Большому кораблю большое и плаваніе!»—мечталъ въ тиши кабинета Александръ Андреевичъ и бередилъ своего честолюбиваго червяка, засѣвшаго у него въ сердцѣ...

Удовлетворенный страстью къ женѣ, Александръ Андреевичъ охладѣлъ къ ней, а съ охлажденіемъ онъ сталъ еще болѣе понимать и чувствовать, что такая красавица-жена, какъ Надежда Алексѣевна, въ добрыхъ рукахъ можетъ быть хорошимъ средствомъ для человѣка, собирающагося въ большое плаваніе по морю житейскому. Онъ по-

прежнему былъ ласковъ, любезенъ и внимателенъ, и только развѣ посторонній взглядъ могъ замѣтить, что мужъ глядитъ на жену съ разсчетомъ купца, мечтающаго получить отъ красоты жены немалые проценты.

Во время долгихъ отлучекъ мужа, Надежда Алексѣевна по цѣлымъ мѣсяцамъ жила одна въ деревнѣ. Понятно, что одиночество и скука заставили ее съ удовольствіемъ принимать посѣщенія сосѣда ихъ, молодого, любезнаго князя Вяткина, сына того старца, съ которымъ читатель уже познакомился. Онъ бывалъ у своей сосѣдки почти ежедневно, такъ мягко и осторожно сумѣлъ расшевелить слабыя струны сердца женщины, такъ деликатно сочувствовалъ ея положенію, что Надежда Алексѣевна сперва благодарно глядѣла на молодого человѣка, а потомъ полюбила его...

Со страхомъ ждала Надежда Алексѣевна возвращенія мужа... Горькими страданіями искупала она свою первую невѣрность... Она исхудала и осунулась... Когда пріѣхалъ мужъ, она бросилась къ нему въ ноги и, рыдая, разсказала все, ничего не тая.

Колосовъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ боли оскорбленнаго самолюбія... Въ первую минуту ему стало жутко. Однако благоразуміе и желаніе изо всякаго обстоятельства вытянуть пользу заглушили порывы, и онъ успокоился со стоицизмомъ философа нашего времени. Онъ взглянулъ не безъ презрѣнія на рыдающую жену, и въ практической головѣ его успѣла даже шевельнуться мысль: «я ее прощу, и тогда она у меня совсѣмъ въ рукахъ!»

Онъ поднялъ жену, ласково усадилъ ее, поцѣловалъ и нѣжно шепнулъ, что увлеченіе позволительно, и не ему карать его; кстати понадѣялся, что князь Вяткинъ («хорошо, что еще не какой-нибудь сельскій учитель!»—промелькнуло у мужа) скроменъ на языкъ, и окончилъ рѣчь свою увѣреніемъ, что онъ ничего не помнитъ и любитъ свою Надю попрежнему.

Надежда Алексѣевна ожидала иного пріема. Она ждала упрековъ, брани, гнѣва, пожалуй, даже развода съ мужемъ, который ее броситъ, какъ недостойную жену, и вдругъ, вмѣсто этого,—такое человѣческое отношеніе...

— О Боже, какой ты добрый, Александръ, и какая я гадкая!—рыдала, обливая слезами его руки, растроганная женщина.

— Полно, полно, мое дитя!..—утѣшалъ ее Александръ

Андреевичъ. — Не плачь и перестанемъ объ этомъ говорить...

— Я тебя люблю еще больше... милый ты мой!..

Когда жена нѣсколько успокоилась, Александръ Андреевичъ посовѣтовалъ женѣ принимать молодого Вяткина, какъ будто ничего и не случилось.

— Ты не показывай и виду, Надя, что перемѣнилась къ нему, а то замѣтятъ люди, пойдутъ сплетни... Богъ съ ними... А я вѣрю тебѣ!..

Колосовой былъ нѣсколько страненъ такой проектъ.

— Чему дивишься? Вѣдь нельзя же выгнать человѣка изъ дома... Тогда скажутъ: вотъ бывалъ, а мужъ пріѣхалъ,—пересталъ! и выведутъ Богъ знаетъ какія заключенія... А если ты будешь любезна съ нимъ, никто ничего и не подумаетъ... Я вѣдь о тебѣ, дитя мое, хлопочу!..

Когда пріѣхалъ молодой Вяткинъ, Колосовъ его принялъ отлично, скоро сошелся съ нимъ на ты, и мѣсяца черезъ два занялъ у него десять тысячъ и поѣхалъ въ Москву по дѣламъ... Скоро уѣхалъ и князь, которому надоѣло бывать у сосѣдки только для разговоровъ, и Надежда Алексѣевна снова сидѣла одна въ деревнѣ и часто длинными зимними вечерами горько-горько плакала, повѣряя изрѣдка грустныя мысли своей вѣрной Дашѣ.

Прошло пять лѣтъ. Въ это время супруги успѣли покороче узнать другъ друга, и если не особенно довѣряли другъ другу, то все-же-таки настолько свыклись, что мужъ сквозь пальцы смотрѣлъ на увлеченія жены (увлеченія,—впрочемъ, маленькія,—случались, и жена въ нихъ не каялась такъ искренно, какъ въ первый разъ), а жена, въ свою очередь, охотно хлопотала по дѣламъ мужа, мало-по-малу примиряясь со своимъ положеніемъ; она не любила уже мужа, но привыкла къ нему и слегка его боялась; онъ былъ ласковъ, добръ, ровенъ, ни въ чемъ не отказывалъ ей, и она цѣнила это и подчасъ звала добрымъ папочкой. И жизнь ея текла безъ заботы и огорченій до той поры, пока сильное увлеченіе не захватывало сердце молодой женщины врасплохъ... Она не боролась противъ чувства, а отдавалась ему и тогда ненавидѣла мужа. Задумываясь, волнуясь и плача, она искала исхода. Гдѣ онъ? Оставить мужа? Но развѣ онъ позволитъ? И гдѣ энергія, сила?.. гдѣ она? Въ такія полосы жизни Надежда Алексѣевна проклинала, что вышла замужъ и оставила сцену...

Эти вспышки не пугали мужа. Онъ былъ увѣренъ, что еще одна-другая такая вспышка, еще нѣсколько лѣтъ, и Надежда Алексѣевна станетъ самой милой женой, хотя и не брезгающей любовниками, но не смущающей мужа ни раздирательными сценами, ни намѣреніями въ родѣ побѣга. Глядя на жену, Колосовъ былъ твердо убѣжденъ, что «коникъ обойдется» и будетъ наслаждаться жизнью безъ всякаго скандала...

Однако прошло цѣлыхъ десять лѣтъ, а коникъ не обходился и, какъ читатель видѣлъ, хотя и слабо, но все-жъ протестовалъ.

— Ну, Надя,—сказалъ однажды Колосовъ, чуть-было не попавшій, вслѣдствіе неудавшейся аферы, въ долговое отдѣленіе:—тебѣ надо съѣздить въ Петербургъ...

— Зачѣмъ, Саня? (Полоса была нѣжная). Опять афера? Брось ты ихъ!

— Брошу, Надя... Довольно аферъ! Дѣло теперь болѣе солидное... Ты поѣзжай къ князю Вяткину père'у, попроси жену fils'а, она познакомитъ, старикъ глупый и до барынь охотникъ, пріодѣнься, конечно, и когда père пріѣдетъ къ своей невѣсткѣ, поговори со старцемъ понѣжнѣе, а онъ, Надя, таетъ, какъ снѣгъ въ печкѣ... А я, съ своей стороны, пишу ему письмо... Ты ему и напомни!

Надежда Алексѣевна поѣхала и, встрѣтившись у молодой Вяткиной (съ которой была знакома) съ père'омъ, увлекла старика до того, что онъ проболталъ съ нею цѣлый вечеръ. Въ то время старикъ былъ въ силѣ и шутя исполнилъ просьбу Колосова.

Ему дали хорошее мѣсто въ Грязнопольѣ.

XXVIII.

Колосовы переѣхали въ Грязнополье, завели большое знакомство и зажили открыто. Надежда Алексѣевна на первомъ же балу поразила Грязнополье своей красотой и сразу завоевала себѣ множество поклонниковъ, къ крайней зависти Настасьи Дмитріевны Стрекаловой. Колосовъ давалъ тонкіе обѣды и залѣзалъ въ долги; по счастію, Александра Андреевича скоро назначили опекуномъ одного несовершеннолѣтняго богача, дальняго родственника Колосова, такъ что дѣла почтеннаго опекуна поправились, и онъ даже купилъ у опекаемаго родственника прехорошенькое имѣніе. Къ этому же времени подоспѣли дворянскіе

выборы. Нельзя утверждать, чтобы Колосовъ очень разсчитывалъ на выборъ въ предводители, но и нельзя скрыть того обстоятельства, что Александръ Андреевичъ мѣсяца за два до выборовъ особенно часто кормилъ грязнопольцевъ обѣдами, пилъ со многими брудершафты на «ты», былъ, что называется, душой на распашку и никогда не отказывалъ въ займѣ (а то и самъ предлагалъ) грязнопольцу, нуждающемуся въ деньгахъ.

Наконецъ насталъ день выборовъ. Очевидцы разсказывали, что когда въ залѣ раздался говоръ: «Колосова, Колосова выбрать!», то на лицѣ Александра Андреевича выразилось недоумѣніе, точно онъ не могъ и ожидать этой чести, онъ весь какъ-то съежился, принизился; но когда въ залѣ послѣ баллотировки громогласно объявили, что Колосовъ избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Александръ Андреевичъ поднялся съ мѣста и въ этотъ мигъ словно выросъ въ глазахъ дворянъ. Собраніе утихло, и Александръ Андреевичъ своимъ нѣжнымъ, мягкимъ голосомъ сказалъ трогательную рѣчь, въ которой благодарилъ за честь, но...

— Но,—прибавилъ маленькій Пій:—я, господа, какъ вамъ извѣстно, не имѣю большого состоянія, а потому быть достойнымъ предводителемъ достойнаго грязнопольскаго дворянства мнѣ невозможно. Еще разъ, господа, благодарю отъ всей души за честь и довѣріе (Александръ Андреевичъ съ чувствомъ приложилъ руку къ лѣвой сторонѣ груди), которыми вы меня почтили, но, къ сожалѣнію, я долженъ отказаться...

Само собою разумѣется, господа дворяне были съ этимъ несогласны. Во-первыхъ, имъ такъ понравилась рѣчь, а во-вторыхъ, имъ очень хотѣлось обѣдать. Они прослезились и не безъ гордости заревѣли, что у нихъ, слава Богу, есть деньги и что изъ-за этакихъ пустяковъ нечего и разсуждать.

Александръ Андреевичъ тоже прослезился и заявилъ, что онъ «понимаетъ и чувствуетъ такое довѣріе и надѣется оправдать его». Дворянство положило давать своему предводителю по 12,000 рублей въ годъ.

Съ тѣхъ же поръ Колосовъ сталъ показывать, что онъ оправдываетъ довѣріе. Онъ зажилъ царькомъ и для того, чтобы поддержать свое званіе, сталъ хозяйничать съ общественными дворянскими суммами, точно со своими. Господа дворяне пожирали у своего предводителя такіе

обѣды, что съ восторгомъ разсказывали другъ другу о томъ, какъ умѣетъ Колосовъ жить. Если же до Александра Андреевича доходили изрѣдка слухи, что недовольные (а гдѣ ихъ нѣтъ?) ругаютъ его и замѣчаютъ, что «какъ-то онъ отдастъ отчетъ въ суммахъ», то Колосовъ на это съ олимпійскимъ спокойствіемъ замѣчалъ:

— Дураки! Я ихъ кормлю, а они же ругаютъ!.. Небойсь, прикусятъ языки, когда я имъ отдамъ отчетъ...

Однимъ словомъ, почтеннѣйшій Александръ Андреевичъ нисколько не сомнѣвался, что сумѣетъ отдать отчетъ...

Въ обществѣ Колосова боялись и уважали. Конечно, бывали люди и не любившіе его, но большинство преклонялось передъ нимъ, какъ передъ человѣкомъ сильнаго ума. Предмѣстникъ нынѣшняго градоначальника, очень мягкій военный генералъ, даже побаивался его. Скоро Александра Андреевича узнали и оцѣнили въ Петербургѣ; тамъ онъ заслужилъ особенное расположеніе послѣ того, какъ Александръ Андреевичъ энергическими мѣрами предупредилъ возникшее-было между крестьянами недоразумѣніе... За такое усердіе, выказанное въ горячее время (это было вскорѣ послѣ освобожденія), въ Петербургѣ ему пожали руку и назвали «почтеннѣйшимъ Александромъ Андреевичемъ». Подвигъ этотъ очень высоко поднялъ Колосова въ глазахъ всего грязнопольскаго общества, глядѣвшаго съ тѣхъ поръ на Александра Андреевича, какъ на героя, хотя военное начальство и даже самъ военный генералъ были нѣсколько въ претензіи на Александра Андреевича, помѣшавшаго военнымъ людямъ дать случай и имъ показать свою отвагу и распорядительность. Впрочемъ, впослѣдствіи Александръ Андреевичъ и другимъ предоставилъ случай: онъ былъ человѣкъ деликатный и разсчетливый и не хотѣлъ мѣшать и другимъ показать себя съ хорошей стороны. Однажды Александръ Андреевичъ узналъ, что въ одномъ бѣдномъ селѣ крестьяне собираютъ сходки и на сходкахъ этихъ толкуютъ о переселеніи въ какія-то благодатныя страны, гдѣ «земля хлѣбъ родитъ и гдѣ податей не сбираютъ». Александръ Андреевичъ немедленно далъ знать объ этомъ Иліодору Ѳедоровичу и сумѣлъ въ такихъ краскахъ нарисовать картину недовольства, что даже мягкій Иліодоръ Ѳедоровичъ разсердился и принялъ «мѣры», за которыя его поблагодарили...

Послѣ этого событія Иліодоръ Ѳедоровичъ сталъ весьма

признателенъ Колосову, и бывшія между ними недоразумѣнія разсѣялись, какъ дымъ.

Такъ-то, не безъ препятствій, не безъ бурь дожилъ Александръ Андреевичъ до настоящаго; жизнь его была полна уроковъ, и онъ пользовался ими. Недавно, передъ тѣмъ, какъ началъ Колосовъ хлопотать о предсѣдательствѣ въ управѣ, онъ ѣздилъ въ Петербургъ и заикнулся-было о «высокомъ постѣ», но тамъ ему сказали: «молодъ, послужи-ка еще», и Колосовъ вернулся въ Грязнополье, готовый еще послужить...

XXIX.

Лампадовъ закатился на цѣлую недѣлю и, несмотря ни на какія увѣщанія матери, не переставалъ пьянствовать. Съ утра, опохмелившись, уходилъ онъ изъ дома и къ обѣду возвращался совсѣмъ готовый; мать укладывала его спать, поила огуречнымъ разсоломъ и ругала его всяческими ругательствами, пока не убѣждалась, что ея брань ему, что стѣнѣ горохъ. Наконецъ на седьмой день онъ отрезвѣлъ, и когда мать стала стращать его, что предводитель наконецъ потеряетъ терпѣніе и выгонитъ пьяницу со службы, Иванъ Петровичъ, обыкновенно робкій и безотвѣтный передъ матерью, теперь напустилъ на себя отважный видъ и, охорашиваясь, сказалъ:

— Это еще мы, маменька, посмотримъ!

— Чего смотрѣть-то? Станетъ онъ на тебя, на дурака пьянаго, смотрѣть?

— Вы, маменька, потише... Этакіе дураки всѣмъ дворянствомъ орудуютъ, а вы: дураки!.. Потише, маменька!— хорохорился Иванъ Петровичъ.

Старуха отъ удивленія, при этихъ рѣчахъ, крестилась и отплевывалась.

— Да ты, любезный, спятилъ, что ли?

— Нѣтъ, маменька, я не спятилъ, а онъ у меня, маменька, вотъ гдѣ!—не унимался Лампадовъ, сжимая свой кулакъ и показывая, что Колосовъ у него тамъ спрятанъ.—Одно слово скажу, и предводителя въ тартарары... Слышали это?..

Старуха въ самомъ дѣлѣ начинала думать, что бѣдный ея сынъ рехнулся.

— Я молчалъ, долго молчалъ и буду молчать, но только ежели ты хочешь бѣдному человѣку въ душу залѣзть и душу продать дьяволу, тогда слуга покорный... Шалишь, ваше превосходительство! Дудки!..

— Ваня, Иванъ Петровичъ! Да Господь съ тобой, что ты это несообразное говоришь... ну гдѣ тебѣ, бѣдненькому, предводителя осилить?.. Усни опять, еще не выспался!..

— Нѣтъ, маменька!.. Конечно, я назюзился, но только теперь въ твердой памяти, а вы лучше вотъ что скажите: могу я понравиться дѣвицѣ?..

— Это еще какія новости?

— А такія! Пойдетъ за меня портниха Феничка замужъ?

— Да проспись ты лучше, Иванъ Петровичъ, а то болтаешь, какъ очумѣлый... Нашелъ—портниху!.. Глупый! За тебя лучше кто пойдетъ, съ приданымъ...

— Не надо мнѣ лучше!.. Впрочемъ, и портниха не пойдетъ... Любовь!..—какъ-то кисло прибавилъ Лампадовъ.— Н-н-н-нѣтъ! Его превосходительство ошибутся... Шалишь, другъ!..

Иванъ Петровичъ до того расходился, что даже сталъ кричать и стучать по столу кулакомъ. Въ это время пришелъ отъ Колосова слуга и принесъ записку, въ которой Колосовъ снова напоминалъ объ «извѣстномъ дѣлѣ». Лампадовъ прочелъ записку, хватилъ сразу рюмки три водки, одѣлся и вышелъ изъ дому.

Сперва онъ было-думалъ отыскать прямо Крутовского и просить помѣстить въ сатиру своего покровителя, но потомъ почему-то раздумалъ и повернулъ къ слободкѣ, по дорогѣ къ Галкину переулку, гдѣ жилъ портной Кошельковъ. Нѣсколько поблѣднѣвшій отъ недѣли запоя, Иванъ Петровичъ быстро шагалъ по улицѣ, придумывая самые различные планы, чтобы спасти Феничку отъ ожидавшей ее участи. На «сатиру» онъ хотя и надѣялся, но мало. Сказать отцу? Пьяный человѣкъ только обрадуется! «Эхъ, кабы да деньги были!—вслухъ пожалѣлъ Иванъ Петровичъ.—Пусть бы жила и вспоминала Ивана Петровича!» Храбрость Лампадова, выказываемая имъ при матери, прошла послѣ полученной записки, и онъ очень хорошо чувствовалъ, что не ему, маленькому человѣку, сталкиваться съ Александромъ Андреевичемъ...

Лампадовъ пришелъ въ слободку и остановился передъ невзрачнымъ домикомъ, надъ воротами котораго была прибита полинялая отъ дождя небольшая вывѣска: «Портной Андронъ Кошельковъ изъ Санктъ-Петербурха». Иванъ Петровичъ черезъ калитку вошелъ въ грязный дворикъ, потомъ повернулъ въ маленькій проулокъ, образовавшійся

двумя нагнувшимися другъ къ другу ветхими флигельками, и не безъ нѣкотораго волненія отворилъ двери одного изъ нихъ, предварительно оправивъ свои рыжеватые волосы. Очутившись въ теплыхъ вонючихъ сѣнцахъ, Иванъ Петровичъ ощупью нашелъ дверную ручку и вошелъ въ мастерскую. Это была небольшая низкая комната о двухъ окнахъ, въ которой работали четверо мастеровыхъ, сидѣвшихъ съ поджатыми ногами на нарахъ. Несмотря на отворенныя окна, въ мастерской было смрадно и душно.

— Андронычъ дома?—спросилъ Лампадовъ, входя въ мастерскую.

— Нѣтъ его!—сухо отвѣтилъ одинъ изъ мастеровыхъ, молодой блондинъ.

— Давно ушелъ?..

— Со вчерашняго дня!..

— А Федосья Андроновна?..

Блондинъ опять искоса поглядѣлъ на Ивана Петровича.

— Да вамъ ее на что?

— Значитъ надо, когда спрашиваютъ!..

Блондинъ нехотя всталъ съ мѣста и ушелъ въ сосѣднюю дверь, а Иванъ Петровичъ пока закурилъ папироску, усѣвшись на стулъ.

Черезъ минуту изъ сосѣдней комнаты вышла Феничка, очень молодая и красивая дѣвушка, скорѣй даже дѣвочка, несмотря на свои двадцать лѣтъ; выраженіе ея лица было совсѣмъ дѣтское, особливо улыбка ея, такая ребячья, искренняя... Вся-то она была маленькое, худощавое, граціозное созданье съ худенькимъ личикомъ, слегка зарумяненнымъ; бѣлокурые волосы были аккуратно причесаны и подобраны гладко назадъ, а пара большихъ прекрасныхъ синихъ глазъ глядѣла на міръ Божій съ такимъ дѣтски-пугливымъ выраженіемъ, что довольно было разъ взглянуть на эти глаза, чтобы сказать, что хозяйка ихъ совсѣмъ забитое созданье.

Увидавъ Лампадова, Феничка сконфузилась.

— Здравствуйте, Федосья Андроновна!..—проговорилъ Иванъ Петровичъ, робко подавая свою руку.—Какъ здоровье ваше?..

— Благодарствуйте...

— Папеньки нѣту?..

— Нѣту-съ.

— Скажите ему, пожалуйста, что я былъ, вѣдь вы меня знаете?

— Знаетъ!—вступился блондинъ мастеровой.

— Не съ тобой говорятъ!..—сухо обратился Иванъ Петровичъ къ блондину.—Такъ скажите папенькѣ, что я прошу его зайти ко мнѣ: платье, молъ, заказать.

— Угодно-съ, и я могу мѣрку снять?..

— Нѣтъ, не угодно-съ. Такъ скажете? Да кромѣ того, маменька проситъ васъ зайти платки подрубить... можете-съ?..

— А затѣмъ прощайте-съ, Федосья Андроновна!..

— Могу-съ...

И Лампадовъ ушелъ, оставивъ блондина въ весьма дурномъ расположеніи духа. Блондинъ давно любилъ и былъ любимъ Феничкой, но отецъ ея, старый пьяница, не выдавалъ дочь замужъ за человѣка, у котораго и сапогъ нѣтъ. Феничка не смѣла ослушаться, а Аѳанасій (такъ звали блондина) ужъ второй годъ копилъ деньги, но скопилъ всего двадцать рублей. Недавно онъ прослышалъ черезъ кухарку Лампадова о томъ, что предводителю понравилась его невѣста, и горю его не было границъ. Онъ былъ ревнивъ, и всякій человѣкъ, разговаривавшій съ Феничкой, былъ его врагомъ; теперь же, послѣ прихода Лампадова, котораго онъ зналъ, самыя ужасныя подозрѣнія закрались въ сердце мастерового.

— Не ходи, смотри, туда!—сказалъ Аѳанасій Феничкѣ, послѣ ухода Ивана Петровича.

— Отчего?

— Оттого!.. Развѣ не знаешь, кто онъ? Секлетарь предводительскій!

Феничка испуганно взглянула на Аѳанасія и дала слово не ходить. Она знала Лампадова, какъ давальца ея отца и человѣка крайне къ ней ласковаго, но, конечно, не имѣла никакого понятія о его служебномъ положеніи.

— И отцу не говори, что звалъ.

— Хорошо.

— Я самъ скажу... Эхъ, Феня, Феня... не судьба, видно,—вздохнулъ Аѳанасій, крѣпко обнимая пугливую Феничку.

Иванъ Петровичъ былъ радъ, что не засталъ дома Феничкина отца. «По крайней мѣрѣ, опять скажу,—думалъ онъ:—что, молъ, дома нѣтъ... Эхма, горе ты, горе!..»—вздохнулъ Иванъ Петровичъ и направился домой. Дома онъ усидчиво работалъ до вечера, отнесъ къ Колосову бумаги, а самъ опять закатился въ трактиръ. Онъ спросилъ себѣ пуншу

и велѣлъ завести органъ. Подъ вліяніемъ музыки и пунша Иванъ Петровичъ какъ-то размякъ, и его свѣтленькіе глазки мигали отъ набѣгавшихъ слезъ. Нѣсколько позднѣе въ трактиръ пришелъ Крутовской. Лампадовъ его замѣтилъ и подсѣлъ къ нему...

— Г. Крутовской, кажется?

— Онъ самый, что вамъ угодно?

— Угодно мнѣ... Нѣтъ-съ, лучше по порядку... Вы меня знаете?

— Гдѣ-то видѣлъ!

— Лампадовъ-съ... еще въ газетахъ обругали...

— Можетъ-быть!—со смѣхомъ отвѣчалъ Крутовской.

— Конечно, это обидно-съ, но только Богъ вамъ судья!—какъ-то робко говорилъ Иванъ Петровичъ.—А у меня къ вамъ просьба, отпечатайте-ка вы въ газетахъ предводителя...

— Вашего начальника?—усмѣхнулся Крутовской.

— Именно, но только такъ отпечатайте, чтобы его пробрало!—съ чувствомъ злобы сказалъ Лампадовъ.

— За что?—съ любопытствомъ спросилъ Крутовской.

Тогда Иванъ Петровичъ разсказалъ ему про намѣреніе предводителя.

— Что за гнусность!—вскрикнулъ Крутовской, и его маленькіе глазки уже метали молніи. — И вы согласились быть сводникомъ этого ребенка? Я вѣдь тоже Феничку знаю, она женѣ работаетъ...

— Мы люди маленькіе...

— Вѣдь это... это подло, г. Лампадовъ!—съ негодованіемъ сказалъ Крутовской, взглядывая на хмельного чиновника съ явнымъ презрѣніемъ.

Лампадовъ ничего не отвѣтилъ на это, а только какъ-то кисло улыбнулся.

— Вы вотъ думаете, г. Крутовской, что мы и понимать ничего не можемъ! — сказалъ онъ, немного погодя.—Нѣтъ-съ, понимаемъ, какова она должность сводника. Грязь-то эту я не хуже вашего вижу! Можетъ-быть, мнѣ и больше вашего жаль Феничку, да только вѣдь я тварь: хочется и ѣсть, и пить, и въ преферансикъ иной разъ сыграть. Уклонись я теперь явно, и онъ отъ меня уклонится. Что тогда будетъ?—какъ бы самого себя спрашивалъ Иванъ Петровичъ.—А вѣдь на рукахъ у меня, батюшка вы мой, мать! Сегодня опять ругать за дебошъ будетъ,—добродушно усмѣхнулся Иванъ Петровичъ.—

Вѣдь что я буду, коли мѣсто отымутъ, что? Вотъ вы меня въ газетахъ пропечатали, вамъ-то смѣшно, а если бы меня бы изъ-за сатиры вашей въ шею выгнали, а?—улыбался совсѣмъ сквозь слезы Иванъ Петровичъ, потягивая пуншъ.—Вѣдь пришлось бы на улицу: пожалуйте отставному чиновнику!.. Смѣшно бы было, ась?..

Лампадовъ помолчалъ и посмотрѣлъ на Крутовского.

Крутовской скорѣй съ состраданіемъ, чѣмъ съ презрѣніемъ, глядѣлъ теперь на своего собесѣдника, котораго онъ въ корреспонденціи изображалъ тонкой шельмой.

— Вѣдь и я, г. сочинитель, божья тварь и, скажу по совѣсти, отъ природы не золъ, но только своими боками знаю, что самую эту глупую жалость кинуть нашему брату надобно. Ибо будешь ты другихъ жалѣть, самъ безъ сапогъ останешься, ну, и коли тебя не жалѣютъ,—а меня не жалѣли!—и ты жалѣть не станешь! Вѣрно ли я говорю?

Крутовской рѣзко кивнулъ головой.

— А предводитель меня призрѣлъ. Я какъ получилъ волчій паспортъ (каюсь, за несоблюденіе казеннаго интереса былъ уволенъ... не соблюдалъ-съ, хе-хе-хе... не соблюдалъ-съ), такъ хоть волкомъ вой первое время; я, г. сочинитель, воровалъ помаленьку на прокормленіе и ничего не скопилъ-съ! а Александръ Андреевичъ призрѣли, оцѣнивъ меня. Работать я мастеръ... Но только какъ я ему ни благодаренъ, а въ сатиру его прошу помѣстить, потому такое это грязное дѣло... дѣвушку жаль...

Несмотря на цинизмъ признанія, Крутовской почти что съ любовью смотрѣлъ на этого бѣднаго человѣка. И какой жалкой, глупой показалась ему, послѣ рѣчей Лампадова, его корреспонденція, обличавшая забитаго человѣка. Глядя на пьяноватаго чиновника, какъ будто говорившаго: «ну, вотъ я весь тутъ, я воришка, я и сводникъ—казни меня, если можешь», Крутовскому невольно вспомнился стихъ Некрасова: «бичуя маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ», и онъ, прежде радовавшійся хлесткости своей статьи о Лампадовѣ, теперь смотрѣлъ на нее, какъ на нѣчто дѣтское, глупое и злое...

— Вы, Иванъ Петровичъ, протяните это дѣло еще недѣльки двѣ... можно? А я тѣмъ временемъ денегъ достану, быть-можетъ. Отца уломаемъ, чтобы Феничку отдалъ замужъ, да и спровадимъ отсюда на время.

— Со дна достанетъ: такой человѣкъ. Что̀ зарубитъ, по-

дай. Конечно, если сатира... въ городѣ станутъ говорить, быть-можетъ, и испугается.

— А все попробуйте. За сатирой, какъ вы говорите, дѣло не станетъ.

— Перо ваше, могу сказать, острое. Прежде я негодовалъ, ну, а тамъ, знаете ли, пересталъ... но перомъ восхищенъ... Перо доброе... Выпьемъ-ка...

Они выпили.

— А насчетъ волокиты ужъ я съ мѣсяцъ дѣло волочу. Можно и еще двѣ недѣльки протянуть, у насъ теперь время горячее—выборы. Дай вамъ только Богъ денегъ достать, да отца уломать,—корыстенъ только онъ! И отъ меня лепту на дѣло это примите; рублей пятьдесятъ какъ-нибудь ухитрюсь отъ маменьки вытянуть. Я вѣдь слабъ-съ, запиваю, и маменька меня въ страхѣ держитъ!—признавался, добродушно моргая глазками, Иванъ Петровичъ.—На руки больше трехрублевой не отпускаетъ!.. Говоритъ: пропьешь. И правду говоритъ: пропью!

Крутовской протянулъ Ивану Петровичу руку и крѣпко ее пожалъ.

— Тоже вѣдь и я тварь!.. И скажу вамъ по совѣсти, г. сочинитель, я суть понимаю и вижу, что коли ты меня бить станешь, мнѣ больно сдѣлается, и я бить кого-нибудь стану, и такъ будемъ мы, г. сочинитель, лупцовать другъ дружку, пока до послѣдняго скота не доберемся. Мы все это поняли своими боками: безъ капитала ты,—тебя бьютъ, съ капиталомъ,—самъ бьешь... Вотъ вы многому учились, видно, и перо бойкое, а какой у васъ чинъ?

— И вовсе нѣтъ!—усмѣхнулся Крутовской.

— То-то и есть!.. Поди же, и вамъ нелегко хлѣбъ насущный достается? И я въ семинаріи былъ, сперва учился, но послѣ бросилъ, тоже желательно было вкусно поѣсть и попить. А вы сатиру, чтобы первый сортъ! Потому Феничку жаль... Вѣдь я... говорить, что ли? Ну, да все равно!.. Вѣдь я... конечно, что я изъ себя, можно сказать, дрянь, а тоже имѣю сердце и, знаете ли... въ законный бракъ не прочь бы съ Федосьей Андроновной. То-есть какъ бы, кажется, берегъ ее. Пить бы бросилъ,—робко, совсѣмъ конфузясь, признавался рыжій, невзрачный человѣкъ.—Но только куда намъ съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ... Молода, въ Саксоніи не была... Эй, любезный!—крикнулъ Лампадовъ половому:—ну-ка, «не бѣлы снѣги»!

За полночь они вышли изъ трактира. Иванъ Петровичъ такъ плохо держался на ногахъ, что Крутовской усадилъ его на извозчика и бережно довезъ до квартиры, гдѣ и сдалъ на руки поджидавшей его матери.

XXX.

Крутовской всякую гадость принималъ близко къ сердцу. Разсказъ Лампадова взволновалъ его, и онъ рѣшился во что бы то ни стало спасти бѣднаго ребенка. Но какъ? Ну, положимъ, онъ напишетъ статью, рѣзкую, громовую... Принесетъ ли только она пользу?.. Въ первый разъ въ жизни теперь Крутовской какъ будто и самъ усомнился въ большой пользѣ того дѣла, которое онъ дѣлаетъ... Неужели и помочь невозможно?—спрашивалъ онъ себя съ какимъ-то страннымъ, помимо его воли, закрадывающимся въ сердце сомнѣніемъ... «Надо непремѣнно достать денегъ!» Но тутъ Крутовской горько улыбнулся; онъ самъ еле перебивался и, потерявъ изъ-за рѣзкой статьи о желѣзной дорогѣ мѣсто, успѣлъ, дожидаясь денегъ за свои корреспонденціи, производившія фуроръ, перезаложить все, что только было можно. «Черемисовъ достанетъ! Онъ и придумаетъ, какъ помочь Феничкѣ!»—вспомнилъ Крутовской и хотѣлъ-было сейчасъ же бѣжать къ Глѣбу. «А отчего же не я? Точно безъ него и обойтись нельзя!..—начинало грызть самолюбьице.—И зачѣмъ я пойду первый... Нѣтъ, вздоръ!» И Крутовской круто свернулъ съ дороги къ стрекаловскому дому. «Пусть жена ему напишетъ, если я ничего не сдѣлаю!»—разсуждалъ Крутовской. Самолюбіе мелкое, пошлое, во второй разъ помѣшало ему протянуть руку пріятелю.

Недовольный, раздражительный пришелъ онъ домой. Людмила Николаевна встрѣтила его со слезами на глазахъ и молча подвела къ постели ребенка. Ребенокъ горѣлъ и лежалъ въ бреду. Людмила Николаевна не сказала ни слова и только грустно-грустно глядѣла на мужа. Крутовского взорвалъ этотъ молчаливый взглядъ, въ которомъ онъ успѣлъ замѣтить упрекъ.

— Ну, что ты такъ смотришь?... Ну, боленъ ребенокъ, доктора надо!..

— Я тебя ждала, Володя...

— Да что я привязанъ, что ли, къ тебѣ, Люда? Точно я и со двора уйти не смѣй. Подъ юбкой, что ли, сидѣть долженъ?—раздражительно крикнулъ Крутовской.

— Ты меня не понялъ!—тихо шепнула Людмила Николаевна.—Денегъ у меня нѣтъ!..

— Гдѣ же деньги?..

— Вышли всѣ!..—еще тише говорила жена.

— Ну, что же, ты бы все же могла послать за докторомъ, послѣ отдадимъ, а то слезы, вѣчныя слезы. Это что за жизнь!—громко крикнулъ Крутовской.

— Тише, тише, Володя,—умоляла жена.—Онъ спитъ, разбудишь!

— Да что онъ у насъ, герцогъ, что ли, какой?

— Сынъ нашъ!..

— И безъ тебя знаю, что сынъ, а я спрашиваю, герцогъ онъ, что ли?—кипятился Крутовской, искавшій случая на комъ-нибудь выместить досаду.

Людмила Николаевна тихо плакала.

— Опять?—какъ-то злобно крикнулъ Крутовской и выбѣжалъ изъ дому за докторомъ.

И досада, и тоска, и какая-то безпричинная досада на жену поперемѣнно грызли истерзанное сердце безпокойнаго, нервнаго человѣка.

Крутовской сунулся къ лучшему грязнопольскому доктору. Сказали, что спитъ.

— Разбудить!—чуть не крикнулъ на лакея Крутовской.

— Не велѣли...—заикнулся-было лакей.

— Будите!—съ такой злобой прошипѣлъ Крутовской, что лакей не безъ удивленія посмотрѣлъ на маленькаго господина и пошелъ будить доктора.

— Кто зоветъ?—спрашивалъ нѣмецъ-докторъ, высовывая изъ-подъ одѣяла лысую, солидную и благообразную физіономію въ бѣломъ колпакѣ.

— Не знаю-съ... Какой-то господинъ... сердитый...

— И ночью покоя нѣтъ!—сквозь сонъ промычалъ докторъ.—Узнай!..

— Ну, что, разбудилъ?—накинулся Крутовской на лакея, возвратившагося изъ кабинета.

— Просятъ узнать вашу фамилію!..

— Господи, что за прохвость! Его зовутъ, а онъ фамилію. Скажи: графъ Потелицынъ...—отчеканилъ Крутовской, улыбаясь своей подвижной физіономіей.

— Графъ Потелицынъ!—докладывалъ лакей снова заснувшему доктору.—Карлъ Карлычъ!.. Проснитесь!..

— А, а... что такое?..

— Васъ просятъ къ больному...

— Кто такой?

— Графъ Потелицынъ!..

— Графъ Потелицынъ?.. Странная фамилія. Вѣрно, пріѣзжій?.. Подавай одѣваться.

Докторъ не спѣша одѣлся и вышелъ, одѣтый точно на раутъ. Платье было новенькое, туго накрахмаленные воротнички, свѣжести только-что выпавшаго снѣга, подпирали его плотную широколобую голову. Онъ вѣжливо поклонился и промолвилъ:

— Я къ вашимъ услугамъ, графъ...

— Ѣдемте!

Они вышли и сѣли на извозчика.

— Вы давно изволили пріѣхать?..—освѣдомлялся докторъ у своего спутника.

— Давно... Два года здѣсь живу...

— Странно... Какъ это до сихъ поръ я нигдѣ не имѣлъ чести васъ встрѣчать...

— Не приходилось...

«Эксцентричный графъ!»—подумалъ докторъ, благоразумно умолкая.

Пріѣхали. Вошли. «Странный графъ!» — думалъ докторъ, оглядывая бѣдныя комнаты. Людмила Николаевна бросилась навстрѣчу и повела доктора къ ребенку. Докторъ постукалъ по животу, сперва разъ, и покачалъ головой, потомъ постукалъ по спинѣ другой разъ и опять покачалъ головой. Ребенокъ проснулся. Докторъ спросилъ, какъ онъ поживаетъ, но ребенокъ вмѣсто отвѣта заоралъ благимъ матомъ. Мать было-стала его уговаривать, а докторъ снисходительно замѣтилъ:

— Въ первый разъ видитъ доктора, графиня!

Сперва Людмила Николаевна не обратила никакого вниманія на то, что ее называли графинею, но затѣмъ часто повторяемый титулъ заставилъ ее взглянуть на мужа. Крутовской едва удерживался отъ улыбки.

— Ну, что?..

— Опасности нѣтъ никакой, графъ... Маленькій катарръ легкій... сѣтчатый оболочка поврежденъ... мы пропишемъ беладонъ съ сиропъ и два гранъ хинъ, и болѣзнь приметъ свое теченіе.

Докторъ прописалъ лѣкарство и собирался уѣзжать.

— Будьте спокойны... у ребенка ничего опаснаго нѣтъ. Черезъ два дня будетъ здоровъ!—говорилъ онъ, раскланиваясь любезнѣйшимъ образомъ.

— Спасибо, докторъ,—пожалъ ему руку Крутовской:— но только деньги я вамъ пришлю не раньше недѣли... Теперь нѣтъ... И въ заключеніе я долженъ извиниться, я вовсе не графъ...

— А кто же?—не безъ испуга спросилъ докторъ, ворочая своими телячьими бѣлками.

— Да простой смертный, по фамиліи Крутовской.

— Милостивый государь... Сожалѣю, что такой мистификація...

— И я сожалѣю, но я зналъ, что иначе вы бы не поѣхали. Васъ звали къ больному, а вы спрашиваете фамилію, ну, я и назвался графомъ!—улыбнулся Крутовской.

Докторъ уѣхалъ и до самаго дома не могъ придти въ себя отъ изумленія. Онъ разругалъ лакея безъ всякой причины и, надѣвая колпакъ, съ задумчивостью повторялъ:

— O mein Gott, mein Gott, какой нынче молодежь нахальная сталъ...

И на утро записалъ этотъ случай въ свою записную тетрадь, озаглавивъ его «Мистификаціонный случай».

XXXI.

Послѣ отъѣзда доктора, Крутовской долго еще смѣялся и пошелъ въ аптеку; вернувшись, онъ подсѣлъ къ женѣ и, обнимая ее, сказалъ:

— Люда, прости меня, голубчикъ; я чортъ знаетъ что наговорилъ... прости!

— Я не сержусь, Володя...

— Не сердись... Просто такая досада давеча была, такое раздраженіе... извини...

И Крутовской снова нѣжно и искренно обнялъ Людмилу Николаевну. Она изъ любви къ мужу удерживала готовыя вырваться изъ груди рыданья и утирала глаза.

— Что тебѣ докторъ говорилъ?.. Ничего опаснаго?

— Завтра Володька будетъ здоровъ. Простой легкій гриппъ, который для важности нѣмецъ назвалъ катарромъ легкихъ...

— Правда? — испуганно допрашивала Людмила Николаевна.

— Успокойся, правда... Правда, моя милая графиня!..

И Крутовской не безъ смѣха разсказалъ о своей продѣлкѣ съ докторомъ и объ удивленіи нѣмца.

— Да вотъ еще что... да ты что же, Люда?..

Крутовской остановился. Людмила Николаевна истерически рыдала. Ее поражали такіе рѣзкіе переходы въ характерѣ мужа. Легкость, съ которою онъ отъ тяжкаго упрека переходилъ къ ласкѣ и смѣху, больно кольнула ее... Давно скрываемое подозрѣніе, что мужъ ее не очень любитъ, снова всплыло наружу, и слезы, горькія слезы лились изъ глазъ молодой женщины, облегчая ея горе. Онъ нѣжно взялъ ея руки, гладилъ ихъ и, словно ребенка, сталъ успокаивать, называя самыми нѣжными именами... Она улыбнулась сквозь слезы.

— Любишь ли ты меня, Володя?—съ какой-то странной, недовѣрчивой улыбкой спросила она, робко пряча свое лицо на его груди.

— А то нѣтъ?..

— Странный ты какой-то...

— Уже такой, Люда, уродился...

— Знаешь ли что? вѣдь я тебѣ не пара!—тихо, совсѣмъ тихо шепнула Людмила Николаевна.

Крутовской промолчалъ. Она ждала, что онъ станетъ спорить. Нѣсколько минутъ прошло, оба молчали.

— Ты часто раскаиваешься, что женился на мнѣ? Скажи, часто? — наконецъ заговорила Людмила Николаевна.

— Полно тебѣ, Люда, вздоръ городить...

— Нѣтъ, Володя, не отвиливай... Правду, по совѣсти, скажи!..

И она смотрѣла своими ясными, чистыми глазами въ лицо обожаемаго Володи.

— Что же ты молчишь?

— Да полно, Люда, глупости спрашивать...

— Раскаивался?.. сожалѣлъ?..

— Да нѣтъ же...

— Никогда?..

— Никогда!—промолвилъ Крутовской, цѣлуя жену.

Людмила Николаевна нервно бросилась къ нему на шею и, крѣпко стиснувъ, прошептала:

— Если-бъ ты только зналъ, какъ я тебя люблю!

Она повеселѣла. Крутовской разсказалъ ей о встрѣчѣ съ Лампадовымъ и о Феничкѣ и, конечно, нашелъ въ женѣ самаго сочувственнаго помощника. Она завтра же обѣщала написать Черемисову и вмѣстѣ съ нимъ сходить къ Феничкѣ, и если та согласится, пригласить ее къ себѣ, пока

не устроится дѣло. Она заранѣе надѣялась на успѣхъ и дѣтски радовалась случаю быть полезной ближнему.

— Черемисовъ достанетъ денегъ... Онъ добрый... Отчего ты самъ не сходишь къ нему и первый не протянешь руки? Вѣдь ты виноватъ, Володя?

— Схожу, Люда, но не теперь... послѣ...

— Ну, хочешь, я помирю васъ?..

— Нѣтъ, Люда, ни слова обо мнѣ не говори...

— Экій ты какой...

— Гадкій?—подсказалъ Крутовской.

— Самолюбивый! — покраснѣла Людмила Николаевна и, сказавъ это, испугалась: не обидѣла ли она своего Володю?

— Полюби насъ черненькими, а бѣленькими всякій полюбитъ!—засмѣялся Крутовской, уходя въ кабинетъ.

Онъ сейчасъ же засѣлъ за столъ и сталъ писать. Онъ писалъ скоро, нервно и при этомъ возбуждался во время работы до того, что злость, казалось, сама капала съ его пера. Когда онъ кончилъ и прочелъ, то даже самъ удивился желчи и яду, которыми былъ пропитанъ его небольшой разсказъ о предводителѣ Донъ-Жуанѣ. Читая этотъ разсказъ, казалось, что такого злодѣя, какъ Колосовъ, еще свѣтъ не родилъ, и что ему мало висѣлицы, и все это описывалось страстнымъ, убѣжденнымъ языкомъ подъ диктовку горячо возмущеннаго сердца.

Вмѣстѣ со статьей Крутовской послалъ въ редакцію письмо, въ которомъ ругался безпощадно за невысылку стараго гонорара и требовалъ немедленно выслать деньги. «Теперь редакторъ, навѣрно, вышлетъ. Небойсь, проберетъ его трехэтажную шкуру!» — наивно надѣялся Крутовской, запечатавъ письмо, и, усталый, бросился въ постель.

Людмила Николаевна еще долго сидѣла у постели сына, и только убѣдившись, что жаръ спалъ, она раздѣлась и легла, счастливая послѣ объясненія съ мужемъ. Она уже совсѣмъ забыла о прошлой сценѣ, а только помнила его ласковые взгляды и его увѣренья, что никогда раскаянье не закрадывалось въ его сердце. Людмила Николаевна тихо заснула съ мыслью о мужѣ и сынѣ.

XXXII.

Насталъ давно ожидаемый день выборовъ. Грязнополье оживилось. По большой Дворянской улицѣ то и дѣло сновали экипажи съ господами избирателями, спѣшившими

въ дворянское собраніе. Въ большой залѣ собранія замѣтно было нѣкоторое оживленіе; раздѣлившись на группы, гг. избиратели громко толковали о выборахъ; въ одной группѣ раздавался громкій хохотъ: бесѣда шла нецензурная. Грязнопольскія дамы, собравшіяся на хорахъ, лорнировали мужчинъ, и многія не безъ трепета ждали исхода выборовъ, отъ которыхъ зависѣла лишняя одна-другая тысяча въ домашнемъ бюджетѣ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго появился Колосовъ въ парадномъ мундирѣ и любезно пожималъ руки направо и налѣво, отыскивая кого-то глазами. Встрѣтившись съ Стрекаловымъ, онъ такъ горячо, задушевно пожалъ ему руку, что даже привелъ Николая Николаевича въ нѣкоторое смущеніе.

— Сегодня вашъ день, Николай Николаевичъ! — промолвилъ Колосовъ.—Черезъ часъ, много два, у насъ будетъ достойный предсѣдатель управы.

— Благодарю за пожеланіе, Александръ Андреевичъ. Я, конечно, не посмѣю отказаться отъ этой чести, но пожеланіе можетъ остаться пожеланіемъ.

«Размякъ, небойсь!—подумалъ предводитель. — Теперь не откажешься, а давеча говорилъ, что ни, Боже, ни!»

— Увидите!—докончилъ Колосовъ и отошелъ къ Рыбакову, одиноко стоявшему у окна.

— Свѣтлѣйшій еще не пріѣзжалъ?

— Нѣтъ.

— Впрочемъ, еще двѣнадцати нѣтъ... Ну, какъ дѣла, Аѳанасій Яковлевичъ?

— Точно вы сами не знаете, Александръ Андреевичъ?

— Прокатятъ?—мигнулъ глазомъ Александръ Андреевичъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ Стрекаловъ.

— Полагаю.

— На черненькихъ?

— На самыхъ черненькихъ!

Оба джентльмена разсмѣялись.

— А я его только-что увѣрялъ отъ всей души...

— И вамъ не жаль его?—хихикнулъ маленькій господинъ.

— Не такое нынче время, батенька. Вы, кажется, тоже не изъ жалостливыхъ? Однако что же это старый не ѣдетъ, вѣдь безъ него, пожалуй, мы рано и смѣемся!— говорилъ Колосовъ, безпокойно поглядывая на окно. — Ужъ не ударъ ли прихлопнулъ свѣтлѣйшаго? Вотъ во-

время бы удружилъ, нечего сказать. Безъ десяти двѣнадцать, сейчасъ долженъ быть губернаторъ...

— Надо, Александръ Андреевичъ, непремѣнно оттянуть выборы до пріѣзда Вяткина, а то вѣдь нашихъ знаете: пока палки нѣтъ—и ладу нѣтъ!

— Самъ знаю, что надо, да какъ? Если бы генералъ закатилъ рѣчь на часъ времени, но на это мало надежды: его превосходительство не рѣчистъ.

Колосовъ сдвинулъ безпокойно брови, подозвалъ къ себѣ Лампадова и тихо отдалъ ему приказаніе:

— Лупите къ Вяткину. Моихъ лошадей возьмите и просите его скорѣй... немедленно ѣхать... Если, молъ, ваша свѣтлость не пріѣдетъ, Стрекалова выберутъ. Такъ и скажите. Поняли?

— Понялъ-съ!

— Съ Богомъ... Непремѣнно доставьте сюда князя... Иначе вашъ гонораръ—фьють!

Колосовъ снова взглянулъ на часы. Стрѣлки были на двѣнадцати, и въ залѣ появился молодой генералъ, на котораго обратились всѣ взгляды грязнопольскихъ дамъ. Колосовъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Можно открывать?—спросилъ генералъ.

— Не рано ли, ваше превосходительство?

— У меня на часахъ ровно двѣнадцать и, кажется, избирателей довольно!—промолвилъ генералъ, окидывая взглядомъ собраніе.

Всѣ усѣлись, и генералъ подошелъ къ предсѣдательскому мѣсту. Колосовъ безпокойно посматривалъ на двери, и въ лицѣ проглядывало волненіе. Генералъ сталъ говорить рѣчь.

Рѣчь была не дурная и, главное, не длинная. Объяснивъ важность дарованнаго самоуправленія, пожелавъ успѣха «молодому дѣлу» и заявивъ надежду, что «земство пойдетъ рука-объ-руку съ администраціей, какъ два родные брата», генералъ объявилъ собраніе открытымъ и вслѣдъ за тѣмъ сейчасъ же уѣхалъ.

Александръ Андреевичъ занялъ мѣсто предсѣдателя, и глаза его поминутно поглядывали на дверь. «Эка старый копается!»—мысленно проговорилъ Колосовъ. Рыбаковъ безпокойно глядѣлъ на Колосова и ждалъ, чѣмъ кончится эта исторія, не безъ душевнаго волненія. Прошла еще минута молчанія, и лицо Александра Андреевича приняло обычное спокойное выраженіе. Онъ снова взглянулъ на

дверь, но уже безъ волненія, и, окинувъ взглядомъ собраніе, поднялся и торжественно заговорилъ:

— Милостивые государи! Прежде чѣмъ приступить къ такому важному дѣлу, какъ выборы, отъ которыхъ, какъ совершенно справедливо изволилъ замѣтить г. начальникъ губерніи, зависитъ въ началѣ успѣхъ самаго дѣла, я позволю себѣ предложить вамъ, милостивые государи, по древнему русскому обычаю, отправиться въ соборъ и отслужить молебенъ, дабы призвать помощь Всевышняго на предстоящее намъ великое дѣло, дарованное милостью высшаго правительства. Я вполнѣ увѣренъ, милостивые государи, что вы не откажетесь отъ моего предложенія?..

Натурально, милостивые государи вполнѣ были согласны съ мнѣніемъ почтеннаго Александра Андреевича, а Рыбаковъ даже привскочилъ отъ удовольствія и не могъ не шепнуть: «Уменъ, каналья! Ловко оттянулъ выборы!»

Цѣлая толпа, съ Колосовымъ во главѣ, отправилась къ собору. На дорогѣ толпа встрѣтила князя Вяткина, и старый генералъ, въ лентѣ и въ орденахъ, присоединился къ шествію.

— Отчего это ваша свѣтлость изволили запоздать?— освѣдомился Колосовъ.

— Развѣ я опоздалъ? Кажется, нѣтъ... Я не опаздываю никогда... Знаете ли, былъ разъ случай... Командовалъ я полкомъ, нѣтъ, что я?.. дивизіей, и назначенъ былъ смотръ, высочайшій смотръ, ровно въ двѣнадцать часовъ. Только, вообразите себѣ: прибѣгаетъ ко мнѣ адъютантъ, блѣдный—я строгъ былъ—и говоритъ: «ваша свѣтлость изволили опоздать: безъ пяти минутъ двѣнадцать». Я— часы... смотрю: безъ пяти минутъ одиннадцать... Сдѣлалъ выговоръ молодому человѣку. Надо осмотрительнѣй, говорю, а то опоздать. Что вы?

Въ соборѣ торжественно отслуженъ былъ молебенъ, и затѣмъ, приложившись къ мощамъ мѣстнаго угодника, толпа вернулась обратно въ собраніе.

Приступили къ выборамъ. До баллотировки большинство дворянъ обступило князя Вяткина и просило его быть предсѣдателемъ управы. Князь прослезился, благодарилъ за честь и, заявивъ, что не можетъ, указалъ на Колосова.

Стали баллотировать. Колосовъ былъ избранъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, а Стрекалова, рѣшившагося, несмотря на это, попытать счастья, торжественно про-

катили на вороныхъ при нескрываемой радости князя и иронической улыбкѣ Колосова.

Александръ Андреевичъ не пренебрегъ, разумѣется, случаемъ сказать одну изъ своихъ рѣчей, въ которыхъ онъ, по обыкновенію, благодарилъ за довѣріе и, между прочимъ, обѣщалъ «свято блюсти интересы нашего молодого самоуправленія, хотя бы это и стоило жертвъ».

Избиратели, разумѣется, рукоплескали красивому слогу Александра Андреевича, хотя въ головы ихъ незамѣтно и прокрадывалась мысль о ненадежности Александра Андреевича въ денежномъ отношеніи. Впрочемъ, мысль эта проскользнула только, и затѣмъ всѣ стали поздравлять Александра Андреевича, который обязательно пригласилъ всѣхъ гг. избирателей къ себѣ на «скромный обѣдъ». Такъ какъ всѣ очень хорошо знали «скромные обѣды» предводителя, то, натурально, всѣ принимали приглашенія, заранѣе облизываясь.

— Придумали же вы фокусъ... удивили даже!..—шепнулъ Рыбаковъ передъ обѣдомъ, невольно глядя на Колосова.

— Понравился, а?

— Очень.

— Теперь и за сиротъ, и за дорогу спокойны?

— Совершенно.

— А я за векселя.

Оба легко вздохнули и пошли обѣдать.

XXXIII.

Николай Николаевичъ возвращался домой въ отвратительномъ расположеніи духа. «И я дуракъ-то... вѣрилъ еще этому подлецу!—вслухъ ругался Стрекаловъ.—Все было у нихъ заранѣе подготовлено». Стрекаловъ подъѣхалъ къ дому и такъ сильно подавилъ пуговку, что Филатъ, быстро отворившій двери, сообразилъ, что баринъ чѣмъ-то недоволенъ. Настасья Дмитріевна, съ трепетомъ ожидавшая мужа, тотчасъ же прошла въ кабинетъ и, взглянувъ на Николая Николаевича, сразу поняла, что онъ потерпѣлъ неудачу.

— Тебя это огорчило, Николай?—тихо спросила она.

— Нисколько, Настенька, право, нисколько!—храбрился Стрекаловъ.

— Выбрали Колосова?

— Ну, разумѣется. Князь Вяткинъ, — ты вѣдь знаешь,

какъ наши болваны боятся этого идіота,—порекомендовалъ его; его и выбрали. Эта скотина кромѣ того разславилъ меня чуть не краснымъ, кстати и лекціи на заводѣ приплелъ.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Губернаторъ.

Настасья Дмитріевна сумрачно покачала головой.

— Онъ, конечно, не придаетъ словамъ этого дурака никакого значенія, но все-таки...

— Прекрати ты эти глупости. А то вздумали лекціи читать... Еще не то про тебя выдумаютъ.

— Надо сказать Черемисову...

— Слѣпые!—промолвила Настасья Дмитріевна съ торжественностью пророчицы.—Безумцы!—тихо говорила она и подергивала своими искривленными отъ злости губами.—Не знали, кого выбираютъ... Вчера еще его бранили за растрату, а сегодня онъ—безкорыстный дѣятель!.. Хороши!—добавила Стрекалова, смѣясь тихимъ, язвительнымъ смѣхомъ.

— Да, близоруки... онъ ихъ огрѣетъ,—не безъ злости сказалъ Стрекаловъ. — И по дѣломъ! Впрочемъ, ну ихъ, чего мнѣ еще?—заговорилъ онъ, спустя нѣсколько времени, глядя на жену съ какой-то ласковой задумчивостью.—Ты мой незамѣнимый другъ, дѣти наши—ребята хорошіе, сложа руки мы, кажется, не сидимъ, а въ потѣ лица зарабатываемъ свой честный хлѣбъ... Развѣ это не счастье, Настенька?

— Милый ты мой!—замѣтила Настасья Дмитріевна, припадая на грудь супруга.

За обѣдомъ Николай Николаевичъ не безъ игривости разсказалъ о своей неудачѣ «сослужить службу родинѣ», шутилъ съ дѣтьми и, казалось, легко примирился съ неудачей. Но это только казалось. Когда онъ пришелъ въ кабинетъ и остался одинъ, онъ долго ходилъ въ волненіи изъ угла въ уголъ и не разъ такъ энергично ругался вслухъ, что привелъ бы въ смущеніе Настасью Дмитріевну, если-бъ она только услыхала, какія ужасныя рѣчи произноситъ ея любимый другъ.

Особенно мучила Николая Николаевича мысль о томъ, что теперь, пожалуй, ему не удастся провести желѣзную дорогу, которая соединила бы Грязнополье съ Кавказомъ. «У этого мерзавца (надо думать, Стрекаловъ имѣлъ въ виду Колосова) губа не дура, и онъ, при помощи стараго

глупца (вѣроятно, Николай Николаевичъ подразумѣвалъ свѣтлѣйшаго) и земства, смастеритъ эту штуку!»

А «штука», по мнѣнію Николая Николаевича, была очень заманчивая штука. Онъ въ сотый разъ прикинулъ примѣрно, сколько бы осталось отъ постройки съ версты, и даже «примѣрная» сумма на маленькихъ счетахъ выходила такая, что захватывало дыханье, а пальцы примирали къ костяшкамъ.

— Одинъ счастливый ударъ, и цѣль сразу достигнута... Сразу!—шепнулъ Николай Николаевичъ.

Подъ вліяніемъ этой громадной «примѣрной» суммы, и деревни и заводы какъ-то меркли и теряли въ глазахъ Николая Николаевича прежнюю цѣнность. Въ виду возможности вдругъ получить то, что̀ накапливается десяткомъ лѣтъ, Стрекаловъ въ эту минуту готовъ былъ бы на многое.

Пріобрѣтатель-художникъ уже мечталъ о тѣхъ сокровищахъ, которыя лились къ нему широкой волной: въ его воображеніи проносился длинный поѣздъ его дороги, вмѣсто его удобнаго дома въ Грязнопольѣ передъ нимъ выросталъ дивный дворецъ въ Петербургѣ. А дальше? Дальше почетъ, блескъ, слава, портреты въ иллюстраціяхъ, статьи въ газетахъ и новыя гигантскія предпріятія, послѣ которыхъ его имя, пожалуй, сдѣлается историческимъ. Развѣ такая цѣль не сто̀итъ труда?

Николай Николаевичъ откинулся въ креслѣ, точно хотѣлъ отогнать отъ себя безумныя мысли. Онъ мысленно оглянулся на пройденный путь и могъ по совѣсти сказать, что потрудился на своемъ вѣку не мало и нажилъ состояніе. Но развѣ такія бываютъ состоянія? Развѣ теперь, въ горячее время, когда умные люди изъ ничего созидаютъ громадныя богатства, не пора ли и ему дѣйствовать, чтобъ не остаться съ разинутымъ ртомъ, когда минетъ пароксизмъ концессіонной горячки?

Онъ возлагалъ надежды на земство. Оно могло быть прочной ступенью, но эта ступень исчезла изъ-подъ ногъ. Надо разсчитывать на другое.

У него есть дочь. Онъ ее любитъ, горячо любитъ. Она хороша, его Ольга, и предсѣдатель суда, Рѣчинскій, не сегодня, завтра сдѣлаетъ предложеніе. Онъ это знаетъ навѣрно.

А Ольга?

Стрекаловъ попробовалъ заглянуть въ душу къ дочери

и пожалуй, что въ первый разъ въ жизни испыталъ недоумѣніе. Что за человѣкъ она, его Ольга? Будетъ ли она счастлива съ Рѣчинскимъ и такъ ли легко станетъ нести бремя супружества, какъ несетъ ея мать? И кажется, что впервые Николай Николаевичъ задумался надъ серьезнымъ, вдумчивымъ выраженіемъ строгихъ сѣрыхъ глазъ, и отцу почему-то вдругъ стало жаль дочь.

«Это вздоръ!»—прошепталъ онъ.

Женскій идеалъ Николая Николаевича вполнѣ олицетворялся въ его женѣ. «Она не увлекалась, она не волновалась, не задумывалась (вспоминалъ Стрекаловъ время своего сватовства), а развѣ мы не счастливы? А отчего?—Мы умѣли исполнить свои обязанности. И Ольга, конечно, какъ и ея мать, сумѣетъ исполнить свой долгъ!»—отгонялъ свои сомнѣнія отецъ и запнулся на послѣднемъ словѣ. Передъ нимъ смутно пронесся образъ молодой женщины, при видѣ которой у него когда-то сильнѣй билось сердце, какъ никогда потомъ не билось при видѣ Настасьи Дмитріевны. Припомнилъ онъ, что Ольга упряма, по временамъ бываетъ какая-то странная. Тысяча мелочей изъ ея дѣтства вспоминались ему, и эти мелочи приняли теперь въ глазахъ отца характерный оттѣнокъ,—онѣ свидѣтельствовали о самостоятельности и силѣ Ольгина характера.

И онъ снова пожалѣлъ дочь.

А предсѣдатель суда представлялъ со всѣхъ сторонъ отличную партію: молодъ, основателенъ, имѣетъ связи, карьера, и крупная карьера, впереди. Стрекаловъ взвѣсилъ всѣ эти стороны, но въ главномъ ему совѣстно было признаться даже самому себѣ. Рѣчинскій былъ сыномъ финансоваго туза, черезъ котораго вопросъ о милліонахъ могъ быть легко рѣшенъ замужествомъ дочери. Такимъ образомъ, все зависѣло отъ Ольги.

— А если она не согласится? Развѣ подвернется подобный случай? И развѣ такіе случаи часты?

Снова на лбу Николая Николаевича появились морщины, свидѣтельствовавшія о напряженіи мысли. Снова пріобрѣтатель-художникъ мечталъ о золотой рѣкѣ, и въ концѣ концовъ онъ рѣшился: дочь его выйдетъ замужъ за Рѣчинскаго.

Рѣшившись, онъ все-таки даже и подумать не посмѣлъ о принужденіи дочери (Боже сохрани; онъ ее такъ любитъ!). Онъ только рѣшился во что бы то ни стало убѣдить

дочь. Ему казалось не труднымъ дѣломъ убѣдить семнадцатилѣтнюю дѣвушку.

Отвязавшись отъ своихъ сомнѣній, Николай Николаевичъ сталъ спокойнѣй; обычная улыбка разгладила морщины, и его маленькіе, умные глазки, чернѣвшіе, точно угольки, забѣгали быстро.

Онъ тихо придавилъ пуговку у своего стола, и въ дверяхъ, словно тѣнь, появился Филатъ.

— Управляющій не приходилъ?

— Сейчасъ пришли.

— Позовите его, а какъ онъ выйдетъ, попросите ко мнѣ Настасью Дмитріевну!

Тщательно приглаженный, бѣлокурый нѣмецъ, лѣтъ сорока, съ большими бѣлыми зубами и длинными рыжими усами, вошелъ въ кабинетъ и низко поклонился.

— Садитесь, Карлъ Карловичъ. На заводѣ все благополучно?

— Благополучно, Николай Николаевичъ, только... Народъ очень лѣнивый, сами знаете... Недовольны, когда штрафъ налагаемъ.

— Развѣ много штрафованныхъ?

— Человѣкъ сорокъ. Сегодня при разсчетѣ шумѣли немного... Говорятъ: «это безсовѣстно».

Карлъ Карловичъ улыбнулся презрительной улыбкой и прибавилъ:

— А развѣ русскій мужикъ понимаетъ совѣсть!

«Ты понимаешь ли?»—промелькнуло въ головѣ у Стрекалова.

Карлъ Карловичъ помолчалъ и потомъ тихо замѣтилъ:

— Позволю вамъ сказать, прежде этого неудовольствія не было. Они понимали, что штрафъ берется за нехорошій поступокъ, и молчали.

— Что вы хотите этимъ сказать, Карлъ Карловичъ?

— Я хочу доложить вамъ, съ вашего позволенія, что народъ портиться сталъ.

— Отчего?

— Русскій мужикъ мысли хочетъ имѣть! — совсѣмъ глупо улыбнулся Карлъ Карловичъ.—Лекціи слушаетъ!

— Вамъ онѣ не нравятся?

— Точно такъ, не нравятся! — рѣшительно произнесъ Карлъ Карловичъ.—Я самъ на нихъ бываю и...—Карлъ Карловичъ помолчалъ минуту.—Это нехорошо... Г. Чере-

мисовъ неосновательный человѣкъ, вы меня извините, онъ то̀ говоритъ, о чемъ слѣдуетъ молчать.

Стрекаловъ сталъ слушать внимательнѣй.

— Онъ имъ говоритъ,—продолжалъ Карлъ Карловичъ, не безъ труда изъясняясь по-русски:—вы рабочій, васъ обижаютъ, хозяинъ отъ вашей работы профитъ имѣетъ, а вы что? Это говорить нельзя. У насъ въ Пруссіи никакой фабрикантъ у себя этого не позволитъ; говори, гдѣ желаешь, но не на фабрикѣ.

— Онъ имъ такъ прямо и говоритъ?

— О, нѣтъ! Этотъ господинъ не дуракъ. Онъ прямо этого не говоритъ, но смыслъ такой выходитъ.

— Много народу бываетъ на его чтеніяхъ?

— Очень много, послѣднее время и дѣти стали ходить. Это нехорошо, Николай Николаевичъ. Послѣ этихъ лекцій какого уваженія можно ожидать. Штрафъ назначишь,— недовольны. Сегодня я посадилъ трехъ въ карцеръ,— опять недовольны... Какъ вамъ угодно, а это очень нехорошо. Дисциплины нѣтъ—ничего нѣтъ!—совсѣмъ горячо добавилъ Карлъ Карловичъ.

— И докторъ читаетъ?

— И г. докторъ, и тоже нехорошо. Вчера такъ говорилъ г. докторъ: если, говоритъ, пища дурна и квартира дурна, человѣкъ мало живетъ, а если, говорилъ г. докторъ, пища хороша и квартира хороша, человѣкъ много живетъ. Вы, конечно, изволите понимать, что̀ это значитъ?—подмигнулъ ядовито голубымъ глазомъ Карлъ Карловичъ.—У насъ, въ Пруссіи, такому бы доктору отказали.

— То у васъ, въ Пруссіи, а то въ Россіи!—почему-то вдругъ осердился Николай Николаевичъ.

— Это, конечно, не мое дѣло, но я только, съ вашего позволенія, доложилъ вамъ...

Карлъ Карловичъ всталъ.

— Приказаній не изволите дать?

— Нѣтъ. Завтра я самъ у васъ буду.

«И чортъ меня сунулъ просить тогда объ этихъ чтеніяхъ. Со всѣхъ сторонъ о нихъ говорятъ. Одинъ Черемисовъ ни слова, точно чтеній и нѣтъ. Вѣрно, впрочемъ, нѣмецъ привралъ. Не любитъ онъ Черемисова».

Онъ подумалъ о Черемисовѣ и сознался, что до сихъ поръ не могъ себѣ дать яснаго отчета, что̀ это за человѣкъ.

Когда пришла Настасья Дмитріевна, Стрекаловъ не прямо приступилъ къ вопросу, его занимавшему; онъ прежде поговорилъ о постороннихъ вещахъ и только, спустя четверть часа, будто мимоходомъ обронилъ:

— Рѣчинскій сегодня былъ, Настенька?

— Нѣтъ... А что?

— Такъ...

— Онъ сталъ рѣже бывать.

— Не замѣтилъ... Отчего?

— Объ этомъ надо спросить у Ольги,—полузагадочно отвѣтила Настасья Дмитріевна.

— А не у Рѣчинскаго?

— Врядъ ли... Ольга что-то послѣднее время нелюбезна съ нимъ. Я ее спрашивала: что̀ это значитъ?—молчитъ!

— Тебѣ это кажется, мой другъ, что она не любезна. Рѣчинскій любитъ Ольгу, и если бы...

— Ты думаешь, я не молю объ этомъ Бога?

— Они были бы счастливы?—допрашивалъ Стрекаловъ.

— Я думаю. Онъ такой порядочный человѣкъ и навѣрное любитъ Ольгу.

— А Ольга?

— Ольга?—переспросила мать, на секунду останавливаясь въ раздумьѣ.—Я увѣрена, Николай, она сумѣетъ исполнить свой долгъ, какъ я!—проговорила съ гордостью Настасья Дмитріевна.—Если она пока не влюблена, если она выйдетъ замужъ безъ сумасшедшей страсти... что-жъ? Богъ съ ней, со страстью! Страсть къ добру не ведетъ. Разумная привязанность лучше.

— Ты думаешь, зная Ольгу?

— Увѣрена! — категорически отчеканила мать, вспомнивъ о томъ, какъ она сама выходила замужъ.

Оба замолчали. Оба задумались. Ни отецъ, ни мать не промолвились, почему и тому, и другому такъ хотѣлось этой свадьбы.

— Я давно собиралась поговорить съ тобой, мой другъ, объ этомъ. Времени терять нечего; надо сблизить молодыхъ людей и убѣдить Ольгу.

— Ты развѣ думаешь, она не согласится?

— Не то... Она согласится, но только...

— Противъ воли... ты это хочешь сказать, Настенька?—порывисто спрашивалъ Стрекаловъ.

— Богъ знаетъ, что̀ у нея на душѣ. Ольга послѣднее

время стала скрытна, всегда она за книгами у себя въ комнатѣ, ко мнѣ не ласкается, какъ прежде...

— Ты что-нибудь подозрѣваешь?

— Богъ съ тобой! Въ чемъ подозрѣвать Олю?

— Черемисовъ близокъ съ ней?—неожиданно спросилъ отецъ съ какимъ-то страннымъ, необъяснимымъ волненіемъ, мгновенно охватившимъ все его существо.

— Что̀ ты, что̀ ты?—Настасья Дмитріевна даже перекрестилась.—Избави этого, Боже!

— То-то!—вздохнулъ легко Стрекаловъ.—Съ чего это ко мнѣ шальная мысль забрела!

— Твой Черемисовъ сфинксъ. Молчитъ все. Онъ и съ Ѳедей не особенно, кажется, близокъ, хотя Ѳедя и любитъ его. Воля твоя, не люблю я твоего Черемисова.

— За что̀? За его молчаливость, Настенька?

— Богъ знаетъ, что̀ онъ за человѣкъ!—вздохнула Стрекалова.—Сердце говоритъ мнѣ, Николай, не другъ онъ нашему семейству. Не вѣрю я ему, не вѣрь и ты... Сердца въ немъ мало. Я давно наблюдала за Ѳедей, и стало казаться мнѣ, что не тотъ сталъ Ѳедя, что̀ былъ прежде.

— Факты, Настенька, факты!

— Ихъ нѣтъ. Онъ увертливъ и хитеръ, твой Черемисовъ! Я только чувствую, что Ѳедя не тотъ. Холоднѣй ко мнѣ сталъ, подчасъ странныя идеи высказываетъ, самъ себѣ постель стелетъ, говоритъ: стыдно заставлять другого. Это чье вліяніе?

— Ну, это еще не бѣда... Къ порядку пріучается.

— Не то, мой другъ, не то...

— Ты, Настенька, предубѣждена противъ Черемисова.

— Не нравится онъ мнѣ и эти его лекціи на заводѣ, изъ-за которыхъ Богъ знаетъ что на тебя выдумаютъ.

— То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!—усмѣхнулся Стрекаловъ.—Впрочемъ, онѣ скоро прекратятся... Богъ съ ними!

— Давно бы пора... Говорятъ, онъ тамъ на заводѣ любовь пріобрѣлъ... Какія-то артели устраиваетъ... Не твоя польза у него на умѣ, вѣрь мнѣ!

— Да у меня-то она! Я пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу, и не меня провести какому-нибудь молокососу. Такъ ты думаешь, вліяніе его на Ѳедю скверное?

— Дай Богъ, чтобы я ошибалась!—вздохнула Настасья Дмитріевна.

Хотя осязательныхъ фактовъ и не было, но въ сердце

Стрекалова заронилось сомнѣніе: «странный онъ человѣкъ, очень странный!»

Николай Николаевичъ покачалъ головою и спросилъ:

— Ты разспрашивала Ѳедю, о чемъ Черемисовъ говоритъ съ нимъ?

— Спрашивала.

— И что же?

— Ѳедя отвѣчалъ съ улыбкой, что о многомъ они говорятъ.

— Гм!—Стрекаловъ пожалъ плечами.—Сейчасъ Карлъ Карловичъ былъ... Тоже жалуется...

— Будь на сторожѣ, мой другъ. Отъ этихъ людей все станется. Замѣтилъ ли: онъ никогда лба не перекреститъ!

Стрекаловъ промолчалъ. Въ его глазахъ это была не большая бѣда. Онъ самъ не отличался особеннымъ соблюденіемъ обрядовъ.

— И эта сухость... рѣзкость какая-то... Точно онъ съ нами и говорить-то не хочетъ...

— Это ужъ характеръ такой.

— Н-н-н-нѣтъ... Нѣтъ, Николай. Я наблюдала за нимъ. Иной разъ такъ презрительно смотритъ, столько злости...

— Наблюдай, Настенька, и если что замѣтишь, скажи. Избави Богъ Ѳедю отъ дурного вліянія... Избави Богъ... И Ольгу береги! Время нынче смутное! — проговорилъ Стрекаловъ съ чувствомъ страха за своихъ любимыхъ дѣтей.

— Да!—вздохнула мать.—Странное время... Стригутъ волосы и идутъ въ доктора!—добавила она, презрительно скашивая губы.

Стрекаловы проговорили за полночь, и результатомъ ихъ бесѣды было рѣшеніе: во что бы то ни стало, убѣдить Ольгу принять предложеніе Рѣчинскаго.

— Это было бы счастіемъ для всѣхъ насъ!—закончила Настасья Дмитріевна, поднимаясь съ кресла и прислушиваясь къ бою часовъ.—Однако поздно, Николай, первый часъ!

— Да, Настенька, для всѣхъ, моя умница! — значительно промолвилъ Стрекаловъ, цѣлуя жену.

— Ты, быть-можетъ, ужинать хочешь, Никсъ?—предложила Настасья Дмитріевна, останавливаясь на порогѣ.

— И, если позволишь, съ хересомъ,—улыбнулся Николай Николаевичъ, любуясь роскошнымъ станомъ жены, которая лѣниво потягивалась и изгибалась съ неподдѣльной кошачьей граціей

— Будетъ и хересъ, мой другъ!—тихо отвѣтила она, кивнувъ головой, и ровнымъ шагомъ ушла распорядиться, чтобы подали ужинать въ маленькой столовой. По дорогѣ она остановилась у дверей Ольгиной комнаты и приложила ухо. Она услышала тихое, ровное дыханіе спящей дѣвушки и пошла дальше.

«Избави Боже!»—тихо шепнула она, перекрестилась и съ чувствомъ злобы подумала о Черемисовѣ.

XXXIV.

Глѣбъ сидѣлъ въ раздумьѣ передъ толстой книгой счетовъ, только-что имъ оконченной. Цифры показывали ловкое обираніе со стороны Карла Карловича. Показывая въ отчетахъ плату рабочимъ, цифра которой была и безъ того не особенно велика, онъ въ дѣйствительности платилъ значительно меньше. Счетъ штрафныхъ денегъ тоже былъ нечистъ,—цифры показывали это ясно.

Долго сидѣлъ Глѣбъ надъ своей работой и сумрачно глядѣлъ на массу исписанныхъ цифръ. Невольно приходили ему на память слова Крутовского, что ничего изъ этого не выйдетъ. Увлеченный работой, онъ и не хотѣлъ думать объ этомъ, а теперь?

Онъ припомнилъ, что въ послѣднее время отношенія Стрекалова замѣтно измѣнились, онъ нѣсколько разъ намекалъ о чтеніяхъ, самъ сталъ посѣщать ихъ и даже выказалъ неудовольствіе, что на чтенія ходитъ много рабочихъ. А доктора уже просили прекратить ихъ. Глѣбъ ждалъ, что скоро, пожалуй, и его попросятъ о томъ же.

Съ каждымъ днемъ Глѣбъ болѣе и болѣе убѣждался, что самое его дѣло—какое-то эфемерное, непрочное, въ зависимости отъ каприза богатаго барина. «Хочетъ онъ, и я кое-что дѣлаю, а не хочетъ? Къ чему ему на свою голову хотѣть?»

На лицѣ Глѣба появилась знакомая злая усмѣшка, и онъ поникъ головой. Прежнія мысли, въ которыхъ онъ игралъ роль мудраго змія, а Стрекаловъ—глупой овцы, показались ему теперь чѣмъ-то наивнымъ. На душѣ было тяжело, скверно. Ядовитое, безотрадное сомнѣніе потихоньку пробиралось къ его возмущенному сердцу.

«Вѣдь и не луну схватить хочешь, а чувствуешь, что вотъ придутъ, скажутъ: «брысь!» а ты благодари... И безо всякой драмы это произойдетъ, а такъ, по душѣ, патріархально...»

Онъ нервно вскочилъ и, словно волкъ въ клѣткѣ, заходилъ по комнатѣ.

Въ эти минуты онъ припомнилъ всѣ тѣ сдѣлки съ совѣстью, отъ которыхъ въ былое время съ негодованіемъ бы отшатнулся, но съ которыми въ домѣ Стрекаловыхъ ему поневолѣ приходилось мириться. Года четыре тому назадъ онъ сурово бы отвернулся отъ Стрекалова, а теперь онъ любезничалъ, хитрилъ съ нимъ. А впереди еще виднѣлась длинная кривая дорога разныхъ мелочныхъ сдѣлокъ, которую надо было пройти, не выдавъ своего негодованія.

А чего достигнешь?

Глѣбъ горько засмѣялся.

«Туда же, маленькій Лассаль!—ядовито шепнулъ онъ.—Крошечный Лассаль, добивающійся разными кривдами права обучать грамотѣ подъ страхомъ ежеминутно быть...»

Черемисовъ не докончилъ. Ему стыдно было сказать слово, которое вертѣлось на языкѣ. Злоба, тупая, безсильная злоба душила его.

«Прохвостъ ты, прохвостомъ въ глазахъ большинства такъ всю жизнь и останешься!—шепталъ онъ глухимъ голосомъ, готовый зарыдать отъ злости.—Мышь подлая, безсильная... Что̀ ты сдѣлаешь, что̀? А туда же!—мудрый змѣй! Змѣй, котораго всякій, кому не лѣнь, раздавитъ или отдастъ околоточному!»

Глѣбъ бросился на постель и уткнулся въ подушки. Глухія, тяжелыя рыданія вырвались изъ его груди.

Въ это время по коридору проходила Ольга, и до ея слуха долетѣли эти больные стоны. Она въ испугѣ остановилась и прислушалась. «Господи, неужели это онъ?»—подумала Ольга, и сердце ея замерло. Она невольно подошла къ дверямъ, онѣ были неплотно притворены, и стоны слышались явственно. Ей хотѣлось войти въ комнату, но она боялась. «Но онъ, быть-можетъ, боленъ?» Она тихо пріотворила дверь и заглянула. Все было тихо. Высокая фигура Черемисова уже стояла у окна, спиной къ Ольгѣ. Она быстро отскочила и тихо притворила двери, такъ что Глѣбъ ничего не слыхалъ.

«Что̀ съ нимъ... вѣрно, ему тяжело?—думала Ольга, спускаясь внизъ, ошеломленная только-что слышаннымъ.—Отчего онъ страдаетъ?»—задумывалась молодая дѣвушка, и ей хотѣлось подойти къ нему и спросить, что̀ его мучитъ. Она горько усмѣхнулась своей мысли, вспомнивъ

его вѣчно суровое лицо и холодное обращеніе.—«Что̀ я ему?»—подавила вздохъ Ольга, садясь за фортепіано.

Глѣбъ долго стоялъ у окна и не слыхалъ, какъ давно уже стучали въ дверь. Наконецъ постучали сильнѣй, и Глѣбъ повернулъ голову и попросилъ войти. Вошелъ Филатъ.

— Письмо вамъ, Глѣбъ Петровичъ.

Глѣбъ взялъ письмо и хотѣлъ-было читать, но замѣтилъ, что Филатъ дожидается.

— Вамъ нужно что?

— Я, Глѣбъ Петровичъ, имѣю къ вамъ просьбу...

— Въ чемъ дѣло?

— Пріищите мнѣ, Глѣбъ Петровичъ, какое-нибудь мѣстечко.

— Не могу я этого сдѣлать, Филатъ. Гдѣ я вамъ мѣсто пріищу? Сами знаете, знакомыхъ у меня никого нѣтъ.

— Да я не по лакейской части,—надоѣла она,—я, если-бъ куда-нибудь въ деревню, на волю...

— И этого не могу... А здѣсь, видно, ужъ очень не нравится?

— Богъ съ ними!—махнулъ Филатъ своей длинной рукой, проводя по носу:—все штрафы да штрафы... А здѣсь мнѣ долго не жить, нѣтъ возможности, Глѣбъ Петровичъ. Строгость—это еще ничего; но только что̀-жъ они изъ меня сдѣлали?—продолжалъ Филатъ, очевидно, давно искавшій случая передъ кѣмъ-нибудь излить свое горе.

— А что?

— А то, что сталъ я, однимъ словомъ, какъ обученная собака,—сказалъ Филатъ, комично оттопыривая руки.—Мнѣ бы жить въ деревнѣ, охотникъ я до деревенской жизни, а тутъ вотъ (онъ показалъ на шею) бѣлаго этого ошейника да фрака не снимай, да только слушай: «Филатъ, подайте! Филатъ, примите! Филатъ, позовите! Филатъ, уберите!»—не безъ злобы передразнивалъ Филатъ своихъ господъ.—Развѣ это жизнь? Я, конечно, Глѣбъ Петровичъ, къ слову только. Можетъ, услышите о мѣстѣ, я грамоту знаю, конторщикомъ могъ бы...

— Ладно; коли что услышу, скажу.

— Благодарю васъ, Глѣбъ Петровичъ!

Филатъ, по обыкновенію, поклонился и ушелъ.

— И ему надоѣло!—усмѣхнулся Глѣбъ, принимаясь за письмо.

Письмо было отъ Людмилы Николаевны. Въ длинномъ

посланіи она разсказывала Глѣбу извѣстную читателю исторію Фенички и въ заключеніе просила Глѣба помочь. «Я просто теряю голову, Глѣбъ Петровичъ,—кончала она письмо:—какъ спасти бѣдное созданіе. Нѣсколько времени тому назадъ я собиралась просить васъ, но думала, что сумѣю помочь и безъ васъ. Теперь вижу, что ошиблась, денегъ я достала немного, безъ денегъ ничего нельзя сдѣлать; если можете, помогите. Я буду васъ завтра ждать въ слободкѣ».

— Бѣднягѣ самой помощи искать нужно, а она другимъ вѣчно помогаетъ!—какъ-то грустно улыбнулся Глѣбъ, окончивъ письмо.

На другой день онъ отправился въ слободку.

— Ишь, непосѣда!—крикнула ему Ленормъ изъ сада, когда Глѣбъ проходилъ мимо.

Глѣбъ обернулся и, увидавъ обѣихъ дѣвушекъ, поклонился. Ольга особенно внимательно взглянула на него и никакой перемѣны не замѣтила въ его лицѣ; ей только показалось, что глаза его стали какіе-то задумчивы

— Вы куда это, г. Черемисовъ, собрались?

— Гулять.

— Вѣрно, опять на заводъ?

— А что?—быстро спросилъ Глѣбъ.

— Ничего. Вы вѣдь влюблены въ рабочихъ.

Глѣбъ ничего не отвѣтилъ и собирался отойти.

— Вы здоровы, Глѣбъ Петровичъ?—вдругъ неожиданно спросила Ольга и покраснѣла.

Ленормъ быстро окинула ревнивымъ взглядомъ Ольгу и Черемисова.

— Отчего вы спросили, Ольга Николаевна? Развѣ я кажусь больнымъ?

— Нѣтъ... такъ... мнѣ показалось!—сконфузилась молодая дѣвушка.

— Я совершенно здоровъ.

— Такіе люди не болѣютъ, Ольга!—не безъ ироніи замѣтила Ленормъ.—Имъ некогда. Они живутъ головой, а не сердцемъ,—прибавила она со скрытымъ упрекомъ въ голосѣ.

— Вы думаете?—задумчиво проговорила Ольга и, не дожидаясь отвѣта, точно онъ ее нисколько не интересовалъ, тихо отошла отъ рѣшетки и пошла въ глубину сада.

Черемисовъ спустился съ пригорка и вошелъ въ слободку. Словно пчелы, одинъ подлѣ другого лѣпились не-

взрачные сѣренькіе домишки; на улицѣ была грязь, солнце пышными снопами свѣта освѣщало этотъ уголокъ нищеты и свинства... Вывѣска «портного мастера Кошелькова» привела Черемисова къ дверямъ невзрачнаго флигелька.

— Спасибо вамъ, Глѣбъ Петровичъ, что пришли!— встрѣтила Черемисова Людмила Николаевна.

Она была взволнована; глаза были красны отъ слезъ.

— Вотъ деньги, передайте ихъ и посовѣтуйте скорѣй уѣхать.

— Теперь все уладится. Они повѣнчаются и уѣдутъ. Отецъ согласился!—весело щебетала маленькая женщина.

— И прекрасно!

Глѣбъ вышелъ и сѣлъ на завалинкѣ у дома.

А Людмила Николаевна отдавала деньги Феничкѣ и совѣтовала скорѣй вѣнчаться. Феничка слушала ее, все еще недоумѣвая.

— Чего вы удивляетесь? Вѣдь теперь все хорошо устроилось. Правда?—обратилась она къ бѣлокурому подмастерью Аѳанасію.

— Ужъ я не знаю, какъ и благодарить васъ,—проговорилъ мастеровой.

— Какія тамъ благодарности. Главное—уѣзжайте, да не забудьте, что я у васъ посаженая мать.

— Добрыя вы,—вдругъ сказала Феничка и заплакала.

— Ахъ, какая вы плакса. Съ чего это?—утѣшала Людмила Николаевна, сама утирая набѣгавшія на глаза слезы.—Теперь Колосова не бойтесь.

Она обняла дѣвушку и, не выслушавъ благодарностей Аѳанасія, быстро вышла изъ комнаты.

Крутовская и Черемисовъ шли молча по слободкѣ. Черемисовъ искоса поглядывалъ на свою спутницу и злился на ея благодушное настроеніе. А Людмила Николаевна шла и ни о чемъ не думала, она рада была доброму дѣлу и какъ-то душевно размякла. Изрѣдка она взглядывала на Черемисова и, видимо, не рѣшалась сказать что-то такое, что готово было слетѣть съ языка. Наконецъ добрая женщина не выдержала и тихо, ласково прошептала, глядя своими большими синими глазами въ лицо Глѣба:

— Какой вы добрый!

«Какая ты нюня!»—подумалъ Глѣбъ и, въ отвѣтъ на ея слова, прибавилъ шагу.

— Вотъ и спасли человѣка!—сказала она голосомъ, въ которомъ звучала задушевная нота.

— Вы думаете?—ѣдко спросилъ Глѣбъ, взглядывая сбоку на маленькую добрую женщину.

— А вы? — удивилась Людмила Николаевна, широко раскрывая глаза.—Развѣ нѣтъ? Къ чему-жъ тогда было помогать?

— Были деньги, вотъ и все!—оборвалъ Черемисовъ, пуще озлившись послѣ естественнаго вопроса своей спутницы.

Она замолчала. Испугавшись суроваго тона, она, какъ улитка, спряталась въ скорлупу и до самаго дома не проронила ни слова. Только прощаясь, она робко спросила:

— А къ намъ?

— Въ другой разъ, Людмила Николаевна.

— Вы сердитесь на мужа?

— Съ чего вы это взяли?—опять раздражился Глѣбъ.

— Такъ зайдите. Володя радъ будетъ.

Черемисовъ отказался. Онъ былъ въ такомъ настроеніи, что ему никого не хотѣлось видѣть.

— Въ другой разъ я зайду!—проговорилъ Глѣбъ.—А вы не сердитесь на мои слова, Людмила Николаевна. Смягчите ихъ въ вашемъ добромъ сердцѣ!—прибавилъ онъ, крѣпко пожимая ея маленькую ручку.

Долгое время спустя послѣ этой сцены Людмила Николаевна не могла себѣ объяснить, отчего это ей всегда такъ неловко въ присутствіи Черемисова и отчего его тонъ такъ рѣзалъ ея нѣжныя уши. «То ли дѣло Володя! Онъ умѣетъ говорить мягко и нѣжно, и насмѣшка его не такая жестокая!» Тѣмъ не менѣе сердце ей подсказывало, что на такого человѣка, какъ Глѣбъ, положиться можно. «Странный онъ только, но вовсе не злой!»—говорила впослѣдствіи не разъ Людмила Николаевна про Черемисова.

XXXV.

Черемисову не хотѣлось домой. Его манило за городъ. Не спѣша, направился онъ къ стариннымъ городскимъ воротамъ и вышелъ въ поле; наудачу выбравъ одну изъ тропинокъ, онъ незамѣтно прошелъ густую дубовую рощу и очутился на берегу рѣки. Кругомъ было тихо. Солнце уплывало за горизонтъ, и синій лѣсъ, на другомъ берегу, свѣтился золотистымъ цвѣтомъ. Послѣ жаркаго дня въ воздухѣ потянуло прохладой.

Глѣбъ прилегъ на отлогомъ берегу и долго пролежалъ тутъ, убаюкиваемый тихимъ, ласковымъ журчаніемъ изви-

листой рѣчки. Незамѣтно онъ заснулъ и видѣлъ странный сонъ.

Ярко освѣщенная церковь. У алтаря священникъ въ полномъ облаченіи кого-то ждетъ. Вотъ и невѣста въ сопровожденіи родныхъ. Онъ взглянулъ—передъ нимъ Ольга, но не та, которую онъ видитъ каждый день за обѣдомъ, тихая, задумчивая, а другая, просвѣтленная счастіемъ; словно лучи на цвѣтахъ, сіяло оно въ ея глазахъ, лицѣ, улыбкѣ. «А женихъ?»—поинтересовался Глѣбъ. И зачѣмъ вдругъ онъ, Глѣбъ, очутился рядомъ съ Ольгой? Онъ хочетъ отойти, но она удерживаетъ его голосомъ, полнымъ любви: «Куда же ты? вѣдь ты знаешь, я люблю тебя и готова за тобой хоть на край свѣта, а ты любишь ли?» Глѣбъ молчитъ. Языкъ отказывается говорить неправду, и онъ въ смущеніи опускаетъ голову. «Вѣдь заводъ-то будетъ у тебя въ рукахъ!»—шепчетъ на ухо Глѣбу чей-то насмѣшливый голосъ. «Испугался, храбрый витязь? Другого такого случая не представится!»—«Что же ты молчишь... Согласенъ?»—снова шепчетъ тихій, ласкающій слухъ голосъ.—«Да!»—рѣзко отвѣтилъ Глѣбъ, и обрядъ начался. «Что я дѣлаю?»—мелькнуло у него въ головѣ, но уже поздно. Обрядъ конченъ, и всѣ его поздравляютъ. «Ну-съ, теперь заводъ вашъ, но не дорого ли вы за него заплатили, Глѣбъ Петровичъ?»—смѣется Стрекаловъ.—«Не дорого ли, любезный зять?»—шипитъ змѣиный голосъ Настасьи Дмитріевны. — «Не дорого ли?» — звучатъ со всѣхъ сторонъ голоса, сливаясь въ какой-то дикій гулъ.

«Оставь ихъ въ покоѣ!—нѣжно говоритъ ему Ольга.—Пусть они говорятъ, что хотятъ, ты мой, и никто тебя у меня не отниметъ. Отчего ты только такъ странно глядишь... Вѣдь ты не обманулъ меня... ты любишь?»—«Нѣтъ!»—чуть-было не вырвался рѣзкій крикъ, и Глѣбъ еще ниже опустилъ голову.

«Ну-съ, теперь устраивайте счастье людей на шкурѣ моей дочери! — хохочетъ Стрекаловъ. — Она, конечно, умретъ, но вѣдь вамъ наплевать? Что значитъ одна единица передъ тысячью, не такъ ли? Что же ты молчишь? Отвѣчай, по крайней мѣрѣ!» И онъ вдругъ кидается на Глѣба и хочетъ задушить его. Но Глѣбъ предупредилъ это движеніе и тонкими цѣпкими пальцами впился въ его горло. Ольга бросается на помощь, но Глѣбъ такъ взглянулъ на нее, что она остановилась, пораженная. «Оставь отца!»—умоляетъ Ольга.—«И ты за него?»—вдругъ вскрикиваетъ

Глѣбъ и въ бѣшенствѣ, оставивъ отца, сжимаетъ ее въ желѣзныхъ тискахъ. «Такъ ты меня не любишь! Ты и меня принесъ въ жертву, а я тебя любила, любила и теперь люблю»,—тихо шепчетъ она, и тихія слезы льются изъ глазъ дѣвушки.

Невыразимая тоска охватила сердце Глѣба, какой-то холодный ужасъ пробѣжалъ по всему тѣлу при видѣ этихъ слезъ. Онъ хочетъ говорить, но грудь сдавлена, точно на ней лежитъ невыносимая тяжесть. А она, какъ нарочно, глядитъ въ глаза съ убійственнымъ укоромъ. Онъ собралъ всѣ свои силы, крикнулъ и проснулся отъ собственнаго крика.

Въ сосѣднемъ кустѣ что-то шарахнулось. Выпорхнула дикая утка и, описавъ два круга, опустилась на другомъ берегу.

«Что за чертовщина приснилась!—прошепталъ Черемисовъ, отирая холодный потъ съ лица.—Какія глупости...» Онъ припомнилъ сонъ и засмѣялся, вспомнивъ «эту мелодраму» во снѣ.

Стало смеркаться. Глѣбъ на плоту перебрался на другой берегъ и направился узкой, глухой тропинкой, хорошо ему знакомой. Онъ шелъ быстро и дошелъ уже до половины лѣса, какъ вдругъ, въ сторонѣ за деревьями, услыхалъ знакомый голосъ Ольги. Глѣбъ невольно остановился и слушалъ.

— Какъ все это у васъ просто, Леонидъ Васильевичъ!—говорила дѣвушка.

— Я отъ жизни невозможнаго не требую, Ольга Николаевна!—отвѣчалъ мягкій мужской голосъ, въ которомъ Глѣбъ призналъ голосъ предсѣдателя суда Рѣчинскаго.

— Я ничего не требую... я только сомнѣваюсь!—тихо замѣтила Ольга.

Настало молчаніе. Фигуры Рѣчинскаго и Ольги мелькнули дальше между деревьями. Черемисовъ пошелъ тише по тропинкѣ, которая шла параллельно дорогѣ. «Сомнѣвается однако эта миссъ!»—проскользнуло у него въ головѣ, и ему почему-то стало пріятно.

— Обстоятельства складываютъ жизнь, намѣчаютъ, такъ-сказать, колею ея,—продолжалъ, нѣсколько обтачивая слова, Леонидъ Васильевичъ.—Стараться выйти изъ этой колеи...

— Глупо?—перебила Ольга.

— Я, Ольга Николаевна, врагъ рѣзкихъ выраженій. Я скажу—неблагоразумно.

— И всѣ стремящіеся къ жизни, которая бы ближе стояла къ идеалу, люди...

Ольга остановилась и взглянула на Рѣчинскаго.

— Часто честные, но неблагоразумные!—твердо и увѣренно закончилъ Рѣчинскій.

Они опять прошли нѣсколько шаговъ молча.

«Положительно, миссъ не похожа на миссъ! — повторялъ про себя Черемисовъ. — Только къ чему это она такъ допрашиваетъ этого джентльмена изъ окружного суда?»

— Хорошъ бы я былъ,—снова заговорилъ Рѣчинскій:— если-бъ вдругъ ни съ того, ни съ сего бросилъ бы свое судейское кресло и пошелъ бы по свѣту искать какихъ-нибудь эфемерныхъ идеаловъ, о которыхъ пишутъ въ романахъ, и то плохихъ. Не правда ли, я былъ бы очень комичный Донъ-Кихотъ?

Раздался тихій, приличный смѣхъ. Ольга тоже улыбнулась, представивъ изящную, приличную фигуру Леонида Васильевича въ образѣ Донъ-Кихота. Глѣбъ чуть громко не захохоталъ.

— И вы удовлетворены?

«Допрашиваетъ, точно слѣдователь, эта всегда молчаливая миссъ!»—улыбался Глѣбъ.

— Разумѣется. Одна сторона моей жизни вполнѣ удовлетворена. Я живу въ обществѣ и, какое бы оно ни было,— не смѣю сказать, что оно еще очень далеко отъ моего идеала,—я служу ему, какъ этого требуетъ долгъ порядочнаго человѣка. Я попалъ въ струю теченія, и плыть противъ него...

— Неблагоразумно!—опять подсказала Ольга съ едва замѣтной ироніей въ голосѣ.

— Было бы смѣшнымъ донъ-кихотствомъ, шокирующимъ трезво глядящаго на вещи человѣка. Развѣ вы съ этимъ несогласны, Ольга Николаевна?

Ольга ничего не отвѣчала и старательно вертѣла въ рукахъ зонтикъ.

— Вы, вѣрно, много читали романовъ, Ольга Николаевна?—замѣтилъ Леонидъ Васильевичъ.

— А что?—вскинула она на Рѣчинскаго глаза, полные какой-то сосредоточенной мысли.

— Мнѣ такъ кажется.

— Нѣтъ, я мало читала... И вообще я мало знаю!— какъ-то задумчиво проговорила дѣвушка.

Рѣчинскій не спускалъ съ нея глазъ, любуясь ея красивымъ, строгимъ лицомъ.

Ольга замѣтила этотъ пристально устремленный взглядъ и вспыхнула.

«Какая она красавица!»—подумалъ Рѣчинскій.

— Я только-что говорилъ объ одной сторонѣ жизни, но есть и другая...

Рѣчинскій снова внимательно глядѣлъ на Ольгу. Ольга упорно глядѣла себѣ подъ ноги.

— Другая, Ольга Николаевна, такъ-сказать, интимная. Вамъ, впрочемъ, быть-можетъ, это нисколько не интересно?

Ольга подняла голову. Она дѣйствительно невнимательно слушала послѣднія слова Рѣчинскаго.

— Вы говорили про другую сторону жизни,—какъ-то нехотя сказала она.

— Да. Я хотѣлъ сказать,—заговорилъ нѣсколько тише, взволнованнымъ голосомъ, Рѣчинскій:—что если бы судьба послала мнѣ друга-жену, которая бы мнѣ сочувствовала и дѣлила со мной труды жизни, то я былъ бы вполнѣ счастливъ и въ интимной жизни.

«Ну, сейчасъ руку и сердце!»—подумалъ Глѣбъ.

— Однако мы-таки порядочно забрели впередъ, Леонидъ Васильевичъ, того и гляди заблудимся... Ау!—крикнула Ольга.

— Ау! Ольга, гдѣ вы?—прозвучалъ ей въ отвѣтъ звонкій голосъ Ленормъ.

Рѣчинскій искоса посмотрѣлъ на Ольгу и поправилъ свои изящные воротнички.

— Вы не охотница, какъ вижу, Ольга Николаевна...

— Ау! ау!—громче крикнула Ольга и еще прибавила шагу.

Рѣчинскій былъ нѣсколько сконфуженъ и не докончилъ начатой фразы. Онъ тихо шелъ, опустивъ голову, за Ольгой. На его красивомъ, нѣсколько смущенномъ лицѣ появилось выраженіе не то удивленія, не то недоумѣнія.

— Ау! ау!—ближе кричали голоса, и черезъ минуту Ленормъ и Ѳедя выскочили изъ лѣсу.

— Сестра, гляди, сколько грибовъ!—весело крикнулъ Ѳедя.—Леонидъ Васильевичъ, смотрите!

— Tenez!—захохотала Ленормъ, показывая на большую корзину.

— Однако становится сыро, пора домой!—замѣтила Ольга.

— Пора, mes enfants, пора! Вы, Ольга, безъ грибовъ?— спрашивала Ленормъ, лукаво поглядывая на Рѣчинскаго.

— Я не искала ихъ.

— А вы, monsieur Рѣчинскій, вы не умѣете ихъ искать?

— Я плохъ въ этомъ отношеніи.

— А кушать, небойсь, ихъ любите?—подсмѣялся Ѳедя.

— А кушать люблю.

Они повернули въ сторону на тропинку и черезъ нѣсколько минутъ столкнулись съ Глѣбомъ лицомъ къ лицу.

— Вы, Черемисовъ, всегда появляетесь внезапно и, если-бъ было потемнѣй, мы бы васъ приняли за разбойника... Откуда?—засмѣялась француженка.

— Гулялъ.

— И вы наслаждаетесь природой? — подсмѣивалась француженка.

— Ахъ, Глѣбъ Петровичъ, если бы да ружье! Куропатокъ страсть!—весело говорилъ Ѳедя, присоединяясь къ Глѣбу.—Вѣдь вы домой?

— Домой.

— Значитъ съ нами?

— Я пойду не по большой дорогѣ, а тропинкой.

— И мы пойдемъ тропинкой!—вставила Ольга.

Рѣчинскій взглянулъ на Ольгу, потомъ смѣрялъ глазами Глѣба и какъ-то перекосилъ губами.

— Не сыро ли будетъ, Ольга Николаевна?—замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ... отчего же сыро.

— Какой вы нѣженка, мосье Рѣчинскій!—засмѣялась Ленормъ.—Среди лѣта боитесь простуды.

— А вы, кажется, ничего не боитесь?—язвительно замѣтилъ Леонидъ Васильевичъ.

— Ничего!—встряхнула головой Ленормъ, сворачивая на тропинку.

Пошли всѣ вмѣстѣ. Впереди Ольга съ Рѣчинскимъ, сзади Ленормъ, Черемисовъ и Ѳедя.

Сперва всѣ шли молча. Ольга все оборачивалась назадъ посмотрѣть, не отстали ли отъ нихъ другіе.

— Что вы все оборачиваетесь, Ольга Николаевна?

— Боюсь, что мы останемся одни.

— Отчего?

— Въ лѣсу страшно, Леонидъ Васильевичъ.

— И даже со мной?—тихо прошепталъ Рѣчинскій.

— И даже съ вами!—сухо замѣтила Ольга.

— Ну, слава Богу, наконецъ заговорили!—крикнула Ленормъ, услышавъ разговоръ.—Ольга, да куда вы бѣжите? Мы за вами не успѣваемъ. Г. Черемисовъ, а вы нарочно отстали?—обернулась она къ Черемисову.—Съ нами скучно?

— Не скучно, а тѣсно троимъ по тропинкѣ идти.

— Ѳедя, уступите мѣсто наставнику!

Ѳедя пошелъ впередъ, а Черемисовъ пошелъ рядомъ съ француженкой.

Она оживленно заговорила:

— Мы сегодня въ судѣ были, Черемисовъ!

— Ахъ, я и забылъ вамъ сказать,—перебилъ Ѳедя:—и я былъ... Ужасно!

— Скверное впечатлѣніе... Судили одного какого-то блѣднаго, худого молодого человѣка,—продолжала Ленормъ:—и...

— Присудили въ каторжную работу! Онъ убилъ человѣка!

— И Ольга Николаевна была?—спросилъ Глѣбъ.

— Къ несчастію, и я была, Глѣбъ Петровичъ,—полуобернувшись, замѣтила Ольга:—и вынесла тяжелое впечатлѣніе.

— Я просто, Глѣбъ Петровичъ, чуть не заревѣлъ. Конечно, онъ убійца, но все-таки жаль.

— Напрасно жалѣете, молодой человѣкъ. Такихъ людей нечего жалѣть!—обратился Рѣчинскій.

— Ихъ-то и жаль!—невольно вздохнула Ольга.

Рѣчинскій искоса поглядѣлъ на нее и пожалъ плечами.

— Разумѣется!—подхватилъ Ѳедя.

— И я протестую противъ словъ мосье Рѣчинскаго!—крикнула Ленормъ.

— Недостаетъ только протеста г. Черемисова, чтобы окончательно рѣшить, что убійца съ цѣлью грабежа не отверженецъ общества, а жертва соціальнаго положенія. Не правда ли, г. Черемисовъ?—съ нескрываемой насмѣшкой обратился Рѣчинскій.

Всѣ вышли изъ лѣсу и полемъ шли къ дому. Полная луна отлично освѣщала дорогу. Ольга и Ѳедя съ любопытствомъ ожидали отвѣта Глѣба.

— Совершеннѣйшая правда, г. Рѣчинскій!—сухо замѣтилъ Глѣбъ.

— Я заранѣе зналъ вашъ отвѣтъ.

— Къ чему же тогда вы спрашивали?—рѣзко спросилъ Глѣбъ.

Молодые люди смѣряли другъ друга глазами.

— Чтобы окончательно убѣдиться въ своемъ предположеніи и поздравить молодого юношу,—онъ указалъ на Ѳедю:—съ такими взглядами...

— Они вамъ, конечно, не нравятся.

— Не особенно-съ!—отчеканилъ Рѣчинскій и спросилъ Ольгу:

— И вы, пожалуй, Ольга Николаевна, раздѣляете взглядъ г. Черемисова?

— Вполнѣ!—рѣзко и громко замѣтила Ольга.

Рѣчинскій умолкъ и иронически улыбался, временами взглядывая на Ольгу. А Ольга, какъ нарочно, была такъ хороша при лунномъ освѣщеніи.

«Ужъ не увлеклась ли она этимъ неотесаннымъ развивателемъ?—вдругъ скользнула въ головѣ Рѣчинскаго мысль и заставила его невольно вздрогнуть.—Не можетъ быть... нѣтъ... этого не можетъ быть!»

И Леонидъ Васильевичъ съ большой злобой взглянулъ на высокую, здоровую фигуру Глѣба, который совершенно спокойно о чемъ-то бесѣдовалъ съ Ѳедей. Ольга внимательно слушала ихъ разговоръ.

Когда подошли домой, Глѣбъ раскланялся.

— А пить чай у насъ не будете?—тихо спросила Ольга.

— Нѣтъ-съ, не буду!—сказалъ Глѣбъ.

«Экій мужикъ!»—подумалъ Леонидъ Васильевичъ.

Ольга была въ какомъ-то задумчивомъ настроеніи, и Леонидъ Васильевичъ тоже. Это не укрылось отъ Стрекаловыхъ, и они думали, что, пожалуй, было объясненіе, и молодые натурально взволнованы.

— Хорошо ли гуляли, господа?—спрашивала Настасья Дмитріевна, присаживаясь къ самовару.

— Очень, мама!—отвѣчала Ольга.

— И къ концу поспорили!—кисло улыбнулся Рѣчинскій.

— Вотъ какъ... Изъ-за чего?

Ольга бросила на Рѣчинскаго взглядъ, полный ненависти. Мать поймала этотъ взглядъ, и сердце ея сжалось тоской.

— Впрочемъ, не одна Ольга Николаевна спорила. Всѣ были противъ меня.

— Дѣло становится болѣе интереснымъ, Леонидъ Васильевичъ! Кто-жъ всѣ?

— Ольга Николаевна, m-lle Ленормъ, Ѳедя и г. Черемисовъ.

— Развѣ Глѣбъ Петровичъ съ вами гулялъ?—спросила Стрекалова.

— Мы подъ конецъ съ нимъ встрѣтились въ лѣсу!—вставила Ленормъ.

— И вы, конечно, разбили молодежь?—со смѣхомъ вставилъ Стрекаловъ.

— Не совсѣмъ!—иронически улыбнулся Рѣчинскій:—г. Черемисовъ былъ горячимъ адвокатомъ Ольги Николаевны.

— Не моимъ, а всѣхъ, Леонидъ Васильевичъ!—подсказала Ольга и почему-то смутилась.

Рѣчинскій очень мило, живо и не безъ юмора передалъ содержаніе разговора и не замѣчалъ, какое производилъ впечатлѣніе на отца и на мать. И тотъ, и другая слушали разсказъ не безъ сердечной тоски. Отецъ боялся за сына, мать—за дочь.

— Это молодость въ нихъ говоритъ!—улыбался отецъ, когда Рѣчинскій кончилъ разсказъ.—Молодость вѣдь неразумна, жизни не знаетъ.

Вечеръ прошелъ какъ-то скучно. Николай Николаевичъ особенно пристально смотрѣлъ на Ѳедю и нѣсколько разъ горячо его обнималъ. Настасья Дмитріевна посматривала на Ольгу и наконецъ просила ее что-нибудь спѣть. Рѣчинскій присоединился къ ея просьбамъ.

— Нѣтъ, мама, не могу. Голова что-то болитъ.

У всѣхъ на душѣ было безпокойно, и Рѣчинскій уѣхалъ ранѣе обыкновеннаго.

Когда молодые люди простились съ родителями, Стрекаловы пошли въ кабинетъ и долго о чемъ-то разговаривали.

А Ольга сѣла за дневникъ и, между прочимъ, написала слѣдующую фразу:

«Никогда я не буду женой Рѣчинскаго!»

Кончивъ съ дневникомъ, молодая дѣвушка присѣла къ окну и долго просидѣла, задумчиво глядя въ глубь сада.

XXXVI.

Несмотря на то, что, послѣ назначенія Лампадова секретаремъ управы, работы у него было пропасть, онъ въ послѣднее время аккуратно ходилъ въ библіотеку и просматривалъ всѣ газеты, въ надеждѣ найти корреспонденцію, обѣщанную Крутовскимъ. Ужъ Иванъ Петровичъ

сталъ-было отчаиваться и подозрѣвать, что и въ Петербургѣ Александра Андреевича такъ боятся, что не рѣшатся напечатать о немъ, какъ въ одно утро, когда онъ просматривалъ «Ежедневный Петербургскій Курьеръ», въ глаза ему кинулся крупный заголовокъ: «Изъ Грязнополья», а въ текстѣ полная фамилія Колосова. Трудно описать жадность, съ которой бросился Иванъ Петровичъ читать печатныя строки; онѣ положительно скакали передъ его глазами, и въ первыя минуты онъ во всей статьѣ только и видѣлъ, что фамилію Колосова. Только нѣсколько времени спустя, Иванъ Петровичъ успокоился и могъ оцѣнить статью по достоинству; онъ надѣлъ очки, бережно разгладилъ газету и сталъ читать. Глаза его жадно слѣдили строка за строкой, и на лицѣ сіяла злорадная улыбка. «Экое перо у шельмы!—говорилъ онъ, оставаясь довольнымъ какимъ-нибудь ловкимъ выраженіемъ.—И безстрашный какой: такъ по фамиліи и вальнулъ!—одобрительно хихикалъ Лампадовъ.—Эге-ге!—промычалъ онъ, и на лицѣ его появилось выраженіе испуга, когда онъ дошелъ до того мѣста статьи, гдѣ разсказывался слухъ о недостаткѣ дворянскихъ суммъ и предлагалось назначить слѣдствіе. Иванъ Петровичъ помахалъ головой.—Экая отчаянность! Такъ онъ и допуститъ до слѣдствія!.. А все какъ бы не того! Ну, быть бѣдѣ!—шепнулъ онъ, оканчивая чтеніе.—Онъ этого не спуститъ».

Иванъ Петровичъ чуть ли не въ третій разъ прочелъ эту статью и, записавъ нумеръ газеты, весело поплелся въ слободку, потирая руки. Тамъ его застала другая неожиданность. Старикъ Кошельковъ, бывшій, по обыкновенію, «на второмъ взводѣ», сообщилъ ему о свадьбѣ дочери и объ отъѣздѣ молодыхъ.

При этихъ словахъ Иванъ Петровичъ чуть-было не привскочилъ.

— Что это вы сказали?—переспросилъ онъ.

— Дочку замужъ выдалъ, Иванъ Петровичъ, вотъ что.

— И давно свадьбу сыграли, Андронычъ?

— На прошлой недѣлѣ... Что, пальтецомъ довольны?—спрашивалъ Андронычъ своего давальца, не подозрѣвая, чему это Иванъ Петровичъ радуется.

— Славное пальтецо... отличное!.. Такъ, значитъ, Андронычъ, все какъ слѣдуетъ... вы и благословили?

— А то какъ же? Благословилъ, Иванъ Петровичъ. Аѳанасій парень хорошій, ну, и работать мастеръ.

— Конечно, конечно... И приданое отвалили?

— Какое наше приданое. Люди помогли.

— Люди, вы говорите?

— Триста рублей дали, да я сотняжку прибавилъ, оно для начала и ничего себѣ, живетъ. Можно сбиться. Въ уѣздѣ нашего брата поменьше будетъ. Туда они и уѣхали.

Иванъ Петровичъ заморгалъ глазами, видимо очень удивленный разсказомъ Андроныча.

— Одна барыня ходила, Фенина знакомая, та и деньги дала къ свадьбѣ... Вамъ, Иванъ Петровичъ, штаны не сшить ли? Али есть?

— Есть, есть, Андронычъ! Такъ, вы говорите, барыня?

— Барыня, и очень хорошая барыня, Крутовская, слыхали?

— Жена этого косматаго?

— Она самая.

— Гмм!.. Отъ достатку дала?—выспрашивалъ Иванъ Петровичъ.

— Какое отъ достатку. У самихъ-то у нихъ не Богъ знаетъ какой достатокъ. Это она понасбирала. Учитель есть у Стрекаловыхъ... Чай, Николая Николаича богача знаете?

— Ну?

— Онъ и деньги далъ. Такъ то-сь... Даромъ, что бѣдные люди, а тоже...

Андронычъ не докончилъ и сплюнулъ.

Иванъ Петровичъ поговорилъ еще нѣсколько минутъ и ушелъ, оставивъ Андроныча въ недоумѣніи насчетъ цѣли прихода Ивана Петровича. Впрочемъ, Кошельковъ недолго недоумѣвалъ и, не теряя времени, отправился въ кабакъ.

«Экое дѣло! Вѣдь доброе сердце у этого шельмеца, а подумаешь, какія страсти пишетъ!—разсуждалъ Лампадовъ.—Все мигомъ обладилъ. То-то обрадуется его превосходительство!» Иванъ Петровичъ не шелъ, а летѣлъ къ колосовскому дому, и на душѣ у него было легко и свѣтло. Забывъ о себѣ, онъ пожелалъ счастья любимой дѣвушкѣ, искренно радуясь, что она избавилась отъ преслѣдованій Колосова.

— Александръ Андреевичъ у себя въ кабинетѣ?—спросилъ онъ Гришу, который у подъѣзда бесѣдовалъ съ швейцаромъ.

— Не ходите... сердитый.

— А что?—полюбопытствовалъ Иванъ Петровичъ

— Газеты читать сталъ и освирѣпѣлъ. Видно, критику и на него пустили... Нынче на этотъ счетъ того и гляди!— сказалъ не безъ важности Гриша.

— Хе-хе-хе!—хихикнулъ Лампадовъ.—И очень освирѣпѣли?

— А подите-ка, сами посмотрите! — фамильярно замѣтилъ Гриша, насмѣшливо поглядывая на баринова секретаря.

— Я вѣдь по дѣлу... мнѣ что!—обронилъ Лампадовъ, поднимаясь по лѣстницѣ.

Войдя въ залу, Иванъ Петровичъ оправился передъ зеркаломъ и долго почему-то разглядывалъ свое лицо съ грустной улыбкой. Вѣроятно, онъ остался недоволенъ осмотромъ, потому что, отворачиваясь отъ зеркала, онъ шепнулъ съ досадой: «непривлекательная однако у меня образина!» и не безъ нѣкотораго душевнаго колебанія подошелъ къ дверямъ колосовскаго кабинета, потомъ тихо отворилъ двери и смиренно остановился у порога.

Александръ Андреевичъ ходилъ по кабинету и, очевидно, былъ разгнѣванъ; его бронзовая кожа какъ-то побѣлѣла, и обыкновенно ласковый взглядъ былъ на этотъ разъ суровъ и рѣзокъ. Замѣтивъ Лампадова, Колосовъ остановился и сухо спросилъ:

— Бумаги?

— Точно такъ-съ. Есть спѣшныя.

— Давайте-ка, Иванъ Петровичъ!—поспѣшилъ Колосовъ смягчить тонъ и протянулъ Лампадову руку.

— По запросу объ опекѣ г. Рыбакова,—докладывалъ Иванъ Петровичъ, подавая бумаги и не безъ удовольствія взглядывая на скомканный нумеръ «Курьера», лежавшій на столѣ.

— Отложить.

— Были запросы!—подсказалъ-было Лампадовъ.

— Не бѣда!—оборвалъ Колосовъ.

— По дѣлу объ устройствѣ фонтана въ дворянскомъ саду.—подалъ Лампадовъ слѣдующую бумагу. «Проняло, небойсь!—хихикалъ про себя Иванъ Петровичъ.—Какъ-то пройметъ, когда всю музыку узнаете, ваше превосходительство? Ишь, бровями-то на газету водитъ!»—слѣдилъ Иванъ Петровичъ за Колосовымъ, который по временамъ скашивалъ взглядъ на скомканный нумеръ.

— Всѣ?—спросилъ Колосовъ, подписывая послѣднюю бумагу.

— Точно такъ-съ.

— О школѣ запросовъ не поступало?

— Нѣтъ-съ.

— Если поступитъ—доложить немедленно.

— Слушаю-съ.

Колосовъ помолчалъ. Лампадовъ почтительно стоялъ у стола, временами взглядывая украдкой на предводителя.

— Вы знаете, гдѣ живетъ Крутовской?

— Нѣтъ-съ.

— Узнайте.

Иванъ Петровичъ доложилъ, что узнаетъ.

— Да разузнайте, чѣмъ занимается... понимаете ли? Не бываетъ ли у него сборищъ? Узнайте, подъ рукой, секретно...

— Говорятъ, Александръ Андреевичъ, онъ больше статьи разныя сочиняетъ.

— Знаю. Пасквилянтъ!—съ сердцемъ сказалъ Колосовъ.—Вотъ!—мотнулъ онъ головой на газету.—Читали?

— Нѣтъ-съ. Я газеты рѣдко читаю-съ!—солгалъ Иванъ Петровичъ.

— Прочтите-ка... Присядьте!

Лампадовъ осторожно взялъ хорошо знакомый нумеръ газеты и нарочно сталъ долго разыскивать статью. Пробѣжавъ ее, онъ молча положилъ ее на столъ.

— Каково?

— Этакая неслыханная, можно сказать, дерзость!—отвѣтилъ, испуганно покачавъ головой, Иванъ Петровичъ.

— Хороши газеты... печатаютъ всякія сплетни!

— Я только удивляюсь, откуда онъ могъ услыхать такія неслыханныя клеветы-съ?

— Все это идетъ изъ стрекаловскаго дома... Я увѣренъ. Скотина злится, что прокатили, ну и сплетничаетъ. Но вотъ что меня удивляетъ: какимъ образомъ онъ приплелъ сюда «несчастную дочь бѣднаго портного»?

— Это кто-съ?

— Феничка... вотъ кто!

Иванъ Петровичъ изобразилъ на своей физіономіи глубочайшее удивленіе.

— Быть-можетъ, черезъ самого отца. Онъ въ пьяномъ видѣ, быть-можетъ, что и сказалъ дочери, а та могла сказать г-жѣ Крутовской. Извѣстно—женщины.

— Развѣ Крутовская ее знаетъ?

— Точно такъ. Работу даетъ...

— Кстати, пришлите ко мнѣ этого пьяницу. Что онъ вамъ отвѣтилъ, а?

Иванъ Петровичъ чувствовалъ, какъ у него задрожали ноги при этомъ вопросѣ. Онъ однако превозмогъ испугъ и отвѣчалъ, не показывая ни малѣйшаго волненія:

— Я намекалъ, но только онъ очень пьянъ былъ и ничего, должно-быть, не понялъ.

— Пришлите-ка его ко мнѣ.

— Теперь поздно.

— Отчего?

— Она вышла замужъ и недѣлю тому назадъ уѣхала.

— Что?—переспросилъ Колосовъ, пристально глядя на Лампадова.

— Сегодня я узналъ, что она замужъ вышла и уѣхала.

— А это чьи штуки, г. Лампадовъ?—тихо проговорилъ Колосовъ, подергивая отъ злости нижней губой.

— Все Крутовского. Я сегодня былъ тамъ, въ слободкѣ, и узналъ. Жена его, то-есть г-жа Крутовская, дала на свадьбу триста рублей, а деньги-съ эти имъ господинъ Черемисовъ, учитель господина Стрекалова, далъ. Они, деньги получивши, обвѣнчались и уѣхали.

Колосовъ молча слушалъ несвязный докладъ Ивана Петровича, и въ сердцѣ его бушевала злоба, что изъ-подъ носа у него выхватили такой лакомый кусочекъ. Онъ снова заходилъ по кабинету и подергивалъ нижней губой. Глаза его метали молніи.

— Вы знаете, куда они уѣхали?

— Не догадался спросить!—опять совралъ Лампадовъ.

— Спросите... впрочемъ, не надо, я самъ спрошу, а то вы опять... опоздаете! — прибавилъ Колосовъ съ насмѣшкой.

Александръ Андреевичъ сухо кивнулъ головой на низкій поклонъ Ивана Петровича, который, выйдя изъ кабинета, даже перекрестился, что объясненіе это кончилось такъ благополучно.

— Теперь Феничка тю-тю! ищи ее!—прошепталъ Лампадовъ, ухмыляясь.

Александръ Андреевичъ долго еще ходилъ по кабинету. Потомъ подошелъ къ столу, взялъ злополучный нумеръ и снова сталъ читать, но вдругъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ кресла, швырнувъ газету.

Онъ снова заходилъ быстрыми, нервными шагами.

«А что, если въ самомъ дѣлѣ вздумаютъ нарядить

слѣдствіе?»—при этой мысли Александръ Андреевичъ поблѣднѣлъ. Впрочемъ, испугъ его продолжался недолго; по губамъ снова скользнула знакомая улыбка...

«Что я за дуракъ сегодня!—шепнулъ онъ.—Вѣдь свѣтлѣйшій князь Вяткинъ за меня, и наконецъ изъ-за пасквилей слѣдствій у насъ не бываетъ... мы не въ Англіи. А главное, эти олухи сами подписали одобреніе моимъ распоряженіямъ съ суммами, и слѣдовательно...—Онъ тихо свистнулъ. — Этакій дуракъ, этотъ Лампадовъ, однако... Увернулась дѣвочка! Экземплярчикъ очень хорошій былъ для Грязнополья!»

Глаза Колосова снова невольно упали на газету, и онъ опять отвернулся.

«Ну-съ, г. Крутовской, вы увидите, что̀ значитъ подъ ноги мнѣ попадаться... Разъ вамъ сошло—другой не сойдетъ!»—прошепталъ Александръ Андреевичъ, зло улыбаясь, и захлопалъ въ ладоши.

Явился Гриша.

— Надежда Алексѣевна у себя?

— У себя-съ.

— Никого нѣтъ?

— Господинъ Айкановъ!—проговорилъ Гриша, какъ-то странно глядя въ глаза барину.

Колосовъ отвернулся и приказалъ закладывать карету.

Тихо подошелъ онъ къ кабинету жены и, прежде чѣмъ войти, нѣсколько разъ кашлянулъ. Колосовъ очень хорошо увидѣлъ быстрое движеніе Айканова, отскочившаго съ дивана на кресло, и краску на лицѣ Надежды Алексѣевны, успѣвшей ловкимъ взмахомъ руки поправить свою прическу, но не подалъ виду, что замѣтилъ что-нибудь, и, приблизившись, ласково поздоровался съ Айкановымъ.

— Я помѣшалъ, господа, вашему спору, вѣроятно, — извините. Что, какъ ваша школа, Василій Васильевичъ?—присѣлъ Колосовъ около Айканова и потрепалъ его по колѣнкѣ.—Хорошо идетъ?..

— Ничего себѣ!—проговорилъ Айкановъ, вспыхивая.

— А Надя ретиво занимается?—Вы ею довольны?

— Что это ты такъ интересуешься? — сухо замѣтила жена.

— Я, Надя, всегда полезнымъ интересуюсь... Кстати, читала ты сегодня газеты?

— Читала.

— И «Курьеръ» читала?

— И «Курьеръ» читала.

— Не правда ли, интересенъ сегодняшній нумеръ? Тамъ твоего мужа, Надя, преостроумно бичуютъ!—шутилъ Колосовъ.—Вы изволили читать, Василій Васильевичъ?

— Читалъ.

— Бойко пишетъ этотъ начинающій литераторъ. Вы съ Крутовскимъ не знакомы, Василій Васильевичъ?

— Нѣтъ.

— Жаль, по перу видно — умница. Ты бы, Надя, съ нимъ познакомилась, онъ, говорятъ, пріятель Черемисова, и жена его прекраснѣйшая женщина... впрочемъ, ты ее знаешь...

— Знаю. Она дѣйствительно святая женщина.

— Быть-можетъ, и святая, не спорю, Надя; тѣмъ болѣе, значитъ, стòитъ познакомиться съ мужемъ святой.

Надежда Алексѣевна пристально посмотрѣла на мужа и только-что замѣтила, сколько злобы было въ его глазахъ. Она поспѣшила отвернуться.

— Конечно, святымъ людямъ будетъ скучно съ нами, грѣшниками,—тихо замѣтилъ Колосовъ, подчеркивая послѣднее слово:—но все-таки мы бы у нихъ набрались святости и, быть-можетъ, избавились бы отъ пороковъ. Не такъ ли, Василій Васильевичъ? Однако что-жъ это я болтаю съ вами... Уже четвертый часъ, а мнѣ надо къ губернатору, да и вамъ, я думаю, пора окончить начатый споръ. До свиданія. Такъ познакомься, Надя, со святыми. Познакомься... Это тебѣ не мѣшаетъ, мой другъ!—добавилъ самымъ ласковымъ голосомъ Александръ Андреевичъ, уходя изъ кабинета...

— И они радуются!—проговорилъ онъ со злобой.—Радуйтесь, радуйтесь... Каково потомъ будетъ!

Надежда Алексѣевна нѣсколько секундъ сидѣла молча. Она что-то обдумывала и наконецъ торопливо заговорила:

— Узнайте, Айкановъ, адресъ Крутовского и скажите ему, чтобы онъ былъ осторожнѣй. Слова мужа—не къ добру. Вы слышали, чтò онъ говорилъ, и замѣтили, какой онъ мягкій? Это значитъ, что онъ золъ, а когда онъ золъ, онъ не успокоится, пока не раздавитъ своего врага. Я его знаю. Поѣзжайте сейчасъ!

Айкановъ уѣхалъ. Надежда Алексѣевна тихо закрыла лицо и вспомнила намеки мужа. Эти деликатныя оскорбленія глубоко задѣли несчастную женщину

«Когда же все это кончится!»—вдругъ крикнула она и порывисто рванулась изъ комнаты. Она подсѣла къ роялю и заиграла. Горькія жалобы вырвались изъ-подъ ея рукъ. Казалось, само горе жаловалось отчаянными звуками, то тихими, замирающими, нѣжными, то бурными, безнадежными.. Долго продолжалась ея игра. Наконецъ она оборвала рѣзкимъ аккордомъ и, склонившись, тихо заплакала.

«Господи, гдѣ же выходъ?»—вырвался отчаянный вопль изъ сердца молодой грѣшницы.

XXXVII.

Колосовъ позабылъ принять мѣры, чтобы злополучный нумеръ «Курьера» не дошелъ до подписчиковъ, и потому грязнопольцы имѣли высокое наслажденіе прочесть, какъ обработали одного изъ уважаемыхъ согражданъ. О статьѣ заговорили, нумера «Курьера» возились изъ дома въ домъ и читались во всеуслышаніе, двѣ дамы чуть-было не поссорились изъ-за права прочесть статью раньше другой, а одна рѣшилась даже украсть нумеръ «Курьера» изъ библіотеки, такъ велико было ея желаніе скорѣй узнать, что̀ написано про «уважаемаго Александра Андреевича»; однимъ словомъ, маленькое болото заволновалось. По обыкновенію, грязнопольцы раздѣлились на двѣ партіи: на одобрявшихъ и не одобрявшихъ статью; хотя и та и другая партія одинаково рады были скандалу и не безъ гаденькаго чувства радовались, что въ газетѣ промывали кости ближняго, тѣмъ не менѣе большинство громко вопило о нарушеніи всякихъ приличій, о разнузданности печати, и призывало на автора статьи громы небесные. Въ клубѣ, гдѣ по поводу этой статьи собралось множество грязнопольцевъ, противъ Крутовского предлагались самыя разнообразныя мѣры: одни предлагали отправить депутацію къ господину начальнику губерніи съ просьбою выслать «этого негодяя» изъ города, другіе предлагали «отдать этого мерзавца» подъ судъ, наконецъ третьи рекомендовали болѣе радикальное средство: безъ всякихъ депутацій и суда высѣчь «негоднаго писаку». Меньшинство, возставшее противъ этихъ мѣръ, было встрѣчено неодобрительно.

— Сегодня Колосова пропечатаютъ, — волновались почтенные грязнопольцы: — завтра меня, послѣзавтра третьяго... что-жъ это за жизнь будетъ? Тогда хоть убѣгай изъ Грязнополья со свободой прессы!

— Господа!—заговорилъ Рыбаковъ.—Господа...

— А потомъ,—перебилъ лысый совѣтникъ казенной палаты:—въ семейную жизнь ворвутся.

— И по дѣломъ!—хихикаетъ молодой прапорщикъ.

— И начнутъ на нашихъ женъ и дочерей пасквили печатать.

— А вѣдь это было бы недурно!—шепчетъ прапорщикъ на ухо товарищу.

— Да что тутъ разсуждать, господа, слѣдуетъ просто выпороть этого мерзавца безъ всякихъ разговоровъ!—раздается чей-то громкій голосъ.

— Господа... Милостивые государи!—тщетно взываетъ Рыбаковъ.

— Тсъ!—вопятъ со всѣхъ сторонъ.—Дайте слово Аѳанасію Яковлевичу!

— Вы противъ или за?—ревутъ расходившіеся грязнопольцы.

— Разумѣется, противъ. Какой честный человѣкъ...

— Говорите!—перебиваютъ Рыбакова.—Говорите!

Говоръ нѣсколько смолкъ. Рыбаковъ крякнулъ, высморкался, поправилъ очки и началъ:

— Милостивые государи!

— А bas Рыбакова, à bas!

— Господа, да что же это такое? Свиньи мы, что ли?—раздались голоса.—Аѳанасій Яковлевичъ, говорите! Если кто перебьетъ васъ,—выведемъ.

— Попробуйте!—не унимался все тотъ же выпившій дворянинъ въ формѣ отставного моряка.

— Антонъ Иванычъ... Антоша!—успокаивали его пріятели.—Три кругосвѣтныхъ плаванья совершилъ, парламенты разные видѣлъ, а мѣшаешь человѣку сказать рѣчь... Хорошъ!

— Милостивые государи!

Морякъ захохоталъ такимъ веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ, что засмѣялись всѣ. Однако пріятели подошли къ моряку и отвели его къ буфету.

— Продолжайте, Аѳанасій Яковлевичъ, теперь онъ не помѣшаетъ. Онъ въ буфетѣ.

Рыбаковъ снова крякнулъ и началъ:

— Милостивые государи...

— Я уже третью рюмку коньяку выпилъ, а онъ еще не можетъ начать, ай да ораторъ!—вдругъ снова раздался громкій, веселый голосъ моряка изъ буфета.—Лучше, позвольте, я скажу рѣчь...

Опять смѣхъ и запираніе дверей на ключъ.

— Ну, теперь будьте спокойны, Аѳанасій Яковлевичъ. Онъ запертъ.

— Милостивые государи! — снова начинаетъ Рыбаковъ, кидая безпокойные взгляды на двери въ буфетъ:—я надѣюсь, что выражу мнѣніе всѣхъ честныхъ и здравомыслящихъ людей, если скажу, что гнусный пасквиль, который мы имѣли несчастіе прочесть на страницахъ газеты, къ сожалѣнію, весьма распространенной, возбудилъ въ насъ чувство глубокаго презрѣнія къ автору...

— Ишь какъ говоритъ... по нотамъ!—замѣчаетъ кто-то.

— Шельмы всегда такъ говорятъ!—хихикаетъ чей-то голосъ.

— А развѣ онъ шельма?

— И еще какая! — раздается шопотъ. — Спеціально сиротъ обираетъ.

— Тсъ... тсъ... господа! Слушайте!

— Неблагонадежность презрѣннаго пасквилянта по достоинству оцѣнена уже давно, и только потому мы имѣемъ несчастіе терпѣть присутствіе этого темнаго проходимца въ нашемъ городѣ. Наше время, милостивые государи, къ несчастію, рядомъ съ величественными реформами, изумляющими не только Востокъ, но и Западъ...

— Это онъ къ чему же о Востокѣ и Западѣ?

— Такъ надо. Извѣстно, рѣчь...

— Съ политическимъ оттѣнкомъ, ха-ха-ха!

— Господа, не перебивайте!

— ...Не только Востокъ, но и Западъ, — продолжалъ свои импровизацію почтенный ораторъ:—показываетъ намъ тѣ крайнія грани, столбы, такъ-сказать, до которыхъ можетъ дойти распущенность нѣкоторой части молодого поколѣнія. Не останавливаясь ни передъ чѣмъ—ни передъ религіей, ни передъ святыней домашняго очага, ни передъ собственностью...

— Ты-то очень ее уважаешь!—замѣтилъ чей-то голосъ, такъ что почтенный ораторъ заикнулся и нѣсколько сконфузился.

— ...Не останавливаясь, говорю, ни передъ чѣмъ, эти люди—адепты безумныхъ ученій—клевещутъ на все то, что достойно уваженія честныхъ и порядочныхъ людей. Чѣмъ же, милостивые государи, должны мы отвѣчать клеветнику, написавшему грязный пасквиль? Презрѣніемъ! Развѣ грязь, бросаемая изъ-за угла въ достойнаго и ува-

жаемаго нами предводителя, довѣріе къ которому такъ блистательно было заявлено на недавнихъ земскихъ выборахъ, можетъ хотя на секунду поколебать наше высокое уваженіе къ безкорыстному общественному дѣятелю? Я полагаю, милостивые государи, напротивъ: гнусная клевета, брошенная пасквилянтомъ, который—кто можетъ поручиться?—могъ быть орудіемъ какой-нибудь недостойной интриги, заставитъ насъ тѣснѣй сплотиться вокругъ нашего любимаго предводителя и сказать, какое глубокое негодованіе возбудила въ насъ презрѣнная клевета. Поэтому я предлагаю поднести Александру Андреевичу адресъ въ этомъ смыслѣ. Я кончилъ, милостивые государи!—заключилъ Рыбаковъ, отирая платкомъ лобъ.

«Милостивые государи» остались чрезвычайно довольны рѣчью.

— По нотамъ говоритъ, ахъ, какъ говоритъ.

— Браво, Аѳанасій Яковлевичъ! — вопилъ морякъ, успѣвшій-таки пробраться въ залу. — Брависсимо... Настоящій Жюль Фавръ... Да что̀ Жюль Фавръ... Выше... Языкъ, я вамъ доложу...

И онъ полѣзъ цѣловаться съ ораторомъ.

— Вамъ бы, батюшка,—говорили другіе:—въ адвокаты.

— Я такъ и думаю! — охорашивался маленькій, толстенькій господинъ.

— Разумѣется! — вопилъ морякъ.—Денегъ-то сколько загребете... Господа! Напишемъ прежде адресъ Аѳанасію Яковлевичу!

— Антоша! Ты опять? Въ трехъ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ былъ и чуть выпьешь,—сейчасъ скандалъ. И не стыдно? Пойдемъ-ка лучше въ буфетъ.

— Пойдемъ. Отчего не пойти, но только чего же мы выпьемъ?

— Выпьемъ чего-нибудь... найдемъ, чего выпить.

Приступили къ редакціи адреса. Сочиняли его общими силами. Редакторъ, г. Кашкадамовъ, напиралъ больше на грамматику.

— Господа! вѣдь это невозможно... вѣдь грамматика это...

— Ну васъ съ грамматикой... Главное, чтобы отъ сердца! — перебилъ лысый совѣтникъ. — Отъ полнаго сердца!

— Но однако развѣ возможно выразиться: «сердца наши пишутъ». Это, согласитесь... Не лучше ли сказать такъ: «строки эти продиктованы нашими сердцами»?

Согласились, что дѣйствительно лучше «строки эти продиктованы» и т. д. Пошло далѣе уже безъ особыхъ затрудненій, и адресъ явился въ слѣдующемъ видѣ:

«Милостивый Государь
Александръ Андреевичъ!

«Мы, нижеподписавшіеся, съ глубочайшимъ сожалѣніемъ прочли въ 152 № газеты «Ежедневный Курьеръ» статью, озаглавленную «Изъ Грязнополья», въ которой безыменный авторъ позволилъ себѣ цѣлый рядъ клеветъ, направленныхъ противъ вашей высокоуважаемой личности. Нѣтъ словъ, милостивый государь, которыя бы могли выразить то негодованіе и то презрѣніе, которое почувствовали мы по прочтеніи этого гнуснаго пасквиля. Мы вполнѣ увѣрены, что клеветы эти не могли ни на минуту оскорбить васъ, потому что дѣятельность ваша такъ высока, такъ чиста и безупречна, что не темному пасквилянту судить ее. Судимъ ее мы, ваши сограждане и ваши сослуживцы, и спѣшимъ выразить вамъ еще разъ чувства самаго глубокаго уваженія къ вашей безупречной дѣятельности и искренней любви лично къ вамъ, какъ къ личности, высоко и съ достоинствомъ носящей имя грязнопольскаго дворянина. Презрѣніе да будетъ удѣломъ клеветнику и отвѣтомъ на недостойную клевету; ей нѣтъ мѣста по отношенію къ такой свѣтлой, высоко развитой личности, какъ ваша, Александръ Андреевичъ. Примите же, высокоуважаемый и благородный дѣятель, строки эти, продиктованныя нашими сердцами, какъ залогъ того уваженія и той любви, которыя никогда не изсякнутъ, что̀ бы ни выдумывала гнусная клевета».

Честь редижированія адреса всецѣло принадлежала Кашкадамову, и его усердно благодарили. Адресъ моментально покрылся подписями. Порѣшили, что три депутата отвезутъ его немедленно Александру Андреевичу, и затѣмъ адресъ будетъ, съ согласія Александра Андреевича, напечатанъ въ мѣстномъ органѣ и посланъ въ редакцію «Ежедневнаго Курьера», послѣ чего зала собранія опустѣла, и грязнопольцы разсѣлись за зеленые столы.

— Не черезчуръ ли уже мы хватили?—говорилъ высокій полковникъ, лизнувъ пальцы передъ сдачей картъ.

— Главное, отъ сердца...—замѣтилъ лысый совѣтникъ.

— Спору нѣтъ, но только вѣдь статейка не безъ основанія...

— Скажу больше, полковникъ,—понизивъ голосъ, говорилъ совѣтникъ.—Я доподлинно знаю, что денежки тю-тю!

— И много?

— Да тысячъ этакъ пятьдесятъ!—сладко причмокнулъ совѣтникъ.

Другіе партнеры передернули губами отъ удовольствія, что человѣкъ могъ стянуть такой большой кушъ.

— Куда же онъ ихъ дѣлъ?

— Вѣрно, на текущій счетъ положилъ въ обществѣ взаимнаго кредита!—глубокомысленно сказалъ тощій банковый чиновникъ.—Что̀ больше дѣлать? Натурально, на имя жены.

— То-то и не натурально, молодой человѣкъ. И денегъ нѣтъ. Онъ ихъ размоталъ. Колосовъ мотъ большой руки, впрочемъ, человѣкъ онъ умный и благонамѣренный.

— А если слѣдствіе?—снова заикнулся банковскій чиновникъ.

Лысый совѣтникъ посмотрѣлъ на него и, усмѣхаясь, замѣтилъ:

— Вы полагаете, Александръ Андреичъ пижонъ, что ли? Что̀ ему ваше слѣдствіе, когда деньги эти правильно показаны на пособія.

Банковый чиновникъ согласился и объявилъ, что покупаетъ.

— А все-таки адресъ не мѣшаетъ. Пусть! И, главное, отъ сердца!—закончилъ разговоръ совѣтникъ и объявилъ, что онъ покупаетъ второй разъ.

Генералъ сидѣлъ въ кабинетѣ и пробѣгалъ «Ежедневный Курьеръ». Онъ нѣсколько разъ одобрительно улыбнулся: «Пикантно написано... очень пикантно и зло! Вѣрно, тамъ опять подулъ южный вѣтеръ!»—шепнулъ онъ, принимаясь за обтачиваніе своихъ безподобныхъ ногтей. Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги. Генералъ довольно поспѣшно подвинулъ къ себѣ бумаги.

— Александръ Андреевичъ Колосовъ!—доложилъ вошедшій чиновникъ.

— A la bonheur! Просите!—замѣтилъ генералъ, пряча нумеръ «Курьера» и углубляясь въ лежавшія передъ нимъ бумаги съ тѣмъ глубокимъ, сосредоточеннымъ, дѣловымъ видомъ, изъ-за котораго генералъ пользовался репутаціей весьма солиднаго администратора.

Александръ Андреевичъ вошелъ въ кабинетъ и, останавливаясь у порога, замѣтилъ:

— Прошу извинить, что помѣшалъ вашему превосходительству...

Генералъ всталъ съ мѣста и пошелъ навстрѣчу къ Колосову.

— Садитесь, Александръ Андреевичъ. Я очень радъ васъ видѣть!—замѣтилъ генералъ, пожимая ему руку.— Бумаги потерпятъ.

— У васъ, ваше превосходительство, время дорого.

— Э, полноте! Работы, правда, не мало. Вотъ!—кивнулъ онъ головой на лежавшія передъ нимъ дѣла:—все это надо прочитать и подписать.

«И ты подпишешь, хотя и не прочтешь!» — мысленно улыбнулся Колосовъ.

— Надежда Алексѣевна здорова?

— Благодарю васъ.

Вышла маленькая пауза.

— Я пріѣхалъ къ вашему превосходительству,—заговорилъ Колосовъ:—показать вамъ, до чего въ послѣднее время доходитъ печать, и попросить вашего совѣта.

Генералъ вѣжливо наклонилъ голову.

— Вы, вѣроятно, уже изволили слышать?

Лицо генерала приняло сосредоточенно внимательное выраженіе.

— О чемъ?

«Вѣдь вретъ, каналья, вретъ какъ!» — подумалъ Александръ Андреевичъ.

— О той статьѣ, напечатанной въ «Ежедневномъ Курьерѣ», которая направлена противъ меня.

Генералъ пожалъ плечами.

— Скажите! Давно она напечатана?

— Вчера я получилъ нумеръ. Не угодно ли вамъ прочесть, что позволяютъ себѣ разные писаки.

Генералъ взялъ нумеръ газеты и сталъ читать.

Колосовъ внимательно смотрѣлъ на генерала. Генералъ былъ серьезенъ, какъ статуя командора. Онъ подалъ обратно нумеръ и замѣтилъ:

— Надѣюсь, Александръ Андреевичъ, подобныя глупости не могли оскорбить васъ.

— Напротивъ, ваше превосходительство, они оскорбляютъ. Не первый разъ уже я былъ предметомъ нападокъ со стороны лица, которое, какъ не безызвѣстно вашему превосходительству, не пользуется репутаціей благонадежнаго человѣка. Мѣсяцъ тому назадъ господинъ Крутов-

ской написалъ первый пасквиль, о которомъ я имѣлъ честь въ то же время вамъ доложить, и вотъ теперь онъ, пользуясь безнаказанностью, позволилъ себѣ написать новый пасквиль, еще грязнѣе перваго. Насколько я припомню, ваше превосходительство при первомъ моемъ докладѣ изволили посовѣтовать мнѣ жаловаться суду, при чемъ обязательно изволили прибавить, что нынче судъ правый и скорый, и что, слѣдовательно, клеветникъ будетъ наказанъ. Я тогда не послѣдовалъ совѣту вашего превосходительства,—хотя и принялъ его къ свѣдѣнію,—только потому, что полагалъ не совсѣмъ удобнымъ дать случай суду оставить безъ вниманія мою жалобу и тѣмъ самымъ гласно, такъ-сказать, узаконить безнаказанность писакъ, которые почему-либо находятъ нужнымъ клеветать на людей, именно такихъ, которые облечены довѣріемъ правительства.

Александръ Андреевичъ перевелъ духъ и взглянулъ на генерала. Генералъ весьма озабоченно крутилъ свои усы.

— Не рискуя самъ принять на себя отвѣтственность въ такомъ дѣлѣ, я счелъ своей обязанностью, ваше превосходительство, предварительно ознакомиться съ вашимъ взглядомъ на этотъ вопросъ и прежде, чѣмъ прибѣгать къ помощи справедливаго и скораго суда, прибѣгнуть къ помощи вашего превосходительства и спросить вашего совѣта: долженъ ли я жаловаться суду, или же вы, быть-можетъ, изыщете средства оградить меня и безъ помощи скораго и праваго суда, и тѣмъ самымъ не допустите, чтобы авторитетъ власти былъ обсуждаемъ въ судѣ гласно при публикѣ, весьма охотной до скандаловъ подобнаго рода.

Генералъ былъ поставленъ въ весьма неловкое положеніе словами Александра Андреевича. Онъ очень хорошо понялъ, въ какую сторону гнетъ Колосовъ, и всѣ тонкія шпильки, на которыя не поскупился Александръ Андреевичъ, произвели на генерала нѣкоторое впечатлѣніе. Онъ нѣсколько времени помолчалъ и наконецъ замѣтилъ:

— Вы, право, Александръ Андреевичъ, придаете слишкомъ большое значеніе газетной статьѣ.

— Я попрошу извиненія у вашего превосходительства,—говорилъ Колосовъ все мягче и нѣжнѣй по мѣрѣ того, какъ замѣчалъ, что ставилъ генерала въ нѣсколько затруднительное положеніе:—если позволю себѣ не вполнѣ согласиться съ вами. Въ данномъ случаѣ не статья важна,

а важны симптомы настроенія извѣстнаго сорта людей. Вашему превосходительству, конечно, лучше меня извѣстны тѣ принципы и цѣли, которыми руководствуются молодые люди, которые, къ несчастію, не всегда увлекаются поодиночкѣ, а составляютъ, такъ-сказать, сплоченный союзъ и пользуются всякими средствами, чтобы посѣять въ обществѣ неуваженіе къ авторитету, и вотъ именно съ этой точки зрѣнія я и смотрю на то систематическое преслѣдованіе, которому подвергаются въ газетахъ лица, или облеченныя довѣріемъ, или выдающіяся по своему положенію и состоянію. Ваше превосходительство, конечно, лучше меня знаете, какого взгляда держаться по этому поводу и какая существуетъ оцѣнка тѣмъ стремленіямъ, о которыхъ я только-что имѣлъ честь высказать вашему превосходительству.

— Чего же вы однако хотите, Александръ Андреевичъ?—спросилъ генералъ, понемногу теряя свой прежній апломбъ.

— Я бы хотѣлъ прежде, чѣмъ рѣшиться дѣйствовать, узнать ваше мнѣніе. Я такъ былъ счастливъ, что вчера еще получилъ адресъ отъ господъ дворянъ, возмущенныхъ слишкомъ наглой клеветой.

— Адресъ?—переспросилъ генералъ.

— Точно такъ-съ. Не угодно ли будетъ взглянуть?

И Колосовъ подалъ извѣстный читателю адресъ. Генералъ прочелъ его, повертѣлъ его въ рукахъ и подалъ обратно.

— Я сдѣлаю внушеніе Крутовскому!

— Я буду вашему превосходительству, конечно, весьма благодаренъ, хотя снова позволю замѣтить себѣ, что боюсь, какъ бы снисходительность вашего превосходительства не была сочтена имъ въ данномъ случаѣ за молчаливое согласіе.

Генералъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Я только потому позволилъ себѣ выразить такое предположеніе, что имѣю свѣдѣнія, что не одинъ Крутовской изъ числа такихъ людей, которые могутъ подумать именно такимъ образомъ. Есть и другіе: напримѣръ, пріятель его, г. Черемисовъ, учитель въ домѣ у Николая Николаевича Стрекалова. Николай Николаевичъ, съ разрѣшенія вашего превосходительства, устроилъ у себя на заводѣ чтенія, и господинъ Черемисовъ, пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, читаетъ простому народу о такихъ вещахъ,

которыя врядъ ли соотвѣтствуютъ разрѣшенію вашего превосходительства.

Генералъ не могъ мысленно не обозвать Колосова самымъ неблагозвучнымъ эпитетомъ.

— Мнѣ это все извѣстно,—проговорилъ онъ.—Вы, вѣроятно, имѣете невѣрныя свѣдѣнія, а тому, что̀ знаю я, я не придаю особеннаго значенія. Все это очень обыкновенныя вещи.

— Конечно, ваше превосходительство, все зависитъ отъ степени достовѣрности, и я не смѣю противорѣчить, но что̀ касается до статьи господина Крутовского, то надѣюсь, что это фактъ, не подлежащій сомнѣнію?

— Я призову его и поговорю съ нимъ.

— Я уже докладывалъ вашему превосходительству...

— Такъ чего же вы наконецъ хотите отъ меня?—нѣсколько возвысилъ голосъ начинавшій сердиться генералъ.

— Я ничего не хочу. Я только прошу вашей защиты.

— Я вамъ сказалъ, что я сдѣлаю.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ, поднимаясь, Александръ Андреевичъ:—мнѣ остается только еще разъ благодарить ваше превосходительство.

Генералъ сухо раскланялся.

Въ тотъ же вечеръ Колосовъ писалъ въ Петербургъ къ князю Вяткину. Письмо было длинное и убѣдительное.

— Посмотримъ,—сказалъ Колосовъ, пробѣгая оконченное письмо:—каково сочинять пасквили и каково за нихъ гладятъ по головкѣ. То-то свѣтлѣйшій обрадуется! Какой великолѣпный матеріалъ для его новаго меморія, который онъ печатать не станетъ, а велитъ переписать и...

Александръ Андреевичъ громко расхохотался, окончивъ чтеніе своего письма, и, пряча его въ столъ, проговорилъ:

— Если-бъ не дураки, тяжело бы нашему брату на свѣтѣ жить!

Онъ позвалъ Гришу, раздѣлся и, лежа въ постели, слушалъ Гришины разсказы о его любовныхъ похожденіяхъ, пока тихо не задремалъ.

XXXVIII.

«Надо отдать ему справедливость—мастеръ онъ работать! Работа превосходная!—говорилъ Николай Николаевичъ, просматривая у себя въ кабинетѣ провѣрку книгъ

по заводу во все время управленія Карла Карловича, составленную Черемисовымъ.—Нѣмца необходимо немедленно вонъ выгнать и взять другого!» Стрекаловъ подумалъ, что Черемисовъ былъ бы отличный управляющій, но немедленно же разстался съ своей мыслью. Въ послѣднее время онъ сталъ недовѣрять Черемисову и зорко слѣдилъ за нимъ; хотя ничего особеннаго Николай Николаевичъ и не замѣчалъ, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ, что Настасья Дмитріевна, пожалуй, права, и что «не другъ онъ имъ»; страхъ за сына не оставлялъ его, и онъ сталъ замѣчать, что отношенія къ нему Ѳеди стали не тѣ: недоставало прежней задушевности, мягкости, откровенности. Сердце отца это очень хорошо чувствовало. И чтенія стали въ послѣднее время что-то очень не нравиться Николаю Николаевичу, тѣмъ болѣе, что и въ городѣ о нихъ заговорили, и заговорили нехорошо.

«Жаль, очень жаль, парень дѣльный, но, кажется, ненадежный! Какъ кажется, убѣжденій самыхъ крайнихъ, а это для управляющаго не совсѣмъ удобно!»—промолвилъ Николай Николаевичъ. Онъ поднялся съ кресла и подошелъ къ окну. Въ саду гуляли Ольга съ Черемисовымъ. Она, повидимому, о чемъ-то горячо разсказывала. Глѣбъ молча слушалъ.

Стрекаловъ взглянулъ и невольно припомнилъ недавнее замѣчаніе Рѣчинскаго о томъ, что Глѣбъ былъ слишкомъ горячимъ адвокатомъ дочери. Онъ внимательно продолжалъ смотрѣть въ окно. «А что, если..? — внезапно, какъ молнія, пробѣжала мысль.—Нѣтъ, этого быть не можетъ: Ольга съ ума не сошла, и наконецъ онъ самъ не сумасшедшій. А развѣ долго увлечься и...?» Сердце Николая Николаевича сжалось при одной мысли объ этомъ. «Какой вздоръ мнѣ мерещится!—шепнулъ онъ черезъ минуту:—Ольга вѣдь не изъ тѣхъ несчастныхъ, которыя бѣгаютъ отъ родителей». Онъ отошелъ отъ окна и подавилъ пуговку.

— Попросите ко мнѣ господина Черемисова; онъ, кажется, въ саду,—сказалъ онъ лакею.

Черезъ нѣсколько минутъ Черемисовъ былъ въ кабинетѣ.

— Извините, пожалуйста, Глѣбъ Петровичъ; я, кажется, помѣшалъ вамъ? Вы о чемъ-то горячо спорили съ дочерью.

Чуть замѣтная усмѣшка скользнула по губамъ молодого человѣка.

— Вы нисколько не помѣшали, Николай Николаевичъ,

никакого спора не было: Ольга Николаевна разсказывала содержаніе только-что прочитанной книги.

Стрекаловъ смотрѣлъ на Глѣба во всѣ глаза и чутко слушалъ, желая уловить если не въ лицѣ, то въ голосѣ какое-либо смущеніе, но какъ онъ ни смотрѣлъ и какъ ни слушалъ—не уловилъ ровно ничего.

«Или онъ замѣчательный мерзавецъ, или мнѣ мерещатся страхи!»—подумалъ отецъ, не отводя взгляда съ совершенно спокойнаго лица Черемисова.

— Я просилъ васъ пожаловать ко мнѣ, Глѣбъ Петровичъ, чтобы отъ души поблагодарить васъ за вашу работу. Работа мастерская, наглядность цифръ осязательная. Но благодарность благодарностью, а дѣло дѣломъ,—не такъ ли?—и потому я бы просилъ васъ сказать: во что̀ вы цѣните вашъ трудъ?

Черемисовъ поглядѣлъ на Николая Николаевича и замялся. Стрекаловъ замѣтилъ его нерѣшительность.

— Вы, Глѣбъ Петровичъ, не цѣните вашего труда низко: это трудъ замѣчательный по своей точности.

— Я рѣшительно не знаю, какую цѣну назначить.

— Откровенно говоря, меньше пятисотъ рублей никто не возьметъ за такую работу. Въ прошломъ году за провѣрку годового отчета съ меня взяли триста и, вдобавокъ, провѣрка была очень легкомысленная.

— Я согласенъ,—замѣтилъ Глѣбъ.

— И отлично. Вѣдь ваша работа заставила меня серьезно взглянуть на моего нѣмца и понять, насколько онъ меня обкрадываетъ. Вашъ трудъ сбережетъ мнѣ не одну тысячу впослѣдствій.

— Не ваши тысячи тутъ главное, — перебилъ Глѣбъ, чувствуя приливъ злости:—ихъ у васъ и безъ того много, а, быть-можетъ, мой трудъ заставитъ васъ обратить вниманіе на то безсовѣстное обираніе рабочихъ, которое существовало до сихъ поръ. Вы, конечно, замѣтили изъ этихъ цифръ, во-первыхъ, произвольность штрафовъ, во-вторыхъ—утайку заработной платы. Вѣроятно, и васъ поразила громадная сумма штрафовъ въ тридцать тысячъ, насчитанная въ три года. И вы послѣ этого удивляетесь, почему рабочій лѣнивъ, почему пьянствуетъ?! И безъ того онъ почти нищій, да кромѣ того всякій негодяй, въ родѣ вашего управляющаго, утаиваетъ даже ту небольшую плату, которую вы приказываете платить. Это выходитъ ужъ не обираніе, а грабежъ...

Черемисовъ незамѣтно увлекся и говорилъ горячо. Стрекаловъ съ любопытствомъ прислушивался къ этому новому для него тону, пристально взглядывалъ на лицо Глѣба и только въ первый разъ, кажется, замѣтилъ, какой недобрый огонекъ свѣтился въ его быстрыхъ, острыхъ глазахъ. Черемисовъ замѣтилъ пристальный взглядъ и сразу оборвалъ рѣчь.

— Продолжайте, Глѣбъ Петровичъ: вы такъ хорошо говорите, и я такъ радъ, что мнѣ въ первый разъ удалось слышать, какъ вы горячо умѣете защищать,—проговорилъ Николай Николаевичъ.

— Къ чему говорить!—сухо оборвалъ Глѣбъ:—вы и сами видите, что не въ вашихъ интересахъ, чтобы рабочаго обкрадывали.

— Конечно... разумѣется... я приму всѣ мѣры и очень благодарю васъ, что вы такъ защищаете мои интересы.

Глѣбъ чувствовалъ, что Стрекаловъ почти-что смѣется, и онъ кусалъ со злости губы и молча пощипывалъ свою бородку.

«Прорвало наконецъ: долго молчалъ и таки не выдержалъ!»—подумалъ Стрекаловъ и почти-что съ ненавистью взглянулъ на Черемисова.

— Я непремѣнно смѣню управляющаго, новый уже есть у меня на примѣтѣ. Кстати, Глѣбъ Петровичъ, я все собирался просить васъ, но все забывалъ: надо прекратить чтенія.

Глѣбъ хотя и былъ приготовленъ къ этому, но при этихъ словахъ поблѣднѣлъ.

— Зачѣмъ?—вдругъ вскинулъ онъ на Стрекалова глаза.

— Вотъ видите ли,—началъ Стрекаловъ:—я, конечно, ничего не имѣю противъ нихъ... я вѣдь не ретроградъ, въ родѣ Вяткина, но мнѣ стороной передали, что на нихъ косо смотрятъ.

— Но вѣдь они разрѣшены?

— Конечно.

— Значитъ, чего же бояться?

— Конечно, бояться нечего, но только...

— Вы этого не хотите? — подергивая губы, прошипѣлъ Черемисовъ.

— Да, я этого не хочу,—сухо отвѣтилъ Стрекаловъ.

Глѣбъ всталъ и, рѣзко кивнувъ головой, вышелъ изъ кабинета.

«О, я болванъ, болванъ! — проговорилъ онъ, присажи-

ваясь къ окну.—Мудрый змій, самъ попавшій въ глупые бараны!!! Правъ Крутовской былъ, тысячу разъ правъ!»—Онъ засмѣялся ѣдкимъ, нервнымъ смѣхомъ и горько поникъ головой.

— Ты, Ольга, о чемъ это такъ горячо бесѣдовала вчера съ Черемисовымъ?—спросилъ на другой день Стрекаловъ у Ольги.

Ольга вспыхнула.

— Отчего это вы такъ меня допрашиваете?

— Я, мое дитя, не допрашиваю, а только спрашиваю.

— Мы ни о чемъ не говорили: я разсказывала ему то, что̀ прочитала.

— А ты что̀ читала?

Ольга вспыхнула еще болѣе, и брови ея сдвинулись. Отецъ замѣтилъ ея суровый взглядъ и прибавилъ:

— Я, Ольга, мой другъ, спрашиваю тебя, какъ другъ... Ты развѣ меня перестала считать другомъ?

И Стрекаловъ ласково обнялъ дочь.

— Я читала, папа, Шлоссера.

— А книгу кто далъ?

— Черемисовъ,—чуть слышно проговорила дѣвушка.

— Ты, Оля, не особенно ему довѣряй; онъ...

— Что—онъ?—быстро спросила Ольга.

— Онъ, Ольга, изъ тѣхъ людей, которымъ довѣрять не слѣдуетъ; онъ слишкомъ увлекается, а увлеченіе не всегда приводитъ къ хорошему концу. Ты съ нимъ рѣже говори.

Ольга почему-то вспомнила Рѣчинскаго: и тотъ говорилъ противъ увлеченія, и тотъ смѣялся надъ увлекающимися людьми,—отчего-жъ ей хочется не смѣяться, а плакать?

Она тихо освободилась изъ объятій отца и медленной походкой вышла изъ комнаты. Отецъ долгимъ, пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на дочь и какъ-то грустно покачалъ головой.

XXXIX.

Настала осень. Черемисовъ хандрилъ и по утрамъ занимался съ Ѳедей. На этихъ урокахъ стала бывать постоянно Настасья Дмитріевна, и Ѳедя,—казалось Черемисову,—при матери очень рѣдко обращался къ нему съ вопросами. Всѣмъ въ этомъ домѣ какъ-то жилось не весело въ послѣднее время: Стрекаловъ былъ пасмуренъ и

недоволенъ; Рѣчинскій хоть и бывалъ почти-что каждый день, но Ольга попрежнему была холодна; Настасья Дмитріевна глядѣла невесело. Ленормъ уже не было. Мѣсяцъ тому назадъ она оставила стрекаловскій домъ и поступила на сцену подъ чужимъ именемъ, къ крайнему изумленію всего семейства и въ особенности Настасьи Дмитріевны.

Чтенія на заводѣ были прекращены, и хотя Черемисовъ хлопоталъ черезъ Колосову о разрѣшеніи ему читать лекціи въ залѣ, обязательно предложенной однимъ изъ помѣщиковъ, но разрѣшенія ему не дали. Онъ въ послѣдній разъ сходилъ на заводъ, роздалъ тѣ деньги, которыя получилъ со Стрекалова за послѣднюю работу, семейнымъ и бѣднымъ рабочимъ и простился съ ними. Его проводили самымъ сочувственнымъ образомъ: всѣ сожалѣли, что онъ оставляетъ ихъ, и многіе очень горячо пожимали ему руки.

Отношенія Глѣба къ Стрекалову становились натянутѣй и холоднѣй съ каждымъ днемъ. Настасья Дмитріевна не переставала обращать вниманіе своего мужа на перемѣну, замѣчаемую въ дѣтяхъ, и во всемъ, по обыкновенію, винила Черемисова. Стрекаловъ уже не противорѣчилъ ей, а внимательно вглядывался.

Тучи собирались и грозили разразиться грозой въ этомъ степенномъ и приличномъ домѣ, гдѣ, казалось, никакая гроза не могла имѣть мѣста.

Однажды утромъ Ѳедя, по обыкновенію, занимался съ Черемисовымъ. Настасьи Дмитріевны не было. Черемисовъ показывалъ какой-то физическій опытъ, но Ѳедя, противъ обыкновенія, слушалъ очень разсѣянно и былъ что-то особенно задумчивъ.

— Что̀ съ вами, Ѳедя, — нездоровится? — спросилъ Глѣбъ.

— Нѣтъ... я здоровъ... Знаете ли, что̀ мнѣ все лѣзетъ въ голову, Глѣбъ Петровичъ?—сказалъ Ѳедя, какъ-то странно глядя на Черемисова.

— А что̀?

— Отчего запретили вамъ читать на заводѣ?..

— Не хотятъ...

— А зачѣмъ не хотятъ?—съ какимъ-то болѣзненнымъ любопытствомъ допрашивалъ мальчикъ.—Зачѣмъ?

— Зачѣмъ?—переспросилъ Глѣбъ.—А вотъ зачѣмъ,—проговорилъ Глѣбъ, кладя руку на плечо ученика.—Если

всѣ будутъ знать больше, то не такъ легко будетъ обманывать людей въ родѣ того, какъ обманывалъ вашъ управляющій-нѣмецъ... Ну, можетъ-быть, и вамъ пришлось бы жить нѣсколько иначе...

— Богъ съ ней, съ этой жизнью! — прошепталъ Ѳедя.

— И счастіе ваше, если вы, возмужавши, останетесь съ такимъ же добрымъ сердцемъ и жить будете не для одного себя, но и для другихъ. Благо вамъ, другъ мой, если дорога ваша будетъ иная и если вы не зароете своихъ талантовъ въ землю, а выйдете съ ними на житейскую битву. И если падете—Богъ знаетъ, каково будетъ ваше время,—то падете съ честью и съ сознаніемъ, что послужили ближнему. Вѣдь лучше пасть, чѣмъ вредить другимъ? Такъ ли, другъ мой?

Ѳедя молчалъ.

— Учитесь, — благо судьба вамъ дала возможность учиться,—и тогда вы узнаете то, о чемъ теперь подсказываетъ вамъ горячее сердце. Узнаете, что жизнь только тогда хороша, когда и другимъ хорошо.

— Значитъ... значитъ...—съ трудомъ проговорилъ мальчикъ:—отецъ мой...

— Оставьте отца. Онъ не виноватъ ни въ чемъ. Вы будете больше виноваты, если потомъ станете такимъ же, какъ онъ. Его время было иное время!

— И все это богатство нажито трудами другихъ?

Глѣбъ глядѣлъ на Ѳедю, ласково улыбаясь.

— Что-жъ вы не отвѣчаете?

— Что мнѣ отвѣчать вамъ? Вы сами все узнаете, если останетесь тѣмъ же добрымъ и хорошимъ.

— Я останусь... Я буду лучше! — почти воскликнулъ отрокъ, и глаза его блеснули.—Я не сложу рукъ и не стану пользоваться чужимъ... нѣтъ!

Въ этотъ мигъ по коридору раздались чьи-то торопливые шаги. Учитель и ученикъ переглянулись.

— Это отецъ!—шепнулъ Ѳедя испуганно.

— Ну что-жъ?

— Вы не знаете... Ахъ, вы не знаете!—почти-что закричалъ мальчикъ.—Они васъ не любятъ и теперь, если отецъ слышалъ, что вы говорили, васъ попросятъ уѣхать. А каково мнѣ будетъ?

— Что дѣлать, быть можетъ, вы и правы: мнѣ придется уѣхать.

— Нѣтъ, что вы, не уѣзжайте! Я васъ такъ полюбилъ...—тихо прошепталъ Ѳедя.

— Придется уѣхать—уѣду. И безъ меня вы не пропадете; вамъ шестнадцать лѣтъ, учитесь только и помните, для чего вы учитесь, и, быть-можетъ, когда я буду старикомъ, а вы въ цвѣтѣ силъ, я полюбуюсь вами и съ гордостью скажу: вотъ онъ, мой ученикъ, онъ не зарылъ своихъ талантовъ, не извратилъ своего сердца! Но главное: не унывайте, не падайте духомъ.

Мальчикъ горячо и искренно обнялъ Черемисова. Какое-то свѣжее, давно не испытанное чувство смягчило сердце Глѣба, и онъ глядѣлъ на юношу съ надеждой. Ему хотѣлось въ немъ видѣть молодую, бодрую силу, которая будетъ имѣть возможность послужить родинѣ бодрѣе и лучше. И ему какъ-то вѣрилось въ эту минуту и на сердцѣ было хорошо. Сомнѣніе не закрадывалось невольнымъ, непрошеннымъ гостемъ.

Николай Николаевичъ слышалъ этотъ разговоръ отъ слова до слова и отскочилъ, какъ ужаленный. Онъ былъ блѣденъ отъ горя и злости. Губы его дрожали, и рѣзкія морщины собрались на лбу. Онъ пришелъ въ кабинетъ, тяжело опустился въ кресло и съ часъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ глаза въ одну точку. Онъ переживалъ большое горе.

«Такъ вотъ онъ кто... вотъ какую змѣю отогрѣлъ. Онъ хочетъ оттолкнуть отъ меня сына, любимаго моего Ѳедю! Подлецъ!»—прошепталъ онъ, и въ глазахъ его блеснула глубокая ненависть.

Настасья Дмитріевна пришла звать его обѣдать и была поражена его видомъ, такъ онъ осунулся и измѣнился въ нѣсколько часовъ.

— Nicolas, голубчикъ, что̀ съ тобой? Что ты, здоровъ, Никсъ?—испуганно спрашивала Настасья Дмитріевна.

— Ничего, я здоровъ, все пройдетъ... Сегодня же вонъ этого мерзавца. Сегодня же!—вдругъ стукнулъ Стрекаловъ по столу съ такою силою, что Настасья Дмитріевна испугалась.

— Что?—поблѣднѣла она.—Что̀ ты говоришь?

У нея недостало духу спросить. Она не смѣла высказать того, что̀ подумала объ Ольгѣ.

— Боже, что̀ за время!—глубоко вздохнулъ Стрекаловъ.—Кто могъ думать, что Черемисовъ такой негодяй, и притомъ опасный негодяй!

— Николай, не томи меня. Скажи, что̀ случилось?

— Случилось то,—глухимъ голосомъ проговорилъ Николай Николаевичъ:—чего я не ожидалъ: Ѳедя, мой милый Ѳедя, любитъ этого негодяя и зараженъ его идеями.

У Настасьи Дмитріевны отлегло отъ сердца. Она ждала болѣе ужаснаго.

— Онъ, — съ величайшимъ презрѣніемъ продолжалъ Стрекаловъ:—хотѣлъ оттолкнуть отъ меня сына. Сегодня же этого мерзавца не будетъ... Иди, Настенька, обѣдать; я не пойду. Оставь меня одного.

Жена поцѣловала мужа въ лобъ и вышла изъ кабинета.

За обѣдомъ Настасья Дмитріевна даже не взглянула на Черемисова и молча сидѣла, опустивъ глаза въ тарелку. Только, когда Ѳедя громко заявилъ желаніе идти послѣ обѣда гулять съ Черемисовымъ, она вскинула на Ѳедю суровый, рѣзкій взглядъ и замѣтила ледянымъ тономъ:

— Сегодня идти нельзя. Останься дома.

— Отчего?

— Оттого, что мать такъ хочетъ!—сухо оборвала мать.

Ольга поняла, что мать сердита, и какъ-то конфузливо взглянула на Глѣба. Ей показалось, что онъ усмѣхнулся. Ѳедя посмотрѣлъ на мать, и нельзя сказать, чтобы взглядъ его былъ очень нѣженъ.

Мальчикъ понялъ, что̀ значила эта выходка, и побѣжалъ наверхъ къ Ольгѣ. Она сидѣла за маленькимъ столомъ и читала книгу.

— Ольга... милая... Ты знаешь ли... Черемисовъ уѣдетъ?

— Что ты?

— Да. Я это навѣрное знаю.

И братъ разсказалъ сестрѣ о томъ разговорѣ, который услышалъ отецъ.

— А какой онъ хорошій, сестра, если-бъ ты знала!

— Ты думаешь, я не знаю, Ѳедя...

— Онъ добрый... добрый... Ты не думай, Оля, что онъ рѣзкій. Это манера его, а зато онъ честный, такой хорошій... не похожъ на насъ... Ахъ, голубушка, если-бъ ты знала, какъ мнѣ жаль его!

Ольга обхватила брата и крѣпко поцѣловала его. Ѳедѣ показалось, что на щеку его скатилась сестрина слеза.

— Что̀ съ тобой, Ольга? И тебѣ его жаль?

— Нѣтъ, Ѳедя... нѣтъ, мой милый! — сконфузилась сестра:—мнѣ жаль, что тебя оставляетъ такой человѣкъ.

До вечера Николай Николаевичъ сидѣлъ у себя, запершись въ кабинетѣ. Настасья Дмитріевна нѣсколько разъ подходила, но не рѣшилась постучать. Стрекаловъ сидѣлъ, и чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ тяжелѣе становилось ему.

«Возненавидѣть отца! А я его такъ люблю, люблю!»— шепталъ отецъ, и по лицу его текли слезы. Къ вечеру Николай Николаевичъ нѣсколько успокоился и велѣлъ попросить къ себѣ Черемисова.

— Я просилъ васъ, господинъ Черемисовъ, — началъ Стрекаловъ:—чтобы благодарить васъ...

Онъ остановился. Черемисовъ взглянулъ на него и понялъ, въ чемъ дѣло.

— Я хочу сказать вамъ, господинъ Черемисовъ, что ваши занятія съ моимъ сыномъ прекратились, и я нарушаю наше условіе.

Стрекаловъ опять замолчалъ. Глѣбъ было-поднялся съ кресла.

— Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, чтобы вы такъ ловко умѣли носить маску и, пользуясь довѣренностью, позволили себѣ развращать моего сына идеями, которыя мнѣ кажутся, — вы извините меня, — безнравственными. Мало того, вы и на заводѣ, пользуясь тѣмъ же довѣріемъ, сдѣлали то, что изъ-за васъ, быть-можетъ, нѣсколько десятковъ людей потеряютъ мѣста.

Онъ перевелъ духъ и взглянулъ на Глѣба. Оба смѣряли другъ друга, и у обоихъ въ глазахъ сверкнула ненависть.

— Вы кончили, господинъ Стрекаловъ? Или еще хотите злоупотреблять моимъ терпѣніемъ?—холодно спросилъ Глѣбъ.

— Нѣтъ-съ, я не кончилъ.

— Тогда продолжайте. Я готовъ васъ слушать еще пять минутъ, но не больше.

Этотъ тонъ, этотъ сухой, презрительный взглядъ окончательно взорвали Стрекалова.

— Милостивый государь! — крикнулъ онъ, вскакивая съ мѣста.—Кто далъ вамъ право издѣваться?..

— Успокойтесь, господинъ Стрекаловъ, и не кричите!— тихо прошепталъ Глѣбъ и пристально посмотрѣлъ на Стрекалова.

Николай Николаевичъ снова сѣлъ.

— И вы еще позволяете просить меня успокоиться? Вы, пожелавшій оторвать сына отъ отца,—вы, желавшій развратить ребенка...

Онъ задыхался и не могъ продолжать.

— Довольно, господинъ Стрекаловъ! — сказалъ тихимъ шопотомъ Глѣбъ, и сказалъ это такимъ шопотомъ, что Стрекаловъ, взглянувъ на его блѣдное, искривленное злостью лицо, тотчасъ же умолкъ.—Я завтра уѣду и считаю лишнимъ продолжать брань. Скажу только, что сына вашего я отъ васъ не отрывалъ. Впрочемъ, думайте, что хотите.

Онъ всталъ и тихо вышелъ изъ кабинета.

Стрекаловъ со злобой поглядѣлъ ему вслѣдъ.

Въ тотъ же вечеръ Черемисовъ отыскалъ себѣ маленькую комнату въ глухой улицѣ и рано утромъ, когда еще стрекаловскій домъ спалъ, сталъ собираться. Въ это время тихо отворилась дверь, и на порогѣ появилась длинная фигура Филата.

— Не помочь ли вамъ, Глѣбъ Петровичъ?—проговорилъ онъ.

— Не нужно.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, я вѣдь отъ души, потому отъ васъ, кромѣ добра... вотъ, позвольте, чемоданчикъ уложу.

Скоро все было уложено, и Филатъ взялся сходить за извозчикомъ.

По коридору раздались торопливые шаги, дверь шумно растворилась, и въ комнату вбѣжалъ Ѳедя.

— Я боялся опоздать,—проговорилъ онъ, едва удерживая слезы.—Дайте, я помогу вамъ уложиться.

— Ужъ все готово. Спасибо.

— Гдѣ вы будете жить? Можно къ вамъ зайти?—робко спросилъ Ѳедя.

— Я буду очень радъ.

Глѣбъ сказалъ адресъ.

— Я... вы не сомнѣвайтесь... я сдержу слово... только тяжело мнѣ будетъ безъ васъ!

Глѣбъ крѣпко пожалъ ему руку.

Явился Филатъ и объявилъ, что извозчикъ готовъ. Ѳедя бросился къ Глѣбу на шею.

— Прощайте, голубчикъ!—шепталъ онъ со слезами.— Я буду стараться... я...

Слезы душили его.

Глѣбъ крѣпко обнялъ юношу, пожалъ руку Филату и спустился внизъ.

— Прощайте же!—еще разъ крикнулъ Ѳедя и припалъ къ Черемисову.

Черемисовъ усѣлся, пожалъ еще разъ руку Ѳеди, кивнулъ головой и уѣхалъ.

— Хорошій былъ господинъ! — угрюмо замѣтилъ Филатъ.—Пойдемте-ка, Ѳедоръ Николаевичъ. А то какъ бы не узнали.

Ольга стояла у окна и, поднявъ уголокъ занавѣски, видѣла сцену прощанія.

Она долго слѣдила за Черемисовымъ и, когда извозчикъ скрылся изъ глазъ, глубоко вздохнула и вытерла слезы.

«Опять на широкой дорогѣ, опять цыганъ, бродяга съ одними добрыми намѣреніями!—ѣдко усмѣхнулся Глѣбъ.—Опять на перепутьѣ. Неужели-жъ вѣчно такъ?» Онъ вспомнилъ все прошлое: и прошлое было тѣмъ же скитаніемъ съ мѣста на мѣсто.

«Нѣтъ! Въ деревню, въ деревню! Тамъ травли не будетъ!»

И снова надежда пробралась въ его измученное сердце, и онъ съ радостью, какъ утопающій, ухватился за соломинку.

«А если и тамъ тотъ же конецъ?»

Онъ отогналъ отъ себя эту мысль и вступилъ въ бесѣду съ извозчикомъ.

XL.

Послѣ злополучной статьи Крутовской въ глазахъ грязнопольцевъ сталъ какимъ-то легендарнымъ существомъ, и его именемъ чуть не пугали дѣтей. Разсказы про него отличались замѣчательнымъ разнообразіемъ и фантастичностью: одни говорили, что это полякъ, прикидывающійся русскимъ, другіе, что онъ агентъ правительства, третьи, что онъ вербовщикъ членовъ интернаціоналя и что недалекъ тотъ день, когда Грязнополье будетъ сожжено «этимъ мерзавцемъ».

А Крутовской и въ усъ себѣ не дулъ. Онъ выслушалъ наставленіе генерала по поводу послѣдней корреспонденціи, и когда тотъ кончилъ свою рѣчь, то замѣтилъ самымъ откровеннымъ тономъ:

— Но вѣдь согласитесь, ваше превосходительство, что если половина того, что̀ я написалъ, правда, то вѣдь господинъ Колосовъ, право, этого сто̀итъ.

Генералъ не могъ не улыбнуться такой откровенности.

— Быть-можетъ, и сто̀итъ, но во всякомъ случаѣ надо осторожнѣй.

— Если-бъ осторожность была моимъ качествомъ, то врядъ ли я бы имѣлъ честь видѣть здѣсь ваше превосходительство.

Генералъ опять улыбнулся. Крутовской ему очень понравился.

— Вы бы, Крутовской, перемѣнили вашъ образъ мыслей... то-есть, какъ бы вамъ сказать...

— То-есть, пересталъ бы быть Крутовскимъ? — улыбнулся Крутовской.

— Почти что такъ!—засмѣялся генералъ.

— Это почти что невозможно!—засмѣялся Крутовской.

— Тогда могли бы и на службу поступить. Я бы готовъ похлопотать. Вѣдь я васъ вотъ какимъ знавалъ... еще пажомъ.

— Нѣтъ ужъ, ваше превосходительство, горбатаго могила исправитъ.

— Какъ знаете, но только я васъ прошу, Крутовской, не очень ругаться.

— Постараюсь, ваше превосходительство! — отвѣчалъ Крутовской, сдѣлавъ такую уморительную гримасу, что генералъ не могъ снова не улыбнуться.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Онъ попрежнему продолжалъ писать корреспонденціи и юмористическія статьи и очень злился, что въ печати онѣ появлялись не всегда такими, какими онъ отсылалъ ихъ въ редакцію. «Ужъ, кажется, чего мягче?—говорилъ онъ женѣ:—а все-таки тебя коверкаютъ такъ, что ты и себя не узнаешь!» Впрочемъ, послѣднее время Крутовскому было не до статей. Онъ увлекся театромъ и каждый вечеръ сидѣлъ тамъ, любуясь Ленормъ, которая приводила грязнопольскую публику въ восторгъ своей недурной игрой и красивой наружностью.

Крутовской познакомился съ нею оригинальнымъ манеромъ. Послѣ перваго ея дебюта, онъ прямо явился къ ней на квартиру.

— Крутовской!—представился онъ.—Пришелъ съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ вами, если только вы меня не прогоните. А если прогоните—уйду!—прибавилъ онъ, весело усмѣхаясь.

— Садитесь. Я про васъ много слышала. Вами пугаютъ здѣсь дѣтей.

Они разговорились. Ленормъ говорила умно и бойко. Крутовской вышелъ отъ нея въ восторгѣ.

— Володя, голубчикъ, денегъ нѣтъ! — встрѣтила его дома жена.

— Будутъ, Люда, будутъ... Сегодня достану.

— Ты знаешь, черезъ мѣсяцъ векселямъ срокъ.

— Знаю. Они у Стрекалова.

— Экій ты, Володя, блѣдный какой... здоровъ?

— Здоровъ, что мнѣ дѣлается!—рѣзко отвѣчалъ Крутовской.

Людмила Николаевна молча посмотрѣла на него и ушла въ другую комнату. Крутовской сталъ пропадать изъ дому и бо̀льшую часть времени проводилъ у своей новой знакомой. Она принимала его радушно и кокетничала.

Какъ-то вечеромъ они сидѣли вдвоемъ и весело болтали. Крутовской хвалилъ ея игру въ новой роли, и Ленормъ съ удовольствіемъ слушала его.

— А скоро, Крутовской, вы меня бранить станете?

Она взглянула на его оживленные глаза и усмѣхнулась.

— Я?

— Вы! Развѣ я васъ не узнала? Васъ вѣдь очень скоро можно узнать, вы изъ откровенныхъ. Вотъ вы ходите ко мнѣ, милы со мной, немножко ухаживаете, а послѣ...

Она не окончила и сдѣлала печальную гримаску.

Онъ пересѣлъ на диванъ. Она была такъ хороша, что Крутовской порывисто сказалъ:

— Ни теперь, ни послѣ. Развѣ вы не видите?

— Вижу, что въ васъ бѣсенокъ сидитъ. Вамъ развлеченій надо...

— Послушайте,—началъ-было Крутовской, и съ языка готово было слетѣть признаніе.—Послушайте...

Онъ остановился и былъ пораженъ перемѣной въ ея лицѣ. Милое, ласковое передъ тѣмъ, теперь оно было холодно и серьезно.

— Я васъ послушаю въ другой разъ, а теперь уходите, я спать хочу.

— Такъ рано?—удивился онъ.

— Теперь не рано, десять часовъ.

Крутовской усмѣхнулся.

— Вы чего?

— Вашему раннему сну дивлюсь.

— Я устала сегодня, право. А вы ужъ и не довѣрять?

Она ласково взглянула на него и нѣжно пожала ему руку.

Когда Крутовской ушелъ, она порывисто заходила по

комнатѣ. Она то подходила къ окну, то отходила прочь и снова подходила и прислушивалась. Когда карета остановилась у ея подъѣзда, по лицу ея покатились обильныя слезы. Она остановилась въ раздумьѣ передъ дорогой, на которую неудержимо влекла ея натура хищника и вакханки.

«Поздно и къ чему?!»—какъ-то глухо шепнула она, быстро утирая слезы.

Въ залѣ послышались тихіе шаги, и на порогѣ показался генералъ.

— Я за отвѣтомъ,—тихо сказалъ онъ.

— Я ваша!—крикнула молодая дѣвушка, бросаясь въ его объятія, и истерически зарыдала.

Крутовской долго бродилъ по улицамъ и поздно вернулся домой. Всѣ спали. Онъ тихо прошелъ къ себѣ въ комнату, машинально присѣлъ за столъ и задумался. Онъ всталъ, тихо прошелъ къ спальнѣ и остановился. До его слуха долетѣли тихія всхлипыванія.

— Люда, что̀ съ тобой? Отчего ты не спишь?—спросилъ онъ, входя въ комнату.

— Нездоровится, голова болитъ... Ты не безпокойся, Володя.

— Ты плакала?

— Нѣтъ, съ чего это тебѣ показалось,—храбро солгала жена.

Крутовскому стало стыдно.

— Мальчишка нашъ здоровъ?

— Здоровъ.

Наступило молчаніе. Ни одного вопроса, ни одного упрека.

— Прощай, Люда!

— Прощай, Володя!

Они пожали другъ другу руки, и Крутовской вышелъ.

Людмила Николаевна снова зарыдала. Она давно уже не спала ночей и все ломала голову,—какъ бы устроить свою жизнь такъ, чтобы не мѣшать Володѣ наслаждаться жизнью. Она догадывалась, что онъ влюбленъ. «Пусть онъ будетъ счастливъ, а мы съ сыномъ уѣдемъ!»—не разъ рѣшалась она, но у нея не хватало силъ привести въ исполненіе это рѣшеніе. Она такъ любила своего Володю.

Крутовской заснулъ подъ утро и, когда проснулся, на столѣ у него лежала записка отъ Ленормъ слѣдующаго

содержанія: «Если хотите побесѣдовать о новой роли, приходите. Я буду дома цѣлое утро».

Крутовской одѣлся и сейчасъ же вышелъ изъ дому, оставивъ второпяхъ записку на столѣ. Людмила Николаевна, прибирая комнату, прочла ее.

«Опять!»—кольнуло ее прямо въ сердце, и она схватила своего ребенка и долго и крѣпко прижималась къ нему, обливая его неутѣшными слезами.

— Сегодня я, Крутовской, не устала и прошу васъ помочь мнѣ... будьте строгимъ судьей и слушайте.

Она стала репетировать роль, незамѣтно увлеклась ролью и нѣсколько разъ поцѣловала его.

Крутовской любовался ею, и эти поцѣлуи жгли его.

— Послушайте,—началъ онъ, и губа его дрогнула.— Вы только кокетничаете со мной?

Актриса удивленно взглянула своими лукавыми глазками.

— Чего вы хотите?

— Вы развѣ не видите, что я готовъ въ васъ влюбиться...

— Не влюблены ли?

— Положимъ...

— Такъ что-жъ!

— Какъ что?

Онъ бросился къ ней и порывисто обнялъ ее. Она не противилась и тихо перебирала его волосы.

— Что-жъ будетъ дальше?—какъ-то грустно шепнула она.

— Ничего особеннаго... Я только влюбленъ въ васъ...

— И надолго?

— Сколько полюбится. Я контрактовъ не заключаю!

— А я заключаю!—тихо отвела она его рукой.—Когда полюбите надолго, тогда и говорите... Ну, довольно шутить. За дѣло! Ишь какой вы возбужденный. А вами еще дѣтей пугаютъ... Совсѣмъ вы не страшный!—насмѣшливо прибавила молодая женщина.

Онъ быстро отскочилъ отъ нея. Его маленькіе глазки блеснули, лицо искривилось злой усмѣшкой, и тонкія губы дрожали.

— Вы смѣетесь?—крикнулъ онъ.

— Вы самолюбивы, какъ чортъ!—замѣтила Ленормъ, любуясь имъ.

— Издѣваетесь? Что-жъ, и по дѣломъ! Прощайте...

— До свиданія!—подчеркнула она и прибавила:—ваша жена здорова?

Этотъ вопросъ окончательно взорвалъ Крутовского. Онъ, прищурясь, посмотрѣлъ на нее и замѣтилъ:

— А вамъ какое дѣло до моей жены?

— Уходите... успокойтесь... Вы стали совсѣмъ злой. Такимъ бы вамъ почаще быть. Вы тогда очень интересны.

Онъ вышелъ, громко стукнувъ дверью.

«Къ чему я кокетничаю, къ чему? — раскаивалась Ленормъ.—Впрочемъ, это ему не опасно. Онъ не изъ нюнь!»— весело прибавила она и успокоилась.

XLI.

На бенефисъ молодой актрисы собрался весь грязнопольскій beau monde; молодежь, по подпискѣ, готовилась поднести подарокъ и закидать бенефиціантку букетами; грязнопольскія дамы и дѣвицы ѣхали, чтобы взглянуть на торжество, которое готовилось для «худенькой дѣвчонки», успѣвшей, къ досадѣ маменекъ, прельстить «холостого генерала». Колосова съ мужемъ и неизбѣжнымъ Айкановымъ сидѣла въ бенуарѣ; сама—бывшая актриса, она была на репетиціи и отъ души давала неопытной еще на сценѣ Ленормъ совѣты, горячилась, побранилась даже съ горячей дѣвушкой и теперь не безъ волненія ждала, какъ справится съ трудной ролью ея новая ученица. Семейство Стрекаловыхъ за пять минутъ до начала явилось въ бельэтажѣ; Настасья Дмитріевна, одѣтая съ необычайнымъ вкусомъ и изяществомъ, заранѣе вооружилась полупрезрительной улыбкой, готовясь въ первый разъ увидѣть на сценѣ «эту маленькую сумасбродку, промѣнявшую мѣсто гувернантки въ порядочномъ домѣ Богъ знаетъ на что». Николай Николаевичъ не раздѣлялъ мнѣнія своей жены: онъ видѣлъ Ленормъ нѣсколько разъ на сценѣ и находилъ, что она играетъ недурно и на сценѣ очень пикантна; впрочемъ, при женѣ онъ послѣдняго замѣчанія не дѣлалъ и вообще обходилъ молчаніемъ разспросы жены о «маленькой сумасбродкѣ». Ольга, чуть-чуть похудѣвшая и поблѣднѣвшая за послѣднее время, нетерпѣливо ждала поднятія занавѣса, а пока бѣглымъ взглядомъ обводила партеръ. Вдругъ въ лицѣ ея вспыхнулъ румянецъ, глаза оживились, она взялась за бинокль. Въ креслахъ она замѣтила Черемисова.

— Кого это ты разглядываешь, Ольга?—безпокойно промолвила мать, замѣтивъ краску на щекѣ дочери.

— Никого особенно, мама. Рѣчинскій здѣсь!—холодно отвѣтила Ольга, опуская бинокль на барьеръ.

— Ты здорова, Оля?

— А что, мама?

— Цѣлый день была блѣдна, а теперь раскраснѣлась—быть-можетъ, у тебя жаръ? Хочешь—уѣдемъ; не особенно много потеряемъ.

— Нѣтъ, я здорова. Здѣсь жарко, я и раскраснѣлась.

Послѣ какой-то увертюры, исполненной для удовольствія музыкантовъ и въ особенности капельмейстера, который изгибался, махая палочкой, точно онъ выдѣлывалъ гимнастическія упражненія, поднялся занавѣсъ, и всѣ обратили вниманіе на сцену.

Раздались оглушительныя рукоплесканія. Въ изящной, стройной женщинѣ, съ замѣчательно выразительной и красивой физіономіей, одѣтой со вкусомъ и шикомъ, незнакомыми грязнопольскимъ дамамъ, Стрекаловы не сразу признали свою подвижную, маленькую, скромно одѣтую гувернантку,—такъ сильно измѣнила ее сцена и костюмъ. Она кланялась публикѣ удивительно мило и граціозно, безъ прикладыванія рукъ къ сердцу и безъ особаго присѣданія, и опустилась въ кресло съ такимъ чисто-французскимъ изяществомъ, что даже Настасья Дмитріевна не могла не шепнуть Ольгѣ, что «сумасбродка умѣетъ себя держать на сценѣ».

Сперва молодая актриса чуть-чуть оробѣла, но робость продолжалась недолго; рѣчь ея сдѣлалась тверже, увѣреннѣе,—она вошла въ роль. Передъ зрителями была красивая великосвѣтская женщина, умная, страстная, лукавая, нѣжная, кокетка, тонко обманывающая мужа и унижающая соперницу—наивную, робкую дѣвушку, на которой хотѣлъ жениться любовникъ молодой женщины. Игра ея была тонка, изящна, граціозна и свидѣтельствовала о крупномъ дарованіи. Едва уловимые оттѣнки чувствъ передавались ею художественно; мимика, манеры безукоризненныя. Въ сценѣ объясненія съ дѣвушкой, въ которой она бранитъ своего любовника, она такъ естественно переходила отъ ненависти къ соперницѣ къ жалости къ ребенку, такъ трогательно умоляла дѣвушку отказаться отъ молодого человѣка, что грязнопольцы разразились бѣшеными восторгами, а Колосова залилась слезами, бросилась за кулисы и кинулась на шею артистки, осыпая ее похвалами.

Ольга взглянула въ партеръ. Черемисовъ глядѣлъ въ ихъ ложу. Они встрѣтились глазами. Глѣбъ поклонился; Ольга привѣтливо наклонила голову.

— Знаешь, кто въ партерѣ, Ѳедя?

— Кто?

— Черемисовъ!—шепнула Ольга.

Ѳедя взглянулъ внизъ и безъ церемоніи закивалъ головой.

Настасья Дмитріевна наклонилась и, увидѣвъ ненавистнаго Глѣба, замѣтила Ѳедѣ:

— Держи себя прилично, Ѳедя, и не кивай головой, какъ мужикъ!

«Неужели румянецъ Ольги отъ этой встрѣчи?»—безпокоилась мать и зорко слѣдила за Ольгой; но Ольга, спокойная, блѣдная, точно статуя, сидѣла на своемъ мѣстѣ и впилась глазами въ сцену. Только нервное подергиваніе сжатыхъ губъ показывало, что она неспокойна: игра Ленормъ произвела на нее сильное впечатлѣніе.

Пьеса кончилась; подарки были поднесены, цвѣты брошены; начался водевиль. Черемисовъ вышелъ изъ театра. Въ подъѣздѣ его сильно толкнула какая-то женщина; онъ посторонился и увидѣлъ Людмилу Николаевну.

— Глѣбъ Петровичъ,—торопливо заговорила она:—видѣли вы Володю?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Ахъ, Боже мой, найдите его поскорѣй,—прошептала она умоляющимъ голосомъ, откидывая густую вуалетку.

Черемисовъ взглянулъ на Крутовскую и былъ пораженъ блѣдностью и страдальческимъ видомъ ея лица.

— Быть-можетъ, его здѣсь нѣтъ?

— Здѣсь, гдѣ ему быть! — какъ-то грустно сказала она.—Надо доктора: ребенокъ опять плохъ и, кажется, на этотъ разъ не выживетъ...—печально добавила Людмила Николаевна.

— Я позову...

— Я бы и сама позвала, да... денегъ нѣтъ и... заложить нечего!—заикнулась маленькая женщина, слабо улыбаясь.

— У меня есть. Поѣзжайте домой, а я поѣду за докторомъ.

— Спасибо вамъ! Такъ не безпокойте Володю; пусть веселится. Только скорѣй доктора!

Черезъ нѣсколько минутъ Глѣбъ былъ въ маленькомъ домикѣ вмѣстѣ съ докторомъ. Докторъ прописалъ лѣкарство, велѣлъ прикладывать ледъ и, успокоивъ бѣдную женщину, уѣхалъ. Черемисовъ остался сидѣть.

Людмила Николаевна нѣсколько пріободрилась, и когда ребенокъ, послѣ ледяныхъ компрессовъ, заснулъ, она протянула Глѣбу свою исхудалую руку и тихо замѣтила:

— Спасибо вамъ, Глѣбъ Петровичъ; теперь я молодцомъ стала. Вѣрно, Володя скоро придетъ.

— Давно онъ ушелъ?

— Третій день его нѣтъ. Это съ нимъ часто бываетъ,— улыбнулась Людмила Николаевна.—Зайдетъ куда-нибудь, заспоритъ, да и останется. Иногда безпокоишься, ждешь, Богъ знаетъ какихъ страстей ни думаешь, а онъ придетъ и смѣется надъ моими страхами. Сегодня онъ, вѣрно, въ театрѣ былъ: бенефисъ... онъ любитъ театръ. Вѣрно, гдѣ-нибудь ужинаетъ. Теперь онъ скоро будетъ.

Пробило два часа. Людмила Николаевна подошла къ окну, прислушалась. Кругомъ было тихо, только слышалось неровное дыханіе ребенка.

— Вы, Глѣбъ Петровичъ, идите спать—поздно; что̀ вамъ сидѣть?

— Обо мнѣ не безпокойтесь. Вы бы сами лучше заснули, а я пока посижу.

— Не до сна мнѣ!—вдругъ, точно стонъ, вылетѣлъ изъ ея груди крикъ, и она тихо зарыдала.

Глѣбъ понялъ драму маленькаго домика и молчалъ.

— Глѣбъ Петровичъ, — сказала Людмила Николаевна, отирая слезы:—нѣтъ ли у васъ въ виду какого-нибудь мѣста?

— Пока нѣтъ, но я похлопочу: напишу въ Петербургъ къ пріятелямъ.

— Я, видите ли...

Ей трудно было продолжать. Наконецъ она не выдержала и продолжала:

— Я бы не хотѣла стѣснять Володю. Вы только не подумайте, чтобъ я его винила, Боже сохрани! Онъ полюбилъ — и правъ, конечно. Она — оригинальная женщина; вѣроятно, и вамъ понравилась, такъ что полюбить немудрено...

— Да про кого вы говорите?—улыбнулся Глѣбъ.

— Главнаго-то я и не сказала,—сквозь слезы замѣтила Людмила Николаевна:—я говорю про Ленормъ, вѣдь вы ее знаете?

— Знаю. Она мнѣ не нравится...

— Вамъ, кажется, никто не нравится... Тсссъ! Про-

снулся... Глѣбъ Петровичъ, послушайте, хорошо онъ дышитъ?

— Онъ не проснулся и дышитъ хорошо, напрасно вы такъ безпокоитесь. Засните-ка лучше.

Она откинулась въ кресло и закрыла глаза. Часы громко пробили четыре; она встрепенулась.

— Володя, это ты? Ахъ, что я!—приподнялась она, проводя рукою по глазамъ.—Глѣбъ Петровичъ, идите домой. Я посмотрю сама за ребенкомъ.

— Полноте, спите лучше!

— Володя, вѣрно, гдѣ-нибудь заспорилъ... Онъ увлекается... Это время бѣдняга все денегъ искалъ, а редакторъ не шлетъ... Тяжело ему, бѣдному, съ обузой на шеѣ!—указала она на себя и на ребенка.

Она опять задремала и не просыпалась. Пробило девять часовъ, когда Глѣбъ тихо ушелъ изъ домика, положивъ нѣсколько денегъ на столъ, а Крутовской все еше не возвращался.

XLII.

Въ этотъ день молодая актриса проснулась позже обыкновеннаго и весело зѣвнула. Она припомнила вчерашнее торжество, кучу своихъ поклонниковъ и звонко расхохоталась.

«Для начала недурно, а потомъ въ Петербургъ! Тамъ дорога шире!»—подумала красивая хищница. Она взяла со столика маленькое зеркало и стала разсматривать свое лицо. «Вѣдь, ничего особеннаго нѣтъ, а нравлюсь! Съ ними только побольше дерзости, и они будутъ у ногъ!»—не безъ презрѣнія подумала она о своихъ поклонникахъ. Она вспомнила о Крутовскомъ и почему-то задумалась.

«Съ этимъ шалить нечего: не имъ чета и жаль его!»—шепнула она, вспомнивъ позавчерашнюю сцену.

— Надя!—звонко крикнула она горничную.

Вошла Надя.

— Крутовской былъ вчера?

— Нѣтъ.

— И сегодня не былъ?

— Не были.

«Сердится! и въ театрѣ вчера не былъ, но, вѣрно, сегодня будетъ!»—подумала Ленормъ.

— Сегодня былъ одинъ господинъ.

— Кто?

— Не сказался. Такой лохматый, длинноволосый и сердитый на видъ.

— Кажется, такихъ у насъ не бываетъ, Надя?—засмѣялась актриса.

— Этотъ ни разу не былъ. Пришелъ и спросилъ: «дома?» говорю: «почиваютъ»;—«когда, говоритъ, почивать перестанутъ?..» И говоритъ, точно лается.

— Не Черемисовъ ли?—вдругъ радостно крикнула Ленормъ. «Нѣтъ, не можетъ быть: къ чему онъ придетъ?»—подумала она, и улыбка быстро сбѣжала съ ея лица.

— Курчавые волосы, Надя, высокій, говоритъ сердито? Губа подымается?—допрашивала Ленормъ.

— Курчавый и высокій, а губы не примѣтила.

— Ахъ, какая ты, Надя! Зачѣмъ ты не попросила его подождать?

— Станетъ онъ ждать! Онъ сейчасъ же повернулся и сказалъ...

— Это онъ!—весело шепнула Ленормъ.—Что сказалъ?

— Приду, говоритъ, черезъ два часа.

— Одѣваться, Надя, скорѣй!

Она быстро встала и не безъ намѣренія одѣлась во все черное.

— Хорошо, Надя?

— Очень.

— На монашенку не похожа?—говорила она, осматриваясь передъ зеркаломъ.—Ну, теперь подавай мнѣ кофе въ гостиную.

Черезъ нѣсколько времени раздался звонокъ. Сердце Ленормъ забилось.

«Господи, какая я еще дурочка!—улыбнулась актриса:—точно жениха жду!»

— Тотъ самый, что былъ!—прибѣжала доложить Надя.

— Проси и не принимать никого!

— И если генералъ пріѣдутъ?

— Если двадцать генераловъ, все равно меня нѣтъ дома!

Въ гостиную вошелъ Черемисовъ. Ленормъ быстро вскочила съ дивана и бросилась къ нему навстрѣчу.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ васъ, Глѣбъ Петровичъ, ко мнѣ? Садитесь, будьте дорогимъ гостемъ. Хотите кофе?

— Нѣтъ.

— Ну, чаю?

— И чаю не хочу.

— Ну, такъ ничего вамъ не будетъ. Садитесь вотъ сюда, въ кресло. Вѣдь я васъ съ лѣта не видала. Что̀ подѣлываютъ Стрекаловы, что̀ Ольга?

— Кажется, здоровы. Я вѣдь больше не тамъ.

— Распростились?—весело промолвила Ленормъ

— Распростился.

— Свободны, какъ вѣтеръ?

— И свободенъ.

— И сердца нигдѣ не потеряли?

— Нигдѣ.

Она заглянула ему въ лицо съ самой очаровательной улыбкой и тихо сказала:

— Правда ли?

— Что же мнѣ врать!

— Тотъ же медвѣдь, какъ и былъ!—весело захохотала она.—Тотъ же! Вотъ только похудѣли и очень похудѣли; что̀ съ вами, здоровы?

— Здоровъ, ничего-себѣ!—сказалъ Черемисовъ, оглядывая комнату.

— Что̀ вы такъ разглядываете?—перебила его Ленормъ.

— Квартира прекрасная!—машинально замѣтилъ Черемисовъ.

Молодая дѣвушка вспыхнула, на глазахъ чуть-было не навернулись слезы.

— Я вѣдь хищникъ!—уныло сказала она.

Черемисовъ спохватился, что сдѣлалъ глупое замѣчаніе о квартирѣ, и ему стало неловко. Онъ искоса взглянулъ на Ленормъ; она, опустивъ глаза, перебирала каемку платка. Оба нѣсколько времени помолчали.

— Вы, вѣрно, по дѣлу пришли?—сказала дѣвушка, вдругъ перемѣнивъ тонъ.—Вѣдь не для того, чтобы меня видѣть, нѣтъ?

— Я пришелъ къ вамъ съ просьбой.

— Вы? Ко мнѣ съ просьбой?

— Да. Вы знаете Крутовского?

— Знаю!—отвѣчала дѣвушка.

— Это мой бывшій пріятель.

— Что же дальше?

«Неужели онъ пришелъ отъ Крутовского!»—подумала дѣвушка.

— Вы позволите мнѣ говорить откровенно?—мягко спросилъ Глѣбъ.

— Еще бы, говорите откровенно!—недоумѣвала актриса.

— Такъ будьте откровенны и вы. Скажите, вѣдь вы Крутовского не любите?

— А вамъ какое дѣло?—усмѣхнулась француженка.

— Не лукавьте, бросьте этотъ тонъ; право, онъ лишній и для самой васъ тяжелъ; говорите со мной по-пріятельски!—мягко сказалъ Черемисовъ, тихо пожимая руку молодой дѣвушки.

И странно: отъ этого тона, отъ этихъ простыхъ, искреннихъ словъ Ленормъ какъ-то вдругъ измѣнилась, сдѣлалась проще.

— Не люблю.

— А онъ васъ?

— Тоже, я думаю, не любитъ.

— А просто ухаживаетъ отъ скуки?

— Больше чѣмъ ухаживаетъ: увлекается. Онъ вѣдь меня знаетъ,—тихо прошептала дѣвушка.

— Значитъ, все это пустяки?

— Пустяки.

— А изъ-за этихъ пустяковъ жена его страдаетъ.

Ленормъ потупилась и молча перебирала платье.

— Такъ знаете ли, что? Не пускайте вы къ себѣ Крутовского. Я его знаю: онъ озлится, но такъ же скоро васъ забудетъ, какъ скоро и влюбился. Такъ или иначе, а все бы этимъ кончилось. Онъ жену хоть и мучитъ, но очень любитъ. Она вѣдь много съ нимъ бѣдъ видѣла, и вмѣстѣ они испытали не мало лишеній. Они тоже цыгане, но только съ дѣтьми, а это куда какъ трудно!

Ленормъ не поднимала глазъ и молчала.

— Что-жъ вы не отвѣтите? Вѣдь вы это сдѣлаете?

Она подняла глаза и взглянула на Глѣба; въ ея взглядѣ было столько доброты, столько хорошаго, ласковаго выраженія, что Черемисовъ крѣпко пожалъ ей руку и замѣтилъ:

— Я увѣренъ былъ, что вы такъ поступите!

Она тихо высвободила руку и снова опустила голову.

Оба помолчали.

Когда молодая дѣвушка подняла голову, по лицу ея катились слезы.

— Зачѣмъ вы не писали мнѣ объ этомъ, а сами пришли? Знаете ли, Черемисовъ, послѣ вашего посѣщенія я опять захандрю. Къ чему дѣлать людямъ зло?—улыбнулась она сквозь слезы.

— Отъ хандры васъ талантъ выручитъ. Я вчера васъ

видѣлъ и, откровенно скажу, изъ васъ можетъ выйти прекрасная артистка.

— Правда?—наивно спросила актриса, польщенная похвалой.

— Разумѣется, правда.

— Вы нарочно въ театръ пришли меня смотрѣть?

— Нарочно васъ...

— Я очень рада, Глѣбъ Петровичъ, что вамъ понравилась моя игра. Только я вчера оробѣла вначалѣ.

— Но вы не увлекайтесь похвалами; вамъ надо много надъ собой работать, читать, учиться. Одинъ талантъ еще не все...

— Я много читаю и буду больше читать. Однако что-жъ это вы? Зачѣмъ берете шляпу?

— Пора уходить.

— Нѣтъ, не уходите. Ужъ если пришли, хоть и по дѣлу, такъ я васъ скоро не выпущу. Вы о себѣ ничего не разсказали. Впрочемъ, быть-можетъ, вы не хотите, вы...

Она остановилась и тихо замѣтила:

— Вы не обвиняете меня?

— За что?

— Вы... вы не чувствуете ко мнѣ отвращенія?—проговорила Ленормъ.

— Какой вы вздоръ городите!—рѣзко замѣтилъ Черемисовъ.—И какъ вамъ не стыдно такъ обо мнѣ думать?..

Она жадно слушала каждое его слово и порывисто пожала его руку.

— Теперь разсказывайте, хорошій мой,—ласково шептала дѣвушка, глядя въ глаза Черемисову:—что вы думаете дѣлать?

— Пока ничего не дѣлаю, собираюсь уѣзжать въ деревню.

— Зачѣмъ?

— Тамъ нужны люди.

— А послѣ?

— Послѣ—что Богъ дастъ.

— Какъ птица небесная?

— Почти что такъ.

— Экій вы какой непосѣда! Вотъ и Крутовской тоже богема.

— Время такое!—засмѣялся Глѣбъ.

— За что же вы разссорились со Стрекаловыми? Онъ, кажется, въ васъ души не слышалъ.

Черемисовъ разсказалъ ей исторію своего разрыва. Ленормъ внимательно слушала.

— Я давно думала, что этимъ кончится. Вѣдь они, какъ бы выразиться... добродѣтельны до отвращенія и живутъ по прописи. Впрочемъ, дѣти на нихъ не похожи: Ѳедя—мальчикъ съ сердцемъ, а Ольга—добрая, умная дѣвушка. Знаете ли, что̀ мнѣ казалось?

— Что?

— Что вы ей нравились.

— Сомнѣваюсь.

— Она скрытна, а мы, женщины, болѣе чутки, чѣмъ вы. Кстати, скоро свадьба?

— Чья?—быстро спросилъ Глѣбъ.

Она замѣтила (или ей только показалось), что у Глѣба при ея вопросѣ слегка дрогнула губа.

— Ольги. Она выходитъ за Рѣчинскаго.

— Не можетъ быть...

— Отчего?

— Не пара онъ ей, а впрочемъ...

Глѣбъ поднялся и сталъ прощаться. Ленормъ крѣпко пожала ему руку и замѣтила:

— Зайдите еще разъ ко мнѣ. Зайдете?

— Зайду.

— Смотрите же, сдержите слово. Я ждать буду съ нетерпѣніемъ. Ну, прощайте.

Она проводила Глѣба до передней; послѣ его ухода всплакнула и весь день была задумчива и печальна. Вечеромъ, послѣ спектакля, когда пріѣхалъ генералъ, она встрѣтила его непривѣтливо.

— Что съ вами, Marie?—освѣдомился онъ, цѣлуя ея руку.—Отчего вы печальны?

— Оттого, что печальна!—сухо отвѣтила дѣвушка.

— Нервы, быть-можетъ...

— Нервы.

— И на меня сердитесь?

— Къ чему вы пристаете, скажите? Вы думаете, я вѣчно должна быть весела оттого, что имѣю счастіе васъ видѣть?..

— Marie, полно! — заговорилъ-было генералъ, обнимая ее.

— Оставьте меня... не трогайте!..

Генералъ испугался.

— Васъ кто-нибудь разстроилъ? Кто-нибудь былъ у

васъ?—проговорилъ генералъ, ревниво осматривая комнату.

На бѣду онъ замѣтилъ на столѣ портъ-сигаръ, забытый Черемисовымъ.

— Это еще что за допросы?—вспыхнула Ленормъ.— Ну да, былъ, хорошій человѣкъ былъ, котораго вы и мизинца не стоите.

— Кто-жъ это совершенство?

— Вамъ и фамилію знать нужно? Извольте, скажу: Черемисовъ.

— Бывшій учитель Стрекаловыхъ?

— Онъ самый.

— Я вамъ, Marie, не совѣтовалъ бы принимать его у себя!

— Скорѣй я васъ не приму, чѣмъ его,—слышите?

Генералъ поблѣднѣлъ.

— Я, Marie, не къ тому говорю. Онъ,—вы этого не понимаете,—онъ неспокойный господинъ, и за нимъ наблюдаютъ. Ему, быть-можетъ, придется уѣхать отсюда.

— Это еще что за новости?.. Разскажите все до конца!

— Довольно и этого. Я вижу, вы интересуетесь имъ.

— Не говорите такъ, глупо выходитъ. Я вамъ скажу: я могла бы его полюбить такъ, какъ никого не любила, но онъ меня не любитъ и... чего вы на стулѣ вертитесь?.. не полюбитъ никогда; я не его романа... Сегодня онъ былъ въ первый разъ у меня и былъ по дѣлу, даю вамъ слово; значитъ, ревность ваша неумѣстна. Но за правду—правдой; говорите!

— Видите ли, Marie, этотъ господинъ Черемисовъ имѣлъ несчастіе непонравиться Колосову, а тотъ (вы вѣдь его знаете?) ни надъ чѣмъ не задумается. Онъ написалъ князю Вяткину, и мнѣ изъ Петербурга прислали самый хитрый романъ, въ которомъ герои—Черемисовъ и Крутовской. Въ этомъ романѣ есть все, чтобы молодые люди запутались въ паутинѣ: и лекціи на заводѣ, и статьи въ газетахъ, и неблагонадежность,—однимъ словомъ, toute la toilette.

— И вы?..—сверкнула глазами Ленормъ, окидывая генерала презрительнымъ взглядомъ.

— Не волнуйтесь и не перебивайте. Я самъ не придаю никакого значенія всему этому роману, но... on me forcent.

— Если вы честный человѣкъ, вы за нихъ заступитесь.

Генералъ пожалъ плечами.

Ленормъ зорко слѣдила за нимъ.

— Вы меня любите?—вдругъ спросила она.

— Вы это, Marie, знаете лучше меня, люблю ли я васъ...

— И очень? — нѣжно повторила она, кладя руку на плечо генерала.

— Очень,—повторилъ онъ за нею и привлекъ ее къ себѣ.

Она не противилась и позволила осыпать себя поцѣлуями.

— Такъ если ты меня любишь... ты ихъ оправдаешь во что бы то ни стало!

— Marie, но я-то самъ...

— Что ты?.. Ты вѣдь важное лицо! Что же ты молчишь?.. Дай слово

— А если не дамъ?

— Если не дашь—я съ тобой незнакома.

— Это послѣдній ультиматумъ?

— Ты вѣдь меня знаешь... Милый мой, добрый мой, я тебя прошу...

Она бросилась къ нему на шею; она ласкалась къ генералу, какъ кошка, и онъ опьянѣлъ отъ этихъ ласкъ.

— Я жду отвѣта!—шепнула она.

— Будь по-твоему. Съ тобой и себя забудешь!

— Ну, теперь миръ, и давай ужинать.

Во время ужина она много пила и весело хохотала. Подъ конецъ она опьянѣла.

Когда генералъ ушелъ, Ленормъ бросилась на диванъ и зарыдала.

— Что съ вами, барышня? — спрашивала Надя, заботливо укладывая ее въ постель.

— Ахъ, Надя, Надя, если-бъ ты знала, что я за гадкая женщина!..

— Полно вамъ плакать, усните...

— Гадкая... а вѣдь могла бы быть другой. Счастливая ты:—ты честная, а я... я...

Она не договорила и уткнулась въ подушку.

Надя постояла около, тихонько перекрестила «барышню» и легла около нея на полу.

XLIII.

Крутовской двое сутокъ не былъ дома. Случайно встрѣтился онъ въ гостиницѣ съ двумя помѣщиками-степняками, ѣхавшими въ Петербургъ закладывать имѣнія, разговорился съ ними и получилъ отъ нихъ работу. Работа была спѣш-

ная, надо было въ два дня снять нѣсколько копій съ плановъ и написать множество бумагъ, такъ что Крутовской на это время поселился поблизости у одного знакомаго; по окончаніи работы онъ отнесъ ее степнякамъ, которые остались очень довольны и оставили Крутовского пить чай. Не прошло и четверти часа, какъ между новыми знакомцами, которыхъ Крутовской видѣлъ первый разъ въ жизни, завязался горячій споръ, затянувшійся за полночь. Споръ былъ весьма оживленный, въ которомъ Крутовской, чуть не съ пѣной у рта, доказывалъ нѣсколько подвыпившимъ, крайне добродушнымъ степнякамъ, что они ретрограды, которымъ одно мѣсто—Камчатка.

Добродушные и рыхлые, какъ тѣсто, степняки никакъ не могли съ этимъ согласиться, такъ что Крутовской пуще злился и еще болѣе старался ихъ убѣдить. Дѣло однако-жъ кончилось тѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ степняками напился и бережно былъ уложенъ однимъ изъ своихъ новыхъ знакомцевъ на кровать въ номерѣ.

Крутовской проснулся поздно, съ головной болью, и удивленно озирался кругомъ.

— Вы вчера, знаете ли, немножко того,—поспѣшилъ замѣтить съ другой кровати добродушный степнякъ.

— И вы меня, вмѣсто Камчатки, уложили въ постель?—захохоталъ Крутовской.

— Да... Я и самъ вчера хватилъ... только вы слабы: много ли выпили, а ужъ не могли лыка вязать, только и повторяли: въ Камчатку, въ Камчатку ихъ! Мы васъ и уложили. А горяченьки же вы, батюшка, очень горяченьки... Пылъ, знаете ли, самый молодой. Я и самъ прежде горячъ былъ, когда въ гусарахъ служилъ: бывало, чуть солдафонъ провинился—въ морду его. Да и нельзя, я вамъ скажу, иначе; какая тамъ эмансипація ни будь, а съ нашимъ мужепесомъ,—это у насъ такъ въ губерніи мужлановъ прозвали,—смѣялся степнякъ:—одно спасенье—въ морду!

Помѣщикъ говорилъ эти слова съ такимъ мягкимъ, добродушнымъ юморомъ и съ такой наивной увѣренностью, что Крутовской не могъ не улыбнуться.

— Ей-Богу, вы этому повѣрьте: это какъ Богъ-святъ.

«Эка меня дернуло вчера состязаться съ ними!—подумалъ Крутовской, одѣваясь.—Нечего сказать—экземпляры, и по нынѣшнему времени пожалуй-что и рѣдкіе!»

— Я вотъ теперь съ сосѣдомъ въ Питеръ ѣду закла-

дывать имѣніе въ поземельный банкъ, а почему?—разсказывалъ степнякъ, натягивая сапоги на свои неуклюжія, точно бревна, ноги.

— Прогорѣть изволили?

— А почему прогорѣть изволилъ?

— Старая пѣсня—эмансипація?

— Нѣтъ, пѣсенка-съ не та, а прогораемъ мы потому, что норовитъ тебя мужикъ надуть. Я, скажу вамъ по совѣсти, былъ простъ,—ахъ, какъ простъ! Скажи вы мнѣ: Антонъ Антонычъ, здѣсь, молъ, въ жилеткѣ у меня сто рублей,—я повѣрю; а онъ этой-то простотой и воспользовался.—Отчего не вспахано?—Вспахано, говоритъ.—Врешь! — Божится. — Брешешь, каналья! — Мужикъ въ ноги. Тутъ бы ему въ зубы, анъ руки и связаны: мировой институтъ-съ выдумали... Прогонишь его вонъ, а землица кое-какъ вспахана, — снова отдай денежки за работу... Вотъ-съ мы и прогораемъ за нашу простоту. Спасибо еще банкъ выручаетъ: ссужаетъ деньгами.

Крутовской глядѣлъ на степняка, на его толстое, топоромъ скроенное, загорѣлое лицо, на которомъ добродушіе и какая-то особенная, первобытная наивность, съ оттѣнкомъ лукавства, сквозили въ каждой чертѣ, въ каждой складкѣ. «А я его еще вчера въ Камчатку посылалъ,—за что?—улыбался Крутовской.—Никакая Камчатка ничего съ нимъ не подѣлаетъ».

Крутовской одѣлся и сталъ прощаться.

— А чаю? Такъ безъ чаю на улицу выйдете, что ли? Нѣтъ, это какъ же можно!—я васъ не пущу,—останавливалъ степнякъ.

— Нужно мнѣ...

— И мнѣ нужно поскорѣй бы въ Питеръ, да вѣдь нельзя же не пивши и не ѣвши: — хохоталъ помѣщикъ.—Вы останьтесь-ка, выпьемъ чайку, закусимъ, тогда и простимся по-дружески. Очень ужъ вы душевный человѣкъ, хоть и ругаетесь.

Крутовской остался пить чай. Послѣ чаю пошла закуска, кончившаяся только къ четыремъ часамъ.

— Вотъ теперь и собираться помаленьку можно,—правда, сосѣдъ?

«Сосѣдъ», вообще мало разговорчивый, замѣтилъ:

— А вотъ погоди: я только котлетку докончу.

— Что-жъ, погодимъ. Съѣшь. Кстати и я еще закушу.

Оба еще съѣли.

Когда кончился наконецъ завтракъ, степняки распрощались съ Крутовскимъ, облобызавъ «душевнаго человѣка».

Крутовской шелъ домой довольный, что несетъ женѣ заработанныя деньги. Денегъ было довольно на мѣсяцъ. «А послѣ какъ? — думалось Крутовскому. — Послѣ работишка наверняется, а то и редакторъ вышлетъ же наконецъ!» О послѣднемъ, впрочемъ, онъ вспомнилъ больше для успокоенія, такъ какъ надежда эта въ послѣднее время становилась для него какимъ-то призракомъ. «Ну, наконецъ уроки найду!»—утѣшалъ себя Крутовской и, кажется, утѣшился, потому что вмигъ повеселѣлъ и, посвистывая, гоголемъ повернулъ на Московскую улицу. По другой сторонѣ улицы онъ замѣтилъ Ленормъ, возвращавшуюся съ репетиціи, и не хотѣлъ-было подойти къ ней, такъ какъ еще злился на нее за послѣднюю сцену.

«Чортъ съ ней, не подойду!»—шепнулъ онъ и все-таки подошелъ.

— Что давно не видать васъ?—замѣтила молодая дѣвушка.

— Да что ходить?..

— Не пускаютъ?—посмѣивалась Ленормъ.

— Кто меня смѣетъ не пускать?—вспылилъ Крутовской.

— Да вы такъ не кричите на улицѣ, а то еще васъ въ полицію возьмутъ. Лучше у меня кричите. Пойдемте.

Онъ пошелъ къ ней на квартиру.

— Пока посидите, злитесь одинъ, а я переодѣнусь!

Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась и улеглась на диванъ.

— Вы извините, что я въ блузѣ и съ ногами на диванъ легла—устала!

— Такъ кто-жъ меня не пускаетъ?—злился Крутовской.

— Я почемъ знаю!

— Такъ и не говорите пустяковъ.

— Да и къ чему вамъ ходить ко мнѣ?—говорила, улыбаясь, Ленормъ.—Матеріалу для статей у меня мало.

— Вы сама—богатый матеріалъ.

— Не особенно... Бываютъ у меня, правда, очень интересные экземпляры, которые доставили бы вамъ богатую жатву...

— Кто?

— Вотъ вамъ и скажи... къ чему? Вамъ все равно нельзя съ ними встрѣчаться у меня.

Крутовской измѣнился въ лицѣ. «Что-жъ это за женщина, неужели она...» Онъ не посмѣлъ докончить мысли и въ первый разъ обратилъ особенное вниманіе на квартиру, въ которой онъ такъ часто бывалъ. Теперь она его поразила роскошью и богатой обстановкой.

«А вѣдь жалованье ея маленькое!»—досказалъ Крутовской.

Ленормъ поняла, о чемъ думаетъ ея гость.

— Такъ вамъ хочется знать, кто бываетъ у меня? Извольте, скажу: во-первыхъ, генералъ...

— Зачѣмъ?

— Для пріятныхъ разговоровъ!..—съ какой-то циничной наглостью проговорила актриса.

Крутовского передернуло отъ этого тона. Онъ взглянулъ на Ленормъ. Она полулежала на диванѣ, закинувъ назадъ обнаженныя руки.

— Я вѣдь жить хочу, Крутовской, жить не по-вашему, не по-мѣщански.

— А въ роскоши?

— Да. А роскошь денегъ стоитъ!

— А генералъ...

— Ее оплачиваетъ!—закончила дѣвушка и захохотала.

— А со мной отчего же и не пошутить?—прошипѣлъ Крутовской, хватаясь за шляпу.

— Отчего-жъ, если сами напрашиваетесь?—замѣтила она и нагло поглядѣла ему въ глаза.

Этотъ наглый взглядъ, взглядъ куртизанки окончательно сразилъ Крутовского, и въ головѣ его пронеслась мысль: «И я, дуракъ, чуть-было не втюрился! Бѣдная Люда!»

Онъ скоро раскланялся и ушелъ.

«Быстро же излѣчился и скоро всему повѣрилъ этотъ добрый, но сумасбродный повѣса!—улыбнулась молодая дѣвушка и грустно опустила хорошенькую головку.—Теперь онъ не придетъ ко мнѣ. Черемисовъ будетъ мною доволенъ».

Крутовской былъ пораженъ видомъ своей жены—такъ она была истомлена и блѣдна. Онъ тихо подошелъ къ ней и протянулъ руку; она ласково подала свою и не сдѣлала никакого вопроса, не проронила ни одного упрека.

— Люда, другъ мой, ты совсѣмъ больна.

— Нѣтъ, я здорова,—улыбнулась она:—а вотъ Володя вчера былъ нехорошъ...

Крутовской вспомнилъ, что въ домѣ не было денегъ, и что дня два Людмила Николаевна сидѣла безъ гроша, и ему стало совсѣмъ стыдно.

— Что съ нимъ?

— Вѣроятно, простудился... Вчера докторъ былъ.

— А деньги?..

— Черемисовъ далъ; я его вчера встрѣтила...

— Ну, слава-Богу. Вотъ, Люда, деньги,—досталъ-таки. Онъ подалъ ей пятьдесятъ рублей.

— Опять въ долгъ?—тихо спросила Людмила Николаевна.

— Нѣтъ, Люда, заработалъ. Случайно встрѣтился съ двумя помѣщиками, которые ѣдутъ въ Петербургъ закладывать имѣнія, и получилъ отъ нихъ работу; два дня чертилъ имъ планы, писалъ бумаги. Работа была спѣшная, отъ этого ты меня и не видала два дня.

— То-то ты блѣдный такой... усталъ?

«Она же еще меня жалѣетъ!»—подумалъ Крутовской, и сердце его сжалось.

— Люда, милая Люда!—порывисто бросился къ ней Крутовской:—ты прости меня...

— Полно, Володя, полно, мой другъ, въ чемъ тебя прощать?—шептала она, обнимая его.

— Вѣдь я люблю одну тебя и никого болѣе!

Она вздрогнула отъ радости; изъ глазъ ея полились тихія, облегчающія слезы.

Между ними не было никакихъ объясненій, она не проронила ни одного упрека... У обоихъ было легко на сердцѣ; точно послѣ бури наступило затишье.

— Тебѣ, Люда, лѣчиться надо,—говорилъ Крутовской, гладя ея волосы.—Ишь, кашляешь...

— Теперь я совсѣмъ здорова!—весело отвѣчала молодая женщина.—Гляди,—подвела она мужа къ постели, гдѣ валялся сынишка:—и онъ поправляется, румянецъ на щечкахъ. Ну, поцѣлуй, дитя мое, папку, цѣлуй его, онъ у насъ славный!—весело щебетала Людмила Николаевна.

Крутовской поцѣловалъ сына и горячо обнялъ жену.

XLIV.

Невесело жилось обывателямъ стрекаловскаго дома. Тяжело было Стрекалову съ каждымъ днемъ все болѣе и бо-

лѣе убѣждаться, что сынъ его, любимый Ѳедя, заразился «нелѣпыми» идеями. Онъ глядѣлъ на своего «мальчика», какъ на будущаго своего помощника, во всемъ съ нимъ согласнаго, и вдругъ этотъ мальчикъ уже теперь нерѣдко молчаніемъ протестуетъ противъ мнѣній отца. Отецъ чувствовалъ, что какая-то струна порвалась между ними и нѣтъ прежней задушевности и искренности въ отношеніяхъ къ нему сына. Не далѣе, какъ вчера, — вспомнилъ отецъ,—Ѳедя пожималъ рабочимъ руки и о чемъ-то горячо говорилъ съ ними, но какъ только подошелъ отецъ, онъ быстро замолчалъ. Отца это кольнуло въ сердце, но онъ ничего не сказалъ и пошелъ далѣе.

«Это—вліяніе негодяя Черемисова, и я, глупецъ, во всемъ виноватъ: не разглядѣлъ, что̀ за человѣкъ, повѣрилъ словамъ!..»—упрекалъ себя Николай Николаевичъ.

Онъ хандрилъ и на время забылъ даже и о концессіи, и о Рѣчинскомъ. Одна мысль о томъ, что сынъ можетъ разлюбить его, можетъ сдѣлаться какимъ-нибудь несчастнымъ шатуномъ, фантазеромъ и нищимъ, приводила его въ отчаяніе. А онъ такъ любитъ сына и ждалъ отъ него совсѣмъ другого! Николай Николаевичъ похудѣлъ даже за это время, и обычныя его занятія не развлекали его.

Онъ рѣшилъ поговорить съ сыномъ. Когда Ѳедя пришелъ, отецъ обнялъ его съ какою-то странной горячностью.

— Здоровъ ты, милый мой?

— Здоровъ, папа.

— Что-жъ ты невеселый такой, а? Скажи мнѣ.

— Я ничего...

— Ты откровенно, какъ другу, скажи, Ѳедя, что̀ съ тобой? Ты въ послѣднее время не тотъ сталъ... Пойдемъ-ка, погуляемъ и поговоримъ...

Они пошли въ садъ.

— Тебѣ скучно, Ѳедя, да?

Ѳедя молчалъ.

— Я это вижу и знаю, другъ мой, причины... Ты привязался къ Черемисову,—съ горечью говорилъ Стрекаловъ:—и грустишь, что его нѣтъ, вѣдь правда? Что же ты молчишь?

— Правда,—тихо отвѣтилъ Ѳедя.

— Ты еще молодъ, очень молодъ, мой другъ, и привязываешься къ первому встрѣчному; помни, что легко ошибиться: принять фольгу за золото, глупыя фантазіи за истину, и стать смѣшнымъ фантазеромъ, не приносящимъ

ни себѣ, ни другимъ пользы. Ты вѣрь мнѣ: я не на вѣтеръ говорю; знаешь ли ты, другъ мой, какими трудами я пріобрѣлъ средства, благодаря которымъ мы живемъ хорошо, а ты можешь учиться? Ты думаешь, мнѣ легко было?

И отецъ разсказалъ сыну о томъ, какъ онъ смолоду самъ работалъ, какъ былъ въ Англіи и какъ, благодаря знаніямъ, труду и энергіи, пріобрѣлъ себѣ состояніе.

— Какъ видишь, — окончилъ онъ свой разсказъ: — я всего достигъ трудомъ и знаніями, и никто не въ правѣ сказать, чтобы хоть одинъ грошъ, который лежитъ у меня въ карманѣ, былъ нажитъ нечестно. Слышишь, Ѳедя: все, что у насъ есть, все нажито трудомъ и умѣньемъ. Я никого не грабилъ, я ни одной души не обсчиталъ, и совѣсть моя покойна.

— Папа, голубчикъ, но отчего-жъ намъ такъ хорошо, а... а... народу такъ скверно?..

— То-есть какъ скверно? Вовсе не такъ скверно. Если они живутъ не такъ, какъ мы, то у нихъ потребности далеко ниже нашихъ... Ему книга не нужна, а тебѣ она необходима; онъ не привыкъ къ тонкому бѣлью, а ты привыкъ; наша пища для него непонятна, какъ его пища намъ. Наконецъ, — и это главное, — міръ, милый мой, созданъ такъ, что всѣмъ одинаково богатыми быть нельзя; какъ ни одинъ человѣкъ не похожъ на другого, такъ невозможно, чтобы всѣ были богаты... И не только въ Россіи, гдѣ народъ еще младенецъ, а и въ Европѣ то же самое: меньшинство пользуется всѣми благами цивилизаціи, учится въ университетахъ, вноситъ знанія въ жизнь, улучшаетъ ее и слѣдовательно получаетъ законное право на лучшее существованіе, а большинство—нѣтъ, но каждый изъ нихъ, исполняя честно свой долгъ, можетъ и долженъ быть счастливъ. Кто воображаетъ, что можно уравнять всѣхъ, тотъ сумасшедшій или дуракъ, который ни о чемъ не думалъ.

Ѳедя внимательно слушалъ, и горячее сердце его инстинктивно возмущалось противъ этой теоріи; ему казалось, что отецъ неправъ, но почему неправъ—развѣ могъ объяснить это юноша?

— Будешь и ты, Ѳедя, богатъ, и передъ тобой будетъ широкая дѣятельность. Богатство обязываетъ человѣка: кто растрачиваетъ его попусту, тотъ упускаетъ изъ рукъ и свое, и чужое счастіе. А развѣ не счастіе знать, что благодаря тебѣ тысячи рукъ получаютъ работу?..

— Ужъ лучше прямо отказаться отъ богатства!—горячо вдругъ воскликнулъ юноша.

Стрекалова ожгло отъ этого неожиданнаго восклицанія. Онъ точно забылъ, что эти горячія слова, продиктованныя горячимъ сердцемъ, очень часто и остаются только словами; въ страхѣ за сына, онъ придалъ имъ бо̀льшее значеніе и почти-что крикнулъ:

— Ты подъ вліяніемъ черемисовскаго вздора! Онъ говоритъ такъ отъ зависти, потому что самъ—нищій, а дай ему состояніе—посмотрѣлъ бы ты на него!..

— Неправда!—возразилъ горячо юноша.

— Молчи, дуракъ!—крикнулъ, вспыливъ, Стрекаловъ. Впрочемъ, гнѣвъ быстро прошелъ, онъ опомнился и, глядя на сына, печально опустившаго голову, обнялъ его и сталъ цѣловать.

— Вѣдь я люблю тебя, страстно люблю, родной мой, ты вѣдь одинъ сынъ у меня; пойми же, голубчикъ, что твой бывшій учитель говорилъ вздоръ, и такіе люди, какъ онъ, вредные люди, которые дѣлаютъ большое зло. Чего они достигаютъ?—Ничего. Какая ихъ жизнь?—Ихъ гоняютъ, какъ бѣшеныхъ собакъ, съ мѣста на мѣсто, и какую пользу они приносятъ? Такъ, шатуны, ни себѣ, ни другимъ не приносящіе счастья, несчастные люди... Ты глубоко обидишь меня, милый мой, если не выбросишь изъ головы этого вздора. А развѣ ты захочешь огорчить отца, которому ты такъ дорогъ? Впрочемъ, что-жъ я говорю? Ты самъ поймешь, когда станешь старше, что я говорю правду, и не отравишь мнѣ жизни, а дашь умереть спокойно...

Голосъ Стрекалова дрожалъ; онъ припалъ къ сыну, и Ѳедя почувствовалъ на своихъ щекахъ отцовскія слезы.

Тяжелы были эти ласки для юноши: онѣ его точно жгли, глубоко растравляя сердце. Ему было жаль отца, а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что между нимъ и отцомъ что-то порвано, и это «что-то» врядъ ли когда возвратится... Онъ долженъ былъ запрятать подальше, въ далекій тайникъ, свое сокровище—неясные, юношескіе идеалы, полные дѣтской отваги и задора, и ему хотѣлось, чтобъ всякій, какъ и онъ, благоговѣлъ передъ ними и не смѣлъ даже словомъ оскорбить ихъ чистоту и справедливость...

Онъ грустно глядѣлъ на отца и, замѣтивъ слезы, обнялъ его и сказалъ:

— Папа, голубчикъ! Развѣ я тебя не люблю?

Отецъ радостно взглянулъ на сына и не замѣтилъ, что

сынъ не договорилъ всего, что̀ лежало камнемъ на его молодомъ сердцѣ.

Они, обнявшись, вернулись въ комнаты, и, казалось, между ними состоялось полное примиреніе.

— —

Ольга положительно ставила втупикъ Настасью Дмитріевну. Ужъ какъ она ни пробовала разгадать, что̀ такое дѣлается съ молодой дѣвушкой, какъ ни выспрашивала и у нея самой, и у Арины Петровны,—никакого толка не выходило. Влюблена ли она въ Черемисова или не влюблена?—вотъ задача, надъ разрѣшеніемъ которой билась бѣдная мать и чувствовала, что она очень далека до разгадки. Одно она понимала ясно, что Ольга не любитъ Рѣчинскаго, но, впрочемъ, не сомнѣвалась, что, въ случаѣ предложенія, она выйдетъ замужъ, если отецъ и мать ее попросятъ. Какая бы она странная ни была, но она, во всякомъ случаѣ, исполнитъ долгъ дочери и не захочетъ огорчить мать. Такъ думала Настасья Дмитріевна, не переставая наблюдать за Ольгой, но наблюденія не приводили ее ни къ чему положительному.

Ее нѣсколько смущало, что Ольга въ послѣднее время что-то стала задумчивѣе, старалась уединяться и слишкомъ долго просиживала за книгами, и она не разъ говорила объ этомъ Ольгѣ. Ольга выслушивала спокойно и замѣчала:

— Это не вредитъ моему здоровью, мама, право, не вредитъ, но если вы находите, что я поздно засиживаюсь, я буду раньше ложиться спать...

Что̀ было отвѣчать матери на такіе покорные отвѣты? А между тѣмъ сердце ея било тревогу, и ей чудилось что-то страшное, что-то такое, о чемъ она и подумать не смѣла.

«Господи! Хоть бы выслали этого негодяя изъ города!»—не разъ молила мать, призывая на неповинную голову Черемисова всевозможныя бѣды.

Такое тяжелое недоумѣніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока не разразилась гроза.

XLV.

Рѣчинскій, по обыкновенію, бывалъ часто, и Ольга, по обыкновенію, была съ нимъ ровна и настолько любезна, насколько требовало приличіе; молодой юристъ удивлялся, что эта дѣвушка имъ не увлекается, тогда какъ имъ увле-

кался весь городъ, и сталъ внимательнѣе наблюдать молодую дѣвушку. Замѣтивъ ея любознательность, онъ сталъ носить ей книги, спорилъ съ нею, спорилъ мягко, не безъ ловкости, и подчасъ увлекалъ ее своей діалектикой; слушая его ровную, гладкую (не безъ нѣкотораго краснорѣчія) рѣчь, она подчасъ смягчалась, дѣлалась откровеннѣй, ласковѣй, и молодому человѣку иногда казалось, что скажи онъ слово — и она сейчасъ же сочтетъ за счастіе отдать ему сердце, руку и приданое. Она была хороша, воспитана, умѣла держать себя, онъ ее любитъ (она такъ хорошо сложена и у нея такіе славные глаза!), и значитъ то счастіе, которое возможно въ наше время, почти-что у него въ карманѣ. Правда, есть нѣкоторыя неровности, рѣзкость сужденій, рѣзкіе взгляды, какая-то фанатичность, но все это съ годами пройдетъ, сгладится, и изъ нея выйдетъ прекрасная жена, которая будетъ украшеніемъ его блестящаго салона.

Такъ думалъ Рѣчинскій и наконецъ рѣшился сдѣлать предложеніе. Прежде, чѣмъ рѣшиться на такой важный шагъ, онъ, какъ человѣкъ благоразумный, снова взвѣсилъ всѣ шансы за и противъ, и пришелъ наконецъ къ окончательному заключенію, что онъ не только ничѣмъ не рискуетъ, вступивъ въ бракъ, а, напротивъ, выиграетъ. «Разумѣется, приданое я возьму въ руки!»—подумалъ онъ мимоходомъ.

Однажды, послѣ засѣданія въ судѣ, основательно скушавши свой обѣдъ и подремавъ съ полчаса на отоманѣ, Рѣчинскій одѣлся (безукоризненно, по обыкновенію) и отправился къ Стрекаловымъ дѣлать предложеніе. Какъ это ни странно, но Рѣчинскій былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ не встрѣтитъ никакого препятствія, и что Ольга непремѣнно согласится быть его женой; въ Стрекаловыхъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ.

Настасья Дмитріевна сидѣла въ своемъ кабинетѣ, когда ей доложили о Рѣчинскомъ; она попросила его къ себѣ и, по обыкновенію, встрѣтила ласково. Послѣ незначительнаго разговора, Рѣчинскій наконецъ сказалъ:

— Я пріѣхалъ къ вамъ, Настасья Дмитріевна, чтобы просить руки вашей дочери. Скажите, васъ не удивляетъ мое предложеніе?

Настасья Дмитріевна ласково протянула свою руку, которую гость почтительно поцѣловалъ.

— Я давно люблю Ольгу Николаевну и смѣю думать,

что не сдѣлаю ее несчастной, но прежде, чѣмъ говорить съ нею самой, я счелъ своимъ долгомъ спросить объ этомъ у васъ и у Николая Николаевича...

— Благодарю васъ, Леонидъ Васильевичъ, за честь, которую вы оказали, и, признаюсь вамъ, какъ я, такъ и мужъ будемъ очень рады этому браку. Мы васъ давно знаемъ и цѣнимъ, какъ очень хорошаго человѣка, такъ что съ нашей стороны вы не можете встрѣтить никакихъ препятствій.

— А Ольга Николаевна?

— Вы знаете, она еще очень молода и...

— Вы сомнѣваетесь въ ея согласіи?

— Я не это хотѣла сказать... Врядъ ли она не согласится быть женою человѣка, котораго она не можетъ не уважать, но, чтобы васъ не пугало, если бы вы не замѣтили въ ней той экзальтированной страсти, которая такъ нравится мужчинамъ, я считаю долгомъ своимъ предупредить васъ, Леонидъ Васильевичъ, объ этомъ и сказать, что она еще очень молода... Во всякомъ случаѣ, мы вамъ дадимъ отвѣтъ на-дняхъ...

— Ольга Николаевна дома?

— Нѣтъ, она уѣхала съ отцомъ кататься и будетъ вечеромъ; вы подождите ихъ.

Однако-жъ Рѣчинскій не согласился и предпочелъ получить на третій день письменный отвѣтъ. Настасья Дмитріевна проводила его до дверей и ласково замѣтила на прощанье:

— Во всякомъ случаѣ, покамѣстъ разговоръ нашъ останется тайной?

— Разумѣется.

Рѣчинскій снова поцѣловалъ ея руку и уѣхалъ, а Настасья Дмитріевна въ волненіи заходила по комнатѣ. Какъ она ни рада была предложенію («онъ такой хорошій, основательный молодой человѣкъ и имѣетъ такія связи!»), но сердце ея билось неспокойно. Когда мужъ и дочь пріѣхали съ катанья, она какъ-то особенно торжественно поцѣловала Ольгу и немедленно пошла съ Николаемъ Николаевичемъ въ кабинетъ.

— Николай, — заговорила она необыкновенно торжественнымъ голосомъ:—сейчасъ у меня былъ Рѣчинскій и сдѣлалъ предложеніе...

— Наконецъ-то! Онъ говорилъ, значитъ, съ Ольгой раньше и Ольга согласна?

— Съ Ольгой онъ еще не говорилъ...

Николай Николаевичъ поморщился.

— Ты думаешь, Оля согласится?

— Такія партіи, Николай, не часто встрѣчаются... Развѣ Оля захочетъ огорчить насъ?

— Расположена ли она хоть къ нему?

— Я думаю... Она его уважаетъ, и слѣдовательно они будутъ счастливы...

— Дай Богъ, дай Богъ... я такъ желалъ бы этой свадьбы! Надо позвать сюда Олю, поговорить съ ней... или ты одна поговоришь?—почему-то испугался Стрекаловъ.—Лучше ты, Настенька, поговори съ ней.

— Нѣтъ, Nicolas, поговоримъ вдвоемъ. Она еще молода, быть-можетъ, сердце ея и противъ этого, но, выслушавъ наши доводы, она согласится и потомъ, пользуясь тихимъ, прочнымъ счастіемъ, будетъ благодарить насъ за наши совѣты.

Стрекаловъ покраснѣлъ отъ волненія и наконецъ подавилъ пуговку и приказалъ Филату попросить Ольгу Николаевну.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошла Ольга; она вопросительно взглянула на отца и на мать и, замѣтивъ ихъ торжественныя, нѣсколько взволнованныя лица, начинала догадываться, зачѣмъ ее позвали. Сердце ея безпокойно забилось, она нѣсколько поблѣднѣла и тихимъ голосомъ спросила:

— Что̀ вамъ угодно, папа?

Отецъ взглянулъ на нее и опустилъ глаза; ему сдѣлалось неловко передъ дочерью.

— Садись, Ольга; мы хотѣли съ тобой поговорить,— замѣтила Настасья Дмитріевна.—Что̀ съ тобой, другъ мой... ты поблѣднѣла? Ты не пугайся: ничего страшнаго нѣтъ!

Ольга молча опустилась на стулъ и приготовилась слушать.

— Ты знаешь, конечно, Ольга,—продолжала Настасья Дмитріевна:—какъ мы тебя любимъ, и вполнѣ увѣрена, какъ горячо мы тебѣ желаемъ добра и счастья...

Она остановилась, надѣясь, что Ольга что-нибудь отвѣтитъ, но Ольга молчала и прямо глядѣла въ глаза матери.

— Назначеніе каждой порядочной дѣвушки—быть доброй матерью и вѣрной женой,—снова заговорила Настасья Дмитріевна:—и—я въ этомъ вполнѣ увѣрена—ты будешь хорошей женой и матерью...

— Не томи ты Олю, — вступился Николай Николаевичъ. - Оля, милая моя, Леонидъ Васильевичъ только-что сдѣлалъ предложеніе... Мы были бы очень рады этому браку... Скажи, согласна ты?—быстро проговорилъ Стрекаловъ, обнимая дочь.

— Онъ человѣкъ безукоризненный, Ольга... онъ тебя очень любитъ... Счастіе въ твоихъ рукахъ... Признаюсь, я давно объ этомъ молила Бога, дитя мое...

Ольга стала бѣла, какъ мраморъ, и крѣпче сжала свои тонкія губы. Она тихо провела рукой по волосамъ и, казалось, ждала, что̀ еще скажутъ.

— Ты подумай, Ольга; не рѣшай этого дѣла сейчасъ; если тебя эта новость очень взволновала, поди, успокойся, мой другъ!—замѣтила Настасья Дмитріевна, цѣлуя ея холодный лобъ.

— Свадьба вѣдь не сейчасъ, Оля; можно подождать, какъ хочешь... Ты успѣешь полюбить Леонида Васильевича... Признаюсь, я былъ бы очень счастливъ, если бы ты полюбила его.

— Значитъ, и вы, и мама очень желали бы этой свадьбы?—тихо спросила Ольга.

— Очень... Вѣдь онъ такой хорошій человѣкъ!

— Я не стану спорить, но я его не люблю!

— Полюбишь, Оля; онъ въ тебѣ души не слышитъ... Если-бъ ты только знала, какъ онъ тебя любитъ!—сказала мать.

— А развѣ вы, папа, хотѣли бы, чтобы дочь ваша была несчастлива?

— Что ты, Оля, что ты!—пробормоталъ отецъ.

— Такъ я вамъ прямо скажу: я не могу быть счастлива съ человѣкомъ, котораго не люблю и не уважаю!..

Дѣвушка проговорила это такимъ рѣшительнымъ тономъ, что и отецъ, и мать были изумлены. Этотъ самостоятельный тонъ совсѣмъ смутилъ бѣдныхъ родителей.

— Развѣ онъ не достоинъ уваженія, Ольга? рѣзко замѣтила мать.—Если отецъ и мать уважаютъ его, то, кажется, и ты могла бы уважать такого прекраснаго человѣка.

— Однимъ словомъ, я скажу мое послѣднее слово,—твердо сказала Ольга:—я никогда не буду женой Рѣчинскаго.

Стрекаловы остолбенѣли. Боже мой, что̀ они слышатъ? Эта Ольга, тихая, ровная, покорная Ольга, вдругъ за-

говорила, какъ власть имѣющая!.. И мать, и отецъ переглянулись.

— Откуда этотъ тонъ, Ольга? Что все это значитъ?

Ольга опять замолчала.

— Ужъ не черемисовскія ли это идеи?—допрашивала мать.

Николай Николаевичъ при этомъ имени привскочилъ съ кресла.

— Надѣюсь, что не этотъ негодяй достоинъ твоего уваженія?—проговорилъ онъ, съ трепетомъ ожидая отвѣта.

— Я его не считаю негодяемъ и уважаю его!—тихо проговорила дѣвушка, нервно подергивая губами отъ волненія.

Николай Николаевичъ откинулся въ кресло и закрылъ лицо руками. Эта новость кольнула его прямо въ сердце. «Господи, что-жъ это такое? За что, за что?»—прошепталъ онъ въ отчаяніи; Настасья Дмитріевна была блѣдна, какъ смерть, и проговорила:

— Ужъ не влюблена ли ты въ этого негодяя? Отъ тебя теперь всего можно ждать...

Ольга не отвѣчала.

— Полюбуйся, что съ отцомъ, гляди! Это отплата за нашу любовь!—продолжала мать, тихо выговаривая каждое слово.

Ольгѣ была невыносима эта сцена. Она едва сидѣла.

— Если вы меня любите, отпустите меня... мнѣ тяжело... я нездорова! — умоляющимъ голосомъ сказала Ольга.—Не спрашивайте меня болѣе...

— Это еще что?.. Ольга!.. Оля!..—едва проговорила, дико озираясь, мать:—ты... скажи...

Она бросилась къ дочери и подставила ухо, ожидая выслушать какую-нибудь ужасную тайну.

Стрекаловъ отвелъ руки; блѣдное лицо его выражало ужасъ.

Ольга съ изумленіемъ отодвинулась отъ матери.

— Ты, Оля, лучше не скрывай, все скажи, все!—шептала умоляющимъ голосомъ Настасья Дмитріевна.

— Да чего же вы отъ меня хотите, мама? За что вы меня мучаете? Что мнѣ сказать вамъ и въ чемъ вы меня обвиняете?—вдругъ вскрикнула Ольга.

И мать, и отецъ облегченно вздохнули.

— Мы не обвиняемъ тебя. Ты, вѣрно, увлеклась этимъ...

— Ольга!—перебилъ отецъ:—мнѣ крайне тяжело говорить то, что̀ я скажу, но помни одно: скорѣй ты меня увидишь въ гробу, чѣмъ вырвешь у меня позволеніе выйти замужъ за Черемисова—слышишь? Теперь ступай!

Ольга, шатаясь, вышла изъ кабинета и прошла къ себѣ наверхъ. Она долго сидѣла у окна и точно окаменѣла. Ни одной слезинки не выпало изъ ея глазъ, безцѣльно глядѣвшихъ передъ собой. Только поздно вечеромъ, когда Ѳедя пришелъ къ ней проститься и спросилъ, что̀ съ ней, она не выдержала и, бросившись брату на шею, залилась горячими слезами. Слезы облегчили ее, и она разсказала Ѳедѣ бывшую исторію, которую онъ выслушалъ, нахмуривъ брови и злобно сверкая своими быстрыми глазами.

— Молодецъ ты, Оля!—одобрялъ онъ ее:—ты твердаго характера!

Далеко за полночь просидѣли за разговоромъ братъ и сестра.

Ударъ для Стрекаловыхъ былъ нелегкій. Все зданіе благополучія, мира и порядка, которое съ такой любовью и столько лѣтъ выводили мужъ и жена, оказалось построеннымъ на пескѣ; вмѣсто мира и тишины, вмѣсто спокойной, довольной старости, на ихъ глазахъ, подъ бокомъ, росла новая жизнь, новыя требованія, отрицавшія это благополучіе, этотъ миръ и порядокъ. Отецъ и мать недоумѣвали и не могли придти въ себя. На Настасью Дмитріевну каждый скандалъ, каждое нарушеніе благополучія производили тяжелое впечатлѣніе и вызывали съ ея стороны суровый отпоръ тому смѣльчаку, кто осмѣлился потревожить ея нервы, нетревожимыя во все время ея мирной и спокойной жизни. Уравновѣшенная и благоразумная, сіявшая добродѣтелью, здоровьемъ и сознаніемъ своего благополучія, она вдругъ очутилась въ положеніи человѣка, у котораго отняли самое дорогое сокровище—благополучіе, а она никому этого не могла простить. Стрекаловъ совсѣмъ потерялъ голову. Онъ, правда, ждалъ отпора, но не такого суроваго, не такого самостоятельнаго. «Что же это значитъ?—повторялъ онъ не разъ въ раздумьѣ.—Или я работалъ всю жизнь, какъ волъ, для того, чтобы видѣть, какъ дѣти своими руками уничтожаютъ то, что̀ мнѣ дорого?» Онъ загрустилъ и рѣдко показывался домашнимъ. Въ домѣ была какая-то странная тишина. Хотя порядки оставались тѣ же, по чувствова-

лось очень ясно, что между обитателями разыгрывалась тяжелая драма. Ольга замѣтно похудѣла и сходила внизъ только къ столу; Ѳедя былъ сдержанъ и холоденъ. Настасья Дмитріевна хотя и казалась попрежнему той прежней, спокойной, ровной и безстрастной хозяйкой, какою была прежде, но въ сердцѣ у нея бушевала буря, про которую знала одна она. Домъ благополучія превратился въ домъ тоски и сомнѣнія.

XLVI.

«Зло слишкомъ велико, но мы одумались и, съ помощью Божіей, вырвемъ его съ корнемъ. Пора наконецъ положить предѣлъ тому безумству, которое грозитъ охватить всю Россію. Ваша записка, почтеннѣйшій Александръ Андреевичъ, принята къ свѣдѣнію, и дано соотвѣтствующее распоряженіе объ обузданіи дерзости тѣхъ лицъ, о которыхъ вы сообщали. Давно пора дѣйствовать по-суворовски, въ виду того, что по всей Европѣ...»

Александръ Андреевичъ остановился, отложилъ письмо, которое только-что читалъ, и замѣтилъ:

— Интересно знать, кто это старику такія трогательныя письма сочиняетъ? Свѣтлѣйшій самъ не особенно твердъ въ грамматикѣ, хоть и любитъ сочинять меморіи... Что̀, трогательно, Аѳанасій Яковлевичъ, а?..

Рыбаковъ усмѣхнулся.

— Читать, что ли, дальше? Дальше будетъ еще трогательнѣй! — улыбнулся Колосовъ. — Вѣдь старика нынче пригрѣли, такъ что бѣдняга спитъ и видитъ, какъ бы что-нибудь уничтожить... Одна бѣда: вотъ тутъ,—указалъ Колосовъ на голову: — недостатокъ. Никакъ не можетъ разорить во̀-время и уничтожить согласно съ обстоятельствами дѣла. Вѣчно невпопадъ дѣйствуетъ. Уничтожаетъ то, что̀ хотятъ сохранить, и разоряетъ то, чего по времени не должно... ну, и опять бѣднягу на солнышко... Такимъ манеромъ свѣтлѣйшій злобствуетъ и фрондируетъ. Недавно выдумалъ новую систему интендантствъ—отказали; то-то пѣтушился! Однако слушайте.

И Колосовъ сталъ читать:

«По всей Европѣ идетъ броженіе умовъ, ниспроверженіе религіи, семьи,—именно тѣхъ элементовъ, фундаментовъ, та̀къ-сказать, на которыхъ покоятся государства. Въ виду этого надо положить предѣлъ и задушить гидру въ самомъ ея зародышѣ. Мною опробованы мѣры, въ запискѣ, при

семъ прилагаемой, изъ коей вы увидите, чего должно держаться...»

— Ну, дальше не особенно интересно!—хохоталъ Колосовъ:—все идетъ спряженіе глаголовъ: разорить и уничтожить, а подъ конецъ снова старикъ хочетъ вырвать зло съ корнемъ. Все это, само собою разумѣется, очень утѣшительно, но намъ-то съ вами, Аѳанасій Яковлевичъ, отъ этого не легче. Этотъ billet doux полученъ недѣли три тому назадъ, а зло, въ образѣ Крутовского, какъ ни въ чемъ не бывало, разгуливаетъ по Грязнополью и, какъ я слышалъ, готовитъ насчетъ вашихъ подрядовъ такой чудовищный пасквиль, что грязнопольцы всѣ пальцы оближутъ отъ удовольствія.

Рыбаковъ сердито крякнулъ и проговорилъ:

— Что же нашелъ этотъ мерзавецъ въ моихъ подрядахъ? Кажется, дѣло чисто.

— Для насъ-то оно чисто, а для «этого мерзавца», пожалуй, и не совсѣмъ.

— Вы полагаете, генералу сообщено мнѣніе свѣтлѣйшаго?

— Знаю навѣрное, что сообщено, но онъ не обратилъ на это мнѣніе большого вниманія... Либералъ вѣдь!—усмѣхнулся Колосовъ:—занимается ногтями и Ленормъ... А вѣдь бабочка—деликатесъ!

— Недурна!—прищурилъ свои глазки Рыбаковъ.

— Гмъ, недурна! не то слово—огонь-баба. Да-съ, не обратилъ вниманія и, по молодости лѣтъ, шутитъ съ огнемъ.

— Такъ вы изобразите въ письмѣ новую меморію, Александръ Андреичъ?

— За этимъ дѣло не станетъ, я такую меморію изображу,—смѣялся Александръ Андреевичъ:—что либералъ нашъ перестанетъ шутить съ нами, выборными всея земли; вы съ своей стороны тоже примите мѣры.

— Какія?

— Адресъ соорудите на имя генерала... натурально, адресъ самый почтительный и скромный. Заявите глубокое уваженіе; даровитый администраторъ, молъ, шествующій по стезѣ прогресса, это съ одной стороны, а съ другой, молъ, честь гражданъ страдаетъ отъ присутствія гнуснаго пасквилянта... соблазнъ обывателямъ... неблагонадежные элементы... разрушительныя начала... добрая нравственность... молодыя дѣвушки и все такое,—вы вѣдь все это

до тонкости знаете, не мало писали съ Кашкадамовымъ адресовъ... И въ заключеніе опять преданность, чувства, знаете ли, самоотверженіе и въ видѣ эпилога: «мы тебя любимъ сердечно!» Оно выйдетъ и комплиментъ, и угроза, а главное, современно... вѣтерокъ-то задуваетъ сѣверный... А князь нашъ тѣмъ временемъ возопитъ, какъ оглашенный, я его понажму,—оно въ два огня выйдетъ превосходно! Когда вы можете соорудить эту штуку?

— Сколько подписей нужно?

— Чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

— Въ два дня соорудимъ.

— И превосходно, а теперь позавтракаемъ.

И оба джентльмена пошли завтракать.

Трогательный адресъ, по рецепту Колосова, былъ поднесенъ черезъ недѣлю, и въ тотъ же день генералъ получилъ непріятное письмо, послѣ котораго онъ поморщился и замѣтилъ:

— Они этого хотятъ... пусть дѣлаютъ, а я умываю руки. Marie сердиться не можетъ: я слово сдержалъ, и не моя вина, если сдѣлалось не по-моему!

Вслѣдъ затѣмъ онъ послалъ за правителемъ канцеляріи.

Вечеромъ на другой день генералу доложили, что его желаетъ видѣть какая-то дама по весьма важному дѣлу. Генералъ приказалъ принять, наскоро оправился и сѣлъ къ столу. Въ комнату торопливыми шагами вошла Ленормъ.

— Marie!.. Что это значитъ, какой вѣтеръ занесъ васъ ко мнѣ? Садитесь...

Но вмѣсто того, чтобы садиться, Ленормъ подошла къ нему и сказала съ ироніей:

— Такъ-то вы сдержали свое слово?..

Генералъ понялъ, въ чемъ дѣло, и старался объяснить, что онъ тутъ ни при чемъ.

— Не говорите вздора... замолчите... Я прошу васъ... Ради Бога оправдайте ихъ...

— Я, право, ничего не могу сдѣлать.

— Не можете?—метнула глазами дѣвушка.

— Не могу...

— И для меня?

— Вы знаете, Marie, какъ я васъ люблю, но...

— Безъ но,—перебила Ленормъ:—да или нѣтъ?

— Marie, да вы съ ума, что ли, сошли? Вы требуете невозможнаго.

— Да, я съ ума сошла и для доказательства—я больше васъ не принимаю... слышите?..

Генералъ хотѣлъ-было что-то сказать, но она быстро поднялась и, опустивъ вуаль, такъ же быстро вышла изъ кабинета.

«Экая взбалмошная женщина!»—проговорилъ ей вслѣдъ генералъ и нервно заходилъ по кабинету.

Пролетка Ленормъ остановилась въ глухой улицѣ, у небольшого домика. Она велѣла кучеру подождать, а сама вошла во дворъ и спросила Черемисова. Ей указали комнату, куда она быстро вошла. Она застала Глѣба за сборами.

— Здравствуйте, Глѣбъ Петровичъ! Давно васъ не видала, захотѣла сама провѣдать... Не ожидали? —проговорила Ленормъ, снимая шляпку и перчатки.

— Нѣтъ. Садитесь, пожалуйста, и извините за безпорядокъ—собираюсь.

— Куда?

— Въ Питеръ.

— Послушайте, Глѣбъ Петровичъ,—заговорила она мягкимъ, ласкающимъ голосомъ:—я пріѣхала предупредить васъ... Еще есть время...

Она съ любовью глядѣла на Черемисова, который въ изумленіи стоялъ посреди комнаты и слушалъ ея безсвязную рѣчь.

— Къ чему ѣхать туда? Не поѣзжайте, а лучше...

Она остановилась и не смѣла договорить.

— Что̀ лучше?

— Поѣдемте вмѣстѣ завтра... за границу... Я все это устрою! — совсѣмъ робко, едва слышно проговорила дѣвушка.

— Зачѣмъ?—холодно спросилъ Глѣбъ.

— Ка̀къ зачѣмъ? Развѣ такъ лучше: вѣчно съ мѣста на мѣсто? Вотъ вы хотѣли попасть въ деревню, а ѣдете невольно въ Петербургъ.

— Что-жъ?—пожалъ плечами Черемисовъ.

— Послушайте, я, конечно, не смѣю признаться... я... нѣтъ, не то... Боже! Что̀ за вздоръ я говорю!

Она порывисто бросилась къ Черемисову и припала къ нему на грудь... Глѣбъ тихо отстранилъ дѣвушку и усадилъ ее на диванъ.

— Къ чему вѣчно биться, какъ рыба? Изъ-за чего надрывать свои силы? Развѣ жизнь и безъ этого не хороша?

Развѣ вы и полюбить не можете? Развѣ я такъ не люба вамъ? Ну, если со мной не хотите ѣхать, поѣзжайте одни, возьмите у меня деньги.

Она заглянула ему въ лицо. Онъ молча пожалъ ей руку, но не сказалъ ни слова. На лицѣ его она прочитала отвѣтъ. Ждать было нечего. Она поднялась съ дивана и стала собираться. Когда Глѣбъ прощался съ нею, она горячо обняла его и быстро вышла изъ комнаты.

Глѣбъ поглядѣлъ ей вслѣдъ и въ раздумьѣ проговорилъ:

— Славное сердце у этой женщины!

Только-что онъ успокоился отъ этого неожиданнаго посѣщенія и заботливо принялся за прерванную работу, какъ черезъ полчаса постучали въ дверь. Онъ проговорилъ обычное «войдите» и протиралъ глаза отъ удивленія. Передъ нимъ была Ольга...

XLVII.

— Ольга Николаевна!?—воскликнулъ Черемисовъ, отступая назадъ.

— Я васъ удивила своимъ появленіемъ?—проговорила Ольга.

— Немножко... Садитесь, пожалуйста... Вотъ сюда, въ кресло!—весело продолжалъ Черемисовъ.

Ольга сѣла, съ любопытствомъ оглядѣла комнату и отряхнула свой бурнусъ и шляпку, намокшіе отъ дождя.

— Экій я какой! — засуетился Глѣбъ: — совсѣмъ не умѣю принимать дорогихъ гостей. Вы прозябли, а чаю я и не предложилъ. Хотите? Самоваръ будетъ готовъ очень скоро.

И Глѣбъ хотѣлъ-было пойти распорядиться насчетъ самовара.

— Не надо, я не хочу чаю, Глѣбъ Петровичъ, и, главное, мнѣ долго нельзя оставаться, я вѣдь пришла украдкой!—усмѣхнулась Ольга.—Сегодня я узнала, что вы уѣзжаете, и мнѣ непремѣнно хотѣлось самой поблагодарить васъ!—проговорила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Благодарить меня? За что̀ это? — удивился Черемисовъ.

— За многое или, лучше сказать, за все... Вліяніе ваше, Глѣбъ Петровичъ, было такъ свѣжо, такъ... я не приберу другихъ словъ, приберите ихъ сами... что, благодаря вамъ, я не та, что̀ была прежде. Сами того не зная, вы

всколыхнули мой внутренній міръ, заставили меня проснуться и... къ чему досказывать? я горячо благодарю васъ!—добавила Ольга съ какою-то энергичной страстностью въ голосѣ.

Черемисовъ молчалъ и застѣнчиво переминался съ ноги на ногу.

— Мнѣ давно хотѣлось сказать вамъ то, что̀ сказалось теперь, и поблагодарить васъ,—тихо замѣтила Ольга изъ своего кресла, ласково улыбаясь застѣнчивости Черемисова.

— Я тутъ ни при чемъ,—право, ни при чемъ, Ольга Николаевна!—оправдывался Черемисовъ.—Послушайте, напейтесь-ка лучше чаю, вы вѣдь совсѣмъ прозябли—ишь дрожите; одѣлись легко, а на дворѣ дождь и вѣтеръ. Выпьете?

— Нѣтъ, не нужно, я согрѣлась.

— Ну, Богъ съ вами, не пейте, а я, право, тутъ ни при чемъ!— какъ бы самъ съ собой говорилъ Черемисовъ.— Я вѣдь не развиватель. Тутъ не я виноватъ, а виновато время. Время нынче, Ольга Николаевна, такое, что сомнѣваться люди стали, доискиваются причинъ, а какъ доищутся, обидно станетъ и хочется безобиднѣй прожить.

— Я знаю это, но не встрѣться на моей дорогѣ вы, не помогло бы и вліяніе времени, не помогли бы книжки. Книжки—одно, живой примѣръ—другое. Мы вѣдь въ очарованномъ за̀мкѣ жили, какъ сказочные принцы и принцессы, а вы это очарованіе сняли. Вѣдь молодое сердце очень чутко: оно сумѣетъ подслушать и понять то, о чемъ и не снилось нашимъ грязнопольскимъ мудрецамъ,—улыбнулась Ольга.—И тому, кто заставилъ биться это сердце, крѣпкое спасибо!—добавила Ольга и поднялась съ кресла.

— Куда же вы, Ольга Николаевна?—испуганно крикнулъ Черемисовъ, бросаясь къ Ольгѣ.

Отъ Ольги не укрылось это невольное движеніе испуга; она какъ-то внезапно повеселѣла и, ласково глядя на Черемисова, проронила:

— Что̀ дѣлать? пора! Меня, быть-можетъ, теперь ищутъ дома...

— Такъ идите, только одинъ вопросъ: вѣдь вы не выходите замужъ?—вдругъ спросилъ Глѣбъ и почему-то покраснѣлъ.

— Отчего вы спросили объ этомъ?

— Простите меня за мой вопросъ. Я слышалъ, будто вы выходите замужъ за Рѣчинскаго.

— И вы повѣрили?—проговорила Ольга и сурово сдвинула брови, пристально глядя въ глаза Глѣба.

— Я не повѣрилъ, но...

— Вы меня мало, видно, знаете, Глѣбъ Петровичъ!—перебила Ольга.—Я отказала Рѣчинскому, хотя отецъ и мать настаивали на этомъ бракѣ... Чему вы улыбаетесь?—улыбнулась Ольга.—Вы не ждали такой храбрости, да?

— Я радуюсь за васъ...

— Я и не собиралась замужъ,—продолжала Ольга:—сперва учиться надо, основательно учиться, а потомъ...

— А потомъ?—повторилъ Глѣбъ.

— А потомъ, что̀ Богъ дастъ. Если я и выйду замужъ, то не за такого человѣка, какъ Рѣчинскій... Этотъ довольный собою судья не моего романа.

— А за какого?—чуть слышно спросилъ Глѣбъ.

— За такого, который не сложитъ рукъ и во время бури не скроется въ своемъ гнѣздѣ, а, напротивъ, пойдетъ навстрѣчу ей,—вотъ о какомъ человѣкѣ я мечтаю, вотъ за кѣмъ я готова была бы идти всюду, куда ни кинула бы его судьба. Хоть я и выросла въ очаровательномъ гнѣздышкѣ, но я гнѣздъ не люблю.

Она говорила эти слова какимъ-то глухимъ, точно подавленнымъ голосомъ, въ которомъ слышалась не женская мощь и энергія. Сѣрые ея глаза, блестѣвшіе рѣзкимъ, металлическимъ блескомъ, говорили, что она не шутитъ. Грудь ея высоко подымалась, а сердце ея такъ и билось, такъ и трепетало. Такъ и хотѣлось ей бросить прямо въ глаза Черемисову свое завѣтное, давно скрываемое признаніе: «за тебя бы я пошла, потому что я люблю тебя, люблю, мой другъ, мой милый!..»

Она этого не сказала и быстро стала надѣвать передъ зеркаломъ шляпку, а тонкіе пальцы ея дрожали и не могли завязать лентъ.

Черемисовъ стоялъ отъ Ольги шагахъ въ трехъ и глядѣлъ на нее съ безотчетной, беззавѣтной страстью. Жуткое, радостное, впервые испытываемое, молодое, свѣжее чувство охватило все его существо. Онъ не разсуждалъ, онъ только чувствовалъ, что любитъ эту дѣвушку, стоящую подлѣ, любитъ ее всю, какъ она есть: ея строгій профиль, ея дрожащую руку, ея голосъ, всякое ея движеніе, ея шляпку, ея платье. Онъ точно опьянѣлъ отъ

какого-то неожиданнаго счастья. Ольга обернулась, а онъ, не обращая вниманія, попрежнему глядѣлъ на нее. И она улыбалась подъ этимъ взглядомъ, улыбалась смущенная и, казалось, ждала чего-то... ждала завѣтнаго слова. Еще секунда—и Черемисовъ бросился бы къ ней, сказалъ бы это слово, но какой-то внутренній голосъ точно рѣзанулъ его слухъ: «къ чему, зачѣмъ?»

Онъ пересилилъ себя и, крѣпко пожимая Ольгину руку, прошепталъ:

— Прощайте, Ольга Николаевна... Желаю вамъ всего хорошаго... Славная вы дѣвушка...

— Прощайте... Я вѣдь...

Она не могла досказать: слезы душили ее, а лицо было блѣдно и строго.

— Прощайте... я никогда не забуду нашей встрѣчи,— шепнула она и быстро вышла изъ комнаты..

Черемисовъ былъ въ какомъ-то угарѣ. Онъ хотѣлъ-было броситься за нею.

«Сентименты!—оборвалъ онъ себя.—Такому шатуну не полагается счастья!»—угрюмо улыбнулся Глѣбъ и, отворивъ окно, заглянулъ на улицу. Въ переулкѣ было темно, дождь лилъ, какъ изъ ведра. Стройная фигура Ольги показалась темнымъ пятномъ противъ его окна и быстро удалялась.

Онъ глядѣлъ на эту фигуру, и тоска, безотчетная тоска сжимала его сердце. Ему хотѣлось плакать. И въ эту минуту вспомнилъ онъ всю свою прошлую жизнь, вспомнилъ свои скитанія, а сердце такъ и билось, а чувство такъ и прорывалось. Онъ на секунду зажмурилъ глаза, приложилъ руку къ сердцу, точно она могла остановить его біеніе, и вдругъ крикнулъ какимъ-то отчаяннымъ, страстнымъ голосомъ:

— Ольга Николаевна... Ольга... вернитесь!..

Фигура остановилась и быстро повернула назадъ. Еще нѣсколько мгновеній—и Ольга была въ комнатѣ.

— Вѣдь я люблю васъ! — бросился къ ней Черемисовъ.—Развѣ вы не видите?

Ольга вздрогнула и протянула ему руки.

— А я развѣ нѣтъ?—шепнула она едва слышно.

Онъ усадилъ ее, цѣловалъ ея глаза, ея руки, ея волосы. Оба сперва молчали. Обоимъ было слишкомъ хорошо отъ полноты счастья, чтобъ говорить.

Такъ просидѣли они и перекидывались какими-то обрыв-

ками фразъ, полусловами, имѣвшими для нихъ смыслъ и значеніе... А время летѣло. Они еще не успѣли ничего рѣшить.

— Пора!—замѣтилъ Глѣбъ.—Идите, я провожу васъ.

— Пора!—печально проговорила Ольга.

Они вмѣстѣ вышли.

— Смотрите, пишите чаще, мой милый.

— А если писать нельзя будетъ?

— Я ждать буду, а тамъ устану ждать и пріѣду въ Петербургъ. Вы вѣдь сумѣете дать о себѣ вѣсточку. А пока я буду терпѣть... вѣдь счастье тоже дается не легко.

— И вы не пожалѣете о прошлой жизни?

— Къ чему загадывать, къ чему сомнѣваться? Намъ такъ хорошо! Мнѣ кажется, я ни о чемъ старомъ жалѣть не буду.

— А разрывъ съ отцомъ, съ матерью!

— Какъ мнѣ ни жаль, а придется и безъ ихъ согласія быть женой любимаго человѣка...

— Ну, прощайте, Ольга!—сказалъ Глѣбъ, когда они подошли къ дому.—Ждите отъ меня письма, а до тѣхъ поръ ничего не говорите дома.

— Подайте о себѣ вѣсточку, скорѣй подайте... Прощайте, желанный мой, милый мой!

Они крѣпко пожали другъ другу руки и разстались.

Глѣбъ возвращался домой и былъ такъ счастливъ, такъ счастливъ, что совершенно забылъ, что сегодня ночью онъ долженъ ѣхать въ Петербургъ, а что̀ тамъ ждетъ его — объ этомъ онъ забылъ и думать. Промокшій, иззябшій и счастливый пришелъ онъ домой и засталъ своего невольнаго спутника.

— Вы готовы?

— Готовъ. Ѣдемъ!—весело проговорилъ Глѣбъ.

Они поѣхали на вокзалъ, а его спутникъ недоумѣвалъ, чему радуется этотъ молодой человѣкъ, съ которымъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ.

Ужъ пробилъ первый звонокъ, какъ къ Черемисову быстро подошли Крутовскіе.

— Черемисовъ, вы на меня не сердитесь?—заговорилъ, протягивая руку, Крутовской.—Если сердитесь, то простите и будьте старымъ пріятелемъ, попрежнему. Я кругомъ виноватъ: чортъ знаетъ, что̀ набрехалъ тогда, а вы... я вѣдь знаю, все знаю, что̀ вы для меня сдѣлали... Вы

хоть и скрывали, а вѣдь бабы не смогли не разболтать. Вы не сердитесь?

Онъ остановился. На глазахъ его блестѣли слезы.

Черемисовъ крѣпко пожалъ ему руку и поздоровался съ Людмилой Николаевной.

— Глупое, гнусное самолюбьишко—врагъ мой, а я вѣдь давно хотѣлъ объясниться съ вами—сейчасъ же послѣ этой глупой исторіи, въ которой я, ради краснаго словца, наговорилъ вамъ чортъ знаетъ чего...

— Оба мы виноваты, Крутовской: оба мы поступили, какъ дѣти, глупыя, неразумныя дѣти...

— А вѣдь правъ-то я оказался насчетъ либерала Стрекалова: вышло по-моему, добродѣтель въ лицѣ этого жирнаго прохвоста торжествуетъ, а порокъ въ лицѣ вашемъ наказуется!—усмѣхнулся Крутовской.

— Вы правы. Не по мнѣ вышла роль мудраго змія и пригодна ли она? И не такіе они бараны, какъ мечталъ я.

— И, значитъ, опять въ путь-дорогу?—искоса поглядѣвъ на Глѣбова спутника, улыбался Крутовской. — По крайней мѣрѣ не скучно: въ пріятномъ обществѣ...

Глѣбъ засмѣялся.

— Такъ же, какъ и мы съ Людой и домочадцами!—захохоталъ Крутовской.

— А васъ куда Богъ несетъ?

— Отправляемся, Черемисовъ, изъ этихъ благодатныхъ странъ въ страны еще болѣе благодатныя. Завтра ѣдемъ въ Захолустье. Говорятъ, тамъ сливы, арбузы и дыни нипочемъ,—значитъ, жить еще можно!—смѣялся Крутовской.

— Статьи доѣхали?

— Доѣхали... Зато-жъ и испортилъ я имъ крови, вотъ какъ допекъ! Да, Черемисовъ, времена нынче такія, что нашему брату надо всегда быть готовымъ къ путешествію. Сегодня здѣсь, а завтра тамъ, гдѣ и быть никогда не мечталъ. Судьба меня наказываетъ за то, что отрокомъ я плохо зналъ географію, зато теперь я географію Россіи изучилъ въ подробности. Люда знаетъ это—быстро уложилась, и съ какимъ удовольствіемъ укладывалась. Признаться, и я радъ уѣхать: надоѣло мнѣ Грязнополье—всякую рожу тутъ ужъ узналъ, и всѣ эти рожи надоѣли. Авось въ Захолустьѣ рожи интереснѣй встрѣтишь, хотя и плоха на это надежда.

Пробилъ второй звонокъ.

— Прощайте, Черемисовъ, прощайте!—обнимались пріятели.—Еще, Богъ дастъ, встрѣтимся, не на сѣверѣ, такъ на югѣ, не на югѣ, такъ на сѣверѣ. Я теперь югъ изучаю, придется, вѣрно, изучить и сѣверъ... Не сердитесь же на меня!

Людмила Николаевна крѣпко пожала Глѣбу руку и пожелала счастливаго пути.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ тихо двинулся и скоро скрылся во мракѣ ночи.

XLVIII.

По большой дорогѣ изъ Грязнополья въ Захолустье тихо плелась крытая телѣга. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и тройка почтовыхъ лошадей съ трудомъ тащила телѣгу по размокшему чернозему. Ямщикъ, съежившись на передкѣ, лѣниво постегивалъ мокрыхъ лошадокъ и мурлыкалъ подъ носъ какую-то пѣсню. Смеркалось... Въ воздухѣ потянуло пронизывающей сыростью. Ямщикъ плотнѣе надвинулъ на себя зипунъ и сердито стегнулъ пристяжныхъ.

За опущенной рогожей сидѣли Крутовской и Людмила Николаевна съ ребенкомъ. Оба они нерѣдко вздрагивали отъ холода, такъ какъ верхнее ихъ платье нисколько не соотвѣтствовало сырой и холодной погодѣ: на Крутовскомъ была какая-то потертая, вѣтромъ подбитая, альмавива, а на Людмилѣ Николаевнѣ лѣтній бурнусъ; ребенокъ былъ тщательно укутанъ одѣялами и сладко дремалъ на колѣняхъ у матери, убаюкиваемый покачиваніемъ телѣги.

— Однако-жъ дѣлается очень холодно, а, Люда? Ты, братъ, вся дрожишь! — проговорилъ, вздрагивая, Крутовской. — Возьми-ка мой испанскій плащъ: онъ согрѣетъ тебя.

— Мнѣ тепло, — солгала Людмила Николаевна, весело взглядывая на мужа.

— Полно, Люда, врать. Не спорь и бери мой плащъ.

Крутовской снялъ съ себя накидку и бережно куталъ ею продрогнувшую Людмилу Николаевну.

— Ты обо мнѣ не безпокойся, Люда,—успокаивалъ онъ жену:—мое здоровье крѣпкое, иззябну—не бѣда, а ты вѣдь хворая... Грѣетъ испанецъ?

— Теперь теплѣй.

Крутовской безпокойно поглядывалъ на Людмилу Нико

лаевну: несмотря на плащъ, она ежилась и по временамъ вздрагивала.

— Эй, ямщикъ! скоро станція?—спросилъ Крутовской, высовываясь изъ-подъ рогожъ.

— Верстъ за двѣнадцать. Иззябли нѣшто?

— Иззябли.

— Погода!—воркнулъ ямщикъ и стегнулъ лошадей.

— Что, Люда, холодно?

— Да ты не тревожься, Володя, на станцію пріѣдемъ—согрѣюсь.

Онъ взялъ ея руки. Онѣ были холодны, какъ ледъ. Оба замолчали, оба о чемъ-то задумались. А вѣтеръ такъ и пронизывалъ насквозь, и дождь протекалъ сверху.

— Да, Люда, напрасно ты пошла замужъ за такого цыгана, какъ я!—точно вслухъ продолжалъ свои думы Крутовской.—Вѣдь иной разъ жалѣешь о своемъ глупомъ поступкѣ? Скажи, Люда, по правдѣ скажи.

Людмила Николаевна взглянула на мужа, и въ ея взглядѣ было столько любви, столько ласки, что взглядъ ея лучше словъ давалъ отвѣтъ на вопросъ мужа.

— Что ты, голубчикъ, развѣ я не счастлива? — отвѣтила она.

— Странная ты, Люда, женщина, если не раскаивалась! Неужели ни разу?

— Ни минуты!

— Развѣ пріятно бродяжничать, какъ мы? А дома тебѣ было тепло и уютно, нужды ты не знала, а со мной... вотъ теплаго платья не на что купить!—съ какимъ-то ожесточеніемъ ворчалъ Крутовской. — Туда-жъ, какъ и люди, жениться! И дрожишь ты, бѣдная, ни въ чемъ неповинная, а я смотрю, злюсь и... и помочь не могу...

— Полно, Володя. Не говори такъ. Съ тобой мнѣ все нипочемъ, право!—весело сказала Людмила Николаевна.—Мнѣ, право, теплѣй... совсѣмъ тепло...

— Доброе ты, честное созданье, Люда!—горячо сказалъ Крутовской и поцѣловалъ жену.

— Вотъ, въ Захолустье пріѣдемъ, устроимся, школу заведемъ,—весело болтала Людмила Николаевна:—я учить буду, а ты кончай свой романъ...

— Не говори о немъ, никогда я его не кончу...

— Кончишь и деньги получишь!

— Эхъ, Люда, таланта мало, а слѣдовательно и силенки нѣтъ. Одна только ты меня и цѣнишь, а вѣдь вся

цѣна мнѣ — грошъ! — какъ-то угрюмо проговорилъ Крутовской.

— Опять хандришь? Полно, другъ, не унывай...

— Я не уныва́ю, а не люблю себя обманывать, Люда, не люблю изъ гроша четвертакъ изображать. Ты по любви готова изъ меня божка вылѣпить—субъективна очень... Романа я не кончу и ничего путнаго, Люда, не сдѣлаю. Во-первыхъ, такой ужъ я человѣкъ, а во-вторыхъ, дѣти мы страннаго времени... Готовили меня Ташкентъ покорять, густые эполеты носить, а я, вмѣсто того, съ тобой зябну и въ Захолустье ѣду неизвѣстно для чего... развѣ потому, что тамъ сливы и арбузы дешевы!—усмѣхнулся Крутовской.

Людмила Николаевна слушала мужа и прикорнула къ подушкѣ. Ее все знобило, а на лицѣ ея горѣлъ лихорадочный румянецъ.

— Что, Володя, скоро станція?—тихо спросила она.

Крутовской сидѣлъ задумавшись и не слыхалъ вопроса.

— Володя!—громче повторила Людмила Николаевна.

Крутовской повернулся и безпокойно поглядѣлъ на жену.

— Знобитъ?

— Знобитъ, Володя. Скоро станція?

— Ямщикъ! — снова спрашивалъ Крутовской. — Скоро станція?

— Верстъ съ десять.

— Пошелъ скорѣй. На водку хорошо дамъ.

— Иззябли? Вы вотъ азямъ возьмите, укройтесь!—проговорилъ ямщикъ, снимая съ себя азямъ.

— А ты какъ?

— Намъ дѣло привычное, а ваше дѣло—извѣстно... Вы изъ какихъ будете?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Изъ дворянъ.

— Ну, вишь, изъ дворянъ! Бери-ка, баринъ!

И онъ просунулъ подъ рогожку зипунъ, стегнулъ лошадей и свистнулъ.

Лошади пошли шибче.

— Ты смотри, Люда, не расхворайся; вотъ и зипунъ добыли, я тебя и покрою, теплѣй станетъ... Погляди-ка мнѣ въ глаза?—тревожно спрашивалъ Крутовской.—Не хорошо, Люда, голубчикъ, не хорошо. Ишь, глаза какіе возбужденные: лихорадка началась. Съ утра въ холодномъ бурнусикѣ зябла.

— Все пройдетъ. На станціи поправлюсь.

— Пока не выздоровѣешь, будемъ на станціи жить... больную я тебя не повезу. Давай-ка ко мнѣ нашего цыганенка.

Онъ взялъ отъ жены спящаго ребенка, положилъ его на подушку и укуталъ жену. Она закрыла глаза и заснула.

Крутовской тревожно прислушался къ ея дыханію—оно было неровно и тяжело; онъ взялъ ея руку—рука была горяча.

— Бога ради, поѣзжай скорѣй, жена заболѣла!—крикнулъ онъ ямщику.

Ямщикъ погналъ лошадей, и лошади, чуя близость станціи, побѣжали крупной рысью.

— Ну вотъ, Люда, и пріѣхали!—сказалъ Крутовской, ежась отъ холода:—вставай, какъ твое здоровье?

— Пріѣхали? Леша спитъ?

— Спитъ. Вставай-ка ты, а я снесу Лешу.

Людмила Николаевна пыталась подняться и не могла.

— Ну, что?—вернулся Крутовской вмѣстѣ со старостой и фонаремъ.

Онъ заглянулъ въ телѣгу и при свѣтѣ фонаря увидѣлъ жену, тщетно пытавшуюся подняться.

— Люда, что же это съ тобой?—дрогнулъ голосъ у Крутовского.

Онъ бережно поднялъ ее и перенесъ на станцію, гдѣ и уложилъ на диванъ.

Ночь, третья ночь. Въ станціонной комнатѣ на диванѣ въ забытьѣ лежитъ маленькая женщина и, раскидывая руками, по временамъ бредитъ; Крутовской прикладываетъ компрессы и нервно ходитъ по комнатѣ. То подойдетъ къ окну, прислушается къ завывающему вѣтру, то быстро отойдетъ и сниметъ нагаръ съ сальной свѣчки, освѣщающей какимъ-то печальнымъ полусвѣтомъ и неуклюжій диванъ, и воспаленныя, красныя щеки Людмилы Николаевны, и кривой стулъ, и литографію князя Бебутова, передъ которой, безсмысленно глядя, остановился Крутовской. Онъ попробовалъ ея лобъ—горячій!—и перемѣнилъ компрессъ.

— Что, Люда, тяжело?—нѣжно спросилъ онъ.

Больная не отвѣчала и откинула голову.

Крутовской отошелъ отъ дивана, посмотрѣлъ на сладко спящаго сына и снова подошелъ къ окну и сталъ глядѣть

въ непроницаемую тьму ночи. Какая-то подавляющая тоска сжимала сердце Крутовского. Онъ глядѣлъ передъ собою, а ухо его чутко слѣдило за каждымъ шорохомъ, за каждымъ вздохомъ жены.

«И помочь не могу; докторъ за двадцать верстъ, а денегъ всего пять рублей. Господи, что это за адъ!—прошепталъ Крутовской и отчаянно сдавилъ себѣ голову руками.—И виноватъ я; изъ-за бурнуса вопросъ жизни!.. Бѣдная Люда!»

Онъ подошелъ къ ней, сѣлъ подлѣ, взялъ ея руку и такъ просидѣлъ долго. И вспомнилъ онъ все, чѣмъ обязанъ былъ онъ этой женщинѣ, сколько любви и ласки дала она ему, сколько самоотверженія выказывала она не разъ, и вотъ... Слезы закапали изъ глазъ Крутовского. Онъ вскочилъ и выбѣжалъ на крыльцо.

Изъ мрака дождливой, бурной ночи отчетливо доносился звукъ колокольчика, вотъ ближе-ближе—и къ станціи подъѣхала тройка. Какая-то надежда прокралась въ сердце Крутовского. При свѣтѣ фонаря Крутовской разглядѣлъ хмураго, сѣдого барина въ намокшемъ пальто, не спѣша вылѣзшаго изъ телѣги.

— Экія дороги на Руси на матушкѣ!—заговорилъ сѣдой баринъ ядовитымъ голосомъ, обращаясь къ старостѣ.—Что, переночевать можно?

— Проѣзжіе есть... больная...

— Ну, посидѣть хоть.

Онъ вошелъ въ комнату, и вслѣдъ за нимъ вошелъ Крутовской.

— Послушайте, вы не докторъ ли?—обратился къ нему Крутовской.

Хмурый баринъ сердито оглядѣлъ Крутовского и замѣтилъ:

— Какой я докторъ? Я не докторъ.

— Извините.

И онъ снова подошелъ къ женѣ.

— Я васъ не обезпокою? Я тихонько буду сидѣть,—замѣтилъ пріѣзжій.

— Нѣтъ. Подойдите-ка, посмотрите, великъ жаръ?

Хмурый баринъ подошелъ и приложилъ свою худую руку къ головѣ больной.

— Жаръ великъ!—прошепталъ онъ, окидывая взглядомъ костюмъ Крутовского и жены.—Простудилась видно; супруга ваша?

Крутовской махнулъ головой.

— Изъ Грязнополья?

— Да.

— Далеко?

— Въ Захолустье.

— На мѣсто?

— Нѣтъ. Я вотъ такъ переѣзжаю лѣтъ пять!—улыбнулся Крутовской:—все хорошія мѣста отыскиваю...

— Врядъ ли найдете. Вотъ и я съ Кавказа плетусь!—ядовито проговорилъ хмурый баринъ.—Скверно и тамъ. Кстати, не знавали-ль вы въ Грязнопольѣ Черемисова, изъ Петербурга?

— Какъ же, онъ мой пріятель. Третьяго дня въ Петербургъ уѣхалъ.

— Значитъ, не ужился у Стрекалова?

— Не ужился.

— Я такъ и думалъ!—обрадовался хмурый баринъ.—Славный молодой человѣкъ. Я дорогой познакомился съ нимъ. Онъ не говорилъ про Любомудрова?

— Какъ же, говорилъ,—улыбнулся Крутовской.

— А ваша фамилія?

— Крутовской.

— Очень радъ познакомиться. Слышалъ. Пугало губерніи! То-то вы и путешествуете! Не пишите статей: здѣсь, батюшка, этого не любятъ, нѣтъ. Чаю выпьете?

— Нѣтъ, благодарю, вотъ женѣ надо компрессъ.

— За докторомъ послали?

— Нѣтъ.

— Надо доктора.

— Знаю, что надо, да...

— Вы не церемоньтесь, г. Крутовской, видно путешествуете налегкѣ?..

— Совсѣмъ...

— Экій вы, сразу не сказали. Мы сейчасъ распорядимся.

Черезъ четверть часа тройка лошадей полетѣла за докторомъ.

Цѣлую ночь Людмила Николаевна металась и бредила; Крутовской не отходилъ и прикладывалъ компрессы, Любомудровъ помогалъ ему и принялъ горячее участіе, хотя и не переставалъ, по своему обыкновенію, ворчать и злиться. Когда проснулся ребенокъ, и Крутовской сталъ его укачивать, Любомудровъ присѣлъ у изголовья больной и заботливо прикладывалъ компрессы.

— Я такъ ни за что, батюшка, не женюсь,—шепталъ Любомудровъ. — Во-первыхъ, поздно, а во-вторыхъ, по штату не полагается. Надо и то и се, а то и се денегъ стоитъ, а добывать по нынѣшнимъ временамъ затруднительно. Вотъ такъ и маюсь вѣкъ... Всю Русь исколесилъ и кромѣ мерзости нигдѣ ничего не нашелъ. Теперь въ Питеръ пробираюсь, а оттуда—куда Богъ дастъ. Черемисова навѣстить надо. Человѣкъ, кажется, хорошій, не изъ нынѣшнихъ молокососовъ, которые въ семнадцать лѣтъ ужъ солиденъ, каналья, и норовитъ кушъ сорвать. О мамонѣ только и думаютъ. Зато и сидятъ твердо, гнѣзда вьютъ и путешествій вотъ этакихъ не дѣлаютъ!—ворчалъ Любомудровъ, похлебывая чай.—Ну, что, какъ больная?

— Плоха, горитъ, какъ въ огнѣ.

— Бурнусъ ужъ очень лёгкій!—угрюмо процѣдилъ Любомудровъ и замолчалъ.

А Крутовской прислушивался, не ѣдетъ ли докторъ, и оставлялъ больную, чтобы сбѣгать на крыльцо.

— Володя!—тихо простонала Людмила Николаевна.— Ты здѣсь?

— Здѣсь, Люда, здѣсь. Какъ тебѣ?

— Горитъ... вотъ здѣсь, въ груди, горитъ.

Она подняла на него глаза и, замѣтивъ его печальное лицо, тихо взяла его руку и поцѣловала. Нѣсколько слезъ скатилось на его руку.

— Люда, родная, ты не пугайся: докторъ пріѣдетъ—ты поправишься.

— Врядъ ли, милый мой. Что̀ Леша?

— Онъ спитъ.

— Дай мнѣ его поцѣловать.

Крутовской подалъ ребенка, Людмила Николаевна прижала его къ себѣ и оросила слезами.

— Ты не волнуйся, Люда... Докторъ пріѣдетъ... Ты, Люда...

Онъ взглянулъ на жену, и сомнѣніе закралось въ его сердце. Она глядѣла на него своими большими глазами и силилась улыбнуться, хотя страданіе ясно сказывалось въ этихъ большихъ синихъ глазахъ.

Крутовской, какъ ни крѣпился, но зарыдалъ горячими, неутѣшными слезами.

— Ты, Володя, не плачь. Милый мой, какъ я тебя люблю! А умирать не хочется... Не хочется умирать...— повторила она:—Лешу береги.

— Люда, что̀ ты говоришь? Ты выздоровѣешь...

— Нѣтъ, Володя... я умру... я чувствую, не выжить мнѣ... Господи, какъ тяжело, какъ грустно умирать...

Крутовской бросился на колѣни, схватилъ ея руку и припалъ къ ней.

Любомудровъ сидѣлъ въ сторонѣ и вытиралъ клѣтчатымъ платкомъ слезы.

— Лешу береги, Володя... Вспоминайте обо мнѣ... я васъ обоихъ любила... Себя только, голубчикъ, не вини... Развѣ ты виноватъ, милый мой...

Она снова впала въ забытье и въ бреду вспоминала о мужѣ и сынѣ. Къ утру больной стало хуже. На тѣлѣ показались темныя пятна.

На Крутовскомъ лица не было; за эту ночь онъ сильно осунулся и постарѣлъ; какое-то тупое отчаяніе овладѣло имъ. Наконецъ близко звякнулъ колокольчикъ, пріѣхалъ докторъ.

— Ну, что̀?—въ одинъ голосъ спросили Крутовской и Любомудровъ, когда докторъ кончилъ осмотръ.

— Это ваша родственница?

— Все равно. Говорите все... правду говорите!

— Больная очень плоха...

— Надежда есть?

— Мало...

Крутовской вздрогнулъ; всѣ замолчали. Докторъ далъ какія-то успокаивающія капли.

Къ полудню Людмила Николаевна пришла въ себя.

— Вотъ и лучше стало,—сказала она.—Володя, Леша, вы здѣсь? Теперь я поправлюсь. Ты зачѣмъ же, Володя, плачешь?..

Она какъ-то странно взглянула; какая-то кроткая улыбка заиграла въ ея глазахъ и лицѣ, а слезы тихо катились изъ глазъ.

— А умирать не хочется!..—прошептала она.

Потомъ слабой рукой погладила по головѣ ребенка, протянула руку мужу и улыбнулась.

— Спасибо тебѣ за все... Я была такъ счастлива... такъ счастлива...

Она не досказала и вытянулась... Глаза ея стали тускнѣть, дыханіе стало тяжелое...

— Люда, что же ты?.. Люда!—отчаянно крикнулъ Крутовской.

Она слабо повела глазами, но, казалось, ничего не понимала...

— Начинается агонія! — тихо сказалъ докторъ Любомудрову.

Къ вечеру Людмила Николаевна скончалась.

Любомудровъ остался съ Крутовскимъ и ходилъ за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ. На Крутовского напалъ какой-то столбнякъ: онъ молча сидѣлъ у окна и ничего не говорилъ; на другой день волоса его были совсѣмъ сѣдые... Любомудровъ все это время ухаживалъ за Лешей и распорядился насчетъ похоронъ; когда Людмилу Николаевну похоронили, Крутовской съ сыномъ отправился въ Захолустье. Любомудровъ проводилъ его и тихонько сунулъ ему въ карманъ деньги.

«Вотъ изъ-за чего погибаютъ люди! А вѣдь могли бы иначе жить!—угрюмо ворчалъ, садясь въ телѣгу, Любомудровъ.—Сиди смирно въ своей дырѣ—и жить хорошо, и ожирѣть можно, а не сидишь смирно—путешествуй безъ платья... Эхъ, проклятое время, сколько людей губишь ты и за какія прегрѣшенія?»—громко вздохнулъ хмурый баринъ.

— Чего-съ?—обернулся ямщикъ.

— Ничего. Пошелъ!—сердито крикнулъ Любомудровъ и плотнѣе закутался въ шинель.

Телѣга быстро покатилась.

XLIX.

Простившись съ Глѣбомъ, Ольга незамѣтно, черезъ садъ, прошла къ себѣ въ комнату. Ни отца, ни матери, ни брата не было дома,—они были въ гостяхъ,—такъ что объ уходѣ Ольги никто не зналъ. Ольга сняла съ себя платье, распустила волосы и присѣла къ окну довольная, счастливая... Казалось, счастіе было для нея слишкомъ неожиданно. Она то улыбалась, взглядывая въ ночной мракъ, то слезы навертывались на ея глаза. Такъ просидѣла она долго и потомъ, по обыкновенію, сѣла за свой дневникъ и только и могла написать: «Какъ я счастлива! Онъ меня любитъ!» Она перечитала эти строки сперва про себя, потомъ громко, и спрятала свой альбомъ. Долго еще не могла она собраться съ мыслями. Только-что случившееся казалось ей какимъ-то страннымъ, несбыточнымъ сномъ. Она раздѣлась, легла въ постель, но заснуть не могла. Мысли ея были далеко. Она думала о любимомъ человѣкѣ, объ его словахъ, взглядѣ, улыбкѣ. Она была счастлива и не спала всю ночь. Уже давно взошло солнце,

когда она заснула съ самой счастливой улыбкой на устахъ.

Настасья Дмитріевна перекрестилась, когда на слѣдующее утро Ирина Петровна, по обыкновенію, явившись въ спальню къ Стрекаловой, объявила ей, что ночью «косматый чортъ» уѣхалъ. Хоть она до сихъ поръ не хотѣла допускать мысли, чтобъ *ея* дочь могла увлечься этимъ негодяемъ, тѣмъ не менѣе сомнѣнія закрадывались въ ея сердце, и она внимательно слѣдила за Ольгой.

— Такъ ты говоришь—уѣхалъ?—повторила Настасья Дмитріевна.

— Уѣхалъ, Настасья Дмитріевна, уѣхалъ. Кузьма своими глазами его въ вокзалѣ видѣлъ.

— А Ольга Николаевна вчера что̀ дѣлала?

— Сперва въ саду погуляли, потомъ напились чаю и пошли къ себѣ въ комнату, должно-быть, книжку читать изволили. И только поздно сидѣли барышня, я мимо изъ комнаты по коридору шла и, чтобы не безпокоить ихъ, въ дверь ихнюю заглянула—дверь-то не была приперта—смотрю: барышня не спятъ, сидятъ раздѣвшись и слезы вытираютъ, а потомъ достали изъ столика какую-то книжечку въ голубомъ переплетцѣ, отомкнули ее ключикомъ, написали что-то въ ней, да и замкнули опять, и книжечку въ столикъ спрятали, а ключикъ, вмѣстѣ съ крестикомъ, на грудку повѣсили... Я тихонько отошла и думаю себѣ: то-то наша барышня разумница: все читаютъ, да записываютъ.

Настасья Дмитріевна выслушала разсказъ Ирины Петровны и нахмурилась; ей почему-то вдругъ очень захотѣлось узнать, что̀ это за книжечка и что̀ туда записываетъ Ольга. «Быть-можетъ, Ольга повѣряетъ бумагѣ свои тайныя мысли? Не прямой ли долгъ матери знать все, о чемъ думаетъ дочь? Непремѣнно надо узнать, что̀ такое она записываетъ!» Такія мысли пробѣгали въ головѣ Настасьи Дмитріевны, и она твердо рѣшилась исполнить свое намѣреніе.

— Ты говоришь, книжка лежитъ въ письменномъ столикѣ?—спросила она Ирину Петровну, внимательно наблюдавшую все время за лицомъ своей барыни.

— Въ письменномъ, матушка, въ письменномъ; а ключикъ отъ стола Ольга Николаевна съ собой носятъ; онѣ вѣдь барышня аккуратная...

Настасья Дмитріевна встала съ постели не въ духѣ и

во время одѣванія нѣсколько разъ дѣлала замѣчанія своей востроглазой горничной Фіонѣ, затѣмъ, противъ обыкновенія, наскоро выслушала хозяйственный докладъ Ирины Петровны и записала въ своей записной книжкѣ нѣсколько штрафовъ прислугѣ.

— Ты за ними смотри, Ариша, хорошенько. Нынче люди Богъ знаетъ какіе стали.

— Охъ, матушка, что̀ и говорить! Такое время развратное, что и не приведи Богъ. Ужъ я гляжу, во всѣ глаза гляжу за добромъ вашимъ. Вѣдь жалованье, кажется, какое у насъ люди получаютъ, а все...

Ирина Петровна только покачала головой.

— Вотъ хоть бы женская прислуга; прежде, бывало, дѣвушка-то къ лакею и близко подойти не смѣетъ, а нынче... грѣхъ одинъ!

— Ты развѣ что̀ замѣтила?

— Такъ и замѣтишь! Скрытны, матушка Настасья Дмитріевна, стали, ахъ, какъ скрытны! Вотъ Фіона, напримѣръ: вѣдь погляди на нее—кажется, такая скромница, а какія она мысли держитъ у себя въ душѣ! Намедни гулять со двора ушла, расфрантилась, платье шелковое—извѣстно, балуете вы ее по добротѣ своей; я и спрашиваю: куда, говорю, королевой такой разрядилась?—а она въ отвѣтъ: «А вамъ, говоритъ, какое дѣло?» Что-жъ, спрашиваю, видно свиданіе съ колосовскимъ Григоріемъ назначили? Сдается мнѣ, матушка, что давно у нихъ шуры-муры идутъ. «А хоть бы и свиданіе?—выпалила она и глазомъ не моргнула.—Такъ я вамъ и скажу! Точно, говоритъ, я не вольный человѣкъ, какъ со двора ушла».

— Ты, Ариша, смотри! Богъ ее знаетъ! Вѣдь у насъ въ домѣ этого не должно быть, слышишь?—замѣтила она строго.—А то вдругъ ребенка родитъ!..—прибавила она такимъ презрительнымъ шопотомъ, точно рожденіе ребенка составляло непростительную мерзость, о которой нельзя и говорить иначе, какъ шопотомъ и съ чувствомъ глубокаго омерзенія.

А Ирина Петровна, воспользовавшись подходящимъ для ея цѣлей расположеніемъ духа своей барыни, успѣла-таки выхлопотать прибавку жалованья своему любимцу Михею и, кстати, попросила себѣ старый салопъ. И то, и другое было исполнено, и она вышла изъ комнаты вполнѣ довольная сегодняшнимъ утромъ и въ тотъ же вечеръ говорила краснощекому Михею:

— Смотри, не такое еще счастіе тебѣ будетъ здѣсь въ домѣ, если ты вести себя хорошо будешь!

— Я, кажется, ничего...

— То-то ничего! а зачѣмъ на дѣвокъ заглядываешься, а? —пригрозила старая дѣва.—Пойдемъ-ка ко мнѣ, сладкаго пирожка дамъ. Не то еще тебѣ предоставлю, слышишь ли, оболтусъ ты этакій!—прибавила уже ласково Ирина Петровна, съ любовью глядя на красное, угреватое лицо глуповатаго Михея.

Когда за чайнымъ столомъ Настасья Дмитріевна встрѣтилась съ Ольгой и та, по обыкновенію, подошла поцѣловать ея руку, Стрекалова была крайне удивлена и ласковымъ тономъ, съ какимъ Ольга произнесла обычное «здравствуй, мама!», и выраженіемъ ея лица, веселымъ, добрымъ, и всей ея молодой, свѣжей фигурой, отъ которой вѣяло какимъ-то неотразимымъ счастіемъ. Та самая Ольга, вчера еще молчаливая, задумчивая, строгая, сегодня, точно какимъ-то волшебствомъ, преобразилась. Сердце матери забило тревогу.

Со времени памятной сцены, когда Ольга такъ рѣшительно отказалась выйти замужъ за Рѣчинскаго, Настасья Дмитріевна обращалась съ дочерью съ нѣкоторой холодностью и съ тѣмъ оттѣнкомъ нарочно показываемаго молчаливаго страданія, который любятъ на себя напускать матери со взрослыми дѣтьми, имѣющими поползновеніе не во всемъ слушаться родителей. Она, по обыкновенію, поцѣловала Ольгу въ лобъ, вздохнула какъ-то особенно тяжело, усаживаясь къ чайному столу, и взглянула на самоваръ и на чашки съ такимъ достоинствомъ скрываемаго горя, точно и самоваръ, и чашки, и Ольга недостойны были сдѣлаться свидѣтелями того, что̀ испытываетъ добродѣтельная мать и примѣрная жена. Когда Ольга налила матери кофе и спросила съ веселой улыбкой: «сладко ли?» Настасья Дмитріевна отвѣтила «сладко», съ видомъ глубочайшаго и презрительнаго равнодушія, точно наступили такія времена, когда обращать вниманіе на сладость кофе рѣшительно неприлично; она даже въ глубинѣ души укорила Ольгу за этотъ невинный вопросъ, такъ какъ, по мнѣнію Настасьи Дмитріевны, Ольга должна была понять, что Настасьѣ Дмитріевнѣ вовсе не до кофе, и если она его пьетъ (а она пила его не безъ аппетита), то только такъ, привычки ради.

Нѣсколько времени и мать и дочь сидѣли молча. Мать

время отъ времени поглядывала исподлобья на Ольгу и придумывала разныя объясненія насчетъ странной перемѣны. «Онъ уѣхалъ, чему же она радуется? Впрочемъ, она, вѣроятно, объ этомъ и не знаетъ; попробую сказать, что̀ выйдетъ!»—рѣшилась сдѣлать опытъ надъ своей дочерью Настасья Дмитріевна и кстати допросить о ненавистной книжкѣ въ голубомъ переплетѣ.

— Ты вчера, Ольга, рано легла спать?

Ольга покраснѣла.

— Нѣтъ... поздно, а что̀?

— Ничего. Читала?

«Неужели она знаетъ?»—подумала Ольга и испугалась. Впрочемъ, испугъ быстро прошелъ; она даже укорила себя за эту боязнь. «Чего мнѣ бояться? Развѣ шагъ не сдѣланъ, развѣ я отступлю теперь? Пусть знаютъ, если знаютъ. Сама я не начну говорить,—это будетъ для матери очень тяжело,—но если станутъ спрашивать — о, тогда я все скажу, все!»—твердо рѣшилась Ольга.

— Что же ты молчишь, Ольга? Ты читала?

— Читала, мама...

— Ты такъ много читаешь, что, вѣрно, на досугѣ и пишешь что-нибудь,—правда?

— То-есть что̀ пишу?

— Вѣрно, дневникъ ведешь. Молодыя дѣвушки любятъ вести дневники, я это знаю. Вѣрно, и ты ведешь?

— Веду, мама...

— Въ самомъ дѣлѣ? Видишь, я угадала. Ты мнѣ его покажи: должно-быть, интересно...

— Прости, мама, но я его не покажу!

— Отчего? Развѣ у тебя есть какіе-нибудь секреты отъ матери? Давно ли?

— Я никому ни за что̀ не покажу своего дневника, мама!—рѣшительно сказала дочь.

— Вотъ какъ!—процѣдила Настасья Дмитріевна, блѣднѣя и подергивая губой.—Нынче дочь считаетъ себя въ правѣ не исполнить даже такой простой просьбы! Ты, вѣрно, боишься, что твои сокровенныя мысли, изложенныя на бумагѣ, огорчатъ меня? Ты этого, Ольга, не бойся; послѣ того, что̀ было, ничто не удивитъ меня—я давно ко всему готова! Ты дай свой дневникъ!—прибавила она, гордо откидывая свою голову.

— Мама, не просите, я не дамъ!—тихо отвѣтила Ольга.

— Я не настаиваю, Богъ съ тобой!—горько усмѣхну-

лась Настасья Дмитріевна.—Ты съ нѣкотораго времени, кажется, считаешь мать чужой и... говорить ли, Ольга?— съ нѣкоторою торжественностью продолжала мать

— Говорите, говорите, мама, — возбужденнымъ тономъ прервала Ольга.

— Изволь, скажу. Ты, Ольга, начинаешь вести себя какъ-то странно, высказываешь глупыя идеи... я знаю, чье это вліяніе—знаю, хоть ты и ничего мнѣ не говоришь; я знаю, какой негодяй сбилъ тебя съ толку и ради кого ты отказалась отъ честнаго, хорошаго человѣка. Ты думаешь, это ведетъ къ добру? Ты полагаешь, что молодая дѣвушка только тогда самостоятельна, когда идетъ наперекоръ матери? Знаешь ли, къ чему это ведетъ?

Настасья Дмитріевна остановилась и, выждавъ паузу, прибавила угрожающимъ шопотомъ:

— Это ведетъ къ такому глубокому паденію, послѣ котораго и не подняться! Нигилисткой сдѣлаться недолго, но что̀ же будетъ дальше? Ольга, Ольга! За что̀-жъ это ты заставляешь страдать отца и мать?

— Мама, что̀ съ вами? Какое паденіе? Что̀ вы говорите?

— Я знаю, что̀ говорю. Ты характерна, но и я тоже. Я не потерплю... слышишь ли? Лучше у меня не будетъ дочери, чѣмъ знать, что дочь моя, дочь Стрекаловыхъ— нигилистка...—добавила она тихо.

Подобные разговоры въ послѣднее время бывали не разъ между Стрекаловой и Ольгой; прежде они крайне волновали Ольгу, но потомъ, отъ частаго повторенія однихъ и тѣхъ же общихъ мѣстъ о погибели, о развратѣ, Ольга слушала ихъ и волновалась менѣе.

— Ты съ меня не хотѣла брать примѣра, а, кажется, могла бы,—продолжала съ торжественностью пророчицы и съ гордостью добродѣтельной жены Настасья Дмитріевна.—Я исполняла и исполняю свой долгъ безупречно: я была послушная дочь, вѣрная жена и, кажется, хорошая мать. Я жила и живу, имѣя твердыя правила, переступить которыя не рѣшилась бы ни за какія блага въ мірѣ.

Она умолкла и не знала, что̀ продолжать. «Что же дальше? Развѣ Ольга нарушила правила? Развѣ она остригла волосы? Развѣ она ведетъ себя неприлично? Развѣ она обѣщаетъ быть невѣрной женой?» Бѣдная Настасья Дмитріевна запуталась въ собственныхъ словахъ

и не знала, чѣмъ тронуть Ольгу. А Ольга продолжала слушать, и веселое расположеніе ея давно прошло; она была серьезна и холодна.

Настасья Дмитріевна давно вытирала набѣгавшія слезы, а слезы все-таки лились, и сердце все-таки тревожно билось и чувствовало что-то страшное, тревожное.

Ольга мрачно сидѣла около и спрашивала себя: «Боже мой, чѣмъ же я виновата во всемъ этомъ? Развѣ я должна жить такъ, какъ другіе хотятъ? Развѣ это возможно? Нѣтъ, это невозможно! Это не любовь говоритъ въ мамѣ: это эгоизмъ говоритъ. Эти слезы—не слезы горя...»

Ни мать, ни дочь не могли въ эту минуту понять другъ друга.

— Этотъ негодяй... Черемисовъ...—снова начала Настасья Дмитріевна: — наконецъ-таки уѣхалъ отсюда и, вѣрно, кончитъ свою карьеру печально, какъ и слѣдуетъ ожидать. Сегодня ночью онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Ты, конечно, пожалѣешь объ его отъѣздѣ?

Ольга молчала.

— Ты, кажется, сочувствуешь ему?

— Мама, не раздражайте себя такими разговорами. Вы такихъ людей, какъ онъ, не понимаете и прямо называете негодяями, а они... они...

— Ты вѣчно заступаешься за него. Есть что̀ понимать! Непонятые люди, какъ же!—со злобой шепнула Стрекалова.— Просто безчестные оборвыши, которыхъ слѣдовало бы...

Она отъ злобы не могла договорить и, презрительно взглянувъ на Ольгу, встала и ушла въ гостиную.

«Что̀ же это такое? Чѣмъ все это кончится?»—спрашивала себя мать и рѣшительно не могла понять, отчего вдругъ этотъ домъ, полный счастія, согласія и любви, сталъ какимъ-то печальнымъ, терзающимъ всѣхъ домомъ? Что̀ за причина? Гдѣ же та Оля, милая Оля, которая, бывало, дѣвочкой прибѣгала къ матери и, кладя свою головку къ ней на колѣни, довѣрчиво разсказывала всѣ свои тайны и слушалась мать безпрекословно? Куда же дѣвалась та картина будущаго Ольгина счастія, которая нерѣдко рисовалась въ воображеніи матери: тихое счастье, безъ бурь, безъ лишеній, здоровыя дѣти, ея внуки, и она, уже бабушка, наслаждающаяся счастіемъ своихъ близкихъ,— счастіемъ, созданнымъ ея руками. Отчего эта картина исчезаетъ въ какомъ-то туманѣ сомнѣній, недоразумѣній, недовольства? Кто виноватъ, кто?..

Бѣдная Настасья Дмитріевна еще долго просидѣла, какъ окаменѣлая, за рѣшеніемъ этихъ вопросовъ и все-таки не могла правильно рѣшить терзающія ея сердце задачи.

«Господи! Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ, зачѣмъ Ты допустилъ его внести разладъ въ нашъ счастливый домъ!»— вырвалось скорбное восклицаніе изъ груди Настасьи Дмитріевны, и эта обыкновенно сдержанная, холодная, самодовольная женщина зарыдала, какъ малое дитя, въ своей изящной, блестящей гостиной, среди дивановъ, столовъ и креселъ, такихъ же, какъ она, блестящихъ, самодовольныхъ, которые, казалось, съ насмѣшкой посматривали на свою хозяйку, разъ въ жизни забывшую, что она не изящная статуя, а живой человѣкъ, и давшую полную волю давно наболѣвшему чувству.

И снова Черемисовъ, этотъ ужасный, легендарный Черемисовъ, въ глазахъ Настасьи Дмитріевны былъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ; въ горѣ и злобѣ бѣдной матери и въ голову не пришло, что Черемисовъ совсѣмъ не герой, и что виноватъ не онъ, а тѣ новые, хотя и неясные еще идеалы, тѣ новыя стремленія, которыя неудержимой волной врываются въ жизнь, являясь на смѣну прежнимъ идеаламъ, прежнимъ стремленіямъ. И не только Черемисовы, обыкновенные рядовые жизни, но люди выше, не имъ чета, и тѣ не болѣе, какъ проводники того рокового движенія, остановить совершенно которое не въ силахъ никакая человѣческая мудрость.

Стрекалова не понимала этого и потому много горевала, какъ, въ свою очередь, пожалуй, придется горевать потомъ и Ольгѣ.

Нѣсколько дней спустя Николай Николаевичъ съ Ольгой и сыномъ уѣхали вечеромъ въ театръ, а Настасья Дмитріевна осталась дома и долго ходила въ раздумьѣ по комнатамъ. Злополучный альбомъ не выходилъ изъ ума, и неодолимое желаніе прочесть то, о чемъ мечтала Ольга, терзало сердце бѣдной матери. «Быть-можетъ, тогда разрѣшатся мои сомнѣнія; быть-можетъ, всѣ эти страхи окажутся глупыми!»—думала Настасья Дмитріевна, не безъ волненія переступая порогъ Ольгиной комнаты. Она прошла нѣсколько разъ по комнатѣ, подошла къ столику и попробовала его отворить — запертъ. «Развѣ подобрать ключъ?» — пробѣжала мысль, и ей вдругъ сдѣлалось ужасно совѣстно: простая деликатность не позволяла ей

сдѣлать это, и она отошла отъ стола. А ключъ бы подошелъ! Ключей у нея много: она нарочно принесла ихъ съ собою въ карманѣ цѣлую связку. Настасья Дмитріевна стояла въ нерѣшительности; ей еще ни разу въ жизни не приходилось подбирать ключи къ чужимъ столамъ

«Вѣдь это не чужой, это моей дочери!»—успокаивала себя Стрекалова, но все-таки извѣстная привычка порядочности останавливала ее. А злополучный альбомъ, какъ нарочно, лѣзъ въ голову и мучилъ ея воображеніе. Она подошла къ столу и, словно отъ нечего дѣлать, стала подбирать ключи; она увлеклась этимъ дѣломъ... наконецъ подобрала, обрадовалась и снова отошла отъ стола.

Опять порядочность Настасьи Дмитріевны еще разъ остановила ее. «Развѣ я не могу потребовать альбома? Развѣ я наконецъ не могу упросить? А то украдкой, какъ воровка, фу!...»

Она хотѣла оставить это дѣло, хотѣла скорѣе уйти изъ комнаты—и не могла. Не даромъ же она страдаетъ,—думалось Настасьѣ Дмитріевнѣ:—недаромъ жизнь ея теперь стала какимъ-то адомъ; нѣтъ, лучше все узнать сразу!

Она быстро выдвинула столъ и увидѣла маленькую изящную книжку въ голубомъ переплетѣ. Она вспомнила, что она сама подарила этотъ альбомъ Ольгѣ, когда ей минуло шестнадцать лѣтъ. Она взяла альбомъ, быстро, словно чувствуя какой-то укоръ совѣсти, ушла къ себѣ въ комнату и заперлась. Тамъ она подобрала ключъ своими бѣлыми, изящными, дрожавшими отъ волненія пальцами и, открывши наконецъ альбомъ, съ жадностью бросилась читать исписанныя красивымъ англійскимъ почеркомъ страницы. Вотъ что она, между прочимъ, прочла:

L.

Дневникъ Ольги.

1 января 186...

Что новый годъ, то новыхъ думъ,
Мечтаній и надеждъ
Исполненъ легковѣрный умъ
И мудрыхъ, и невѣждъ.

Некрасовъ.

Чего-то и мнѣ хочется, а чего—не знаю! Кажется, хорошо живется, а нѣтъ-нѣтъ такая тоска западетъ въ сердце, что иной разъ готова проплакать глаза. Счастливая мама: она какъ-то умѣетъ быть счастливой и умѣетъ

любить насъ всегда одинаково, а я не умѣю такъ: иной разъ люблю маму до безумія, готова ради нея отрубить себѣ палецъ, а иногда... Боже, Боже! какъ я смѣю думать такъ! Развѣ она не добрая, развѣ она не любитъ меня, развѣ... А отчего же не смѣю? Къ чему же тогда и думать, если бояться того, что̀ лѣзетъ въ голову? Нѣтъ, лучше скажу. Мнѣ не нравится, что мама иной разъ черезчуръ строга къ людямъ и часто обходится съ ними такъ холодно-холодно, словно мама сама какая-то ледяная. Вотъ въ такія-то минуты я и разбираю ее и отца. Папа не всегда ровный, вспыльчивый, но какой-то милый, а мама... Что я!.. Какъ она меня любитъ.—Сегодня всѣ другъ друга поздравляли. Marie Lenorme меня звонко поцѣловала и пожелала не быть сухой и холодной, какъ бываетъ иногда мама, я чуть-было не поссорилась за маму съ Marie, но Marie быстро замолчала, поцѣловала меня, и мы помирились. Славная она дѣвушка и не особенно счастливая дѣвушка: не знаетъ ни семейнаго счастья, живетъ въ чужомъ домѣ и ничего—весела. Наканунѣ Новаго года она сказала: я свою волю ни на какія сокровища не промѣняю. Славная! я это понимаю. А развѣ я не вольный казакъ буду?

Пріѣзжалъ Рѣчинскій. Не нравится онъ мнѣ—такой прилизанный, прямой, точно на столбикахъ, говоритъ такъ красиво, видно не отъ души. Крѣпко пожалъ мнѣ руку и говорилъ вздоръ. Мама и папа его хвалятъ, а я его не люблю, да и Ѳедя не любитъ: онъ говоритъ, что Рѣчинскій ѣздитъ къ намъ изъ-за хорошихъ обѣдовъ, и посмѣивается надъ его отличнымъ аппетитомъ.

5 января.

Вчера я была на балу и танцовала до упаду, но, по правдѣ, не веселилась. Рѣчинскій опять надоѣдаетъ, мама все спрашиваетъ, что̀ онъ говоритъ; я мамѣ разсказала, а она улыбнулась и сказала: «Леонидъ Васильевичъ очень хорошій человѣкъ, Оля!»

Не могу я его полюбить!

8 января.

Всѣ вмѣстѣ кончили «Трудное время». Мама много пропускала и, когда кончили, сказала, что Рязанцевъ дурной человѣкъ. Я заступилась за него; по-моему, онъ честный человѣкъ, очень честный. Лучше правду всю сказать, хоть

истина и непріятна, чѣмъ обманывать. Мама остановила меня и доказывала, что Рязанцевъ нечестенъ, но я съ мамой не могла согласиться... Прочту еще разъ.

10 января.

Странная мама! Чего она боялась прочитать всю повѣсть безъ пропусковъ? И съ чего она взяла, что Рязанцевъ нечестный? Напротивъ. Бѣдная Марія Николаевна, трудно будетъ ей! Надо много, много учиться. А все-жъ она поступила такъ, какъ слѣдовало: развѣ не любя можно жить съ мужемъ? Marie въ восхищеніи и назвала мужа Маріи Николаевны филистеромъ. Она объяснила это слово. Неужели и мы филистеры, и я филистерша? Я сказала объ этомъ Marie; она расхохоталась и сказала, что у меня натура не такая. Долго я объ этомъ думала; неужели всѣ богатые люди должны быть филистерами?

1 февраля.

Несчастный у меня характеръ, несчастная способность. Вотъ такъ и хочется подмѣчать въ другихъ противорѣчія и слабости; отецъ всегда говорилъ, что онъ бѣдныхъ людей любитъ, а сегодня за обѣдомъ такъ бранилъ рабочихъ съ мамой, что мнѣ стало совѣстно за нихъ; а потомъ говорили о штрафахъ. Marie послѣ обѣда увела меня въ садъ и разсказала о своей сестрѣ, швеѣ въ Швейцаріи. Какъ ей, бѣдной, худо. Пожалуй, что и нашимъ не лучше! Вотъ куда должно идти богатство, вотъ на что надо посвятить жизнь, а то вѣчная...

Я не кончила. Меня позвали внизъ: пріѣхали Колосовы и сидѣли вечеръ; сама она очень красивая женщина, мама ее не любитъ, это даже и замѣтно. Лучше не принимать, чѣмъ принимать тѣхъ, кого не любишь!

Мнѣ всѣ говорятъ, что я богатая невѣста и что я буду счастлива. Всѣ думаютъ, что счастіе зависитъ отъ одного богатства; это вздоръ, и я знаю по себѣ, что иногда бываетъ такая тоска, такая...

2 февраля.

Вчера я не дописала и проплакала долго. И опять плакать хочется,—такъ-таки безъ причины плакать. Читала утромъ «Les misérables». Господи! сколько вездѣ несчастныхъ, а папа говоритъ, что все вздоръ пишутъ, лгутъ. Неужели папа искренно такъ думаетъ, или же онъ говоритъ неправду?

Отчего же въ книгахъ говорятъ другое? Попрошусь завтра съ отцомъ на заводъ.

3 февраля.

Я вчера была съ отцомъ на заводѣ и раздала всѣ свои деньги этимъ бѣднымъ людямъ. Какіе они странные, какъ они на меня смотрѣли, точно я какое-то неземное созданіе! Я просила отца взять меня еще разъ; я снова отдамъ имъ свои деньги,—у меня теперь накопилось пятьдесятъ рублей,—на что они мнѣ?

И цѣлый день работаютъ, а по субботамъ, папа говоритъ, напиваются. Я ужаснулась, а онъ усмѣхнулся. Мама спросила о впечатлѣніи, и я разсказала ей все... всѣ свои мысли; просила ее вмѣстѣ со мной поѣхать въ слободку (они живутъ въ слободкѣ; отецъ говоритъ, живутъ, какъ свиньи), а мама разсмѣялась и сказала: «добрая дурочка!»

Или мы другъ друга не поняли, или мама ошибается, только я въ этомъ случаѣ не дурочка...

. . . . . .

Цѣлую ночь мы съ Маріе не спали: она разсказывала о себѣ. Чего только она, бѣдная, не испытала, зато всѣмъ обязана себѣ. Пріятно ни отъ кого не зависѣть и быть обязанной самой себѣ. Мама сказала бы, что это nonsens—она любитъ употреблять это слово, когда не можетъ чего-нибудь объяснить.

15 февраля.

Это время я много читала,—просто, запоемъ читала; мама говоритъ, что это вредно, а папа смѣется и называетъ меня синимъ чулкомъ, а Ѳедя дразнитъ именемъ «поэтессы» и исподтишка шепчетъ: «Ивановъ!» Дрянной мальчишка! Дразнитъ меня бывшимъ его гувернеромъ, который любилъ пить и посвятилъ мнѣ много стиховъ, кажется, плохихъ, судя по отрывкамъ, которые читалъ братъ. Жаль бѣдняжку, лишился мѣста изъ-за несчастной страсти, а умница былъ и славно преподавалъ математику—изъ-за него я ее полюбила и не лѣнилась дѣлать задачи.

Вечеромъ гуляла въ саду. Пахнетъ весной,—хорошо такъ, весело на сердцѣ... Какъ бы мнѣ хотѣлось быть хорошей, честной, доброй! Неужели я не буду такой, а стану такой же чопорной лэди, какъ... Тсъ... Что я? Развѣ это можно!..

20 февраля.

Какъ я однако въ это время измѣнилась: годъ тому назадъ я была совсѣмъ не та, и мнѣ казалось, что отецъ и мать безусловно люди безукоризненные и говорятъ всегда правду, а теперь?.. Я очень, очень люблю ихъ обоихъ, но не могу съ ними согласиться... Они опять говорили о Рѣчинскомъ; надоѣли даже и все его расхваливаютъ, говорятъ, что онъ и умница, и солидный человѣкъ, и будетъ добрымъ мужемъ... Я начинаю думать, что папа не прочь, если бы онъ сдѣлалъ предложеніе,—впрочемъ, развѣ Рѣчинскій не видитъ, что я его не люблю? Съ его стороны было бы безчестно. Я отмалчиваюсь, когда говорятъ о немъ, не даромъ Marie прозвала меня молчаливой миссъ, а его—дрессированной левреткой... Вотъ бы услыхалъ?

Опять съ мамой поспорили изъ-за Фіоны. Мама такая странная: хотѣла ее выгнать отъ насъ, я вступилась—вышелъ споръ. Право, не слѣдуетъ высказывать задушевныхъ мыслей. Развѣ пріятно въ отвѣтъ на самые лучшіе порывы слышать ледяныя нравоученія, смыслъ которыхъ всегда одинъ и тотъ же: не увлекайся, живи, какъ всѣ порядочные люди живутъ, не фамильярничай съ людьми, которые ниже тебя по положенію... Бѣдная мама! Неужели у нея никогда горячо не билось сердце при видѣ несправедливости, чужого горя, а то и просто такъ, безотчетно? Неужели она всегда была такая спокойная, холодная, ровная? Я не могу быть такой...

Сейчасъ пришла Фіона и хотѣла броситься мнѣ въ ноги за то, что ее оставили; я поцѣловалась съ ней, и мы, какъ глупыя, расплакались. Она такая смѣшная Фіона, только разсѣянная, а мама этого не любитъ, и Арина Петровна Фіону не любитъ. Хитрая эта Арина Петровна, такая льстивая, гадкая... Мнѣ она противна, я ее не люблю; ходитъ тихо, какъ кошка. Marie называетъ ее tigresse du Bengale.

Отецъ говоритъ о новомъ учителѣ. Скоро собирается въ Петербургъ и говоритъ, что Ѳедя долженъ будетъ съ новымъ учителемъ готовиться въ университетъ; я тоже буду слушать исторію и русскую литературу. Папа очень расхваливаетъ учителя, по словамъ своего петербургскаго знакомаго. Дай Богъ! Ѳедѣ нуженъ хорошій человѣкъ; Ѳедя добрый, славный, но подчасъ похожъ не на мужчину, а на мокрую курицу. Плакса! Плаксъ я не люблю, хоть сама иной разъ большая плакса!

15 апрѣля.

Сегодня пріѣхалъ хваленый учитель Черемисовъ; папа познакомилъ его съ нами за завтракомъ. Мнѣ этотъ Черемисовъ не особенно понравился ни наружностью, ни манерами; правда, лицо его умное, глаза выразительные, но въ нихъ по временамъ бываетъ какое-то злое выраженіе; говорилъ онъ мало, больше отвѣчалъ на вопросы и изрѣдка улыбался; улыбка его какая-то злая, нехорошая. Ѳедя, напротивъ, въ восхищеніи отъ него, Marie тоже; она говоритъ, что у него «смѣлое лицо». Пожалуй, она и права. Вечеромъ опять былъ Леонидъ Васильевичъ и просидѣлъ долго. Право, онъ мнѣ ужасно надоѣлъ!

25 апрѣля.

Этотъ Черемисовъ держитъ себя въ домѣ очень странно, не такъ, какъ другіе бывшіе Ѳедины учителя; онъ рѣдко съ нами говоритъ, и мы его видимъ только за обѣдомъ. Marie права: у него дѣйствительно есть что-то смѣлое въ лицѣ; Ѳедя не нахвалится имъ, говоритъ чудеса объ его преподаваніи; съ завтрашняго дня и я начну его слушать.

26 апрѣля.

Сегодня я первый разъ слушала его лекцію по исторіи и осталась въ восхищеніи. Какъ хорошо онъ передаетъ событія, какъ ярко онъ ихъ освѣщаетъ и съ какою смѣлостью онъ разсказываетъ о такихъ вещахъ, къ которымъ я всегда относилась съ какимъ-то страхомъ, точно ему все нипочемъ. И лицо его въ это время совсѣмъ другое. Его урокъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе.

5 мая.

Благодаря Черемисову, на заводѣ устроились чтенія; какъ добился Черемисовъ согласія отца—я не знаю, но чтенія начались, и мы всѣ были. Изъ разсказовъ Ѳеди я заключила, что онъ очень добрый человѣкъ, и теперь сама вижу, что была неправа, думая о немъ иначе. Счастливый! Онъ живетъ не для одного себя, а мы? Мамѣ, кажется, Черемисовъ не очень нравится; она на-дняхъ говорила, что онъ скрытный. Что же, очень можетъ быть; не разсказывать же ему все, что у него на душѣ. Вечеромъ я играла на фортепіано, а Черемисовъ слушалъ и похвалилъ мою игру; я не знаю отчего, его похвала мнѣ очень пріятна. Мы съ нимъ сказали нѣсколько словъ; я спросила о книгахъ, онъ мнѣ ихъ предложилъ.

15 мая.

Нечаянно я была свидѣтельницей непріятной сцены между Marie и Черемисовымъ. Она его любитъ, а онъ рѣзко сказалъ, что нѣтъ. Она плакала. Я тихо ушла домой и сама разрюмилась. Что это значитъ?

10 іюня.

Я читаю запоемъ и на урокахъ слушаю Черемисова съ наслажденіемъ. Ѳедя разсказывалъ про него много. Что это за добрякъ, какъ онъ помогаетъ другимъ! Мама его все больше и больше не любитъ, а я?.. Къ чему говорить! Онъ меня, кажется, считаетъ надутой барышней и никогда не говоритъ со мной.

На-дняхъ мы гуляли вмѣстѣ, и онъ поспорилъ съ Рѣчинскимъ. Рѣчинскій разсердился и за чаемъ разсказалъ о спорѣ. Мама какъ-то особенно взглянула на меня, и Marie тоже. Съ Marie мы стали какъ-то холоднѣй, точно кошка пробѣжала между нами. Я долго просидѣла у окна... Господи, неужели...

15 іюня.

Когда я его не вижу, мнѣ точно чего-то недостаетъ. Когда онъ возлѣ въ комнатѣ, мнѣ какъ-то отраднѣй. Не могу больше писать...

1 сентября.

Какое горе! Онъ уѣхалъ отъ насъ, и я его не увижу... Такихъ людей, какъ онъ, у насъ не любятъ... Ѳедя въ горѣ, а я... мнѣ такъ грустно! Неужели я его не увижу, не поблагодарю его за все, что онъ сдѣлалъ? Благодаря ему, я понимаю, что жить такъ, какъ живемъ мы, нельзя; мнѣ тяжело здѣсь, мнѣ хочется другой жизни... Нѣтъ, я его увижу! Я скажу ему, какъ я ему благодарна.

6 сентября.

Я его видѣла въ театрѣ, и онъ мнѣ такъ привѣтливо поклонился! Сердце во мнѣ забилось... Отчего-жъ мнѣ такъ не весело?

15 сентября.

Ни за какія сокровища я не стану женой Рѣчинскаго. Сегодня я такъ и сказала отцу и матери. Мнѣ ихъ жаль, безконечно жаль, но что я могу сдѣлать? За что они хотятъ меня принуждать? Они говорятъ: ради счастья, но

развѣ ихъ счастье можетъ быть моимъ? Никогда... Я готова на все, но ни за что никто меня не заставитъ быть женой этого противнаго для меня человѣка!

16 сентября.

Послѣ вчерашней сцены я стала какая-то злая, безчувственная: ни слезы матери, ни строгій видъ отца меня не трогаютъ... Какъ бы мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ!

20 сентября.

Я только-что узнала, что онъ уѣзжаетъ, и узнала причины. Вотъ каково хорошимъ людямъ!? Я пойду къ нему и поблагодарю его, во что бы то ни стало.

21 сентября.

Я его видѣла. Глѣбъ сказалъ, что меня любитъ! Боже, какъ я счастлива!..

Когда Настасья Дмитріевна прочла послѣднія слова, она какъ-то странно простонала и медленно опустила голову, точно приговоренная къ смерти.

LI.

Настасья Дмитріевна долго еще не могла придти въ себя отъ изумленія и горя и сидѣла, опустивъ голову, передъ раскрытымъ дневникомъ Ольги, не зная, на что рѣшиться, что предпринять; часы въ сосѣдней комнатѣ пробили десять, одиннадцать, двѣнадцать, а Настасья Дмитріевна попрежнему была въ креслѣ и тупо глядѣла передъ собой; въ головѣ ея былъ какой-то сумбуръ, на сердцѣ—тяжело; она чувствовала очень ясно, что случилось нѣчто чрезвычайное, нѣчто такое позорное для «дома Стрекаловыхъ», о чемъ она никогда и подумать не смѣла. Голова ея не могла переварить мысли, чтобы дочь ея, Ольга Стрекалова, рѣшилась идти одна къ мужчинѣ—и къ кому еще!.. Нѣтъ, это что-то ужасное!

Легкій стукъ подъѣхавшей кареты вывелъ ее изъ томительнаго состоянія; въ залѣ послышались голоса; она встрепенулась точно послѣ сна, и взглядъ ея упалъ на злополучную страницу, исписанную изящнымъ Ольгинымъ почеркомъ. Она прикоснулась къ альбому съ какимъ-то чувствомъ гадливости, точно этотъ хорошенькій альбомъ содержалъ въ себѣ проказу, и, сложивши его, отправилась къ мужу въ кабинетъ.

— Настенька, что съ тобой, другъ мой?—испуганно под-

бѣжалъ къ ней Николай Николаевичъ.—Ты блѣдна, какъ полотно. Здорова ли ты? Я только-что хотѣлъ зайти къ тебѣ.

— Возьми и читай!

Она протянула альбомъ и какъ-то торжественно отступила назадъ. Николай Николаевичъ повернулъ раза два хорошенькій альбомъ и, казалось, ничего не понималъ.

— Это чей альбомъ?

— Ольгинъ. Прочти послѣднюю страницу.

Стрекаловъ испуганно развернулъ книжечку, прочелъ послѣднія слова, какъ-то тупо взглянулъ на жену и страшно поблѣднѣлъ.

— Это кто же писалъ?—выговорилъ онъ наконецъ какимъ-то подавленнымъ голосомъ.

— Ольга!—тихо отвѣчала Настасья Дмитріевна.

— Что ты сказала?

— Ольга, сказала я.

— Она!? Она была у Черемисова!?

— Была.

Николай Николаевичъ снова взглянулъ на Настасью Дмитріевну, но на этотъ разъ такъ, что Стрекалова испугалась: лицо Николая Николаевича стало злымъ, жестокимъ, губы дрожали.

— Позови ее сюда!—сказалъ Стрекаловъ.

— Что ты намѣренъ дѣлать, Николай? Скажи мнѣ, успокойся, мой милый другъ.

Настасья Дмитріевна подошла-было къ нему, чтобы по обыкновенію обнять мужа и поцѣловать его, но онъ грубо отвелъ ее рукой.

— Ты во всемъ и всегда одна и та же; всегда обязанности на первомъ планѣ, а чувство... ты его, кажется, не знаешь!—вырвалось у Стрекалова въ первый разъ во время его супружеской жизни.

Настасья Дмитріевна взглянула на мужа съ упрекомъ, но ни слова ни отвѣтила.

— Успокоиться? Это легко сказать, а не сдѣлать. Имѣть дочь, которая бѣгаетъ къ мужчинѣ, и успокоиться?—усмѣхнулся Стрекаловъ.

— Что ты говоришь, Богъ съ тобой!

— Позови ее сюда!—повторилъ Стрекаловъ.

Настасья Дмитріевна молча повиновалась.

Когда Ольга, вернувшись изъ театра, поднялась въ свою комнату и увидѣла, что въ письменномъ столѣ открытъ

ящикъ и альбома нѣтъ, она сразу поняла, кто взялъ альбомъ, и ѣдкая улыбка скользнула по ея губамъ. Ея нравственное чувство было глубоко оскорблено этимъ воровствомъ чужой тайны, и Ольга первый разъ въ жизни подумала о матери съ недобрымъ чувствомъ. Блѣдная, плотно сжавъ свои губы, присѣла она, не раздѣваясь, къ столу и чего-то ждала; въ ея глазахъ, въ ея строгомъ, даже суровомъ профилѣ, во всей ея фигурѣ видна была рѣшимость постоять за себя: она не выронила ни одной слезинки и только изрѣдка поворачивала голову къ двери.

«Чего же долго не зовутъ меня на казнь?»—тихо промолвила дѣвушка и закрыла глаза, точно собиралась съ мыслями.

— Ольга!—тихо прозвучалъ голосъ Настасьи Дмитріевны за дверью.

— Иду!—отвѣчала Ольга, быстро поднялась съ кресла, твердыми шагами вышла изъ комнаты и пошла за матерью по коридору.

Онѣ между собой не проронили ни слова; Стрекалова точно нарочно ускоряла шаги и не оборачивалась; такъ онѣ дошли до кабинета и остановились.

— Ольга!—повернулась къ ней мать.—Вина твоя слишкомъ тяжка. Раскаиваешься ли ты, по крайней мѣрѣ?

Ольга взглянула какъ-то странно на мать, пожала плечами и замѣтила:

— Идемте!

Настасья Дмитріевна глубоко вздохнула и отворила дверь. Обѣ вошли въ кабинетъ; Стрекалова сѣла, а Ольга, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась.

— Подойди сюда!—проговорилъ Стрекаловъ.

Ольга сдѣлала еще нѣсколько шаговъ.

— Поближе подойди!

Ольга еще подвинулась. Стрекаловъ взглянулъ ей въ глаза и быстро отвернулся. Прошло нѣсколько секундъ въ томительномъ молчаніи. Вся эта обстановка какого-то судилища, въ которомъ Ольга была подсудимой, производила на нее тяжелое, гнетущее впечатлѣніе.

«Что они хотятъ дѣлать? Какое я совершила преступленіе?»—подумала Ольга, взглянувъ на разгнѣванное лицо отца.

— Ольга!—тихо заговорилъ Николай Николаевичъ, указывая на дневникъ:—кѣмъ писаны эти строки?

— Мною,—твердо отвѣтила Ольга.

Стрекалова передернуло. Онъ не ждалъ такого рѣшительнаго, твердаго тона.

— Была ты... ты ходила къ Черемисову?—спросилъ онъ какимъ-то подавленнымъ голосомъ.

— Была.

— И ты такъ хладнокровно объ этомъ говоришь?—вдругъ вскрикнулъ, точно бѣшеный, Николай Николаевичъ.—Ты не чувствуешь, что виновата, ты не просишь прощенія... ты...

Онъ не могъ докончить, вскочилъ съ кресла и подошелъ къ Ольгѣ. Мать тревожно глядѣла на эту сцену.

— Зачѣмъ ты ходила къ этому мерзавцу?

— Я ходила проститься съ нимъ.

— Ты и прежде бѣгала къ нему?—съ какимъ-то гадливымъ отвращеніемъ спрашивалъ отецъ.

— Нѣтъ, я къ нему не бѣгала. Я была у него всего одинъ разъ.

Стрекаловъ грубо взялъ Ольгу за руку и взглянулъ ей въ лицо. При видѣ строгаго, блѣднаго, рѣшительнаго лица дочери, на которомъ не было ни раскаянія, ни мольбы, Стрекаловъ не могъ больше владѣть собою.

— И ты можешь еще прямо глядѣть въ глаза, презрѣнная тварь? Ты смѣешь такъ хладнокровно стоять послѣ такого поступка? Ты, дочь Стрекаловыхъ, могла таскаться...

Онъ готовъ былъ задохнуться. Лицо его побагровѣло, глаза налились кровью; передъ Ольгой стоялъ не человѣкъ, а звѣрь. Она съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ храбрости не спускала съ него глазъ. Вдругъ онъ поднялъ руку и замахнулся. Ольга отступила назадъ и прошептала раздирающимъ душу шопотомъ:

— Что вы дѣлаете?

— Николай, что ты дѣлаешь? — крикнула Настасья Дмитріевна, подбѣгая къ нему.

Этотъ крикъ привелъ Стрекалова въ себя. Онъ со стыдомъ опустилъ руку.

— Что-жъ ты молчишь? Говори же...

Ольга ничего не говорила.

— Говори, Ольга! Ради Бога, отвѣчай!—подсказала Настасья Дмитріевна.

— Говори же, негодная!.. Говори, я тебѣ приказываю!

— Что же мнѣ говорить? Я была у Черемисова. Я его люблю и онъ меня любитъ; женой другого я не буду никогда.

— Вотъ что она говоритъ! Это моя дочь! О, Господи! за что Ты меня караешь? Что-жъ я съ тобой сдѣлаю? Скажи, что? Ради Бога, отвѣть! Не мучь меня!..

Онъ опять подступилъ ближе; Ольга съ ужасомъ взглянула ему въ глаза и хотѣла уйти изъ комнаты. Тогда Николай Николаевичъ взялъ ее за руку и проговорилъ:

— Ты не уйдешь, пока не скажешь. Раскаиваешься ли ты?.. Ты молчишь?.. Говори же!

— Я боюсь васъ... вы ударите... Пустите меня!..—прошептала Ольга.

— Нѣтъ! она точно безчувственная... Уйди вонъ, подлая!—вдругъ заревѣлъ Стрекаловъ и такъ сильно толкнулъ Ольгу въ грудь, что она упала къ ногамъ матери.

Съ ней сдѣлался обморокъ.

При видѣ Ольги, лежащей безъ чувствъ, звѣрь снова сталъ человѣкомъ. И стыдъ, и жалость, и раскаяніе, и горе смягчили сердце отца; онъ бросился къ дочери и, цѣлуя ея руки, залился горькими, тяжелыми слезами. Настасья Дмитріевна дала Ольгѣ нюхать спиртъ, и когда она пришла въ себя, отецъ снесъ ее въ комнату.

Когда Настасья Дмитріевна раздѣла Ольгу и уложила ее въ постель, Николай Николаевичъ присѣлъ къ изголовью и, взявъ холодную Ольгину руку, прижалъ ее къ своимъ губамъ и облилъ слезами. Ольга ничего не отвѣчала на этотъ порывъ раскаянія; только-что случившаяся сцена казалась ей сномъ; въ головѣ у нея было смутно, на сердцѣ тяжело, точно ее давилъ какой-то кошмаръ.

— Ты, Оля, прости меня, забудь эту сцену... Я звѣремъ былъ. Ты вѣдь не боишься меня, нѣтъ?

— Нѣтъ, я не боюсь васъ теперь, папа.

— Ты не бойся и люби, хоть немножко люби, Ольга! Вѣдь я люблю тебя очень, моя голубушка!

Эти мягкія слова, эти отцовскія слезы совсѣмъ смягчили возмущенное сердце Ольги. И тяжело было ей, и жаль отца. Тихія слезы полились изъ ея глазъ; она все простила и крѣпко поцѣловала отцовскую руку.

— Ты не плачь! Зачѣмъ же ты плачешь?—говорилъ Николай Николаевичъ, вытирая платкомъ ея глаза.

Настасья Дмитріевна сидѣла поодаль и была нѣсколько смущена; ей казалось слабостью со стороны отца такъ нервничать; она не безъ страха думала, что теперь Николай Николаевичъ, пожалуй, согласится на бракъ Ольги съ Черемисовымъ, что, по ея мнѣнію, было бы непроститель-

ной слабостью; она, съ своей стороны, ни за что не дала бы на этотъ ужасный бракъ согласія. Лучше она лишится дочери, но видѣть ее за Черемисовымъ—никогда! Она даже съ нѣкоторымъ чувствомъ состраданія глядѣла на слезы Николая Николаевича, полагая, что онъ поступилъ крайне неблагоразумно; во-первыхъ, не слѣдовало толкать дочь, и во-вторыхъ, не слѣдовало нервничать, слѣдовало тихо и вразумительно сказать Ольгѣ, что она никогда не будетъ женой Черемисова, и принять на этотъ счетъ соотвѣтствующія мѣры; все могло бы быть сдѣлано тихо, благоразумно и прилично, и тогда не вышло бы этихъ сентиментальныхъ, нервныхъ сценъ, нарушающихъ спокойствіе.

Она первая поднялась съ кресла, поцѣловала Ольгу въ лобъ и вышла изъ комнаты.

Отецъ еще нѣсколько времени просидѣлъ около постели дочери и ушелъ только тогда, когда Ольга увѣрила его, что она успокоилась. О Черемисовѣ ни отецъ, ни дочь не сказали ни слова, точно они сами хорошо знали, что въ этомъ вопросѣ между ними никогда не можетъ быть никакого соглашенія.

LII.

Въ послѣднее время Александръ Андреевичъ Колосовъ усердно занимался какими-то ариометическими выкладками, часто накалывалъ булавки на карту Россіи и по вечерамъ исписывалъ цѣлыя дести бумаги. Наконецъ въ одинъ прекрасный день ему принесли толстую, переписанную отличнымъ почеркомъ тетрадь, которую онъ перечелъ, одобрилъ и въ тотъ же день свезъ въ земское собраніе. Толстая тетрадь заключала въ себѣ весьма обширный проектъ проведенія линіи желѣзной дороги изъ Грязнополья черезъ Захолустье въ Таракань, и выгоды отъ этой линіи были неисчислимыя, такъ какъ Грязнопольской губерніи, послѣ проведенія дороги, представлялась такая будущность, о которой врядъ ли кто могъ и мечтать: экономическій уровень страны подымется, благосостояніе увеличится, рабочій получитъ хорошій заработокъ, землевладѣлецъ—сбытъ. Словомъ, въ этомъ проектѣ все предусматривалось съ такой обстоятельностью, количество дынь и арбузовъ, отправляемыхъ въ столицу, исчислялось до такой подробности, что грязнопольцы, слушавшіе чтеніе, остались чрезвычайно довольны. Разумѣется, выбрали комиссію для обсужденія, затѣмъ, когда комиссія черезъ

двѣ недѣли представила докладъ, большинство (больше 2/3 голосовъ) признало доводы комиссіи уважительными и затѣмъ въ слѣдующемъ засѣданіи рѣшило предоставить Александру Андреевичу полную довѣренность земства на осуществленіе этого проекта, при чемъ, само собою разумѣется, земство приняло на себя и расходы по хлопотамъ Колосовъ благодарилъ, прижималъ руку къ сердцу, предсказывалъ Грязнополью будущность Чикаго и вышелъ изъ собранія вполнѣ довольный.

— Начало сдѣлано, а конецъ самъ придетъ!—весело говорилъ онъ своему пріятелю Рыбакову, направляясь домой.

— Много же деньжатъ вы заработаете!—не безъ зависти промолвилъ Рыбаковъ.

— Небойсь и вамъ останется!—захохоталъ Колосовъ.

— Наше дѣло маленькое. Развѣ какіе-нибудь подряды.

— Ну, вы, батенька, и изъ маленькаго большое сдѣлаете; охулки на руки не положите, такъ что ли? Однако мы, не убивши еще медвѣдя, шкуру дѣлимъ. Вѣдь надо много еще хлопотать, пока мамзель концессія будетъ у насъ за пазухой!—смѣялся Колосовъ.—Теперь надо держать ухо востро, ахъ, востро. Того и гляди перебьютъ—вѣдь завидущихъ ртовъ не мало и у насъ въ благословенномъ градѣ! Ну, до свиданія, вечеромъ ужо зайдите, чаю напьемся, а послѣ поужинаемъ. Кое-кто будетъ. Будемъ заниматься обсужденіемъ вопроса негласно.

Колосовъ вошелъ въ свой кабинетъ и былъ въ томъ веселомъ настроеніи, когда человѣку—даже и солидному—хочется выкинуть какую-нибудь несообразную штуку. Онъ посвисталъ, запѣлъ мотивъ изъ «Прекрасной Елены»: «Вотъ, напримѣръ, моя мамаша...» и подошелъ къ большой картѣ Россіи.

— Вотъ какъ, Александръ Андреевичъ, ты получишь концессію на соединеніе будущаго Чикаго-Грязнополья съ будущимъ Нью-Іоркомъ-Тараканью, то у тебя тысячъ этакъ сотни съ двѣ и останется въ карманѣ. А строить... Богъ съ ней, съ постройкой. Лучше перепродать эту-самую постройку — пусть другой соединяетъ Чикаго съ Нью-Іоркомъ и наслаждается барышами... Да-съ! Вотъ и сразу можно зашибить копейку, коли не прозѣваешь, а тамъ послѣ, когда ни Чикаго, ни Нью-Іорка изъ нашихъ Палестинъ не выйдетъ, мнѣ-то какое дѣло. Я и въ настоящій Чикаго тогда могу поѣхать. Развѣ не такъ, достопочтен-

ный Александръ Андреевичъ?—игриво бесѣдовалъ самъ съ собою Колосовъ.—Эй, Гриша!—крикнулъ онъ весело.

— Ну, братъ Гриша, скажи мнѣ, кто ты такой?—обратился онъ къ вошедшему Гришѣ.

— Камердинеръ вашего превосходительства!

— Отлично. А хочешь быть чѣмъ-нибудь повыше камердинера?

— Мнѣ и такъ-съ хорошо.

— Не ври! Хочешь ли, говорю, денежки имѣть, а?

— Какъ же не хотѣть?

— И слюнки потекли! Ишь, бестія. Видно, любишь металлъ!

— Нельзя его и не любить, Александръ Андреевичъ, хе-хе-хе! Съ металломъ изъ меня человѣкъ вышелъ, а безъ металла что?—одно названіе!

— Ну, такъ будетъ у тебя и металлъ, если вотъ одно дѣло кончится благополучно. Ты въ церковь ходишь?

— Какъ же-съ, хожу.

— Молись, братъ Гриша, крѣпко молись, чтобы дѣло это устроилось; тогда дамъ я тебѣ въ награду за твою службу средство имѣть металлъ. Не раскисай заранѣе, не раскисай, успѣешь еще, Гриша, раскиснуть! Не благодари, а помалчивай. Что, барыня дома?

— Сейчасъ изволили вернуться!

— Однѣ?

— Однѣ-съ.

— Хорошо. Къ завтрашнему вечеру будь готовъ; мы ѣдемъ въ Петербургъ. Фракъ и мундиръ, и все, что надо, не забудь. Путешествіе съ парадомъ. Понялъ?

— Понялъ-съ.

— Ѣдемъ металлы извлекать. Ну, ступай, да не облизывайся. Подумаютъ, что ты угорѣлъ отъ радости.

Гриша вышелъ, а Александръ Андреевичъ, весело посвистывая, пошелъ къ Надеждѣ Алексѣевнѣ.

— Здорово, Надя! Каталась?

— Да, каталась.

— Хотѣла бы еще, Надя, прокатиться, только еще подальше, а?

— Что ты сегодня загадками говоришь. Куда это?

— Туда, гдѣ звѣзды ясно блещутъ, и гдѣ умному человѣку иногда весьма тепло бываетъ. Въ Петербургъ, Надя.

— Въ Петербургъ? Это зачѣмъ?

— А затѣмъ, Надя, что надоѣло мнѣ вертѣться между Сциллой и Харибдой,—ты спроси у Айканова, онъ объяснитъ тебѣ, что̀ такое Сцилла и Харибда,—и хочется мнѣ сразу, знаешь ли, пріобрѣсти независимость и, разумѣется, состояніе, такъ какъ первое безъ второго то же, что̀ рыба безъ воды.

— Опять новыя затѣи, проекты какіе-нибудь?—недовѣрчиво замѣтила Колосова.

— Какіе проекты? Довольно ихъ. Теперь, Надя, не проекты, а цѣлая концессія въ виду! Понимаешь ли? Очень ужъ концессію получить захотѣлось—очень, Надя, голубушка, захотѣлось!

— Я-то тутъ при чемъ? Зачѣмъ же мнѣ ѣхать?

— Да ты, Надя, младенецъ, что ли? Развѣ ты не прекрасная моя Елена и не вѣрнѣйшій мой другъ? Развѣ безъ тебя я что-нибудь сдѣлаю, и развѣ въ мірѣ что-нибудь дѣлается безъ хорошенькихъ женщинъ? Вѣдь ты не откажешь пособить своему мужу? Мы и Айканова возьмемъ съ собой. Онъ никогда не бывалъ въ столицѣ,—посмотритъ, кстати ты ему поможешь; вмѣстѣ и скучать веселѣй.

— Александръ! Опять ты та̀къ говоришь!

— Какъ та̀къ говоришь! Я говорю прямо. Мы вѣдь не дѣти, чтобы намъ съ тобой въ прятки играть. Жизнь сложилась такой колеей, что изъ нея не выйдешь, да и не къ чему. Я тебя не стѣсняю̀, не стѣсняй и ты; я тебѣ уступаю, уступи и ты; мы оба нужны другъ другу, и слѣдовательно...

— Господи! За что̀ Ты меня наказалъ?—тихо проговорила Надежда Алексѣевна, готовая заплакать.

— Полно, Надя, право, полно! Ужасно, какъ у тебя нервы слабы. Впрочемъ, я надѣюсь, со временемъ нервы твои окрѣпнутъ, и ты перестанешь ныть и съ даннымъ положеніемъ свыкнешься. А главное, вѣдь ты сама, Надя, знаешь, что какъ ты тамъ ни плачь, а дѣла не поправишь,—натура у тебя не такая, ну и привыкла, чтобы бискъ былъ и разныя дантели, значитъ нервничать лишнее. Мы вѣдь давно заключили конвенцію, по которой...

— Знаю, знаю! не говори дальше!—умоляла жена.

— А знаешь—и слава Богу. Такъ утри свои глазки,—ей-Богу, ты гораздо пикантнѣе, когда не плачешь!—и слушай: завтра надо ѣхать въ Петербургъ; ты возьми съ

собой туалетъ; чего не хватитъ, сдѣлаемъ въ Петербургѣ у Изамбаръ. Вотъ на расходы возьми тысячу рублей, да Айканова сегодня же предупреди. Если нужно, дай ему денегъ на дорогу.

— Александръ, замолчи! Не говори со мною такимъ тономъ. Иначе я, право, не поѣду.

— Ребенокъ! На что же онъ поѣдетъ, если у него нѣтъ денегъ?

— Отъ тебя онъ не возьметъ, онъ на свои поѣдетъ!

— Есть свои—отлично, а нѣтъ—ты дай, значитъ, возьметъ не отъ меня, а отъ тебя! Церемоніи между нами, право, лишнія. Такъ къ завтрашнему дню ты будь готова. Будешь?

— Буду.

— Вотъ и умница. Нечего, Надя, хмуриться. Если вездѣ искать драму, то, право, на свѣтѣ жить было бы невозможно. Могъ бы я (вѣдь, кажется, могъ бы?) драматическія представленія изъ своего положенія устраивать, но я этого не дѣлаю, а почему?—потому, Надя, что я болѣе склоненъ къ водевилю. Большихъ скандаловъ я врагъ. Иначе и мнѣ бы пришлось Айканова застрѣлить на дуэли, самому зарѣзаться, а тебя оставить одну безъ бисковъ и дантелей безутѣшной вдовой. Натурально, я этого не сдѣлаю. Пусть себѣ Айкановъ живетъ на здоровье, но дай жить и мнѣ; я не хмурюсь, не ною, не ной и ты, а признай вполнѣ statu quo, не нарушай конвенціи и собирайся ѣхать. Развѣ это не такъ?

При этихъ словахъ онъ звонко поцѣловалъ свою жену въ полныя губы, примолвивъ: «Ты, братъ, еще такая красавица, что цѣлыхъ двѣ концессіи мы съ тобой получимъ!»—не безъ игривости потрогалъ Надежду Алексѣевну за талію и вышелъ изъ ея комнаты, сдѣлавъ рукой прощальный жестъ.

Опять — какъ и всегда послѣ подобныхъ сценъ — Надежда Алексѣевна погоревала, поплакала, потомъ успокоилась, кликнула Дашу и приказала ей укладываться и попросить Айканова.

LIII.

Когда Филатъ доложилъ Николаю Николаевичу о пріѣздѣ Колосова, Стрекаловъ даже привскочилъ отъ удивленія.

— Ты говоришь, Колосовъ?—переспросилъ онъ.

— Точно такъ-съ, Александръ Андреевичъ Колосовъ

— Чего ему нужно?—недоумѣвалъ Николай Николаевичъ.—Проси въ кабинетъ!

Черезъ нѣсколько минутъ Колосовъ входилъ въ кабинетъ Николая Николаевича, привѣтливо кланяясь.

— Здравствуйте, батюшка, Николай Николаевичъ. Какъ можете? Всѣ ли у васъ въ добромъ здоровьѣ?

— Благодарю васъ, Александръ Андреевичъ, слава Богу. Садитесь, пожалуйста.

— Сяду, вотъ сюда, къ столу, сяду. Экій у васъ, батюшка, кабинетъ славный какой!—добродушно говорилъ Александръ Андреевичъ, закуривая сигару.—Тепло такъ и привольно. Такой именно кабинетъ, въ которомъ и о дѣлѣ поговорить пріятно. Я, знаете ли, имѣю вамъ сообщить нѣчто интересное...

— Что̀ такое?

— Вы, вѣрно, слышали, Николай Николаевичъ, что земство уполномочило меня ѣхать въ Петербургъ хлопотать о концессіи на Грязнопольско-Тараканьевскую линію. Линія, какъ вы сами, вѣроятно, изволите знать, довольно длинненькая.

— Развѣ дѣло это покончено?

— Совершенно. Не угодно ли полюбопытствовать?

И Александръ Андреевичъ не спѣша полѣзъ въ боковой карманъ своей шикарной темной жакетки, досталъ оттуда нѣсколько бумагъ и подалъ ихъ Николаю Николаевичу. Стрекаловъ внимательно прочиталъ ихъ и, возвращая обратно, замѣтилъ не безъ плохо скрытаго сожалѣнія:

— Да, дѣло обработанное...

— Именно обработанное. Вы совершенно вѣрно замѣтили, Николай Николаевичъ. Признаюсь вамъ, писавши проектъ этотъ...

— Развѣ проектъ вашъ?

— Мой, мой; знаете ли, намаралъ на досугѣ. Да-съ, набрасывая этотъ проектъ, я все поджидалъ, не представите ли вы свой,—вѣдь вамъ, людямъ дѣла, эта статья болѣе знакомая; думаю, молъ, Николай Николаевичъ и проектъ соорудитъ, и концессію получитъ, и дорогу построитъ,—ему и книги въ руки. Но только вы что-то замѣшкались, Николай Николаевичъ, а вѣдь потребность большая въ этой линіи, настоятельная, молъ, потребность. Ну, я и намаралъ, а завтра съ Богомъ и въ Питеръ—хлопотать.

— Линія, дѣйствительно, полезная, только нынче эти концессіи очень трудно устраиваются.

— Конечно, надо похлопотать. Тамъ видно будетъ, но вѣдь волка бояться—и въ лѣсъ не ходить. Только напрасно вы думаете, что трудности представятся неодолимыя. Вѣдь мемуаръ свѣтлѣйшаго князя Вяткина—вы, конечно, изволили прочесть это произведеніе искусства?—тоже имѣетъ свою валюту. И наконецъ не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Не такъ ли?—нѣжно добавилъ Колосовъ и раскатился густымъ смѣхомъ. — И черти вѣдь, по нынѣшнимъ временамъ, стали обходительнѣй, ну, и гласъ народа тоже малую значитъ толику... какъ тамъ ни говорите, а все-таки отъ земства, выборный, такъ-сказать...

— Что же, въ случаѣ успѣха, земство думаетъ и строить?

— Вотъ именно насчетъ этого обстоятельства я собственно и пріѣхалъ къ вамъ побесѣдовать...

Николай Николаевичъ подвинулся еще ближе къ Александру Андреевичу и насторожилъ уши.

— Вы, Николай Николаевичъ, человѣкъ въ этомъ дѣлѣ опытный, сами не мало на своемъ вѣку строили,—какъ бы вы посовѣтовали? Я боюсь, по силамъ ли земству задача?

— Отчего же?—какъ-то сквозь зубы процѣдилъ Стрекаловъ.

— Да оттого, что мы, земскіе люди, не особенно на этотъ счетъ основательны. Я, знаете ли, смекаю такъ: не лучше ли будетъ, получивши концессію, передать ее въ руки болѣе опытныя? Какъ полагаете вы, почтеннѣйшій Николай Николаевичъ?

У Стрекалова отъ этого неожиданнаго предложенія замерло сердце. Давнишняя его мечта, казалось, начинаетъ сбываться; вѣдь Колосовъ не для шутки пріѣхалъ къ нему,—слѣдовательно, дѣло дѣйствительно можетъ оказаться серьезнымъ. Инстинкты художника-пріобрѣтателя, на время заглохшіе, пробудились съ бо̀льшей силой.

Александръ Андреевичъ зорко наблюдалъ за собесѣдникомъ и очень хорошо понималъ, какія пріятныя мечты забродили въ головѣ «почтеннаго Николая Николаевича». «Вѣдь вонъ какъ я шельму эту развередилъ! Точно котъ крысу намѣтилъ, лишь только понюхалъ, чѣмъ концессія пахнетъ. Да, братъ, пахнетъ она весьма не вредно!»—раздумывалъ Колосовъ.

— Да-съ, Николай Николаевичъ, такъ не полагаете ли вмѣстѣ со мной и вы, что не лучше ли, въ случаѣ полученія этой, съ позволенія сказать, милой дѣвы, по добру, по здорову передать ее тому, кто эту дѣву приголубитъ настоящимъ образомъ. Къ чему земству брать на себя обузу? Точно у насъ и безъ этого дѣла мало!?

— Разумѣется. Дѣло ли это земства...

— Натурально; и зная васъ, Николай Николаевичъ, давно и уважая въ васъ—я, право, безъ комплиментовъ говорю—тѣ качества, которыя нужны руководителю такого грандіознаго предпріятія,—вѣдь линія, батюшка, въ семьсотъ двадцать верстъ...

— Нѣтъ, въ семьсотъ пятьдесятъ. Обходъ есть у Черной рѣчки,—перебилъ, оживляясь, Стрекаловъ.

— Видите, вы даже и обходы знаете. Изволили, видно, изысканія дѣлать?—улыбнулся Колосовъ.

— Посылалъ инженеровъ еще въ прошломъ году.

— Значитъ, дѣло-то и еще того чище! Такъ, зная, говорю я, ваши качества, я и подумалъ предложить вамъ получить эту концессію отъ насъ, т.-е. отъ земства, когда дѣло будетъ слажено.

— Что-жъ, я бы не прочь! — осклабился Николай Николаевичъ.

«И даже очень, другъ любезный!»—подумалъ Колосовъ.

— А выкладки, вѣроятно, вами тоже сдѣланы, Николай Николаевичъ? Быть-можетъ, послѣ изысканій, на досугѣ, и выкладками занялись?

— Все давно точно расчислено.

— И по чемъ съ версты выходило, можно полюбопытствовать?

— Тысячъ по шестидесяти.

— А сколько, примѣрно, чистаго дохода?

— Это все отъ обстоятельствъ, Александръ Андреевичъ.

— Однако?

— Право, ничего нельзя сказать вѣрнаго.

— Ну все-таки, знаете ли, приблизительно?

— Трудно предвидѣть всѣ случайности, добрѣйшій Александръ Андреевичъ.

— Разумѣется, трудно, Николай Николаевичъ, а потому я и спрашивать болѣе не стану. Дай Богъ вамъ побольше... Это мы оставимъ въ сторонѣ, а теперь приступимъ къ самому интересному... Сколько полагали бы вы возможнымъ, при условіяхъ вышеизложенныхъ, т.-е. при

концессіи по шестидесяти тысячъ съ версты, удѣлить въ пользу земства?

— Вы, Александръ Андреевичъ, слишкомъ не торопите меня. Надо, знаете ли, сообразить съ карандашомъ въ рукахъ.

— А вы, добрѣйшій, не стѣсняйтесь, соображайте, а я тѣмъ временемъ сигарку вашу выкурю; у васъ, батюшка, отличнѣйшія londres...

Стрекаловъ присѣлъ съ карандашомъ въ рукахъ и обдумывалъ, какъ бы меньше дать отступного; всѣ разсчеты давнымъ-давно имъ были сдѣланы, и карандашъ писалъ какія-то цифры болѣе для приличія. Колосовъ, потягивая съ самымъ беззаботнымъ видомъ londres, тоже, съ своей стороны, мечталъ содрать съ Николая Николаевича по возможности побольше. Такъ просидѣли оба собесѣдника молча минутъ пять. Наконецъ Николай Николаевичъ, исписавъ, удовольствія ради, не мало цифръ, проговорилъ:

— Тысячъ сто можно бы...

Колосовъ взглянулъ на Стрекалова и только подмигнулъ глазомъ, но сдѣлалъ это такъ, что Николай Николаевичъ сейчасъ же прибавилъ:

— Или полтораста!..

— Эхъ, почтеннѣйшій Николай Николаевичъ, право, досадно глядѣть, когда умные люди начинаютъ въ серьезномъ дѣлѣ шутки шутить. Вѣдь вы, разумѣется, шутите надо мною? Хоть я, по правдѣ сказать, и лыкомъ шитъ, а все же обоняніе имѣю довольно тонкое. Развѣ полтораста тысячъ—цифра?

— А что̀ же?

— Да ничего. Мечта, призракъ, вотъ что̀!

— А какая же, по вашему мнѣнію, цифра не мечта?— улыбнулся Николай Николаевичъ.

— Этакъ тысячъ пятьсотъ, вотъ это ужъ не мечта, а дѣйствительность...

Николай Николаевичъ всплеснулъ руками.

— Васъ испугала эта цифра, почтеннѣйшій Николай Николаевичъ?—замѣтилъ Колосовъ.

— Вѣдь это полмилліона! Откуда взять его?

— Будто и не откуда? Точно вы не знаете, Николай Николаевичъ, сколько обыкновенно очищается съ версты; вѣдь эту азбуку нынче всякій гимназистъ знаетъ. Я, конечно, не смѣю настаивать—быть-можетъ, вы и правы,

что взять неоткуда,—и потому постараюсь въ Петербургѣ столковаться съ людьми не столь пугливыми.

— Зачѣмъ же вы такъ торопитесь, Александръ Андреевичъ? Торопиться вообще не слѣдуетъ.

— Такъ-то такъ, но время не терпитъ.

— Но вѣдь полмилліона!..

— Вѣдь линія семьсотъ пятьдесятъ верстъ!

— На меньшую цифру вы не согласитесь?

— Ни за какія коврижки на свѣтѣ, Николай Николаевичъ!

— Что съ вами дѣлать! — весело проговорилъ Стрекаловъ.—Я согласенъ.

— Я вполнѣ былъ увѣренъ въ этомъ, Николай Николаевичъ. Вѣдь перспектива какая открывается вамъ впереди? Разумѣется, мы заключимъ контрактъ; двѣсти пятьдесятъ тысячъ въ пользу земства, а двѣсти пятьдесятъ тысячъ вы передадите мнѣ, передъ написаніемъ контракта,—однимъ словомъ, мы это дѣло оформимъ, а пока по рукамъ. Нечего и говорить, что все это останется между нами?

— Разумѣется. Какіе разговоры!

— Теперь, значитъ, остается хлопотать только.

— Какъ бы не сорвалось.

— Не сорвется... не думаю! Я это дѣло давно облюбовалъ, Николай Николаевичъ, и свѣтлѣйшій не даромъ мемуаръ написалъ: въ Петербургѣ дѣло подготовлено, почва вспахана, остается сѣять зернышки.

— Безъ разбора не сѣйте только.

— Не безпокойтесь. Я хоть и плохой сельскій хозяинъ, но теорію посѣва знаю. Въ Петербургѣ не раскидаюсь, бывалъ тамъ.

— Не ѣхать ли и мнѣ съ вами?

— Поѣдемте, веселѣй будетъ. Тамъ и покончимъ все по формѣ, чтобы никакихъ недоразумѣній не было.

— Вы ѣдете завтра?

— Завтра на вечернемъ поѣздѣ.

— А я выѣду послѣзавтра.

— Отлично! Затѣмъ до свиданія, Николай Николаевичъ!—проговорилъ Колосовъ, вставая.

— Въ Петербургѣ встрѣтимся. Я у Клея остановлюсь.

— И я тамъ же.

— Прощайте же. Я очень радъ, что мы сговорились; надѣюсь, что дѣло кончится благополучно.

— Дай-то Богъ!

Они крѣпко пожали другъ другу руки. Стрекаловъ проводилъ Александра Андреевича до самыхъ дверей, гдѣ они еще разъ простились, какъ самые задушевные пріятели.

«Наконецъ-то!—радостно вздохнулъ Стрекаловъ, входя въ кабинетъ.—Теперь, кажется, дѣло не сорвется, если Колосовъ говоритъ правду!»

И Николай Николаевичъ весело заходилъ по кабинету въ самомъ пріятномъ настроеніи духа.

LIV.

Раннимъ январскимъ утромъ, черезъ Неву, по мосткамъ ходко шелъ Черемисовъ. Морозъ стоялъ изрядный; сѣверный вѣтеръ пронизывалъ насквозь и безцеремонно рѣзалъ уши, носъ и щеки.

«Однако прохватываетъ!..»

Онъ плотнѣе застегнулъ весьма легкое для зимняго времени пальтецо и почти бѣгомъ пустился по мосткамъ.

— Экъ его понесло! Ишь какъ отъ мороза улепетываетъ, сердечный!—засмѣялись шедшіе сзади два мѣщанина въ теплыхъ шубахъ.

— Должно-быть, мазурикъ какой!

— Мазурикъ, вѣрно, и есть! Пальтецо-то вѣтромъ подбито. Бѣда, сколько нынче стало этихъ мазуриковъ.

Перейдя Неву, Черемисовъ остановился, перевелъ духъ и, не спѣша, пошелъ по Большой Дворянской улицѣ.

«То-то старуха обрадуется! Бѣдняга, вѣрно, думаетъ, что сынъ такъ и канулъ въ воду!—размышлялъ Черемисовъ.—Пожалуй, вдобавокъ, и бѣдствуетъ, а я теперь и самъ, какъ цыганъ какой!.. И съ какимъ же удовольствіемъ я напьюсь сейчасъ горячаго чаю! Экій дьявольскій холодъ»,—вздрагивалъ снова Глѣбъ.

Пройдя улицу, онъ повернулъ въ глухой Дунькинъ переулокъ и вошелъ въ ворота небольшого деревяннаго дома.

«Видно, моя старуха заспалась: шторы еще спущены. Разбужу-ка ее!»

Онъ быстро вошелъ въ знакомыя ему темныя сѣни, сразу нашелъ ощупью ручку отъ колокольчика и сильно дернулъ.

— Эка звонитъ, чортъ, какъ!—раздалось сердитое ворчанье за дверью.—Чего вамъ?—высунулась изъ-за двери нечесанная голова.

«Неужто мать со своей вѣрной Анисьей разсталась?»—подумалъ Глѣбъ, взглядывая на незнакомое лицо.

— Авдотья Степановна спитъ еще?

— Какая такая Авдотья Степановна?

— Черемисова... старушка...

— Такой не слыхала. Здѣсь живутъ чиновники.

— Чиновники? А Черемисова не живетъ?

— Никакой Черемисовой здѣсь нѣтъ! Сказано—чиновники, въ казначействѣ служатъ.

— Значитъ, мать съѣхала! Вы давно здѣсь живете?

— Да чего вы разспрашиваете? Чего вамъ надо-то?—подозрительно замѣтила кухарка.—Ишь, холодъ какой несетъ. Коли что̀ надо, ступайте къ дворнику! Нечего у чужихъ дверей стоять!—съ сердцемъ проговорила она и захлопнула двери.

— И то вѣрно!—замѣтилъ Черемисовъ, уходя вонъ.

Онъ вошелъ въ дворницкую.

— Здорово, Иванъ! Не узнали, видно?

Дворникъ недовѣрчиво поглядѣлъ на костюмъ Черемисова, сначала въ темнотѣ не узналъ бывшаго жильца, потомъ привсталъ и проговорилъ:

— Не сразу и узнаешь! Вы не г. Черемисовъ ли будете?

— Я самый. Скажите, пожалуйста, куда мать переѣхала?

— Авдотья Степановна? Да вы развѣ ничего не знаете?—съ запинкой замѣтилъ дворникъ.

— Что̀ случилось?—быстро спросилъ Глѣбъ.

— Да ужъ мѣсяца съ три будетъ, какъ Авдотья Степановна скончались, царствіе ей небесное!—перекрестился дворникъ.

— Скончалась?—сквозь зубы прошепталъ Глѣбъ, блѣднѣя.

Нѣсколько секундъ онъ простоялъ, не двигаясь съ мѣста, наконецъ присѣлъ къ столу и закрылъ лицо руками.

— Все васъ покойница поджидала!—между тѣмъ разсказывалъ дворникъ.—Очень объ васъ скучали. Бывало, на дню разъ пять за мной посылали, просили васъ разыскать. Я ходилъ въ адресный, къ знакомымъ вашимъ ходилъ, ничего не узналъ. На одни депеши сколько денегъ извели. Въ Грязнополье депеши все посылали. Такъ, не дождавшись васъ, и померли. Вещи послѣ нихъ, какія были, знакомые ваши студенты продали и похоронили вашу маменьку.

— Докторъ былъ, лѣчилъ?

— Два дохтура ходило. И утромъ, и вечеромъ. Какъ слѣдуетъ лѣчили, да ничего не могли подѣлать. Слышалъ я, будто вода маменьку одолѣла, водяная болѣзнь была.

— Ну, прощайте!—поднялся Черемисовъ.—Спасибо за хлопоты. Будутъ деньги—поблагодарю. Теперь нѣтъ.

— Не извольте безпокоиться! На добромъ словѣ спасибо!—проговорилъ дворникъ, провожая Черемисова.

Черемисовъ вышелъ изъ воротъ и машинально повернулъ направо. На него напалъ какой-то столбнякъ. Онъ безъ цѣли бродилъ по улицамъ и исколесилъ полъ-Петербурга. Наконецъ часу въ пятомъ, усталый, иззябшій и голодный, онъ очутился на Васильевскомъ островѣ. Онъ оглядѣлся и направился въ семнадцатую линію къ одному знакомому просить пристанища на ночь.

— Ивановъ дома?—спросилъ онъ, входя въ темный коридоръ, еле освѣщавшійся крошечной лампочкой.

— Господи! который это разъ на дню все Иванова спрашиваютъ. Нѣтъ здѣсь Иванова, давно нѣтъ!—отвѣчалъ изъ глубины коридора старушечій голосъ.

— Куда онъ съѣхалъ, не можете ли вы сказать, Анна Петровна?

— Да вы кто такіе?—приблизилась хозяйка, приглядываясь въ темнотѣ къ Черемисову.—Голосъ будто знакомый.

— Какъ не знакомый. Черемисова помните?

— Извините, батюшка, извините, голубчикъ, старуху; васъ-то не узнала! Вѣдь темень-то какая, а большую лампу—денегъ стоитъ! Пойдемте-ка въ комнату, вотъ сюда. Этотъ жилецъ не скоро придетъ: въ театрѣ на трубѣ играетъ... музыкантъ. Каждый день часу въ первомъ ворочается. Мы и лампу его зажжемъ.

Когда Анна Петровна зажгла лампу и увидѣла передъ собой посинѣвшаго, дрожавшаго отъ холода Черемисова въ очень старомъ платьѣ и въ легкой верхней одеждѣ, то на добродушномъ, суетливомъ лицѣ старушки выразилось неподдѣльное участіе.

— Измѣнились-то какъ вы, Глѣбъ Петровичъ! Ай, какъ измѣнились... худой стали. Вотъ сюда на диванчикъ... новенькій... лѣтомъ на Щукиномъ по случаю купила, семь рублей дала. Экіе морозы стоятъ, а дрова—страсть! Что-жъ я-то, старая дура, болтаю, а чайку-то и не предлагаю. Акулина,—кричала старушка въ кори-

доръ.—Самоварчикъ, да поскорѣй. Поворачивайся, какъ воръ на ярмаркѣ. Сейчасъ согрѣетесь чайкомъ!—суетилась Анна Петровна. — Недавно, видно, пріѣхали и маменьки не застали? Ивановъ тогда сказывалъ, что маменька ваша... Всѣ, батюшка, подъ Богомъ ходимъ, сегодня я живая тварь, а завтра?.. Что̀ дѣлать! Богъ насъ не дожидается. Онъ всегда готовъ принять насъ, готовы ли мы.

— Давно Ивановъ отъ васъ съѣхалъ, Анна Петровна?

— Мѣсяца съ два будетъ. Укатилъ, бѣдняжка, Дмитрій Дмитричъ далеко,—слышала я... За нимъ, за голубчикомъ, еще пятнадцать рублей осталось, да я только такъ, къ слову. Онъ отдастъ, коли будутъ деньги, а не отдастъ—горевать не буду. Добрый ужъ очень человѣкъ былъ. Простота. Что̀ дѣлать? И самъ не зналъ. Такъ, вдругъ, въ одну ночь собрался и уѣхалъ, мой сиротливый. И все про эти пятнадцать рублей поминалъ: вы, говоритъ, у пріятелевъ спросите, а то, говоритъ, разживусь—пришлю, и трески, говоритъ, пришлю, а самъ посмѣивается. И Никифоровъ тоже, знали чай, брунетъ такой, изъ себя страшный, словно разбойникъ. Онъ послѣдній мѣсяцъ съ Ивановымъ жилъ—тоже уѣхалъ! Да, времена пошли!—разсказывала добродушная старушка, наливая чай.—У меня теперь не прежніе жильцы живутъ. Тѣ хорошіе люди были, не взыскивали; по времени, деньжонки случатся, и помогутъ старухѣ,—а теперь требовательны ужъ очень: чуть что ему не потрафишь—ну, разумѣется, у меня не заправскіе номера!—сейчасъ: я, говоритъ, васъ въ «Листкѣ» отпечатаю. А мнѣ что̀? Наплевать и на него, и на «Листокъ»! Пусть на старости лѣтъ печатаютъ старуху, коли совѣсти нѣтъ!—горячилась Анна Петровна.—А дороговизна какая стала по нонѣшнимъ временамъ! Такъ, знаете ли, и перебиваюсь изъ кулька въ рогожку. Вотъ тоже дочь схоронила съ полгода тому назадъ.

— Катя умерла?

— Умерла, голубушка, умерла. Видно, я прогнѣвила Господа! Тоже расходы были, ну, разумѣется, схоронили, какъ слѣдуетъ, крестъ на могилу справила, заняла тогда тридцать рублей и процентъ плачу. Что̀ подѣлаешь? Да кушайте-жъ, Глѣбъ Петровичъ, на здоровье. Булочку-то берите. Ишь посинѣли какъ. На дворѣ вьюга. Давайте-ка, еще стаканчикъ налью. Гдѣ вы теперь стоите?

— Гдѣ стою? — усмѣхнулся Черемисовъ. — Да нигдѣ пока не стою, Анна Петровна.

— Что̀ вы, Глѣбъ Петровичъ? Развѣ можно такъ, безъ квартиры? По такой погодѣ не только человѣкъ, а и собака имѣетъ свою квартиру.

— Еще не нанялъ.

— Что-жъ, у меня про васъ есть преотличная комната,—правда, небольшая, но зато комната во вкусѣ. Вотъ и берите. Восемь рубликовъ не дорого, а?—нерѣшительно прибавила Анна Петровна, понижая нѣсколько голосъ.

— Не въ томъ дѣло, а денегъ у меня теперь нѣтъ, Анна Петровна.

— Нашелъ, что̀ сказать! Точно мнѣ ваши деньги сейчасъ и нужны. Я, слава Богу, не безбожница! Отдадите, когда будутъ. Нешто я васъ не знаю? Слава Богу! Я не безчувственный скотъ; хотя стара, а все помню и насквозь вижу. Я не забыла, какъ вы мнѣ по времени помогали и Катю-покойницу учили. То-то дѣвочка любила васъ! Ну-ко-сь еще стаканчикъ.

Черемисовъ пожалъ руку доброй женщинѣ.

— Довольно. Я совсѣмъ согрѣлся.

— И слава Богу. А теперь пойдемте, посмотримъ вашу комнату. Ваши вещи гдѣ?

— Да тутъ, въ коридорѣ оставилъ. Чемоданъ одинъ и тотъ не великъ.

— Эхъ вы, простые мои, простые. Птицы вы небесныя!—ласково улыбаясь, проговорила старуха. — Акулинушка! Возьми-ка вотъ ихній чемоданъ, въ угольную комнату снеси. Пойдемте-ка.

Они пошли смотрѣть комнату. На порогѣ ея, держа высоко въ рукахъ свѣчку, Анна Петровна остановилась и спросила торжественнымъ голосомъ:

— Какова?

Комната была маленькая, низкая, темная, въ одно окно.

— Отличная,—улыбнулся Черемисовъ.

— А насчетъ клоповъ будьте спокойны. Ни одного клопа не увидите. Я ихъ сама не люблю. Ну, теперь отдыхайте. Акулина, принеси имъ подушку,—обратилась она къ выглядывающей изъ-за ея плеча Акулинѣ:—да наволочку надѣнь, кстати и простыньку захвати.

— Да у меня бѣлье есть.

— Есть и будетъ; потомъ сама разберу ваши вещи, что̀ нужно починю,—вѣдь вы, простые, безъ нашего глаза со-

всѣмъ голые станете. А затѣмъ отдыхайте, а я пойду. Кое-что надо поработать. Я вѣдь попрежнему все сама. Какъ еще Богъ ноги мои старыя носитъ!..

Черемисовъ легъ въ постель и, несмотря на сильное горе, отъ усталости и холода скоро заснулъ подъ теплымъ, мягкимъ одѣяломъ, даннымъ тою же доброй Анной Петровной.

LV.

Снова начались для Черемисова мытарства бѣдной жизни, поиски за работой, за кускомъ хлѣба. Цѣлую недѣлю Глѣбъ разыскивалъ своихъ старыхъ знакомыхъ и почти никого не нашелъ. Самый близкій его пріятель съ мѣсяцъ тому назадъ уѣхалъ въ Америку искать счастія, оставивъ Глѣбу письмо, въ которомъ звалъ и его туда же.

«Времена, Черемисовъ, такія,—писалось, между прочимъ, въ письмѣ: — что оставаться здѣсь нашему брату, неумѣющему пріурочить себя къ сладкому пирогу, нѣтъ никакого основанія. Лежать же на диванѣ, плевать въ потолокъ и показывать кукиши въ карманѣ (какъ ты самъ же писалъ) не приходится. А затѣмъ что̀ дѣлать? Гдѣ дѣло, о которомъ мы, бывало, спорили до слезъ, изъ-за котораго лѣзли на стѣну? Слова остались словами; кто половчѣй—повернулъ оглобли назадъ и пристроился къ пирогу, а мы, братъ, все тѣ же прохвосты безъ средствъ, безъ силы и, главное, безъ надежды. Сомнѣнія одолѣли и насъ (сознайся!), и видимъ мы, что мы — пловцы (вдобавокъ, неопытные), очутившіеся «на утломъ челнѣ среди бурнаго моря». Неужто ждать, когда безсмысленная волна смоетъ тебя, и знать, что тамъ, на берегу, глядятъ и, безсмысленно гогоча, смѣются: «Еще одного, молъ, смыло. Не суйся въ море на челнѣ пускаться, прежде построй корабль. По дѣломъ дураку!» Изъ вышеизложеннаго ты, надѣюсь, поймешь, что не ради пустой прихоти, не ради обезьянства я ѣду искать иной жизни, иного счастья въ Америкѣ; тамъ я попробую своими руками (правда, онѣ бѣлы, очень бѣлы еще, но тамъ станутъ другими!) завоевать себѣ тотъ нравственный миръ, котораго здѣсь не нашелъ. Я долго, братъ, колебался. Казалось мнѣ—по временамъ мнѣ все что-то казалось!—что не слѣдуетъ уѣзжать. Ты знаешь, я пробовалъ многое... Я четыре года учительствовалъ и перелеталъ изъ гимназіи въ гимназію въ видѣ мячика. Чего же еще ждать? Полуголодная жизнь

сзади, такая же впереди и въ концѣ концовъ какая-то пустота въ головѣ и сердцѣ. Къ этому идетъ дѣло, такъ какъ мы, братъ, дѣти переходнаго времени. Мы не баре, но и не мужики; голова работаетъ, а руки не умѣютъ. Мы и Богу свѣчку ставимъ и чорту кочергу, слѣдовательно...

. . . . . .

«Что̀ бы тамъ ни было, а все-таки ѣду. Добрые люди мнѣ дали двѣсти рублей, съ которыми я и отправляюсь. Я тебя искалъ, телеграфировалъ—и всѣ поиски были напрасны; пишу тебѣ и спрашиваю: неужто и ты, послѣ всѣхъ передрягъ, еще настолько себя обманываешь, что полагаешь еще снимать съ неба звѣзды!.. Смотри, не ошибись и не начни снимать пѣнки вмѣсто звѣздъ... Пріѣзжай-ка лучше. Я тебѣ еще напишу по пріѣздѣ и буду звать, а пока хлопочи о деньгахъ. Прощай. Что̀ будетъ впереди—не знаю, но врядъ ли я скоро вернусь».

Черемисовъ нѣсколько разъ перечиталъ это письмо и нѣсколько разъ усмѣхнулся.

«Нѣтъ, я не поѣду въ Америку! Боюсь, что и ты скоро оттуда вернешься!»—замѣтилъ онъ, тихо покачивая головой.

Самыя разнообразныя сомнѣнія грызли его; онъ находился въ томъ адскомъ состояніи, когда человѣкъ не знаетъ, что̀ съ собой дѣлать, куда себя пріурочить. Онъ чувствовалъ, что не къ чему ему себя пріурочить и что онъ, пожалуй, лишній теперь человѣкъ.

А ѣсть было надо во всякомъ случаѣ...

Цѣлыя недѣли прошли въ поискахъ за работой; уроки какъ-то не давались ему въ руки,—въ тѣ времена требовались особые аттестаты,—никакихъ занятій достать онъ не могъ: вездѣ получались вѣжливые отказы съ пожиманіемъ плечъ и замѣчанія: «отчего-де вы, кандидатъ университета, и...» Обыкновенно не доканчивали, такъ какъ суровое лицо Глѣба не располагало особенно распространяться. Пробовалъ онъ просить мѣсто учителя—и это ему не удалось: отказали, по причинамъ, объяснять которыя не сочли нужнымъ, полагая, что и безъ объясненій Черемисовъ сообразитъ, почему.

Положеніе Черемисова день ото дня становилось хуже: ѣлъ онъ впроголодь и зарабатывалъ деньги случайной работой: то знакомая барыня удѣлитъ листа два переводовъ, то переписка попадется.

А любовь его къ Ольгѣ?

Онъ уже давно раскаивался за свое признаніе, вырвавшееся такъ некстати. «Глупо, очень глупо!»—не разъ повторялъ Глѣбъ, и хоть ему и казалось, что это глупо, тѣмъ не менѣе онъ нерѣдко вспоминалъ объ этихъ «глупыхъ» минутахъ, проведенныхъ ихъ вмѣстѣ съ Ольгой, и чувствовалъ себя счастливымъ...

«А что-жъ дальше? Гдѣ исходъ? Развѣ ей можно сюда пріѣхать?—повторялъ онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ.—Развѣ я имѣю право любить, какъ любятъ другіе? Тѣ полюбятъ и скажутъ... а я развѣ смѣю сказать это? Туда же, любить!—съ усмѣшкой шепталъ онъ, вередя свое неостывшее чувство.—Ну, и люби про себя, коли не только другого, а и самъ себя прокормить еле можешь!..»

«Бросить это надо!»

Онъ долго не рѣшался писать Ольгѣ. Нѣсколько разъ онъ брался за перо, откровенно разсказывалъ, въ чемъ дѣло, и снова рвалъ.

«Къ чему вилять? Къ чему заставлять и ее ждать чего-то? Нѣтъ, лучше круто покончить!»

И онъ присѣлъ къ столу и твердой рукой написалъ слѣдующее письмо:

«Простите меня, Ольга Николаевна. Вспышку я принялъ за любовь, маленькое увлеченіе—за чувство. Я убѣдился, что не любилъ и не люблю васъ. Извините невольный обманъ. Хочется думать, что если это и будетъ тяжело для васъ, то все-жъ вы не сдѣлаетесь другою. Вѣдь жизнь одно дѣло, любовь — другое. Уважающій васъ Черемисовъ».

Онъ храбро запечаталъ письмо, храбро надписалъ адресъ, но когда вышелъ на улицу, чтобы опустить письмо, храбрость пропала, и онъ долго еще бродилъ по улицамъ, не рѣшаясь бросить письмо.

«Экой я бабой сталъ! Какія еще размышленія! Тогда вырвалась глупость, надо ее хоть исправить!» И онъ, замѣтивъ вблизи почтовый ящикъ, быстро опустилъ письмо.

— Теперь съ плечъ долой!—сказалъ онъ, пріобадривая себя.

Но молодость взяла свое. Какое-то сиротливое чувство одиночества подступило къ сердцу; ему вдругъ сдѣлалось невыносимо грустно; онъ отошелъ отъ почтоваго ящика, а слезы такъ и лились изъ глазъ.

Со времени отъѣзда Черемисова изъ Грязнополья Ольга почти не выходила изъ комнаты и зачитывалась книгами. Она сперва спокойно ждала письма отъ Глѣба, потомъ стала безпокоиться, наконецъ ею овладѣло такое нетерпѣніе, что, кажется, знай она, гдѣ онъ, она рѣшилась бы ѣхать въ Петербургъ.

Настасья Дмитріевна попрежнему была величава и холодна; о Черемисовѣ ни разу, конечно, не напоминала и искренно молила Бога, чтобы «этого негодяя постигла какая-нибудь кара». Николай Николаевичъ все время былъ въ Петербургѣ въ хлопотахъ о концессіи, а Ѳедя поступилъ въ университетъ и, сблизившись съ товарищами, почти что не бывалъ дома, къ ужасу Настасьи Дмитріевны.

Однажды вечеромъ Ольга сидѣла у себя въ комнатѣ за книгой. Но какъ она ни принуждала себя, строки прыгали передъ ея глазами, и она ничего не понимала. Ольга съ сердцемъ отбросила книгу и заходила по комнатѣ.

«Что-жъ это значитъ, наконецъ? Здоровъ ли онъ? Живъ ли, наконецъ? — мучилась Ольга.—Я подожду еще недѣлю,—рѣшила онъ наконецъ:—и если онъ не напишетъ, я поѣду сама отыскивать его!»

«А мать, а отецъ?..»

Она давно уже раздумывала надъ этимъ вопросомъ и не могла рѣшить его. Но теперь, въ виду неизвѣстности, рѣшеніе само сорвалось съ языка, и никакія препятствія не остановятъ ея. Рано или поздно это бы случилось.

Двери тихо отворились. Вошелъ Филатъ и на подносѣ подалъ письмо.

— Наконецъ-то!—вырвалось изъ ея груди.

Она нетерпѣливо разорвала конвертъ, развернула письмо, стала читать—и остолбенѣла. Лицо ея стало бѣлѣй мрамора, губы дрожали, точно въ лихорадкѣ, лицо выражало тяжелое страданіе.

«За что же, за что?»—прошептала она глухимъ голосомъ, склоняя голову.

На слѣдующій день Ольга слегла въ постель. У нея сдѣлалась нервная горячка.

LVI.

Однажды, въ зимнія сумерки, когда въ Петербургѣ начали зажигать фонари, Черемисовъ возвращался домой. Онъ быстро поднялся на лѣстницу, вошелъ въ свою ком-

пату, какъ-то порывисто сдернулъ съ себя пальто и съ сердцемъ швырнулъ на столъ шляпу.

«Опять даромъ прошлялся день!» — процѣдилъ онъ сквозь зубы, бросаясь на постель.

Онъ пріятно протянулся, расправляя иззябшіе члены, и первыя минуты наслаждался теплотой хорошо истопленной комнаты послѣ проведеннаго дня на улицѣ. Впрочемъ, скоро эти впечатлѣнія смѣнились другими: невеселыя думы лѣзли въ голову. Вспомнилъ онъ безплодные поиски за работой, вспомнилъ трудность полученія и тѣхъ денегъ, которыя онъ случайно успѣвалъ заработать, вѣчно какое-то скверное расположеніе духа, безтолково проходившіе дни за днями и впереди та же перспектива: трата жизни въ гоньбѣ за рублемъ.

Невольно подводились итоги прожитой жизни. Обманывать себя не хотѣлось. Онъ живо припомнилъ, о чемъ онъ прежде мечталъ, чего надѣялся, и горько усмѣхнулся.

«Ты мечталъ воевать съ людьми, а осужденъ на битву за кусокъ хлѣба, да и тутъ ты плохой, братъ, воинъ!» — точно поддразнивалъ его чей-то насмѣшливый голосъ.

И вся его дѣятельность съ начала до конца показалась ему такой ничтожной, такой микроскопической, что ему становилось совѣстно за тѣ минуты, въ которыя онъ, бывало, прежде считалъ себя чѣмъ-то въ родѣ бойца за правду.

«Хорошъ боецъ!—презрительно усмѣхнулся онъ, ворочаясь на постели.—Лягушка, желающая стать воломъ!» — повторялъ онъ, чувствуя, какъ тоска и злость подступали къ сердцу.

А рядомъ съ его комнатой, какъ нарочно, въ это время шли нескончаемые разговоры между сосѣдями, двумя бывшими студентами; онъ прислушался: разговаривающіе хвалили другъ друга, одинъ восхищался дѣятельностью другого и оба были довольны, что живутъ скромно, другимъ зла не дѣлаютъ, аккуратно тратятъ деньги и искренно считаютъ себя прекрасными людьми.

«И это молодежь!—подумалъ Глѣбъ, затыкая уши.— Что же съ ними будетъ въ тридцать лѣтъ, если въ двадцать они такъ собой довольны и довольны той мушиной дѣятельностью, которую они считаютъ образцомъ для другихъ?»

Глѣбъ какъ-то странно засмѣялся, обозвалъ сосѣдей «юными идіотами» и закрылъ глаза.

Нѣсколько времени онъ пролежалъ такъ, и какой-то сумбуръ лѣзъ ему въ голову: то думалось, что завтра что-то случится такое, гдѣ Глѣбъ съ охотой сложитъ свою ненужную голову; то думалось ему, что завтра надо отдать сапожнику за подметки полтора рубля, а денегъ нѣтъ, слѣдуетъ сходить на Разъѣзжую получить съ одной купчихи за уроки и, по всей вѣроятности, выдержать непріятную сцену; то казалось ему, что вотъ сейчасъ придетъ Анна Петровна и станетъ попрекать его, что онъ до сихъ поръ не заплатилъ за квартиру; то въ какомъ-то туманѣ онъ вспоминалъ отца, мать, Стрекалова, Ольгу—и наконецъ всѣ эти воспоминанія стали принимать самыя неопредѣленныя формы. И Ольга, и сапожникъ, и купчиха, и Анна Петровна — все какъ-то перемѣшалось. Глѣбъ заснулъ крѣпкимъ сномъ уставшаго человѣка.

Онъ и часу не спалъ, какъ въ комнату вошла Анна Петровна, тихо зажгла лампу и стала его будить.

— Глѣбъ Петровичъ, проснитесь! Васъ какая-то дама спрашиваетъ!—таинственнымъ шопотомъ говорила Анна Петровна.

— Дама?—спрашивалъ Черемисовъ, вскакивая съ постели, точно его облили ведромъ воды.

— Да вы чего вскочили, какъ ужаленный?—засмѣялась хозяйка.—Молоденькая и хорошенькая дама... Причешитесь-ка; ишь, у васъ окурковъ-то набросано, вѣдь стыдно гостью принять!—говорила Анна Петровна, поспѣшно приводя комнату въ порядокъ.—Да если чай будете пить, скажите...

— Чаю и сахару нѣтъ...

— Что-жъ за бѣда, вотъ-то глупости! Развѣ у меня нѣтъ? Слава Богу, не чужая я вамъ... Ну, я зову. Вы хоть бы гребнемъ-то свои космы лохматыя пригладили.

Черезъ нѣсколько минутъ отворилась дверь, и въ комнату вошла Ленормъ.

— Насилу-то я васъ отыскала!—заговорила она своимъ веселымъ, звонкимъ голосомъ.—Господи! Что съ вами сдѣлалось? Похудѣли, пожелтѣли, подурнѣли... Гдѣ прежній краснощекій Черемисовъ, котораго я знала въ Грязнопольѣ? Что съ вами, добрый мой?—спрашивала она, крѣпко пожимая обѣ его руки.

— Ничего. Что со мной дѣлается! Вы, вотъ, тоже похудѣли. Давно здѣсь?

— Недѣлю. Пріѣхала дебютировать.

— Вотъ какъ! Значитъ, съ Грязнопольемъ совсѣмъ разстались?

— Совсѣмъ! — замѣтила, краснѣя, Ленормъ и стала снимать шляпку. — Вы позволите? Я вѣдь у васъ собираюсь чай пить, если только не прогоните.

— Что вы! Я, напротивъ, радъ живого человѣка увидать. Дайте-ка шляпку, мы ее вотъ сюда, на этажерку, поставимъ, а то у меня здѣсь пыли не мало. Вы со сливками или съ лимономъ любите?

— Все равно.

— Ну, такъ пейте съ лимономъ. Сливки здѣсь не грязнопольскія.

Онъ пошелъ къ Аннѣ Петровнѣ просить ее насчетъ самовара.

— Все готово. Вотъ, глядите, и сухарики, и сливки, и лимонъ, — все какъ слѣдуетъ. Хорошо? — спрашивала Анна Петровна, не безъ гордости указывая на подносъ, на которомъ красовались завѣтная фарфоровая чашка, стаканъ, новый чайный сервизъ и маленькія салфеточки.

Ленормъ быстрымъ взглядомъ окинула комнату Черемисова; въ ней было мрачно и отдавало сыростью. Она сразу поняла, что Черемисовъ сильно нуждается.

— Сейчасъ подадутъ самоваръ. Садитесь-ка на кресло, не бойтесь, не упадетъ; наружность у этого кресла обманчива. Ну, что въ Грязнопольѣ новаго, хорошаго? — спрашивалъ Черемисовъ.

— Ничего хорошаго, ничего новаго... Люди живутъ, сплетничаютъ и...

— И полнѣютъ?

— Пожалуй...

— О Стрекаловыхъ ничего не слыхали?

— Какъ же. Онъ получилъ концессію.

— Значитъ, вполнѣ счастливъ?

— Еще бы!

— И жена его тоже?

— Они вѣдь счастіе дѣлятъ вмѣстѣ! — засмѣялась Ленормъ.

— А что Ольга Николаевна?

— Вы развѣ ничего не знаете?

— Нѣтъ, ничего не знаю. Откуда мнѣ знать!

— Ольга была очень больна...

— Что съ ней?

— Была горячка...

— А теперь?—быстро перебилъ Глѣбъ.

— Теперь поправляется. Бѣдняжка чуть не умерла...

— Давно заболѣла?

— Мѣсяца два тому назадъ. Я слышала, она вдругъ слегла. Лучшіе доктора были..

Черемисовъ замолчалъ. Молчала и Ленормъ. Наконецъ она сказала:

— Глѣбъ Петровичъ, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ въ качествѣ... ну, хоть въ качествѣ пріятеля, искренно къ вамъ расположеннаго.

— Дѣлайте.

— Вѣдь вы любите Ольгу?

— Ну?—сурово замѣтилъ Черемисовъ, нахмуриваясь.

— И она любитъ васъ, я это знаю...

— Что же дальше?

— Какъ что? Счастье...

— Не жирно ли будетъ? Вы, вотъ, займитесь-ка чаемъ. Полюбуйтесь, какая у меня чудная хозяйка!—замѣтилъ Глѣбъ, указывая на поданный кухаркою чайный приборъ.

Ленормъ стала разливать чай.

— Такъ отчего же это, какъ вы говорите, жирно будетъ?

— Да такъ, не къ лицу. Я, какъ вы, вѣрно, успѣли замѣтить, живу впроголодь и не только не могу жену содержать, но и себя-то съ трудомъ прокармливаю. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, гдѣ придется очутиться завтра—я не знаю, и слѣдовательно...

— Слѣдовательно, — перебила Ленормъ: — вы разсуждаете, а не любите. Да развѣ любящей женщинѣ лишенія въ тягость? Развѣ она съ радостью не пойдетъ всюду за любимымъ человѣкомъ? Вы думаете, что я, напримѣръ, хоть и люблю роскошь... впрочемъ, къ чему я о себѣ говорю?—какъ-то грустно-шутливо замѣтила Ленормъ.—Вы думаете, что Ольга не перенесетъ лишеній? Ради васъ она все перенесетъ. Въ васъ эгоистъ говоритъ, и вы ее не любите.

— Люблю ли—знаю я. Но я не люблю себя обманывать. Лишенія лишеніямъ рознь; я знаю, что дѣлаетъ жизнь съ людьми, если за квартиру заплатить нечѣмъ, и понимаю, что не нашему брату свивать гнѣзда...

— И вы не совьете?

— Врядъ ли...

— Почему же?

— Да вы посмотрите на меня, посмотрите вокругъ... Развѣ я похожъ на птицу, свивающую гнѣзда?

— Это фразы. Неужто вы весь вѣкъ такъ проживете?

— А то какъ же?

— Нѣтъ, вы не любили еще!—какъ-то задумчиво прошептала Ленормъ.—Да, вамъ жениться не слѣдуетъ...

— И, главное, поздно, если-бъ и хотѣлъ,—усмѣхнулся Черемисовъ.

— Развѣ Ольга васъ не любитъ?

— Хуже. Я написалъ, что ее никогда не любилъ...

— Это по новому способу. Ранить человѣка такъ, изъ-за прихоти? Когда вы писали?

— Мѣсяца два тому назадъ.

— Ну да. Вѣдь она чуть-было не умерла. Горячка у нея по вашей милости была... Значитъ, вы прежде говорили, что любите?

— Говорилъ.

— Зачѣмъ же?

— Зачѣмъ?—угрюмо спросилъ Глѣбъ.—А затѣмъ, что я тоже человѣкъ; мало ли люди глупостей дѣлаютъ и говорятъ то, о чемъ надо молчать! Однако кончимъ этотъ разговоръ. Что было, то прошло. Разсказывайте о себѣ...

Ленормъ стала разсказывать о своихъ театральныхъ успѣхахъ, болтала безъ умолку и, прощаясь, взяла съ Черемисова слово быть у нея. На слѣдующій день она написала Ольгѣ длинное письмо, въ которомъ разсказывала всю правду.

LVII.

Прошло два мѣсяца.

На третій день масляницы, въ девятомъ часу утра, въ Петербургъ пришелъ обычный почтовый поѣздъ изъ Москвы. Въ числѣ пассажировъ, одной изъ первыхъ вышла изъ вагона Ольга Николаевна: она торопливо прошла дебаркадеръ, распорядилась насчетъ багажа и попросила носильщика поскорѣй нанять карету на Васильевскій островъ.

Она вышла на подъѣздъ и нетерпѣливо слѣдила глазами за носильщикомъ; казалось, каждая минута ей была дорога. Наконецъ карета была подана, чемоданъ уложенъ, она сѣла, и карета тронулась.

«Наконецъ-то!—вырвалось у нея восклицаніе, и радост-

ная улыбка освѣтила ея строгое, красивое лицо.—Только какъ же онъ тихо ѣдетъ! Ахъ, какъ тихо!»

Черезъ часъ ѣзды, казавшійся Ольгѣ вѣчностью, карета остановилась въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова; Ольга торопливо выскочила и дернула за звонокъ.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ здѣсь двадцатый номеръ квартиры?

— Во дворъ, въ третій этажъ,—замѣтилъ дворникъ.

— Не снесете ли туда мой чемоданъ?

— Отчего-жъ. Снесемъ.

— Только, пожалуйста, поскорѣй.

Ольга заплатила извозчику и быстро взбѣжала по лѣстницѣ. Двери двадцатаго номера были открыты. Въ коридорѣ было темно.

— Гдѣ-жъ хозяйка... Анна Петровна?

— А вотъ—идите прямо. Да, вотъ, онѣ сами идутъ!—прибавилъ дворникъ, низко кланяясь за щедрую плату.

— Вамъ кого?—спрашивала Анна Петровна, осматривая Ольгу.

— Черемисова... Здоровъ онъ, поправился?

— Плохъ онъ, голубушка, плохъ. Сейчасъ доктора отъ него ушли, сказывали: надежды мало... Да что это вы, Господь съ вами?

Ольга еле держалась на ногахъ. Она внезапно поблѣднѣла, и губы ея нервно вздрагивали. Анна Петровна заботливо взяла ее подъ руки и повела къ себѣ въ комнату.

— Вы чего-жъ испугались? Богъ милостивъ! Я-то, старая дура, зря болтаю. Снимите-ка шубку вашу. Вы ему сестра будете?

— Нѣтъ.

— Знакомые... пріѣзжіе... Комнату, быть-можетъ, надо?

Ольга кивнула головой.

— Комната преотличная вамъ будетъ. Какъ васъ звать?

— Ольгой Николаевной.

— Вы, Ольга Николаевна, не пугайтесь. Что дѣлать, родная моя. И мнѣ жалко-то его какъ!.. Простудился... вотъ ужъ съ мѣсяцъ, какъ пластъ лежитъ. Ходилъ, знаете ли, въ легкой одеждѣ, пальтецо легонькое, а морозы были—страсть, ну и слегъ. И все ему, простому, незадача была послѣднее время. Простъ онъ ужъ очень. Воспаленіе легкихъ, сказывали доктора. А доктора хорошіе ходятъ. Знакомый его, Крутовской, пригласилъ ихъ. Хорошіе

доктора!—разсказывала Анна Петровна, съ участіемъ глядя на разстроенное лицо Ольги.—Чайку не хотите ли, Ольга Николаевна?

— Нѣтъ, не хочу. Можно его видѣть?

— Пойдемте-ка, я посмотрю, не спитъ ли. Всю ночь, бѣдняга, не спалъ, стоналъ все тихонько. Я около сидѣла, хотя онъ и гналъ меня, да я развѣ оставлю его одного?

Ольга съ любовью глядѣла въ глаза этой доброй старушки и готова была броситься ей на шею. Анна Петровна чуть слышно отворила двери комнаты Черемисова и заглянула.

— Идите, не спитъ.

Ольга вошла въ комнату.

На кровати лежала тѣнь прежняго Черемисова,—до того измѣнила его болѣзнь: онъ осунулся, постарѣлъ, лицо вытянулось и имѣло мертвенный видъ, глаза были тусклы.

У Ольги замерло сердце.

— Глѣбъ!—вырвалось у нея, и она со слезами припала къ его рукѣ.

Черемисовъ вздрогнулъ. Въ глазахъ его блеснуло выраженіе неожиданнаго счастія.

— Ольга!.. какими судьбами?

Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, приподнялся и крѣпко поцѣловалъ ее.

Никто изъ нихъ первое время не сказалъ ни слова. Онъ снова тяжело упалъ на подушки. Она украдкой отирала обильно текущія слезы.

— Ты давно пріѣхала?

— Сегодня... сейчасъ.

Глѣбъ удивленно на нее взглянулъ.

— Я узнала, что ты боленъ и уѣхала.

— А отецъ, мать?

— Я оставила имъ письмо.

Глѣбъ протянулъ исхудалую свою руку и пожалъ Ольгину.

— А я, вотъ, совсѣмъ расклеился!—улыбнулся онъ:— простудился. Да, ты сама больна была? Мое письмо...

— Я все узнала, милый мой... все... Мы будемъ счастливы. Вѣдь ты выздоровѣешь?

— Нѣтъ, Ольга, я не выздоровлю. Сегодня мнѣ объявили приговоръ. Я умру.

Ольга въ страхѣ откинулась назадъ.

— Ты вѣдь будешь при мнѣ, да? Теперь вѣдь все равно. Спасибо, что пріѣхала.

Онъ опять замолчалъ и впалъ въ забытье. Ольга въ отчаяніи ломала руки. Черезъ нѣсколько времени онъ пришелъ въ себя и спросилъ:

— Ольга, ты здѣсь?

— Я здѣсь.

— Какая ты добрая... Да, вотъ и умирать пришлось. Червякомъ жилъ, червякомъ и умру. Ты, Ольга, пожалуй, меня за героя принимаешь? Ты жестоко ошибаешься; какой я герой?—какъ-то странно перекосилъ губы Черемисовъ.—Я не герой, а просто обыкновеннѣйшій изъ смертныхъ. Герои не такіе, Ольга, люди. Нынче времена не особенно счастливыя для героевъ. Мы, неудачники, со многимъ не можемъ примириться. Къ одному берегу не пристали, отъ другого отстали. Кто поглупѣе, тотъ думаетъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ дѣятель, оттого, что въ школѣ учитъ и наслаждается собой, не хуже Рѣчинскаго, а кто поумнѣе, тотъ видитъ, что онъ слабая тварь съ одними добрыми намѣреніями. Рядовые изъ насъ вышли бы хорошіе, если бы жизнь иначе сложилась, а то жизнь не лелѣетъ насъ.

Глѣбъ отъ долгаго разговора усталъ и закрылъ глаза.

— Ты посиди около, Ольга. Разскажи о себѣ. Разсказывай...

Ольга стала говорить о томъ, какъ она жила дома, о своихъ надеждахъ, намѣреніяхъ. Глѣбъ слушалъ и тихо пожималъ ей руку.

— Славная ты!—сказалъ онъ наконецъ.—Ты не отступишь вѣдь, нѣтъ?

— Нѣтъ!—прошептала Ольга.

Къ вечеру пришли Любомудровъ и Крутовской. «Хмурый баринъ» сумрачно усѣлся у окна, а Крутовской заговорилъ своимъ звонкимъ голосомъ:

— Ну, что, Черемисовъ, какъ дѣла?

— Плохи.

— Полно вздоръ говорить, поправитесь. Это вѣрно. А я запоздалъ сегодня. Цѣлый день статью заканчивалъ. И вышла-жъ, я вамъ скажу, хлесткая статья. Такъ я разнесъ этихъ либераловъ, что небу жарко будетъ!—разсказывалъ Крутовской, расхаживая по комнатѣ.

Онъ остался такимъ же, какимъ помнитъ его читатель, только волосы его были значительно сѣды.

— Я вамъ прочитаю завтра ее, принесу газету.

— Прочтите...

— А послѣ я примусь за концессіонеровъ; матеріалу собрано много. Раскатать ихъ и показать, что̀ это за подлецъ народъ и сколько онъ вреда дѣлаетъ, не трудно...

— А редактора не боитесь?—улыбнулся Глѣбъ.

— Наплевать.

— А пальто теплое собрались купить?

— Нѣтъ еще!—усмѣхнулся Крутовской:—да теперь и не надо: весна начинается; теперь можно нашему брату, цыгану, вздохнуть свободнѣй...

— До перваго случая,—процѣдилъ Любомудровъ.—Эхъ, господа, скверная жизнь, очень скверная...

— Ну, заскрипѣли?—сверкнулъ глазами Крутовской.—Ничего ужаснаго. Вотъ только...

Онъ не докончилъ. Глѣбъ какъ-то странно закашлялся.

Всѣ молча переглянулись и замолчали.

— Вы, Ольга, устали... Идите-ка, отдохните къ Аннѣ Петровнѣ... До свиданія, завтра увидимся,—тихо прошепталъ Черемисовъ.

Ольга крѣпко прильнула къ его лбу и тихо вышла изъ комнаты.

Прошелъ часъ. Черемисовъ какъ-то странно захрипѣлъ.

— Ну, друзья...—залепеталъ Глѣбъ.—Кажется, конецъ. Прощайте!..

Крутовской бросился къ нему. Любомудровъ сумрачно отиралъ слезы платкомъ.

Въ ночь Черемисовъ умеръ.

— Еще жертва,—угрюмо замѣтилъ хмурый баринъ:—еще порядочнымъ человѣкомъ меньше. Изъ-за чего жизнь губитъ? А, кажется, какой здоровый человѣкъ былъ!..

Крутовской не отвѣчалъ и заливался безутѣшными слезами.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ТАНЕЧКА.

I.

Профессоръ математики Алексѣй Сергѣевичъ Вощининъ, высокій, худощавый старикъ, съ гривой волнистыхъ сѣдыхъ волосъ, выбивавшихся изъ-подъ широкополой соломенной шляпы, окончилъ копаться въ саду и, поднявшись на террасу своей маленькой, спрятанной въ зелени дачи, усѣлся въ плетеное кресло у большого стола, собираясь читать только-что принесенныя почтальономъ газеты.

День стоялъ превосходный. Іюньскій зной умѣрялся близостью моря, съ котораго тянуло пріятной свѣжестью. На небѣ ни облачка. Солнце ярко и весело глядѣло сверху, заливая блескомъ небольшой садъ съ липами, березами и рябинами, окруженный со всѣхъ сторонъ густымъ сочнымъ кустарникомъ,—чистый, посыпанный пескомъ, пестрѣвшій массой цвѣтовъ въ красиво раздѣланныхъ клумбахъ. Надъ ними заботливо жужжали пчелы и весело порхали бабочки, присаживаясь на цвѣты. Въ золотистой дымкѣ воздуха кружилась мошка. Воробьи задорно чирикали, храбро подпрыгивая на ступени террасы за хлѣбными крошками. Кругомъ царила тишина.

Прежде, чѣмъ приняться за газеты, старый профессоръ поглядѣлъ и на даль тихаго моря, и на чернѣющія пятна фортовъ кронштадтскаго рейда, и на дымокъ виднѣющагося на горизонтѣ парохода, и на бѣлую ленту дороги внизу, вдоль берега, и весь этотъ давно знакомый ему пейзажъ видимо производилъ на старика тихое, радостное впечатлѣніе, словно при встрѣчѣ съ испытаннымъ старымъ другомъ.

Вощининъ любилъ эту мѣстность, эти три-четыре де-

сятка домиковъ нѣмецкой Кронштадтской колоніи, ютившихся въ садахъ, на небольшой возвышенности, надъ берегомъ Финскаго залива, въ пяти верстахъ отъ Ораніенбаума. Эта окрестность Петербурга, относительно довольно глухая, не отравленная еще желѣзной дорогой, музыкой, театромъ, многолюдствомъ, разряженными дачницами и тщеславной суетой модныхъ дачныхъ мѣстъ, нравилась Вощинину своей тишиной и близостью моря, и онъ, вотъ ужъ пятое лѣто, проводилъ въ этомъ мѣстѣ вакаціи вмѣстѣ съ Танечкой, своей единственной дочерью отъ недолгаго и не особенно счастливаго брака съ ея покойной красавицей-матерью.

Здѣсь профессоръ отдыхалъ отъ Петербурга: копался въ саду, съ любовью ухаживалъ за цвѣтами, бродилъ въ ближнемъ лѣсу, сиживалъ на берегу моря, писалъ, не торопясь, давно начатый мемуаръ о безконечно-малыхъ величинахъ, читалъ журналы и удилъ окуней на ряжахъ, забывая на все лѣто столичную сутолоку, университетскія дрязги и свой профессорскій, подчасъ тѣсный, хомутъ.

— А вѣдь хорошо!—невольно сорвалось съ губъ стараго профессора.

И на его хорошо сохранившемся лицѣ, вдумчивомъ и добромъ, опушенномъ большой сѣдой бородою, придававшей профессору видъ патріарха,—засвѣтилась тихая довольная улыбка, полная чарующей прелести кроткаго, дѣтски-наивнаго выраженія.

Онъ повернулъ голову къ открытому окну, выходившему на террасу, и громко проговорилъ:

— Не правда ли, чудный сегодня день, Танечка?

— Да, папа. Отличный день!—отвѣчалъ изъ глубины комнаты твердый молодой серебристый голосокъ.

— Что-жъ ты сидишь въ комнатѣ?

— Платье оканчиваю, папочка. Вѣдь ты обѣщалъ въ воскресенье идти со мной въ Ораніенбаумъ на музыку. Мы пойдемъ, не правда ли?—прибавила Танечка съ нѣжной ласкающей интонаціей.

— Конечно, конечно, если тебѣ хочется!—ласково отвѣчалъ старикъ и въ то же время подумалъ: «Что интереснаго находитъ Танечка на этой глупѣйшей музыкѣ?»

«А впрочемъ, ей вѣдь скучно безъ развлеченій... Молодость!»—тотчасъ же оправдалъ онъ Танечку.

— А ты что дѣлаешь, папа?

— Сейчасъ буду газеты читать.

— Смотри только, не возмущайся!

— Постараюсь, Танечка! — весело сказалъ старикъ и прибавилъ: — да что это Петра Александровича нѣтъ, Танечка?

— А не знаю.

— Ужъ не поссорились ли вы вчера?

— Я вообще не ссорюсь. Да и не изъ-за чего съ нимъ ссориться!

— Обѣщалъ быть къ часу и не пріѣхалъ. Пожалуй, и совсѣмъ не пріѣдетъ.

— Пріѣдетъ!—произнесла Танечка съ небрежной увѣренностью.

Наступило молчаніе. Старикъ сталъ-было читать телеграммы, но, не дочитавъ ихъ, снова замѣтилъ:

— А славный человѣкъ этотъ Петръ Александровичъ! Не правда ли, Танечка?

— Отличный, папочка. Такая же Эолова арфа, какъ и ты.

Въ молодомъ веселомъ голоскѣ прозвучала едва замѣтная ироническая нотка.

Но старый профессоръ этой нотки не уловилъ и оживленно продолжалъ:

— И, главное, Танечка, съ сердцемъ человѣкъ. Нѣтъ въ немъ этого противнаго нынѣшняго индифферентизма... Искорка Божія горитъ въ Петрѣ Александровичѣ и чуткая совѣсть есть. Небойсь, изъ него самодовольный ученый болванъ не вышелъ... Самомнѣніемъ онъ не грѣшитъ и своего Бога не продастъ... Это, Танечка, дорогая черта.

— Влюбленъ ты въ своего доцента!—со смѣхомъ проговорила Танечка.—Послушать тебя, такъ онъ совершенство...

— Совершенства нѣтъ, дѣвочка, а что человѣкъ онъ хорошій—это внѣ сомнѣнія. И голова свѣтлая!.. Работалъ-то онъ какъ, если бы ты знала!.. И всему обязанъ себѣ одному... Передъ нашимъ братомъ профессоромъ не юлилъ... Ни къ кому не забѣгалъ... За все это я его и люблю. И онъ насъ любитъ.

— Тебя въ особенности, папа,—вставила Танечка.

— И тебя не меньше, я думаю. Пожалуй, и больше... Какъ ты думаешь, Танечка?

— Думаю, что ты ошибаешься. Со мной онъ больше бранится, папочка, и постоянно споритъ.

— Горячій онъ, потому и споритъ. А онъ привязанъ

къ тебѣ... А ты?—неожиданно спросилъ старый профессоръ шутливымъ тономъ.

— Къ чему ты спрашиваешь? Точно не знаешь, что я очень расположена къ Петру Александровичу!—спокойно отвѣтила Танечка.

Старикъ-профессоръ сконфузился и торопливо проговорилъ:

— Къ чему спрашиваю? Такъ, къ слову пришлось, ну... ну, и спросилъ.

И онъ рѣшительно принялся за газеты.

Но читалъ онъ ихъ сегодня разсѣянно и, не докончивъ чтенія, задумался.

II.

— Ну, что новаго въ газетахъ, папочка?

Съ этими словами Танечка вошла на террасу и, приблизившись твердой, увѣренной походкой къ отцу, поцѣловала его въ лобъ.

При видѣ своей Танечки, старикъ весь просвѣтлѣлъ. Во взглядѣ его свѣтилось столько любви, восторга и умиленія, что сразу было видно, что отецъ боготворилъ свою дочь.

Она вся сіяла блескомъ молодости, свѣжести и красоты, эта невысокаго роста, отлично сложенная, съ пышными формами блондинка, лѣтъ двадцати двухъ, съ красиво посаженной головкой на молочной, словно выточенной шеѣ, съ большими сѣро-зелеными глазами и роскошными золотистыми, зачесанными назадъ волосами, вившимися на вискахъ. На ней было лѣтнее голубое платье съ прошивками на груди и рукавахъ, сквозь которыя виднѣлось ослѣпительной бѣлизны тѣло. На мизинцахъ маленькихъ холеныхъ рукъ блестѣли кольца.

Наружностью своей она нисколько не походила на отца.

У профессора было сухощавое, продолговатое, смугловатое лицо съ высокимъ лбомъ, изъ-подъ котораго кротко и вдумчиво глядѣли темные, еще сохранившіе блескъ, глаза, и вся его интеллигентная физіономія дышала выраженіемъ той одухотворенности, которая бываетъ у людей мысли.

Чѣмъ-то слишкомъ трезвымъ и житейскимъ, законченнымъ и опредѣленнымъ вѣяло, напротивъ, отъ всей крѣпкой, граціозной фигурки Танечки, отъ ея круглаго хорошенькаго личика съ родимыми пятнышками на пышныхъ

щекахъ, съ задорно приподнятымъ носомъ и алыми тонкими губами, отъ ея большихъ глазъ, ясныхъ и увѣренныхъ, во взглядѣ которыхъ свѣтился умъ практической натуры.

Она стояла передъ отцомъ свѣжая, блестящая, спокойно улыбающаяся, показывая рядъ красивыхъ мелкихъ бѣлыхъ зубовъ, видимо привыкшая, что ею любуются, и сознающая свою власть надъ любящимъ сердцемъ старика. Что-то граціозно-кошачье было и въ ея позѣ, и въ ея улыбкѣ.

— Такъ что̀ же новаго въ газетахъ, папа?—повторила она свой вопросъ.

— Да ничего новаго... Все одно и то же...

Присѣвъ къ столу, Танечка взяла газету и съ видимымъ удовольствіемъ стала читать фельетонъ. По временамъ на ея лицѣ появлялась улыбка.

— Нравится? — спросилъ профессоръ, не спускавшій глазъ съ Танечки.

— Ничего себѣ... забавно!..—отвѣтила Танечка.

— Однако я тебѣ мѣшаю... Читай, а я пойду къ себѣ... позаймусь немного и сосну часокъ передъ обѣдомъ...

И старикъ удалился, ласково погладивъ свою любимицу по ея золотистымъ волосамъ.

Оставшись одна, Танечка впилась въ фельетонъ. Веселая, довольная улыбка не сходила съ ея личика.

Въ саду раздались торопливые шаги. Танечка ихъ услыхала и отлично знала, чьи это шаги, но головы не повернула и еще болѣе углубилась въ газету.

— Здравствуйте, Татьяна Алексѣевна,—раздался около нея радостный, нѣсколько взволнованный мужской голосъ.

— Ахъ, это вы, Петръ Александровичъ?—какъ будто удивилась она.—Здравствуйте!—любезно промолвила Танечка и, отложивъ газету, протянула свою маленькую бѣлую ручку Поморцеву. Тотъ крѣпко сжалъ ее въ своей широкой, мясистой рукѣ.

Поморцевъ былъ молодой, недурной собою брюнетъ лѣтъ тридцати. Свѣжее, румяное лицо его, съ мягкими чертами, было опушено вьющейся черной бородкой. Онъ выпустилъ руку хорошенькой Танечки и смотрѣлъ на нее черезъ очки своими черными, бархатными глазами, словно очарованный. Восторгъ влюбленнаго сіялъ у него на лбу.

— Что такъ поздно?

— Задержали меня въ городѣ, Татьяна Алексѣевна! А то бы я, разумѣется, поспѣшилъ надоѣсть вамъ!—гово-

рилъ онъ мягкимъ, пріятнымъ теноркомъ, благоговѣйно любуясь Танечкой и нервно пощипывая дрожащими пальцами свою шелковистую бородку.

И, присаживаясь около Танечки, прибавилъ пониженнымъ тономъ:

— Если-бъ вы знали, какъ вамъ идетъ это платье, Татьяна Алексѣевна!

А его лицо какъ будто договаривало: «И какъ я васъ люблю, милая дѣвушка!»

— А вы думаете, я не знаю, что идетъ? Отлично знаю!—засмѣялась Танечка.

— Не сомнѣваюсь.

— А папа васъ ждалъ къ завтраку—и ужъ думалъ, что вы не пріѣдете.

— А вы, конечно, не ждали?—шутливо промолвилъ Поморцевъ.

— Конечно, нѣтъ!—отвѣтила она, вздергивая кверху капризно головку. Этотъ надменный жестъ очень шелъ къ ней.

На лицо Поморцева набѣжала тѣнь. Онъ внезапно сдѣлался мраченъ и какъ-то весь съежился. Еще вчера ему сказали, что будутъ ждать его, а сегодня... «Нѣтъ, это невозможно... надо выяснить!»—подумалъ онъ и вдругъ почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ.

А Танечка черезъ минуту уже говорила:

— Къ чему мнѣ было ждать? Я и такъ была увѣрена, что вы пріѣдете... навѣстить папу!—лукаво прибавила она.

И, словно пробуя свою власть мѣнять состояніе духа Поморцева по своему желанію,—власть, которою Танечка пользовалась широко,—она такъ ласково, такъ нѣжно взглянула на Поморцева, чуть-чуть щуря свои глаза, что Петръ Александровичъ снова просіялъ, и снова надежда согрѣла его сердце.

Онъ помолчалъ и спросилъ:

— А вы не сердитесь на меня?

— Я? За что?

— За вчерашній споръ... Я всегда наговорю лишняго.

— И не думала. Я въ эти два года нашего знакомства привыкла къ вашимъ обвиненіямъ и знаю, что вамъ во мнѣ все не нравится.

— Что вы, что вы, Татьяна Алексѣевна!

И голосъ, и лицо Поморцева протестовало противъ этихъ словъ.

Но Танечка, какъ будто не замѣчая этого, продолжала:

— Я и слишкомъ трезвая, холодная натура, я и кокетка... однимъ словомъ, я...

— Побойтесь Бога!..—воскликнулъ Поморцевъ, перебивая.—Ничего подобнаго я никогда не думалъ... Иногда, въ минуту раздраженія, срывались ѣдкія слова, но развѣ ихъ можно ставить въ упрекъ?.. Я говорилъ и повторяю опять, что вы часто клевещете на себя, представляясь не той, какая вы на самомъ дѣлѣ...

— А какая я на самомъ дѣлѣ? — спросила Танечка, поднимая на Поморцева свои ясные, большіе, улыбающіеся глаза.

Въ качествѣ влюбленнаго Поморцевъ, по отношенію къ Танечкѣ, совсѣмъ не пользовался высшимъ анализомъ и былъ слѣпъ, какъ всѣ влюбленные идеалисты, а потому восторженно прошепталъ, словно изрекая неоспоримую математическую формулу:

— Вы?.. Вы прелестное существо, лучше котораго я не видалъ, Татьяна Алексѣевна!

Танечка усмѣхнулась.

— Вотъ и пойми васъ: то—прелестное существо, то... безсердечная кокетка!

— А, кажется, понять не трудно. Какъ вы думаете, Татьяна Алексѣевна? — чуть слышно проронилъ Поморцевъ.

Отвѣта не было. Поморцевъ заволновался и совсѣмъ затеребилъ свою бородку.

«Необходимо теперь же все выяснить!» — думалъ онъ. Эта мысль не давала ему покоя и страшно пугала его. Какъ отвѣтитъ Танечка? По временамъ ему казалось, что она болѣе чѣмъ расположена къ нему; по временамъ онъ думалъ, что она къ нему равнодушна и только кокетничаетъ съ нимъ. Цѣлый годъ онъ испытываетъ подобную каторгу: то вѣритъ, то сомнѣвается. Надо покончить.

И онъ рѣшительно сказалъ.

— Пойдемте гулять, Татьяна Алексѣевна!

— Жарко!—лѣниво протянула Танечка.

— Недалеко, къ морю... Тамъ не жарко.

Въ голосѣ его звучала мольба. Лицо было серьезно.

— Пожалуй, пойдемте.

Танечка сходила за зонтикомъ, и молодые люди спустились къ дорогѣ, пересѣкли ее и пошли по густой, прохладной аллеѣ къ морю.

III.

Сперва оба молчали. Поморцевъ шелъ, низко опустивъ голову, какъ человѣкъ, подавленный думами, или подсудимый въ ожиданіи приговора. Танечка шла своей твердой, ровной походкой, чуть-чуть покачиваясь, и временами взглядывала изъ-подъ зонтика на Поморцева. Сегодня онъ былъ какой-то странный, не такой, какъ всегда. Танечка чувствовала по всему, что онъ позвалъ ее гулять для объясненія, и ждала его съ любопытствомъ. Ее интересовало, какъ онъ объяснится.

Это ожиданіе слегка взволновало и Танечку. Она стала напряженнѣе. Ясные и спокойные глаза ея оживились.

Поморцевъ поднялъ голову и взглянулъ на дѣвушку. Ея сіяющая красота словно ослѣпила его. Онъ отвернулся, стараясь пересилить овладѣвшее имъ волненіе.

— Такъ вы не понимаете, Татьяна Алексѣевна? А вѣдь, кажется, понять такъ легко!—вдругъ заговорилъ онъ и сталъ какъ-то особенно внимательно смотрѣть себѣ подъ ноги. Голосъ его слегка дрожалъ.

— Чего не понимаю?

— Что я безумно васъ люблю!—медленно, съ трудомъ выговаривая слова, произнесъ Поморцевъ, не поднимая головы.

Прошло нѣсколько мгновеній, показавшихся молодому доценту безконечными.

И наконецъ, точно поддразнивая его, Танечка сказала:

— Вы слишкомъ впечатлительны, Петръ Александровичъ, и любите страшныя слова. А я имъ не вѣрю.

Поморцевъ поднялъ голову и, недоумѣвая, смотрѣлъ на профиль Танечки. Казалось, онъ не понималъ смысла ея словъ.

А она, поникнувъ головкой, продолжала спокойно-ироническимъ тономъ:

— Вы немножко увлеклись мною... Это я знаю и этому вѣрю... А вамъ кажется, будто ужъ вы безумно любите... Это миражъ или, какъ вы выражаетесь, аффектъ, возведенный въ кубъ... Лучше останемтесь попрежнему добрыми пріятелями.

— Къ чему вы такъ говорите? Къ чему?—воскликнулъ, точно ужаленный, весь закипая, Поморцевъ.—Зачѣмъ вы рисуетесь напускнымъ скептицизмомъ? Вы, въ двадцать два года, не вѣрите въ любовь и называете ее аффектомъ?

Вы просто издѣваетесь надо мной. Какъ вамъ не стыдно, Татьяна Алексѣевна!

Поморцевъ вдругъ остановился, взялъ Танечкину руку и, придерживая ее, продолжалъ страстнымъ шопотомъ, порывисто и торопливо бросая слова, словно боясь, что не успѣетъ сказать всего, чѣмъ было переполнено его сердце:

— Слушайте, милая дѣвушка... Это не увлеченіе, не аффектъ... Я не юноша... Я провѣрялъ себя, и у меня не легкомысленный характеръ... Я люблю васъ второй годъ... За что? Почему? Я не знаю, но чувствую, что люблю, что безъ васъ жизнь теряетъ свою прелесть, и другихъ женщинъ для меня не существуетъ... Вы, одна вы, всегда и вездѣ... О васъ всѣ думы... Люблю васъ, какая вы есть... И вашъ характеръ, и ваше дьявольское спокойствіе, и ваши глаза, и ваши крошки-руки, и вашъ голосъ... Люблю и за то, что вы мучаете меня, вѣчно оставляя въ сомнѣніи... Люблю васъ всю, всю люблю съ макушки до пятокъ и не вѣрю вашему безотрадному скептицизму, вашимъ взглядамъ на жизнь... Понимаете ли, не вѣрю... Вы клевещете на себя... Вы добрая, чудная, и я не могу васъ не любить!..—говорилъ онъ, и слезы стояли у него въ глазахъ.

Нѣтъ такой женщины, которая не слушала бы съ радостнымъ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія любовнаго признанія даже отъ человѣка, къ которому равнодушна, если только онъ не очень старъ, не очень безобразенъ и не слишкомъ глупъ.

И Танечка, вся торжествующая и тронутая, съ удовольствіемъ внимала этой искренней и горячей пѣсни любви. Каждое слово Поморцева ласкало ее, пробираясь къ сердцу и волнуя молодую кровь. Глаза ея блестѣли. Она вся притихла, словно очарованная.

— Теперь вы вѣрите? Вѣрите, что я васъ безумно люблю?—допрашивалъ Поморцевъ, заглядывая Танечкѣ въ глаза.

— Вѣрю! — проронила Танечка и пожала Поморцеву руку.

— А вы? Вы любите ли меня? Хотите ли быть моей женой?

Танечка тихо высвободила свою руку изъ горячей руки Поморцева и сказала:

— Я очень расположена къ вамъ... Вы мнѣ нравитесь,

Петръ Александровичъ, но я отказываюсь отъ чести быть вашей женой.

Поморцевъ безнадежно опустилъ голову.

— Рѣшительно?—глухо промолвилъ онъ.

— Рѣшительно!—твердо отвѣтила Танечка.

Они повернули назадъ къ дому.

— Вы не сердитесь на меня, Петръ Александровичъ,— заговорила Танечка черезъ минуту, увидавъ убитое лицо Поморцева.

— За что̀ сердиться?—угрюмо вставилъ онъ.

— Надо быть благоразумнымъ...

— Еще бы!

— Подумайте: у меня ничего нѣтъ и у васъ ничего нѣтъ.

Молодой человѣкъ съ изумленіемъ взглянулъ на Танечку и, весь вспыхивая, проговорилъ:

— Какъ ничего?.. У меня уроки... Сколько угодно будетъ уроковъ, и наконецъ не вѣчно же я буду доцентомъ...

— Меня не удовлетворитъ эта сѣренькая, полубѣдная жизнь, эти вѣчныя заботы о завтрашнемъ днѣ... Довольно ихъ... Я хочу спокойной, обезпеченной жизни... Я люблю блескъ и роскошь... Вотъ какая я...

— Вы опять лжете на себя, Татьяна Алексѣевна.

— Какъ видите, не лгу! Я выйду замужъ только за богатаго человѣка!

— Даже не любя его?

— Любовь понятіе относительное... Я не такая идеалистка, какъ папа и вы!—прибавила Танечка.—Любовь проходитъ, а жизнь вся впереди...

— Да понимаете ли вы, что̀ говорите!—воскликнулъ Поморцевъ, задыхаясь.—Вы собираетесь продать себя?

— Опять страшныя слова!?—усмѣхнулась Танечка.— Я не собираюсь продавать себя, я просто благоразумно выйду замужъ.

Поморцевъ все еще не вѣрилъ. Онъ думалъ, что «прелестное существо» нарочно лжетъ, чтобы поскорѣе излѣчить его отъ любви. Онъ пристально посмотрѣлъ въ ея хорошенькое личико. Ни признака волненія. Ни черточки стыда. Оно было ясно, спокойно и увѣренно. Казалось, Танечка даже не понимала, что говоритъ безнравственныя вещи.

Поморцевъ ужаснулся отъ открытія. Тоска и злоба овла-

дѣли имъ. Онъ ненавидѣлъ и въ то же время страшно любилъ эту хорошенькую блондинку, такъ жестоко разрушившую его иллюзію.

Когда они подходили къ дому, Танечка мягко промолвила:

— Надѣюсь, Петръ Александровичъ, мы останемся друзьями? Вы не перестанете хоть изрѣдка навѣщать насъ?

— Я на-дняхъ уѣзжаю.

— Уѣзжаете?..—удивилась Танечка.

— Да, къ своимъ старикамъ, на югъ.

Старый профессоръ ждалъ молодыхъ людей на террасѣ и встрѣтилъ ихъ, веселый и радостный. Тотчасъ же сѣли обѣдать. И только за столомъ старикъ замѣтилъ, что его молодой другъ былъ мраченъ, хотя и старался скрыть это, съ какимъ-то ненатуральнымъ увлеченіемъ разсказывая профессору о новыхъ работахъ какого-то математика... Вощининъ взглянулъ на Танечку. Та, по обыкновенію, спокойно и привѣтливо исполняла обязанности хозяйки...

Вскорѣ послѣ обѣда Поморцевъ собрался уѣзжать.

— Куда вы?—удивился Вощининъ.

— Нужно, Алексѣй Сергѣичъ!

— Нужно, такъ не стану удерживать!

Поморцевъ угрюмо простился съ Танечкой и сталъ-было прощаться съ профессоромъ, но старикъ сказалъ, что проводитъ его до дороги.

Когда они вышли за калитку сада и отошли отъ дачи, старый профессоръ спросилъ:

— Говорили съ ней?

— Говорилъ.

— И что же?

— Отказала!

— Отказала? — съ горячимъ участіемъ переспросилъ профессоръ.—Ахъ, какъ жаль, голубчикъ мой, какъ мнѣ жаль... А я лелѣялъ эту мысль... Думалъ: будемъ всѣ вмѣстѣ жить... Но почему она отказала?

— Почему?.. Пусть Татьяна Алексѣевна вамъ сама лучше объяснитъ, почему!—съ сердцемъ воскликнулъ Поморцевъ.

И, вдругъ спохватившись и жалѣя старика, прибавилъ:

— Впрочемъ, нѣтъ... Лучше не спрашивайте ее, Алексѣй Сергѣичъ... Право, лучше не спрашивайте... Къ чему волновать Татьяну Алексѣевну разспросами?.. Извѣстно, отчего барышни отказываютъ нашему брату. Не любитъ!

— А мнѣ казалось, что Танечка очень расположена къ вамъ...

— Расположеніе не любовь... И мнѣ казалось... Ну, прощайте, дорогой Алексѣй Сергѣичъ... Спасибо вамъ за вашу привязанность... Мѣсяца два мы не увидимся.

— Это что значитъ?

— Завтра ѣду къ своимъ старикамъ.

Старый профессоръ горячо пожалъ руку своего молодого друга и сказалъ:

— А вы, голубчикъ, все-таки не унывайте... Еще, быть-можетъ, не все потеряно... Она передумаетъ.

— Нѣтъ, все!—безнадежно отвѣтилъ Поморцевъ.

«И для тебя она потеряна, бѣдный, славный старикъ!»—подумалъ Поморцевъ и пошелъ, не оглядываясь, по той самой дорогѣ, по которой онъ еще недавно ходилъ радостный и полный надеждъ.

IV.

Старый профессоръ все ждалъ, что Танечка скажетъ ему о предложеніи Поморцева и объяснитъ причину отказа. Ему казалось, что она была неравнодушна къ молодому человѣку и подавала ему надежды. На основаніи этихъ заключеній онъ и лелѣялъ мысль о бракѣ Танечки съ Поморцевымъ, считая Поморцева прелестнымъ человѣкомъ.

Но Танечка, по обыкновенію привѣтливая, ласковая и внимательная съ отцомъ, молчала, видимо избѣгая объясненія. Когда приходилось упоминать имя Поморцева, она говорила сочувственно, оставаясь совершенно спокойной. Крайне деликатный въ такихъ дѣлахъ, старикъ не только не спрашивалъ Танечку, но даже не позволялъ себѣ намека и дѣлалъ видъ, что считаетъ внезапный отъѣздъ Поморцева самымъ естественнымъ дѣломъ.

Тѣмъ не менѣе молчаніе Танечки сперва очень обидѣло старика. Ему было больно, что Танечка таится отъ него. Могла же она открыться ему, своему вѣрному пѣстуну и другу? Знаетъ же она, какъ горячо и безпредѣльно любитъ онъ свою Танечку, и увѣрена, что никогда онъ не станетъ насиловать выбора ея сердца. Боже сохрани!

Но любящій старикъ, всегда какъ-то умѣвшій оправдывать свою любимицу, и теперь старался объяснить ея молчаніе женской скромностью и вообще сдержаннымъ, мало экспансивнымъ характеромъ Танечки.

«Это ея интимное дѣло, о которомъ ей, вѣроятно, неловко говорить и съ отцомъ. Богъ ихъ знаетъ, этихъ женщинъ. Онѣ совсѣмъ особенныя существа!»—думалъ старый профессоръ, очень мало знавшій женщинъ, кромѣ одной — своей покойной жены, и, какъ добросовѣстный человѣкъ, не обобщавшій по одному факту своихъ понятій о женщинахъ.

Объяснить себѣ какъ-нибудь иначе молчаніе Танечки онъ не умѣлъ. Не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, подумать, что Танечка, его ненаглядная Танечка, которую онъ одинъ пѣстовалъ и лелѣялъ съ десятилѣтняго возраста, не имѣетъ довѣрія къ отцу? Онъ не заслужилъ этого. Танечка, кажется, знаетъ, что душа его открыта для нея. Онъ всегда, бывало, дѣлился съ нею впечатлѣніями, высказывалъ передъ ней свою вѣру въ людей, свои задушевныя мнѣнія, повѣрялъ свои непріятности, искалъ ея сочувствія и одобренія и даже пускался передъ ней въ философскія отвлеченія. Старикъ любилъ ихъ и былъ увѣренъ, что и Танечкѣ должно нравиться все возвышенное, хорошее и честное.

Не желая огорчать отца, Танечка внимательно иногда выслушивала старика и не всегда понимала его. Она не охотница была до отвлеченій и до серьезныхъ бесѣдъ. Окружавшая ее съ дѣтства атмосфера, споры и разговоры мало вліяли на Танечку, и она не полюбила ни серьезныхъ занятій, ни серьезнаго чтенія. Жизнь со всѣми ея прелестями болѣе занимала ее. Она окончила курсъ въ гимназіи и дальше не пошла. Отецъ, завзятый идеалистъ, въ свое время пострадавшій за свой образъ мыслей, считалъ дочь умницей и вообще образцомъ совершенства и, разъ составивши себѣ такое мнѣніе съ давнихъ поръ, продолжалъ смотрѣть на свою «дѣвочку» глазами очарованнаго отца. Онъ страстно любилъ ее, никогда не анализируя, и не замѣчалъ, что то, что волнуетъ его самого, оставляетъ ее равнодушной и безучастной. Увлеченный, онъ часто не замѣчалъ, что Танечка подавляетъ зѣвоту, слушая отцовскія теоріи, стараясь свести разговоръ на болѣе низменную почву. Это было какое-то ослѣпленное непониманіе. Иногда его удивляло ея равнодушіе къ жгучимъ вопросамъ, ея скептическое отношеніе къ людямъ, но онъ приписывалъ все это особому свойству ея ума, а страсть къ ея удовольствіямъ и нарядамъ— молодости. Придетъ время, и все это пройдетъ.

Самъ дитя въ практическихъ дѣлахъ, простодушный и довѣрчивый, не даромъ прозванный Танечкою Эоловой арфой, старый профессоръ тѣмъ болѣе удивлялся и приходилъ въ восторгъ отъ трезваго, практическаго ума молодой дѣвушки. Она рѣдко ошибалась въ людяхъ и довольно тонко умѣла опредѣлять отношенія. Наблюдательная и не особенно словоохотливая, Танечка отлично подмѣчала слабыя и смѣшныя стороны людей и, когда отецъ, бывало, принимался кого-нибудь хвалить, она подчеркивала недостатки. Отецъ горячо спорилъ. Дочь никогда не спорила,—она только констатировала, какъ она выражалась, слегка подтрунивая надъ увлеченіемъ отца. Это были діаметрально противоположныя натуры.

Весь домъ былъ у нея на рукахъ. Танечка распоряжалась всѣмъ, вела хозяйство въ образцовомъ порядкѣ, сама заказывала платье отцу, оплачивала счеты его сапожника и выдавала профессору карманныя деньги. Прежде, бывало, ему не хватало жалованья,—онъ какъ-то ухитрялся раздавать деньги; но съ тѣхъ поръ, какъ Танечка, по окончаніи курса, взяла бразды правленія въ свои умѣлыя ручки, все пошло иначе. Имъ хватало на все, и Танечка всегда хорошо одѣвалась. Она постепенно отучила старика отъ раздачи денегъ.

— Нельзя же помогать всѣмъ бѣднымъ студентамъ, когда самимъ едва хватаетъ. Мы совсѣмъ не богаты, папочка!

Такъ говорила Танечка, ласково улыбаясь своими ясными глазами, и отецъ невольно подчинялся ея неотразимымъ доводамъ.

Она пользовалась полной самостоятельностью и имѣла своихъ знакомыхъ. Знакомые отца не удовлетворяли ее. Эти старые профессора и увлекающіеся студенты ей были скучны, какъ и ихъ бесѣды. Ее тянуло къ другимъ людямъ, и дома ей не сидѣлось. Когда профессоръ бывалъ на лекціяхъ, она бывала въ гостяхъ или бѣгала по магазинамъ, возвращаясь къ обѣду домой, чтобъ отцу не было скучно обѣдать одному. Разъ въ недѣлю они вмѣстѣ съ отцомъ ходили въ оперу. Остальные вечера Танечка бывала или въ театрѣ, или у своихъ знакомыхъ. Самъ отецъ всегда предлагалъ ей развлечься.

«Она молода!—думалъ старикъ.—Со мною вдвоемъ коротать вечера ей скучно!»

Но, случалось, онъ сожалѣлъ, что ему приходится по

вечерамъ одному наслаждаться чтеніемъ многихъ прекрасныхъ вещей, и что Танечки нѣтъ тутъ подлѣ. Оживленная и нарядная, Танечка возвращалась изъ гостей, цѣловала отца и, присаживаясь, передавала свои впечатлѣнія,—и старикъ забывалъ все, слушая остроумную, спокойно насмѣшливую болтовню Танечки о разныхъ лицахъ, и весело смѣялся, съ восторгомъ любуясь своей умной «дѣвочкой».

V.

Лѣто кончилось. Стоялъ конецъ августа, ненастный и дождливый. Вощинины собирались переѣзжать въ городъ.

Старикъ сидѣлъ какъ-то вечеромъ въ кабинетѣ за книгой. Танечки не было дома. Она послѣ обѣда ушла въ гости къ однимъ дачникамъ, съ которыми познакомилась лѣтомъ. Не нравились профессору эти новые знакомые—Искерскіе, совсѣмъ не ихъ круга, совсѣмъ другихъ взглядовъ и привычекъ, праздные, богатые люди, жившіе въ недалекомъ сосѣдствѣ, въ собственной роскошной дачѣ-особнякѣ. Особенно не нравился Алексѣю Сергѣевичу братъ Искерскаго, господинъ лѣтъ за сорокъ, помятый, старѣющій франтъ, изрекавшій съ необыкновеннымъ апломбомъ разныя пошлости въ современномъ вкусѣ. Онъ видимо щеголялъ и своими взглядами, и своими изысканными манерами, и своимъ фатовствомъ, и произвелъ на стараго профессора отвратительное впечатлѣніе.

Вощининъ отдалъ Искерскимъ визитъ и больше не бывалъ у нихъ, но Танечка въ послѣднее время часто навѣщала Искерскихъ; гуляла съ ними, каталась въ ихъ экипажѣ, бывала вмѣстѣ на музыкѣ въ Ораніенбаумѣ.

Старику это казалось страннымъ, но онъ, по обыкновенію, ничего Танечкѣ не говорилъ.

Онъ взглянулъ на часы. Скоро восемь часовъ.

— Вѣрно, Танечка къ чаю вернется!—проговорилъ старый профессоръ.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ внизу раздался голосъ Танечки, и вслѣдъ затѣмъ на лѣстницѣ послышались ея шаги.

Она вошла въ кабинетъ. Старикъ отложилъ книгу и радостно взглянулъ на дочь.

— Папочка! Я пришла тебѣ сообщить очень важную вещь!—проговорила она необыкновенно серьезнымъ тономъ.

— Что̀ такое, моя родная?.. Какая такая важная вещь?

— Сейчасъ Николай Николаичъ Искерскій сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

— И ты, конечно, отказала этому шуту гороховому, моя дѣвочка?—смѣясь, отвѣтилъ старикъ.

— Нѣтъ, папа. Я приняла его предложеніе! — чуть слышно, но твердо произнесла Танечка.

Старикъ, казалось, не разслышалъ. Онъ во всѣ глаза смотрѣлъ на Танечку. Лицо его выражало испугъ и изумленіе.

— Что̀ ты сказала, Танечка?—переспросилъ онъ.

— Я сказала, что приняла предложеніе.

— Тебѣ понравился Искерскій... этотъ...

Онъ не досказалъ фразы.

— Неужели это правда, Танечка? Неужели ты предпочла его Петру Александровичу?

— У Поморцева ничего нѣтъ. Чѣмъ бы мы жили?

Старикъ слушалъ, пораженный и подавленный. Слова ея точно молотомъ ударяли его по головѣ и разрывали бѣдное любящее сердце.

— А этотъ... господинъ Искерскій очень богатъ? — глухо, съ видимымъ страданіемъ, произнесъ старикъ.— Ты, слѣдовательно, собираешься выйти замужъ по разсчету. Вѣдь не могла же ты полюбить такого человѣка... Или полюбила?—ядовито прибавилъ онъ.

— Я его не люблю, но... но онъ не хуже другихъ. Онъ вовсе не такой дурной человѣкъ, какъ ты думаешь, папа... Не всѣмъ же имѣть одинаковые взгляды съ тобой.

Старикъ все ниже и ниже опускалъ свою сѣдую львиную голову, словно подъ бременемъ позора.

— Танечка, Танечка! — вдругъ воскликнулъ онъ, и въ старческомъ его голосѣ стояли рыданія:—вѣдь ты пошутила, моя голубка... Да? Вѣдь ты шутишь, не правда ли?.. Вѣдь ты не сдѣлаешь такой гадости... Ты вѣдь не такая испорченная, моя дѣвочка...

Танечка хранила молчаніе.

Отецъ взглянулъ на ея красивое личико, взглянулъ въ ея ясные, слишкомъ ясные глаза и вдругъ вспомнилъ свою покойную красавицу-жену.

«Такая же! Такая же!»—пронеслось у него въ головѣ и словно озарило ее неожиданнымъ открытіемъ. Гнетущая скорбь охватила его всего. Скорбь и презрѣніе. Ему вдругъ показалось, что передъ нимъ не его любимая взлелѣян-

ная дѣвочка, не его славная, честная Танечка, а какая-то другая, чужая, злая дѣвушка, которая пришла оскорбить его самыя лучшія вѣрованія, осквернить самую чистую любовь.

И онъ совсѣмъ опустилъ свою голову. Ему было стыдно и больно взглянуть на дочь.

Нѣсколько мгновеній царило молчаніе. Старикъ точно окаменѣлъ въ своемъ креслѣ.

— Такъ что же, папа, ты согласенъ? Можетъ Николай Николаевичъ просить твоего согласія?—спросила Танечка.

— Дѣлайте, какъ знаете!—прошепталъ онъ.

Танечка ушла. Старикъ еще долго сидѣлъ въ креслѣ, неподвижный, переживая свое горе. Стаканъ съ чаемъ стоялъ не тронутый на его столѣ. Ужъ стало свѣтать, а старикъ все сидѣлъ, стараясь понять, какъ это Танечка могла такою вырости у него на глазахъ. Не онъ ли самъ виноватъ въ этомъ? Или это знаменіе времени?

По временамъ онъ прислушивался къ шороху, словно ждалъ: не придетъ ли Танечка и не скажетъ ли она, что пошутила, что хотѣла только испытать отца. Но Танечка не приходила. Старикъ чувствовалъ, что отнынѣ онъ совсѣмъ одинокъ, и скорбныя слезы незамѣтно текли изъ глазъ профессора.

ИСПОРЧЕННЫЙ ДЕНЬ.

I.

Въ этотъ ясный и солнечный декабрьскій морозный день Дмитрій Александровичъ Черенинъ, главный контролеръ крупнаго петербургскаго банка и членъ нѣсколькихъ дѣловыхъ обществъ,—въ пятомъ часу подъѣхалъ къ подъѣзду большого дома на Кирочной, необыкновенно веселый и возбужденный. Неудержимая улыбка счастія и довольства свѣтилась на его красивомъ, моложавомъ и умномъ лицѣ. Черные быстрые глаза искрились.

Онъ далъ извозчику двугривенный на чай, какъ-то особенно привѣтливо улыбнулся рыжему швейцару Егору, котораго еще вчера за что-то распекъ, и, взбѣжавъ, не переводя духа, въ четвертый этажъ, нервно и сильно надавилъ пуговку электрическаго звонка у дверей своей квартиры.

— Барыня дома?—весело спросилъ онъ, тяжело дыша, молодую горничную Пашу, сбрасывая на ея руки шубу съ заиндевѣвшимъ воротникомъ.

— Дома-съ.

— Никого нѣтъ?

— Никого.

— Отлично!

И, бросивъ на столъ мерлушечью шапку и перчатки, Черенинъ, не заходя въ кабинетъ, что̀ обыкновенно дѣлалъ, возвращаясь со службы, быстрыми и легкими шагами, слегка раскачиваясь своимъ крѣпкимъ, плотнымъ корпусомъ, направился черезъ гостиную и столовую въ комнату жены.

Въ этомъ гнѣздышкѣ, видимо свитомъ заботливой и умѣлой женской рукой, свѣтломъ, уютномъ и тепломъ, гдѣ весело потрескивали сухія дрова въ каминѣ,—на мягкомъ низенькомъ диванчикѣ сидѣла, съ книжкой журнала въ рукахъ, маленькая хорошенькая блондинка лѣтъ около

тридцати, съ пепельными волосами, гладко зачесанными назадъ и собранными въ пышныя косы. Мягкая шерстяная ткань темно-синяго платья обливала красивыя формы молодой женщины.

При появленіи изъ-за портьеры мужа, веселаго и радостнаго, и эта маленькая женщина вдругъ вся засвѣтилась радостной улыбкой, полной любви и сочувствія. Улыбалось ея миловидное личико, нѣжное и кроткое, отливавшее розоватымъ цвѣтомъ легкаго румянца, улыбались ея крупныя, сочныя алыя губы, между которыми сверкалъ ослѣпительной бѣлизной рядъ красивыхъ зубовъ, улыбались ея большіе, каріе ясные глаза, глядѣвшіе изъ-подъ густыхъ рѣсницъ съ ласковой мягкостью любящей и любимой женщины.

— Ну, поздравь, Катя, съ большой новостью!—еще на ходу проговорилъ Черенинъ, спѣша сообщить женѣ радостную вѣсть.—Я назначенъ директоромъ нашего банка.

— Ты, Митя?.. Директоромъ!—взволнованно, словно не смѣя вѣрить этому извѣстію, проронила молодая женщина, и щечки ея залились яркой краской.

— Пятнадцать тысячъ въ годъ и два процента съ чистой прибыли!—продолжалъ Черенинъ слегка приподнятымъ торжественнымъ тономъ.—Это, Катя, значитъ еще по меньшей мѣрѣ десять тысячъ!.. Контрактъ на три года...

И, присѣвши на диванъ, Черенинъ обнялъ жену и, цѣлуя ея пухлую атласную щеку, на которой чернѣло маленькое родимое пятнышко, весело промолвилъ своимъ мягкимъ, нѣсколько пѣвучимъ голосомъ:

— Ну, что, довольна, Катя, а?

Праздный вопросъ!

Она въ первую минуту совсѣмъ обомлѣла отъ радости, эта миніатюрная женщина съ большими кроткими глазами, и смотрѣла на мужа съ выраженіемъ гордости и любви. Она страстно его любила, но успѣхъ его, казалось, еще усиливалъ ея чувство уваженія и благоговѣйнаго восторга къ этому красивому, статному брюнету въ темномъ кургузомъ вестонѣ, съ кудрявой головой и большой черной бородой,—свѣжему, румяному и веселому, казавшемуся совсѣмъ молодымъ, несмотря на свои сорокъ лѣтъ.

Вмѣсто отвѣта, она обвила маленькими бѣлыми ручками шею мужа, крѣпко-крѣпко поцѣловала его и горячо промолвила:

— Я рада и за тебя и за дѣтей, голубчикъ...

— Не ожидала такого сюприза, Катя?

— Не ожидала, Митя... Вѣдь у тебя нѣтъ связей въ финансовомъ мірѣ... Нѣтъ протекціи... Одна свѣтлая голова, мой милый!

— Да, у меня бабушекъ нѣтъ!—горделиво подтвердилъ Черенинъ. — Пять тысячъ, что̀ они мнѣ платили четыре года, какъ пригласили контролеромъ, я получалъ не даромъ. Работать я умѣю и дѣло понимаю... Это всѣ въ банкѣ знаютъ... Признаться, и я не ожидалъ, что мнѣ предложатъ такое мѣсто... Мало ли на него охотниковъ среди родственниковъ финансовыхъ тузовъ! Однако наши банковые патриціи поняли, что я дѣло поведу хорошо. Этотъ милліонеръ Ковригинъ, предсѣдатель правленія, даромъ что мужикъ, а уменъ и умѣетъ оцѣнивать людей... Онъ, кажется, меня и предложилъ...

— А Крафта куда?

— Крафтъ уходитъ. Не ладилъ онъ въ послѣднее время съ нашими директорами. Рутинеръ былъ этотъ старикъ-нѣмецъ. Рутинеръ и упрямъ. И облѣнился подъ конецъ. Опочилъ на лаврахъ... Да ему что? У него двѣсти тысячъ состоянія... Онъ да старуха жена... Уѣдутъ въ свой Мекленбургъ и будутъ благоденствовать.

Черенинъ, веселый и возбужденный, передавалъ женѣ подробности сегодняшняго дня: какъ утромъ у Крафта было бурное объясненіе съ Ковригинымъ, послѣ котораго Крафтъ объявилъ, что больше служить не намѣренъ. Но эта угроза не подѣйствовала, какъ бывало въ прежнее время, и ему сказали, что его не удерживаютъ... Вскорѣ послѣ этого позвали въ правленіе его, Черенина, и предложили мѣсто Крафта... Онъ имъ поставилъ свои условія. Все было окончено въ полчаса, и онъ вышелъ оттуда директоромъ одного изъ крупныхъ банковъ. Скоро новость эта облетѣла банкъ, и всѣ его поздравляли... А помощникъ директора Линскій позеленѣлъ, бѣдный, отъ злости.

— Онъ ждалъ, что его назначатъ?

— Вѣроятно... Протекція у него большая: зять одного изъ членовъ правленія, племянникъ бывшаго министра...

— Теперь онъ, конечно, уйдетъ изъ банка?—предусмотрительно спросила жена, у которой сейчасъ же явилась мысль, что Линскій будетъ вредить мужу.

— А не знаю... Я его выживать не стану. Во всякомъ случаѣ, ему придется очень долго ждать моего мѣста,— усмѣхнулся Дмитрій Александровичъ.—Я своего мѣста

изъ рукъ не выпущу, будь покойна, Катя... Съ директорами ладить сумѣю, а, главное, дѣло понимаю лучше ихъ всѣхъ. Они это знаютъ... Да, Катя, не выпущу, пока мы не отложимъ себѣ состоянія!.. — рѣшительно прибавилъ онъ.

И словно бы желая мотивировать законность такого намѣренія, Черенинъ съ одушевленіемъ произнесъ:

— Какъ тамъ ни разсуждай теоретически о вредѣ капитала, а пока деньги, къ сожалѣнію, великая сила. Онѣ даютъ человѣку независимость. Мы и завоюемъ ее для себя и для нашихъ дѣтокъ... Жизнь не книжная теорія, и бѣдность въ наши дни порокъ! Не правда ли, моя родная?..

Маленькая женщина лишь сочувственно улыбалась въ отвѣтъ на эти здравыя рѣчи, вся переполненная счастіемъ за мужа и за дѣтей. Разумѣется, она ни разу не вспомнила теперь объ иныхъ, совсѣмъ иныхъ, горячихъ и восторженныхъ рѣчахъ своего мужа, которыя когда-то заставляли биться ея сердце и волновали все ея существо...

II.

Они заговорили о томъ, какъ устроятъ жизнь при новомъ матеріальномъ положеніи, и входили въ разныя подробности съ радостнымъ чувствомъ людей, впервые располагающихъ большими средствами. Этотъ разговоръ, видимо, доставлялъ имъ наслажденіе, какъ дѣтямъ, получившимъ необыкновенную игрушку.

Они рѣшили проживать не болѣе десяти, двѣнадцати тысячъ въ годъ. Этого за глаза достаточно, чтобы жить хорошо, конечно, не особенно роскошествуя, но и не отказывая себѣ ни въ чемъ. Остальныя деньги они будутъ откладывать, помѣщая ихъ въ солидныя бумаги. Лѣтъ черезъ десять у нихъ будетъ не менѣе полутораста тысячъ, т.-е. тысячъ девять годового дохода. А будутъ дѣла банка хороши, и процентное вознагражденіе увеличится, слѣдовательно и отложить можно болѣе. Онъ надѣется, что такъ и случится.

Квартиру они съ осени перемѣнятъ, возьмутъ побольше, такъ комнатъ въ восемь, чтобы у дѣтей была большая, свѣтлая дѣтская съ гимнастикой и отдѣльная классная комната съ раціональными столами и скамейками. Нужна тоже комната для гувернантки. Остановились на англичанкѣ рублей въ шестьсотъ, а француженка попрежнему

будетъ приходить три раза въ недѣлю для практики. Вообще на образованіе дѣтей они обратятъ особенное вниманіе и будутъ приглашать лучшихъ учителей.

— На это не слѣдуетъ жалѣть расходовъ. Ты вѣдь согласна, Катя?

— Конечно...

— Можно и лошадь свою держать,—продолжалъ Черенинъ.—Обойдемся пока одной. Купимъ фаэтонъ и сани... Ты съ дѣтьми будешь кататься, а я ѣздить на биржу... А лошадь куплю, конечно, сѣрую въ яблокахъ!—прибавилъ, улыбаясь, Дмитрій Александровичъ.

Жена его дѣйствительно когда-то мечтала о сѣрой собственной лошади и говорила объ этомъ мужу. А онъ вотъ теперь вспомнилъ!

— Милый ты мой!—шепнула Катерина Михайловна.—Надѣюсь, Митя, ты только купишь смирную?

— Еще бы! Самую смирную, чтобъ ты не трусила за дѣтей... Ну, а съ мебелью какъ? Подновить, что ли, или купить для гостиной новую?

Катерина Михайловна почему-то вспомнила, какъ еще на-дняхъ ея пріятельница-кузина, жена прокурора, хвастала своей гостиной, и нашла, что новую мебель въ гостиную не мѣшаетъ.

— А будуаръ твой, Катя, мы сдѣлаемъ весь голубой... Хорошо?

— Еще бы не хорошо... Теперь есть отличные крепоны... Спасибо тебѣ, голубчикъ...

— Надѣюсь, ты теперь не будешь скупиться на свои туалеты, Катя?

— Богъ съ ними!..

— Нѣтъ, все-таки...

— Развѣ я худо одѣваюсь?

— Напротивъ, всегда мило, но тебѣ надо сдѣлать нѣсколько шикарныхъ платьевъ. Я люблю, когда ты изящно одѣта... Вѣдь ты у меня такая хорошенькая маленькая женщина!—нѣжно прибавилъ Черенинъ, цѣлуя руку жены.

Оба продолжали весело болтать, перескакивая съ предмета на предметъ и чувствуя себя какими-то именинниками. Эти двадцать пять тысячъ содержанія словно окрасили весь міръ въ розовый цвѣтъ и словно увѣнчивали ихъ рѣдкое семейное счастіе и взаимную любовь. Несмотря на десятилѣтнее супружество, эта маленькая, хорошо сложенная блондинка съ ослѣпительно-бѣлымъ тѣломъ про-

должала быть обаятельнымъ созданіемъ въ глазахъ мужа.

И Катерина Михайловна, конечно, отлично знала это и съ тонкимъ кокетствомъ любящей женщины, понимавшей обаяніе своихъ чаръ, заботилась о томъ, чтобы продолжать нравиться мужу и быть для него не только любящей и преданной женой-другомъ, но и желанной любовницей. Всегда къ лицу одѣтая, свѣжая и миловидная, предусмотрительно заботившаяся и о своей красотѣ, и о своихъ капотахъ и щегольскихъ рубашкахъ,—она старалась быть привлекательной какъ женщина, никогда не показываясь мужу въ неряшливомъ видѣ. При этомъ она не отравляла его жизни ни ревностью, ни тиранической притязательностью, вполнѣ довѣряя мужу. И эта пара представляла собой рѣдкое олицетвореніе супружеской идилліи, подъ тихой сѣнью которой свило себѣ гнѣздо мирное эгоистическое благополучіе.

— Воображаю, какъ удивятся твои родные, Катя?— весело промолвилъ Черенинъ.

Катерина Михайловна усмѣхнулась, утвердительно кивнувъ головкой.

— Теперь они залебезятъ... а помнишь, когда мы женились и жили въ двухъ комнатахъ на Пескахъ, получая семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ? Какъ тогда каркали твои братцы и сестрицы? Какъ жалѣли тебя?.. Теперь не то будетъ... Да, успѣхъ покоряетъ людей! Теперь и твой старшій братецъ найдетъ, что я очень умный человѣкъ!— съ ироническимъ смѣхомъ заключилъ Черенинъ.

— А ты все-таки пристроишь брата Колю? Ты это сдѣлаешь для меня, Митя?

— Пристрою, но пусть подождетъ... Нельзя сразу... Неловко... Надо осмотрѣться.

— И своего брата перевелъ бы къ себѣ. Анатолій— умница... Вотъ бы на твое прежнее мѣсто контролеромъ...

— Я ужъ думалъ объ этомъ, Катя, но рѣшилъ подождать... Со временемъ все сдѣлаемъ: и Толю переведемъ, и твоего брата пристроимъ... Но пусть только твои родные не разсчитываютъ на мѣста. Нельзя же насажать ихъ всѣхъ въ банкъ и сдѣлать изъ него родственную обитель. Это было бы совсѣмъ не умно!

Сообразительная маленькая женщина согласилась съ мужемъ.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжали мальчикъ и дѣ-

вочка, оба красивые, свѣжіе и веселые, въ щеголеватыхъ костюмчикахъ. Они радостно бросились къ отцу и стали шумно его цѣловать, объясняя, что madame Durand только-что ушла, и они прибѣжали сюда.

Дмитрій Александровичъ посадилъ обоихъ къ себѣ на колѣни и, съ особенной нѣжностью глядя на нихъ, сказалъ не безъ радостнаго умиленія:

— Да, Катя... Вотъ вырастутъ наши голубчики, получатъ хорошее образованіе и не будутъ нищими... Имъ легко будетъ вступать въ жизнь.

Катерина Михайловна въ безмолвномъ восторгѣ тихо гладила руку мужа.

А девятилѣтній первенецъ Костя, бойкій, видимо избалованный мальчуганъ съ умными черными глазенками, похожій на отца, спросилъ:

— Мы развѣ могли быть нищими, папа?.. Я не хочу быть нищимъ,—прибавилъ онъ съ рѣшительнымъ видомъ.

— И я не хочу!.. Ни за что не хочу!—повторила младшая сестренка, похожая на херувима.—Нищіе такъ скверно одѣты. И имъ такъ холодно!

— И не будете, мои голубенькіе! Не будете, мои ненаглядные!—проговорила мать, и радостныя слезы показались у нея на глазахъ.

Паша доложила, что кушать подано. Всѣ перешли въ столовую. Обѣдъ прошелъ весело. Болтали и взрослые и дѣти. За жаркимъ Черенинъ приказалъ подать шампанскаго и чокался съ женой и дѣтьми, и всѣхъ перецѣловалъ.

— Развѣ сегодня именины, мама, что у насъ шампанское?—спросилъ Костя.

— Нѣтъ, не именины... Но сегодня папа получилъ новое мѣсто, на которомъ будетъ получать много-много денегъ!—весело отвѣчала Катерина Михайловна.

И дѣти, казалось, тоже прониклись важностью того, что папа будетъ получать «много-много денегъ».

III.

Вскорѣ послѣ обѣда Катерина Михайловна уѣхала. Ей ужасно хотѣлось поскорѣй сообщить новость матери и сестрамъ и похвастать передъ ними успѣхами мужа.

— Я скоро вернусь, а ты, вѣрно, подремлешь часокъ, Митя?—весело говорила она, цѣлуя мужа.

— Попробую.

Но сегодня Черенинъ рѣшительно не могъ «подремать

часокъ», что̀ дѣлалъ обыкновенно, примостившись на кушеткѣ въ комнатѣ жены. Сонъ не приходилъ. Онъ побылъ нѣсколько времени съ дѣтьми, поигралъ съ ними и, сдавъ ихъ на попеченіе няни, прошелъ въ кабинетъ.

Сперва онъ присѣлъ къ письменному столу, уставленному разными бездѣлками, среди которыхъ стояли фотографіи жены и дѣтей, и взялъ-было только-что полученный нумеръ «Revue Scientifique», но Дмитрію Александровичу не читалось и не сидѣлось на мѣстѣ. Онъ всталъ и быстрыми, нервными шагами заходилъ по комнатѣ, волнуемый роемъ радужныхъ мыслей.

«Отлично все устроилось. Отлично!»—мысленно повторялъ онъ, улыбаясь. Теперь счастіе въ рукахъ, надо только умѣть воспользоваться положеніемъ. Онъ долженъ сдѣлаться незамѣнимымъ человѣкомъ въ банкѣ и ближе сойтись съ этимъ умнымъ милліонеромъ Ковригинымъ! Это не трудно сдѣлать съ его умомъ и тактомъ. И онъ это сдѣлаетъ. Онъ будетъ главнымъ воротилою.

— Отлично... Отлично!—громко проговорилъ онъ, увлеченный мечтами.

И въ головѣ Черенина уже носились проекты новыхъ операцій и мелькали грандіозныя цифры ежегодной прибыли, два процента которой представляли собой внушительную цифру гораздо болѣе предполагаемыхъ десяти тысячъ. А черезъ нѣсколько лѣтъ—цѣлое состояніе и независимость!

Перспектива вполнѣ обезпеченной жизни безъ мелочныхъ заботъ и безъ стѣсненій изъ-за какой-нибудь сотни рублей,—жизни съ разумнымъ комфортомъ, съ удовлетвореніемъ духовныхъ потребностей развитого интеллигентнаго человѣка, вкусившаго отъ науки,—возбуждала въ Черенинѣ какое-то особенное чувство удовольствія, впервые имъ испытываемое. Слишкомъ взволнованный отъ радости, онъ не могъ сосредоточиться, и пріятныя мысли безпорядочно носились въ его головѣ. Онъ то присаживался, то снова ходилъ, то думалъ, какъ расширитъ дѣло и привлечетъ къ банку массу кліентовъ, какъ заберетъ постепенно въ руки своихъ «патриціевъ» и подтянетъ служащихъ, то покупалъ мысленно дачу, хорошенькую, уютную дачу въ Петергофѣ или въ Ораніенбаумѣ, или дарилъ женѣ изящный браслетъ, роскошную шубу изъ чернобурыхъ лисицъ и заказывалъ ей самъ тончайшія рубашки съ кружевными кокетками, то вдругъ припоминалъ, что ему

повезло въ жизни именно съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился на своей хорошенькой и доброй Катѣ и, бросивъ глупую мысль существовать одной литературой и быть человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій, хотя и съ званіемъ кандидата математическихъ наукъ, поступилъ на службу въ государственный банкъ,—какъ онъ скоро выдвинулся, благодаря своимъ способностямъ, труду и такту, и черезъ два года былъ уже инспекторомъ; какъ перешелъ оттуда въ частный банкъ, и вотъ теперь—директоръ съ большимъ содержаніемъ и членъ нѣсколькихъ обществъ, въ которыхъ внимательно слушаютъ, когда онъ тамъ говоритъ своимъ мягкимъ, убѣдительнымъ баритономъ краснорѣчиво-дѣловитыя рѣчи о торговлѣ и промышленности, о коммерческомъ флотѣ и тарифѣ.

Да, ему повезло въ жизни!

И снова радужныя мечты и надежды, чередуясь съ воспоминаніями, продолжаютъ пріятно волновать счастливаго Черенина.

Не вспоминаетъ онъ только о прежнемъ Черенинѣ, точно и его не было, когда, полный благородныхъ стремленій, молодой, смѣлый и влюбленный, онъ звалъ свою маленькую хорошенькую Катю, только-что окончившую гимназію, на служеніе ближнему, на борьбу съ невѣжествомъ, говорилъ искреннія, горячія рѣчи объ обязанности порядочнаго человѣка быть полезнымъ «младшимъ братьямъ» и рисовалъ картину ихъ будущей трудовой, скромной жизни, не похожей на жизнь «довольныхъ буржуа», живущихъ на счетъ народа.

И молодая дѣвушка трепетала отъ восторга, готовая идти за этимъ дьявольски-красивымъ брюнетомъ куда угодно, и добросовѣстно читала его политико-экономическія статьи, ратовавшія за новыя начала, громившія современный строй и банкократовъ—этихъ «общественныхъ паразитовъ», хотя и не всегда понимала эти статьи.

Онъ женился и скоро взялъ мѣсто, чтобы не писать, какъ онъ говорилъ, «изъ-подъ палки». Первое время онъ писалъ какое-то изслѣдованіе, жаловался на служебный «хомутъ», но мало-по-малу втягивался въ него и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ приносилъ жалованья, забывая въ заботахъ о собственномъ благополучіи «служеніе ближнему» и значительно понижая тонъ своихъ рѣчей. Какъ-то незамѣтно онъ сталъ солиднѣе и менѣе воспріимчивъ, все рѣже и рѣже говорилъ объ «обязанностяхъ порядочнаго

человѣка» и, занятый настоящимъ, понемногу забывалъ прошедшее.

Жизнь засасывала его безъ всякихъ душевныхъ драмъ, а напротивъ, мягко и ласково, въ счастіи семейной жизни. Прежніе друзья и пріятели разбрелись. Одни, какъ и Черенинъ, успокоились, другихъ онъ потерялъ изъ вида и забылъ о нихъ. Литературныя знакомства давно порвались.

Шли годы, и Черенинъ, попрежнему мягкій и добрый, сталъ уже скептически относиться къ возможности «служенія ближнему» и называлъ многое, чему прежде поклонялся, «симпатичными, но ребяческими иллюзіями, не имѣвшими никакихъ научныхъ основаній». И онъ сожалѣлъ «неуравновѣшенныхъ людей», оставшихся на всю жизнь «младенцами», и, почитывая въ часы досуга разныя серьезныя книги, старался находить въ нихъ подтвержденіе своего скептицизма.

Но если-бъ и тогда ему сказали, что онъ, прежній поклонникъ Маркса, авторъ горячихъ статей противъ капитализма, станетъ самъ банкократомъ и дѣльцомъ, мечтающимъ о банковыхъ операціяхъ, и будетъ водить дружбу съ Ковригиными,—Черенинъ первый разсмѣялся бы, до того подобная будущность казалась ему невѣроятной, оскорбляющей его нравственное чувство.

Все это какъ-то исчезло изъ памяти. Прежнія «заблужденія» не портили счастливаго дня своимъ напоминаніемъ.

Но судьбѣ, какъ нарочно, угодно было напомнить прошлое, напомнить совершенно неожиданно и именно въ этотъ вечеръ, когда Дмитрій Александровичъ, ничѣмъ не смущаемый, переживалъ первыя радости своего новаго положенія.

Черенинъ уже видѣлъ себя и семью на вершинѣ благополучія, какъ въ кабинетъ вошла Паша съ докладомъ, что какой-то господинъ желаетъ видѣть Дмитрія Александровича.

— Кто такой?

— Извините, запамятовала фамилію!—отвѣчала, краснѣя, Паша.

— Бывалъ у насъ?

— Нѣтъ, кажется...

— Просите сюда!—приказалъ Черенинъ и въ то же время подумалъ, что нужно нанять лакея, а то Паша довольно-таки безтолкова: или забываетъ, или перевираетъ фамиліи.

IV.

При видѣ этого приземистаго, сухощаваго господина пожилыхъ лѣтъ, съ большой рыжей бородой, начинавшей сѣдѣть, одѣтаго въ черную пару, видимо сшитую неважнымъ портнымъ,—Черенинъ въ первое мгновеніе подумалъ, что передъ нимъ искатель мѣста, провѣдавшій уже о новомъ его назначеніи, и глядѣлъ на него, не двигаясь къ нему навстрѣчу, вопросительно-серьезнымъ взглядомъ, какимъ обыкновенно глядятъ на незнакомыхъ людей.

Но господинъ съ рыжей бородой, нисколько не смущенный этимъ взглядомъ, подошелъ къ Черенину и, весело улыбаясь, протянулъ руку.

— Не узнаете, Дмитрій Александровичъ?—проговорилъ онъ все съ тою же улыбкой.—Видно, очень-таки постарѣлъ, а?..

То, что казалось давно уплывшимъ, забытымъ и словно чужимъ,—цѣлая полоса жизни: молодость съ ея горячей вѣрой въ свои силы и смѣлыми рѣшеніями труднѣйшихъ вопросовъ жизни; шумные споры въ маленькой меблированной комнатѣ, на Васильевскомъ островѣ, у этой добрѣйшей квартирной хозяйки, старушки Матрены Васильевны, всегда широко открывавшей кредитъ студентамъ и молодымъ людямъ безъ опредѣленныхъ занятій; жидкій чай съ ситникомъ и дешевая колбаса; табачный дымъ, возбужденныя лица пріятелей, собравшихся вмѣстѣ прочесть хорошую книжку или статью интереснаго писателя; толки о народѣ и обѣщанія послужить ему,—все это пронеслось въ памяти Черенина съ быстротой молніи, въ тѣ мгновенія, когда онъ всматривался въ худощавое, некрасивое, но привлекательное лицо господина съ рыжей бородой...

И этотъ высокій открытый лобъ, и длинный носъ, и непокорные вихры волнистыхъ волосъ, и особенно эти лучистые голубые глаза, большіе и добрые, точно глядѣвшіе изнутри, изъ самой души яснымъ правдивымъ взоромъ,—теперь казались Черенину хорошо знакомыми; но онъ все-таки не могъ припомнить и назвать фамилію того, кто такъ горячо пожималъ его руку, и сконфуженно недоумѣвалъ, стараясь припомнить.

— Чернопольскій! Иванъ Чернопольскій!.. Вспомнили теперь стараго пріятеля?—произнесъ гость съ веселымъ смѣхомъ и, потянувшись первымъ, троекратно облобызался съ Дмитріемъ Александровичемъ.

Иванъ Чернопольскій!?

Это имя тотчасъ же напомнило Черенину бывшаго товарища и пріятеля, этого рѣдкаго добряка, всегда за кого-нибудь хлопотавшаго, всегда готоваго уступить свой урокъ болѣе нуждавшемуся, хотя болѣе нуждаться, чѣмъ всегда нуждался бѣдный, какъ Иръ, Чернопольскій, казалось, было трудно.

— Вотъ никакъ не ожидалъ встрѣтить! Откуда? Какими судьбами?—восклицалъ Черенинъ, радостно пожимая снова руки Чернопольскаго.

Онъ искренно обрадовался и въ то же время чувствовалъ какую-то неловкость при видѣ пріятеля, напоминавшаго ему молодость.

— Но какъ же вы измѣнились! Я ни за что бы васъ не узналъ.

— Еще бы! Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ не видались... Воды-то утекло много!

— Да... много!—задумчиво повторилъ Черенинъ.

— А вы такъ мало постарѣли. Такой же молодецъ... Вотъ только брюшко какъ будто собираетесь завести!—прибавилъ, добродушно улыбаясь, Чернопольскій.

Они усѣлись и первую минуту молча оглядывали другъ друга, словно бы каждый вспоминалъ въ другомъ прошедшее и пытался угадать, что̀ съ каждымъ изъ нихъ сдѣлала жизнь въ настоящемъ.

— Ну, разсказывайте, какъ вы живете, что̀ дѣлаете, Дмитрій Александровичъ? Вѣдь я въ своей глуши ничего о васъ не знаю. Слышалъ давно еще, что вы женились...

— Какъ же, женатъ, двое дѣтей... Тяну хомутъ, какъ и всѣ... Служу...

— Служите?

— Да, въ частномъ банкѣ!—отвѣчалъ Черенинъ и почему-то умолчалъ о своемъ новомъ назначеніи.

— А литература? Развѣ не пишете? Я и то удивлялся, что ужъ давно не встрѣчаю вашего имени въ журналахъ... У васъ такія славныя были статьи!—горячо прибавилъ Чернопольскій.

— Некогда... Да и не пишется...

— Вотъ это жаль... У васъ вѣдь и талантъ былъ, и знанія были... Право, жаль.

— Такихъ талантовъ и безъ меня много...

— А все-таки... Искреннее и убѣжденное слово всегда полезно, а по нынѣшнимъ временамъ и подавно... Люди

какъ-то забывчивѣе за послѣднее время стали... и напоминать имъ объ идеалахъ—доброе дѣло!—прибавилъ горячо, застѣнчиво краснѣя, Чернопольскій.

«Такой же «младенецъ», какъ и былъ!»—подумалъ Черенинъ и, видимо не расположенный продолжать разговоръ на эту тему, спросилъ:

— Ну, а вы какъ живете?.. Какой хомутъ носите?..

— Прежде учительствовалъ, но принужденъ былъ оставить педагогію... Затѣмъ былъ бухгалтеромъ въ N—ской думѣ, а теперь вотъ уже пять лѣтъ, какъ живу въ деревнѣ.

— Помѣщикомъ?

— Ну, куда помѣщикомъ! — усмѣхнулся Чернопольскій.—Такъ, знаете ли, въ родѣ фермера скорѣй... Послѣ смерти отца мнѣ досталось шесть тысячъ, я и бросилъ бухгалтерію—скука одна съ ней, такъ, изъ-за жалованья служилъ—и купилъ клочокъ земли. Самое любезное дѣло... И какъ-то на совѣсти покойно... Живемъ себѣ, очень скромно, конечно, но вѣдь я и не привыкъ къ роскоши... Жена у меня—врачъ: мужиковъ и бабъ лѣчитъ; ну, а я, нѣкоторымъ образомъ, въ родѣ адвоката у крестьянъ. Кругомъ бѣднота, народъ темный... ну и рады, что человѣкъ совѣтъ даетъ... Мы съ мужиками ладимъ... Въ гласные меня выбрали... Трое дѣтей, ребята славные... Старшему ужъ девять лѣтъ... Сосѣди есть: порядочные люди... И духовную пищу вкушаемъ... Да, вотъ такъ и живемъ себѣ и судьбой довольны, поскольку можетъ быть доволенъ нашъ братъ, когда-то мечтавшій горы сдвинуть!—прибавилъ съ грустной усмѣшкой Чернопольскій.

И Черенинъ на минуту задумался.

— Надолго сюда?—спросилъ онъ.

— Недѣльки на двѣ, я думаю. Я вѣдь сюда по дѣлу.

— По дѣлу? Какое же у васъ дѣло, Иванъ Андреичъ?

— Не у меня, а у нашихъ сосѣдей-крестьянъ...

И Чернопольскій разсказалъ о процессѣ, который уже тянется нѣсколько лѣтъ у мужиковъ съ бывшимъ ихъ помѣщикомъ изъ-за земли. Дѣло теперь въ сенатѣ.

— Я пріѣхалъ узнать о немъ и посовѣтоваться тутъ съ однимъ адвокатомъ...

— И вамъ заплатятъ за хлопоты?

— Что вы? Гдѣ имъ заплатить?—промолвилъ Чернопольскій и совсѣмъ сконфузился.—Да и какъ съ бѣдноты-то брать!..

Онъ примолкъ и продолжалъ, словно бы оправдываясь:

— Зимой-то въ деревнѣ работы меньше. Я и прикатилъ сюда... Кстати и Петербургъ хотѣлось повидать, и на старыхъ пріятелей поглядѣть.

Чернопольскій сталъ-было разспрашивать о нихъ, но оказалось, что ни о комъ Черенинъ не могъ дать свѣдѣній.

— А Потресова видаете? — спрашивалъ Чернопольскій.—Вотъ рѣдкій писатель, который сохранился...

— Нѣтъ, не видаю!—отвѣчалъ Черенинъ.

Оба нѣсколько времени молчали. Оба почувствовали какую-то неловкость, какую испытываютъ долго невидавшіеся люди, которые разстались въ молодыхъ годахъ.

Чернопольскій пробовалъ-было разспрашивать о петербургскихъ вѣяніяхъ, о литературныхъ новостяхъ, о молодежи, но Черенинъ на все это отвѣчалъ какъ-то скупо и неопредѣленно, при чемъ въ словахъ его звучала скептическая нотка; его, повидимому, такъ мало интересовали вопросы, казавшіеся его гостю важными, что Чернопольскій подъ конецъ весь будто съежился, молчалъ и конфузился.

Послѣ получасового визита онъ сталъ прощаться.

— Куда же вы? Сейчасъ пріѣдетъ жена. Будемъ чай пить!—вдругъ воскликнулъ Черенинъ съ необыкновенной ласковостью.—Я вѣдь очень радъ васъ видѣть. Вы мнѣ напомнили молодость!—прибавилъ онъ.

Но Чернопольскій не могъ остаться. Сегодня въ девять часовъ у него назначено свиданіе съ адвокатомъ.

— Вы все тотъ же... вѣчно хлопочете за другихъ, какъ, помните, въ старину, когда мы васъ звали общимъ дядей...

— Ну, что вы, что вы?.. А хорошее время то было... Не правда ли?

Но Черенинъ промолчалъ и, горячо пожимая гостю руку, звалъ непремѣнно Чернопольскаго обѣдать: завтра, послѣзавтра, когда онъ хочетъ, въ шесть часовъ.

— Смотрите, приходите... Во всякомъ случаѣ приходите... Я радъ васъ видѣть! Очень, очень радъ!—говорилъ возбужденно Черенинъ въ передней.

X.

«Милѣйшій... младенецъ!» — думалъ Черенинъ, возвращаясь въ кабинетъ. И онъ сталъ вспоминать о немъ, вспоминалъ о себѣ и невольно сравнивалъ прежняго Черенина съ нынѣшнимъ.

Эти воспоминанія нѣсколько омрачили его благополучіе. Что-то грустное подымалось откуда-то, со дна души, и

говорило о бывшихъ мечтахъ, о прежнихъ идеалахъ. Гдѣ они?

Да, онъ измѣнился. Этотъ «младенецъ въ сорокъ лѣтъ» напомнилъ ему прошлое и словно бы обезоруживалъ его скептицизмъ, прикрывающій индифферентныхъ людей. Ну, такъ что же? Онъ иначе теперь глядитъ на вещи и поступаетъ по убѣжденію. Не дѣлаетъ же онъ ничего безчестнаго, что беретъ хорошее мѣсто и собирается заработать себѣ состояніе. Тысячи людей поступили бы точно такъ же, и совѣсть ихъ такъ же была бы спокойна, какъ спокойна и его.

Такъ здраво разсуждалъ Черенинъ и все-таки чувствовалъ какую-то неловкость, нѣчто въ родѣ стыда передъ прежнимъ Черенинымъ, и, сознавая, что прежняго Черенина никогда не будетъ, словно бы сожалѣлъ о немъ...

Онъ пробовалъ-было думать о счастливомъ настоящемъ, но снова молодость проносилась передъ нимъ. И раздумье охватило Черенина, отравляя счастливый день...

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ КОМЕДІЯ.

I.

Засѣданіе «Общества для пособія истинно бѣднымъ и нравственнымъ людямъ» было назначено ровно въ два часа, въ квартирѣ члена общества, Елены Николаевны Красногоръ-Ряжской.

Елена Николаевна сама присмотрѣла, какъ въ залу внесли большой столъ, накрыли его зеленымъ сукномъ и вокругъ разставили кресла. Затѣмъ она принесла изъ своего кабинета маленькую изящную чернильницу и крохотный звонокъ съ бронзовымъ амуромъ для предсѣдательницы и собственноручно разбросала по столу чистенькіе экземпляры отчета, листки почтовой бумаги и очиненные фаберовскіе карандаши. Окончивъ эти занятія, Елена Николаевна окинула довольнымъ взглядомъ столъ и подошла къ зеркалу посмотрѣть на себя. Зеркало безъ малѣйшей лести показало ей хорошенькую молодую женщину въ черномъ фаѣ, гладко обливавшемъ стройный станъ. Темные локоны, спускавшіеся къ плечамъ, оттѣняли матовую бѣлизну личика съ тонкими чертами, чуть-чуть поднятымъ носикомъ и парой карихъ улыбающихся глазокъ. Веселое выраженіе № 1 очень шло къ этой подвижной физіономіи. Елена Николаевна осталась довольна нумеромъ первымъ и сдѣлала мину № 2, мечтательно-задумчивую. Глаза перестали улыбаться и глядѣли куда-то вдаль черезъ зеркало, розовыя, не безъ знакомства съ карминомъ, губки сжались въ нитку, бѣлый высокій лобъ подернулся морщинками.

Елена Николаевна нашла, что и № 2-й былъ не дуренъ. Она собиралась-было перейти къ № 3-му, какъ изъ прихожей мягко звякнулъ звонокъ. Елена Николаевна отпорхнула отъ зеркала съ легкостью ласточки и, опустившись на угловой диванчикъ, стала внимательно штудировать изящную брошюрку полугодового отчета, посматривая однако однимъ глазкомъ повыше страницъ.

Знакомые шаги медленной, увѣренной походки заставили Елену Николаевну сдѣлать гримасу № 5, болѣе знакомую супругу, чѣмъ публикѣ, отложить брошюру въ сторону и бросить недовольный взглядъ на проходившаго мужа, блѣднаго, серьезнаго, пожилого господина лѣтъ сорока съ хвостикомъ.

— Опять! — тихо процѣдилъ онъ сквозь зубы, кисло улыбаясь и косясь на столъ.

— Что опять?

— Говорильню устраиваете?

Каріе глазки сощурились, лицо подернулось выраженіемъ № 4, снисходительнаго презрѣнія, и тихій, не безъ иронической нотки, голосъ проговорилъ:

— Ты, Никсъ, вѣрно, опять не въ духѣ... Что твоя печень?

Мужъ на ходу полуобернулся, взглянулъ на жену сѣрыми, полинявшими отъ департаментскаго воздуха, глазами такимъ взглядомъ, въ которомъ всякая другая женщина, кромѣ жены, легко прочитала бы «дуру», и, не соблаговоливъ комментировать своего взгляда, той же медленной, увѣренной походкой прошелъ въ кабинетъ.

«Моя печень? — повторилъ онъ вслухъ.—Моя печень! Очень нужна ей моя печень!»

Онъ присѣлъ къ столу, придвинулъ къ себѣ бумаги, взялъ своими длинными, прямыми пальцами такой же длинный, прямой карандашъ и сталъ читать.

«Удивительно стала безпокоить ее моя печень!»—пронеслось въ головѣ его превосходительства въ послѣдній разъ, и онъ углубился въ бумаги.

Надо полагать, что Елена Николаевна была права, выказывая заботливое участіе къ печени своего мужа, такъ какъ лежавшій передъ нимъ докладъ подвергался такимъ помаркамъ, а надписи, восклицательные и вопросительные знаки ставились имъ въ такомъ изобиліи, точно передъ г. Красногоръ-Ряжскимъ лежалъ не докладъ о «строптивомъ столоначальникѣ», а манускриптъ русскаго литератора.

«Строптивый столоначальникъ», позволившій себѣ въ соборѣ губернскаго города N подойти къ кресту раньше другого, старшаго чиновника, и не уступившій мѣста, несмотря на сдѣланное ему по сему предмету предложеніе, въ докладѣ, составленномъ на основаніи мѣстныхъ донесеній, являлся лишь въ образѣ «строптиваго» столоначаль-

ника, за что господинъ докладчикъ и «полагалъ бы» уволить столоначальника отъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь его никуда не принимать. Но подъ бойкими литерами карандаша его превосходительства «строптивый столоначальникъ» мало-по-малу терялъ строптивость насчетъ неблагонамѣренности и началъ постепенно принимать образъ, болѣе похожій на провинціальнаго Мазаніелло, чѣмъ на удрученнаго семействомъ, солиднаго, хотя и «строптиваго столоначальника».

Карандашъ рѣзво шалилъ по докладу, вычеркивая сбоку краткія сентенціи, въ родѣ: «для примѣра прочимъ», «снисхожденіе, какъ учитъ насъ опытъ, не всегда приноситъ плоды», «важенъ не самый фактъ, а подкладка его» и т. п. Въ заключеніе длинный, прямой и уже притупленный карандашъ «въ свою очередь, полагалъ бы» строптиваго столоначальника...

На этомъ карандашъ замеръ въ рукѣ его превосходительства.

Г. Красногоръ-Ряжскій послалъ ко всѣмъ чертямъ «строптиваго столоначальника», съ сердцемъ отодвинулъ бумаги и сталъ прислушиваться. Изъ сосѣдней комнаты долетали слабые звуки голоса... Его превосходительство поморщился, всталъ, подошелъ къ двери и тихонько ихъ пріотворилъ...

Въ его ушахъ ясно раздавался ненавистный голосъ «долговязаго» секретаря, разсказывавшаго нѣжнымъ тепоромъ di grazia трогательную повѣсть о посѣщеніи перваго участка истинно бѣдныхъ и нравственныхъ людей. Голосъ его то возвышался до негодующихъ нотъ, то замиралъ, то переходилъ въ тихое журчанье...

«Каналья! Какъ онъ поетъ этимъ дурамъ!»—прошепталъ г. Красногоръ-Ряжскій, и его желтое лицо перекосилось въ злую усмѣшку. Г. Красногоръ-Ряжскому съ чего-то вообразилось, будто пара прелестныхъ глазъ Елены Николаевны непремѣнно должна въ эту самую минуту смотрѣть на оратора съ выраженіемъ № 1. Какъ бы онъ желалъ удостовѣриться и незамѣтно посмотрѣть! Но это было невозможно, неприлично. Онъ съ сердцемъ затворилъ двери и заходилъ по кабинету. «То-то стала нужна ей моя печень!»—проносилось у него въ головѣ, и вслѣдъ затѣмъ передъ глазами его превосходительства мелькали такіе нумера взглядовъ супруги, которые часто останавливались на многихъ молодыхъ людяхъ и только разъ въ

мѣсяцъ на немъ самомъ, именно 20 числа, когда г. Красногоръ-Ряжскій выдавалъ Еленѣ Николаевнѣ деньги на домашніе и личные ея расходы.

Онъ наконецъ присѣлъ къ столу, взялъ снова карандашъ и сталъ продѣлывать съ бѣднымъ строптивымъ столоначальникомъ такія ужасныя комбинаціи, послѣ которыхъ, казалось, строптивость должна была вовсе исчезнуть изъ обращенія въ томъ вѣдомствѣ, гдѣ служили г. Красногоръ-Ряжскій и строптивый чиновникъ.

II.

— И главное отрадно то, милостивыя государыни, — говорилъ между тѣмъ секретарь «Общества для пособія истинно бѣднымъ и нравственнымъ людямъ», высокій (но вовсе не «долговязый») молодой человѣкъ съ вкрадчивыми голубыми глазами и свѣтлыми волосами:—отрадно то, что факты свидѣтельствуютъ о плодотворной дѣятельности нашего, едва окрѣпшаго, младенца-общества. Пусть скептики указываютъ на узкія будто бы рамки нашей дѣятельности, но я смѣю, милостивыя государыни, надѣяться, что дешевый скептицизмъ не смутитъ нашей энергіи. (Разумѣется! Разумѣется!) Если мы поможемъ хотя десяти истинно-бѣднымъ и нравственнымъ людямъ, возвративъ обществу дѣйствительно полезныхъ его членовъ, то мы сдѣлаемъ, милостивыя государыни, дѣйствительную услугу и обществу, и возвращеннымъ въ него членамъ, хотя, конечно, не въ состояніи будемъ хвалиться тѣмъ обиліемъ вспомоществованій, которымъ щеголяютъ отчеты общества «Утоли моя нужды»... (Очень хорошо!)

Секретарь сдѣлалъ паузу, встряхнулъ головой, словно бы желая сбросить съ нея какую-то тяжесть, поискалъ подбородкомъ, на своемъ ли мѣстѣ бѣлоснѣжные воротнички рубашки, взглянулъ на Елену Николаевну и на всѣхъ «милостивыхъ государынь», внимательно вперившихъ взоры въ оратора, откинулся назадъ, потомъ подался впередъ, сдѣлалъ тотъ извѣстный жестъ (протягиванія руки впередъ и нѣсколько кверху, ближе къ небу), которымъ артисты Александринскаго театра обыкновенно предупреждаютъ публику о патетическомъ монологѣ, и быстро разразился слѣдующей тирадой

— Милостивыя государыни! Благодаря самоотверженію, съ которымъ вы, часто съ опасностью жизни... да, я могу сказать это: съ опасностью жизни, идете навстрѣчу люд-

скимъ страданіямъ, и съ гуманностью, отличающей нашъ вѣкъ, не гнушаетесь снять перчатку, чтобы подать руку помощи нравственности, готовой поскользнуться, наши дружныя усилія дали блестящіе результаты, и мы въ правѣ сказать себѣ въ глубинѣ сердца, указывая на тѣхъ лицъ, которыя вырваны нашими усиліями изъ бездны нищеты и порока: наше сѣмя не пало на каменистую почву. Голодные накормлены, сирые призрѣны, несчастные утѣшены. Какая награда можетъ быть выше этого!?—заключилъ рѣчь секретарь, опускаясь на кресло и робко опуская глаза на имъ же составленный полугодовой отчетъ, подъ бременемъ скромнаго сознанія торжества.

Всѣ до одной «милостивыхъ государынь»—а ихъ было тридцать—выразили самую горячую благодарность оратору за его «прочувствованную» рѣчь. Раздались рукоплесканія, многія говорили: «какъ хорошо!» другія шептали: «прелестно». Только Елена Николаевна ни слова не сказала, но зато наградила оратора (когда онъ уже оправился отъ смущенія и поднялъ голубые глаза на «милостивыхъ государынь») такимъ быстрымъ, но теплымъ взглядомъ, который придалъ ея лицу выраженіе несравненно мягче извѣстнаго мужу подъ нумеромъ 1.

Что̀ могъ сдѣлать секретарь?

Онъ могъ только встать, приложить обѣ руки («Какія прелестныя руки»,—шепнула какая-то «милостивая государыня» на концѣ стола, обращаясь къ сосѣдкѣ) къ борту фрака и раскланяться съ тою же граціей, съ которою раскланиваются оперные пѣвцы. Онъ это и сдѣлалъ, и только минуты черезъ двѣ засѣданіе могло продолжаться.

Василій Александровичъ (такъ звали секретаря) снова принимаетъ строго дѣловой видъ и почтительно проситъ у предсѣдательницы, почтенной женщины съ крупными сѣдыми буклями и крупными глазами, позволенія, согласно программѣ засѣданія, прочесть списокъ лицъ, получившихъ въ прошломъ мѣсяцѣ пособія. Сѣдыя букли нѣсколько наклоняются впередъ, что̀, безъ сомнѣнія, означаетъ согласіе. Василій Александровичъ встаетъ и читаетъ:

«Списокъ лицъ, получившихъ въ декабрѣ 187* года пособія отъ общества для пособія истинно-бѣднымъ и нравственнымъ людямъ:

«Вдова майора Василиса Никифоровна Дементьева согласно протокола отъ 15 марта, за № 1254, ежемѣсячнаго вспомоществованія пять рублей»...

— Это у которой мужъ былъ изрубленъ на Кавказѣ?— спрашиваетъ громкимъ голосомъ адмиральша Троекурова.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ тихимъ голосомъ графиня Долгова.—Это та самая бѣдняжка, у которой мужъ погибъ въ Днѣпрѣ... Онъ бросился съ обрыва спасать ребенка и утонулъ... Несчастная женщина передавала мнѣ всѣ эти ужасныя подробности.

— Или я забыла, но мнѣ кажется, что бѣдная мнѣ говорила, какъ черкесы изрубили ея мужа, и онъ погибъ подъ шашками... Впрочемъ...

Адмиральша умолкла и вопросительно взглянула на Василія Александровича.

— Это та несчастная женщина, милостивыя государыни, которая потеряла своего мужа, храбраго русскаго офицера, въ Коканѣ... Сперва онъ былъ раненъ, потомъ взятъ въ плѣнъ и тамъ казненъ ужасной смертью. Бѣдная женщина до сихъ поръ не можетъ придти въ себя, и когда разсказываетъ, то съ ней дѣлается истерика... Ужасная казнь.

И адмиральша, и молодая графиня дѣлаютъ глаза, но, боясь ошибиться (такъ много вѣдь вдовъ въ Петербургѣ, у которыхъ мужья погибаютъ особеннымъ образомъ), не роняютъ ни слова, къ благополучію майорши Дементьевой, болѣе извѣстной въ распивочной на углу Зелениной улицы, что̀ на Петербургской, подъ именемъ «сороки-воровки».

Секретарь продолжаетъ:

«Жена коллежскаго секретаря Марія Валерьяновна»...

Василій Александровичъ какъ будто конфузится и еле слышно оканчиваетъ: «Потѣлова... получила въ ежемѣсячное пособіе два рубля.

«Мѣщанка Дарья Осипова единовременнаго пособія одинъ рубль семьдесятъ пять копеекъ».

— Она такая славная, эта Дарья!—замѣчаетъ графиня Долгова.—Я у нея была... Вообразите,—обращается графиня къ предсѣдательницѣ:—трое дѣтей... такія хорошенькія, но, Боже, въ какомъ видѣ!.. Ни сапожекъ, ни бѣлья, ни платьицъ...

Сидѣвшая рядомъ другая «милостивая государыня», молодая бѣлокурая дѣвица, съ англійской складкой и серьезнымъ лицомъ, тихо покачиваетъ головой и, нѣсколько конфузясь, говоритъ:

— Книга Манасеиной совѣтуетъ имѣть, по крайней

мѣрѣ, двѣнадцать дюжинъ пеленокъ, въ противномъ случаѣ...

— Но тутъ, вы представьте, — перебиваетъ ее графиня: — ни одной...

— Ни одной?

— Ни одной!

Всѣ повторяютъ: «ни одной!» всѣ качаютъ головами, всѣ соболѣзнуютъ, всѣ выражаютъ такое искреннее участіе къ тремъ дѣтямъ Дарьи Осиповой, что если бы его можно было употребить вмѣсто пеленокъ, то ихъ хватило бы не только для трехъ дѣтей, но даже еще человѣкъ на пять, только бы Дарья Осипова продолжала не стѣсняться въ увеличеніи народонаселенія.

— Мнѣ кажется, — опять конфузится почему-то дѣвица съ англійской складкой: — слѣдовало бы прибавить этой женщинѣ...

— Я буду имѣть честь предложить вашему вниманію, милостивыя государыни, смѣту пособій на январь, и размѣръ вспомоществованія Дарьи Осиповой будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія собранія...

Бѣлокурая дѣвица съ англійской складкой, пропагандировавшая книгу г-жи Манасеиной, конфузится еще болѣе. Въ дѣловомъ отвѣтѣ любезнаго секретаря ей слышится личное невниманіе. Она опускаетъ свои голубые глаза на полугодовой отчетъ и начинаетъ его перелистывать съ нѣкоторымъ раздраженіемъ за «бѣдную Дарью Осипову», у которой трое дѣтей и ни одной пеленки...

«Евдокія Багрова, новгородская крестьянка. По болѣзни принуждена была оставить мѣсто. Въ виду ея болѣзни и самыхъ лучшихъ рекомендацій ей выдано три рубля».

— Это я отыскала бѣдняжку! — не безъ скромнаго чувства удовольствія отъ такой находки, замѣчаетъ Елена Николаевна. — Она была у васъ, Василій Александровичъ?

— Была. Очень симпатичная дѣвушка! — отвѣчаетъ секретарь.

— Бѣдняжка обварила себѣ руку, — продолжаетъ Елена Николаевна, обращаясь ко всѣмъ «милостивымъ государынямъ»: — и принуждена была оставить мѣсто. Въ больницу идти боялась; она такая робкая, скромная, привѣтливая и вообще не похожа на нашу прислугу.

Всѣ «милостивыя государыни» замѣчаютъ, что нынче почти невозможно достать хорошую прислугу (адмиральша выразилась даже гораздо энергичнѣе), и всѣ такъ или

иначе, голосомъ или взглядомъ, движеніемъ рукъ или плечъ, выражаютъ участіе «къ бѣдняжкѣ», обварившей руку и непохожей «на нашу прислугу».

Одна только бѣлокурая дѣвица съ англійской складкой оказалась безсердечной и ничѣмъ не выразила участія къ «бѣдняжкѣ», обварившей руку. Мало того: дѣвица почувствовала даже нѣкоторую непріязнь къ этой «бѣдняжкѣ» за другую «бѣдняжку»—Дарью Осипову, у которой трое дѣтей и ни одной пеленки. Хотя бѣлокурая дѣвица не видала ни той, ни другой «бѣдняжки», но она взяла подъ особое свое покровительство Дарью Осипову (отчасти въ пику секретарю и Еленѣ Николаевнѣ) и находила большой несправедливостью, что за обожженную руку выдали три рубля, а за троихъ дѣтей безъ пеленокъ только одинъ рубль семьдесятъ пять копеекъ.

«Это несправедливо!» — подумала дѣвица, краснѣя до ушей отъ такой несправедливости и досады на Елену Николаевну и секретаря.

Василій Александровичъ тѣмъ не менѣе продолжалъ чтеніе списка и заключилъ его, нѣсколько возвысивъ голосъ:

— Итого въ декабрѣ мѣсяцѣ выдано пособій въ количествѣ девяноста восьми рублей тридцати двухъ съ половиною копеекъ двадцати тремъ истинно-бѣднымъ и нравственнымъ лицамъ обоего пола.

Вслѣдъ затѣмъ Василій Александровичъ началъ читать, безъ всякихъ перерывовъ и болѣе или менѣе патетическихъ отступленій, прозаическую мѣсячную вѣдомость расходовъ общества. Въ нѣжныхъ ушахъ «милостивыхъ государынь» быстро, обгоняя другъ друга, проносились многочисленныя статьи подъ наименованіемъ бланокъ, канцелярскихъ расходовъ, найма помѣщенія для прихода истинно-бѣдныхъ и нравственныхъ людей, отопленія и освѣщенія, жалованья помощнику секретаря (секретарь, разумѣется, приносилъ себя въ жертву безкорыстно), двумъ писцамъ и сторожу, разъѣздныхъ для справокъ, ремонта мебели, непредвидѣнныхъ, случайныхъ и экстраординарныхъ расходовъ, и шумъ въ ушахъ прекратился только тогда, когда секретарь, перечисливъ всѣ означенныя статьи и соотвѣтствующія имъ цифры, заключилъ, снова нѣсколько возвысивъ голосъ:

— Итого двѣсти тридцать девять рублей сорокъ четыре съ половиною копейки, а вмѣстѣ съ выданными пособіями

триста тридцать семь рублей семьдесятъ восемь копеекъ. Мнѣ остается прибавить, милостивыя государыни, что въ будущемъ мѣсяцѣ расходы наши сократятся, вслѣдствіе возможности пріискать сторожа на меньшее жалованье!

Василій Александровичъ сѣлъ и передалъ вѣдомости почтенной дамѣ въ букляхъ. Вѣдомости были переписаны превосходнымъ почеркомъ, а цифры стояли одна подъ другой въ такомъ красивомъ порядкѣ, въ которомъ могутъ стоять только солдаты на парадѣ. Дама въ букляхъ посмотрѣла на англійскій почеркъ пяти дамъ комитета, подписавшихъ вѣдомости, и на энергическую закорючку въ росчеркѣ секретаря (онъ же и казначей) и передала вѣдомости слѣдующей за ней дамѣ. Та, въ свою очередь, полюбовалась англійскимъ почеркомъ пяти дамъ, между которыми, между прочимъ, была подпись и самой любовавшейся, и закорючкой въ фамиліи секретаря и передала вѣдомости слѣдующей дамѣ. Слѣдующая дама сдѣлала то же самое, и такимъ образомъ всѣ до одной «милостивыя государыни» полюбовались вѣдомостями, послѣ чего онѣ снова лежали передъ Василіемъ Александровичемъ.

Пока вѣдомости гуляли между «милостивыми государынями», Елена Николаевна успѣла сдѣлать три нумера выраженій, графиня Долгова успѣла поймать ихъ и сообщить сосѣдкѣ свои подозрѣнія насчетъ кокетства Красногоръ-Ряжской съ секретаремъ, сосѣдка успѣла сочинить на ухо слѣдующей сосѣдкѣ цѣлую сплетню, въ которой и графиня Долгова была замѣшана въ качествѣ соперницы Елены Николаевны; бѣлокурая дѣвица успѣла убѣдить адмиральшу Троекурову въ необходимости 12 дюжинъ пеленокъ и въ несправедливости относительно Дарьи Осиповой, а адмиральша, въ свою очередь, успѣла убѣдить бѣлокурую дѣвицу въ невозможности имѣть хорошую прислугу, и только когда Василій Александровичъ снова всталъ во весь ростъ и показалъ передъ благотворительницами двойника Аполлона Бельведерскаго, только тогда прекратился дамскій змѣиный шопотъ, и глаза устремились на Аполлонова двойника.

— Вы замѣтили?..—оканчивала между тѣмъ молодая графиня новую комбинацію на ухо сосѣдки.—Тссъ... Будемъ слушать!..

— Милостивыя государыни! Въ программѣ сегодняшняго засѣданія стоятъ нѣсколько вопросовъ. Угодно ли будетъ позволить приступить къ нимъ?—обращается Ва-

силій Александровичъ къ почтенной дамѣ съ буклями, наклоняя голову ровно настолько, насколько слѣдуетъ солидному молодому человѣку, подающему надежды.

Дама снова тряхнула сѣдыми буклями и прибавила, обращаясь къ собранію, что она проситъ собраніе позволить. Собраніе позволяетъ безъ малѣйшей запинки. Дама съ буклями снова трясетъ ими и говоритъ: «Начинайте, Василій Александровичъ!»—послѣ чего сѣдыя ея букли, висящія по бокамъ круглаго и пухлаго лица, еще шевелятся нѣсколько мгновеній, но потомъ останавливаются неподвижно, словно часовые передъ генераломъ.

Секретарь читаетъ:

— Въ виду нѣсколькихъ, впрочемъ, немногочисленныхъ, случаевъ оказанія помощи лицамъ, далеко не отвѣчающимъ требованіямъ устава помогать истинно-бѣднымъ и нравственнымъ людямъ, не сочтутъ ли милостивыя государыни умѣстнымъ собирать самыя тщательныя справки о лицахъ, обращающихся къ помощи общества безъ рекомендаціи почтенныхъ его членовъ?

Многія сочли умѣстнымъ, но вслѣдъ затѣмъ возникъ вопросъ: какъ собирать справки?

Начались пренія.

Первой заговорила дѣвица съ англійской складкой. Она привстала, вытянулась во всю длину своего высокаго роста и покраснѣла, какъ можетъ покраснѣть бѣлокурая дѣвица съ добрымъ сердцемъ, двадцатью восемью годами и некрасивымъ лицомъ, которое, впрочемъ, очень близкіе друзья ея находили, конечно, симпатичнымъ. (Замѣтьте: если женщина не красива, то она всегда бываетъ или «необыкновенно симпатична», или «необыкновенно умна»).

Нѣсколько заикаясь, точно въ тонкомъ горлѣ ея еще сидѣла бѣдная Дарья Осипова съ тремя дѣтьми, она находила, что справки едва ли приведутъ къ чему-нибудь, и предлагала главнѣйшимъ образомъ основываться на первомъ впечатлѣніи.

— Первое впечатлѣніе... первое впечатлѣніе, — заключила нѣсколько дрожащимъ голосомъ дѣвица съ добрымъ сердцемъ: — рѣдко обманываетъ, почти никогда не обманываетъ.

Она снова вспыхнула и сѣла подъ картечью взглядовъ двадцати девяти «милостивыхъ государынь», не пропустившихъ ни одного прыщика на лицѣ бѣлокурой дѣвицы и подумавшихъ ехидно, что, вѣроятно, всѣ мужчины судили

«симпатичную» дѣвушку по первому впечатлѣнію, иначе давно бы ей быть замужемъ.

Елена Николаевна Красногоръ-Ряжская «позволила себѣ не согласиться съ уважаемой Евгеніей Петровной». «Исходя изъ принципа,—говорила она, увѣренно дѣлая удареніе на «принципѣ» и окидая собраніе выраженіемъ № 6 (строго-дѣловымъ): — что общество обязано помогать только истинно-бѣднымъ и нравственнымъ людямъ, на первое впечатлѣніе полагаться нельзя. Оно можетъ обмануть въ ту или другую сторону. («Однако же какъ хорошо это у меня выходитъ!»—промелькнуло у нея въ головкѣ почти одновременно съ чувствомъ зависти, сжавшимъ сердце графини Долговой). Возможны случаи помощи недостойнымъ, равно какъ (ей очень нравилось это «равно какъ») случаи отказа достойнымъ. Въ принципѣ она стоитъ за справки, хоть и понимаетъ «сопряженныя съ ними трудности».

Василій Александровичъ взглянулъ на Елену Николаевну очарованнымъ взглядомъ, быстро опуская глаза подъ встрѣчнымъ взглядомъ оратора, какъ бы желая скрыть въ глубинѣ души волновавшія его чувства. Тѣмъ не менѣе они поняли другъ друга, хоть и не смотрѣли одинъ на другого. Елена Николаевна подумала: «какой онъ милый, этотъ Петровскій!», а Василій Александровичъ подумалъ: «подою я тебя, дуру, будь спокойна!»

Графиня Долгова крѣпко потерла тонкимъ батистовымъ платкомъ свои румяныя губки, какъ бы въ доказательство, что продаются такія румяна, которыя не стираются, и, въ свою очередь «отдавая справедливость благородству намѣреній своего друга — Елены Николаевны (оба друга шлютъ другъ другу нѣжные взгляды, удивляясь лицемѣрію другъ друга), тѣмъ не менѣе должна замѣтить, что по ея «скромному» мнѣнію («хороша скромница!»—думаетъ Елена Николаевна, припоминая цѣлый десятокъ мужскихъ именъ) ни «первыя впечатлѣнія», ни справки не приведутъ къ желанному результату. .

— Самое лучшее,—заключила хорошенькая графиня съ нестираемыми румянами:—попросить нуждающагося разсказать свою исторію, однимъ словомъ, une confession... На основаніи этого и судить...

— Исповѣдь иногда такъ трудна, графиня!—смиренно возражаетъ Елена Николаевна своему другу.

— Отчего-жъ?.. Если сдѣлать ее съ открытымъ серд-

цемъ... Мнѣ кажется, она только облегчитъ душу, chère Hélène... Право!.. Мы, женщины, должны знать это!

Обѣ, сказавши по пакости другъ другу, умолкли. Стали говорить другія милостивыя государыни. Баронесса Шпекъ стояла за справки у сосѣдей. Генеральша Быстрая стояла за справки въ полиціи. «Тамъ все должны знать!» Адмиральша Троекурова предлагала рѣшать дѣло по происхожденію. «Благородные всегда достойнѣй!» — выпалила она баритономъ съ рѣзкостью морской волчицы.

Стали вопросъ голосовать. Но во время голосованія нѣсколько «милостивыхъ государынь» непремѣнно хотѣли говорить въ одинъ и тотъ же моментъ, и поднялся такой шумъ, что снова затряслись сѣдыя букли, предсѣдательница позвонила, объяснила, что пренія закончены, и снова букли покачались-покачались и остановились на своемъ мѣстѣ.

Большинство голосовъ высказалось за справки у сосѣдей, а въ случаѣ недостаточности—и въ полиціи.

Затѣмъ Василій Александровичъ хотѣлъ-было приступить къ чтенію второго вопроса, какъ изъ передней донеслись чьи-то голоса. Слышно было, какъ чей-то голосъ говорилъ «нельзя», но другой протестовалъ. Елена Николаевна взглянула на секретаря. Тотъ попросилъ позволенія у Елены Николаевны узнать, не пришли ли по ошибкѣ сюда просители, но едва онъ хотѣлъ встать, какъ въ залу вошелъ пожилой, скверно одѣтый человѣкъ, ведя за руку, словно на буксирѣ, оборваннаго мальчугана.

III.

Вошедшій нисколько не сконфузился при видѣ такого блестящаго дамскаго собранія и поспѣшилъ только утереть носъ своему мальчугану, любовно оправить его истасканное тоненькое пальтишко, мѣшковато сидѣвшее на худенькомъ маленькомъ тѣлѣ, и снять съ шеи нѣсколько разъ обмотанный вокругъ нея красный шарфъ. Когда онъ сдѣлалъ все это, то вывелъ мальчугана впередъ съ такимъ торжественнымъ видомъ, точно онъ привелъ передъ собраніе благодѣтельныхъ фей маленькаго королевича, принужденнаго только до времени скрываться въ плохомъ костюмѣ, зябнуть при 20° морозѣ, питаться чортъ знаетъ чѣмъ и ночевать, гдѣ пошлетъ Богъ.

Самъ попечитель этого мальчугана ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ тѣхъ нищихъ въ истертыхъ порыжѣ-

лыхъ хламидахъ, когда-то бывшихъ пальмерстонами или альмавивами (трудно разобрать), «капитановъ» и «чиновниковъ», которые пугаютъ дамъ въ уединенныхъ улицахъ и сиплымъ басомъ, и блѣдно-зелеными, прицухлыми лицами, и блестящимъ, пронзительнымъ взоромъ глазъ, выглядывающихъ изъ глубины темныхъ ямъ не то съ угрозой, не то съ такимъ выраженіемъ страданія, что долго послѣ встрѣчи эти глаза мерещатся и не даютъ спокойно заснуть.

Вошедшій былъ старъ, сѣдъ, старался глядѣть на этотъ разъ привѣтливо, хотя все-таки походилъ на волка, нечаянно изъ лѣса попавшаго въ людское общество. Онъ потеръ грязными руками шею, будто отыскивая, куда дѣвался его галстукъ, и оставался въ положеніи сфинкса, въ ожиданіи того времени, когда ему придется заговорить.

Мальчуганъ лѣтъ девяти, очевидно, не желалъ чести быть непремѣнно впереди. Онъ пятился назадъ и успокоился только тогда, когда приблизился къ ногамъ своего товариша и почувствовалъ, какъ знакомая вздрагивавшая рука ласково гладила его косматую, плохо знакомую съ гребенкой, голову.

Появленіе этой странной пары, какъ кажется, не входило въ программу засѣданія «общества истинно-бѣдныхъ и нравственныхъ людей», вслѣдствіе чего не только всѣ «милостивыя государыни», но и единственный «милостивый государь» были въ первую минуту озадачены и смотрѣли на появившихся гостей глазами, въ которыхъ было много изумленія, брезгливости, испуга, но очень мало теплоты и участія. Эти чувства вызывалъ, главнымъ образомъ, конечно, странный старикъ, лицо котораго, хоть и старалось быть привѣтливымъ, но все-таки не внушало большого расположенія; особенно его глубоко засѣвшіе глаза, смотрѣвшіе на милостивыхъ государынь съ какой-то блуждающей улыбкой, производили непріятное впечатлѣніе: не было въ нихъ того смиренно-льстиваго выраженія, которое такъ хорошо знакомо и такъ нравится благотворителямъ и благотворительницамъ.

Однако надо было заговорить съ этими нежданными гостями, и Василій Александровичъ заговорилъ.

— Что̀ вамъ угодно?—спросилъ онъ тѣмъ канцелярски вѣжливымъ тономъ, который онъ считалъ образцомъ нѣжности въ сношеніяхъ съ кліентами общества.

— Мнѣ почти-что ничего!—отвѣчалъ странный старикъ,

улыбаясь глазами:—а вотъ этому мальчику надо бы помочь.

— Вы его отецъ?

— Нѣтъ...

— Родственникъ?

— По Христу!..

— Гммъ... Странное родство... Онъ вашъ пріемышъ?

— Пріемышъ.

Секретарь взглянулъ на «милостивыхъ государынь», лукаво прищуривъ глаза, словно бы говоря: «вотъ отчаянный лгунъ!» и обратился къ мальчику:

— Какъ тебя зовутъ?

— Сенькой.

— Есть у тебя отецъ?

— Не знаю.

— А мать?

— Не знаю.

— Кого же ты знаешь

— Дѣдушку знаю.

— Кто-жъ твой дѣдушка?

— А вотъ!

Мальчикъ улыбнулся, оскаливъ рядъ бѣлыхъ зубовъ, и показалъ пальцемъ на старика. Старикъ ласково ему усмѣхнулся.

— Давно ты его знаешь?

— Давно...

— Чѣмъ занимаешься?

Мальчикъ не понималъ.

— Что дѣлаешь?

— Все дѣлаю, когда дрова есть—печку топлю, дѣдушкѣ помогаю...

— Ваше званіе?—обратился секретарь къ старику.

Тотъ вынулъ изъ кармана засаленную бумагу и подалъ секретарю.

Василій Александровичъ прочелъ бумагу, пожалъ плечами и съ осторожной брезгливостью положилъ ее передъ почтенной предсѣдательницей. Та, въ свою очередь, пожала плечами, потрясла сѣдыми буклями и передала дальше. Осторожно, словно боясь чумной заразы, дотрагивались до этой бумаги ручки милостивыхъ государынь и затѣмъ торопились сбыть, проводивъ ее вздохомъ или пожатіемъ плечъ.

— До чего дошелъ!

— Какъ палъ!

— Ужасно!

Такія восклицанія въ видѣ шопота вырвались изъ груди многихъ милостивыхъ государынь.

— У васъ есть рекомендація? — снова спросилъ секретарь.

— Нѣтъ.

Василій Александровичъ обвелъ собраніе взоромъ сожалѣнія, что у него нѣтъ рекомендаціи.

«У него нѣтъ рекомендаціи!» — отвѣчали взгляды въ отвѣтъ.

«У него нѣтъ рекомендаціи!» — безмолвно сказали всѣ лица и личики.

— И видъ у него скверный!—тихо шепнула предсѣдательница.

— Пьяница!..—еще тише отвѣчалъ секретарь.—А мальчикъ, вѣрно, взятъ напрокатъ!

Дѣло старика видимо было проиграно. Онъ это понялъ вдругъ сталъ угрюмъ.

— Такъ вы говорите, что у васъ нѣтъ рекомендаціи?

— Никакой.

— Даже никакой? Это очень жаль! Судя по вашимъ бумагамъ (секретарь встаетъ и брезгливо отдаетъ назадъ бумагу), вы человѣкъ не безъ образованія и поймете, слѣдовательно, что цѣли нашего общества не позволяютъ удовлетворить вашей просьбѣ.

Старикъ слушалъ эту рѣчь съ какимъ-то угрюмымъ вниманіемъ, но, когда секретарь кончилъ, онъ опустилъ голову и какъ-то весь съежился. Глаза его спрятались въ темныхъ ямахъ, и изъ груди вылетѣлъ надтреснутый голосъ, произнесшій тихо:

— Но вѣдь я не за себя... За мальчика!

— За мальчика?—переспросилъ секретарь и пошелъ на свое мѣсто.

Нѣсколько секундъ недоумѣнія.

«Имѣемъ ли мы право?»—тихо шепчетъ секретарь.

«Имѣемъ ли мы право?»—также тихо шепчетъ почтенная предсѣдательница, строго покачивая буклями.

«Имѣемъ ли мы право?»—спрашиваютъ сами себя всѣ милостивыя государыни.

— Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ права! — рѣшаетъ сперва лицо секретаря, потомъ жестъ, а затѣмъ и тихій шопотъ.

— Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ права!—говоритъ по-французски предсѣдательница.

— Мы не имѣемъ права!—отвѣчаютъ лица «милостивыхъ государынь», и всѣ онѣ обращаютъ вниманіе на мальчика, помочь которому онѣ не имѣютъ права.

А мальчикъ глядитъ зоркими карими глазенками на блестящее собраніе—и вообразите себѣ!—не только не ищетъ права разжалобить сердца милостивыхъ государынь, а, напротивъ, словно бы ищетъ права назваться самымъ невѣжливымъ, дерзкимъ мальчуганомъ, когда-либо обращавшимся за помощью. Онъ весело смѣется и шепчетъ что-то своему угрюмому товарищу, указывая пальцемъ прямо на лицо почтенной предсѣдательницы. Его заинтересовали сѣдыя букли, и онъ сообщаетъ свои наблюденія вполголоса, нисколько не стѣсняясь мѣстомъ, въ которомъ онъ находится. Очевидно, 14° по Реомюру привели его въ игривое настроеніе, и онъ, несмотря на знаки стараго товарища, продолжаетъ весело хихикать...

Эта веселость окончательно сгубила мальчика. «Милостивыя государыни» находятъ, что передъ ними испорченный мальчикъ (секретарь давно уже это нашелъ). Онѣ совершенно забываютъ, что у многихъ изъ нихъ есть дѣти, и помнятъ только, что передъ ними всклокоченный, грязный мальчишка, съ бойкими глазенками между впалыхъ щекъ и дерзкимъ смѣхомъ.

— Къ сожалѣнію... мы не имѣемъ права помочь и мальчику...—говоритъ секретарь.

— Безъ рекомендаціи?—иронически подсказываетъ старикъ.

— Да-съ!—рѣзко замѣтилъ секретарь и какъ бы говоритъ взглядомъ: «можете теперь убираться если не къ чорту, то во всякомъ случаѣ на улицу», гдѣ 18½° мороза,

Старикъ рѣзко дергаетъ мальчугана за руку, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, затѣмъ останавливается и говоритъ:

— Милостивыя государыни!.. Я васъ прошу... (голосъ его становится глуше, и на испитомъ лицѣ сказывается большое страданіе) я васъ прошу... Помогите мальчику... У него нѣтъ пристанища. У него нѣтъ одежды... Помогите мальчику!

Всѣ вдругъ притихли. Всѣмъ вдругъ стало какъ-то совѣстно. Притихъ и мальчикъ. Онъ не смѣется, а испуганно смотритъ на своего товарища. Въ его испуганномъ взглядѣ и страхъ, и любовь.

— Дѣдушка, что̀ съ тобой?.. Что̀ ты?—говоритъ онъ, заглядывая на него снизу...

Многія полѣзли въ карманы. Дѣвица съ англійской складкой и добрымъ сердцемъ давно сидѣла на своемъ креслѣ, точно на угольяхъ. При послѣднихъ словахъ она вскакиваетъ съ мѣста, роняетъ кресло, конфузится, подходитъ къ мальчику и суетъ ему маленькое портмоне.

Старикъ сперва ни слова не говоритъ, потомъ, будто спохватившись, шепчетъ:

— Будьте спокойны, сударыня... Его денегъ я не пропью... Будьте спокойны, сударыня!..

Онъ благодаритъ теплымъ, ласковымъ взглядомъ дѣвицу и уходитъ изъ залы.

— Вашъ адресъ... адресъ вашъ! — конфузливо шепчетъ дѣвица.

Но отвѣта нѣтъ. Старикъ ужъ скрылся.

Бѣлокурая дѣвица возвращается на свое кресло, краснѣя, какъ піонъ, съ нависшими слезами на глазахъ. Всѣ на нее смотрятъ, какъ на выскочку, и находятъ, что она очень «смѣшная».

Послѣ этого эпизода прошло нѣсколько минутъ, пока засѣданіе не пошло своимъ порядкомъ. Опять ставились вопросы, разрѣшались и заносились въ протоколы. Въ пять часовъ засѣданіе было окончено. Милостивыя государыни поболтали и разъѣхались.

Елена Николаевна, довольная, оставалась еще нѣсколько времени въ залѣ. Было рѣшено, что она завтра поѣдетъ съ секретаремъ для посѣщенія истинно-бѣдныхъ и нравственныхъ людей. Она была рада посѣтить бѣдныхъ и пококетничать съ Василіемъ Александровичемъ.

«Я надѣну черное шерстяное платье. И скромно, и хорошо!»—подумала молоденькая женщина, уходя въ гостиную.

И Василій Александровичъ ѣхалъ обѣдать довольный. Благодаря «Обществу для помощи истинно-бѣднымъ и нравственнымъ людямъ», онъ поправилъ свои служебныя дѣлишки и теперь разсчитывалъ на завтрашнее посѣщеніе бѣдныхъ, на свои голубые глаза, мягкій голосъ и расположеніе Красногоръ-Ряжской. «Она думаетъ, что я влюбленъ, и, конечно, заставитъ мужа надѣть мундиръ и попросить за меня... истинно-бѣднаго и нравственнаго человѣка!»—улыбался Василій Александровичъ, плотнѣе кутаясь въ бобровый воротникъ.

IV.

Успѣвъ «вырвать зло съ корнемъ» изъ того вѣдомства, гдѣ служилъ «строптивый столоначальникъ», и отправить бѣднаго провинціальнаго Мазаніелло туда, гдѣ даже настоящій никогда не бывалъ, г. Красногоръ-Ряжскій вошелъ въ гостиную въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа.

— Наболтались?—спросилъ онъ.

— Неужели вы не можете говорить, не оскорбляя меня?

Елена Николаевна дѣлаетъ мину № 9—глубоко оскорбленной невинности. Слезы нависаютъ на рѣсницахъ. Грудь нѣсколько подымается. Страданіе напечатано на ея миломъ личикѣ.

Г. Красногоръ-Ряжскій начинаетъ совѣть. Елена Николаевна, несмотря на страданіе, видитъ это и, усиливая № 9, нечаянно обнажаетъ локоть.

Г. Красногоръ-Ряжскій совѣетъ еще болѣе.

— Лена... Леночка!..—робко произноситъ его превосходительство.

Ни звука въ отвѣтъ.

— Леночка!..—совсѣмъ нѣжно началъ г. Красногоръ-Ряжскій и поперхнулся — Леночка! Вѣдь я... вы тамъ что̀ хотите говорите, но мнѣ не нравится секретарь.

Елена Николаевна открываетъ глаза, и мужъ усматриваетъ въ нихъ такое море изумленія, что наконецъ изумляется самъ.

— Ты, Лена, что такъ смотришь?

— Я?..

Картина мѣняется. Страданіе исчезаетъ. Елена Николаевна хохочетъ, какъ ребенокъ, хохочетъ весело, мило, заразительно.

Мужъ хлопаетъ глазами.

— Такъ ты, Никсъ, ревновать?.. Ха-ха-ха... Глупый мой! Къ секретарю?.. Ха-ха-ха!..

Хохотъ былъ такъ заразителенъ, что даже самъ «Никсъ» не выдержалъ, захохоталъ, какъ дуракъ, и прижалъ супругу къ своей высохшей груди.

Въ тотъ же вечеръ «строптивый столоначальникъ» былъ возвращенъ къ своему семейству. Онъ не былъ исключенъ изъ службы, какъ предлагалъ докладчикъ, а получилъ только выговоръ съ замѣчаніемъ, чтобы впредь и т. д.

— А я было-думалъ, Леночка, ха-ха-ха!..—весело говорилъ солидный «Никсъ», ужиная вдвоемъ съ Леночкой.— Я было-думалъ...

— А ты, Никсъ, не думай!..

И Елена Николаевна шаловливо зажала мужу ротъ своей ладонью и посмотрѣла на него тѣмъ чуднымъ взглядомъ (№ 1), какимъ она смотрѣла на него только 20 числа или наканунѣ какой-нибудь замышляемой женской шалости.

ИСТИННО-РУССКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

I.

Я знавалъ Аркадія Николаевича Орѣшникова еще въ тѣ времена (въ концѣ шестидесятыхъ годовъ), когда онъ и не думалъ съ азартомъ бить кулакомъ по своей здоровой, выпяченной груди, называя себѣ истинно-русскимъ человѣкомъ,—не находилъ еще, что «наша матушка-Россія всему свѣту голова» и имѣетъ исторически-провиденціальную миссію ничѣмъ не походитъ на изолгавшійся, развращенный «говорильнями», прогнившій Западъ, — не выражалъ желанія подтянуть «зазнавшуюся чухну» и на вѣки-вѣчные изгнать «низкаго жида» изъ предѣловъ имперіи,—просвѣщенія не отрицалъ и, съ чужихъ словъ, не повторялъ о настоятельной необходимости возстановить тѣлесныя наказанія, для подъема нравственности и вообще добрыхъ началъ, замѣтно оскудѣвающихъ.

Въ тѣ отдаленныя времена, когда я познакомился съ Аркадіемъ Николаевичемъ, онъ, разумѣется, ни о чемъ подобномъ не могъ бы и подумать, а не то что громогласно говорить, да еще съ ноздревской развязностью, глядя вамъ прямо и нагло въ глаза и словно бы думая про себя:

«Я и не то еще могу выпалить!»

Тогда столь же откровенно повторялъ иныя рѣчи и перепѣвалъ иныя пѣсни этотъ «просто русскій», въ ту пору молодой человѣкъ, окончившій курсъ со степенью дѣйствительнаго студента, благополучно служившій помощникомъ столоначальника въ какомъ-то департаментѣ и пописывавшій по временамъ рѣзвыя, либеральныя статейки въ газетахъ, отчасти для славы среди сослуживцевъ и среди знакомыхъ барышень, отчасти для покупки въ болѣе изобильномъ количествѣ перчатокъ и галстуковъ и для болѣе частаго посѣщенія оперетокъ и трактира Палкина.

II.

Аркадій Орѣшниковъ въ то время былъ довольно видный, средняго роста, плотный, широкоплечій блондинъ съ

маленькими, разбѣгающимися по сторонамъ, карими глазками, рѣдкими рыжеватыми волосами, крикливымъ теноркомъ и толстыми алыми губами, которыми онъ имѣлъ привычку, сохраненную и понынѣ, быстро поводить, выражая этимъ свое удовольствіе. Лицо у него было довольно ординарное и безъ особой «печати мысли» на начинавшемъ лысѣть челѣ: кругловатое, съ мясистыми щеками и толстымъ носомъ, но зато свѣжее, румяное и беззаботно веселое.

Самъ Орѣшниковъ, повидимому, былъ болѣе чѣмъ лестнаго мнѣнія насчетъ своей физіономіи, любилъ заниматься собой, не жалѣя одеколона, считалъ себя плѣнительнымъ мужчиной и дѣйствительно пользовался успѣхомъ у горничныхъ и у швеекъ...

Хвастая своими любовными успѣхами и разсказывая объ интригѣ, героиней которой бывала какая-нибудь простодушная Даша или Матреша, Аркадій Орѣшниковъ значительно давалъ понять, что героиня романа—дама изъ общества, безъ памяти въ него влюбленная, назвать которую онъ, какъ порядочный человѣкъ, разумѣется, не можетъ.

Онъ былъ не глупъ, но и не особенно уменъ, что̀ называется, безъ царя въ головѣ, но достаточно переимчивъ и смѣтливъ въ житейскихъ дѣлахъ. Недостатокъ основательныхъ знаній онъ и въ молодости съ успѣхомъ замѣнялъ чисто славянской отвагой трактовать о какихъ вамъ угодно предметахъ, не моргнувши глазомъ. Впрочемъ, онъ и не очень обижался, когда его останавливали, замѣчая, что онъ несетъ околесную. Онъ только какъ-то меланхолически глядѣлъ куда-то въ пространство, но черезъ четверть часа уже снова готовъ былъ говорить съ прежнею развязностью и о коннозаводствѣ, и о философіи Канта.

Всегда поклонявшійся какому-нибудь доморощенному божку, при которомъ игралъ роль адъютанта, Орѣшниковъ такъ же быстро развѣнчивалъ своего божка, находя новаго, какъ быстро и создавалъ себѣ идола, передъ которымъ обыкновенно раболѣпствовалъ.

Юркій, не безъ лукавства и въ то же время легкомысленный поклонникъ всякаго успѣха, тщеславный и безхарактерный, никогда серьезно ни во что̀ не вдумывавшійся и не имѣвшій правилъ, а одни лишь инстинкты, мягкій и добродушный, когда дѣло не касалось собствен-

ной шкуры, прирожденный, такъ сказать, опортюнистъ, Орѣшниковъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, гибкихъ, податливыхъ и не имѣющихъ никакого опредѣленнаго идеала,—людей безъ рѣзко выраженной индивидуальности, которые повсюду составляютъ такъ-называемую «улицу».

III.

Само собою разумѣется, что въ ту пору двадцатипятилѣтній Орѣшниковъ называлъ себя либераломъ. Правда, онъ и тогда не одобрялъ крайностей, тѣмъ болѣе, что за нихъ можно было имѣть непріятности по службѣ, и повторялъ вслѣдъ за другими, что наше время—не время широкихъ задачъ. Хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, почему это такъ, но чувствовалъ, что такъ надо говорить, и говорилъ.

Тѣмъ не менѣе онъ горячо порицалъ нѣкоторыя явленія русской жизни того времени, восхищался, даже черезъ мѣру, Западомъ, умѣренно желалъ продолженія реформъ и страстно—увеличенія окладовъ чиновникамъ, почитывалъ журналы и бывшія въ модѣ книжки, восторгался новыми судами и земствомъ, проповѣдывалъ о женскихъ правахъ на высшее образованіе и изрѣдка даже, послѣ веселаго ужина въ интимномъ кружкѣ, таинственно намекалъ, озираясь вокругъ, на своевременность «правового порядка», однимъ словомъ, повторялъ все то, о чемъ въ то время говорили.

Орѣшниковъ, кромѣ того, любилъ щегольнуть не только либеральнымъ образомъ мыслей, но и цивическими добродѣтелями и нерѣдко въ курительной комнатѣ хвасталъ передъ департаментскими товарищами, что онъ, при случаѣ, даже не спуститъ самому начальнику отдѣленія, но въ дѣйствительности онъ былъ жесточайшій трусъ, боявшійся всякаго начальства даже болѣе, чѣмъ требовалось по времени. Онъ, конечно, съ негодованіемъ отрицалъ свою трусость, когда кто-нибудь уличалъ его, и объяснялъ ее благоразумной осторожностью. Но однажды, въ минуту полупьяной откровенности, онъ сознался, что въ немъ храбрости мало, тутъ же залился слезами, называя себя почему-то свиньей, и прибавилъ, что это у него качество, вѣрно, унаслѣдованное. Пожалуй, онъ до извѣстной степени былъ правъ. Всѣ его предки, многочисленные Орѣшниковы, изъ захудалыхъ, малоземельныхъ дворянъ, служили чиновниками, и каждый изъ нихъ всю свою жизнь

болѣе или менѣе провелъ въ страхѣ и передъ начальствомъ, и передъ возможностью, того и гляди, попасть подъ судъ за лихоимство, впрочемъ, довольно умѣренное, ибо Орѣшниковы были осторожны, да и особенно теплыхъ мѣстъ не занимали.

Передъ барышнями Аркадій Орѣшниковъ драпировался въ мантію цивическаго героя и вралъ, что называется, несосвѣтимо. На журъ-фиксахъ у матери своей, вдовы статскаго совѣтника, Ѳеозы Андреевны, онъ, бывало, такъ либеральничалъ, рисовалъ такія перспективы отдаленнаго будущаго, главнѣйшимъ образомъ о формахъ свободнаго брака, что почтенная старушка Ѳеоза Андреевна, всю свою жизнь проведшая въ чисткѣ квартиры съ метелкой въ рукахъ и въ заботахъ жить, какъ «люди живутъ»,— покачивала въ ужасѣ головой и укоризненно замѣчала:

— Аркаша... Аркаша! Опомнись!

Но Аркаша и въ усъ не дулъ, продолжая открывать широкіе горизонты будущаго человѣческаго устройства и невозможно перевирая вскользь прочитанныя имъ статьи.

Свою маменьку онъ считалъ отсталой женщиной.

И старушка, жившая съ зрѣлой дочерью Аглаей на маленькій пенсіонъ и проценты съ скромнаго капитальца, составленнаго покойнымъ мужемъ при помощи разныхъ негласныхъ оборотцевъ съ казенными деньгами, во время его долгаго служенія экзекуторомъ департамента, не разъ въ то время говорила сыну:

— Ой, Аркадій... Съ такими понятіями можно и мѣсто потерять.

— А наплевать!—хорохорился Аркадій.

— Это какъ же?

— А такъ же...

Ѳеоза Андреевна въ страхѣ, бывало, только крестилась, воображая, что Аркаша и въ самомъ дѣлѣ удеретъ какую-нибудь штуку, лишится должности и очутится у нея на шеѣ.

Но давнишній ея знакомый и пріятель покойнаго мужа, старый матерый департаментскій «юсъ», Иванъ Ивановичъ Затыкинъ, безсмѣнный архиваріусъ, перемѣнившій пятнадцать господъ директоровъ, видавшій виды и понимавшій людей, обыкновенно успокаивалъ огорчавшуюся старушку. Со спокойствіемъ чиновника-философа, давно бросившаго мечты о повышеніи и черпавщаго свою философію изъ де-

партаментскаго архива и изъ наблюденій надъ сослуживцами, онъ говорилъ ей:

— Не сокрушайтесь, почтеннѣйшая Ѳеоза Андреевна, за своего Аркашу. Право, не сокрушайтесь.

— Какъ же не сокрушаться, Иванъ Иванычъ: онъ иногда такое говоритъ.

— А пусть себѣ говоритъ! Нонче, сударыня, всѣ такое говорятъ. Сами его превосходительство, господинъ директоръ департамента, и тотъ курьера на «вы» называетъ... Мода такая-съ... Вашъ Аркаша выболтается и, по времени, по-иному заговоритъ... А времена, Ѳеоза Андреевна, перемѣнчивы!—многозначительно прибавлялъ старикъ, лукаво подмигивая своимъ выцвѣтшимъ, но все еще зоркимъ глазомъ.

— А пока что̀, какъ вдругъ да Аркаша мѣста лишится?

— Мѣста? За мѣсто-то вашъ Аркаша зубами держится, будьте покойны, Ѳеоза Андреевна. Не даромъ Аркадій Николаичъ изъ Орѣшниковской породы... Начальство имъ довольно, а это, сударыня, какъ вамъ извѣстно, главное дѣло на службѣ... Ну, и чиновникъ онъ ничего себѣ, исправный... И перо есть... Умѣетъ всякую бумажку, какъ слѣдуетъ, изобразить. Того и гляди, при ваканціи, сдѣлаютъ вашего Аркашу столоначальникомъ, въ добрый часъ будь сказано!

Статская совѣтница успокаивалась за свой капиталецъ, предназначенный въ наслѣдство безнадежной дѣвицѣ Аглаѣ, оставшейся непристроенной, и, въ свою очередь, начинала расхваливать Аркашины способности и умъ.

IV.

Господинъ Затыкинъ не ошибался. Орѣшниковъ дѣйствительно держался за мѣсто зубами и умѣлъ отлично ладить съ начальствомъ, хотя за глаза слегка и прохаживался на его счетъ, фанфаронства ради. И писаніе статеекъ, даже и рѣзвыхъ, не только не вредило тогда по службѣ (особенно, если статейки не касались вѣдомства, гдѣ служилъ авторъ), а, напротивъ, обращало на автора иногда лестное вниманіе.

Такимъ образомъ Аркадію Николаевичу литература даже помогала на первыхъ порахъ его житейской карьеры, а онъ, неблагодарный, впослѣдствіи такъ бранилъ эту самую литературу!

Благодаря его же собственной хвастливой болтливости,

весь департаментъ скоро узналъ, что помощникъ столоначальника Орѣшниковъ «пишетъ въ газетахъ». Это придало нѣкоторый престижъ молодому чиновнику въ глазахъ сослуживцевъ. Прочли, что онъ пишетъ, и одобрили. Довольно бойко и въ то же время безъ рѣзкостей и въ умѣренномъ тонѣ. Начальникъ отдѣленія, добрый служака изъ дореформенныхъ чиновниковъ, сталъ подавать Орѣшникову руку. Молва объ авторствѣ помощника столоначальника дошла и до самого директора, который, благодаря этому обстоятельству, впервые узналъ о существованіи такого чиновника и однажды потребовалъ его къ себѣ.

Появленіе курьера съ извѣстіемъ, что генералъ проситъ господина Орѣшникова, произвело въ отдѣленіи большую сенсацію. Всѣ завистливо недоумѣвали. Мнительный и болѣзненный столоначальникъ, во всемъ подозрѣвавшій интригу противъ себя, бросилъ испытующе-злой взглядъ на своего помощника. Начальникъ отдѣленія обиженно нахмурился и за то, что помимо его требуютъ чиновника его отдѣленія, и за то, что онъ не зналъ причины этого приглашенія. Самъ Орѣшниковъ жестоко струсилъ и вспомнилъ, какъ вчера позволилъ себѣ пройтись насчетъ господина директора. Онъ старался скрыть свой испугъ подъ видомъ напускного равнодушія, однако замѣтно поблѣднѣлъ, ощутилъ внезапную боль въ поясницѣ и дрожащей рукой оправлялъ прическу и галстукъ передъ входомъ въ кабинетъ директора.

За большимъ столомъ, прямо противъ двери, сидѣлъ сухощавый брюнетъ, лѣтъ сорока, въ вицъ-мундирѣ со звѣздой. При появленіи Орѣшникова, остановившагося у двери, онъ поднялъ голову и попросилъ молодого человѣка подойти.

Брюнетъ со звѣздой мягко и привѣтливо взглянулъ на видимо испуганнаго Орѣшникова, подалъ ему руку и проговорилъ съ изысканной вѣжливостью:

— Вы—господинъ Орѣшниковъ?

— Я, ваше превосходительство! — отвѣчалъ Орѣшниковъ слегка дрогнувшимъ голосомъ, необыкновенно польщенный, что генералъ подалъ ему руку.

— Кончили университетъ?

— Да-съ.

— Это ваша статья сегодня въ «Ласточкѣ»?

— Моя-съ.

— Я прочелъ ее съ удовольствіемъ. Очень недурно и бойко написано.

Орѣшниковъ просто замеръ отъ восторга. Могъ ли онъ ожидать такого вниманія отъ директора департамента? Онъ весь вспыхнулъ до корней волосъ и взволнованно прошепталъ:

— Я несказанно счастливъ, ваше превосходительство!

— Отчего это?—нѣсколько удивленно спросилъ сухощавый брюнетъ со звѣздой.

— Оттого... оттого, что удостоился похвалы такого читателя, какъ ваше превосходительство!

По лицу его превосходительства пробѣжала тѣнь. Онъ остановилъ пристальный и серьезный взглядъ на молодомъ человѣкѣ. Но лицо Орѣшникова сіяло такъ искренно и дышало такимъ неподдѣльнымъ выраженіемъ восторга, умиленія и преданности, что сухощавый брюнетъ снисходительно улыбнулся, протянулъ руку и сказалъ, что Орѣшниковъ можетъ идти.

Въ тотъ же день директоръ департамента освѣдомился у начальника отдѣленія, хорошій ли чиновникъ Орѣшниковъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, промолвилъ:

— Имѣйте его въ виду, когда откроется вакансія столоначальника.

Отъ директора Орѣшниковъ пришелъ въ отдѣленіе съ самымъ равнодушнымъ видомъ. Онъ разсказалъ обступившимъ его сослуживцамъ о своей бесѣдѣ съ генераломъ, въ значительной степени преувеличивъ сказанные ему комплименты, и когда кто-то его поздравилъ, онъ небрежно отвѣтилъ:

— Есть съ чѣмъ!

А вечеромъ, въ одномъ литературномъ кружкѣ, Орѣшниковъ разсказывалъ, что «его генералъ» сдѣлалъ ему замѣчаніе за статью, но что ему «плевать» на это.

V.

На Орѣшниковѣ, какъ на чувствительномъ барометрѣ, отражались всѣ разнообразные оттѣнки вѣяній времени. Онъ былъ вѣрнѣйшимъ указателемъ того, что думаетъ, о чемъ говоритъ и что читаетъ «улица» въ данный моментъ.

Я встрѣчался съ Аркадіемъ Николаевичемъ въ тѣ времена довольно часто — онъ доводился мнѣ родственникомъ — и не безъ любопытства наблюдалъ, съ какою легкостью онъ мѣнялъ свои мнѣнія. Плохо знавшіе Орѣшни-

кова люди звали его «переметной сумой» и въ этихъ быстрыхъ перемѣнахъ усматривали разсчитанную преднамѣренность, но я всегда защищалъ своего родственника отъ этихъ нападокъ. Если бы была преднамѣренность! Ея-то именно и не было. Онъ и самъ не замѣчалъ, какъ съ одинаковою стремительностью сегодня порицалъ то, что̀ еще вчера хвалилъ, какъ-то инстинктивно, въ силу стадности, приспособляясь къ господствовавшимъ теченіямъ. Вполнѣ увѣренный, что выражаетъ собственныя мнѣнія, онъ повторялъ мнѣнія газеты, которую читалъ. И—характерная черта русскаго человѣка!—повторяя съ чужихъ словъ иногда жестокія вещи и поступая подчасъ далеко не безупречно даже съ точки зрѣнія примитивной этики, Аркадій Николаевичъ во всѣ фазисы своей жизни оставался все тѣмъ же добродушнымъ, легкомысленнымъ и веселымъ человѣкомъ, какимъ я зналъ его въ молодости.

Года черезъ три послѣ нашего знакомства Орѣшниковъ, сдѣлавшійся столоначальникомъ, отпустившій себѣ бакенбарды котлетами и перемѣнившій фетръ на цилиндръ, все еще пазывалъ себя либераломъ, но о дальнѣйшихъ реформахъ выражался уклончиво (нужно-де и съ настоящими-то разобраться и ихъ упорядочить!). Общество дамъ и барышень Аркадій Николаевичъ попрежнему очень любилъ—не даромъ у него были такія пышныя алыя губы,—но уже не огорашивалъ слушательницъ широкими горизонтами будущаго, а больше напиралъ на эстетическіе идеалы, любилъ по веснѣ декламировать «Шопотъ, робкое дыханіе, трели соловья» и выражалъ боязнь, какъ бы занятія медициною (хотя онъ, по существу, ничего противъ нихъ не имѣетъ) не лишили женщину лучшаго украшенія—женственности. Статейки Орѣшниковъ продолжалъ пописывать, но уже не столь рѣзвыя и съ болѣе ограниченнымъ выборомъ темъ: болѣе о гессенской мухѣ, о колорадскомъ жучкѣ или о попавшемся въ растратѣ коллежскомъ секретарѣ, на которомъ можно было излить гражданскую скорбь объ «этихъ прискорбныхъ случаяхъ лихоимства». Насчетъ худощаваго брюнета со звѣздой Аркадій Николаевичъ даже и за глаза не позволялъ себѣ отзываться непочтительно, а, напротивъ, говоря о директорѣ департамента, вдругъ становился серьезнымъ и солиднымъ, словно бы отчасти и самъ онъ несъ тяготу и отвѣтственность его положенія.

Во время «сербскаго возбужденія» Орѣшниковъ возбу-

дился до того, что все свободное отъ службы время носился, какъ бѣшеный, по городу, собиралъ въ конкахъ вмѣстѣ съ зрѣлыми дѣвами пожертвованія, плакалъ и умилялся, заказывалъ хоругви, провожалъ добровольцевъ и вездѣ такъ трещалъ о «славянской идеѣ», что охрипъ. Но скоро пылъ его прошелъ, и Орѣшниковъ сталъ поругивать и «братушекъ», и добровольцевъ. Затѣмъ онъ съ такимъ же азартомъ распинался за «братушекъ-болгаръ» и, когда объявлена была война, воспламенился такимъ воинственнымъ духомъ, что хотѣлъ-было поступить въ юнкера, если бы только можно было не рисковать жизнью. Онъ требовалъ Константинополя и проливовъ, найдя внезапно, что безъ нихъ жить никакъ невозможно, проливалъ слезы надъ героемъ русскимъ солдатикомъ, возмущался недобросовѣстными интендантами и въ то же время втайнѣ завидовалъ непопавшимся счастливцамъ, нажившимъ на войнѣ сумасшедшія деньги. Плевна заставила его пріуныть, но не надолго. Успѣхи нашего оружія вновь окрылили Орѣшникова. Онъ снова носился съ Константинополемъ и проливами, умилялся «братушками» и просился-было къ нимъ вице-губернаторомъ, чтобы осчастливить ихъ хорошимъ управленіемъ, а себя хорошимъ содержаніемъ. Однако это не удалось, и Орѣшниковъ остался дома столоначальникомъ.

Санъ-стефанскій договоръ не вполнѣ удовлетворилъ расходившагося въ ту пору Аркадія Николаевича. Онъ досадовалъ, что Константинополь не сдѣлался губернскимъ городомъ и что тамъ не будетъ (въ этакомъ-то прелестномъ климатѣ!) ни русскаго театра, ни русскихъ чиновниковъ. Собственно говоря, онъ и самъ не зналъ, зачѣмъ ему Константинополь, но храбро говорилъ и объ «естественномъ выходѣ въ море» и объ «обмѣнѣ продуктовъ» и «вообще» о «задачахъ Россіи».

Несмотря на лишеніе Константинополя, онъ однако ликовалъ, надѣясь, что, при «цѣлокупной» Болгаріи да съ нашими въ ней начальниками, Царьградъ отъ насъ не уйдетъ,—ликовалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бранилъ Биконсфильда, что называется, на всѣ корки, безъ малѣйшаго стѣсненія, даже и у себя въ отдѣленіи. Онъ награждалъ перваго англійскаго министра такими ругательными эпитетами, критикуя его внѣшнюю и внутреннюю политику съ такой свободной развязностью, что однажды почтенная Ѳеоза Андреевна, не разобравшая, въ чемъ дѣло, и тугая

на одно ухо, просто-таки обомлѣла и смотрѣла на сына испуганно во всѣ глаза, словно на только-что вырвавшагося изъ сумасшедшаго дома. Добрая старушка пришла въ себя лишь тогда, когда сынъ объяснилъ ей, что дѣло идетъ объ англійскомъ министрѣ и притомъ гадившей намъ державы.

Тѣмъ не менѣе Ѳеоза Андреевна все-таки наставительно замѣтила:

— А все, Аркаша, ты бы полегче. Чужой, чужой, а все же министръ!

— Да вы, маменька, прочтите, какъ этого «проходимца» газеты честятъ. Такъ, маменька, продергиваютъ, что любо!—со смѣхомъ отвѣчалъ Орѣшниковъ.

Санъ-стефанскій «восторгъ» довольно скоро смѣнился берлинскимъ «уныніемъ». Во время конгресса Аркадій Николаевичъ только и повторялъ: «мы не позволимъ!» и разъ даже, подкутивши у Палкина, присталъ къ какому-то посѣтителю съ вопросомъ «позволитъ ли онъ или нѣтъ?» По счастію, и посѣтитель, оказавшійся интендантскимъ чиновникомъ, самымъ категорическимъ образомъ «не позволялъ», въ надеждѣ вновь завѣдывать какимъ-нибудь складомъ, и дѣло кончилось благополучно. Оба не позволявшіе выпили шампанскаго и завершили вечеръ въ танцъ-классѣ.

Когда дѣйствительность показала, что слѣдуетъ позволить, Аркадій Николаевичъ тотчасъ же и самъ «позволилъ», и съ обычной стремительностью вездѣ доказывалъ, что соображенія высшаго порядка заставляютъ насъ быть благоразумными, и изъ яраго шовиниста обратился въ миролюбца, по временамъ не забывая однако посылать шпильки по адресу Бисмарка.

Не прошло и мѣсяца по окончаніи войны, какъ уже Орѣшниковъ забылъ и о войнѣ, и о Царьградѣ, и о братушкахъ, и занялся спиритизмомъ, проводя три вечера въ недѣлю на сеансахъ въ обществѣ спиритокъ. Затѣмъ бросилъ спиритизмъ и восхищался какой-то пріѣзжей дивой, а послѣ—свѣдущими людьми. Затѣмъ одно время онъ вновь вдругъ заговорилъ о какомъ-то «упорядоченіи», снова сталъ декламировать: «Впередъ, друзья, безъ страха и сомнѣнья», но внезапно смолкъ и, рѣшительно не зная, что̀ ему теперь говорить, завинтилъ безъ удержа.

Тѣмъ временемъ онъ уже исправлялъ должность начальника отдѣленія и, за многочисленностью занятій, ста-

теекъ не писалъ. Маменька все совѣтовала ему жениться — слава Богу, ужъ Аркашѣ тридцать семь лѣтъ,— но Орѣшниковъ отклонялъ этотъ разговоръ, находя, что «такъ» лучше и что семья требуетъ большихъ расходовъ.

VI.

Вскорѣ Орѣшниковъ получилъ предложеніе ѣхать въ провинцію. Онъ согласился; мѣсто было довольно приличное. Но прежде, чѣмъ ѣхать въ Оренбургскій край, Орѣшниковъ совершенно неожиданно женился и притомъ на дѣвицѣ совсѣмъ не въ его вкусѣ. Аркадій Николаевичъ любилъ барышень свѣжихъ и молоденькихъ, не худощавыхъ, а скорѣе даже полныхъ, а между тѣмъ его молодая жена была особа уже второй молодости, лѣтъ тридцати, худощавая, малокровная, поблеклая брюнетка, далеко не красивая, но, разумѣется, «симпатичная», какъ отзывались о ней ея болѣе миловидныя подруги. Она была генеральская дочь, умна и съ характеромъ, кое-чему училась и читала, въ молодости штудировала Гёте, недурно играла на фортепіано, знала два языка, отличалась большимъ тактомъ и щеголяла манерами и комильфотностью. Она едва ли бы пошла за Орѣшникова, фамилія котораго звучала въ ея ушахъ не особенно красиво, если бы не ея критическій возрастъ и не пышныя румяныя щеки Аркадія Николаевича вмѣстѣ съ его ослѣпительными бѣлыми зубами и мягкимъ характеромъ.

Родственники Орѣшникова и, главнѣйшимъ образомъ, Ѳеоза Андреевна говорили тогда, что «бѣдный Аркаша» попался какъ куръ во щи, женившись на этой перезрѣвшей дѣвицѣ. Онъ, видите ли, легкомысленно повѣрилъ намекамъ будущей тещи, бойкой вдовы генерала Буеракина, насчетъ значительнаго обезпеченія за Наденькой. И какъ было не повѣрить! Буеракины жили хорошо: квартира, обстановка... мать и дочь одѣвались щегольски... и вдругъ, послѣ вѣнца, вмѣсто значительнаго обезпеченія, Аркашѣ преподнесли всего три тысячныхъ билета...

— Просто надули Аркашу,—говорила Ѳеоза Андреевна.

И добродушно прибавляла:

— Самъ и виноватъ!.. Зачѣмъ передъ вѣнцомъ не оформилъ дѣла!

Хотя и Аркадій Николаевичъ понялъ, что поступилъ опрометчиво, однако скоро примирился съ положеніемъ. Наденька, постоянно говорившая въ дѣвичествѣ, что тер-

пѣть не можетъ мужчинъ, любитъ одну психологію и никогда не выйдетъ замужъ,—оказалась такой влюбленной, заботливой и нѣжной женой, что Орѣшниковъ скоро забылъ, что его «надули» съ приданымъ, и привязался къ этой по виду холодной, но необычайно пылкой сухощавой брюнеткѣ, дарившей его такой горячей любовью. Нечего и говорить, что Наденька, какъ дама умная, скоро познавшая супруга, не замедлила прибрать своего «Аркадія» къ рукамъ, не давая ему этого замѣтить и умно играя роль послушной жены, готовой исполнять малѣйшія желанія мужа. Это очень льстило самолюбію Аркадія Николаевича.

Въ губернскомъ городѣ, гдѣ поселились супруги, Наденька скоро сдѣлалась одной изъ первыхъ дамъ. Ее называли большой умницей. Она умѣла поговорить и о литературѣ, и объ исторіи, и особенно любила психологическіе разговоры. Она отлично поддерживала связи, была дружна съ губернаторшей, со всѣми ладила, ни съ кѣмъ не ссорясь, не сплетничала и вообще держала себя съ большимъ тактомъ, одѣваясь къ тому же съ изяществомъ.

Домъ свой она вела въ образцовомъ порядкѣ. Квартира у нихъ была уютная, хорошо обставленная, убранная со вкусомъ. Ѣли они отлично и, при умѣлой экономіи Наденьки, жили безъ долговъ. Горничныхъ она всегда выбирала некрасивыхъ, но умѣла отлично ихъ школить.

Подъ бокомъ у такой жены Орѣшниковъ чувствовалъ себя счастливымъ, тѣмъ болѣе, что съ перваго же года замужества Наденька, къ удовольствію мужа, стала замѣтно добрѣть. Въ ея смуглыхъ, прежде блѣдныхъ щекахъ появился румянецъ. Взглядъ черныхъ глазъ сталъ спокойнѣе и добрѣе, и прежняя дѣвичья нервность исчезла. Когда Наденька бывала въ бѣломъ капотѣ, съ распущенными черными волосами и, томно щуря глаза, глядѣла на Аркадія,—мужъ находилъ свою супругу даже обворожительной и нѣжно увѣрялъ ее въ своей любви.

Въ теченіе двухъ лѣтъ объ Орѣшниковыхъ доходили хорошія вѣсти. Сама Ѳеоза Андреевна, недолюбливавшая невѣстку и чувствовавшая, что Наденька считаетъ ее очень «мовежанрной» дамой, стала отзываться о невѣсткѣ благосклоннѣе, получивъ отъ нея въ подарокъ оренбургскій платокъ вмѣстѣ съ нѣжнымъ письмомъ. Когда же Наденька сообщила, что они необыкновенно дешево купили двѣ тысячи десятинъ, за которыя теперь же даютъ хоро-

шія деньги, Ѳеоза Андреевна была совсѣмъ побѣждена и вскорѣ, по случаю появленія на свѣтъ внучка Николая, послала ему на зубокъ, несмотря на свою скупость, триста рублей.

Между тѣмъ, благодаря нескромности какого-то корреспондента, поднялась такъ-называемая «уфимская исторія», обратившая на себя вниманіе правительства на расхищеніе земель въ Оренбургскомъ краѣ. Въ числѣ многихъ, прикосновенныхъ къ этой исторіи, оказался и Орѣшниковъ. Вышли непріятности. Хотя Аркадій Николаевичъ и избѣжалъ серьезной отвѣтственности, однако долженъ былъ выйти въ отставку, успѣвъ, впрочемъ, благополучно продать свой съ неба упавшій участокъ за тридцать тысячъ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что въ дѣлѣ покупки главной виновницей была Наденька. Самъ Аркадій Николаевичъ сперва находилъ не совсѣмъ благовиднымъ, пользуясь своимъ положеніемъ, покупать за баснословно дешевую цѣну землю, да еще завѣдомо принадлежащую башкирамъ. Но Наденька такъ умно вела по этому поводу бесѣды съ мужемъ, указывая, что такимъ образомъ пріобрѣтаютъ земли «всѣ», при чемъ такъ горячо говорила о будущности дѣтей (она въ это время была беременна и ждала второго ребенка), что Аркадій Николаевичъ скоро уступилъ и сдѣлалъ, какъ «всѣ». Пріобрѣтя землю, онъ почувствовалъ себя вскорѣ вполнѣ довольнымъ и ничего неблаговиднаго въ этомъ уже не видалъ, не предвидя будущихъ непріятностей. Напротивъ, онъ находилъ, что переходъ пустующихъ земель въ культурныя руки есть въ нѣкоторомъ родѣ полезное для государства дѣло.

Послѣ отставки Орѣшниковы пріѣхали въ Петербургъ.

Въ это время Аркадій Николаевичъ называлъ себя умѣреннымъ консерваторомъ. Онъ начиналъ поговаривать о паденіи основъ и бранить ту самую «Ласточку», въ которой когда-то помѣщалъ рѣзвыя статейки и мнѣнія которой, бывало, повторялъ. Но особенно въ ту пору Аркадій Николаевичъ ругалъ «негодяевъ корреспондентовъ» и говорилъ, что пора обуздать «этихъ разбойниковъ пера» и запретить печати касаться лицъ, находящихся на службѣ, чтобы не подрывать престижа власти. Онъ былъ попрежнему добродушенъ, легкомысленъ и рѣшителенъ въ сужденіяхъ, но на немъ лежала печать нѣкоторой меланхоліи, которую

кто-то изъ его знакомыхъ назвалъ «уфимской меланхоліей», и искалъ мѣста.

Нѣсколько лѣтъ я не видалъ Аркадія Николаевича, но имѣлъ извѣстія, что онъ, благодаря хлопотамъ Наденьки и отчасти своимъ собственнымъ, устроился очень хорошо: членъ какой-то временной комиссіи, директоръ въ двухъ правленіяхъ и получаетъ тысячъ двѣнадцать въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщали, что Аркадій Николаевичъ очень веселъ, совсѣмъ забылъ объ уфимской исторіи, считая ее просто тенденціозной выдумкой либеральной печати, называетъ себя истинно русскимъ человѣкомъ, шьетъ платье изъ русскаго сукна, пьетъ русскія вина, ругательски-ругаетъ Европу и жалуется на снисходительность правительства, терпящаго гласный судъ и разныя другія учрежденія, вовсе не отвѣчающія, по его мнѣнію, нашему національному характеру. Прибавляли, что Орѣшниковъ попрежнему счастливъ съ Наденькой, имѣетъ трехъ человѣкъ дѣтей и почти ежедневно винтитъ.

VII.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, когда я однажды сидѣлъ послѣ завтрака передъ кафе на бульварѣ С.-Мишель, пробѣгая газеты, кто-то громко, крикливымъ теноркомъ, окликнулъ меня по-русски. Смотрю и не вѣрю глазамъ: передо мной стоялъ Орѣшниковъ съ супругой.

Аркадій Николаевичъ, значительно потолстѣвшій, съ солиднымъ брюшкомъ, круглый, крѣпкій и румяный, мало постарѣвшій, весело поводилъ своими сочными толстыми губами и добродушно улыбался. Въ петлицѣ краснѣла орденская ленточка.

— Не узнаете?

— Какъ не узнать!

Онъ радостно облобызался со мной троекратно, засусливъ мнѣ губы, а Надежда Павловна, изящно, по послѣдней модѣ одѣтая, гладкая и раздобрѣвшая, глядѣвшая изъ-подъ бѣлой вуалетки съ мушками еще довольно моложавой для своихъ сорока лѣтъ, привѣтливо, по родственному пожала мнѣ руку.

— Наконецъ-то встрѣтили русскаго человѣка, да еще родственника!—радостно отдуваясь, проговорилъ Орѣшниковъ, присаживаясь съ Надеждой Павловной къ моему столику.—А то пять дней путаемся въ Парижѣ и ни одной русской души.

Въ эту минуту спѣшно подошелъ гарсонъ, вопросительно глядя, въ ожиданіи заказа.

— Чего, Наденька, хочешь? Вѣдь здѣсь, въ свободной странѣ, нельзя такъ просто посидѣть. Непремѣнно ѣшь или пей!—иронически прибавилъ Аркадій Николаевичъ.

— Все равно... какого-нибудь питья.

— Вы что это пьете?—обратился Орѣшниковъ ко мнѣ.

— Гренадинъ.

— Ну и мы, Наденька, спросимъ гренадину. Только не фальсификація ли это какая-нибудь, а? Вѣдь тутъ держи ухо востро... всякую дрянь дадутъ...

Аркадій Николаевичъ говорилъ такъ громко, что на него взглянули.

— Говори тише, Аркадій!—остановила его Наденька.

И почему-то особенно привѣтливо, даже заискивающе улыбаясь гарсону, какъ дѣлаютъ многія русскія дамы, первый разъ бывающія за границей и желающія передъ всѣми показать, что онѣ не «варварки»,—Надежда Павловна, видимо разсчитывая щегольнуть своимъ французскимъ выговоромъ, произнесла, слегка грасируя:

— Deux grenadines, s'il vous plait!

Послѣ нѣсколькихъ разспросовъ о родныхъ и общихъ знакомыхъ, я освѣдомился, давно ли Орѣшниковы за границей.

— Мѣсяца уже полтора... Доктора послали Наденьку въ Франценсбадъ, а я кстати въ Маріенбадѣ свой жиръ спускалъ... Вотъ сюда на десять дней пріѣхали, да, кажется, послѣзавтра уѣдемъ...

— Что такъ?

— И по дѣткамъ соскучились, и по Россіи... Не нравится намъ вся эта прогнившая цивилизація... Ну и французы тоже... Нечего сказать, хваленый любезный народъ! Просто, я вамъ скажу, дрянь!—со своей обычной развязной рѣшительностью прибавилъ Аркадій Николаевичъ, возвышая голосъ и видимо начиная закипать.

— Аркадій! Потише... На насъ обращаютъ вниманіе!—снова остановила его Надежда Павловна.

Въ ея тихомъ, мягкомъ голосѣ слышалось почти приказаніе.

— А пусть обращаютъ. Плевать мнѣ на нихъ!—продолжалъ Орѣшниковъ, значительно понижая однако свой крикливый голосъ.—Пора уже намъ перестать раболѣпствовать предъ иностранцами и стыдиться, что мы русскіе...

И, проговоривъ эту тираду, Орѣшниковъ хлебнулъ питья и продолжалъ:

— Да, прожужжали намъ уши: Европа, парламентъ, удивительные порядки, а какъ посмотришь, никакого здѣсь настоящаго порядка нѣтъ. Одинъ лишь показной лоскъ, фальшь, обманъ, болтовня и обирательство. Еще называется свободная страна... Хваленая французская республика. Вездѣ: «Liberté, Fraternité, Egalité», а съ меня, подлецы, на таможнѣ слупили шестьдесятъ франковъ за папиросы! Какъ вамъ это понравится? — прибавилъ Орѣшниковъ, видимо раздражаясь при этомъ воспоминаніи.

— Вы, вѣрно, не объявили, что у васъ есть папиросы?—замѣтилъ я, сдерживая улыбку.

— Положимъ, не объявилъ. Такъ что за бѣда, если у путешественника папиросы... не курить же здѣшнюю дрянь! Кажется, можно понять, что я ихъ везу не для продажи... Ну, я и разсовалъ двѣ тысячи папиросъ, знаете ли въ бѣлье и въ рукава пальто... Съ какой стати я буду еще этимъ прохвостамъ за свои же папиросы платить пошлину,—и безъ того съ насъ, иностранцевъ, вездѣ дерутъ... Думаю: дамъ таможенному французу, какъ давалъ нѣмцу въ Эйдкуненѣ, франкъ и правъ! Хорошо. Пріѣзжаемъ въ Парижъ... Идемъ къ осмотру... Подходитъ къ намъ плюгавый какой-то французишка и спрашиваетъ: «нѣтъ ли чего?» Я по-французски не очень-то боекъ, такъ Наденька любезно такъ говоритъ, что ничего нѣтъ, объясняетъ, что мы русскіе, и что я Conseiller d'Etat въ отставкѣ... Французъ улыбается... А я тѣмъ временемъ показываю ему два франка—отпусти, молъ, съ Богомъ! А онъ, шельма, машетъ съ улыбкой головой и велитъ открыть сундуки... Сталъ шарить... Вытащилъ одну коробку, другую, третью, четвертую... Скандалъ! Да еще, подлецъ, иронизируетъ: «Какъ же вы говорили, что ничего нѣтъ? У васъ, говоритъ, цѣлое bureau de tabac!» Ну хорошо, жри деньги! А то водили насъ по разнымъ мытарствамъ, записывали въ десять книгъ, пока не отпустили, продержавши цѣлые полчаса. Нечего сказать, порядки!—съ торжествующей ироніей заключилъ Аркадій Николаевичъ, желавшій, по обычаю многихъ россіянъ, надуть таможню.

Я, разумѣется, не сталъ объяснять ему всей наивности этихъ спеціально-русскихъ жалобъ и дипломатически молчалъ, не безъ интереса ожидая, какъ еще Аркадій Нико-

лаевичъ будетъ бранить европейскіе порядки. По началу, характеръ его брани обѣщалъ быть любопытнымъ.

— Или, напримѣръ, здѣшніе извозчики... Я ему заплати по таксѣ да еще, кромѣ того, обязанъ давать на водку... Такъ и въ гидахъ сказано. А если не дашь, онъ тебя обругаетъ... Это, видите ли, цивилизація!.. Да тутъ вездѣ обманъ, наглый обманъ... Слава Богу, мы до такой цивилизаціи не дошли... У насъ, у русскихъ, еще совѣсть есть. Вчера, напримѣръ, идемъ мы съ Наденькой по Севастопольскому бульвару, видимъ вывѣска: Café-Concert, entrée libre... Думаю: зайдемъ, взглянемъ. Входимъ, садимся, а ужъ гарсонъ подлетаетъ: «Что, говоритъ, угодно?»—«А ничего не угодно!»—«Такъ, говоритъ, monsieur et madame, нельзя!» Это, видите ли, entrée libre... Да ты лучше за входъ бери, а не обманывай... А европейское скаредство!.. Въ Австріи, напримѣръ, считаютъ, сколько ты булочекъ съѣлъ... Просто мерзость!

— А въ Берлинѣ съ насъ взяли по 50 пфениговъ за то, что мы за обѣдомъ въ гостиницѣ вина не пили!—пожаловалась Надежда Павловна.—Конечно, не въ 50 пфенигахъ дѣло (хотя для экономной Наденьки именно въ нихъ-то и было дѣло), а въ нагломъ обирательствѣ...

— А хваленая французская вѣжливость, про которую протрубили на весь міръ!—заговорилъ снова Аркадій Николаевичъ.—Ѣдемъ мы вчера утромъ въ конкѣ. Я, признаться, нѣсколько свободно усѣлся—у нихъ такія крошечныя мѣста! Такъ кондукторъ-каналья, вмѣсто того, чтобы подойти и вѣжливо попросить, крикнулъ на весь вагонъ, чтобы я далъ другимъ мѣсто, да еще, обращаясь къ кому-то, прошелся на мой счетъ и назвалъ меня «gros monsieur». Скотина этакая! А на желѣзной дорогѣ тоже! Одинъ французъ вошелъ въ вагонъ перваго класса, приложился къ шляпѣ, безъ церемоніи снялъ мои вещи, положилъ ихъ на сѣтку и усѣлся на свободное мѣсто, да еще ехидно объясняетъ, что мѣста въ вагонахъ не для вещей, а для сидѣнья, точно я этого и безъ него не понимаю! Нечего сказать, любезность! Вотъ, спросите Наденьку, какая у нихъ и любезность-то пакостная, какъ съ ней приказчики въ магазинахъ говорили!

— Не стоитъ объ этомъ разсказывать!—замѣтила Надежда Павловна съ видомъ оскорбленной скромности.

— Нѣтъ, ты разскажи, Наденька, какіе двусмысленные комплименты отпускали тебѣ эти безстыдники въ Луврѣ.

Признаться, я удивился, ибо никогда не слыхалъ подобныхъ нареканій на французскихъ приказчиковъ, и еще въ такихъ магазинахъ, какъ Лувръ; да, по совѣсти говоря, никакъ не могъ даже и предположить, чтобы у нихъ явилось особенное желаніе говорить Надеждѣ Павловнѣ, несмотря на ея моложавость, комплименты, да еще «двусмысленные».

— Что же они говорили вамъ?—спросилъ я Орѣшникову.

— Повидимому, какъ будто ничего особеннаго... Обыкновенная приказчичья любезность... французская манера говорить комплименты, но они при этомъ смотрѣли такъ нагло въ глаза, улыбались такъ двусмысленно, что я, кажется, уже не молодая женщина, а краснѣла, какъ дѣвочка... Можетъ-быть, француженкамъ это и нравится, а порядочныя русскія женщины къ этому не привыкли!—съ чувствомъ благороднаго негодованія сказала Надежда Павловна и прибавила тономъ горделиваго превосходства:—Мы вѣдь не француженки, слава Богу!

Я опять промолчалъ. Надежда Павловна такъ увѣренно говорила, что возражать было и напрасно, и нелюбезно. Мало ли есть дамъ—и преимущественно не изъ особенно красивыхъ—умѣющихъ въ самыхъ обыкновенныхъ взглядахъ видѣть покушеніе на романъ.

— А ѣдятъ-то какъ! — заговорилъ Аркадій Николаевичъ:—одна слава, что подаютъ много кушаній, а ихъ обѣдъ не стоитъ нашихъ двухъ блюдъ. У насъ всталъ изъ-за стола—и вполнѣ доволенъ, даже пуговицу штановъ хочется разстегнуть, а здѣсь? Отобѣдалъ и хоть снова садись за столъ! Супы—вода... Мясо—не знаешь самъ, какое... можетъ-быть, и настоящее, а можетъ-быть, ты собаку или кошку ѣшь... Еще бы! Мясо-то у нихъ полтора франка фунтъ... и приходится изворачиваться.

— А эти неприличныя сцены на улицахъ?.. Эти безстыдныя продажныя женщины на бульварахъ... Ихъ костюмы!?—вставила Надежда Павловна.

— Открытый развратъ!—подтвердилъ и Орѣшниковъ.

— И хоть бы красивыя! Говорили: француженки привлекательны... Быть-можетъ, мужчины и находятъ въ нихъ привлекательность, но я не нахожу... Я и хорошенькихъ здѣсь почти не видала...

— А квартиры здѣшнія?.. Комнаты крошечныя... Темнота... Зимой холодъ... Какой-то «Choubersky», вмѣсто на

шей православной печки... А эти ночные крики на улицахъ!..

— Какіе крики?—спросилъ я.

— Да какъ же! Горланятъ себѣ ночью марсельезу или другое что-нибудь, и горя мало... Идетъ компанія и оретъ... Или студентовъ орава съ гамомъ, крикомъ на-дняхъ неслась по улицѣ... У насъ давно бы въ участокъ взяли за безпорядокъ, а здѣсь ори себѣ, ходи скопомъ, сдѣлай одолженіе! Мѣшай спать добрымъ людямъ, мѣшай прохожимъ... Это называется свободой... Благодарю покорно!

Я слушалъ Орѣшникова, слушалъ, съ какимъ развязнымъ апломбомъ онъ обобщалъ свои пятидневныя наблюденія и критиковалъ то, о чемъ имѣлъ смутныя понятія, и невольно припомнилъ тѣ времена, когда онъ съ такою же развязностью восхищался французами, стремился «поцѣловать камни Парижа», открывалъ передъ барышнями широкіе горизонты будущаго или энергично требовалъ Царьграда и проливовъ.

И, глядя на это добродушное, пышущее здоровьемъ лицо, я задалъ себѣ вопросъ: «Что будетъ повторять этотъ типичный представитель «улицы» еще лѣтъ черезъ пять?»

А Аркадій Николаевичъ между тѣмъ спѣшилъ сообщить свои впечатлѣнія и продолжалъ:

— А газеты здѣшнія каковы! Такъ-таки и называютъ своихъ министровъ мошенниками и безъ церемоніи изображаютъ ихъ въ невозможныхъ карикатурахъ. Самого президента Карно честятъ чуть ли не идіотомъ... И все это они называютъ свободой прессы... Да скажите на милость, какъ послѣ этого власть можетъ имѣть необходимый престижъ?.. Оттого-то они и не уважаютъ правительства и мѣняютъ министровъ, какъ перчатки... Да что и говорить... Просто прогнившая нація...

Въ тотъ же день мы обѣдали вмѣстѣ. За обѣдомъ Орѣшниковы не переставали фыркать на «заграницу». Особенно досталось палатѣ депутатовъ. Нѣсколько дней тому назадъ они попали на засѣданіе (хозяинъ гостиницы досталъ имъ билетъ), и Аркадій Николаевичъ такъ передавалъ свои впечатлѣнія:

— Одѣты всѣ, я вамъ скажу, какъ сапожники... Такое мѣсто—палата, а они въ пиджакахъ, да вестончикахъ, точно у себя дома... У насъ и на службѣ надѣнь вицъ-мундиръ, а здѣсь приходи, въ чемъ тебѣ угодно... Шумъ, гамъ, точно въ кабакѣ... Говоритъ ораторъ и, если онъ не

нравится, никто его и не слушаетъ... Ходятъ, разговариваютъ, смѣются... Кричатъ потомъ: «Voter, voter!», а о чемъ «voter» и сами, я думаю, не знаютъ... Безобразное зрѣлище! Да у насъ въ любомъ департаментѣ, ей-Богу, больше порядка и смысла, чѣмъ здѣсь въ парламентѣ. Тихо, мирно, благородно все, какъ слѣдуетъ, по порядку... Написалъ докладъ, во время разсмотрятъ, утвердятъ и дѣлу конецъ... Да, батюшка, эти «говорильни» отживаютъ свой вѣкъ... Всѣ начинаютъ понимать—даже и лучшіе умы въ Европѣ—что при одномъ королѣ больше и счастья, и порядка, чѣмъ при пятистахъ короляхъ-депутатахъ! Недалеко время, когда Европа придетъ къ этому, и парламенты по боку. Обязательно! И безъ того повсюду безбожіе, сомнѣніе, отсутствіе устоевъ... Одни только мы, русскіе, еще не забыли Бога и совѣсти... Да, не забыли! Какъ истинно-русскій человѣкъ говорю!—прибавилъ Аркадій Николаевичъ и, прослезившись, хлопнулъ кулакомъ себѣ въ грудь.

Онъ выпилъ почти одинъ двѣ бутылки хорошаго «помара» и былъ нѣсколько возбужденъ. Покончивъ съ «Европой», онъ заговорилъ о великой будущности Россіи и размякъ... Онъ расхваливалъ и добрый, способный русскій народъ, оговорившись однако, что его все-таки надо отечески пороть (мужичокъ самъ этого желаетъ), хвалилъ чудную русскую жену и мать, хвалилъ теперешнюю трезвую молодежь, нашу широкую натуру, выносливость, гостепріимство, говорилъ, что мы, слава Богу, теперь на настоящей дорогѣ, что всякому порядочному человѣку легко дышать, и, заключивъ свою рѣчь увѣреніемъ, что намъ отнюдь не надо походить на подлый Западъ съ его развратомъ,—совсѣмъ неожиданно предложилъ ѣхать въ «Bouffes Parisiennes».

— Хочешь, Наденька?—заискивающе-умильно спросилъ онъ жену.

Но Надежда Павловна, все время слушавшая мужа съ сочувствіемъ и даже съ нѣкоторой гордостью, отвѣтила, что устала. «У нея и голова болитъ, да и вообще она не охотница до такихъ представленій!»—прибавила Надежда Павловна, чуть-чуть кривя свои тонкія губы и чуть-чуть подчеркивая слово: «такія».

— Не пойти ли намъ вдвоемъ?—нерѣшительно обратился ко мнѣ Орѣшниковъ, взглядывая искоса на жену.

— Да вѣдь и ты, Аркадій, усталъ. Лучше пораньше ля-

жемъ спать, да хорошо выспимся... А, впрочемъ, какъ тебѣ угодно. Мною, пожалуйста, не стѣсняйся!

Аркадій Николаевичъ тотчасъ же согласился, что оно, пожалуй, и лучше лечь пораньше спать, и скоро мы распростились. Орѣшниковы просили не забывать ихъ въ Петербургѣ. Они собирались уѣзжать въ Россію черезъ два-три дня.

На другой же день мнѣ пришлось еще разъ встрѣтиться въ Парижѣ съ Аркадіемъ Николаевичемъ.

Это было поздно вечеромъ. Я возвращался изъ театра по большимъ бульварамъ и столкнулся носъ къ носу съ Орѣшниковымъ, выходящимъ изъ ресторана съ отдѣльными кабинетами подъ руку съ молодой, подмалеванной кокоткой. Онъ былъ веселъ, игривъ и громко смѣялся. Вертлявая француженка ласково назвала его «mon petit cochon» и хлопала по животу.

Въ этотъ самый моментъ Аркадій Николаевичъ и увидалъ меня.

Онъ немного смутился и, пожавъ мнѣ руку, конфиденціально проговорилъ:

— Нельзя, знаете ли, быть въ Парижѣ и... того... Вы смотрите, какъ-нибудь не проговоритесь въ Петербургѣ Наденькѣ. Я вѣдь сказалъ ей, что мы съ вами обѣдаемъ.

— Будьте покойны! — отвѣчалъ я, смѣясь, и прибавилъ:—Ну, по крайней мѣрѣ понравились ли вамъ хоть парижанки?

Онъ добродушно залился веселымъ смѣхомъ и сказалъ:

— Хоть французы и дрянь народъ, а женщины здѣсь и въ Вѣнѣ...

Онъ не докончилъ фразы, сдѣлалъ выразительный жестъ, причмокнулъ своими толстыми губами и, пославъ мнѣ воздушный поцѣлуй, скрылся съ своей дамой въ каретѣ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ ПАРА.

I.

Мнѣ окончательно опротивѣла жизнь въ меблированныхъ комнатахъ съ ихъ неизмѣнными прелестями: какимъ-то, имъ свойственнымъ, прокислымъ запахомъ, постоянной сутолокой, звонками, хлопаньемъ дверей, съ присущимъ каждой меблированной квартирѣ непремѣннымъ «безпокойнымъ жильцомъ», «на-дняхъ» уѣзжающимъ въ Ташкентъ и приводящимъ въ смущеніе своей свободой обращенія не только юркихъ, не особенно застѣнчивыхъ горничныхъ, но даже самую хозяйку—толстую, заспанную, перезрѣлую рижскую уроженку, отставную камелію средней руки, благоразумно промѣнявшую прежнюю профессію на профессію содержательницы шамбръ-гарни.

Я рѣшилъ искать болѣе тихое пристанище, въ видѣ комнаты «отъ жильцовъ», предлагаемой, какъ часто объявляютъ въ газетахъ, «скромнымъ, небольшимъ семействомъ одинокому молодому человѣку».

Долго шатался я по разнымъ комнатамъ, пока не набрелъ на подходящую. Комната была недорогая, свѣтлая, опрятная и—главное—единственная, отдаваемая жильцамъ. «Въ остальныхъ,—объяснила мнѣ старая кухарка:—живутъ господа».

— Нѣмцы? — спросилъ я, пораженный особенной чистотой.

— Что̀ вы! Какіе нѣмцы? — обидчиво возразила старуха.—Русскіе: мужъ да жена.

— Дѣтей нѣтъ?

— Какія дѣти!..—проговорила кухарка.—Дѣтей нѣтъ!

— Старики?

— Ну, нѣтъ... молодые! Комната преотличная... Всего недѣля только, какъ жилецъ съѣхалъ, чиновникъ, жениться собрался... Диванъ новенькій, мягкій (при этомъ она хлопнула ладонью по дивану), можно еще пару стульчиковъ прибавить...

— Какъ васъ звать?

— Степанидой люди зовутъ.

— Такъ я, Степанида, нанимаю комнату. Кому отдать задатокъ?

— Давайте хоть мнѣ, господъ дома нѣтъ. А васъ какъ звать? Вы какіе будете?

— Зовутъ меня Иваномъ Петровичемъ... Бывшій студентъ!

Степанида еще разъ оглядѣла меня съ ногъ до головы, приняла задатокъ и промолвила:

— Только, Иванъ Петровичъ, чтобы шуму никакого не было... по ночамъ...

— Насчетъ этого не безпокойтесь, Степанида. Я самъ не люблю шуму...

— И вотъ что еще—ужъ вы извините, батюшка, меня, старуху... Вы... (она видимо стѣснялась сказать) вы... не пьете?

— Нѣтъ.

— То-то!..—добродушно обронила она, взглядывая своими ласковыми глазами.

— Да вы почему объ этомъ такъ спрашиваете? Развѣ нападали на пьяныхъ жильцовъ?

— Нѣтъ, слава Богу, этого не было... Но только... А ужъ вы не сердитесь, пожалуйста!—закончила она, кланяясь и не давая отвѣта на мой вопросъ.

На другой же день, уложивъ все свое имущество на извозчика, я переѣхалъ на новую квартиру.

Послѣ шума меблированныхъ комнатъ, новая квартира показалась мнѣ просто раемъ. Тепло, уютно, опрятно, спокойно—ничто не мѣшало занятіямъ. Одно обстоятельство нѣсколько смущало меня: рядомъ съ моей комнатой была жилая комната хозяевъ, но и этотъ страхъ близкаго сосѣдства прошелъ послѣ первыхъ же дней. Ни шума, ни сценъ. Сосѣди, какъ кажется, вставали и ложились поздно, а я рано уходилъ изъ дому, и когда возвращался, снова была тишина. Иногда только женскій голосъ доносился изъ другихъ комнатъ мягкими звуками. Ложился я спать тоже среди полнѣйшей тишины, словно никого не было дома... Женскій съ контральтовыми нотами голосъ раздавался за стѣной только съ вечера. Ежедневно съ семи часовъ въ сосѣдней комнатѣ начиналось умываніе и одѣваніе: слышался плескъ воды, раздавались тихія вскрикиванія, затѣмъ начиналось шуршанье юбокъ. Когда туа-

летъ приходилъ къ концу, между сосѣдкой и Степанидой начинался обыкновенно разговоръ вполголоса. Степанидинъ голосъ, понижаясь все болѣе и болѣе, принималъ какой-то убѣждающій шопотъ; въ отвѣтъ раздавались раздражительные отвѣты. Эта непонятная для меня бесѣда заканчивалась обыкновенно шумомъ юбокъ и громкимъ вопросомъ: «хорошо ли сидитъ?», на что̀ въ отвѣтъ получались одобрительныя восклицанія Степаниды: «Павушка... королева ты моя!» и т. п. Затѣмъ по коридору раздавались шаги, и мимо моихъ дверей проносился легкій шелестъ шелковаго платья; душистая струйка врывалась въ мою комнату, затѣмъ хлопали дверями, и снова въ квартирѣ водворялась мертвая тишина.

Прошло двѣ недѣли, и мнѣ не случалось увидать своихъ хозяевъ. Признаться, они меня заинтересовали. Странное что-то было въ этой квартирѣ. Степанида вѣчно шепталась за стѣной съ хозяйкой, а во время ея отсутствія я нѣсколько разъ видѣлъ, какъ она, поджидая барыню, заливалась слезами, но всегда при моемъ появленіи отворачивалась, желая скрыть слезы... Среди ночной тишины по коридору шлепали, бывало, туфли; осторожной, робкой походкой проходилъ кто-то, и тогда въ коридорѣ начинался какой-то странный разговоръ. Мягкій, тихій мужской голосъ о чемъ-то упрашивалъ Степаниду, но она обыкновенно отвѣчала: «Нельзя, родной мой... ложись лучше спать». Но тихій голосъ такъ убѣдительно просилъ «Степаниду Матвѣевну», что старуха не выдерживала и, казалось, сдавалась на просьбы. «Ну, изволь, только, смотри, сейчасъ же ложись, чтобы она не видала!»—говорила она и вслѣдъ затѣмъ куда-то исчезала. Послѣ одного изъ такихъ разговоровъ я встрѣтилъ ее какъ-то на кухнѣ. Она только-что вернулась и подъ платкомъ что-то прятала, но, увидавъ меня, сконфузилась... Со мной Степанида не заговаривала о хозяевахъ. Я не разспрашивалъ. Разъ только, подавая самоваръ, Степанида закинула:

— Нашу видѣли?

— Нѣтъ. А что̀?

— Ничего. Я такъ. Полмѣсяца живете и не видали...

— Развѣ интересно?

— Какъ кому!—загадочно проговорила Степанида, обрывая разговоръ, несмотря на мои попытки продолжать его.

— А мужъ, видно, домосѣдъ?

— Да... читать любитъ... За книжками болѣе... Однако я съ вами болтаю, а у меня дѣло есть...

Съ тѣмъ и ушла.

Кажется, на другой или на третій день послѣ этого разговора я заработался что-то долго. Былъ четвертый часъ утра, когда раздался звонокъ, и по коридору прошумѣлъ знакомый шелестъ платья... За стѣной раздался хохотъ.

— Ну, раздѣвай меня, няня... Что̀, вамъ весело было?— произнесла хозяйка веселымъ голосомъ.

— Ахъ, Зоя Михайловна... И тебѣ не жаль его?

— Молчи, нянька... Онъ спитъ?..

— Врядъ ли... Сама знаешь, до сна ли...

— Дуракъ!—презрительно произнесла она.

Слышно было, какъ Степанида всхлипывала.

Шуршанье юбокъ смолкло.

— Жилецъ хорошъ собой, няня? — тихо продолжалъ голосъ.

— Нѣтъ.

— Тоже, кажется, такой же дуракъ, какъ и нашъ!— весело засмѣялась хозяйка.

Голосъ ея понизился, и снова раздался смѣхъ.

— Ну, няня, перекрести меня... да поцѣлуй...

За стѣной смолкло.

Я задремалъ... Вдругъ странный шумъ вблизи пробудилъ меня. Рядомъ, за стѣной, раздавался гнѣвный женскій голосъ, перешедшій въ крикъ. Кто-то бѣшено затопалъ ногами. На секунду водворилась тишина, и вдругъ что-то свистнуло и — показалось мнѣ — раздался ударъ хлыста по чему-то мягкому... По комнатѣ торопливо пробѣжали...

Я вышелъ въ коридоръ.

У дверей сосѣдней комнаты стояла молодая женщина со свѣчой въ рукахъ... Я взглянулъ и изумился—такая она была красивая въ бѣломъ капотѣ, съ распущенными по плечамъ волосами. Что̀ за прелестныя черты, несмотря на то, что онѣ были искажены гнѣвомъ! Въ лицѣ—ни кровинки, губы вздрагивали; грудь подымалась; всю ее точно подергивало. Голубые глаза съ расширенными зрачками блестѣли зловѣщимъ блескомъ... Фигура стройная, гибкая... Въ рукѣ маленькій хлыстикъ, змѣйкой извивавшійся по бѣлому капоту...

На другой сторонѣ коридора, напротивъ, въ полутем-

нотѣ стояла маленькая мужская фигурка въ плохенькомъ халатѣ. Совсѣмъ молодой человѣкъ, худой, съ тонкими, изящными чертами красиваго лица и большими, темными, кроткими глазами. Эти кроткіе глаза сразу подкупили меня въ свою пользу, и вся его робкая фигурка показалась мнѣ необыкновенно симпатичной. Онъ растерянно, робкимъ, ласковымъ взглядомъ смотрѣлъ на женщину и какъ бы умолялъ ее успокоиться... Въ лицѣ его было что-то дѣтское и глубоко-симпатичное...

Она бросила на меня быстрый, рѣзкій взглядъ и быстро скрылась въ двери. А онъ какъ-то застѣнчиво взглянулъ и тихо сказалъ, улыбаясь кроткой улыбкой:

— Вы извините, мы нашумѣли, побезпокоили васъ... Видите ли: мы заспорили и...

Онъ опять застѣнчиво взглянулъ и прибавилъ:

— Жена вспыльчивая... Всѣ добрые—вспыльчивые...

Онъ постоялъ, какъ бы въ раздумьѣ, нѣсколько времени и тихо побрелъ на кухню.

— Извините... — прошепталъ онъ еще разъ, проходя мимо.

Я вошелъ въ свою комнату, раздѣлся и легъ спать. За стѣной было тихо. Нервы мои были возбуждены, я ворочался съ бока на бокъ и долго не могъ заснуть... Мнѣ все слышались за стѣной сдержанныя рыданія.

II.

Черезъ нѣсколько времени я познакомился съ молодымъ человѣкомъ. Это была замѣчательно кроткая душа. Онъ иногда захаживалъ ко мнѣ, бралъ книги и любилъ вести «теоретическіе» разговоры, и при такихъ разговорахъ оживлялся; тогда его лицо дѣлалось еще милѣй. Говорилъ онъ, несмотря на васъ, а глядя куда-то вдаль, и точно говорилъ не вамъ, а разговаривалъ самъ съ собою; о женѣ онъ почти не говорилъ, а если случалось упоминать, то упоминалъ съ большимъ уваженіемъ.

По вечерамъ, когда жены не было, онъ въ своемъ неизмѣнномъ халатикѣ приходилъ, садился, сперва застѣнчиво озирался и долго молчалъ. Только нѣсколько времени спустя онъ становился разговорчивѣе. Я любилъ его слушать. Говорилъ онъ съ какимъ-то восторженнымъ вдохновеніемъ. А то, бывало, зайдетъ онъ и остановится среди комнаты, задумается... Я любилъ въ это время смотрѣть на его задумчивое, кроткое лицо, и всегда какая-то

жалость сжимала мнѣ сердце... Лицо его было худое, подозрительный румянецъ игралъ на щекахъ, онъ часто кашлялъ, схватываясь своими тонкими руками за грудь, и кашель былъ такой скверный... И какимъ онъ чужимъ казался среди окружающей обстановки! Всегда одѣтъ плохо, совсѣмъ плохо; самъ, бывало, ставилъ самовары, чистилъ себѣ сапоги и добродушно ссорился по этому поводу со Степанидой, которая, казалось, любила его не меньше, чѣмъ свою барыню. И комнатка его совсѣмъ не похожа была на другія комнаты квартиры. Въ гостиной, столовой и еще какой-то полутемной, убранной въ турецкомъ вкусѣ, вездѣ была роскошь, изящество, масса дорогихъ бездѣлушекъ, цвѣты, картины, вездѣ замѣтна была умѣлая рука любящей комфортъ женщины, а у него въ маленькой комнаткѣ, совсѣмъ позади, какой контрастъ! Письменный столъ, нѣсколько стульевъ, клеенчатый диванъ, на которомъ онъ спалъ, и книги... Книгами была завалена вся комната. Книги валялись на окнахъ, на столѣ, на диванѣ, на полу... Только большой, роскошный акварельный портретъ жены въ дорогой рамкѣ висѣлъ надъ диваномъ и рѣзко выдѣлялся своимъ роскошнымъ видомъ. На портретѣ жена была замѣчательной красавицей, болѣе молодой, чѣмъ теперь; видно было, что портретъ снятъ раньше. Я и забылъ сказать: звали моего знакомаго Василіемъ Николаевичемъ Первушинымъ. Онъ былъ математикъ, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, по цѣлымъ днямъ копался въ книгахъ.

Однажды я зашелъ къ нему. Жены, по обыкновенію, не было дома. Смотрю—ходитъ онъ по кабинету, и такое грустное, скорбное выраженіе въ его кроткихъ глазахъ... Онъ совсѣмъ сконфузился при моемъ появленіи, ну совсѣмъ растерялся... Я недоумѣвалъ, но скоро понялъ причину: на столѣ стоялъ наполовину отпитый полуштофъ и рюмка...

— А жены дома нѣтъ! — проговорилъ онъ. — Она уѣхала... Женщина молодая, ей надо веселиться... правда?

Я что-то отвѣтилъ.

— Что̀ ей дома-то сидѣть... Не скучать же...

И онъ снова заходилъ.

— Я,—началъ онъ робко:—изрѣдка люблю, знаете ли, немного выпить... Думается шире... мысли какія-то свѣтлыя такія идутъ въ голову. Вы этого не пробовали?..

— Нѣтъ.

— Право?.. А впрочемъ не пробуйте... Я все глупости говорю...

И онъ какъ-то неловко повернулся, свалилъ со стола рюмку, которая разбилась, и окончательно смѣшался и оробѣлъ...

Я отвернулся и долго смотрѣлъ на портретъ.

— Какъ вы его находите?—произнесъ онъ.—Не правда ли, прекрасное лицо?.. Вотъ взгляните...

И онъ досталъ изъ стола еще нѣсколько портретовъ и подалъ мнѣ. Это все были фотографіи его жены, ихъ было, кажется, штукъ двадцать, снятыхъ въ разное время въ разныхъ позахъ и костюмахъ.

— Ну что?

— Фотографіи очень хорошія...

— Да...—задумчиво какъ-то проговорилъ онъ: — хорошія, а вотъ я вамъ покажу другое лицо!—сказалъ онъ, и при упоминаніи объ этомъ лицѣ его собственное лицо какъ-то вдругъ прояснилось, стало свѣтлѣе, и въ глазахъ засвѣтился какой-то чудный лучъ глубокой любви.

Онъ досталъ большую фотографію и подалъ мнѣ. Это былъ портретъ молодой женщины, необыкновенно симпатичной. Что-то знакомое промелькнуло мнѣ въ этихъ чудныхъ чертахъ необыкновенно милаго, нѣсколько строгаго лица. Я посмотрѣлъ на Василія Николаевича и догадался.

— Это ваша сестра?

— Да,—улыбнулся онъ.—Мы похожи!.. Къ несчастію, только лицами!—добавилъ онъ.—Чудная душа! Ахъ, какая это душа, если-бъ вы знали!

Когда онъ заговорилъ о ней, я залюбовался на него. Такое благоговѣніе было въ его лицѣ...

— Я ее увижу... непремѣнно. Нельзя же... надо наконецъ...—вдругъ проговорилъ онъ, думая, по обыкновенію, вслухъ.—Я разузнаю адресъ...

Въ это время раздался звонокъ.

Первушинъ видимо оробѣлъ. Онъ быстро спряталъ портреты, убралъ со стола водку и испуганно взглянулъ на меня.

— Который часъ?..—проговорилъ онъ.

— Двѣнадцать.

— Какъ рано!..—обрадовался онъ и видимо стѣснялся моимъ присутствіемъ.

Я хотѣлъ-было уйти, какъ около раздались легкіе шаги,

и на порогѣ появилась моя сосѣдка. Она была гораздо красивѣе, чѣмъ тогда, когда я видѣлъ ее въ первый разъ. Шикарное шелковое платье обхватывало ея стройный станъ; изъ-подъ роскошной шляпки выбивались бѣлокурыя пряди; лицо было оживлено и казалось свѣжѣе отъ горѣвшаго на щекахъ румянца. Она вся улыбалась и внесла за собой какой-то неуловимый, щекотавшій нервы ароматъ. Замѣтивъ меня, она отвѣтила на мой поклонъ самымъ граціознымъ, любезнымъ кивкомъ хорошенькой головки. Во всѣхъ ея движеніяхъ сказывались грація и тактъ свѣтской женщины.

— Я просто въ восторгѣ отъ Паска!—проговорила она, обращаясь къ мужу. — Что̀ за прелесть актриса! какой умъ, какая игра! Однако ты, Вася, разсѣянный какой... Ты насъ не знакомишь?—указала она на меня и подошла ко мнѣ, проговоривъ:—Зоя Михайловна Первушина.

Я назвалъ свое имя.

О первой встрѣчѣ ни полслова.

— Ну, пойдемте, господа, пить чай... Иди же, Вася... Ты здоровъ?..

Онъ кротко такъ взглянулъ на нее и отвѣчалъ:

— Здоровъ, Зоя... здоровъ, что мнѣ дѣлается?

Мы пили чай въ столовой. Зоя Михайловна говорила безъ умолку. Она видимо находилась подъ впечатлѣніемъ пьесы и игры. Василій Николаевичъ съ любовью слушалъ жену, и когда она дѣлала особенно удачныя замѣчанія, онъ значительно покачивалъ головой и смотрѣлъ на меня, будто желая сказать: «видите ли, какая она умная и хорошая».

Однако скоро она умолкла, и веселое расположеніе духа исчезло. На лицо налетѣла какая-то тѣнь. Она смолкла и задумалась. Первушинъ безпокойно взглядывалъ ей въ лицо. Я поспѣшилъ уйти.

III.

Прошло мѣсяца два. Я рѣдко видалъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Первушинъ почти не заходилъ и не звалъ меня къ себѣ. За стѣной было совсѣмъ тихо, и по вечерамъ я уже не слыхалъ обыкновенныхъ разговоровъ хозяйки со Степанидой. Оказалось, что спальня была переведена въ другую комнату.

Степанида по обыкновенію помалчивала. Разъ какъ-то, когда я спросилъ о здоровьѣ Василія Николаевича, она

отвѣтила, что онъ нездоровъ. По грустному лицу доброй старухи я догадывался, что тамъ опять было не ладно.

— Что̀ съ нимъ?

— Кашляетъ все.

— Бѣдный!

— Ну, и она, моя голубушка, тоже бѣдная.

— Хороша бѣдная!—замѣтилъ я:—веселится, бѣгаетъ изъ дому, а онъ чуть не на ладанъ дышитъ.

— Молчите, коли не знаете!—разсердилась старуха.

— Да нечего и знать... Вы-то что̀ такъ заступаетесь?

— Я-то? Да вѣдь я выняньчила Зоюшку. Крѣпостная еще ихняя была. Какъ же мнѣ не заступаться... И кто же за нее заступится, за безталанную!..

На старомъ лицѣ Степаниды видна была глубокая скорбь, а въ словахъ звучала такая теплая нотка, что я не могъ не засмотрѣться на ея доброе лицо.

— Да ты что на меня уставился?—спросила Степанида, вдругъ начиная говорить мнѣ «ты».

— Ничего... Тоже и его жалко.

— А то какъ же... Такая душа и...

Она не договорила и махнула какъ-то безнадежно рукой.

Однажды я сидѣлъ у себя въ комнатѣ, какъ вошелъ Первушинъ. Онъ совсѣмъ осунулся и похудѣлъ еще болѣе. Онъ былъ не въ халатѣ, какъ обыкновенно, а въ потертомъ черномъ сюртукѣ, подалъ руку и заходилъ по комнатѣ. Я замѣтилъ въ немъ какую-то странную рѣшимость, вовсе не идущую къ его робкому виду. Онъ ходилъ и говорилъ вполголоса:

— Она зоветъ... Уйду. Надо-жъ наконецъ... Я не позволю... все, что̀ хочешь, но не касайся сестры. Она святая... Я этого не переношу.

Онъ остановился, странно оглянулся вокругъ и вдругъ замолчалъ. Видимо, ему хотѣлось поговорить, но онъ чего-то стѣснялся.

— Знаете ли что̀...—началъ-было онъ и замахалъ рукой, какъ-то печально улыбаясь.—Не то!.. У васъ есть вино?—вдругъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Нѣтъ—и не надо. Рѣдко двѣ половинки сходятся... Уравненіе, въ которомъ x равенъ... чему x равенъ?

— Пойдемте-ка, Первушинъ, прогуляемтесь лучше.

— Въ самомъ дѣлѣ, пойдемте,—обрадовался онъ.—Но какъ же шапка?

— Какая шапка?

— Моя!—робко замѣтилъ онъ.—Она у Степаниды, у этой доброй души, которая всю свою жизнь отдала другимъ, но стережетъ мою шапку.

— Такъ я возьму ее.

Я вышелъ изъ комнаты и пошелъ въ кухню. Когда я попросилъ у Степаниды шапку Василія Николаевича, она спросила: «зачѣмъ, куда теперь идти... первый часъ!» Но когда я настаивалъ и сказалъ, что мы идемъ гулять вмѣстѣ, она пошла къ барынѣ, скоро вернулась оттуда, дала мнѣ шапку и маленькую записочку отъ Зои Николаевны. Въ этой записочкѣ женскимъ неразборчивымъ почеркомъ были написаны слѣдующія строки: «Вино гибельно для здоровья мужа; Бога ради не угощайте его и удержите. Онъ и безъ того слабъ».

Я вернулся и, когда вошелъ въ комнату, Первушинъ спросилъ:

— Достали?

— Вотъ она!—отвѣчалъ я.

— Такъ идемте. Скорѣй только.

Мы вышли на улицу. Ночь была тихая, лунная, славная. Слегка морозило. Однако мой сосѣдъ плотно кутался въ свое худенькое пальто и задыхался.

— Вамъ тяжело? Поѣдемте, вонъ и извозчикъ.

— Тяжело? Всѣмъ тяжело!—какъ-то задумчиво отвѣчалъ онъ:—а извозчику еще тяжелѣй. Нѣтъ, нѣтъ, пройдемтесь... Я рѣдко нынче хожу. Видите, какая славная ночь, какъ красива луна, и какъ жить хочется. Вы знаете легенду, почему она поблѣднѣла передъ солнцемъ? А звѣзды? Знаете ли, бываютъ минуты, когда хочется говорить... ужасно какъ хочется, а я вообще мало говорю... о себѣ, то-есть...

— Да вы не спѣшите такъ, Василій Николаевичъ, вамъ вредно.

— А я развѣ спѣшу? — усмѣхнулся онъ, умѣряя шаги.—Когда-то я спѣшилъ надѣть шлемъ, но вмѣсто него надѣлъ на голову тазъ, который гораздо болѣе подходитъ къ моей фигурѣ. Но... Наташа зоветъ... иная жизнь... Къ чорту эти книги... Что въ нихъ?..

Онъ какъ-то странно замахалъ руками и закашлялся.

— Пойдемте куда-нибудь въ трактиръ. У васъ есть деньги?

— Есть, пойдемте.

Мы вошли въ трактиръ, заняли отдѣльную комнату и заказали ужинъ.

Первушинъ спросилъ водки и сразу выпилъ двѣ рюмки. Я было-замѣтилъ, что это нездорово, но онъ только добродушно усмѣхнулся.

— Вѣрно, Степанида сокрушалась и секретничала объ этомъ съ вами? Добрая! Она на меня какъ на ребенка смотритъ. Напрасная забота... Я вотъ еще рюмку дерну,— усмѣхнулся онъ, наливая еще рюмку:—и Степанида ничего не сдѣлаетъ.

Вино быстро дѣйствовало на Василія Николаевича. Онъ оживился. Его глаза заискрились лихорадочнымъ блескомъ, и онъ, улыбаясь кроткой, чудной улыбкой, быстро, точно боясь, что не успѣетъ, началъ мягкимъ, тихимъ, надтреснутымъ голосомъ.

IV.

— Только не думайте, Бога ради, голубчикъ, что я жалуюсь. Я не жалуюсь; жаловаться глупо да, собственно говоря, по совѣсти не на что. Развѣ можетъ жаловаться звѣзда, что она свѣтитъ менѣе ярко, чѣмъ солнце? Мало ли разной твари на свѣтѣ погибаетъ? Я просто хочу говорить и... буду говорить. Надоѣстъ вамъ, остановите— я не обижусь. Я вообще не обижаюсь.

Онъ кротко улыбнулся и продолжалъ:

— Женщина, говорятъ, въ жизни играетъ не малую роль. И я начну съ женщины. Вы догадываетесь, что я говорю о Зоѣ? Встрѣтились мы случайно. Надо вамъ сказать, что до этого я ни съ одной женщиной не сходился близко и, признаться, побаивался ихъ, то-есть не то, чтобъ боялся,—это, пожалуй, не то выраженіе,—а испытывалъ нѣчто въ родѣ благоговѣйнаго ужаса, въ родѣ того, я думаю, какой испытали островитяне, увидавъ впервые дѣйствіе пушекъ. Я любовался ими издали, незамѣтно, и не боялся только двухъ женщинъ на свѣтѣ—мать и сестру Наташу. Еще надо сказать, что я былъ застѣнчивъ и робокъ (да и теперь тоже), а къ тому же напуганъ матерью. Добрая! Она страшно меня любила, и, вѣрно, потому для нея каждая недурненькая дѣвушка, заходившая къ намъ, была заклятымъ врагомъ, если только я обращалъ на нее какое-нибудь вниманіе. По словамъ матери, каждая дѣвушка (кромѣ Наташи, конечно), недурная собой, была сиреной, подходить къ которой гибельно и

опасно для молодого человѣка, особенно такого «глупенькаго», какимъ она нерѣдко называла своего любимаго сына.

А бракъ она рисовала всегда такими мрачными красками, особенно когда Наташи не было въ комнатѣ, что, по ея мнѣнію, тотъ молодой человѣкъ, который женится, дѣлаетъ непростительную глупость и непремѣнно погибнетъ. На этотъ счетъ у нея была даже своя собственная теорія, и когда она говорила на эту тему,—а тема эта была ея любимымъ конькомъ,—то говорила съ замѣчательнымъ діалектическимъ мастерствомъ. Она меня находила такимъ совершенствомъ, что ей казалось, будто всѣ барышни имѣютъ на меня виды, а она этого боялась. Понятный эгоизмъ у бѣдной, крайне несчастливой съ отцомъ.

Я съ дѣтства росъ у юбки матери, и какъ я любилъ эту славную юбку! Сколько радостей она мнѣ дала, сколько хорошаго, честнаго слышалъ я изъ устъ матери, прижимаясь къ этой самой юбкѣ! Мать нельзя было назвать очень образованной женщиной, но она была умна и кротка безконечно. Мы съ ней почти не разлучались. Смѣшно сказать: до шестнадцати лѣтъ я спалъ у нея въ комнатѣ. Любила она меня съ тѣмъ страстнымъ эгоизмомъ, съ которымъ способна любить талько мать; она старательно отдаляла отъ меня всякіе, какъ она называла, соблазны, окружала меня попеченіями, думала за меня въ житейскихъ дѣлахъ и точно поставила задачей жизни держать меня какъ можно далѣе отъ житейскихъ дрязгъ. Я проводилъ время за книгами и въ обществѣ матери и сестры. Я много учился, много читалъ и былъ совершеннѣйшее дитя въ жизни; любой деревенскій мальчуганъ десяти лѣтъ имѣлъ болѣе житейскаго опыта и характера, чѣмъ вашъ покорный слуга въ двадцать лѣтъ.

Отецъ сперва на это сердился, потомъ махнулъ рукой. Мать была кроткая, но упорная женщина. Вы знаете женскія тихія натуры, которыя сопротивляются молча? Что̀ съ ними сдѣлаешь? Къ тому же отецъ сознавалъ нравственное превосходство матери. Онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Гордился своей фамиліей (все гербы изъ герольдіи доставалъ) и былъ ростовщикомъ, то-есть не имѣлъ кассы ссудъ, нѣтъ, а давалъ деньги подъ векселя за огромные проценты. Это я узналъ уже позднѣе, отъ сестры; сестра очень мучилась этимъ, да и мать какъ-то

пугливо смотрѣла на отца. Всѣ его чуждались, и онъ, какъ кажется, гдѣ-то на сторонѣ свилъ себѣ другое гнѣздо и рѣдко бывалъ съ нами.

Чудная душа была Наташа! Такой правдивой души я не встрѣчалъ болѣе. Ее всѣ уважали, даже отецъ; слово Наташи считалось внѣ сомнѣній. Какъ бы въ противоположность мнѣ, она обладала независимымъ характеромъ и замѣчательной силой воли. Къ ней точно перешли упорство отца и кротость матери. Съ матерью она была дружна, но не была подъ ея вліяніемъ; она много читала, много думала. Ей въ то время было двадцать пять лѣтъ. Вы видѣли ея портретъ? Хорошенькой ее нельзя назвать, да это названіе и не шло бы къ ней; ее какъ-то совѣстно было назвать хорошенькой. Въ ней была особенная, строгая красота. Лицо спокойное, сосредоточенное, черные глаза, умные и кроткіе. Странная дѣвушка! Изъ такой породы, я думаю, была Шарлота Корде.

Бывало, она начнетъ говорить,—говоритъ такъ тихо, а сама блѣдная, губы побѣлѣютъ. Очень ужъ близко принимала она къ сердцу всякую неправду и ложь. Мать не такъ любила ее, какъ меня. Наташа не умѣла ласкаться и не жалась къ юбкѣ матери никогда. Обо мнѣ Наташа часто сокрушалась. «Ты, Вася, какой-то блаженный, Богъ тебя знаетъ!»—говорила она, сидя у меня въ комнатѣ. Я любилъ все объяснить, взвѣсить, разсортировать; она жила болѣе чувствомъ; я боялся людей, она—напротивъ; я любилъ кабинетъ и спокойствіе; она не любила кабинетныхъ занятій; я всегда колебался; она рѣшала быстро... Она закаливала себя, чтобъ не быть «барышней», какъ она говорила; только она не считала себя еще готовой ѣхать въ деревню и быть тамъ учительницей. Она совѣтовала мнѣ чаще бывать въ обществѣ товарищей, но я всегда дичился, робѣлъ, конфузился, какъ-то страшно было. Она крѣпко любила меня!

Я былъ на четвертомъ курсѣ, когда случилась наша встрѣча съ Зоей,—именно случилась. Я даже теперь помню число, когда мы познакомились: это было четырнадцатаго ноября. Мы поѣхали втроемъ въ клубъ.

Я застѣнчиво бродилъ подъ руку съ сестрой по заламъ и съ какимъ-то страннымъ чувствомъ глядѣлъ кругомъ. Я былъ въ клубѣ въ первый разъ. Въ залѣ было душно; у меня кружилась голова отъ жары и женскихъ оголенныхъ плечъ. Послѣ «тетрадокъ» и вычисленій, я смотрѣлъ

на женскія лица съ жадностью и любопытствомъ двадцатитрехлѣтняго болвана, прикованнаго къ юбкѣ. Онѣ всѣ казались мнѣ красивыми, милыми и... страшными. Мнѣ такъ хотѣлось подойти къ нимъ и въ то же время я зналъ, что я ни за что бы не рѣшился на такой шагъ. Я вздрагивалъ, когда проходилъ близко женщины, и вмѣстѣ съ тѣмъ жадно вдыхалъ этотъ одуряющій душистый ароматъ, который исходилъ отъ нихъ.

Глядя по сторонамъ въ этой пестрой толпѣ, я нечаянно толкнулъ какую-то даму, проходившую мимо. Я пробормоталъ извиненіе, взглянулъ на нее и обомлѣлъ. Вы видѣли ее? Не правда ли, она хороша? Ну, а три года тому назадъ она была еще лучше. Мое искреннее изумленіе, кажется, понравилось ей. Она привѣтливо улыбнулась и пристально взглянула на мое смущенное лицо. Сестра дернула меня за рукавъ, и мы пошли далѣе.

— А ты, Первушинъ, совсѣмъ сталъ слѣпымъ!—нагналъ насъ одинъ изъ моихъ товарищей, бывавшихъ у насъ.— Я тебѣ кланяюсь, а ты ничего не видишь!

Я извинился.

— Съ тобой, братъ, желаетъ познакомиться та дама, на которую ты такъ заглядѣлся!—проговорилъ онъ тихо.

Я растерялся совсѣмъ и принялъ его слова за шутку.

— Безъ шутокъ, Первушинъ. Какія шутки! Эхъ, ты, красная дѣвица!.. Если хочешь, такъ отведи сестру и приходи къ буфету, я буду ждать.

Я отвелъ сестру къ матушкѣ и хотѣлъ отойти, но она пытливо взглянула и спросила: «Куда?» Я вспыхнулъ и въ первый разъ въ жизни раздражился. «Я не маленькій!»—отвѣтилъ я и пошелъ.

Торопливо прошелъ я черезъ толпу и нашелъ товарища.

— Ну, пойдемъ! — взялъ онъ меня за руку. — Тебя ждутъ. Да что̀ съ тобою? Ты дрожишь?

Я, дѣйствительно, вздрагивалъ, точно въ лихорадкѣ, отъ волненія и застѣнчивости; очень ужъ страшно было.

А мы ужъ подходили, я это чувствовалъ. Вонъ она сидитъ на диванѣ. Я рѣшился удрать. Я было-рванулъ руку, но было поздно.

— Вотъ та красная дѣвица, съ которой вы хотѣли познакомиться, Зоя Михайловна. Позвольте вамъ представить ее: Василій Николаевичъ Первушинъ.

— Очень рада!—проговорила она, протягивая руку, ко-

торую, помню, я какъ-то страшно-крѣпко пожалъ.—Садитесь. Вотъ сюда... на диванъ.

Я совсѣмъ растерялся. Она смотрѣла въ упоръ своими блестящими, смѣющимися глазами. Я стоялъ около, какъ пень, и не двигался съ мѣста.

— Вы, какъ я посмотрю, разсѣянный. Садитесь же подлѣ... вотъ такъ.

Товарищъ куда-то ушелъ, и мы заговорили,—вѣрнѣе, она говорила... Что̀ такое говорила она, я, ей-Богу, не помню, но помню, что она хохотала громко, показывая блестящіе зубы, глядѣла на меня подзадоривающимъ взглядомъ, который сводитъ съ ума подростковъ и стариковъ, и наклонялась къ самому лицу такъ близко, что я сторонился. Скоро однако она бросила эту манеру. Она какъ будто подтянулась и стала относиться ко мнѣ серьезно, съ какою-то доброю ласковостью старшей сестры. И глаза ея, большіе синіе глаза, перестали смѣяться.

Вы вообразите себѣ неловкаго, застѣнчиваго, неопытнаго юношу, голова котораго набита «тетрадками», рядомъ съ блестящей, красивой молодой женщиной—и вы поймете, что въ ту пору я изображалъ изъ себя довольно забавную фигуру. Я почти не раскрывалъ рта, и мнѣ хотѣлось убѣжать скорѣй. Но вдругъ на меня нашла какая-то отвага, именно отвага отчаянія, и я сталъ говорить. Я говорилъ, что я студентъ, что буду профессоромъ, что дамъ не люблю, что въ клубѣ въ первый разъ, и она съ такимъ вниманіемъ, не прерывая, слушала мою болтовню, что, когда я спохватился, мнѣ сдѣлалось стыдно, и я замолчалъ.

— Продолжайте, продолжайте, — тихо проговорила она.—Что-жъ вы замолчали?

Но я говорить уже болѣе не могъ.

— Что же вы?—тихо переспросила она, ласково дергая меня за руку.

— Я... я... не могу!..—проговорилъ я.

Въ это время мимо проходилъ какой-то изящный молодой офицеръ. Онъ кивнулъ моей дамѣ съ такой фамильярностью, что я побагровѣлъ; она отвѣчала тѣмъ же. Онъ, смѣясь, подошелъ къ ней и, нагнувшись такъ близко къ шеѣ, что губы почти касались ея, началъ шептать. Она расхохоталась и, указывая на меня, отрицательно покачала головой, шутливо ударивъ его по рукамъ вѣеромъ. Офицеръ отошелъ и, отходя, замѣтилъ, смѣясь:

— Новый экземпляръ?

Она кивнула головой и обернулась въ мою сторону. По всей вѣроятности, лицо мое было глупо до послѣдней степени, потому что вдругъ она взяла меня тихо за руку и съ умоляющимъ выраженіемъ спросила:

— Что̀ съ вами?

Я отвѣчалъ, что мнѣ жарко... усталъ...

— Это былъ мой братъ! — неловко проговорила она, угадавъ, вѣроятно, мое настроеніе.

— Братъ? — переспросилъ я и радостно вздохнулъ. — Какъ онъ на васъ не похожъ.

— Да... не похожъ... Куда-жъ вы?

Мнѣ даже послышался въ этомъ вопросѣ испугъ.

— Пора... меня ожидаютъ мать и сестра...

— И вы бѣжать? Останьтесь...

— Нѣтъ!.. Да... лучше пустите!

Я говорилъ какой-то вздоръ, а она слушала его съ непонятнымъ мнѣ участіемъ.

— Ну, хорошо, я васъ пущу, но только съ условіемъ! — сказала она тихо.—Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы наша встрѣча была послѣдней, Василій Николаевичъ, и если вы не прочь поскучать у меня, заѣзжайте ко мнѣ. По утрамъ я всегда дома до трехъ...

Она сказала адресъ.

— Пріѣдете? — снова спросила она, задерживая мою руку.—Не забудете адреса?

— Еще бы!—сказалъ я и такъ пожалъ ея руку, что она чуть не вскрикнула.

Я быстро уходилъ отъ нея въ какомъ-то чаду. Странное ощущеніе испытывалъ я: не то страхъ, не то восторгъ. Точно я только-что ходилъ по краю пропасти, и мнѣ хотѣлось снова пройтись. Я припоминалъ ея лицо, слова.

— Гдѣ это ты пропадалъ, Вася?—спросила меня мать, по обыкновенію, ласково, позабывъ мой рѣзкій отвѣтъ.

— Мы были съ товарищемъ...

— А мы тебя искали!—замѣтила Наташа.

— Не пора ли, дѣти, ѣхать?

— Ахъ, нѣтъ, подождемте, мама... Еще рано!—сказалъ я.

Мать ревниво взглянула на меня и замѣтила:

— Ну, хорошо. Мы останемся еще, но только не болѣе часу. Ты, впрочемъ, какъ хочешь. Кажется, здѣсь особеннаго веселья нѣтъ, Наташа?

Сестра молча согласилась съ матушкой.

Передъ отъѣздомъ мнѣ еще разъ хотѣлось взглянуть на Зою Михайловну, и я пошелъ ее отыскивать. Проходя по столовой, я увидалъ ее. Она сидѣла рядомъ съ офицеромъ и громко хохотала; передъ ними стояла бутылка шампанскаго. Я поторопился пройти, но мнѣ показалось, что она меня замѣтила и... и сконфузилась.

Въ швейцарской, когда мы надѣвали шубы, ко мнѣ подбѣжалъ мой товарищъ и, какъ-то скверно щуря глаза, замѣтилъ:

— Ты, Первушинъ, счастливецъ!

— То-есть, какъ это?

— Очень просто. Что это ты такимъ агнцемъ представляешься? Ты Зоѣ Михайловнѣ понравился. Она любитъ такихъ... зеленыхъ.

И онъ засмѣялся гадкимъ смѣхомъ.

— Только,—продолжалъ онъ:—ты не зѣвай, а прямо...

— Что̀ ты говоришь? какъ ты смѣешь такъ говорить?

— Ха-ха-ха!.. Да вѣдь Зоя Михайловна—кокотка!

Я такъ схватилъ его за руку, что онъ поблѣднѣлъ и страшно-испуганно взглянулъ на меня.

— Если ты еще одно слово... я ударю тебя!

Съ этими словами я бросился вонъ изъ швейцарской на подъѣздъ. Тамъ я нашелъ своихъ, и мы уѣхали.

— Кокотка? Не можетъ-быть. Онъ лжетъ!—повторялъ я нѣсколько разъ и долго не могъ заснуть.

V.

Первушинъ, несмотря на мои увѣщанія, выпилъ еще двѣ рюмки и продолжалъ:

— Прошло двѣ недѣли со времени нашей встрѣчи, а я не рѣшался идти къ Зоѣ Михайловнѣ. По правдѣ говоря, я ходилъ къ ней каждый день, но доходилъ только до ея квартиры, а звонить не осмѣливался. Съ какой стати я приду къ ней! Она такъ, изъ любезности, просила бывать, мало ли просятъ, а я вдругъ... Нѣтъ, ни за что!

Съ такими мыслями обыкновенно я сходилъ печальный съ лѣстницы и возвращался домой.

«Тетрадки» мнѣ надоѣли. Чтеніе показалось такимъ скучнымъ. Между строкъ книги незамѣтно для меня появлялось молодое, красивое лицо. Я закрывалъ глаза, желая подолѣе удержать въ памяти дорогой образъ, и такъ просиживалъ подолгу.

Мать волновалась и тревожно всматривалась въ меня, но я отговаривался нездоровьемъ.

Прошла еще недѣля, и я снова началъ ходить на лекціи, хотя, признаюсь, Зоя болѣе всѣхъ профессоровъ занимала мое вниманіе. Какъ-то, при входѣ въ университетъ, швейцаръ подалъ мнѣ маленькую записочку; я взглянулъ на почеркъ, и сердце скнуло; я сразу догадался, отъ кого она. Стало страшно. Я осторожно разорвалъ конвертъ и прочиталъ приглашеніе Зои зайти къ ней.

Нечего и говорить, что я тотчасъ поѣхалъ.

— И не стыдно вамъ?—ласково покорила она, подавая обѣ руки.

Она посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Суровая морщинка на лбу сгладилась. Она вся просіяла.

— Отчего же такъ долго?

Въ отвѣтъ я говорилъ какую-то чепуху.

Зоя была въ отличномъ расположеніи духа. Она говорила безъ умолку, смѣялась, трунила надъ моей застѣнчивостью, потомъ показала свое помѣщеніе. Квартира была невелика, но убрана роскошно; особенно хорошъ былъ ея будуаръ.

— Какая роскошь!—невольно сорвалось у меня.

Зоя вдругъ покраснѣла. Она, блестящая, изящная, красивая, стояла передо мной съ видомъ виноватаго школьника. Слезы стояли въ ея глазахъ.

— Пойдемте въ гостиную!—тихо замѣтила она, взявъ меня за руку.

— Что съ вами, Зоя Михайловна? Вы... плачете? Я чѣмъ-нибудь обидѣлъ васъ?.. О, простите меня.

— Я? Съ чего вы это взяли? Я не плачу, и вы меня не обижали!—проговорила она, смѣясь.—Вы, Василій Николаевичъ, какъ видно, мало знаете женщинъ... Я просто нервная женщина, вотъ и все...

Она снова разговорилась. О себѣ почти не говорила или говорила очень мало, коротко, скорѣе намеками, но зато разспрашивала обо мнѣ, о моихъ занятіяхъ, о матери и сестрѣ...

Я, къ удивленію, развернулся и свободно отвѣчалъ на ея вопросы. Особенно много говорилъ о сестрѣ и описывалъ ей Наташу съ восторженностью влюбленнаго брата!

Она слушала, но подъ конецъ мои восторженныя описанія произвели на нее, кажется, тяжелое впечатлѣніе. Когда я разсказывалъ о матери, Зоя задумалась, и лицо ея сдѣлалось такое грустное, что я остановился...

— Нѣтъ, нѣтъ... говорите... Не обращайте на меня вни-

манія... Я люблю это слушать... Такъ рѣдко со мною говорятъ...

Мы простились друзьями. Она взяла съ меня слово не забывать ея.

Я, разумѣется, былъ влюбленъ, какъ только могъ быть влюбленъ застѣнчивый, впервые влюбленный юнецъ.

— Заходите же, Василій Николаевичъ, прошу васъ... Знаете ли что? Я съ вами становлюсь лучше...

— Да развѣ вы можете быть еще лучше? — восторженно воскликнулъ я.

Она вспыхнула до ушей, какъ маленькая дѣвочка, и взглянула съ такимъ кроткимъ, умоляющимъ выраженіемъ, что мнѣ стало жутко.

— Зоя Михайловна! Что съ вами?.. У васъ есть горе?.. Скажите...

— Нѣтъ... ничего, ничего... До свиданія, мой добрый...

И она крѣпко пожала мою дрожавшую руку.

Я сталъ ходить къ Зоѣ чаще и чаще и наконецъ сталъ просиживать у нея по цѣлымъ днямъ. Часто я читалъ вслухъ, она слушала, сидя за работой. А то, бывало, она сядетъ за рояль и начнетъ пѣть; славный у нея тогда былъ голосъ! Теперь она ужъ не поетъ. Нечего и прибавлять, что отношенія наши были самыя чистыя. Я смотрѣлъ на нее съ благоговѣніемъ влюбленнаго и таилъ любовь про себя. А она? Она просто была неузнаваема. Куда дѣвались ея прежняя манера, ея рѣзкія выраженія, громкій смѣхъ, смѣющійся, жуткій взглядъ ея, полуоткрытые костюмы? Она стала какая-то тихая, спокойная, робкая и даже застѣнчивая; платья носила самыя скромныя. Она стыдливо краснѣла, если нечаянно обнажался ея локоть или открывалась шея. Она быстро поправляла рукавъ или воротникъ и, точно маленькая, готова была расплакаться, если, казалось ей, я бывалъ не въ духѣ. Глядя на нее, я считалъ ее самой скромной и цѣломудренной женщиной на свѣтѣ.

Она умѣла хорошо разсказывать. Изъ того немногаго, что она разсказывала тогда о себѣ, я зналъ только, что она кончила курсъ въ институтѣ, жила долгое время за границей, и что отецъ и мать ея живутъ въ провинціи. О нихъ она говорить не любила и разъ на вопросъ мой о томъ, часто ли она переписывается съ матерью, отвѣчала какъ-то неохотно. Она любила вспоминать жизнь за границей. Италія на нее произвела большое впечатлѣніе;

она тамъ училась пѣть, мечтала о карьерѣ артистки, все, казалось, складывалось удачно, но...

— Но,—уныло добавила она:—вышло совсѣмъ не такъ.

Больше она ничего не сказала. Я, разумѣется, не спрашивалъ.

Обыкновенно я просиживалъ у нея до обѣда; къ обѣду возвращался домой. Всѣ были увѣрены, что я былъ на лекціяхъ.

Но мать чуяла что-то недоброе и замѣтно волновалась. Обыкновенно спокойная, ровная, она стала раздражительна, пытливо всматривалась въ мое лицо и отворачивалась неудовлетворенная. Чаще стала она говорить на тему о женскомъ коварствѣ, вызывая обычную добродушную улыбку на лицѣ Наташи. Нерѣдко по вечерамъ она тихо подходила къ моей комнатѣ, чуть-чуть пріотворяла двери и заглядывала, не рѣшаясь войти. Я звалъ ее. Она хитрила, объясняя какимъ-нибудь пустымъ предлогомъ необходимость зайти въ мою комнату, и тревожно справлялась о моемъ здоровьѣ. Когда я отвѣчалъ, что здоровъ, она, по обыкновенію, обхватывала мою шею руками и, заглядывая мнѣ въ глаза, пытливо спрашивала:

— Правда?

Но, несмотря на утвердительный отвѣтъ, въ ея добрыхъ, нѣжныхъ глазахъ замѣтна была тревога. Она грустно качала головой и тихо уходила изъ комнаты.

Наташа, очевидно, замѣтила, что я измѣнился, но дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, а между тѣмъ я часто ловилъ на себѣ ея безпокойный взглядъ. Наташа не спрашивала; не въ ея манерѣ было мѣшаться въ «чужія дѣла», какъ она говорила.

Разъ только, когда у насъ зашелъ споръ—она очень любила «теоретическіе» споры—о пожертвованіи во имя долга, и я горячо доказывалъ, что тяжелѣе всего пожертвовать чувствомъ къ женщинѣ, Наташа взглянула пристально на меня и тихо, совсѣмъ тихо прошептала:

— Ужъ не влюбился ли ты, Вася?

— Что за вздоръ!—отвѣчалъ я, вспыхивая.

— То-то!—строго замѣтила сестра.—Ты—натура несчастная. Полюбишь—пропадешь! Помнишь наши бесѣды? Какъ ни тяжело, а приходится побороть чувство, если не хочешь только для себя одного жить!

Она говорила это спокойно, просто, и глубокое убѣжденіе звучало въ ея словахъ. Слова ея не шли въ разрѣзъ

съ дѣломъ. Она—я узналъ отъ нея послѣ—въ это время сама переживала тяжелую борьбу. Она любила, но отказалась отъ счастія любви. Любимый человѣкъ не откликнулся на ея зовъ, не шелъ туда, куда звала его Наташина вѣра.

Хотя Наташа и говорила, что надо «побороть чувство», но тонъ ея голоса, безпокойные взгляды—все подсказывало мнѣ, что она и сама не вѣрила, что я способенъ на такое самопожертвованіе.

«Ты какой-то Василій блаженный!»—называла она меня нерѣдко.

И точно я «блаженный», это слово идетъ ко мнѣ. Ни силы, ни воли! Такъ, куда меня бросало, тамъ я и закисалъ. Мечтатель какой-то. Къ деньгамъ я чувствовалъ полное равнодушіе, честолюбія никакого, не знаю, есть ли и самолюбіе. Я больше скорбѣлъ, но рѣдко возмущался. Жалости много было во мнѣ, а энергіи никакой. Трусость какая-то! Иной разъ прочтешь книгу—плачешь, а робѣешь передъ всякимъ человѣкомъ, высказывающимъ рѣшительно и съ апломбомъ такія мнѣнія, за которыя можно краснѣть. И дуракъ-дуракомъ стоишь передъ нимъ.

«Изъ тебя археологъ, пожалуй, выйдетъ!—грустно шутила, бывало, Наташа.—Очень ужъ ты всего боишься!»

Она рвалась на подвигъ, а я?—я малодушно сочувствовалъ и усиленно зарывался въ книжки, точно въ нихъ укрывался отъ страха передъ жизнью.

Я продолжалъ навѣщать Зою и съ каждымъ днемъ привязывался къ ней сильнѣе. Я трусилъ ея блестящей красоты и любилъ ее съ робостью и страстью первой любви. Она умѣла быть всегда милой, казалось, понимала меня и пугалась, что я мало занимаюсь, но я наверстывалъ время по вечерамъ, а дни мы проводили, какъ два наивные, смѣшные любовника.

Мы старались какъ можно болѣе говорить; молчанія боялись и даже вспыхивали, взглядывая другъ на друга, точно намъ было стыдно, что оба мы были молоды, и страсть невольно бросала яркій румянецъ на наши щеки. Особенно я боялся и, вѣроятно, боялся оттого, что такъ часто хотѣлось броситься къ ней, цѣловать ея лицо, руки. Кровь стучала въ виски словно молотомъ, я стремительно отодвигался и ходилъ по комнатѣ, считая себя преступникомъ за то, что во мнѣ были такія «нечистыя» желанія... Это ей, кажется, нравилось и вмѣстѣ съ тѣмъ сердило ее. Помню я, какъ-то разъ сидѣли мы молча. Я глупо смотрѣлъ на

ея шею и вздрагивалъ. «Что съ вами?»—спросила она, надвигаясь на меня и заглядывая черезъ плечо близко, совсѣмъ близко къ лицу. Ея горячее, неровное дыханіе обжигало меня, и я просто замеръ отъ страха, оробѣлъ совсѣмъ и глупо бросился въ сторону, какъ спуганная птица. Зоя какъ-то странно, даже сердито усмѣхнулась и закусила губы, а я, считая себя какимъ-то недостойнымъ ея негодяемъ, жалостно глядѣлъ кругомъ, ища шапку, и малодушно убѣжалъ. Послѣ этого я нѣсколько дней не смѣлъ къ ней придти.

Въ одинъ изъ такихъ дней я былъ въ театрѣ и послѣ спектакля долго бродилъ по улицамъ въ какомъ-то особенно счастливомъ настроеніи. Мнѣ думалось въ эти минуты, что я не совсѣмъ чужой Зоѣ. Я вспоминалъ ея слова, ея ласковые взгляды, улыбки, тихое пожатіе рукъ и вспомнилъ о себѣ. «Вотъ, Первушинъ, и на твоей улицѣ праздникъ! Знай нашихъ!»—повторялъ я. Я всегда былъ мнителенъ и недовѣрчивъ къ себѣ, а тутъ вдругъ я почувствовалъ какую-то отвагу и гоголемъ шелъ по улицамъ. Я проходилъ въ это время по Большой Морской, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Бореля, какъ вдругъ слышу знакомый голосъ и шаги на лѣстницѣ. Я поспѣшилъ. Мимо меня проходила Зоя подъ руку съ какимъ-то полковникомъ. Но та ли это Зоя? Она висѣла на рукѣ у полковника, громко хохотала и, показалось мнѣ, была пьяна. Полковникъ, нисколько не стѣсняясь, усаживалъ ее въ карету. Я подвинулся еще ближе, и, казалось мнѣ, она узнала меня. Карета покатилась, но мнѣ послышался изъ кареты крикъ.

Я остолбенѣлъ. Я не помню, какъ я провелъ эту ночь, знаю только, что вернулся домой утромъ. Бѣдная мать не спала, дожидаясь меня, и при видѣ меня ужаснулась; должно-быть, у меня былъ разстроенный видъ, вдобавокъ я былъ безъ фуражки.

— Вася, что съ тобой, родной мой, скажи?

— Ахъ, мама, не спрашивайте!.. оставьте меня!—сухо отвѣчалъ я.

Она раздѣла меня, уложила спать и, по обыкновенію, перекрестила. Я спать не могъ; горячія, обильныя слезы смачивали подушку, и когда мать пришла ко мнѣ и, присѣвъ на кровать, молча стала ласково гладить меня по головѣ, я припалъ къ ея чудной рукѣ и, обливаясь слезами, робко признался, что люблю... женщину.

На мать это открытіе произвело ужасное впечатлѣніе.

— Кто она, кто эта скверная женщина, которая погубила тебя?—спросила она.

— Она, мама, не скверная... И зачѣмъ вамъ имя?.. Все равно... все кончено.

Но, по правдѣ сказать, сердце мнѣ подсказывало, что далеко не все кончено. Я непремѣнно хотѣлъ видѣть эту «скверную» женщину. Я вытерпѣлъ недѣлю, но дальше терпѣть не могъ и пошелъ къ ней.

Степанида, какъ и всегда, отворила мнѣ двери и пропустила въ гостиную. Зоя лежала на диванѣ. Увидавъ меня, она радостно вскрикнула и бросилась ко мнѣ, но, когда я подошелъ поближе, она поблѣднѣла и остановилась, какъ вкопанная.

— Что съ вами?.. Вы нездоровы?.. На васъ лица нѣтъ!—спросила она.

Я шелъ съ намѣреніемъ сказать слова упрека, но какой тутъ упрекъ! Она не смѣла взглянуть на меня и стояла, опустивъ голову, словно виноватая. Съ минуту длилась эта тяжелая сцена.

— Вы видѣли?..—едва слышно проговорила она, не поднимая глазъ.

— Видѣлъ!—еще тише и еще робче отвѣтилъ я.

— И вы все-таки... пришли?—сказала она съ такимъ чувствомъ благодарности, что я больше не могъ...

Я зарыдалъ и припалъ къ ея рукѣ...

— Ты меня любишь?

— Развѣ ты не видишь!..

— Меня?—переспросила она совсѣмъ упавшимъ голосомъ.

— Тебя!..

— Знаешь ли ты, кто такая я?

— И знать не хочу... ты для меня...

— Я вѣдь содержанка... я — продажная женщина! — вдругъ вскрикнула она, отталкивая меня.

Но подите же! Если бы она сказала что-нибудь еще хуже, что мнѣ за дѣло? Я все такъ же любилъ.

— Я люблю тебя, Зоя, а ты?—робко осмѣлился спросить я.

— Смѣю ли я?..—воскликнула она, обливаясь слезами радости и бросаясь ко мнѣ на шею.—Я давно люблю тебя... ты такой хорошій!—застѣнчиво шептала она.—Господи, какое счастье!..

То были счастливые дни...

Зоя совсѣмъ измѣнилась. Она покончила съ прошлымъ, бросила старыя знакомства, продала всѣ свои брильянты и перебралась на маленькую, скромную квартиру. Любила она меня съ какою-то страстной нѣжностью; въ этой любви была нѣжная забота матери и страсть любовницы. Она ухаживала за мной, какъ за ребенкомъ, угадывала малѣйшее желаніе, старалась согнать съ моего лица всякую тѣнь и нянчилась со мной, какъ съ любимымъ дитятей. Я снова попалъ съ рукъ матери на руки любовницы. Опять отъ меня уходили куда-то всякія житейскія дрязги. Никакая забота не должна была меня касаться. «Тебѣ надо заниматься!»—говорила Зоя, отстраняя всѣ мелочи, и изъ моего кабинета сдѣлала какую-то святыню. Бывало, она входила ко мнѣ не иначе, какъ на цыпочкахъ. И какая веселая была она въ то время!

Я и позабылъ сказать, что, по моимъ настояніямъ, мы обвѣнчались. Свадьба была самая тихая. Ни отца, ни матери не было на свадьбѣ; была одна Наташа. Она только разъ и видѣла Зою—онѣ другъ другу очень не понравились—и скоро послѣ моей свадьбы исполнила свою завѣтную мысль—уѣхала въ деревню.

Я и теперь удивляюсь, вспоминая мою рѣшимость дѣйствовать наперекоръ желаніямъ отца и матери.

Мать разузнала про Зою и съ какимъ-то ужасомъ говорила о ней, не называя никогда по имени; въ ея глазахъ такія женщины—развратныя, скверныя, падшія женщины, прикосновеніе къ которымъ сквернитъ человѣка. Она не считала ихъ способными на чувство и называла лицемѣрками, губящими людей. Добрая, чуткая, нѣжная, она въ отношеніи къ женщинамъ, уклоняющимся отъ дороги добродѣтели, была безжалостна и жестка и не признавала въ нихъ ничего, никакой хорошей черты; все въ нихъ, по ея мнѣнію, ложь и развратъ, и нѣтъ для нихъ достойнаго наказанія! Сама крайняя идеалистка, несмотря на то, что ея чувство было помято самымъ жестокимъ образомъ, мать съ пуританской строгостью исполняла свой долгъ, какъ она называла, и, отдаваясь нелюбимому человѣку,—въ отцѣ она сильно разочаровалась и не любила его давно!—считала себя «вѣрной долгу» и имѣющей право относиться безъ сожалѣнія къ тѣмъ женщинамъ, которыя «торгуютъ любовью». Странное противорѣчіе! скажете вы. Но въ ней это было логично, естественно, понятно.

Когда я объявилъ матери о моемъ намѣреніи, она просто замерла.

— На ней? На этой?..

— Мама,—перебилъ я ее:—не оскорбляйте ее хоть при мнѣ. Она хорошая женщина. Она такъ меня любитъ!

— Вася, милый мой... опомнись... еще есть время!

И она стала уговаривать меня, умолять, рисовать печальную участь.

Но, видя, что ничего не помогаетъ, она ожесточилась и болѣе ни слова объ этомъ не говорила, и просила, какъ милости, никогда при ней ни слова не упоминать объ «этой женщинѣ».

Съ тѣхъ поръ бѣдная мать зачахла и на другой день моей свадьбы уѣхала за границу, гдѣ черезъ годъ и умерла на рукахъ у Наташи, поспѣшившей къ ней пріѣхать. Мнѣ дали знать, но уже было поздно.

Съ отцомъ объясненіе было коротко. Онъ тоже зналъ о прошломъ Зои и сказалъ мнѣ:

— Ты знаешь мои взгляды, и потому я объявляю тебѣ: если ты женишься на «этой дамѣ», ты нанесешь позоръ нашей фамиліи и... тогда я попрошу тебя прекратить посѣщеніе моего дома и не считать себя въ числѣ моихъ наслѣдниковъ.

Странный человѣкъ былъ отецъ! Онъ удивительно дорожилъ честью и въ то же время не считалъ дурнымъ быть ростовщикомъ.

Одна Наташа не упрекала, не грозила. Она только грустно, такъ грустно обняла меня и сказала:

— Что я скажу, Вася? Мы не разъ говорили. Будь, по крайней мѣрѣ, счастливъ, если можешь!

Вотъ и все, что она сказала.

VI.

Прошелъ годъ самой счастливой жизни.

Я сдалъ кандидатскій экзаменъ. Давно пора было подумать о средствахъ къ жизни, и это меня очень смущало. Я всегда былъ въ этомъ отношеніи какой-то «блаженный», совсѣмъ непрактичный. Годъ мы прожили на средства Зои; она и думать не хотѣла, чтобы я зарабатывалъ. «Тебѣ сперва кончить курсъ надо»,—говорила постоянно она и не переставала окружать меня самымъ заботливымъ вниманіемъ. А я, признаюсь, и не обращалъ вниманія на то, что у меня и платье новое, и бѣлье сшито, и книги поку-

паются мнѣ, точно было все равно, въ какомъ я платьѣ и какое на мнѣ бѣлье, книгамъ я бывалъ радъ, и Зоя знала мою слабость.

А средства Зои приходили къ концу, и когда я кончилъ курсъ, она не разъ намекала, что теперь моя очередь позаботиться объ «уютномъ гнѣздышкѣ». Вотъ въ томъ-то и была моя ошибка. Гнѣздышка, да такого, какое любила Зоя, я не сумѣлъ свить! Зою видимо смущало мое неумѣнье. Ей хотѣлось жить, не рискуя потерять нѣжность кожи на кухнѣ; она любила хорошо одѣться и жить въ «уютномъ гнѣздѣ» съ цвѣтами, жить осѣдло, спокойно, а не по-цыгански—обо всемъ этомъ я ужъ послѣ догадался, когда уже было, пожалуй, и поздно!—а я, напротивъ, ко всему этому былъ равнодушенъ и по разсѣянности не замѣчалъ даже, на чемъ я сижу. Это ее даже раздражало.

Знаете ли, есть на свѣтѣ такія неловкія, добродушныя рохли, которыя ничего толкомъ не могутъ устроить, ни къ чему пріурочиться и живутъ точно дѣти, не думая о завтрашнемъ днѣ. Такимъ людямъ я совѣтовалъ бы никогда не жениться, право... Я много работалъ, перечелъ много книгъ, написалъ длинное изслѣдованіе о падающихъ звѣздахъ, а составить счастія Зоѣ не могъ. Я находилъ, что самое лучшее — давать уроки и зарабатывалъ рублей шестьсотъ въ годъ, но Зоя находила, что этого мало для гнѣзда, и входила въ долги. Впрочемъ, эта скучная матерія меня и не касалась. Хозяйство было на рукахъ Зои. Она начинала понемногу тяготиться хозяйственными дрязгами.

Она, бѣдняга, ошиблась, подозрѣвая во мнѣ характеръ, а именно характера-то у меня и не было. Пріобрѣтать на гнѣздо я не умѣлъ,—не то, что не хотѣлъ, а просто не умѣлъ, — и, признаюсь, никогда и не подозрѣвалъ, что гнѣздо обходится безобразно дорого. Самъ я человѣкъ нетребовательный, мнѣ бы дорваться до кабинета, засѣсть за тетрадки и слушать, какъ Зоя поетъ. Хорошо такъ! Зоя же находила, что хорошаго въ этомъ мало, что это «сентиментально-глупо», что уроки—глупости, что надо мѣсто и что нельзя же жить Робинзономъ—совсѣмъ скучно.

— Къ чему-жъ ты учился?—нерѣдко задавала она вопросъ.—Развѣ ты хочешь изъ меня кухарку сдѣлать? Я этого не хочу!

Я закрывалъ ей уста поцѣлуями, но Зоя видимо начинала скучать. Вѣчно вдвоемъ съ такимъ суркомъ, какъ я, дѣйствительно было скучно такой женщинѣ, какъ Зоя.

Она рѣшила сама помочь мнѣ и отправилась, скрывъ отъ меня, къ одному изъ бывшихъ своихъ покровителей, весьма вліятельному дѣльцу. Устроилось дѣло какъ будто безъ ея помощи: я получилъ прямо предложеніе и приглашался къ извѣстному барину. Пришелъ и оробѣлъ. Онъ вдобавокъ меня принялъ съ какою-то насмѣшливой снисходительностью и разглядывалъ меня, точно весьма рѣдкій экземпляръ,—такъ я былъ глупъ, неловокъ и застѣнчивъ. Бѣдная Зоя! Если-бъ она знала, какое скверное впечатлѣніе произвелъ ея мужъ! Меня посадили и спросили, на что я способенъ, и я по совѣсти сказалъ, что едва ли я на что-нибудь способенъ въ томъ дѣлѣ, на какое меня приглашали.

— Такъ зачѣмъ же вы просились? — съ изумленіемъ спросилъ меня баринъ.

— Я вовсе и не просился. Вы сами пригласили меня.

«Баринъ» переглянулся со своимъ секретаремъ и замѣтилъ:

— Все равно, супруга ваша просила. Вы давно женаты?

— Недавно.

— Во всякомъ случаѣ, я готовъ предложить вамъ мѣсто въ тысячу пятьсотъ рублей. Дѣла почти никакого, изрѣдка только помѣщать замѣтки въ газетахъ.

Онъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, какія именно замѣтки, и ждалъ отвѣта. Разумѣется, какой отвѣтъ! Я извинился и отказался, недоумѣвая, какъ это предлагаютъ такія большія деньги, когда никакого дѣла нѣтъ.

Мы раскланялись, и, уходя, я ясно слышалъ голосъ барина, пославшаго мнѣ вслѣдъ «дурака».

Я понялъ, что въ глазахъ барина я былъ дуракомъ, но удивился, когда и Зоя, выслушавъ мой подробный разсказъ о свиданіи, назвала меня тоже дуракомъ.

Я промолчалъ и ничего не сказалъ о томъ, что мнѣ извѣстно, кто просилъ за меня. Она тоже объ этомъ умолчала. Тѣмъ первая попытка и кончилась.

Съ тѣхъ поръ Зоя, кажется, стала считать меня дурачкомъ и рѣшительно не могла придумать, что ей со мной дѣлать. Когда, бывало, я говорю ей нѣжныя слова, когда ласкаюсь къ ней, она попрежнему нѣжна, ласкова, но когда мясники начинали приставать съ просьбами денегъ, она становилась все пасмурнѣе.

Наступила осень нашего мира. Дѣла шли все хуже и хуже; долги росли, а я и въ усъ себѣ не дулъ. Принесу

Зоѣ пятьдесятъ или шестьдесятъ рублей да и считаю, что сдѣлалъ свое дѣло.

А она, бѣдняжка, начинала сердиться.

Сперва она подумала, что я ее не люблю, но когда раскусила меня получше, то поняла, что я «блаженный», и стала меня исправлять.

Начались, такъ-называемыя на языкѣ супруговъ, сцены. Сперва шли сцены, такъ сказать, предварительныя, но онѣ меня какъ-то не донимали, Богъ ужъ знаетъ почему, вѣрнѣе всего, что я ихъ не всегда понималъ. Я, бывало, приму порцію «сценъ» и послѣ нихъ еще лѣзу цѣловаться.

Стала Зоя хандрить. Частенько замѣчалъ я на глазахъ ея слезы.

— Что съ тобой, Зоюшка?

— Ты развѣ не видишь?

— Ей-Богу не вижу. Развѣ ты несчастлива?

— Да развѣ такая жизнь—счастье?

— Какая?—робко спрашивалъ я, все-таки ничего не понимая.

Она обыкновенно таращила на меня глаза и называла «блаженнымъ дуракомъ».

Печально плелся я въ кабинетъ и долго ходилъ взадъ и впередъ, ломая голову надъ вопросомъ, какъ бы перестать быть, въ самомъ дѣлѣ, дуракомъ?

Сталъ я искать мѣста и нашелъ въ гимназіи мѣсто учителя, но оттуда меня скоро выгнали. И тамъ нашли, что я «неподходящій». Почему «неподходящій» — мнѣ, разумѣется, не объяснили, хотя деликатно замѣтили, что я слабъ съ учениками и вообще разсѣянъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, я былъ самымъ неподходящимъ человѣкомъ!

Бѣдняжка Зоя серьезно захандрила къ концу второго года, особенно какъ за долги чуть-было не продали нашего имущества. Она серьезно стала упрекать и пригрозила, что оставитъ меня, если...

Она точно не умѣла формулировать свою мысль и потому докончила:

— Если ты будешь такой же... дуракъ!

Я струсилъ и обѣщалъ не быть дуракомъ. Легко было обѣщать! Но какъ исполнить это обѣщаніе?

Зоя въ тотъ день была въ нервномъ возбужденіи и вечеромъ уѣхала въ театръ.

Стала она чаще уходить изъ дому. У нея завелись свѣ-

жіе костюмы, за обѣдомъ появлялась нѣкоторая роскошь, у меня явилась новая пара. «Ну,—думалъ я:—Зоя пріучилась хозяйничать» (я въ это время зарабатывалъ до тысячи рублей), и радовался этому сперва. Но вмѣстѣ съ этимъ Зоя дѣлалась какая-то странная и неровная. Стала чаще сердиться на меня; то, бывало, бранитъ меня, то со слезами на глазахъ припадетъ ко мнѣ, да такъ и замретъ.

Я не понималъ, что̀ дѣлалось съ бѣдняжкой, и только тихо гладилъ ея несчастную голову.

Временами она переставала уходить изъ дому. Сидѣла дома подлѣ меня, просила разсказывать ей свои «блаженныя мечты», какъ она называла мои мечты. И я, бывало, разсказывалъ ей... Какъ-то невольно разговоръ переходилъ на Наташу, на ея дѣятельность. Я горячо вспоминалъ сестру.

Зоя слушала, тихо улыбаясь и задумываясь, и не обрывала меня, какъ прежде, не называла глупенькимъ, напротивъ, становилась ласковѣй и, крѣпко прижимаясь ко мнѣ, вся вздрагивая, точно подстрѣленная птица, она тихо шептала: «милый мой!»

И я снова былъ счастливъ!

Но проходилъ мѣсяцъ, другой, Зоя опять исчезала изъ дому и снова нервничала.

Памятенъ мнѣ одинъ вечеръ. Это было зимой. Сидѣлъ я у себя въ кабинетѣ и читалъ, какъ пришла ко мнѣ Зоя. Смотрю на нее: блѣдна, сама вся дрожитъ, глаза грустные.

— Вася! Развѣ ты не видишь?..—сказала она какимъ-то отчаяннымъ голосомъ.

— Что, Зоя?—спросилъ я, а сердце такъ и замерло.

— Глупый! Я... я скверная жена... я...

Она не досказала. И къ чему было досказывать? Убитый ея видъ все досказалъ.

Мнѣ стало страшно и холодно, точно я очутился въ темной пропасти. Теперь только понялъ я, что̀ принималъ я за экономію. Дуракъ, дуракъ! Бѣдная Зоя!

Я глупо молчалъ, не смѣя поднять глазъ.

Наконецъ я сталъ утѣшать ее. Это ее взбѣсило.

— Онъ еще утѣшаетъ!—воскликнула она, нервно рыдая.—Женщина, которую онъ любитъ, говоритъ, что измѣнила ему, а онъ еще утѣшаетъ! Ты долженъ бы наказать меня, плюнуть на меня, бить такую женщину, тогда, по крайней мѣрѣ, я бы видѣла, что тебѣ больно, а вмѣсто этого ты же утѣшаешь! Какой ты мужчина! Ты... тряпка!—

добавила она и чуть ли не съ презрѣніемъ взглянула мнѣ прямо въ лицо.

Мнѣ... бить!? Эта мысль показалась мнѣ до того неестественной, что я не зналъ, что̀ и сказать.

— Что ты говоришь, Зоя? Тебѣ самой развѣ легко? Къ чему еще упреки! Если тебѣ тяжело, значитъ впередъ этого не будетъ!

— А если будетъ?—рѣзко крикнула Зоя.

Я окончательно смѣшался.

— Что-жъ ты молчишь... говори!

— Если будетъ...—началъ я, чувствуя, что слова съ трудомъ выходятъ изъ груди и звучатъ глухо:—если будетъ... значитъ... иначе нельзя, и ничто не поможетъ.

— Да скажи наконецъ: добрый ты или глупый?

— И добрый, и глупый, кажется, вмѣстѣ, Зоя!—тихо отвѣчалъ я, не смѣя взглянуть на нее.

— Хорошій ты!—вдругъ вырвался изъ груди ея какой-то скорбный крикъ, и она стала цѣловать мои руки.

Мнѣ стало стыдно, страшно стыдно. Она же цѣлуетъ, точно благодаритъ за что-то. Я отдернулъ руки. Что было потомъ—этого не передать. Есть счастливыя минуты, ихъ можно только пережить, разсказать ихъ невозможно.

Опять Зоя какъ будто сдѣлалась счастливой или, по крайней мѣрѣ, старалась быть счастливой. Снова повела жизнь затворницы и довольствовалась тѣмъ небольшимъ кружкомъ двухъ-трехъ пріятелей, которые у насъ бывали. Она даже пробовала искать работы, ей отыскали, но это была скучная работа (переписка банковскихъ счетовъ), и она ее бросила. Я, бывало, предлагалъ ей развлекаться, поѣхать въ театръ вмѣстѣ, но она упорно отказывалась.

— Не предлагай, Вася. Я боюсь.

— Чего боишься?..

— Блеска, Вася, людского шума. Онъ щекочетъ нервы. Ты не понимаешь этого, ты слишкомъ чистъ, а я... я испорченная. Меня тянетъ туда... я люблю этотъ блескъ, люблю, когда на меня смотрятъ, любуются... я тщеславна, хорошій мой. Нѣтъ, нѣтъ, останемся вдвоемъ. Это пройдетъ, это должно пройти! Ахъ, зачѣмъ у насъ нѣтъ дѣтей!—вдругъ шепнула она, ласкаясь.

Она дивилась мнѣ, дивилась моей жизни, моей безпритязательности.

— Неужели тебѣ хорошо?

— Еще бы! А тебѣ, Зоя, скажи правду? Ты вѣдь знаешь—я вѣрный другъ.

— Иногда — да, иногда — чего-то недостаетъ, но это вздоръ, не обращай на это вниманія... говори только чаще, что ты меня любишь. Вѣдь ты сильно меня любишь, или только привыкъ?

— Зоя, Зоя! Развѣ ты не видишь!

Мало-по-малу Зоя, казалось, стала примиряться съ нашей сѣренькой жизнью (я не догадывался, что она пересиливала себя!); сузила расходы и какъ будто перестала пугаться перспективы скромной бѣдности. Насъ навѣщали пріятели, завелось два-три знакомства съ семейными домами. Зоя страстно занялась хозяйствомъ — откуда только у нея умѣнье взялось!—сама бывала на кухнѣ, усчитывала гроши, чтобы свести концы съ концами.

Я пересталъ скорбѣть за Зою. Мнѣ она казалась счастливою.

Въ ту пору случилось слѣдующее обстоятельство: умеръ мой отецъ и оставилъ наслѣдство. На мою долю приходилось двадцать тысячъ, но эти деньги я никогда не считалъ своими, да и не могъ считать своими. Уже давно мы такъ рѣшили съ Наташей и, пожалуй, именно благодаря Наташѣ, и я такъ рѣшилъ,—объ ней нечего и говорить. Деньгами этими я не считалъ себя въ правѣ воспользоваться,—ни однимъ грошомъ.

Правда, меня нѣсколько смущала Зоя. Не долженъ ли я отдать эти деньги ей? Но колебанія прошли скоро. Я не могъ поступить иначе и отправилъ ихъ Наташѣ. Въ отвѣтъ я получилъ отъ нея горячее письмо, точно я совершилъ подвигъ какой-то. А какой тутъ подвигъ?

Но изъ-за этихъ денегъ и случилась бѣда. Я объ нихъ не говорилъ ничего Зоѣ, не хотѣлъ смущать ее напрасно и сказалъ, что послѣ отца ничего не осталось.

Однажды, возвратившись съ уроковъ, я увидѣлъ Зою такой сердитой, какой никогда не видалъ. Блѣдная, губы дрожатъ, глаза злые.

Я потихоньку пробрался въ кабинетъ. Она быстро вошла вслѣдъ за мной.

— Такъ вотъ ты каковъ!—сказала она.

— Что̀ такое, Зоя?

— Еще спрашиваетъ! Дурачокъ, дурачокъ, а тоже... ничего не сказалъ!

— О чемъ?

— Я все знаю. Я прочла письмо твоего «ангела».

Я потупилъ голову. Я въ первый разъ солгалъ ей и былъ пойманъ.

— Что-жъ ты молчишь? Зачѣмъ ты отдалъ деньги? Ты богачъ, что ли?—усмѣхнулась ѣдко она.—Тебя, дурака, сестрица за носъ водитъ, и ты отдалъ деньги Богъ знаетъ кому, зачѣмъ?

— Зоя! Эти деньги не могли быть нашими.

— Какъ же! Я прочла письмо, написано хорошо, даже очень хорошо, но ты понялъ ли, что̀ ты сдѣлалъ? А еще говоришь, что любишь! Развѣ любимую женщину держатъ въ конурѣ? Ты думаешь, мнѣ мила кухня?

Она выходила изъ себя.

— Зоя, Зоя, успокойся!

— Молчи, дуракъ!—вдругъ крикнула Зоя.—Ты что? что ты? Ты Богъ знаетъ изъ-за чего, изъ-за глупыхъ идей своего «ангела», отнялъ у любимой женщины возможность быть порядочной женщиной. Это честно, а? Ты видѣлъ, что̀ со мной дѣлалось, ты зналъ, кто я такая, ты видѣлъ, какъ я спотыкалась, но какъ я, искренно любя тебя, хотѣла быть честной женой и смотрѣть всѣмъ прямо въ глаза. И что̀ ты для этого сдѣлалъ, что̀? Пальцемъ не пошевелилъ, только плакалъ, какъ дуракъ, и не могъ даже заработать столько, чтобы любимая женщина не сдѣлалась кухаркой? Это любовь?

Она говорила эти слова вся блѣдная, а глаза смотрѣли холодно, зло.

Я понялъ, что все кончено.

— Но я кухаркой не стану. Не мнѣ ею быть. Я жить хочу, а не нянчиться съ дуракомъ. Слышишь? жить хочу, я говорила давно. И пеняй теперь на себя, если тебѣ что-нибудь не понравится.

Она кончила свою жестокую рѣчь и, повернувшись, ушла. Въ дверяхъ она остановилась, обернулась ко мнѣ, съ явнымъ презрѣніемъ оглядѣла мою смущенную фигуру, засмѣялась какимъ-то рѣзкимъ, злымъ смѣхомъ и тихо сказала:

— Подлецъ!..

Эта исторія ожесточила Зою. Я пробовалъ, спустя нѣсколько дней, объяснить ей, почему я такъ поступилъ, но она холодно взглянула на меня и попросила избавить ее отъ всякихъ объясненій.

Стала она послѣ этого пропадать изъ дому. Мы пере-

ѣхали на новую квартиру. У нея появились наряды, брильянты... Она перестала стѣсняться. У насъ стали бывать какіе-то гости, молодые блестящіе офицеры, подозрительные старички, и если я не успѣвалъ убѣгать въ кабинетъ, она знакомила меня съ ними, улыбаясь какъ-то странно, когда называла меня мужемъ. Я убѣгалъ въ свой кабинетъ, въ концѣ квартиры, но до моихъ ушей доносился нерѣдко гулъ оргіи и пьяный лепетъ веселыхъ офицеровъ.

Скверно было мнѣ, но какое право имѣлъ я упрекнуть ее? Развѣ я далъ ей счастіе? То ли я далъ, чего она желала? Я совсѣмъ затворился и повелъ какую-то странную жизнь. Я хотѣлъ забыться совсѣмъ; я сталъ читать и пить, пить и читать. И въ это время такія свѣтлыя мысли бродили въ головѣ, мечталось такъ хорошо, хорошо... Я совсѣмъ забылъ дѣйствительность и сталъ жить другой жизнью, какой-то фантастической. Понемногу я пристрастился къ вину, потерялъ уроки и совсѣмъ опустился. Сталъ трусить Зои.

Она не оставляла меня одного въ моей комнатѣ. Она глумилась надо мной ядовито, съ ехидствомъ и остроуміемъ умной женщины, называла дармоѣдомъ, предлагала мнѣ взять ее на содержаніе. До этого даже доходило!

Что̀ могъ я сказать? И къ чему? Несмотря на все это, я втайнѣ любилъ ее и какъ еще любилъ! Подите-жъ. Мнѣ даже казалось, что она обходилась такъ со мной, чтобы заглушить свои страданія.

А что она страдала—иначе и не могло быть. Помню, это было годъ тому назадъ. Нездоровилось мнѣ, сильно болѣла грудь, и я прилегъ на диванъ. Я не спалъ, а такъ мечталъ съ открытыми глазами. Вдругъ знакомые шаги. Избѣгая сцены, я закрылъ глаза. Слышу: она тихо подходитъ къ дивану, вотъ подошла совсѣмъ близко. Я чувствовалъ ея дыханье. Я вдругъ открылъ глаза и привскочилъ... Она тихо цѣловала мою руку, обжигая ее слезами.

Я обвилъ ея шею рукой и ни слова не говорилъ. Я зналъ, что мои слова только раздражаютъ ее, а она глядѣла на меня кротко, такъ кротко, и грустно качала головой.

— Бѣдный ты, Вася... Бѣдный мой!—проговорила она.

— Что̀ ты, Зоя? Какой я бѣдный!

Она улыбнулась сквозь слезы и присѣла около. Цѣлый

вечеръ не отходила она отъ меня. Какой я «бѣдный»? Сердце было такъ полно, мнѣ было такъ жаль ее!

— А зачѣмъ ты пьешь? Развѣ я не понимаю?

— Я брошу, Зоя! Брось и ты! Это здоровье губитъ.

— На что оно мнѣ!

Такъ перекидывались мы словами и долго просидѣли вдвоемъ.

Мы оставили квартиру, переѣхали на другую. Зоя снова пробовала пріучить себя къ скромной жизни, но эти пробы оканчивались очень скоро, и она снова начинала кутить. Чѣмъ болѣе она кутила, тѣмъ становилась раздражительнѣе относительно меня. Наконецъ однажды она объявила, чтобы я уѣзжалъ съ квартиры. Я тихо отвѣчалъ, что завтра же уѣду.

Но—странная натура у Зои!—отвѣтъ мой окончательно вывелъ ее изъ себя. Она вдругъ бросилась на меня... занесла руку... и ударила!

Черезъ полчаса она уже валялась въ ногахъ, просила остаться, и мнѣ стоило большого труда успокоить ее.

Я пилъ сильнѣй и сильнѣй и на все какъ-то махнулъ рукой. Но вчера получилъ отъ моей ненаглядной Наташи письмо. Она зоветъ меня въ деревню и, если я не пріѣду, обѣщаетъ сама меня увезти. По письму видно, что она подозрѣваетъ о моей жизни. Зоя прочитала письмо и стала оскорблять Наташу. Это ужъ слишкомъ... Это... Я не могу...

Первушинъ кончилъ. Онъ былъ взволнованъ и нѣсколько пьянъ. Онъ было-протянулъ руку къ графину, но я его остановилъ.

— Послушайте, Первушинъ, вы губите себя.

— Да развѣ я и безъ того не пропащій человѣкъ? Что я?

Я его старался успокоить и доказывалъ, что поѣздка въ деревню освѣжитъ его, поправитъ здоровье.

— Только поѣдете ли вы?

— Поѣду! — рѣшительно отвѣчалъ онъ. — Довольно! Скверно такъ. Непремѣнно поѣду и—кто знаетъ—быть-можетъ, и Зоя пріѣдетъ къ намъ. Вѣдь она хорошая, какъ вы думаете? Вѣдь славная, а?—торопливо заговорилъ онъ и закашлялся.

Первушинъ даже оживился и нѣсколько разъ повторялъ, что непремѣнно поѣдетъ. А я тоскливо взглядывалъ на Первушина. Худое, съ чахоточнымъ румянцемъ лицо,

впалая грудь и скверный кашель—все говорило, что врядъ ли ему придется начать новую жизнь.

Мы вышли на улицу.

— Вы развѣ не домой?—спросилъ я, когда онъ сталъ прощаться со мной.

— Нѣтъ... Зайду къ одному пріятелю. Пусть ея гнѣвъ пройдетъ. Зачѣмъ раздражать бѣдную Зою!

VI.

Прошло три дня. Первушинъ не возвращался. Въ первый вечеръ Зоя Михайловна уѣхала куда-то изъ дому, но на другой день попросила меня къ себѣ. Я пришелъ къ ней. Она извинилась, что потревожила меня, и спросила:

— Гдѣ мужъ, не знаете ли вы?

Я сказалъ, что, когда мы разстались, онъ пошелъ къ пріятелю.

— Пилъ онъ?—тревожно спросила она.

— Немного.

— А я вѣдь васъ просила! Ему такъ вредно пить!—съ упрекомъ проговорила она.

— Василію Николаевичу въ деревню бы надо, Зоя Михайловна,—сказалъ я.

— А что, что?—испугалась она и вся вытянулась, словно боясь проронить слово.

— Плохъ онъ. Ему серьезно лѣчиться надо.

— Плохъ...—едва слышно повторила она:—плохъ...

Я не ожидалъ, что она такъ приметъ извѣстіе. Куда дѣвалась ея улыбка? Она вся какъ-то замерла; глаза стали печальные.

— Но гдѣ-жъ онъ... гдѣ Вася?—вдругъ встрепенулась она.—Степанида! Степанида! Поѣзжай, родная, скорѣй... отыщи барина, вотъ адресъ... Нѣтъ, лучше вы, прошу васъ.

Она умоляла меня сейчасъ же ѣхать. Я, конечно, не заставилъ себя просить и уѣхалъ по адресу, но тамъ я его не засталъ и ничего не узналъ.

— Ну что?—встрѣтила она, трепетно ожидая отвѣта.

Я разсказалъ ей о своей неудачѣ.

— Господи! Не случилось ли чего?

Она была въ ужасномъ страхѣ. Блѣдная, взволнованная, она то нервно ходила по комнатѣ, то садилась и, опустивъ голову на руки, тихо рыдала.

Наступилъ вечеръ. Мы молча сидѣли вдвоемъ и прислушивались: не позвонятъ ли? Сколько разъ ей казалось, что звонятъ, она стрѣлой летѣла въ прихожую и возвращалась печальная: никого не было. Но вотъ раздался робкій звонокъ. Мы бросились въ коридоръ, но Степанида предупредила насъ.

Первушинъ робко, словно виноватый, пробирался тихими шагами. При свѣтѣ лампы онъ казался какой-то тѣнью живого человѣка,—такой худой, блѣдный, приниженный. Только глаза его лихорадочно горѣли.

Зоя Михайловна бросилась на него съ какимъ-то радостнымъ стономъ.

Она не могла говорить. Она смѣялась и плакала въ одно и то же время. А Первушинъ совсѣмъ оробѣлъ. Онъ глядѣлъ на нее своими большими, кроткими глазами и точно не понималъ, во снѣ ли все это или наяву.

У Первушиныхъ, казалось, наступилъ новый медовый мѣсяцъ. Надо было видѣть, какъ ухаживала за нимъ Зоя Михайловна! Нечего и говорить, что она не отходила отъ него ни на шагъ. Но бѣднякъ уже слегъ. Изнурительная лихорадка уложила его въ постель. Лучшіе доктора были призваны къ нему; они стучали въ грудь и скверно качали головами.

Зоѣ Михайловнѣ они ничего не сказали, но мнѣ объявили, что надежды никакой, и жить ему осталось очень мало, нѣсколько дней. Чахотка въ послѣдней степени!

Я сидѣлъ у себя въ комнатѣ, когда ко мнѣ заглянула Зоя Михайловна.

— Ну, что̀, что̀ они сказали?—едва выговорила она, со страхомъ заглядывая въ мое лицо.

Я обнадежилъ ее, какъ умѣлъ. Она тихо взяла меня за руку и съ умоляющимъ видомъ спросила:

— Вы правду говорите? Онъ будетъ жить? Вѣдь будетъ?

— Конечно.

Она ушла отъ меня съ надеждой.

А Первушину съ каждымъ днемъ становилось хуже; онъ подолгу забывался, силы, видимо, оставляли его; докторъ ѣздилъ два раза въ день и, уѣзжая, предупреждалъ меня, что дѣло скверное.

Грустная тишина была въ комнатѣ больного. Первушинъ, исхудалый, безъ ропота, безъ жалобъ, лежалъ на своемъ диванѣ. Зоя не оставляла его ни на минуту и все

время проводила около мужа; она сама похудѣла, осунулась, глаза ввалились. Я предложилъ-было замѣнить ее, но она рѣшительно отказалась. Первушинъ молча глядѣлъ на Зою своимъ кроткимъ взоромъ, и на лицѣ его была такая счастливая улыбка...

— Знаешь ли, о чемъ я тебя попрошу, Зоя, милая моя!—какъ-то однажды сказалъ онъ.

— О чемъ, голубчикъ?

— Попроси Ивана Петровича написать телеграмму Наташѣ. Пусть Степанида снесетъ. Я бы желалъ видѣть сестру.

— Еще бы, сейчасъ!—проговорила Зоя и вдругъ испуганно прибавила:—а тебѣ развѣ хуже... ты...

Она боялась досказать.

— Нѣтъ, Зоя, мнѣ лучше. Ты не пугайся, милая моя. Мнѣ просто хочется взглянуть на Наташу. Я вѣрю, что я буду жить, мнѣ хорошо.

Но онъ вдругъ закашлялся, безпомощно прижимая маленькія руки къ своей впалой груди.

— Все это пройдетъ,—опять заговорилъ онъ.—Я такъ счастливъ, такъ счастливъ... какъ же не жить? За что̀ умирать?—шепталъ онъ, протягивая прозрачную руку Зоѣ.

Зоя тихо сжимала ее въ своей, а сама отворачивалась, чтобы скрыть слезы.

Когда телеграмма была написана и отправлена, Первушинъ видимо обрадовался.

— Вы увидите,—обратился онъ ко мнѣ:—какая Наташа славная. Ты, Зоя, полюбишь ее. Она добрая. И ты вѣдь добрая!

Но что̀ сдѣлалось съ Зоей? Она глухо рыдала, припавъ къ рукѣ Первушина.

— Зоя, что̀ съ тобой, что̀?..—растерянно спросилъ онъ.

— Простишь ли ты... меня?..

— Простить?—онъ кротко улыбнулся.—За что̀ тебя простить, глупенькая? Не плачь же. Мы будемъ счастливы, уѣдемъ отсюда съ Наташей въ деревню. Тамъ хорошо такъ. Много воздуха, лѣсъ, цвѣты.

И Первушинъ началъ мечтать о томъ, какъ онъ начнетъ новую жизнь, какъ онъ поѣдетъ.

— Еще недѣлю, другую, а тамъ и поѣдемъ, правда?

А голосъ его все слабѣлъ и слабѣлъ. Ему было трудно говорить много. Онъ задыхался.

Зоя сидѣла, какъ убитая.

Наступилъ вечеръ. Василій Николаевичъ заснулъ. Мы молча сидѣли около. Степанида тихо всхлипывала въ коридорѣ. Мѣрно тикали часы. Вотъ пробило восемь, девять. Первушинъ кашлялъ. Ему дали лѣкарства.

— Какой чудный сонъ, Зоя! Зоя, ты здѣсь?

— Я здѣсь.

— Гдѣ ты, Зоя, Зоя, Зоюшка! — жалобно спрашивалъ онъ.

Она нагнулась къ нему, но онъ ее не узнавалъ и все повторялъ:

— Зоя, Зоя... не оставляй меня.

Зоя едва удерживала рыданія.

Скоро больной пришелъ въ себя. Ему стало значительно лучше. Онъ присѣлъ на постели, попросилъ чаю и такъ бодро говорилъ, что Зоя стала надѣяться.

— Видишь, мнѣ совсѣмъ хорошо. Завтра, пожалуй, и встать можно, Иванъ Петровичъ? А ты, Зоя, усни, голубушка! Ты устала. Экая славная ты натура, Зоя, золотое сердце какое у тебя!

Первушинъ попросилъ ѣсть и сказалъ, что теперь уснетъ.

Скоро онъ заснулъ.

— Ему лучше, правда?—шопотомъ спрашивала меня Зоя.

— Гораздо. Вы отдохните-ка.

Она сѣла въ кресло и скоро заснула, взявъ съ меня слово, что я ее разбужу, какъ только больной проснется.

Первушинъ спалъ до утра. Но утромъ онъ сталъ метаться. Я разбудилъ Зою. Она едва успѣла подбѣжать къ постели, какъ вдругъ Первушинъ приподнялся, открылъ ротъ, жадно глотая воздухъ, опустился, тяжело прохрипѣлъ, вытянулся—и въ комнатѣ водворилось мертвое молчаніе.

Зоя бросилась къ нему, заглянула въ глаза. Они кротко глядѣли попрежнему. Я тихо отвелъ ее отъ трупа. Она не противилась и послушно отошла. Я закрылъ покойнику глаза.

Я занялся распоряженіями насчетъ похоронъ. Зоя ничего не могла дѣлать; она сидѣла цѣлые часы молча. Она точно окаменѣла. Печальное выраженіе застыло у нея на лицѣ, да такъ и осталось. Она не выронила слезинки и, когда о чемъ-нибудь ее спрашивали, отвѣчала автоматически.

На третій день пріѣхала Наташа. Покойный не даромъ ею восхищался. Она вошла веселая, здоровая, свѣжая (мы не упоминали въ телеграммѣ, что братъ боленъ), но, когда увидала наши лица, бросилась прямо въ гостиную и припала къ брату.

Съ Зоей она обошлась холодно. Но Зоя, казалось, ничего не замѣчала и попрежнему сидѣла у себя въ комнатѣ. На похоронахъ Зоя шла молча, опустивъ голову. За это время она постарѣла. Она была попрежнему хороша, но горе ужъ наложило на нее свою печать.

На другой день Степанида пришла ко мнѣ и объявила, чтобы я искалъ себѣ квартиру.

— А Зоя Михайловна?

— Мы уѣзжаемъ. Продадимъ только вещи.

— Куда?

— Не знаю,—печально отвѣтила Степанида.

Въ тотъ же день въ квартиру стали являться покупатели: маклаки, еврейки, и черезъ день квартира опустѣла. Зоя Михайловна продала рѣшительно все: мебель, вещи, всѣ свои платья.

— Только черное, шерстяное, голубушка, на себѣ оставила. И все куда-то торопится и не торгуется вовсе!— говорила Степанида.

Я уложился и пошелъ проститься.

Она сидѣла въ пустомъ кабинетѣ. При моемъ появленіи она вздрогнула.

— Это вы?—обернулась она и поднялась съ ящика.

— Я пришелъ проститься, Зоя Михайловна.

— Прощайте. За все спасибо вамъ. Дай вамъ Богъ всего хорошаго!—сказала она и крѣпко пожала мнѣ руку.

— А вы?.. Вы уѣзжаете?

— Да.

Мнѣ хотѣлось-было спросить у нея, что она думаетъ дѣлать, гдѣ жить, но она, очевидно, не желала продолжать разговоръ. Я пожелалъ ей душевнаго мира и вышелъ изъ комнаты.

ПОХОЖДЕНІЯ ОДНОГО БЛАГОНАМѢРЕННАГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Очень ужъ хотѣлось мнѣ жить, какъ другіе порядочные люди живутъ, чтобы и обстановка и костюмъ были приличные, пища вкусная и питательная,—словомъ, чтобы все какъ слѣдуетъ. Грязь и бѣдность, постоянныя мысли о томъ, какъ бы прожить мѣсяцъ, все это просто терзало меня. А жили мы въ ту пору съ маменькой и сестрой въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ совсѣмъ бѣдно. Будущности никакой. Такъ себѣ, живи впроголодь, носи коленкоровыя рубашки и думай, какъ бы не износить сапоговъ раньше времени. Протекціи у насъ не было никакой, родственники все жалкіе, необразованные люди, знакомства мизерныя... Подобная будущность пугала меня... За что пресмыкаться, глядя, какъ другіе люди живутъ, какъ слѣдуетъ жить... Зачѣмъ же мнѣ дали образованіе въ гимназіи? Лучше было бы и вовсе не учить меня. Гибнуть я не хотѣлъ...

Папенька (царство ему небесное!) умеръ, нисколько не позаботившись о насъ. Умеръ онъ, какъ и жилъ, въ бѣдности (чтобы похоронить его сколько-нибудь прилично, пришлось заложить кое-что изъ рухляди), хотя по должности, какую онъ занималъ, могъ бы, какъ другіе, обезпечить свое семейство.

Боже сохрани меня осуждать родителей, но я разсуждаю такъ: если человѣкъ обзаводится семьей, то его священный долгъ позаботиться о ней, чтобы не поставить кровныхъ своихъ въ безвыходное положеніе. И безъ того нищихъ довольно. Если не имѣешь силы обезпечить семью, то не слѣдуетъ имѣть дѣтей.

Папенька былъ очень странный человѣкъ, не въ мѣру гордый и раздражительный, а маменька, по слабости характера, не имѣла на него никакого вліянія. Иной разъ

она сдѣлаетъ сцену (когда ужъ очень изнашивались на насъ платье и обувь), затѣетъ разговоръ насчетъ средствъ, но тотчасъ же и замолчитъ, встрѣтивъ презрительный взглядъ отца. Обыкновенно онъ какъ-то перекашивалъ губу и, когда маменька жаловалась на бѣдность, раздражительно отвѣчалъ:

— Воровать прикажешь?

Маменька пробовала-было заговаривать насчетъ платьевъ и башмаковъ нашихъ, но отецъ съ какою-то усмѣшкой перебивалъ:

— Что они у насъ, принцы мекленбургскіе, что ли? И въ дырявыхъ походятъ.

Маменька умолкала, а отецъ, бывало, задумается и, нѣкоторое время спустя, какъ-то задумчиво промолвитъ:

— По крайней мѣрѣ дѣти отца добромъ вспомнятъ!

Послѣ такихъ сценъ онъ особенно нѣжно ласкалъ меня и сестру, прижималъ насъ къ своей впалой груди и долго вглядывался въ наши лица. Потомъ, какъ мы подрастали, меня онъ рѣже ласкалъ и иногда загадочно такъ на меня глядѣлъ, словно я былъ для него загадкой и онъ за меня боялся. Сестру, напротивъ, очень баловалъ, по-своему, разумѣется. Мнѣ и завидно было, и досадно, что папенька совсѣмъ былъ непрактичнымъ человѣкомъ. Ужъ какіе тутъ принцы! Въ домѣ у насъ постоянные недостатки, а онъ о принцахъ! Я, бывало, нерѣдко бесѣдовалъ на этотъ счетъ съ маменькой, но у нея, какъ у женщины, не было никакой выдержки.

Нужно было исподволь, осторожно, но какъ можно чаще, касаться этихъ вопросовъ (капля точитъ камень), напирая преимущественно на родительскія чувства (отецъ очень любилъ меня и сестру), а она вдругъ разражалась упреками и слезами, и вслѣдъ затѣмъ, вмѣсто того, чтобы выдержать характеръ и показать недовольство, сама же просила извиненія у отца. Разумѣется, отецъ еще болѣе упорствовалъ въ своей гордости, полагая, что и мать съ нимъ во всемъ согласна (это насчетъ средствъ). А она соглашалась съ нимъ болѣе по слабости. Сама, бывало, плачетъ втихомолку надъ нами, что мы несчастные и нищіе, а поговоритъ съ отцомъ—успокоится. Никакой не было выдержки у маменьки!

Про отца всѣ говорили (и до сихъ поръ говорятъ), какъ о честномъ человѣкѣ, но чудакѣ. Но отъ этихъ разговоровъ ни маменькѣ, ни мнѣ легче не было. Если бы даже о

папенькѣ говорили иначе, а у насъ были бы средства, то все-таки уважали бы насъ болѣе, и намъ не пришлось бы унижаться передъ людьми...

Я только-что послѣ смерти отца получилъ аттестатъ зрѣлости, но объ университетѣ нечего было и мечтать. Разумѣется, если-бъ какія-нибудь деньжонки, я бы кончилъ курсъ; тогда мѣсто виднѣе можно было бы получить, и жили бы мы прилично. Но и при папенькѣ-то мы бѣдствовали, а какъ скончался онъ—докторъ сказывалъ, отъ чахотки—то дѣла наши и совсѣмъ разстроились. Надо было жить троимъ. Я оставался единственной поддержкой семьи. По счастію, я скоро пріискалъ мѣсто письмоводителя у мирового судьи, пріятеля покойнаго отца. Жалованье ничтожное, работа такая, что никакъ нельзя быть на виду, да и самъ судья былъ какой-то невидный и неловкій человѣкъ. По утрамъ судилъ, а по вечерамъ игралъ въ карты и былъ совершенно счастливъ. Отъ него никакой протекціи ожидать было невозможно. Онъ и о себѣ не заботился. Гдѣ-жъ ему было заботиться о другихъ! Да и ничего онъ не могъ бы сдѣлать, если-бъ и хотѣлъ.

И сталъ мнѣ скоро нашъ городокъ ненавистенъ. И жители его тоже ненавистны. Главное, всѣ тебя знаютъ, всѣ видятъ, что на тебѣ потертый сюртучишко, скверное бѣлье, и что дома пустыя щи. Всѣ очень хорошо знали наше положеніе, и, вѣроятно, потому-то всякая скотина считала своимъ долгомъ пожалѣть тебя при встрѣчѣ, и такъ пожалѣть, что и придраться нельзя. Внутри клокочетъ злоба, а ты еще благодари за сожалѣнія!

Бывало, идешь въ свою камеру, а навстрѣчу какой-нибудь помѣщикъ или думскій гласный. Поманитъ этакъ обидно пальцемъ и скажетъ:

— Здравствуйте, молодой человѣкъ. На службу?

— На службу.

— Похвально, похвально... Конечно, жаль, что такой прекрасный молодой человѣкъ, какъ вы, не нашелъ себѣ болѣе приличнаго мѣста, но что дѣлать? Вы вѣдь кажется, первымъ въ гимназіи кончили?

— Первымъ.

— Отлично, отлично... Покойный вашъ батюшка честнѣйшій человѣкъ былъ; только жаль, ничего вамъ не оставилъ, такъ что вамъ и курсъ кончить нельзя. Но что дѣлать! Теперь вы поддержка семьи, и вамъ дѣлаетъ честь, что вы трудитесь. Похвально, похвально, молодой человѣкъ!

Помѣщикъ, полагавшій, что осчастливилъ своимъ сочувствіемъ, жалъ мнѣ руку и шелъ своей дорогой, выразивъ, разумѣется, сожалѣніе и похвалу больше для того, чтобы занять минуту, другую разговоромъ.

Такія встрѣчи случались чуть ли не ежедневно. Весь городокъ точно считалъ непремѣннымъ долгомъ терзать меня, соболѣзнуя о способномъ молодомъ человѣкѣ и одобряя его похвальное поведеніе относительно семейства. Даже сторожъ въ камерѣ и тотъ какъ-то особенно, обиднонѣжно относился ко мнѣ.

«Такой молодой человѣкъ, а всю семью содержитъ! Мать просто не надышится сыномъ!»

Эту самую фразу всѣ повторяли, бывало, чуть только завидятъ меня гдѣ-нибудь, такъ что я наконецъ зеленѣлъ отъ злости, чуть-было услышу ее. Всѣ жалѣли, всѣ соболѣзновали, но, конечно, никто и не подумалъ помочь «способному молодому человѣку» сдѣлать приличную карьеру.

Наконецъ всѣ эти сожалѣнія такъ меня озлобили, что я обходилъ большую улицу и сталъ ходить въ камеру по закоулкамъ и пустырямъ, чтобы не встрѣчаться ни съ кѣмъ на дорогѣ, и мечталъ о томъ, какъ бы мнѣ выбраться изъ унизительнаго положенія и уѣхать поскорѣй изъ этого ненавистнаго мнѣ города.

Къ тому же, признаюсь, зависть просто ѣла меня. Въ самомъ дѣлѣ, неужто такъ-то мнѣ и пропадать здѣсь? Нѣтъ, ни за что!

А изъ камеры прибѣжишь голодный домой, дома неприглядно... одна бѣдность. Мать подкладываетъ лучшіе куски (ты-де кормилецъ), отказывая себѣ и сестрѣ, а эти куски мнѣ и того противнѣе. И гложетъ, бывало, меня пуще злость, когда вижу, какъ маменька во всѣ глаза смотритъ, точно собака на хозяина. Во взглядѣ и умиленіе, и соболѣзнованіе, словно бы и она тоже чувствуетъ, что вотъ, молъ, такой способный молодой человѣкъ, а всего тридцать пять рублей въ домъ приноситъ. Сестра угрюмо смотритъ, ѣстъ мало, и угрюмость ея тоже во мнѣ желчь подымала. Она-то чего!..

Но я никогда не показывалъ, что̀ происходило во мнѣ. Сценъ я не люблю. Одно только безпокойство и никакого толка. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы все шло у насъ въ семьѣ тихо, мирно и прилично, а не такъ, какъ у пьяныхъ чиновниковъ, гдѣ за обѣдомъ происходятъ драки. Къ то̀му же я любилъ маменьку, и мнѣ очень хотѣлось, чтобы хоть

на старости лѣтъ она могла жить, какъ слѣдуетъ, а не жариться у плиты.

Поэтому со своими я ничего не говорилъ о своихъ планахъ, а держалъ ихъ про себя. Еще поняли ли бы они ихъ, какъ слѣдуетъ?..

Разъ только я какъ-то глупо размякъ и сталъ однажды говорить съ сестрой объ идеалѣ порядочнаго человѣка, и какъ надо жить, чтобы имѣть право считаться порядочнымъ человѣкомъ. Должно-быть, я говорилъ очень горячо, такъ какъ только спустя нѣсколько времени замѣтилъ, съ какимъ не то изумленіемъ, не то страхомъ слушала она меня.

— Ты что, Лена?

— Какъ что? И тебѣ, Петя, не стыдно? А что намъ покойный папа говорилъ?

Она какъ-то всплеснула руками, хотѣла что-то сказать, но промолчала.

— Что ты все: папа да папа? Отецъ былъ увлекающійся человѣкъ. Онъ не понималъ жизни.

Сестра поблѣднѣла при этихъ словахъ.

— Замолчи... замолчи... Что ты говоришь!!..

Она заткнула себѣ уши и убѣжала изъ комнаты. Глупенькая! Она ничего не понимала. Кажется, разговоръ поразилъ ее, и она долго послѣ этого не заговаривала со мной. Вообще Лена была странная дѣвушка, она походила на отца и была такая же увлекающаяся идеалистка. Ей только-что минуло семнадцать лѣтъ, и разная блажь ей лѣзла въ голову. То въ монастырь собиралась идти, то вздумала морить себя голодомъ и все лепетала, какъ блаженная, что она эгоистка. Мнѣ придется еще говорить объ ея печальномъ концѣ, а пока замѣчу только, что она была удивительная дѣвушка, не обращала на себя никакого вниманія, хотя была очень хорошенькая, и никакъ не могла понять простой вещи, что жить—значитъ наслаждаться, а не страдать... А она точно искала какого-то креста и подолгу, бывало, разговаривала съ разными странниками и странницами, заходившими къ намъ, когда меня не было дома. При мнѣ эти мошенники не смѣли показываться. Досадно было слушать, какъ они врутъ и какъ дураки имъ вѣрятъ.

II.

Мысль—сдѣлаться самому порядочнымъ человѣкомъ и сдѣлать порядочными людьми мать и сестру—засѣла гвоз-

демъ въ мою голову. Я рѣшилъ, что это должно быть такъ, и съ этою цѣлью собирался ѣхать въ Петербургъ и тамъ попробовать счастья и испытать свои силы... Мнѣ шелъ двадцать третій годъ... Я былъ здоровымъ, крѣпкимъ молодымъ человѣкомъ и, какъ говорили уѣздныя дамы, далеко не уродомъ... Неужели-жъ я не пробьюсь?—думалось мнѣ, и надежды, одна другой розовѣй, щекотали мои нервы... Вѣдь многаго я не требую отъ жизни. Я желаю только приличнаго существованія. Я хочу жить, какъ люди живутъ—вотъ и все. И я буду такъ жить!—не разъ повторялъ я себѣ, лелѣя эти мечты, какъ цѣль моей жизни.

Нужно было первымъ дѣломъ позаботиться о средствахъ, и я сталъ копить деньги. Я получалъ всего тридцать пять рублей и отдавалъ матери двадцать пять. Остальные десять я прежде тратилъ на себя, но теперь сталъ ихъ откладывать. Я бросилъ курить, ходилъ въ заплатанныхъ сапогахъ и отказывалъ себѣ во всемъ. Я не чувствовалъ этихъ лишеній и съ гордостью думалъ, что, взамѣнъ ихъ, я достигну цѣли... Я буду жить, какъ другіе порядочные люди; бѣлье у меня будетъ тонкое, сигары хорошія, квартира приличная. Я не разъ въ мечтахъ представлялъ, какая именно у меня будетъ квартира, и какъ тѣ самые люди, которые соболѣзновали обо мнѣ, будутъ тогда изумляться: какой солидный человѣкъ, всегда при деньгахъ и безъ копейки долга... Иногда, размечтавшись, я доходилъ въ дерзкихъ мечтахъ своихъ даже до собственной лошади... одной лошадки, этакъ шведки, круглой, сытой, какія бываютъ, какъ я видалъ, у докторовъ-нѣмцевъ.

У меня бывали свободные вечера, и я рѣшилъ воспользоваться ими. Съ этой цѣлью обратился я за помощью къ мировому судьѣ и просилъ его, если случится, порекомендовать меня въ качествѣ учителя. Онъ охотно согласился помочь мнѣ въ этомъ, и я скоро получилъ нѣсколько уроковъ. Платили мнѣ, конечно, мизерно, но я не особенно разбиралъ.

Возвращался я домой, пилъ два стакана чаю съ чернымъ хлѣбомъ и считалъ накопленныя деньги, притаившись, точно воръ, у себя на антресоляхъ. Домашніе меня не безпокоили, я просилъ ихъ объ этомъ... Только мать убивалась все изъ-за меня, полагая, что я слишкомъ много работаю. Она не понимала, что эта работа была для меня наслажденіемъ. Я имъ до времени не открывалъ своего

плана и только черезъ годъ, когда я скопилъ такимъ образомъ шестьсотъ рублей, я объявилъ маменькѣ, что собираюсь въ Петербургъ.

Она не ожидала этого и испугалась.

— Какъ въ Петербургъ?..

— Такъ, маменька... Неужто вы думали, что я всю жизнь буду прозябать въ этомъ городкѣ и позволю вамъ вести такую жизнь?..

— Какую жизнь?.. Чѣмъ же это не жизнь, Петя?..

— Ахъ, маменька!.. Развѣ такъ люди порядочные живутъ, какъ мы живемъ? Покойный папенька о васъ не позаботился, такъ я, маменька, о васъ позабочусь!—проговорилъ я гордымъ и увѣреннымъ тономъ.

— Эгоистъ!—раздался изъ-за перегородки раздраженный голосъ Леночки.

Я только усмѣхнулся и не обратилъ на ея глупую выходку никакого вниманія. Маменька просила ее замолчать, но я поспѣшилъ прекратить готовящуюся вспыхнуть сцену.

— Оставьте, маменька, Леночку. У нея свое мнѣніе, у меня свое. Кто изъ насъ правъ, покажетъ будущее... Быть-можетъ, и Леночка, когда будетъ постарше, пойметъ, что деньги—сила, и что безъ нихъ порядочнымъ человѣкомъ нельзя быть!

— Неправда... неправда... неправда!—крикнула она.

— Не сердись, Лена... Я вѣдь не навязываю тебѣ своего мнѣнія. Я говорю: быть-можетъ...

— Не можетъ этого быть... То, что ты говоришь, безнравственно...

Я не отвѣчалъ больше сестрѣ. Очевидно, она не понимала, что̀ говорила.

— Вотъ, маменька, вамъ триста рублей,—продолжалъ я, выкладывая на столъ три сотенныя бумажки.— Этихъ денегъ хватитъ вамъ на годъ, но я надѣюсь, что раньше года выпишу васъ въ Петербургъ, и тогда мы заживемъ отлично...

Мать изумлялась все болѣе и болѣе.

— Но откуда у тебя деньги?.. И какъ же ты-то самъ будешь жить въ Петербургѣ?..

— Деньги я честно, маменька, заработалъ... А для Петербурга я и себѣ оставилъ триста рублей.

Мать бросилась обнимать меня и всплакнула-таки... Жаль было ей разставаться со мной...

— Не плачьте, маменька... Я ѣду за счастьемъ и найду его... А развѣ вы не хотите видѣть своего сына счастливымъ?

Пришла и Лена. И она была изумлена, когда увидала, сколько я заработалъ денегъ... Очевидно, мое упорство вселяло въ ней уваженіе ко мнѣ...

Она какъ-то грустно улыбнулась, когда я сказалъ ей, что въ Петербургѣ она можетъ учиться, и что я надѣюсь скоро доставить ей средства, но ни слова не отвѣтила на мои слова. Я объявилъ, что уѣзжаю черезъ три дня, и пошелъ къ себѣ наверхъ.

Мнѣ спать не хотѣлось... Я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ большомъ волненіи... Я вѣрилъ въ свою звѣзду, а все-таки сомнѣнія нѣтъ-нѣтъ да и закрадывались въ мой умъ. Что-то будетъ впереди?.. Какъ-то встрѣтитъ меня большой незнакомый городъ?..

Я не помню, долго ли я такъ проходилъ, но, взглянувъ на часы, увидѣлъ, что уже двѣнадцатый часъ... Пора было ложиться спать.

Вдругъ по лѣстницѣ раздались легкіе шаги, и Лена вошла ко мнѣ въ комнату. Она была блѣдна... Глаза ея были красны отъ слезъ... Она приблизилась ко мнѣ, взяла меня за руку и, заглядывая въ глаза, какъ-то странно спросила:

— Петя!.. зачѣмъ ты ѣдешь въ Петербургъ?..

— Вотъ странный вопросъ!.. Я ѣду искать счастья...

Вдругъ эта странная дѣвушка горячо обняла меня и, вся вздрагивая, прошептала, наклоняясь надъ моимъ ухомъ:

— Милый мой... дорогой Петя, не поѣзжай туда!.. Ради Бога, не поѣзжай!..

— Что съ тобой, Лена?.. Отчего это мнѣ не ѣхать?..

— Другому я бы посовѣтовала туда ѣхать, а тебѣ — нѣтъ. Ты не сердись, я говорить не умѣю... Ты... ты самъ станешь нехорошимъ... Ты совсѣмъ испортишься... Ты совсѣмъ перестанешь любить людей...

Она говорила прерывисто и такъ жадно смотрѣла мнѣ въ глаза.

— Я тебя, Лена, не понимаю...

— Ахъ, нѣтъ... Ты понимаешь... Я и сама, впрочемъ, не понимаю... Я больше чувствую это... Петя, родной мой!.. Развѣ тебя не мучитъ ничто другое?.. Неужели тебѣ только и заботы, что о себѣ, какъ бы тебѣ получше жить?.. А о другихъ ты никогда развѣ и не думалъ?.. Развѣ тебѣ

не жаль другихъ, и ради ихъ неужели ты не позабылъ бы себя?.. А вѣдь тотъ идеалъ порядочнаго человѣка, про который ты говорилъ—помнишь?—тотъ идеалъ не ведетъ къ добру... Петя... Петя... вспомни покойнаго отца... вспомни, чему онъ насъ училъ...

Она вдругъ зарыдала и, припавъ къ рукѣ моей, обливала ее слезами.

— Лена... Леночка... Да что съ тобой? Ты какая-то экзальтированная... Чего ты желаешь?.. Въ монахи, что ли, идти мнѣ?..

— Ахъ, лучше въ монахи, если есть вѣра... А то ты только и вѣришь въ деньги... Сгубишь ты себя...

— Но вѣдь я для васъ же хлопочу... Развѣ такъ хорошо жить?..

— Не то... не то... Ахъ, ты не то говоришь, Петя... Слишкомъ много заботишься о себѣ... Ты себя очень любишь.

Я старался успокоить Лену, объяснялъ, что я ничего нечестнаго не сдѣлаю, но что я только хочу быть человѣкомъ.

Но она не успокоилась послѣ моихъ словъ и что-то пыталась мнѣ объяснить, но вмѣсто объясненій она говорила какія-то горячія слова о томъ, какъ надо жить по правдѣ... Говоря о своей правдѣ, она вся вздрагивала... Видно, бѣдную странники совсѣмъ сбили съ толку.

Я съ сожалѣніемъ слушалъ ея порывистыя рѣчи и доказывалъ ей, что глупо съ ея стороны такъ волноваться изъ-за того, что я ѣду въ Петербургъ. Разумѣется, я постараюсь получить мѣсто, постараюсь пробить себѣ дорогу и не пресмыкаться, какъ теперь...

— Того я и боюсь, Петя, что ты успѣешь... Ты упоренъ... у тебя характеръ есть...

Больше она ничего не говорила... Заладила одно, что боится за меня, что я людей забуду и какую-то «правду» забуду...

— Ты, Леночка, ребенокъ и ничего не понимаешь... Мечтательница ты... а я... жить хочу...

— Но развѣ твоя жизнь—жизнь?

— Ну, довольно объ этомъ, Лена.

— И ты ѣдешь?

— Еще бы!

— Да спасетъ тебя Богъ!—проговорила она какъ-то порывисто, обняла меня и тихо, понуривъ голову, вышла изъ комнаты.

Глупая эта сцена однако смутила меня, и я долго ворочался въ постели... Долго не могъ заснуть... Все мнѣ мерещилась бѣлокурая Леночкина головка, ея возбужденные глаза и ея порывистыя рѣчи...

Какъ же жить-то? Она искала выхода по-своему, я по-своему. Пусть же насъ разсудитъ жизнь!.. А волноваться, какъ она, изъ-за пустяковъ я не могъ же въ самомъ дѣлѣ... Страдать за другихъ, когда я страдалъ за самого себя, за маменьку и за сестру!.. Да съ какой стати?.. И наконецъ все это однѣ глупости... Жить надо!.. Надо жить!

Въ этомъ все!.. Когда я себя устрою, тогда не забуду и о другихъ... Но прежде всего о себѣ... Чѣмъ же я виноватъ, что я себя люблю?.. Да, люблю, и возненавижу тѣхъ, кто помѣшаетъ мнѣ добиться своего счастья...

Такъ размышлялъ я въ тѣ поры, и когда сталъ засыпать, то ясно слышалъ, какъ на сосѣдней церкви пробило пять часовъ...

На другой день я отправился къ мировому судьѣ и объявилъ ему, что оставляю мѣсто...

Онъ удивился такой новости.

— Ужъ не выиграли ли двѣсти тысячъ?—пошутилъ онъ.

— Нѣтъ, ѣду въ Петербургъ.

— Безъ мѣста?

— Безъ мѣста... Попытать счастья...

— Ну, дай вамъ Богъ успѣха... Вы способный молодой человѣкъ...

Сдача дѣлъ была не долга. Дѣла у меня были въ порядкѣ.

Черезъ два дня я простился съ маменькой и сестрой. Обѣ онѣ горько плакали, только каждая изъ разныхъ побужденій: мать просто жалѣла меня, а сестра хоронила меня.

III.

Признаюсь, когда черезъ трое сутокъ я пріѣхалъ въ Петербургъ и въ тотъ же день сталъ бродить по улицамъ большого города, въ которомъ у меня не было ни одной души знакомыхъ, какая-то тоска одиночества сжала мое сердце. Скоро, впрочемъ, это прошло, и не безъ гордости ходилъ я по улицамъ большого города. Оживленіе возбуждало мои нервы... Я взглядывалъ на роскошные дома, останавливался передъ магазинами, съ любопытствомъ глядѣлъ на изящные экипажи, на лошадей, щегольски разодѣ-

тыхъ мужчинъ и дамъ. Мнѣ нравились эта суета и этотъ блескъ большого города. Дамы казались какими-то красавицами, а мужчины такими ловкими и изящными.

Однако я время отъ времени щупалъ бумажникъ. Разсказы о петербургскихъ мошенникахъ, слышанные мною на желѣзной дорогѣ, произвели на меня впечатлѣніе, и я со страхомъ думалъ, что̀ было бы со мной въ этомъ большомъ городѣ, если бы я вдругъ очутился въ немъ безъ гроша денегъ? Но бумажникъ былъ на мѣстѣ, и я снова бродилъ и снова останавливался, и жадно разглядывалъ красивыя, изящныя вещи, выставленныя въ магазинахъ.

Меня, впрочемъ, смущалъ мой костюмъ. Когда я сравнивалъ мое невзрачное платье съ изящными костюмами гулявшихъ по улицамъ франтовъ, мнѣ дѣлалось просто неловко, и я рѣшилъ, что первымъ дѣломъ мнѣ надо пріобрѣсти пару приличнаго платья и нѣсколько бѣлья. Платье въ Петербургѣ—важная вещь. Я отложилъ покупку до другого дня и, скромно пообѣдавъ въ какой-то кухмистерской, усталый отъ ходьбы, я крѣпко заснулъ въ крошечной комнаткѣ, нанятой мною поблизости отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги.

На другой день я былъ одѣтъ довольно прилично и искалъ меблированной комнаты. Комната, нанятая мною по пріѣздѣ, была для меня слишкомъ дорога̀. Я пересмотрѣлъ множество комнатъ, но бо̀льшая часть изъ подходящихъ по цѣнѣ не удовлетворяла меня. Ужъ слишкомъ много было жильцовъ и слишкомъ много шума. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, я напалъ на подходящую комнатку въ Офицерской улицѣ, во дворѣ большого дома. Комнатка была, правда, крошечная, но чистенькая, и кромѣ меня въ этой квартирѣ было только двое жильцовъ: какая-то дама и отставной генералъ. Квартирная хозяйка, весьма недурная собой молодая блондинка, уступала мнѣ комнату за десять рублей, но при этомъ прибавила, лукаво бросая на меня взглядъ:

— Только пожалуйста, чтобы у васъ было тихо, и чтобы къ вамъ не ходили... дамы.

— О, будьте спокойны на этотъ счетъ!—отвѣчалъ я какъ можно серьезнѣе.—Я только-что пріѣхалъ, и у меня нѣтъ ни души знакомыхъ.

— Вы въ первый разъ въ Петербургѣ?

— Въ первый разъ.

Молодая женщина еще разъ оглядѣла меня съ ногъ до

головы и, показалось мнѣ, на этотъ разъ гораздо ласковѣе, точно, глядя на меня, она почувствовала сожалѣніе.

«Неужели, въ самомъ дѣлѣ, я возбуждаю во всѣхъ только сожалѣніе?»—опять пронеслось въ моей головѣ, и я нѣсколько рѣзко спросилъ у молодой женщины:

— Такъ вы согласны принять меня жильцомъ?

— О, разумѣется... Быть-можетъ, вы пожелаете у меня имѣть и столъ? Правда, столъ у меня простой, очень простой.

— Я привыкъ къ простому столу!.. — проговорилъ я и вдругъ покраснѣлъ при этихъ словахъ.

Она взглянула опять, и я точно въ ея взглядѣ прочиталъ: «Вижу, вижу, молодой человѣкъ, что ты къ хорошему столу не привыкъ!»

— А какая цѣна?

— Восемь рублей.

— Согласенъ... Обѣдъ будутъ подавать ко мнѣ въ комнату?

— Какъ угодно... Угодно со мной обѣдать, а нѣтъ— обѣдайте одни...

— Я привыкъ одинъ!.. — отвѣчалъ я снова какъ-то рѣзко, сердито взглядывая на молодую женщину.

— А вы не капризны?..

— Нѣтъ...

Я отдалъ задатокъ, въ тотъ же вечеръ перебрался въ новое помѣщеніе и за чаемъ дѣлалъ выписки изъ газетныхъ объявленій. Со слѣдующаго дня я рѣшилъ приняться за поиски работы.

«Требуется молодой человѣкъ въ качествѣ домашняго секретаря». «Ищутъ чтеца къ престарѣлой дамѣ». «Желаютъ имѣть молодого человѣка для занятій съ дѣтьми». «Требуется конторщикъ для переписки». Изъ массы объявленій о предложеніи я на этотъ разъ выудилъ только четыре болѣе или менѣе подходящихъ спроса. Разумѣется, я далекъ былъ отъ мысли сдѣлать себѣ профессію изъ какого-либо подобнаго занятія (иначе стоило ли пріѣзжать въ Петербургъ?), но, какъ подспорье, я не прочь былъ имѣть какое-либо подходящее занятіе, которое дало бы мнѣ возможность не проживать сдѣланныхъ мною сбереженій. Я сосчиталъ свои капиталы. У меня оставалось всего 210 рублей. Надо было вести дѣла свои аккуратно. Въ свою очередь, я сочинилъ объявленіе такого рода:

«Молодой человѣкъ, 23 лѣтъ, пріѣхавшій изъ провин-

ціи, кончившій курсъ, ищетъ занятій въ качествѣ учителя, секретаря или бухгалтера».

Я отнесъ объявленіе въ двѣ газеты и затѣмъ пошелъ по объявленіямъ.

Первымъ стояла «престарѣлая дама, ищущая чтеца». Престарѣлая дама жила недалеко, и я отправился къ ней. Большой домъ. Швейцаръ у подъѣзда.

— Гдѣ 14 нумеръ квартиры?

— Вы наниматься... по объявленію, что ли?—отвѣтилъ швейцаръ, оглядывая меня.

— Да.

Онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня и замѣтилъ:

— Въ четвертый этажъ идите, только знаете ли что̀? Напрасно будете подниматься. Она вотъ уже мѣсяцъ публикуетъ, и только коверъ на лѣстницѣ портятъ... Никто не идетъ. Много тутъ перебывало разнаго народа...

— Отчего же это никто не идетъ?

— А барыня-то ужъ очень требовательная... А то ступайте, сами посмотрите... Многіе такъ ходятъ... Пойдутъ, посмотрятъ и возвращаются назадъ, будто изъ театра... Смѣются.

Меня заинтересовала эта старуха, и я пошелъ въ четвертый этажъ.

Позвонилъ—никто не отворяетъ. Позвонилъ другой разъ... Наконецъ послышались шаги, и на порогѣ появился старый лакей.

— Вы чтецъ?

— Да... по объявленію...

Лакей тоже странно на меня посмотрѣлъ, лѣниво принялъ мое пальто и повелъ въ комнаты.

Мы прошли черезъ нѣсколько парадныхъ комнатъ и остановились передъ запертой дверью.

— Вы подождите здѣсь, я пойду, доложу!..—проговорилъ лакей.—У васъ сапоги не скрипятъ?..

— Нѣтъ, кажется...

— То-то... Она терпѣть не можетъ сапоговъ со скрипомъ!..—прибавилъ совершенно серьезно лакей, послѣ чего осторожно отворилъ дверь и скрылся.

Мнѣ пришлось прождать минутъ съ десять. Въ то время, какъ я ждалъ, изъ другихъ дверей вышла какая-то пожилая женщина, прошла мимо, бросивъ на меня внимательный взглядъ, кивнула на мой поклонъ и вернулась въ ту же дверь. Затѣмъ прибѣжали три маленькія соба-

чонки въ попонахъ, стали-было лаять, но горничная, вошедшая вслѣдъ за ними, поторопилась увести ихъ, поглядѣвъ на меня, какъ мнѣ показалось, не безъ сожалѣнія.

— Пожалуйте! — проговорилъ лакей, появляясь около меня.

Онъ отворилъ двери. Сперва мы вошли въ роскошно убранную гостиную, а оттуда въ небольшую полутемную комнату, гдѣ въ большомъ откидномъ креслѣ полулежала закутанная пледами какая-то женщина. Въ комнатѣ было душно и накурено чѣмъ-то ароматическимъ. Изъ сосѣдней комнаты раздавались звуки фортепіано...

Лакей скрылся. Я остался одинъ.

— Подойдите поближе!—тихо проговорила та самая пожилая женщина, которая давеча разглядывала меня въ залѣ.

Я подошелъ и тогда только разглядѣлъ существо, лежавшее въ креслѣ. Это была старая-престарая и очень некрасивая старуха съ маленькимъ узконосымъ дѣтскимъ личикомъ, въ бѣломъ чепчикѣ съ сиреневыми лентами. На лицѣ ея толстымъ слоемъ лежала пудра, отчего безобразное ея лицо казалось еще страшнѣй, а небольшіе глаза, глубоко сидѣвшіе въ темныхъ ямахъ, казались совершенно безжизненными, стеклянными глазами.

Она высвободила свою руку изъ-подъ одѣяла и уставила на меня лорнетъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Она что-то опять сказала пожилой дамѣ, и та снова тихо попросила меня подойти поближе. Я подошелъ почти вплоть къ старухѣ. Она продолжала оглядывать меня, точно какую-то рѣдкость. Въ это время въ сосѣдней комнатѣ замолкли звуки фортепіано, и прямо противъ меня слегка скрипнула дверь. Я взглянулъ въ ту сторону. Изъ дверей выглянуло прелестное, молодое женское личико, но тотчасъ же скрылось.

— Вы чтецъ?—наконецъ проговорила какимъ-то глухимъ голосомъ старуха, не опуская лорнета.

— Да.

— Вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать три года.

— Вы студентъ?

— Нѣтъ. Я кончилъ только курсъ въ гимназіи.

— Вы читали когда-нибудь больнымъ?

— Читалъ,—храбро совралъ я.

— Вѣдь это скучно, очень скучно,—замѣтила старуха, и на лицѣ ея промелькнуло нѣчто въ родѣ улыбки.

Потомъ, помолчавши, она сдѣлала мнѣ какой-то жестъ рукой.

— Садитесь,—подсказала мнѣ пожилая дама, замѣтивъ, что я не понялъ жеста.

Я сѣлъ на низенькую маленькую табуретку, обитую шелкомъ, такъ что старуха, лежа въ своемъ креслѣ, могла отлично меня видѣть.

— Вы не нигилистъ?—снова начала она свой допросъ.

— Нѣтъ.

— Вы въ Господа Бога вѣруете?

— Разумѣется.

— Это похвально, молодой человѣкъ... Нынче такъ мало вѣры... Кто ваши родители и что вы дѣлали до сихъ поръ? Разскажите-ка намъ откровенно... Все по порядку. Я люблю слушать задушевныя исторіи.

Я понялъ тогда, почему отъ этой старухи убѣгали всѣ, приходившіе по объявленію, но я рѣшилъ испить чашу до дна. Въ моемъ положеніи приходилось спрятать самолюбіе въ карманъ.

«Кто знаетъ,—мелькнула у меня мысль:—можетъ-быть, я понравлюсь старухѣ, и она мнѣ поможетъ устроить карьеру. Такіе примѣры были. Она, должно-быть, очень богата. Жить ей недолго. Чѣмъ судьба не шутитъ! Такія старухи капризны». Я вспомнилъ при этомъ случай, бывшій въ нашемъ губернскомъ городѣ, какъ одна больная, богатая старуха оставила послѣ смерти десять тысячъ одному молодому человѣку, приходившему играть къ ней на фортепіано.

Эти мысли быстро пробѣгали въ моей головѣ, какъ снова напротивъ меня чуть-чуть пріотворились двери, и изъ щели показалась пара сверкающихъ черныхъ глазъ и маленькій, слегка вздернутый, розовый носикъ.

Несмотря на мое благоразуміе, глаза эти, признаюсь, смутили меня, и, подите-жъ, въ то же мгновеніе всѣ мои фантазіи относительно старухи разлетѣлись; мнѣ въ это время хотѣлось только узнать: кто такая эта дѣвушка, заглядывавшая въ щелку? и непремѣнно увидать ее... увидать во что бы то ни стало.

Я былъ молодъ, и мнѣ было простительно на минуту увлечься самымъ глупымъ образомъ.

Однако пора было начинать исповѣдь передъ старухой. Она уже ждала. Глаза снова скрылись, но кто знаетъ, не будетъ ли у меня, кромѣ двухъ, еще и третья слушательница?.. Это меня нѣсколько смущало.

Въ короткихъ словахъ я разсказалъ, кто были мои родители (дворянское происхожденіе, видимо, произвело на мою старуху благопріятное впечатлѣніе), почему я не могъ поступить въ университетъ и какъ пріѣхалъ въ Петербургъ пріискивать себѣ занятія. Я разсказалъ все это просто, но не безъ достоинства. Мысль, что меня, быть-можетъ, слушаютъ за дверьми, заставляла меня избѣгать трогательныхъ мѣстъ, которыя бы оттѣняли способнаго и прекраснаго молодого человѣка, служащаго единственной опорой матери и сестрѣ. Этотъ вопросъ я обошелъ, ограничась только легкимъ, хотя и довольно прозрачнымъ, намекомъ.

Разсказъ мой произвелъ, повидимому, очень благопріятное впечатлѣніе.

— Бѣдный молодой человѣкъ! — проговорила старуха, снова лорнируя меня.—У меня тоже былъ сынъ... ему бы теперь было...

Она задумалась и заморгала глазами, точно собираясь плакать.

Пожилая дама поднесла ей къ носу флаконъ съ солями и замѣтила:

— Ипполиту Ѳедоровичу было бы теперь тридцать лѣтъ...

— Ахъ, да... тридцать... И какой славный молодой человѣкъ!..

Опять нюханіе солей.

— А вы по-славянски читать умѣете?

— Умѣю.

— Ну, и хорошо. Вы мнѣ понравились, молодой человѣкъ. Какъ васъ зовутъ?

— Петромъ Антоновичемъ.

— А ваша фамилія?

— Брызгуновъ.

Мнѣ показалось, что она поморщилась, когда я сказалъ свою фамилію. Дѣйствительно, моя фамилія была какая-то странная; мнѣ она самому не нравилась... «Брызгуновъ»... Очень ужъ какъ-то звучитъ скверно.

— Я васъ буду, молодой человѣкъ, звать Пьеромъ... Вы позволите?

И, не дождавшись отвѣта, старуха обратилась къ пожилой дамѣ:

— Кто у насъ Пьеръ былъ?.. Ахъ, я опять забыла... напомните мнѣ, Марья Васильевна.

— Пьеръ?.. Да племянникъ вашъ, княгиня, Пьеръ...

— Вотъ вспомнила!—съ неудовольствіемъ перебила старуха.—Нашли кого вспомнить!.. Я его въ домъ не пускаю, а она... Вы нарочно, кажется, хотите меня раздражать... Кто же у насъ Пьеръ, ну?..

— Крестникъ вашъ, княгиня...

Старуха замотала капризно головой.

— Еще Пьеръ Ленскій, сынъ Антонины Алексѣевны.

Старуха заморгала глазками. Марья Васильевна въ смущеніи снова поднесла флаконъ съ солями.

— Ахъ, вы меня совсѣмъ не жалѣете... Какихъ это вы все Пьеровъ вспоминаете?..

Она озабоченно стала припоминать, и вдругъ лицо ея оживилось.

— Ну, вотъ вы не могли вспомнить, а я вспомнила. Помните, у покойнаго мужа комнатный мальчикъ былъ... славный такой... мы его Пьеромъ звали...

Черезъ минуту старуха забыла уже Пьера и, обратившись ко мнѣ, замѣтила:

— Я васъ беру, молодой человѣкъ, къ себѣ чтецомъ. О времени и объ условіяхъ съ вами переговоритъ Марья Васильевна... Я васъ не обижу...

Она кивнула головой. Я поклонился и вышелъ изъ комнаты. Вслѣдъ за мной вышла и Марья Васильевна. Условія были слѣдующія: приходить читать отъ семи до девяти часовъ вечера, за это предлагалось тридцать рублей.

Я согласился. О подробностяхъ Марья Васильевна обѣщала поговорить впослѣдствіи.

— Вы понравились княгинѣ, — проговорила эта женщина, ласково взглядывая на меня.—Постарайтесь же оправдать ея довѣріе. Завтра приходите въ половинѣ седьмого.

Когда я уходилъ, въ комнатѣ раздался шелестъ. Я обернулся и мелькомъ увидѣлъ красивую молодую дѣвушку, выглядывавшую изъ дверей.

Я былъ на порогѣ, когда до меня донесся ея голосъ:

— Неужели онъ согласился?

— Да!—тихо отвѣчала Марья Васильевна.

Въ голосѣ дѣвушки было столько изумленія, что я обернулся, но ея уже не было въ комнатѣ.

Старый лакей проводилъ меня до прихожей и взглянулъ на меня съ удивленіемъ.

— Поладили?—спросилъ онъ.

— Да.

— Удивительно!..

И швейцаръ изумился, что я такъ долго былъ наверху, и, когда я далъ ему гривенникъ и объявилъ, что буду приходить каждый день читать старухѣ, онъ не могъ скрыть своего изумленія и проговорилъ:

— Чудеса!

Отъ старухи я пошелъ на Сергіевскую улицу къ господину, желавшему имѣть «способнаго секретаря»...

Успѣхъ моихъ первыхъ шаговъ въ Петербургѣ радовалъ меня, и я шелъ въ Сергіевскую бодрый и довольный, въ полной увѣренности, что неглупому человѣку нельзя пропасть въ большой столицѣ.

IV.

Я скоро отыскалъ домъ, указанный въ объявленіи. Швейцаръ замѣтилъ, что генералъ живетъ во второмъ этажѣ, и при этомъ прибавилъ:

— Только врядъ ли васъ, господинъ, примутъ... Генералъ очень занятъ...

— Однако въ газетахъ объявлено, что его можно видѣть до трехъ часовъ.

— Такъ вы по объявленію?.. Попробуйте... Только едва ли!.. Генералъ теперь пишетъ... Мнѣ только-что лакей ихній говорилъ...

Однако я все-таки поднялся во второй этажъ и тихо позвонилъ у двери, на которой блестѣла мѣдная дощечка съ выгравированной на ней крупной славянской вязью: «Николай Николаевичъ Остроумовъ».

Лакей, отворившій мнѣ двери, тихимъ голосомъ и какъ-то таинственно сказалъ мнѣ, что «генералъ очень занятъ, и безпокоить его теперь нельзя».

— Но я пришелъ по объявленію...

— Вы бы лучше въ другой разъ...

— Да какъ же это?..

— Впрочемъ, подождите... Я посмотрю...

Съ этими словами лакей тихонько пріотворилъ двери въ кабинетъ, заглянулъ туда и, обратясь ко мнѣ, сказалъ съ особенной серьезностью:

— Пишетъ!.. А когда онъ пишетъ, то не любитъ, чтобы его безпокоили...

— Такъ я подожду.

— Развѣ подождать?.. Вы подождите въ залѣ. Я выберу минутку и доложу.

Я вошелъ въ залу. Въ залѣ, за двумя ломберными столами, сидѣли два военныхъ писаря и что-то писали. Полная тишина была въ большой комнатѣ. Только слышно было, какъ шуршали перья по бумагѣ.

Я просидѣлъ такъ минутъ съ пять, какъ черезъ залу на цыпочкахъ прошла дама съ какой-то корректурой въ рукахъ и, не обращая на меня никакого вниманія, остановилась у кабинета, осторожно пріотворила двери, заглянула туда и отошла отъ дверей.

Я кашлянулъ. Тогда дама взглянула на меня, и я поклонился. Она подошла ко мнѣ, серьезная, озабоченная, съ корректурой въ рукѣ.

— Вамъ Николая Николаевича?—спросила она.

— Да-съ... Объявляли въ газетахъ...

— Ахъ, извините, пожалуйста... Сейчасъ мужъ васъ принять не можетъ... Онъ исправляетъ теперь корректуру... Жаль потревожить его... Ужъ будьте добры, подождите немного...

Съ этими словами она прошла въ другія комнаты, а я снова сѣлъ.

Опять черезъ залу прошла, тихо ступая, молодая дѣвушка, тоже съ корректурой въ рукахъ, такъ же осторожно заглянула въ двери и такъ же осторожно отошла назадъ. По счастію, она обратила на меня вниманіе. Я поклонился молодой дѣвушкѣ. Она приблизилась ко мнѣ.

— Я пришелъ по объявленію... Объявляли о домашнемъ секретарѣ... Нельзя ли увидать генерала?

— Николай Николаевичъ теперь ужасно занятъ!—отвѣтила она мнѣ.—Впрочемъ, подождите.

Она снова пріотворила двери, и на этотъ разъ, слава Богу, генералъ, должно-быть, замѣтилъ ее, потому что она вошла въ кабинетъ, черезъ минуту вернулась и попросила меня войти туда.

Я вошелъ въ кабинетъ. За большимъ столомъ, на которомъ повсюду были разбросаны корректуры, сидѣлъ не старый генералъ съ озабоченнымъ видомъ. Онъ протянулъ мнѣ руку и, показывая на кресло, замѣтилъ:

— Извините, пожалуйста... Я, кажется, заставилъ васъ ждать... Я такъ занятъ, такъ занятъ... Дочитываю корректуру моей новой книги... Должна выйти къ сроку... А довѣрить этого дѣла нельзя никому.

Въ эту минуту въ кабинетъ вошла генеральша, некрасивая, добродушная на видъ дама, извинилась, что на ми-

путку, «на одну только минуточку», прерветъ нашу бесѣду, и, положивъ передъ мужемъ корректурный листъ, указала на одно мѣсто тонкимъ, замараннымъ въ чернилахъ, пальцемъ.

— Послушай, мой другъ... Я поставлена въ затрудненіе. Въ этомъ мѣстѣ у тебя написано...

И она прочла пѣвучимъ, слегка вибрирующимъ голосомъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ, точно читала священныя строчки, слѣдующее мѣсто:

«И слезы благодарныхъ, выносливыхъ, простодушно-невинныхъ русскихъ солдатъ, этихъ чудо-богатырей родной земли, взбуровили тихое Чаганрыкское озеро. Оно запѣнилось, почернѣло и словно подернулось трауромъ по храбромъ, неустрашимомъ героѣ, майорѣ Кобылкинѣ, прахъ котораго, заключенный въ гробъ, везли въ это время на лодкѣ истомленные горемъ солдаты...»

— А сбоку, мой другъ, варіантъ такой:

«И зарыдали они, эти простодушно-дѣвственные чудо-богатыри земли русской, христолюбивые воины нашей родины. Зарыдали они, и капля по каплѣ струились ихъ слезы въ тихія воды Чаганрыкскаго озера, вспѣнивая его черную пучину. И обыкновенно спокойный Чаганрыкъ отуманился, почернѣлъ, какъ бы подернулся чернымъ флеромъ, отдавая послѣднюю дань праху безвременной жертвы, героя-болярина, майора Нижнеудинскаго пѣхотнаго полка Аркадія Петровича Кобылкина, моего стараго добродѣя и соратника. Тихо плыла лодка по озеру съ гробомъ, христолюбцы рыдали, и, казалось, вмѣстѣ съ ними скорбѣлъ Чаганрыкъ, плакало небо, и тихо грустили горныя выси...»

Генеральша и это мѣсто прочла съ тѣмъ же чувствомъ и тѣмъ же дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Когда она кончила, то взглянула на мужа съ благоговѣйной любовью и восхищеніемъ, полная счастія. Потомъ она перевела взглядъ и на меня, взглянувъ какъ-то торжественно, словно бы говоря своимъ взглядомъ: «слышалъ ли ты когда-либо что-нибудь подобное?»

— Какъ же намъ быть, Никсъ?.. Какой варіантъ оставить? По моему мнѣнію, оба они такъ прелестны, такъ поэтичны, что если-бъ ты спросилъ моего совѣта, я бы сказала: оставь оба.

Генералъ задумался. Онъ восторженно устремилъ въ пространство голубые глаза и нѣсколько секундъ пробылъ

въ такомъ положеніи. Генеральша благоговѣйно замерла. Въ эту минуту въ комнату заглянула молодая дѣвушка и тоже замерла.

Наконецъ генералъ опустилъ глаза на корректуру, тихо перечелъ, тоже нараспѣвъ, оба мѣста и опять задумался.

— Ты какъ думаешь, Мари? Какое мѣсто лучше?—наконецъ спросилъ генералъ.

— Ахъ, ужъ лучше не спрашивай, Никсъ. Я не могу отдать предпочтенія. Первое сильнѣе, но зато во второмъ столько поэзіи... столько поэзіи...

— А ты, Наташа, какого мнѣнія?

— По-моему, дядя, первое лучше. И второе хорошо, но первое... грандіозно!—проговорила, входя, дѣвушка.

Генералъ не рѣшался.

— Это трудный вопросъ! Я и самъ въ затрудненіи... А, впрочемъ, знаете ли, господа, что? Обратимся къ постороннему судьѣ. Мнѣніе безпристрастнаго судьи будетъ самымъ вѣрнымъ. Что вы скажете, молодой человѣкъ?

Всѣ взгляды обратились на меня. Я, признаться, не былъ приготовленъ къ такому исходу.

— Вы откровенно скажите... Не стѣсняйтесь, молодой человѣкъ!..—поощрялъ меня генералъ.

— По моему скромному мнѣнію, первый варіантъ будетъ лучше!—проговорилъ я.

— А зато какъ граціозенъ второй!.. — вступилась генеральша.

— Не спорю, но въ первомъ больше силы...

— Вотъ мы такъ и поступимъ... Оставимъ первый!..—рѣшилъ генералъ, взялъ корректурный листъ, перекрестился большимъ крестомъ и зачеркнулъ другой варіантъ.

Обѣ дамы ушли.

— Ну, теперь поговоримъ о дѣлѣ, молодой человѣкъ... Ваше имя?..

— Петръ Антонычъ...

— У меня, Петръ Антоновичъ, работы пропасть... Жена и племянница помогаютъ мнѣ, но кромѣ того мнѣ нуженъ секретарь, которому бы я могъ излагать свои мысли, а онъ бы ихъ записывалъ, такъ, вчернѣ... Окончательно отдѣлывать, конечно, буду я самъ... Могли ли бы вы взяться за это?

— Я бы попробовалъ...

— Вы гдѣ кончили курсъ?

— Въ Н—ской гимназіи.

— Знаю... знаю... Тамъ у меня директоръ пріятель. Долженъ васъ предупредить, Петръ Антоновичъ, что я требователенъ и люблю аккуратность въ работѣ... У меня много перебывало молодыхъ людей, но все какъ-то мы не сходились... Вотъ еще недавно: пришелъ одинъ студентъ, довольно приличный на видъ, взялся за дѣло, но мало того, что былъ не аккуратенъ, а еще фыркалъ, когда я приказалъ ему написать слово о спасеніи души, и отказался... По-моему, лучше не берись... Какъ вы полагаете?

Я согласился.

Генералъ помолчалъ и потомъ неожиданно прибавилъ:

— Вы извините... Одинъ щекотливый вопросъ!..

— Сдѣлайте одолженіе!..

— Вы религіозный человѣкъ?.. Я васъ позволилъ объ этомъ спросить,—прибавилъ онъ:—потому, что все наше семейство глубоко религіозно... Я, конечно, не смѣю насиловать вашихъ убѣжденій, но я бы не потерпѣлъ въ своемъ секретарѣ атеизма, а эта болѣзнь, по несчастію, теперь свирѣпствуетъ... Молодые люди забываютъ, что религія—единственная успокоительница.

Генералъ сталъ говорить на эту тему и, между прочимъ, такъ и сыпалъ цитатами изъ священнаго писанія.

Я поспѣшилъ успокоить его.

— Занятія секретаря должны начинаться съ 9 часовъ утра и продолжаться до трехъ... На вашей обязанности будетъ также переписка... Я веду переписку со многими лицами... Что же касается вознагражденія...

Генералъ остановился и взглянулъ на меня.

— Какъ бы вы оцѣнили свой трудъ?..

— Мнѣ, право, трудно...

— Однако-жъ?

Я все-таки отказался. Отказъ мой, видимо, не понравился генералу. Онъ поморщился и проговорилъ:

— Я тоже затрудняюсь... Работа ваша будетъ, конечно, незначительная... легкая, но все-таки... я не желалъ бы васъ обидѣть... Какъ вы думаете насчетъ двадцати рублей въ мѣсяцъ?..

«Ого!—подумалъ я.—Генералъ изъ кулаковъ!»

— Мнѣ кажется,—возразилъ я:—что за шесть часовъ работы плата эта не совсѣмъ достаточна.

— Но, молодой человѣкъ, вѣдь работа-то какая пріятная... Вы будете при этомъ учиться... Вѣдь вамъ предстоитъ, можно сказать, рѣдкій случай усовершенствоваться

въ стилѣ. Эта работа въ вашемъ же интересѣ... Мы будемъ вмѣстѣ прочитывать хорошія книги... Я буду дѣлиться съ вами идеями... Вы будете, такъ сказать, выразителемъ моихъ идей... Завтракать будемъ вмѣстѣ,—прибавилъ онъ, еще разъ внимательно оглядывая меня.

Я всталъ съ мѣста.

— Вы, кажется, находите, что предложенная мною цѣна мала?

Я отвѣчалъ, что, не имѣя никакихъ занятій, я не могу существовать на двадцать рублей. Тогда генералъ обѣщалъ (если я оправдаю его надежды) похлопотать за меня и доставить мнѣ гдѣ-нибудь еще подходящее занятіе, при чемъ намекнулъ, что у него большія связи.

— Мнѣ кажется, мы съ вами сойдемся. Вы мнѣ понравились.

Вообще онъ говорилъ такимъ тономъ, будто одна честь работать съ нимъ должна была осчастливить человѣка.

Я все-таки колебался.

— Ну, хорошо. Я предложу вамъ двадцать пять рублей. Надѣюсь, теперь вы будете довольны, а пока я сдѣлаю вамъ маленькій экзаменъ.

И съ этими словами онъ предложилъ мнѣ написать письмо къ какому-то архимандриту Леонтію, въ которомъ слѣдовало благодарить за присылку книгъ и трехъ бутылокъ наливки.

Я очень скоро написалъ письмо, и генералъ остался письмомъ доволенъ, хотя и замѣтилъ, что слогъ мой недостаточно, какъ онъ выразился, «кристаллизованъ».

— Впрочемъ, — прибавилъ онъ, дотрагиваясь до моего плеча: — со мной вы скоро научитесь писать превосходно. Такъ я считаю, Петръ Антоновичъ, дѣло рѣшеннымъ?

— Извините, Николай Николаевичъ,—отвѣтилъ я, замѣтивши, что генералъ остался очень доволенъ моимъ письмомъ:—но я бы попросилъ васъ дать мнѣ тридцать рублей, по крайней мѣрѣ. Вы увидите, какъ я работаю, и если работа моя вамъ понравится...

— Ну, нечего съ вами дѣлать. Извольте. Я согласенъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку и отпустилъ меня, снабдивъ брошюрами и книгами своего сочиненія.

— Прочитайте-ка ихъ дома, молодой человѣкъ, да читайте внимательно: вы кое-чему научитесь...

Когда я вышелъ отъ этого самодовольнаго дурака на

улицу, то чуть-было не разсмѣялся, вспоминая все, что видѣлъ и слышалъ.

Хотя я и очень дешево взялъ, но все-таки на первый разъ это было не дурно. Главное, начало сдѣлано. Съ перваго же дня я получилъ занятія.

Голодный, усталый, я вернулся домой. Мнѣ отворила дверь сама хозяйка. Сегодня она была лучше одѣта, вообще пріукрасилась и показалась мнѣ весьма и весьма хорошенькой.

— Что это вы такъ поздно, Петръ Антоновичъ?—заговорила она, привѣтливо улыбаясь.—Вѣрно, проголодались? Гдѣ хотите обѣдать: у себя или со мной? Пойдемте-ка ко мнѣ, а то одному вамъ, бѣдному, скучно будетъ. Вы вѣдь теперь сирота...

Я принялъ предложеніе. Мы обѣдали вмѣстѣ и послѣ обѣда еще долго болтали. Хозяйка произвела на меня впечатлѣніе доброй, милой, но недалекой женщины. Она меня все жалѣла и интересовалась узнать, удачны ли были мои хлопоты, и когда я объявилъ, что сегодня же получилъ два мѣста, то добродушно порадовалась за меня. Она весело болтала, угостила меня пивомъ и объявила, что я очень ей понравился своею скромностью. Она надѣется, что я буду постояннымъ ея жильцомъ...

Въ тотъ вечеръ я заснулъ съ самыми сладкими мечтами о будущемъ моемъ счастіи...

V.

Со слѣдующаго же дня я усердно принялся за исполненіе своихъ обязанностей.

Ровно къ девяти часамъ утра я приходилъ къ Николаю Николаевичу Остроумову, работалъ у него до трехъ, затѣмъ шелъ домой и обѣдалъ съ Софьей Петровной, моей квартирной хозяйкой, а вечеромъ съ семи до девяти часовъ читалъ у больной старухи. Дни проходили незамѣтно.

Занятія мои у генерала были крайне разнообразны. Я сочинялъ письма къ разнымъ лицамъ, преимущественно духовнаго званія (Остроумовъ велъ съ ними большую переписку), составлялъ съ его словъ различные проекты и записки, писалъ подъ диктовку и слушалъ чтенія его статей. За тридцать рублей вознагражденія Николай Николаевичъ наваливалъ работы и, конечно, убѣжденъ былъ, что честь быть его секретаремъ сама по себѣ составляетъ великое счастіе.

Вообще генералъ мой былъ очень оригинальный генералъ. Онъ имѣлъ страсть къ сочинительству, считалъ себя необыкновенно умнымъ человѣкомъ, былъ самодоволенъ, ужасно самолюбивъ и наслаждался поклоненіемъ, которымъ его окружали близкіе люди. Нерѣдко я съ трудомъ сохранялъ серьезный видъ, когда онъ, бывало, прочтетъ мнѣ одно изъ своихъ произведеній, кончитъ и спрашиваетъ:

— Поняли, молодой человѣкъ?..

И при этомъ такъ смотрѣлъ, будто оцѣнить удивительный сумбуръ, который лѣзъ къ нему въ голову и который онъ считалъ долгомъ излагать на бумагѣ, могли только избранные люди.

Своимъ произведеніямъ Остроумовъ придавалъ огромное значеніе. Онъ исписывалъ ворохи бумаги и писалъ обо всемъ, что̀ приходило въ его голову. Онъ сочинялъ темы для проповѣдей, писалъ статьи объ увеличеніи благочестія между образованными классами, измышлялъ проекты противъ наводненій, составлялъ записки о новыхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ, занимался жизнеописаніемъ какого-нибудь героя прошлыхъ войнъ, изучалъ вопросъ о древнецерковномъ одѣяніи, писалъ совѣты архіереямъ, трактовалъ объ учрежденіи новыхъ учебныхъ заведеній для благородныхъ дѣвицъ и заготовлялъ рѣчи, которыя произносилъ потомъ на торжественныхъ обѣдахъ «экспромптомъ».

Словно готовясь начинать священнодѣйствіе, генералъ удалялся въ кабинетъ и на порогѣ замѣчалъ: «Я приступаю; не мѣшайте мнѣ». Послѣ этихъ словъ въ квартирѣ водворялась торжественная тишина. Всѣ, начиная съ прислуги и кончая генеральшей, ходили на цыпочкахъ и говорили вполголоса, боясь потревожить сочинителя. Два писаря, по обыкновенію, безмолвно переписывали превосходнѣйшимъ почеркомъ какія-то необыкновенно длинныя записки, предназначавшіяся вниманію высокопоставленныхъ лицъ, и изрѣдка осторожно пробирались въ кухню покурить. Добродушная, некрасивая генеральша смотрѣла на мужа съ какимъ-то благоговѣйнымъ восторгомъ. По ея мнѣнію, это былъ геній и святой человѣкъ. Всегда съ замаранными въ чернилахъ пальцами, она то и дѣло чуть слышно отворяла двери кабинета и заглядывала въ него, выбирая минутку, когда она посмѣетъ оторвать вниманіе своего мужа, чтобъ разъяснить ея недоразумѣніе насчетъ

какого-нибудь выраженія въ корректурѣ. Молодая племянница, недурненькая дѣвушка, лѣтъ двадцати, раздѣляла съ женой обожаніе къ дядѣ и тоже все утро проводила за корректурами, изрѣдка заглядывая въ кабинетъ. Всѣ домашніе въ эти часы словно были пришиблены. У всѣхъ лица были торжественныя и всѣ говорили шопотомъ. А виновникъ культа въ это время сидѣлъ за своимъ большимъ письменнымъ столомъ и, откинувъ назадъ лысую голову, погруженъ былъ въ думы, потѣя надъ обработкой какого-нибудь выраженія поцвѣтистѣе и пофигурнѣе...

— Николай Николаевичъ заняты; они пишутъ,—таинственно докладывалъ лакей какому-нибудь гостю, и лицо лакея въ это время было необыкновенно серьезно и даже страдальчески-озабочено, точно и онъ вмѣстѣ съ генераломъ раздѣлялъ муки авторскаго творчества.

— Ахъ, тише, тише! — произносила шопотомъ генеральша, если кто-нибудь у кабинета возвышалъ голосъ.— Мой «ангелъ» занятъ; онъ пишетъ.

Генеральша звала генерала «ангеломъ», а генералъ звалъ генеральшу «херувимомъ». Я прежде думалъ, что это они шутя называли такъ другъ друга, но потомъ убѣдился, что у нихъ было обыкновеніе обмѣниваться этими нѣжными именами. Придетъ, бывало, генеральша въ кабинетъ и скажетъ:

— Ангелъ мой, ты слишкомъ утруждаешь себя!

— Что дѣлать, херувимъ мой! Завтра я долженъ читать записку у министра.

— Никсъ, Николаша, голубчикъ, отдохни!

— Мари, родная, не могу.

Такъ, бывало, проворкуютъ эти два голубя, и снова въ кабинетѣ тишина; я нагибался ниже надъ своимъ столомъ и кусалъ губы, чтобъ не разсмѣяться.

Замѣчательно, что Николай Николаевичъ Остроумовъ никакой службы не несъ и не получалъ никакого жалованья, числясь при какой-то особѣ. Несмотря на то, что по службѣ онъ не имѣлъ никакой опредѣленной должности, Остроумовъ все-таки умѣлъ себѣ пріискать множество самыхъ разнообразныхъ занятій: былъ членомъ многихъ обществъ, устроителемъ «истинно-русскаго кружка для обращенія инородцевъ», считался иниціаторомъ большой проектировавшейся желѣзной дороги, которую всегда называлъ «моя дорога» или «истинно-патріотическая дорога», помѣщалъ изрѣдка передовыя статьи въ газетахъ

и говорилъ экспромпты при торжественныхъ случаяхъ. На другой же день онъ самъ отвозилъ въ редакціи газетъ свои рѣчи для напечатанія, сердился, если его экспромпты не принимались, и замѣчалъ: «Совсѣмъ слѣпцы эти редакторы! Не понимаютъ, что вся Россія должна слышать мои рѣчи».

Жилъ онъ очень хорошо; водилъ знакомство съ людьми значительными; квартира была большая, превосходно обставленная, держалъ лошадей и много прислуги, но источниковъ его средствъ рѣшительно никто не зналъ. Меня крайне интересовалъ этотъ вопросъ, и я впослѣдствіи не разъ пытался разъяснить его, но всѣ мои попытки не привели ни къ чему. Одни говорили, что генералъ кругомъ въ долгахъ; другіе—что онъ «проводитъ желѣзную дорогу» и получаетъ за это отъ купечества, заинтересованнаго дорогой, крупныя деньги; третьи—что у него есть тетка, которая будто бы помогаетъ ему...

Во всякомъ случаѣ средства моего патрона были для меня загадкой, а между тѣмъ онъ жилъ превосходно и иногда задавалъ обѣды, на которыхъ бывали очень вліятельные люди. Съ нимъ обходились ласково, хотя отчасти третировали моего генерала, какъ шута гороховаго, но онъ довольно умно не замѣчалъ этого и какъ будто нарочно старался еще болѣе оправдать это названіе.

Тѣмъ не менѣе этотъ «гороховый шутъ» жилъ въ свое удовольствіе.

Въ молодости онъ, какъ мнѣ разсказывали люди, хорошо его знавшіе, былъ большой руки хлыщъ и враль. Онъ служилъ тогда въ провинціи, ничего не дѣлая, всегда нуждался въ деньгахъ, умѣлъ развлекать дамъ, классически занималъ деньги и былъ находчивъ, но литературой тогда, говорятъ, не занимался и дорогъ не проводилъ. Послѣ крымской кампаніи онъ перебрался въ Петербургъ и обратилъ на себя вниманіе какой-то необыкновенно горячей патріотической рѣчью за обѣдомъ. Въ Петербургѣ онъ остепенился, сталъ тереться во всѣхъ обществахъ, сдѣлался религіознымъ человѣкомъ, началъ писать записки и проекты, пріобрѣлъ друзей въ купечествѣ и выставлялъ религіозность свою напоказъ. Одни считали его за шута гороховаго, другіе—за умнаго человѣка, имѣющаго связи. А связи эти онъ умѣлъ показать, какъ ловкій купецъ «товаръ лицомъ». Съ тѣхъ поръ Остроумова знаютъ, какъ человѣка, у котораго превосходный поваръ, отличный

домъ и много связей. Жалованья онъ все-таки не получалъ, но всѣ сознаютъ, что такого богомольнаго, нравственнаго, «истинно-русскаго» и преданнаго Россіи человѣка не сыщешь.

А сдается мнѣ, что Остроумовъ — шельма порядочная. Онъ хоть и не уменъ, а ловокъ; по-своему, впрочемъ, и уменъ, потому что изъ своей литературы составилъ себѣ положеніе. Относительно религіозности тоже сдается мнѣ, что онъ морочитъ публику, но морочитъ теперь, надо думать, совсѣмъ искренно. Напустилъ онъ на себя ханжество, и такъ оно въѣлось въ него, что теперь ужъ и не отличишь, что̀ тутъ правда и что̀ обманъ.

Существованіе Остроумова продолжало быть для меня загадкой. Правда, въ Петербургѣ, какъ я слышалъ, много загадочныхъ существованій, но въ концѣ концовъ не съ неба же падали къ нему средства.

Я Николаю Николаевичу очень понравился. Онъ былъ очень ласковъ со мной, иногда даже удостаивалъ откровенныхъ бесѣдъ, главнымъ образомъ на тему о томъ, что онъ—умный человѣкъ и несомнѣнныхъ государственныхъ способностей, а терпитъ, и что, слѣдовательно, мнѣ, молодому человѣку, тоже слѣдуетъ терпѣть. Надо замѣтить, что я ему ни на что не жаловался, и, вѣроятно, онъ говорилъ о моемъ терпѣніи болѣе для округленія рѣчи. Кромѣ того, любимымъ конькомъ его было говорить о недостаткѣ благочестія въ молодыхъ людяхъ.

— Вѣры нѣтъ, оттого и сомнѣнія лѣзутъ въ голову. Вы, Петръ Антоновичъ, теперь, надѣюсь, измѣнились, а?— шутливо трепалъ онъ меня по плечу.—У васъ теперь настоящій взглядъ на вещи? Молитесь вы, голубчикъ, Богу?

— Молюсь.

— То-то. Молитесь и терпите, и Богъ за все вамъ воздастъ сторицей.

Однако самъ-то онъ воздавалъ за мои труды далеко не сторицей. Насчетъ этого онъ былъ крѣпкій человѣкъ. Работы на меня онъ наваливалъ по мѣрѣ того, какъ я ему болѣе нравился. Мѣсяца черезъ два онъ сталъ давать мнѣ столько работы на домъ, что я едва справлялся. Тѣмъ не менѣе я аккуратно исполнялъ все, что̀ только онъ мнѣ ни поручалъ, рѣшившись ждать и воспользоваться его связями и знакомствами.

Какъ кажется, онъ считалъ меня трудолюбивымъ, усерд-

нымъ малымъ, способнымъ только на черную работу, и не замѣчалъ, что я нерѣдко писалъ ему докладныя записки собственнаго сочиненія, а онъ съ необыкновенной наивностью еще за нихъ похваливалъ меня.

— Хорошо, прекрасно, молодой человѣкъ. У васъ слогъ кристаллизуется, и вы совершенно вѣрно воспроизводите мои мысли. Маленькая поправка,—и вашъ трудъ прекрасенъ... Прочти, мой херувимъ,—обращался онъ къ супругѣ:—какъ точно Петръ Антоновичъ изложилъ мои мысли.

И «херувимъ» (далеко, впрочемъ, не похожій на херувима) вскидывалъ свои глаза и переносилъ на меня частицу обожанія къ мужу за то, что «Никсъ» хвалилъ меня.

— Петръ Антоновичъ прекрасно пишетъ, Никсъ, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ работать подъ твоимъ наблюденіемъ.

— Наташа, дружокъ, прочти и ты!

Подлетала племянница и говорила, что прочтетъ, и тоже считала долгомъ сказать мнѣ ласковое слово.

А я стоялъ молча и про себя таилъ злость, глядя на такое наивное нахальство.

До времени мнѣ не было никакого резона расходиться съ Остроумовымъ, хотя работы было и порядочно. Изрѣдка я обѣдалъ у него, а мѣсяца черезъ два получилъ даже приглашеніе заходить, когда вздумается, «поскучать по вечерамъ».

— Боже сохрани васъ, молодой человѣкъ, ходить по клубамъ, — внушительно замѣтилъ при этомъ Остроумовъ:—вы еще очень молоды, и вамъ надо быть въ семейныхъ домахъ... Только семья сохранитъ вашу... вашу неиспорченную натуру.

«Херувимъ» подтвердилъ слова генерала. Вообще «херувимъ» былъ эхомъ «ангела». Что̀ ангелъ скажетъ, то херувимъ непремѣнно повторитъ.

Я иногда заходилъ по вечерамъ къ генералу. Самъ онъ рѣдко бывалъ дома, и мы просиживали вечера втроемъ. Обыкновенно генеральша говорила о мужѣ, и скука была страшная. Племянница со мной чуть-чуть кокетничала, когда не было другого мужчины, и это меня бѣсило. Въ самомъ дѣлѣ, точно я былъ куклой для этой дуры!

Я предпочиталъ заходить къ нимъ по вторникамъ, когда у нихъ бывали Рязановы, мужъ и жена. Жена—молодая,

красивая барыня, веселая, кокетливая и привѣтливая, а мужъ, некрасивый человѣкъ лѣтъ сорока, съ умнымъ, строгимъ лицомъ, какъ говорили, готовился дѣлать блестящую карьеру. Онъ изрѣдка заѣзжалъ съ женой къ Остроумовымъ по вторникамъ. Признаться, мнѣ очень хотѣлось попасть на службу къ Рязанову. Онъ былъ человѣкъ несомнѣнно умный и не обратилъ бы вниманія, что у меня нѣтъ чина. Главное, увидалъ бы онъ, какъ я могу работать. Но онъ, разумѣется, не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Я сидѣлъ около дамъ, скучалъ, злился и изрѣдка удостаивался небрежно-ласковыхъ взглядовъ блестящей, красивой дамы, точно она хотѣла сказать: «бѣдненькій, какъ тебѣ, должно-быть, неловко въ нашемъ обществѣ!»

Разъ только я пристально на нее посмотрѣлъ и замѣтилъ, какъ сперва она поправила волосы, потомъ взглянула на меня, но, вѣроятно, мой взглядъ показался черезчуръ страннымъ или дерзкимъ, потому что она тотчасъ же съ неудовольствіемъ отвела глаза, словно изумляясь дерзости ничтожнаго молодого человѣка, осмѣливающагося разглядывать ее.

А я на зло не спускалъ съ нея глазъ...

Въ такія минуты я испытывалъ муки оскорбленнаго самолюбія. Мнѣ хотѣлось скорѣй уйти, но я нарочно оставался и дразнилъ еще себя:

— Оставайся... Испытывай униженіе на каждомъ шагу...

Я ненавидѣлъ этихъ дамъ и сидѣлъ въ углу гостиной одинокій, съ затаенной злостью въ сердцѣ. Никто, разумѣется, не обращалъ на меня вниманія. Должно-быть, ужъ очень видъ мой былъ страдальческій, такъ какъ вдругъ «херувимъ» почувствовалъ ко мнѣ состраданіе. Генеральша повернулась въ мою сторону и ласково замѣтила:

— Молодой человѣкъ, что это вы забились въ уголъ?.. Присядьте поближе къ намъ!

Я послалъ въ душѣ эту даму къ чорту, присѣлъ поближе, пробовалъ вмѣшаться въ общій разговоръ, сказалъ какую-то чепуху и сконфузился. Въ этотъ вечеръ я скоро ушелъ домой, сославшись на нездоровье.

По обыкновенію, Софья Петровна поджидала меня. Когда я позвонилъ, она встрѣтила меня радостно и, взглянувъ на меня, ласково промолвила:

— Сегодня вы раньше пришли... Что̀ съ вами? Вы такой мрачный?

— Ничего!..

— Какъ ничего!? Посмотрите-ка на себя!

— Да вамъ-то что̀?—раздраженно остановилъ я ся сочувствіе.

Софья Петровна смутилась и какъ-то испуганно, кротко взглянула на меня.

— Я такъ... — пробормотала она робко. — Вы, быть-можетъ, закусить хотите? Я оставила вамъ котлетку и горячаго чаю.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я спать хочу.

И, холодно простившись, я ушелъ въ свою комнату.

Добрая женщина была Софья Петровна, но только недалекая и простая. Она, шутя, называла меня сироткой, всегда была необыкновенно ласкова и оказывала самое трогательное вниманіе. Заботилась она обо мнѣ, точно о ребенкѣ. Сама чинила мое бѣлье, входила въ мои интересы, украшала мою комнату то новенькими занавѣсками, то купленнымъ по случаю письменнымъ столомъ, взамѣнъ стараго. И когда я благодарилъ за все это вниманіе, молодая женщина какъ-то конфузилась и говорила, что она старается, чтобы жильцу было хорошо.

Мы съ ней обыкновенно обѣдали вмѣстѣ, и послѣ обѣда она весело болтала разный вздоръ. Она была очень недурна собой и, замѣтилъ я, въ послѣднее время очень наблюдала за своимъ туалетомъ. Прежде, по вечерамъ, ея никогда не бывало дома: она любила Александринскій театръ и часто ходила туда или бѣгала къ знакомымъ, но мѣсяца черезъ два послѣ того, какъ я поселился у нея, молодая женщина стала домосѣдкой, сидѣла по вечерамъ дома и поджидала меня, чтобы вмѣстѣ пить чай, когда я возвращался отъ старухи. Она вѣрила въ мою звѣзду, хвалила мой образъ жизни, разсчитывала, что я со временемъ получу хорошее мѣсто и, шутя, называла бирюкомъ... Она, конечно, и не догадывалась, съ какими цѣлями я пріѣхалъ въ Петербургъ, и простодушно радовалась, что я такъ скоро устроился и могъ зарабатывать шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

Обыкновенно за чаемъ она разспрашивала меня о молодой дѣвушкѣ, которую я изрѣдка видѣлъ у старухи, и разспрашивала все чаще и чаще, подробнѣй и подробнѣй: какая она, хороша ли, нравится ли мнѣ и т. п.

Я, конечно, ограничивался короткими отвѣтами, говорилъ, что мнѣ до молодой дѣвушки нѣтъ никакого дѣла, а Софья Петровна радостно похваливала меня за это и весело замѣчала:

— Ну, разумѣется, такимъ бѣднымъ людямъ, какъ мы съ вами, нечего связываться съ богачами.

И снова принималась весело болтать и угощать меня чаемъ и булками съ масломъ.

VI.

Я безсовѣстно лгалъ ей, когда говорилъ, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до той молодой дѣвушки, которую я встрѣчалъ у княгини. Напротивъ, эта дѣвушка очень меня заинтересовала, и, когда я встрѣчался съ нею, у меня какъ-то сильнѣй билось сердце, я замиралъ, и долго потомъ образъ ея преслѣдовалъ меня. Меня это злило. Я сознавалъ, что Софья Петровна съ своей точки зрѣнія была права, когда говорила, что «бѣднымъ людямъ нечего связываться съ богачами», но мнѣ въ то время было двадцать три года, а дѣвушка была такая красивая, изящная и гордая... И отчего-жъ я не смѣлъ даже молча любоваться ею?.. Развѣ оттого, что я нищій?.. Но кто же мѣшаетъ мнѣ не быть нищимъ?.. Я за эти два мѣсяца кое-чему научился и увидѣлъ, что не боги же обжигаютъ горшки, и что не такъ трудно пробиться неглупому человѣку, поставившему себѣ цѣлью завоевать у судьбы положеніе... Я видѣлъ ничтожныхъ и глупыхъ людей, имѣвшихъ и состояніе, и положеніе... Чѣмъ же я хуже другихъ?

Такія мысли нерѣдко приходили мнѣ въ голову, когда я шелъ къ старухѣ, пріодѣвшись какъ можно лучше и опрятнѣй. Обыкновенно около старухи сидѣла пожилая компаньонка и весело улыбалась моему приходу, такъ какъ на два часа она избавлялась отъ капризовъ больной и придирчивой старухи. Я присаживался на креслѣ передъ маленькимъ столикомъ, на которомъ стоялъ графинъ воды и лежала раскрытая книга. Старуха кивала на мой поклонъ головой и, обыкновенно, такимъ же движеніемъ давала мнѣ знать, что я могу начинать. Я читалъ ей «Русскую Старину», «Русскій Архивъ», романы въ журналахъ и книги духовнаго содержанія. Чтеніе мое, какъ кажется, нравилось, потому что старуха, обыкновенно, внимательно слушала и не замѣчала, какъ при началѣ чтенія ком-

паньонка ея, Марья Васильевна, незамѣтно ускользала изъ комнаты, и мы оставались вдвоемъ съ барыней. Въ небольшомъ будуарѣ, гдѣ она постоянно лежала въ креслахъ, было до того накурено разными духами, что подъ конецъ чтенія у меня всегда разбаливалась голова.

Моя старуха, княгиня Надежда Аркадьевна Синицына, была очень богатая женщина, вдова помѣщика и, какъ разсказывала мнѣ Марья Васильевна, страдала параличомъ ногъ лѣтъ восемь. Она лѣчилась вездѣ, гдѣ только было можно, ѣздила на Кавказъ, провела нѣсколько лѣтъ за границей, но не поправилась и рѣшила болѣе никуда не выѣзжать. Она была раздражительна, капризна и мучила всѣхъ окружающихъ, за исключеніемъ внучки, которую любила безъ памяти и которая не подчинялась капризной старухѣ.

Эта внучка и была та молодая дѣвушка, о которой я упоминалъ раньше.

Во время чтенія старуха тихо выбивала тактъ маленькой сморщенной рукой по ручкѣ креселъ и иногда останавливала меня, чтобъ я не торопился или читалъ съ бо̀льшимъ чувствомъ сцены романическаго содержанія.

— Ахъ, такъ нельзя!—тихо останавливала она меня.— Такъ нельзя, мосьё Пьеръ (она меня такъ и называла мосьё Пьеръ)... Вы недостаточно вникли въ положеніе дѣйствующихъ лицъ. Вѣдь она обманута этимъ негоднымъ человѣкомъ. Она страдаетъ... Ей тяжело... Голосъ у нея долженъ прерываться, а вы прочитываете это, точно дѣло идетъ о какихъ-нибудь пустякахъ.

Старуха, насколько могла, увлекалась при этомъ, и изъ ея темныхъ впадинъ блисталъ въ глазахъ слабый огонекъ.

— Прочтите еще разъ это мѣсто...

Я безпрекословно повиновался.

Случалось, что ей надоѣдалъ романъ, и она просила меня читать посланія св. Іоанна Златоуста или проповѣди Иннокентія. У нея былъ очень странный вкусъ. Старуха любила слушать скабрезныя сцены въ романахъ, описаніе страданій любящихъ сердецъ, житія святыхъ и душеспасительныя проповѣди.

Во время этихъ чтеній старуха нерѣдко устанавливала на меня лорнетъ и не спускала съ меня глазъ. Я чувствовалъ ея взглядъ и не отрывалъ взгляда отъ книги. Въ девять часовъ обыкновенно приходила Марья Васильевна;

старуха кивала головой и, когда я собирался уходить, говорила:

— Спасибо вамъ, добрый мой. Развлекли вы старуху. Сегодня вы очень хорошо читали!

На другой день мнѣ приходилось иногда разсказывать вкратцѣ содержаніе прочитаннаго, такъ какъ старуха забывала и не разъ капризно перебивала меня:

— Постойте, постойте, Пьеръ... Кто кого любитъ? Разскажите сперва мнѣ. Я что-то не помню.

Я разсказывалъ и затѣмъ снова читалъ, прислушиваясь, не пронесется ли знакомый шелестъ платья и не войдетъ ли молодая дѣвушка. Иногда она входила во время чтенія, цѣловала бабушку, собираясь въ театръ или въ гости, а то просто заходила, присаживалась и слушала.

Тогда я читалъ какъ-то лучше. Голосъ мой раздавался сильнѣй и тверже. Сцены выходили живѣй. Мнѣ хотѣлось читать при ней хорошо, и я чувствовалъ, что читаю дѣйствительно съ чувствомъ. Она на мои поклоны слегка кивала головой и, казалось мнѣ, смотрѣла на меня съ какимъ-то великодушнымъ снисхожденіемъ. Иногда я подымалъ глаза, чтобы взглянуть на нее, и тотчасъ же опускалъ глаза на книгу, чувствуя къ этой дѣвушкѣ и невыразимое обожаніе, и ужасную злобу.

А она была очень хороша: стройная, граціозная, словно вся выточенная, брюнетка, съ тонкимъ профилемъ прелестнаго лица, главнымъ украшеніемъ котораго были большіе, черные, блестящіе глаза. Чуть-чуть вздернутый носикъ и приподнятые углы губъ придавали ея лицу надменное выраженіе. Глаза смотрѣли серьезно и обличали характеръ. Гладко зачесанные назадъ черные волосы моложавили ея лицо, придавая ему что-то дѣтское. Нерѣдко она задумывалась и тогда казалась какой-то суровой богиней красоты. О чемъ она задумывалась? Что мучило ея молодую головку? Какіе вопросы рѣшала эта красавица, единственная наслѣдница милліоннаго состоянія?

Точно желая отвязаться отъ мучившихъ ее сомнѣній, она слегка откидывала назадъ голову и весело иногда болтала съ бабушкой. Она, видимо, любила старуху и одна только могла успокоить ее, когда та уже очень капризничала.

Мною не стѣснялись. На меня, очевидно, глядѣли, какъ на случайную мебель, и потому нерѣдко при мнѣ заво-

дили такіе разговоры, словно бы кромѣ бабушки и внучки никого не было въ комнатѣ.

Я прекращалъ чтеніе и дожидался конца.

— Продолжайте, мосьё Пьеръ! — обыкновенно замѣчала старуха.

— Развѣ его, бабушка, зовутъ мосьё Пьеромъ? — спросила однажды дѣвушка слегка дрожащимъ голосомъ, при чемъ верхняя губа ея вздрогнула и ноздри раздулись, точно у степной лошади.

Я навострилъ уши. Сердце у меня забилось.

— Я такъ его называю, Катя... Короче. Мосьё Пьеръ такъ добръ, что не обижается на больную старуху. Правда, мосьё Пьеръ?

Я взглянулъ на молодую дѣвушку и замѣтилъ устремленный на меня взглядъ, полный презрѣнія. Она, впрочемъ, тотчасъ же отвернулась.

— Вѣдь вы не обижаетесь?—повторила старуха.

— Нѣтъ!—глухо прошепталъ я и сталъ читать.

Я читалъ, какъ теперь помню, романъ Стендаля: «Черное и бѣлое». Положеніе героя романа напоминало мое собственное. Бѣдный энергичный молодой человѣкъ, безъ средствъ, безъ положенія, пробиваетъ себѣ дорогу и дѣлается любовникомъ молодой знатной дѣвушки, которая сначала презирала его.

Помнится мнѣ, я читалъ съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ. Я, видимо, сочувствовалъ герою и принужденъ былъ сдерживать злобно-торжествующее чувство, готовое вырваться изъ моей груди. Я читалъ, вѣроятно, превосходно, потому что старуха уставилась на меня, а молодая дѣвушка замерла. Я и самъ забылъ, что читаю по обязанности. Я помнилъ только, что я самъ въ такомъ же положеніи, и восторгался этимъ романомъ, въ которомъ какъ бы нашелъ откликъ на волнующія меня чувства.

На маленькихъ часахъ пробило уже девять часовъ, въ комнату вошла Марья Васильевна, но я не обращалъ ни на что вниманія и продолжалъ читать, съ особеннымъ чувствомъ прочитывая тѣ сцены, гдѣ герой являлся торжествующимъ.

Меня не прерывали; впрочемъ, можетъ-быть, и прерывали, но я не слыхалъ. Я пересталъ только тогда, когда Марья Васильевна громко сказала:

— Довольно, довольно, Петръ Антоновичъ. Княгиня проситъ васъ перестать.

Я остановился, взглянулъ вокругъ растеряннымъ взглядомъ и отодвинулъ книгу.

— Вы, мосьё Пьеръ, сегодня превосходно читали и даже увлеклись до того, что не замѣтили, какъ я васъ нѣсколько разъ просила окончить,—проговорила старуха ледянымъ тономъ.—Вамъ, вѣрно, понравился романъ? Герой его—порядочный негодяй!

Я ни слова не сказалъ, поклонился всѣмъ и, шатаясь, вышелъ изъ комнаты. Когда я уходилъ, мнѣ послышалось, что молодая дѣвушка проговорила:

— Вы, бабушка, хоть бы чаю ему предложили!

Вслѣдъ затѣмъ Марья Васильевна догнала меня и попросила вернуться.

— Мосьё Пьеръ... Останьтесь... Сейчасъ будемъ чай пить... Вы сегодня запоздали!—проговорила старуха.

Я поблагодарилъ, отказался и снова вышелъ изъ комнаты.

— Странный молодой человѣкъ!—прошептала старуха, не стѣсняясь, что я могу ее слышать.

Когда я вышелъ на улицу, меня душила злоба, и слезы полились изъ глазъ.

VII.

Въ началѣ одиннадцатаго часа я вернулся домой, раздраженный и злой. Вошелъ въ свою конуру, гляжу: на письменномъ столѣ, вмѣсто прежней гадкой лампы, стоитъ новая, и темный свѣтъ мягко льется изъ-подъ свѣтло-синяго колпака. Это былъ новый сюрпризъ моей хозяйки.

Я присѣлъ на кресло, какъ черезъ нѣсколько минутъ меня окликнула наша кухарка.

— Вамъ что?

— Чай пить будете?

— Давайте, пожалуй.

— Сюда самоваръ вамъ?

— Сюда.

— А то ступайте къ барынѣ. Она сама еще не пила. Съ девяти часовъ васъ дожидается. Два раза самоваръ грѣла. Одной пить тоже скучно.

Я пошелъ въ комнату Софьи Петровны.

Большая комната моей хозяйки сіяла привѣтливостью и домовитостью. Все въ ней было необыкновенно уютно и мило. На столѣ весело шумѣлъ блестящій самоваръ и сіяла большая лампа, бросая яркій свѣтъ на всю обста-

новку. Мягкая свѣтленькая мебель, цвѣты на окнахъ, олеографіи въ рамкахъ, альбомы и бездѣлушки, разставленныя на столахъ, все блестѣло свѣжестью и чистотой и все было у мѣста. Въ углу стояла большая, пышная постель, скрытая отъ глазъ безукоризненно чистымъ кисейнымъ альковомъ. Входя въ эту комнату, вы сразу чувствовали, что попали въ гнѣздо аккуратной и опрятной хозяйки. Васъ такъ и охватывало пріятное чувство порядка и домовитости и располагало отдохнуть въ этой комнатѣ. Потому-то я, признаться, и любилъ обѣдать здѣсь и послѣ обѣда просиживать иногда часъ-другой въ уютномъ гнѣздѣ, которое свила себѣ моя хозяйка.

Ея въ эту минуту не было въ комнатѣ, и я присѣлъ къ столу.

На чистой скатерти разставленъ былъ хорошенькій чайный приборъ, а булки, свѣжее масло и сливки смотрѣли такъ аппетитно, что я съ удовольствіемъ собирался напиться чаю.

Черезъ нѣсколько секундъ изъ кухни вышла Софья Петровна въ бѣломъ капотѣ и чепчикѣ съ голубыми лентами, изъ-подъ котораго выбивались пряди бѣлокурыхъ волосъ. Она была очень недурненькая маленькая блондинка, мягкихъ формъ, съ небольшимъ добродушнымъ лицомъ, пухлыми щеками и вздернутымъ носомъ. Когда она подошла поближе, я замѣтилъ, что глаза ея были красны отъ слезъ.

Я поздоровался съ нею.

— Что это вы, Софья Петровна, нездоровы, что ли?

— Нѣтъ, ничего!—проговорила она и вдругъ нервно прибавила:—А вы что такъ поздно?

— Зачитался.

— У старухи?

— Да, у старухи. Интересный романъ попался.

— Ваша красавица приходила слушать?

— Приходила!—проговорилъ я съ раздраженіемъ, припоминая униженіе, которому я ежедневно подвергался.

— И долго слушала?—продолжала Софья Петровна, и, показалось мнѣ, въ голосѣ ея звучала сердитая нотка.

— Да что вы такъ ею интересуетесь, добрѣйшая Софья Петровна? Налейте-ка мнѣ лучше чаю. Ужасно пить хочется.

Она вдругъ вспыхнула до ушей, взглянула на меня съ нѣжнымъ укоромъ въ глазахъ, хотѣла что-то сказать, но

изъ груди ея вырвался только вздохъ, и она стала разливать чай.

Я взглянулъ на нее. Странная мысль промелькнула въ головѣ. «Не можетъ быть!»—подумалъ я и вдругъ почувствовалъ, что краснѣю, какъ школяръ.

— А что же вы сливокъ?

— Сливокъ? Я и забылъ.

— Сегодня вы какой-то разсѣянный. Видно, красавица ваша околдовала васъ? — попробовала она шутить, но шутка не выходила, и Софья Петровна печальная отхлебывала чай.

— Что же вы хлѣба съ масломъ?.. Намазать?

Она стала рѣзать хлѣбъ, а я смотрѣлъ на ея бѣлую, сдобную руку, проворно и аппетитно приготовлявшую мнѣ хлѣбъ съ масломъ.

«Она недурна,—пронеслось у меня въ головѣ.—Очень недурна!»—подумалъ я, всматриваясь въ хозяйку въ первый разъ съ особенной внимательностью.

— Хотите еще чаю?

— Позвольте!

Я выпилъ молча еще стаканъ. Софья Петровна тоже молчала и сидѣла за столомъ грустная, задумчивая.

Убрали самоваръ, и мы пересѣли на диванъ.

— Знаете ли, что я вамъ скажу, добрый мой сирота,— начала она въ шутливомъ тонѣ:—не влюбитесь вы въ эту барышню!

— А что?

— Напрасно. Не для насъ она съ вами... Мы люди бѣдные, а она... Эхъ, Петръ Антоновичъ, вы, какъ посмотрю, и въ самомъ дѣлѣ думаете о принцессѣ!..

Она говорила эти слова съ дрожью въ голосѣ.

Я отвѣчалъ, что ни о какихъ принцессахъ не думаю, и посматривалъ на молодую хозяйку. Она сидѣла близко. Изъ-подъ капота вырисовывались ея мягкія, полныя формы... Ея бѣлокурая головка печально склонилась внизъ, а маленькія ручки нервно перебирали обшивку... Мнѣ вдругъ захотѣлось подразнить ее.

— А отчего бы мнѣ и не подумать о принцессѣ?

— Да вы-то сами принцъ, что ли?—засмѣялась Софья Петровна.

— Принцъ не принцъ, да и она не принцесса. Безъ шутокъ, она очень милая дѣвушка.

— И вы влюблены въ нее?

— А какъ вы думаете?..—поддразнивалъ я.

— Послушайте, Петръ Антоновичъ, я, сами знаете, женщина простая, необразованная. Стыдно вамъ дразнить меня... стыдно!

Она закрыла лицо руками, заплакала и вдругъ поднялась съ мѣста.

— Ну, виноватъ. Не буду, не буду!..

Я подошелъ къ ней. Она была такъ близко отъ меня и глядѣла на меня такъ ласково добрыми нѣжными глазами.

— Я не влюбленъ въ эту барышню. Я съ ней и не говорилъ ни разу,—прошепталъ я.

Я чувствовалъ, какъ кровь приливала къ головѣ, и хотѣлъ убѣжать въ свою комнату, но близость молодой женщины притягивала меня. Я совсѣмъ приблизился къ ней.

— Ну, что, довольны вы теперь?

Она улыбнулась, заглянула мнѣ въ глаза съ какой-то лукавой нѣжностью и шепнула:

— Правда? Вы не влюблены въ эту дѣвушку?..

Вмѣсто отвѣта я вдругъ обнялъ ее. У меня закружилась голова. Въ первый разъ я прижималъ къ своей груди женщину.

Она тихо вскрикнула, отскочила въ сторону и замѣтила:

— Вы смѣетесь... Вы меня не любите!

— Люблю, люблю!—крикнулъ я въ какомъ-то бѣшеномъ порывѣ.

Она порывисто бросилась ко мнѣ на шею и осыпала меня поцѣлуями, какъ безумная, повторяя самыя нѣжныя слова любви.

Когда я вернулся въ свою комнату, мнѣ вдругъ сдѣлалось стыдно. Я хотѣлъ на другой же день сказать ей, что я ее обманулъ, что съ моей стороны былъ только порывъ и больше ничего, но ничего не сказалъ.

Софья Петровна была дочь содержанки. Исторія ея очень проста. Она училась въ школѣ, потомъ молодой дѣвочкой попала на содержаніе къ богатому старику, привязалась къ какому-то юношѣ и потеряла въ одно время и старика, и любовника. Первый отказалъ ей въ средствахъ; второй, узнавъ, что у нея нечего занимать, бросилъ ее, предварительно обобравши.

— Послѣ этого мнѣ ничего не оставалось, какъ броситься въ воду,—разсказывала мнѣ Софья Петровна:—

право, очень тяжело мнѣ было, что человѣкъ, котораго я любила, такъ обманулъ меня. Ужъ я готова была исполнить намѣреніе и стояла у Николаевскаго моста, какъ меня удержалъ какой-то господинъ. Онъ успокоилъ меня и пріютилъ у себя. Это былъ докторъ, добрый и хорошій, но больной человѣкъ. Я къ нему привязалась, какъ собака, и прожила съ нимъ пять лѣтъ. Любить я его не любила, какъ женщина. Онъ былъ больной, совсѣмъ больной, а я молодая, но я любила его, какъ спасителя, и до смерти была вѣрна ему, хотя онъ этого и не требовалъ, и была его сидѣлкой. Два года тому назадъ онъ умеръ и оставилъ мнѣ три тысячи рублей. Я сняла квартиру и пускаю жильцовъ. Вотъ и вся моя исторія!.. — заключила свой разсказъ Софья Петровна.

Бѣда въ томъ, что она не понимала меня и нерѣдко въ разговорахъ строила планы, какъ я получу мѣсто, и какъ мы будемъ жить вдвоемъ. Меня это коробило, но я не разувѣрялъ ее. Къ чему?.. Она была такъ счастлива тѣмъ вниманіемъ, которое я оказывалъ ей, что жестоко было бы разочаровывать бѣдную. Да и я такъ спокойно, экономно и уютно устроился, что мнѣ не къ чему было нарушать порядокъ своей жизни. Я сумѣлъ ее отучить отъ ревнивыхъ сценъ, и такъ какъ обыкновенно возвращался домой въ девять часовъ, то не приходилось и объяснять ей, почему я не желалъ бывать съ нею въ театрѣ. Мы и безъ того проводили довольно времени вдвоемъ, — къ чему еще было показываться вмѣстѣ?

Софья Петровна первое время была счастлива и веселилась, какъ сумасшедшая. Она поджидала меня вечеромъ. Мы пили чай и потомъ оставались одни. Она ласкала меня съ какой-то безумной нѣжностью. Я самъ былъ молодъ и отдавался животной страсти съ увлеченіемъ юноши, впервые близко познакомившагося съ женщиной.

Но черезъ мѣсяцъ я сталъ холоднѣй. Софья Петровна потребовала объясненій. Я сослался на болѣзнь, но она стала грустнѣй и подозрительно заглядывала мнѣ въ глаза. Медовый мѣсяцъ страсти прошелъ. Наступило время обыкновенной случайной связи. Я рѣже заглядывалъ въ ея комнаты и чаще просиживалъ одинъ за работой. Она не роптала и довольствовалась тѣмъ, что я изрѣдка бросалъ ей ласковое слово. Она и не подозрѣвала, что «принцесса», какъ она называла молодую дѣвушку, не переставала интересовать меня и злить. Мнѣ,

во что бы то ни стало, хотѣлось, чтобы эта дѣвушка обратила на меня вниманіе, и—кто знаетъ?—быть-можетъ, она полюбитъ меня. А полюбилъ ли бы я ее, это еще мы посмотримъ!.. Но, главное, мнѣ надо было скорѣй выбраться въ люди.

VIII.

Съ того самаго вечера, какъ я читалъ у старухи романъ Стендаля, я замѣтилъ, что старуха стала относиться ко мнѣ холоднѣй. Она рѣдко заговаривала со мной и ни разу не повторила приглашенія своего остаться пить чай. Молодая дѣвушка тоже рѣдко заходила къ бабушкѣ въ то время, когда я былъ тамъ, и мы обыкновенно оставались со старухой вдвоемъ. Рѣдко, очень рѣдко дѣвушка на минутку мелькала въ комнатѣ, холодно кивая головой на мой поклонъ. Мало-по-малу и я сталъ излѣчиваться отъ своей дурацкой страсти (если только мое чувство можно было назвать страстью) и уже не прислушивался съ замираніемъ сердца къ знакомымъ шагамъ и шелесту платья.

И мысли о томъ, что старуха, изъ чувства благодарности къ милому молодому человѣку, развлекающему ее чтеніемъ, оставитъ ему послѣ смерти нѣсколько тысячъ рублей, тоже показались мнѣ глупыми до послѣдней степени. Надо было бить навѣрняка, а не строить воздушные зàмки. Я это очень хорошо понималъ и потому желалъ получить какое-нибудь мѣсто, гдѣ замѣтили бы мои способности. Особенно хотѣлось мнѣ попасть къ Рязанову и дѣйствовать, если не на него, то на его жену. Эта красивая барыня имѣла на него большое вліяніе, но, къ сожалѣнію, мнѣ какъ-то не удавалось обратить ея вниманіе. Говорили, что она не любитъ мужа и большая кокетка.

Такъ раздумывалъ я, пробираясь какъ-то холоднымъ весеннимъ петербургскимъ вечеромъ къ дому, гдѣ жила моя старуха. Мнѣ приходилось переходить дорогу, и я, занятый своими мыслями, тихо переходилъ улицу, не обращая ни на что вниманія.

Вдругъ подъ самымъ моимъ ухомъ раздался отчаянный крикъ: «берегись!» Я поднялъ голову. Передо мной торчало дышло кареты и шелъ паръ отъ лошадиныхъ мордъ. Я инстинктивно сдѣлалъ движеніе въ сторону, но что-то сбило меня съ ногъ и откинуло на мостовую. Я былъ

ошеломленъ, но не почувствовалъ никакой боли, быстро всталъ на ноги и злобно взглянулъ въ ту сторону, куда поѣхала карета.

— Мерзавцы!—крикнулъ я.—Чуть-было человѣка не раздавили!

Карета однако не двигалась и была отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ. Лакей высаживалъ какую-то даму, укутанную въ шубку. Она быстро выскочила и бѣжала ко мнѣ.

— Не ушиблись ли вы?.. Не нужна ли помощь?.. Карета къ вашимъ услугамъ!—проговорила барыня, приблизившись ко мнѣ.

Я сразу узналъ этотъ голосъ. Это былъ голосъ моей «принцессы».

Когда она подошла близко, я увидалъ ея испуганное, блѣдное, разстроенное лицо.

Должно-быть, она меня сразу не узнала въ полутемнотѣ вечера.

— Благодарю васъ! Мнѣ ничего не нужно!.. — отвѣчалъ я.

— Ахъ!.. Это вы... Петръ... Антоновичъ?..—прошептала она, изумляясь неожиданной встрѣчѣ и, показалось мнѣ, какъ бы недовольная, что это былъ именно я.—Простите, пожалуйста!.. Не ушиблись ли вы?

— Нисколько!

— И вы можете дойти безъ помощи?

— Конечно! Только прикажите вашему кучеру ѣздить осторожнѣе!—внушительно прибавилъ я и, поклонившись, быстро повернулъ и пошелъ, не оборачиваясь, по направленію къ дому, гдѣ жила старуха.

«Тоже сочувствіе выражаетъ, а сама какъ бѣшеная ѣздить!—думалось мнѣ послѣ этого происшествія.—И теперь, вѣрно, досадно ей, что пришлось изъ кареты выпрыгнуть для какого-то чтеца».

Я привелъ въ порядокъ свой костюмъ у швейцара и, по обыкновенію, поднялся наверхъ. Лакей попросилъ нѣсколько минутъ подождать.

— У барыни гости!—замѣтилъ онъ внушительно.

Я присѣлъ въ гостиной и перелистывалъ какую-то книгу. До моего слуха изъ гостиной долеталъ чей-то веселый, необыкновенно симпатичный мужской голосъ. Гость то смѣялся, то говорилъ безумолку, громко, очевидно, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ больной старухи.

Прошло съ четверть часа... У меня начинало слегка побаливать плечо, и я потиралъ его рукой, какъ въ гостиную вошла «принцесса». Она, должно-быть, замѣтила мое движеніе и, показалось мнѣ, хотѣла-было направиться въ мою сторону, но въ это время изъ будуара старухи вышелъ высокій, красивый, здоровый молодой офицеръ. Она свернула и пошла къ нему навстрѣчу.

— Вы какими судьбами, Екатерина Александровна!?— удивился офицеръ.—Что̀ заставило васъ вернуться? Вы такъ рвались къ вашей кузинѣ? Ужъ не желаніе ли проститься со мной дружелюбнѣй, чѣмъ вы только-что простились?

— Не то, Крицкій!.. У меня просто сдѣлался мигрень!

— И вы поэтому вернулись? Не вѣрю!—смѣялся офицеръ.

— Какъ хотите. Я не прошу, чтобы вы вѣрили.

Въ это время взглядъ офицера скользнулъ въ мою сторону. Онъ прищурился и тихо спросилъ по-французски:

— Это что за господинъ?

— Бабушкинъ чтецъ!

— Студентъ?

— Нѣтъ!.. А впрочемъ... не знаю...

— Интересное лицо!—прибавилъ онъ, улыбаясь и взглядывая на Екатерину Александровну.

Мнѣ показалось, что при этихъ словахъ «принцесса» покраснѣла.

— Не нахожу!—отвѣтила она.

— Вы эксцентричны!.. Для васъ вѣдь интересно все то, что̀ не интересно для другихъ!—прибавилъ офицеръ, вдругъ впадая въ грустно-шутливый тонъ.

— Это старо, Крицкій!.. Скажите что-нибудь поновѣй!

— У меня все старое и на сердцѣ, и на языкѣ!

— Опять? — шепнула Екатерина Александровна. — Однако я васъ не держу... вы собирались... Вѣрно, въ клубъ?

— А то куда же?

— Играть?

— Играть.

— Желаю вамъ выиграть.

— И за то спасибо.

Офицеръ пожалъ руку дѣвушки и ушелъ. Въ это время Марья Васильевна позвала меня.

Я усѣлся въ кресло и началъ читать. А плечо болѣло

сильнѣй, но я не показывалъ виду. Я читалъ какъ-то машинально. Изъ сосѣдней комнаты долетали звуки фортепіано, и я прислушивался къ прелестной мелодіи. Игра окончательно разстроила мои нервы, и, когда пробило девять часовъ, я поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Проходя черезъ залу, я снова встрѣтился съ Катериной Александровной. Она ходила взадъ и впередъ быстрыми шагами. Очевидно, происшествіе подѣйствовало на ея нервы. Отъ этого она и вернулась назадъ, хотя и стыдилась признаться въ этомъ и сослалась на мигрень. Въ самомъ дѣлѣ, какъ признаться, что почувствовала жалость къ человѣку, котораго чуть-было не раздавила?

Завидѣвъ меня, она нерѣшительно остановилась на мѣстѣ, но тотчасъ же пошла навстрѣчу ко мнѣ.

— Я снова должна извиниться передъ вами за кучера,—проговорила она, вскидывая на меня взглядъ.— Вы, кажется, ушиблись, и я готова...

Она, видимо, затруднялась окончить рѣчь и подняла на меня свои прелестные черные глаза. Теперь въ нихъ не было обычнаго гордаго выраженія; напротивъ, они глядѣли какъ-то робко, умоляюще.

Я глядѣлъ ей прямо въ лицо и съ трепетомъ ждалъ, что̀ она скажетъ.

— Вы человѣкъ труда... Я понимаю это... Очень можетъ быть, что вамъ придется обратиться къ врачу, и если вы позволите... если вамъ нужна помощь...

Сердце у меня болѣзненно сжалось. Злоба душила меня. Я понималъ, что̀ она хочетъ сказать. Я молчалъ и ждалъ, что̀ будетъ дальше.

Но она совсѣмъ растерялась. Обыкновенный ея апломбъ пропалъ. Въ глазахъ стояли слезы.

— Вы не обидьтесь, пожалуйста,—пролепетала она.— Я хотѣла сказать, что если нужна помощь...

— Какая?—тихо проговорилъ я, но проговорилъ такимъ голосомъ, что она испуганно посмотрѣла на меня и сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ.

Она молчала... Молчалъ и я.

— Доктора или...

— Дать нѣсколько денегъ бѣдному молодому человѣку за ушибъ?—перебилъ я, чувствуя, что болѣе не владѣю собою.—Не нужно мнѣ ничего! Если-бъ я хотѣлъ получить десять рублей за ушибъ, то я подалъ бы жалобу къ мировому судьѣ, но не взялъ бы отъ васъ. А вы думали

предложить мнѣ деньги?.. Чтецъ!.. Онъ возьметъ!.. Онъ нищій!.. Да вы съ ума сошли?—проговорилъ я, задыхаясь.

Она совсѣмъ растерялась и ничего не отвѣчала. Я вышелъ вонъ изъ комнаты.

IX.

«И какъ она смѣла, какъ смѣла!—повторялъ я, вздрагивая отъ негодованія при воспоминаніи объ этой сценѣ.—Какъ она рѣшилась оскорбить меня такимъ предложеніемъ? Именно она, которую я и обожалъ, и ненавидѣлъ въ одно и то же время!»—Мое самолюбіе, впрочемъ, было нѣсколько удовлетворено тѣмъ, что я ее оборвалъ и показалъ ей, что я не первый встрѣчный нищій, который приметъ подачку.

Однако плечо начинало болѣть сильнѣе. Я взялъ извозчика и поѣхалъ домой.

Софья Петровна осмотрѣла мое плечо, послала кухарку за докторомъ и немедленно стала растирать мое распухшее и очень болѣвшее плечо мазью. Она какъ будто была довольна, что ей придется ухаживать за мной и выказать свою любовь. Она заботливо уложила меня въ постель, напоила чаемъ и съ такой любовью глядѣла мнѣ въ глаза, что я, казалось бы, долженъ былъ радоваться; но меня, напротивъ, ея вниманіе и любовь тяготили, и я отворачивался къ стѣнѣ, чтобъ какъ-нибудь не обнаружить своихъ впечатлѣній передъ этой доброй женщиной. Она поправляла подушки, сердилась, что докторъ такъ долго не идетъ, спрашивала, не надо ли мнѣ чего, и нѣжно ласкала своей рукой мои волосы, а я... я съ какой-то злобой посматривалъ исподлобья на ея бѣлую, слегка дрожавшую отъ волненія, пухлую руку, когда она осторожно дотрагивалась до моего лба. Ея мягкіе, тепловатые пальцы заставляли меня откидывать голову... Но она, выждавъ минуту-другую, снова прикладывала ихъ къ моему лбу...

Нечего и говорить, что когда я разсказалъ ей о происшествіи, то она напустилась на «принцессу».

— Подлая тварь!—взвизгнула она съ какой-то злобой.—Велитъ кучеру гнать, а потомъ тоже выражаетъ участіе! Вотъ ваша принцесса! Какова она? Вотъ какова!

— И еще десять рублей предложила въ помощь!—подливалъ я масла въ огонь, чувствуя приливъ злобы.

Но странное дѣло! Эпизодъ съ предложеніемъ денегъ

не произвелъ на Софью Петровну того впечатлѣнія, которое произвелъ на нее разсказъ мой объ ея извиненіи. Она даже нашла, что, быть-можетъ, принцесса хотѣла предложить деньги отъ сердца, хотя, конечно, она должна была бы понять, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, если-бъ была поумнѣй...

Софья Петровна хитрила. Она попросту ревновала меня къ этой дѣвушкѣ. Я это хорошо видѣлъ и усмѣхнулся при сравненіи этихъ двухъ женщинъ. Невольно образъ дѣвушки лѣзъ въ голову, и я напрасно ругалъ себя за это и настраивался на враждебный тонъ. И чѣмъ болѣе бранила ее Софья Петровна, тѣмъ противнѣе становилась мнѣ ея круглая, пышная фигурка, пухлое личико, пухлыя руки, добрый, заискивающій взглядъ крупныхъ сѣрыхъ глазъ и какое-то самодовольство, проглядывавшее во всѣхъ ея движеніяхъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ ней близко сошлись.

— Петруша... Петенька, какъ тебѣ теперь?—ласково шептала она, когда я чуть-чуть стоналъ отъ боли.

Меня рѣзали эти уменьшительныя «Петруша» и «Петенька». Они казались мнѣ чѣмъ-то пошлымъ, неприличнымъ.

Я нарочно не отвѣчалъ.

— Петя, голубчикъ, да что съ тобой?

— Послушайте, Софья Петровна,—вдругъ вскочилъ я, присаживаясь на кровати и чувствуя приливъ бѣшенства.—Я васъ прошу разъ навсегда: не называйте меня ни Петрушей, ни Петенькой, ни Петей. Это раздражаетъ меня.

Она вдругъ вся обомлѣла. Глаза ея какъ будто сдѣлались еще больше и глядѣли на меня растерянно и глупо.

— Какъ же звать васъ?—наконецъ проговорила она.

— Зовите меня... ну, зовите Петромъ, что ли, но не Петрушей, слышите?

Я опять взглянулъ на нее, и мнѣ стало жаль эту женщину. Чѣмъ она виновата? Я упрекнулъ себя. Зачѣмъ я тогда, послѣ памятнаго вечера, не сказалъ, что я ее не люблю, что она не можетъ быть моей женой, что наши дороги разныя? Развѣ сказать ей теперь?

Будетъ сцена, ужасная сцена. А я сценъ не люблю. Она станетъ плакать, упрекать... Мнѣ придется оправдываться, снова устраивать себѣ другую жизнь, перебираться съ квартиры. Еще Богъ знаетъ, на кого попадешь,

а она... она все-таки заботится обо мнѣ, любитъ меня, и... и... ничего мнѣ не стоитъ...

«Нѣтъ!—рѣшилъ я:—и для меня, и для нея лучше, какъ придетъ время, разстаться тихо... Напишу ей письмо... объясню все. Она добрая, пойметъ, что она мнѣ не пара».

Такія мысли пробѣгали въ моей головѣ, и мнѣ стало жаль, что я ни съ того, ни съ сего вдругъ оскорбилъ Софью Петровну.

— Соня!—проговорилъ я нѣжно:—прости меня.

Она изумленно взглянула на меня, поспѣшно утирая обильно льющіяся слезы.

— Прости меня,—продолжалъ я, протянувъ ей руку.—Я боленъ... Я нравственно боленъ. Ты понимаешь, что̀ значитъ быть нравственно больнымъ?—прибавилъ я.

Она не понимала, что̀ хотѣлъ я сказать, и какъ-то жалобно взглянула на меня.

— Называй меня, Соня, какъ хочешь, и... и прости меня.

Не успѣлъ я окончить, какъ ужъ Софья Петровна обливала горячими слезами мою руку и говорила, что я добрый, хорошій, милый. Словомъ, перебирала весь лексиконъ нѣжныхъ названій.

— И развѣ я могу на тебя сердиться, дорогой мой? Развѣ я могу? Вѣдь ты любишь же меня, хоть немножко, ну, хоть вотъ капельку. Любишь?

— Конечно...

— Вотъ если бы ты обманывалъ меня, если бы ты, не любя, говорилъ, что любишь, вотъ тогда... тогда...

Она пріискивала выраженіе. Ея обыкновенно добрые глаза сверкнули зловѣщимъ огонькомъ.

— Тогда... тогда... тогда... уже я не знаю, что бы я сдѣлала тогда. Однако я болтаю, а ты, быть-можетъ, хочешь отдохнуть. Да что же это докторъ не идетъ? Какъ твое плечо?

— Болитъ.

— Господи! Какъ распухло!—заговорила она, снова принимаясь осторожно натирать плечо мазью.—Мерзкая тварь! Подлая тварь!—повторяла она съ сердцемъ.—Изъ-за нея ты могъ бы лишиться жизни.

Наконецъ въ одиннадцатомъ часу пришелъ молодой военный докторъ. Онъ осмотрѣлъ мое плечо, нѣсколько разъ надавливалъ его и все спрашивалъ: не больно ли?

— Больно, докторъ.

— А теперь?—снова спрашивалъ онъ, надавливая въ другомъ мѣстѣ.

— Очень больно.

— Гмъ! Ну, а тутъ!—опять давилъ онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ въ третьемъ мѣстѣ.

— Ой, очень больно.

— Такъ, такъ. Вездѣ больно!—произнесъ онъ и устремилъ черезъ очки сосредоточенный взглядъ на плечо.

Несмотря на боль, я не могъ не улыбнуться, глядя на серьезное лицо доктора. Въ немъ была какая-то комическая черточка, смѣсь добродушія съ большимъ апломбомъ, невольно вызывавшая улыбку.

— Вы какъ? — заговорилъ онъ, оглядывая бѣглымъ взглядомъ мою комнату.

— То-есть какъ насчетъ средствъ?—переспросилъ я, понимая, что онъ хочетъ сказать.

— Ну, да. Можете лѣчиться дома?

— Разумѣется, господинъ докторъ,—подсказала Софья Петровна.

Докторъ обратилъ на нее сосредоточенный взглядъ, такъ что Софья Петровна сконфузилась, но онъ, повидимому, не обращалъ на нее никакого вниманія, хотя и смотрѣлъ пристально; черезъ минуту онъ отвелъ глаза и такъ же пристально сталъ смотрѣть на графинъ съ водой. Наконецъ онъ проговорилъ:

— Вамъ надо недѣли двѣ просидѣть дома и надо, чтобы фельдшеръ ходилъ вамъ дѣлать перевязку. У васъ, видите ли, маленькій вывихъ.

— А черезъ двѣ недѣли можно выходить?

— Надѣюсь. А то,—вдругъ прибавилъ онъ:—если дома неудобно, хотите въ больницу? Я устрою васъ. Вы студентъ?

— Гимназистъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же въ больницу? Лучше здѣсь, я сама буду ухаживать!—быстро проговорила Софья Петровна и сконфузилась.

— Ладно, я буду навѣщать. Завтра пріѣду, а теперь сдѣлаемъ перевязку, потерпите немножко. Да мази этой не нужно,—сказалъ онъ, отодвигая баночку съ мазью;—это, вѣрно, вы?—взглянулъ онъ на Софью Петровну.

— Я, докторъ.

— Бросьте ее за окно лучше, а впрочемъ...

Онъ не окончилъ и снова сталъ теребить мнѣ плечо.

Я терпѣлъ, но было очень больно. Докторъ дернулъ сильнѣй. Что-то хрустнуло.

— Больно, докторъ.

— И отлично!—проговорилъ онъ, не обращая вниманія.—Бинтовъ... есть бинты?

Софья Петровна уже держала бинты наготовѣ. Онъ сдѣлалъ перевязку, обѣщалъ прислать фельдшера и ушелъ.

Софья Петровна сказала мнѣ, что онъ отказался взять за визитъ, и расхваливала доктора. Я находилъ, что онъ поступилъ глупо. Отчего не брать, когда предлагаютъ?

На слѣдующій день я написалъ письма къ генералу и старухѣ, что заболѣлъ и въ теченіе двухъ недѣль быть не могу.

Въ тотъ же вечеръ отъ Остроумова пришелъ писарь и принесъ мнѣ цѣлый портфель бумагъ и, между прочимъ, коротенькую записочку отъ генерала, въ которой онъ, соболѣзнуя о моемъ нездоровьѣ, увѣдомлялъ, что посылаетъ мнѣ «для развлеченія» нѣсколько работы; на одну изъ нихъ онъ просилъ обратить особенное вниманіе и писалъ, что если она будетъ удачна, то я буду вознагражденъ особенно; кромѣ того, для «подъема духа» онъ прислалъ нѣсколько брошюръ своего сочиненія.

Я поблагодарилъ Николая Николаевича за брошюры и обѣщалъ сдѣлать работу. Работы было-таки порядочно. Видно было, что Остроумовъ очень заботился о моемъ здоровьѣ.

Софья Петровна со свойственной ей горячностью предлагала послать всю эту работу обратно и написать Остроумову, что онъ свинья.

— Ты, голубчикъ, не стѣсняйся отказаться отъ работы. Что съ ними связываться? У меня есть деньги...—конфузясь, проговорила она.—Намъ считаться нечего.

Я, разумѣется, отказался и охладилъ ея горячность. Генералъ былъ мнѣ нуженъ.

Я просидѣлъ двѣ недѣли дома и задыхался отъ попеченій Софьи Петровны. Въ теченіе этого времени я сдѣлалъ все, о чемъ просилъ Остроумовъ, и когда наконецъ докторъ объявилъ, что я могу «опять попасть подъ дышло», я радостно вышелъ на улицу. Болѣть бѣдному человѣку не приходится.

Былъ прекрасный весенній день. Солнце ярко сіяло, оживляя бойкія улицы. Я шелъ къ Николаю Николаевичу

съ намѣреніемъ напомнить ему объ обѣщаніи. Скоро лѣто, и, вѣроятно, онъ куда-нибудь уѣдетъ на дачу, и мнѣ придется остаться на бобахъ и тронуть мои сбереженія. Я недавно еще послалъ кое-что матери (я писалъ ей аккуратно каждую недѣлю), и хотя у меня и было рублей четыреста, но я очень боялся трогать мой запасный фондъ безъ особенной нужды.

Генералъ, по обыкновенію, былъ «занятъ», но весело привѣтствовалъ меня и крѣпко пожалъ мнѣ руку. Взглядъ его сталъ необыкновенно ласковъ, когда я подалъ большую записку о проведеніи желѣзной дороги по средне-азіатской степи. Изъ его набросковъ я сочинилъ цѣлую поэму съ статистическими данными, съ общими взглядами и съ приблизительнымъ итогомъ прибылей...

Я уже привыкъ къ подобнымъ работамъ, а потому мнѣ не было никакого труда сочинить такую записку и нагромоздить въ ней разныхъ свѣдѣній, которыя я выискалъ изъ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ Остроумовымъ.

Николай Николаевичъ сталъ просматривать записку и пришелъ въ восхищеніе.

— Отлично, отлично! Вы, Петръ Антоновичъ, стали писать молодцомъ!.. Вотъ что значитъ поучиться у меня!.. Не правда ли?

И эта скотина такъ самодовольно посмотрѣла на меня, что я только и могъ сказать:

— Совершенно вѣрно.

— Херувимъ мой... Дружокъ... Гдѣ вы?—крикнулъ генералъ.

Изъ другихъ комнатъ прибѣжали генеральша и племянница.

— Посмотрите, милыя мои, посмотрите!..—воскликнулъ Николай Николаевичъ, показывая торжественно на меня.— Вотъ достойный ученикъ мой! Онъ написалъ превосходную записку!

И онъ торжественно облобызалъ меня, а «херувимъ» и «дружочекъ» въ свою очередь пожимали мнѣ руки. Спектакль вышелъ очень интересный.

Когда мы остались опять вдвоемъ съ Николаемъ Николаевичемъ («херувимъ» и «дружочекъ» послѣ привѣтствій ушли поправлять вѣчныя корректуры), я приступилъ къ объясненію и сказалъ, что разсчитываю на его обѣщаніе помочь мнѣ устроиться.

— Я думалъ о васъ, много думалъ, Петръ Антоновичъ.

И только на-дняхъ говорилъ съ Рязановымъ о васъ. Подождите недѣльку-другую, и мы обладимъ ваше дѣло. Только, смотрите, не забывайте своего учителя. Я къ вамъ еще буду обращаться за помощью. Мы съ вами дѣлъ надѣлаемъ.

Я поблагодарилъ, больше не настаивалъ и принялся за работу. Черезъ недѣлю, когда я пришелъ къ Николаю Николаевичу, онъ поразилъ меня своимъ необыкновенно торжественнымъ видомъ.

— Ну, батюшка,—встрѣтилъ онъ меня:—я вамъ всегда говорилъ, что поговорка русская вѣрна: за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ. Вы потрудились, и я считаю долгомъ вознаградить васъ.

И съ этими словами онъ мнѣ вручилъ двѣсти рублей.

Я поблагодарилъ Николая Николаевича.

— А насчетъ службы потерпите. Что вы думаете дѣлать лѣтомъ?

— Я совершенно свободенъ.

— Мы ѣдемъ сперва въ деревню, а потомъ въ Крымъ... Это время я отдыхаю... Васъ надо на лѣто пристроить... Я поговорю съ Рязановымъ... Кстати, на лѣто имъ нуженъ учитель... Вы можете заниматься съ мальчикомъ?

— Могу.

— И отлично. А съ Рязановымъ вы сойдетесь, и онъ васъ поближе узнаетъ... Рязановъ на виду, и быть около него вамъ не мѣшаетъ...

— Я очень бы желалъ!...

— И я желаю... Вы человѣкъ способный, и вамъ надо выйти въ люди... Нынче порядочные молодые люди такъ рѣдки!

Мы разстались большими пріятелями... Я, признаться, недоумѣвалъ, какъ это Николай Николаевичъ выдалъ мнѣ относительно большой кушъ, и черезъ годъ уже узналъ, что за мою записку Николай Николаевичъ получилъ отъ лицъ, желавшихъ хлопотать о средне-азіатской дорогѣ, пять тысячъ рублей... Щедрость его, такимъ образомъ, стала мнѣ понятна...

Когда я узналъ объ этомъ, то, разумѣется, сталъ писать записки безъ посредства комиссіонеровъ... Но объ этомъ въ свое время...

X.

Признаюсь, у меня крѣпко билось сердце, когда я въ урочный свой часъ поднимался по лѣстницѣ въ квартиру старухи въ первый разъ послѣ двухнедѣльнаго отсутствія.

Какъ меня встрѣтитъ Екатерина Александровна?.. Сердится ли она или поняла, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который не позволитъ себѣ наступить на ногу?.. А, быть-можетъ, она раскаялась и горячо сожалѣетъ о своемъ поступкѣ...

Я прошелъ въ залу, пока старикъ-лакей докладывалъ о моемъ прибытіи. Черезъ минуту меня позвали въ будуаръ.

Я вошелъ и поклонился. Старуха по обыкновенію кивнула головой. Она показалась мнѣ въ тотъ день совсѣмъ больной... Марья Васильевна то и дѣло подносила ей флаконъ съ солью.

— Поправился?—тихо проговорила старуха, когда я сѣлъ на свое мѣсто.

— Поправился...

— Въ больницѣ лежали?..

— Дома...

— Читайте, да только, пожалуйста, потише... Что тамъ у васъ есть?..

— «Русская Старина»... «Вѣстникъ Европы»... Письма архимандрита Фотія... Проповѣди Филарета... Фрегатъ Паллада...

— Довольно, довольно... Читайте-ка Филарета...

Я началъ читать проповѣди...

— Ахъ, какъ вы сегодня читаете!.. Ничего не слышно...

Я сталъ читать громче.

— Да нельзя такъ, молодой человѣкъ (съ нѣкоторыхъ поръ она перестала называть меня мосьё Пьеромъ), или вы смѣетесь надъ больной старухой?.. Вы слишкомъ громко читаете...

Я понизилъ голосъ...

— Оставьте пока Филарета въ покоѣ...—опять закапризничала старуха.—Давайте что-нибудь полегче...

Я развернулъ наудачу «Вѣстникъ Европы». Смотрю: разсказъ Золя.

— Угодно вамъ прослушать новый разсказъ Золя?..

Она мотнула головой, и я началъ.

Разсказъ былъ нѣсколько скабрезенъ, но старушка внимательно слушала... Я читалъ такъ съ четверть часа. Тѣмъ временемъ Марья Васильевна, по обыкновенію, ушла изъ комнаты... Прошло еще съ полчаса... Я взглянулъ на старуху... Она моргала глазами... Я сталъ читать тише... Вижу, она дремлетъ... Въ комнатѣ тишина... Свѣтъ отъ

свѣчей чуть-чуть освѣщалъ дряхлое, старческое лицо... Я опять взглянулъ... глазъ было не видно, а ротъ полураскрытъ... Нижняя губа совсѣмъ отвисла... Безобразное лицо! Я опустилъ глаза на книгу.

Я замолчалъ и взглянулъ опять на старуху... Она не шевелилась. Въ комнатѣ было совсѣмъ тихо и полутемно... Мнѣ стало вдругъ страшно... Я снова началъ читать, сперва тихо, потомъ громче и громче; взглянулъ опять на старуху, она все-таки не шевелилась...

«Ужъ не умерла ли она?—подумалъ я, продолжая чтеніе.—Вѣдь вотъ лежитъ теперь, быть-можетъ, мертвая, а ты все читай... читай до девяти часовъ... Хоть бы кто-нибудь пришелъ сюда...»

Прошло еще съ четверть часа... Никто не приходилъ, а она все не открывала глазъ...

Мнѣ сдѣлалось жутко... Я опять пересталъ читать и тихонько вышелъ въ гостиную. Тамъ никого не было. Я прислушался, не раздастся ли гдѣ голосъ... Вездѣ тишина. Марья Васильевна, очевидно, ушла въ дальнія комнаты... Я снова вернулся въ будуаръ, взглянулъ въ лицо старухи, и показалось мнѣ, будто она въ самомъ дѣлѣ мертвая...

Я струсилъ. Не мертвой струсилъ, а въ голову мнѣ закралась страшная мысль: я оставался одинъ въ комнатѣ, при старухѣ могли быть деньги.

Отъ этой мысли у меня пробѣжали по тѣлу мурашки, и я рѣшился идти въ сосѣднюю комнату, откуда часто выходила внучка. Я сперва постучалъ—отвѣта не было. Тогда я осторожно открылъ двери и очутился въ небольшой проходной комнатѣ, откуда дверь вела въ другую.

Я тихо отворилъ двери и остановился у порога.

Въ ярко освѣщенной, большой комнатѣ, по стѣнамъ которой висѣли картины, а по угламъ стояли бюсты, невдалекѣ отъ рояля, за мольбертомъ сидѣла Екатерина Александровна и серьезно разглядывала какую-то картину. Свѣтъ падалъ на дѣвушку сбоку. Я видѣлъ ее въ полуоборота. Она до того увлечена была созерцаніемъ картины, что не шелохнулась при легкомъ скрипѣ дверей и продолжала разглядывать картину, подправляя ее кое-гдѣ мазкомъ.

Она была въ черномъ шерстяномъ платьѣ, обливавшемъ ея стройный станъ. Черные волосы падали на бѣлый, благородный лобъ. Она разглядывала картину и, повидимому, была ею довольна.

Я замеръ на мѣстѣ. Эта блестящая комната съ артистической обстановкой, съ изящной мебелью, картинами, цвѣтами, щекотала нервы. И въ этомъ уютномъ, роскошномъ гнѣздышкѣ молодая дѣвушка казалась какою-то чарующей богиней. Я вспомнилъ свою убогую квартиру, вспомнилъ, какъ жили мы съ отцомъ, и чувство зависти закралось невольно въ сердце...

Вотъ какъ надо жить! Вотъ какъ живутъ люди!

И я ужъ мечталъ, что эта красавица моя жена. Я вхожу въ комнату не какъ воръ, а какъ повелитель. Неужели я не могу этого достичь? Стòитъ только захотѣть! И я хотѣлъ въ эту минуту, хотѣлъ всѣми нервами моего существа быть богатымъ, во что бы то ни стало.

Она вдругъ поднялась и отошла въ сторону, а я все стоялъ и совсѣмъ забылъ о старухѣ. Я жадно глядѣлъ на красавицу, боясь пошевелиться, чтобы не нарушить очарованія.

Но вотъ она повернула голову въ мою сторону. Я пошелъ къ ней.

Она чуть-чуть вскрикнула отъ неожиданности, задернула мольбертъ зеленымъ чехломъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу и остановилась. Мнѣ показалось, что она немножко испугалась; губы ея вздрагивали, взглядъ былъ испуганный. Она скоро оправилась и холодно спросила:

— Что вамъ угодно? Какъ вы попали сюда?

— Извините, я никого не нашелъ въ гостиной. Ваша бабушка задремала и не просыпается. Я испугался, шелъ сказать кому-нибудь и... и очутился въ этой комнатѣ.

— Благодарю васъ!.. Пойдемте.

Съ этими словами мы быстро вышли изъ комнаты. На ходу она тревожно спросила:

— Давно бабушка спитъ?

— Съ полчаса.

Мы вошли въ комнату. Старуха не просыпалась. Екатерина Александровна подошла къ ней и тихо проговорила: «Бабушка!»

Старуха открыла глаза, но не могла придти въ себя.

— Читайте, читайте!—пролепетала она какимъ-то шепелявымъ голосомъ.—Я слушаю.

— Бабушка, проснитесь, это я!

Екатерина Александровна придавила пуговку отъ электрическаго звонка и поднесла старухѣ подъ носъ флаконъ.

— Ты что это, Катя?—очнулась наконецъ старуха.

— Ничего, бабушка. Какъ вы себя чувствуете?

— Хорошо, хорошо, моя родная. Я чуть-чуть вздремнула. Марья Васильевна, гдѣ вы? Платокъ!

Марья Васильевна подала платокъ и юлила.

— А молодой человѣкъ здѣсь? Онъ сегодня скверно читалъ. И Богъ знаетъ что̀ читалъ. Что̀ вы это читали? Развѣ такъ можно читать? Я не люблю, когда такъ читаютъ.

Екатерина Александровна взглянула на меня такимъ добрымъ взглядомъ, словно бы прося извиненія за слова старухи, что я изумился. Она успокаивала старуху и тихо передала Марьѣ Васильевнѣ приказаніе послать за докторомъ.

— Вы, молодой человѣкъ... Гдѣ же онъ? Отчего онъ не читаетъ? Пусть онъ читаетъ! Ахъ, что̀ вы со мной дѣлаете? Вы, кажется, уморить меня хотите.

Она захныкала и заплакала.

— Послали за докторомъ?—тихо шепнула Екатерина Александровна.

— Докторъ сейчасъ будетъ!—отвѣчала Марья Васильевна, возвращаясь черезъ нѣсколько минутъ въ комнату.

А старуха опять впала въ какую-то сонливость и только лепетала:

— Читайте же.

Екатерина Александровна умоляющимъ тономъ просила меня читать.

Я раскрылъ книгу наудачу и началъ читать. Вѣроятно, подъ вліяніемъ чтенія, старуха снова заснула.

— Благодарю васъ... очень благодарю васъ,—горячо сказала Екатерина Александровна, пожимая мнѣ руку.— Вы устали... теперь не надо читать... Довольно... А на бабушку вы не сердитесь. Она вѣдь совсѣмъ больная... Вы не сердитесь... Вы придете завтра?.. Она привыкла къ вашему чтенію и сожалѣла, что васъ не было... Вы, кажется, были больны?

— Я простудился...

— А плечо не болѣло... нѣтъ?..

Я покраснѣлъ.

— Нѣтъ, не болѣло!..—отвѣтилъ я.

Она чуть замѣтно улыбнулась, но улыбка была добрая, хорошая улыбка.

— Не сердитесь и вы на меня!—прошепталъ я, кланяясь.

— Я?.. за что?.. Я была виновата, а не вы... Вы были въ правѣ сказать мнѣ то, что̀ сказали... Но только вы не такъ поняли... Впрочемъ, объ этомъ когда-нибудь послѣ...

Она ласково кивнула мнѣ головой, и я ушелъ торжествующій, что наконецъ эта гордая дѣвушка заговорила со мною по-человѣчески и даже созналась, что была виновата.

Начало было сдѣлано. А тамъ кто знаетъ, что̀ будетъ дальше.

Я возвращался весело домой и всю дорогу припоминалъ роскошь комнаты и красоту этой загадочной дѣвушки.

Вотъ какъ люди живутъ!..

И вспомнилась мнѣ Лена... Смѣшная! Она все ищетъ, вѣрно, какой-то «правды» въ нашемъ захолустьѣ... И она мнѣ въ это время показалась такой смѣшной, а наше захолустье такимъ мизернымъ!

Я шелъ теперь твердымъ шагомъ по бойкимъ улицамъ и смотрѣлъ кругомъ съ увѣренностью. Что-то говорило мнѣ, что я не пропаду здѣсь, не погибну, а пробью себѣ дорогу и буду пользоваться жизнью полно, широко... Когда я пробьюсь, тогда и о правдѣ можно будетъ подумать... Тогда и Леночка будетъ меня уважать... А теперь?.. Теперь и она, пожалуй, презираетъ меня... Несчастныхъ всѣ презираютъ... Лучше же быть молотомъ, чѣмъ наковальней. Наковальней?.. Избави Богъ!

XI.

Наступилъ май мѣсяцъ...

Однажды, когда я пришелъ къ Николаю Николаевичу, онъ объявилъ, что рекомендовалъ меня Рязанову, и что тотъ просилъ на-дняхъ у него побывать. Генералъ снова выразилъ увѣренность, что г. Рязанову я понравлюсь.

— Вотъ Рязановой понравиться труднѣй... Она... взбалмошная бабенка, и мужъ ее черезчуръ балуетъ... Сумѣйте и ей понравиться... Ну, тогда вы выйдете побѣдителемъ...

Самъ генералъ уѣзжалъ на-дняхъ въ деревню.

Я поблагодарилъ Николая Николаевича, и мы простились друзьями. Онъ облобызалъ меня, благословилъ, совѣтовалъ ходить въ церковь и просилъ осенью непремѣнно побывать у него...

— Опять вмѣстѣ будемъ работать... Ну, до свиданія, мой молодой другъ!—торжественно проговорилъ Николай Николаевичъ, осѣняя меня крестомъ.—Да напишите мнѣ, какъ вы покончите съ Рязановымъ... Я просилъ за васъ,

и онъ обѣщалъ васъ принять подъ свое покровительство. Сумѣйте только понравиться имъ. Особенно женѣ...

«Херувимъ» тоже благословилъ меня, за что я поцѣловалъ ея руку, пальцы которой, по обыкновенію, были замараны въ чернилахъ. Съ племянницей обмѣнялись рукопожатіями.

— Не забывайте же насъ!.. — крикнулъ въ догонку Остроумовъ.—Осенью еще, быть-можетъ, придется вамъ заработать хорошія деньги... Сами знаете, я трудъ цѣнить умѣю.

Я про себя улыбнулся и еще разъ простился съ генераломъ. Не думалъ я тогда, что впослѣдствіи намъ придется встрѣчаться при совершенно другихъ обстоятельствахъ.

Вечеромъ я, по обыкновенію, шелъ къ старухѣ. Приходилось дочитывать послѣдніе три дня. Недѣлю тому назадъ она мнѣ объявила, что скоро уѣзжаетъ. Эти дни я не видалъ внучки или видалъ ее мелькомъ. Она снова сторонилась отъ меня и не удостаивала вниманіемъ. Пройдетъ, кивнетъ, и хоть бы слово!

«А когда нужно было успокоить бабушку, тогда откуда ласковость бралась!.. Эгоисты они... всѣ эгоисты!»—мысленно бранилъ я ее.

Подхожу. Швейцаръ останавливаетъ меня.

— Напрасно подниметесь...

— А что?

— Княгиня въ ночь приказала долго жить...

— Ну?

— Вѣрно... Теперь наверху родственниковъ... родственниковъ...

— А очень она была богата?

— Страсть... Сказываютъ, милліонъ у нея... Да только родственники напрасно. Она все внучкѣ отказала... барышнѣ... Барышня славная!..

— Екатеринѣ Александровнѣ?

— Ей самой... Хорошая барышня!..

Грустно отошелъ я отъ подъѣзда и тихо поплелся домой. Вотъ тебѣ и разъ!.. Теперь я никогда не увижу Екатерины Александровны... никогда!.. А я еще, дуракъ, мечталъ чортъ знаетъ о чемъ!..

Новость эта меня поразила... Хотя я и долженъ былъ скоро прекратить чтеніе, но оставалось еще три дня, и я разсчитывалъ въ эти дни какъ-нибудь вызвать на раз-

говоръ молодую дѣвушку и высказать все... все, что накипѣло у меня на душѣ... Быть-можетъ, она поняла бы меня, оцѣнила!..

«Берегись!» — раздалось около меня. Пролетѣла пролетка, и меня забрызгали грязью... Я только сжалъ кулаки и послалъ вслѣдъ ругательства...

А дома Софья Петровна встрѣтила меня какая-то грустная... Она послѣднее время замѣтно измѣнилась... Куда дѣвалась ея веселость?.. Точно что-то мучило ее... Она нѣсколько разъ заговаривала о лѣтѣ, но я избѣгалъ разговоровъ объ этомъ, говоря, что еще время впереди есть... Надо было покончить сперва съ Рязановыми, а тамъ видно будетъ... Не киснуть же мнѣ въ самомъ дѣлѣ съ ней вдвоемъ на Екатерининскомъ каналѣ!.. Она все соблазняла меня по воскресеньямъ на острова, но я болѣе отмалчивался...

— Послушай, Петя (она все-таки меня звала «Петей»). Послушай, Петя,—начала она за обѣдомъ.—Ты какъ же лѣтомъ?

— Надо, Соня, работы искать... Сама знаешь, я безъ занятій...

— Лѣто-то отдохни... Право, отдохни... Мы будемъ вмѣстѣ на острова ѣздить...

— Работать надо...

— Ахъ, ты какой... Ну, слушай... впрочемъ, нѣтъ.. (Она вдругъ вся зардѣлась). Я тебѣ послѣ скажу... радость скажу... Насъ обоихъ касается...

Она съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ посмотрѣла на меня.

— Говори теперь...

— Нѣтъ... нѣтъ... не скажу... послѣ...

Я не настаивалъ.

Послѣ обѣда посыльный подалъ мнѣ письмо. Я вскрылъ его. Въ немъ было тридцать рублей и письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь,
«Петръ Антоновичъ!

«Вы, вѣроятно, уже слышали, что бабушка моя вчера скончалась. Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ за ту доброту, съ которой вы прощали капризы больной старушки, и еще разъ напомнить вамъ, что покойница всегда выражала признательность за вашъ трудъ.

«Благодарю васъ и смѣю увѣрить, что я всегда къ вашимъ услугамъ, если только мои услуги могутъ быть вамъ полезны.

«Уважающая васъ
«Екатерина Нирская».

«При семъ прилагаю слѣдуемые вамъ за мѣсяцъ тридцать рублей».

Я нѣсколько разъ прочелъ эти строки, написанныя изящнымъ англійскимъ почеркомъ. Меня задѣлъ за живое тонъ письма, особенно послѣднія его строки. «Я всегда къ вашимъ услугамъ, если услуги мои могутъ быть вамъ полезны»! Ясно, она смотритъ на меня съ высоты своего величія, эта гордая барышня, и допускаетъ знакомство только въ качествѣ благодѣтельницы бѣднаго чтеца, лишившагося занятій.

— Тебя огорчило письмо... Отъ кого это?—спросила Софья Петровна.

— Отъ богатой наслѣдницы.

— Можно прочесть?—какъ-то робко продолжала молодая женщина.

Я бросилъ ей письмо.

Она прочитала его и съ сердцемъ замѣтила:

— Чего она лѣзетъ съ письмами!

— Какъ же, нельзя! Надо порисоваться! Я, молъ, не прочь порекомендовать васъ, молодой человѣкъ. Вы хорошо читали сумасшедшей старухѣ, и, если хотите, я вамъ еще такую старуху подыщу.

— Да ты не сердись такъ! Ты ужасно обидчивъ, Петя. Стòитъ ли такъ сердиться? Плюнь ты на нее, разорви письмо, и дѣло съ концомъ!

— Нѣтъ. Ихъ за это надо обрывать. Я отвѣчу ей.

— Къ чему? Ну, развѣ тебѣ не все равно, чтò она пишетъ?

— Ты этого не понимаешь,—рѣзко отвѣтилъ я.

И Софья Петровна, по обыкновенію, тотчасъ же покорно замолчала.

Я написалъ Екатеринѣ Александровнѣ отвѣтъ (досадно только, что не было у меня бумаги съ вензелемъ), въ которомъ благодарилъ за желаніе быть мнѣ полезной и надѣялся, что мнѣ не придется возобновлять съ ней наше «случайное» знакомство именно съ этой цѣлью. Письмо было короткое и сухое.

Я перечиталъ свой отвѣтъ и отправилъ письмо.

— Пусть прочтетъ!.. Пусть знаетъ, съ кѣмъ она имѣла дѣло!..

Я спряталъ записку Екатерины Александровны и, признаться, грустно мнѣ было, что наше знакомство прервалось такъ быстро.

Задумчивый, сидѣлъ я у себя въ комнатѣ и не слышалъ, какъ вошла Софья Петровна.

— Петя!—тихо произнесла она.

Я поднялъ голову. Софья Петровна стояла передо мной печальная.

— Ты, кажется, и не интересуешься тѣмъ, что̀ я обѣщала сказать тебѣ?

— Ахъ, да... Что это за новость?

— Это новость очень серьезная.

— Ну?..

Она обвила руками мою шею и, наклонившись надо мною, произнесла шопотомъ:

— Я беременна, Петя...

Въ первый моментъ извѣстіе это не произвело на меня впечатлѣнія, но затѣмъ мнѣ сдѣлалось очень досадно и скверно.

— Ты молчишь. Ты не радъ?

Я пожалъ руку Софьи Петровны. Бѣдная женщина была совсѣмъ смущена.

— Чему же радоваться, Соня? — нѣжно проговорилъ я.—Только однѣ заботы!

— Только?

Она совсѣмъ печально глядѣла на меня.

— Намъ, бѣднымъ людямъ, дорога̀ такая роскошь.

— Какъ ты говоришь—роскошь?—повторила она.

— Еще бы!.. Намъ надо самимъ пробиваться, а тутъ еще...

— Замолчи, замолчи, пожалуйста,—перебила она и вышла изъ комнаты.

Я пошелъ къ ней. Она сидѣла на диванѣ и тихо плакала.

— Послушай, Соня... Надо быть благоразумной, а ты все плачешь... Развѣ я обидѣлъ тебя?..

Она молчала.

— Ну, разсуди сама... Можно ли радоваться твоему сюрпризу?

И я сталъ ей доказывать, что радоваться нечему.

Она слушала очень внимательно. Когда я кончилъ, она

поднялась съ мѣста, подошла ко мнѣ и пытливо заглянула мнѣ въ глаза... Въ это время лицо ея было серьезно, очень серьезно.

— Ты недоволенъ?..—тихо проговорила она

— Большой радости нѣтъ.

— И, пожалуй, посовѣтуешь мнѣ отдать ребенка въ воспитательный домъ?

Наконецъ она сама произнесла слово, которое давно вертѣлось у нея на языкѣ. Должно-быть, на лицѣ моемъ она прочла одобреніе, потому что вдругъ поблѣднѣла, зашатался и какъ снопъ повалился ко мнѣ на руки.

«Скорѣй, скорѣй надо покончить съ этимъ!—думалось мнѣ, пока я приводилъ ее въ чувство.—Не связать же себя навѣки ради того, что глупый случай вдругъ сдѣлалъ меня отцомъ!» Изъ-за такой случайности я не намѣренъ былъ отказываться отъ своихъ плановъ и смолоду закабалить себя.

Софья Петровна открыла глаза. Я стоялъ подлѣ и утѣшалъ ее.

— Ты меня не любишь,—были первыя ея слова.

Я успокаивалъ ее, говоря, что напрасно она такъ думаетъ, что я люблю, но что есть положенія, при которыхъ человѣку нельзя приносить все въ жертву любви.

Она выслушала и вдругъ бросилась мнѣ на шею. Покрывая меня поцѣлуями, Соня проговорила:

— Да развѣ я прошу жертвъ? Ничего, ничего не прошу... Только люби меня... люби! Вѣдь я тебя люблю: какъ никого и никогда не любила!

Она рыдала и въ то же время улыбалась.

— Вѣдь ты... ты честный человѣкъ? Ты не сталъ бы обманывать меня?.. Это было бы... Прости... Я Богъ знаетъ что говорю...

И она снова обнимала меня. А я молча стоялъ и думалъ, какъ бы лучше выйти изъ глупаго положенія, въ которое поставила меня связь, и въ то же время не слишкомъ огорчить эту добрую женщину.

XII.

На другой день, въ десятомъ часу утра, я занялся туалетомъ съ особенною тщательностью, потомъ зашелъ къ парикмахеру постричься и, скромно причесанный, какъ слѣдовало молодому человѣку въ моемъ положеніи, отправился къ г. Рязанову на Васильевскій островъ.

Петербургская жизнь научила меня, какъ надо ладить со швейцарами домовъ, въ которыхъ живутъ болѣе или менѣе важные люди, и я безъ затрудненій подымался по широкой, устланной краснымъ ковромъ, лѣстницѣ во второй этажъ, получивши предварительно отъ швейцара свѣдѣніе, что «генералъ принимаетъ, и у нихъ никого нѣтъ». Я отдалъ свою карточку презентабельному на видъ лакею и черезъ минуту былъ введенъ въ большой кабинетъ, уставленный шкапами съ книгами и изящной мебелью, обитой зеленымъ сафьяномъ. За письменнымъ столомъ, стоявшимъ среди комнаты, сидѣлъ г. Рязановъ, небольшого роста, некрасивый, коротко остриженный брюнетъ лѣтъ сорока, въ утреннемъ сѣромъ костюмѣ. При моемъ появленіи онъ отложилъ въ сторону перо, отодвинулъ листъ исписанной бумаги и поднялъ на меня небольшіе черные глаза, зорко и умно глядѣвшіе изъ-подъ очковъ. Проницательный взглядъ этихъ глазъ скрадывалъ некрасивость лица, придавая ему умное выраженіе.

— Очень радъ видѣть васъ, г. Брызгуновъ!—проговорилъ онъ, чуть-чуть привставая и протягивая руку.—Садитесь, пожалуйста!

Я сѣлъ въ кресло у стола и приготовился слушать.

— Васъ очень рекомендуетъ Николай Николаевичъ Остроумовъ. Онъ въ восторгѣ отъ вашихъ занятій и трудолюбія, а въ особенности отъ вашихъ трезвыхъ взглядовъ, столь рѣдкихъ, къ сожалѣнію, среди нашей бѣдной молодежи,—прибавилъ г. Рязановъ тономъ соболѣзнованія.

Мнѣ оставалось только поклониться.

— Вы, кажется, дѣятельно помогали Николаю Николаевичу въ составленіи записокъ?—спросилъ Рязановъ, и, показалось мнѣ, въ его глазахъ мелькнула усмѣшка.

— Помогалъ.

— Въ составленіи записки о средне-азіатской дорогѣ вы, если не ошибаюсь, тоже принимали участіе?

— Да, подъ наблюденіемъ Николая Николаевича.

— Такъ... такъ... Она недурно написана, очень недурно, хотя, впрочемъ, свѣдѣнія невѣрныя...

Рязановъ помолчалъ, оглядывая меня своимъ зоркимъ взглядомъ, и наконецъ продолжалъ:

— Остроумовъ, между прочимъ, говорилъ мнѣ, что вы были бы не прочь ѣхать на лѣто въ деревню въ качествѣ репетитора?

— Да. Я ищу занятій.

— Вы занимались прежде репетиторствомъ?

— Какъ же! И въ гимназіи, и по окончаніи курса я давалъ уроки.

— Вы прежде служили у мирового судьи письмоводителемъ?

— Да.

— И пріѣхали сюда искать работы, болѣе подходящей?

— У меня на рукахъ мать и сестра, а жалованье письмоводителя ничтожно.

— Такъ, такъ... Это я къ слову... Мнѣ всѣ эти подробности сообщилъ Николай Николаевичъ, разсказывая, какъ вы помогаете вашему семейству. Это такая рѣдкость нынче...

Я потупилъ скромно глаза, недоумѣвая, къ чему онъ дѣлаетъ мнѣ такой допросъ.

— Сынъ мой, мальчикъ двѣнадцати лѣтъ,—продолжалъ Рязановъ:—къ сожалѣнію моему, нѣсколько лѣнивъ и въ пансіонѣ не очень бойко учился, такъ что ему надо хорошенько призаняться лѣтомъ для поступленія въ гимназію.

— Въ классическую?—спросилъ я.

— Ну, разумѣется!—замѣтилъ Рязановъ, словно бы удивляясь вопросу.—Такъ не угодно ли будетъ вамъ, господинъ Брызгуновъ, взять на себя трудъ призаняться съ мальчикомъ въ теченіе лѣта?

Я, разумѣется, согласился.

— Я слишкомъ много слышалъ о васъ хорошаго, господинъ Брызгуновъ, и считаю излишнимъ пояснять, что только отличныя рекомендаціи относительно вашего направленія заставляютъ меня поручить вамъ занятія съ сыномъ. Надѣюсь, вы не обижаетесь и понимаете меня, господинъ Брызгуновъ?

Онъ говорилъ отчетливо, словно бы произносилъ спичъ, глядя на меня своимъ пронизывающимъ взоромъ, и такъ отчеканивалъ: «господинъ Брызгуновъ», что каждый разъ этотъ «господинъ Брызгуновъ» производилъ на меня отвратительное впечатлѣніе. Ужъ слишкомъ противной казалась моя фамилія въ его отчетливомъ произношеніи.

Рязановъ остановился, въ ожиданіи моего отвѣта, и снова повторилъ:

— Надѣюсь, вы не обижаетесь и понимаете меня, господинъ Брызгуновъ?

Я отвѣтилъ, что «обижаться нечѣмъ» и что понимаю, какъ трудно найти подходящаго человѣка.

— Совершенно вѣрно. Я ни за что бы не пригласилъ

къ сыну молодого человѣка, особенно такого молодого, какъ вы, къ которому бы не питалъ довѣрія. Нерѣдко молодые люди, быть-можетъ, и совершенно искренно, бросаютъ въ головы дѣтей сѣмена, которыя впослѣдствіи дадутъ печальные всходы. Къ несчастію, многое въ нашей жизни способствуетъ этому и какъ бы подтверждаетъ нелѣпицу, которой пичкаютъ непризванные учителя дѣтскія головки.

Господинъ Рязановъ остановился на секунду, поправилъ очки и продолжалъ:

— Я, господинъ Брызгуновъ, очень люблю сына, и вы поймете, почему я позволилъ себѣ обратить ваше вниманіе на тѣ трудности, которыми обставлены родители. Я буду просить васъ, господ... (по счастію, взглядъ Рязанова упалъ на мою карточку, и онъ, вмѣсто «господинъ Брызгуновъ», произнесъ: Петръ Антоновичъ) я буду просить васъ, Петръ Антоновичъ, обо всѣхъ щекотливыхъ вопросахъ, которые можетъ предложить мальчикъ, сообщать мнѣ. Мой мальчикъ очень нервный, и съ нимъ надо быть осторожнымъ. Мы общими силами будемъ отвѣчать ему на щекотливые его вопросы. Мнѣ бы хотѣлось и, насколько въ моихъ силахъ, я постараюсь достичь, чтобы изъ мальчика вышелъ трезвый, разумный слуга отечеству,—продолжалъ г. Рязановъ взволнованно: — понимающій, что надо довольствоваться возможнымъ, а не стремиться къ невозможному. Надо умѣть дѣлать уступки, чтобы не остаться смѣшнымъ Донъ-Кихотомъ. Въ наше время, когда каждому приходится пробивать себѣ дорогу горбомъ, донкихотство обходится очень дорого. Зерно заключающейся въ немъ истины не стоитъ будущихъ разочарованій. Надо жить, а не питаться фантазіями.

Я слушалъ г. Рязанова съ удовольствіемъ. Его рѣчь находила во мнѣ полный откликъ. Онъ словно повторялъ все то, о чемъ я часто и много думалъ и что заставляло меня идти, не сворачивая въ сторону, по избранной мною дорогѣ. Я не зналъ еще въ то время, какъ г. Рязановъ добился своего положенія,—пробивалъ ли онъ свою дорогу, какъ онъ выразился, «горбомъ» или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ онъ былъ тысячу разъ правъ, когда говорилъ, что «жить надо, а не питаться фантазіями».

Я слушалъ, и передо мной промелькнулъ образъ моей сестры. Какъ жаль, что, сидя въ захолустьѣ, она не могла слушать такихъ умныхъ рѣчей! Тогда поняла бы она,

что всѣ умные и порядочные люди думаютъ такъ же, какъ я, и понимаютъ, что безъ борьбы, безъ уступокъ, безъ хитрости нельзя ни до чего добиться нашему брату, у котораго нѣтъ ни связей, ни денегъ, ни хорошаго родства. Глупенькая! Она все еще думала, что Петербургъ меня испортитъ, и все еще въ письмахъ звала назадъ, въ захолустье. Какъ бы не такъ! Петербургская жизнь понравилась мнѣ и еще болѣе укрѣпила мое рѣшеніе во что бы то ни стало составить себѣ приличную карьеру. Остаться проходимцемъ на всю жизнь и видѣть одно презрѣніе со всѣхъ сторонъ я не желалъ.

Должно-быть, г. Рязановъ замѣтилъ благопріятное впечатлѣніе, произведенное на меня его словами, потому что, окончивъ свою рѣчь, онъ мягко замѣтилъ:

— Ну, теперь поговоримъ объ условіяхъ, Петръ Антоновичъ!

На этомъ пунктѣ мы скоро сошлись. Онъ предложилъ мнѣ 75 р. въ мѣсяцъ.

— Вы, кажется, знакомы съ моей женой? — замѣтилъ онъ, когда мы покончили съ условіями.

— Какъ же. Я имѣлъ удовольствіе видѣть вашу супругу у Остроумовыхъ.

— А вотъ сейчасъ познакомитесь съ сыномъ,—проговорилъ Рязановъ и позвонилъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошла пожилая гувернантка-англичанка и привела съ собой мальчика, лицомъ похожаго на отца. То же некрасивое лицо и тѣ же умные, черные глаза, но только сложенія онъ былъ нѣжнаго, и взглядъ его былъ какой-то задумчивый.

Рязановъ съ любовью поцѣловалъ сына и, знакомя меня съ нимъ, проговорилъ:

— Вотъ, Володя, твой учитель на лѣто, Петръ Антоновичъ. Онъ былъ такъ добръ, что согласился помочь тебѣ заниматься.

Володя протянулъ худенькую руку, взглянулъ на меня своимъ задумчивымъ взоромъ и ничего не сказалъ.

Съ гувернанткой мы раскланялись.

— Мама встала?—спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, спитъ еще,—отвѣчалъ Володя.

Володя былъ сыномъ отъ первой жены Рязанова. Отъ второй жены, той красивой барыни, которую я встрѣчалъ у Остроумовыхъ, дѣтей не было. Мальчикъ скоро вышелъ изъ кабинета съ гувернанткой, и Рязановъ проговорилъ:

— Володя, какъ вы, вѣроятно, замѣтили, слабаго здоровья. Кромѣ того, онъ очень нервный мальчикъ. Впрочемъ, вы сами это увидите. Такъ ужъ, пожалуйста, Петръ Антоновичъ, берегите его и не позволяйте ему слишкомъ много заниматься. Да пишите мнѣ, какъ онъ учится. Я въ деревню теперь не поѣду; мѣсяцъ или два вы проживете безъ меня. Я могу пріѣхать только въ августѣ. Жена собирается черезъ недѣлю. Вы можете быть готовы къ отъѣзду къ этому времени?

— Могу.

— Ну, отлично, а сегодня милости просимъ къ намъ обѣдать въ пять часовъ. Кстати вы покороче познакомитесь съ женой, и затѣмъ мы окончательно рѣшимъ день отъѣзда.

Когда я снова пришелъ къ пяти часамъ къ Рязановымъ, г-жа Рязанова встрѣтила меня довольно привѣтливо и, оглядывая меня, казалось, осталась довольна, что у нихъ въ домѣ будетъ учитель, приличный на видъ.

Она сказала нѣсколько любезныхъ словъ, выразила надежду, что я не буду скучать въ деревнѣ, и, какъ кажется, ничего не имѣла противъ выбора мужа. Это была женщина лѣтъ двадцати шести или семи, красивая, статная, видная брюнетка, съ бойкими карими глазами и изящными манерами, въ которыхъ проглядывала избалованность капризной женщины, привыкшей къ поклоненію.

За обѣдомъ г. Рязановъ казался совсѣмъ не такимъ, какимъ былъ въ кабинетѣ. Передъ женой онъ какъ-то притихалъ, бросая на нее безпокойные взгляды, полные любви и нѣжности. А она какъ будто не замѣчала ихъ и капризно дѣлала мины, когда г. Рязановъ въ чемъ-нибудь не соглашался съ ней. Нельзя было не замѣтить тотчасъ же, что эта барыня—избалованное существо и въ домѣ играетъ первую роль. Съ мужемъ она была снисходительно-любезна и, казалось мнѣ, холодна. За обѣдомъ она два раза мѣняла дни отъѣзда и наконецъ рѣшила, что уѣзжаетъ черезъ восемь дней.

— Это рѣшеніе, надѣюсь, послѣднее?—ласково пошутилъ Рязановъ.

Рязанова сдѣлала недовольную гримасу и отвѣтила:

— Послѣднее!

Володя кинулъ на мачеху быстрый взглядъ, въ которомъ нельзя было замѣтить привязанности.

Предстояло объявить о моемъ отъѣздѣ Софьѣ Петровнѣ. Я разсчитывалъ проститься съ ней навсегда, хотя, разумѣется, не думалъ говорить ей объ этомъ, чтобы не разстраивать понапрасну бѣдную женщину, привязавшуюся ко мнѣ. Возвратившись отъ Рязановыхъ, я прошелъ къ ней въ комнату. Она сидѣла на диванѣ печальная, съ заплаканными глазами. При входѣ моемъ она вытерла глаза и радостно улыбнулась.

— Ты что это... плачешь, Соня?..

— Нѣтъ... нѣтъ... ничего... Такъ взгрустнулось...

— А я на лѣто работу нашелъ, Соня!—проговорилъ я, обнимая ее.

Она вся встрепенулась и быстро спросила:

— Здѣсь... въ городѣ?..

— Нѣтъ, какая лѣтомъ въ городѣ работа! Я ѣду въ деревню приготовлять одного птенца въ гимназію... на три мѣсяца!—поспѣшилъ я прибавить, замѣтивъ, какъ Соня блѣднѣетъ.

— Такъ ты, значитъ, оставляешь меня теперь, когда я... въ такомъ положеніи!

— Соня... Соня! Вѣдь мнѣ нельзя сидѣть сложа руки, ты знаешь...

Но развѣ женщина понимаетъ резоны?

— На лѣто!.. Лѣто ты могъ бы отдохнуть... Наконецъ я говорила тебѣ: не стѣсняйся, у меня есть деньги...

— Я на чужой счетъ жить не привыкъ!

— На чужой счетъ? Развѣ ты со мной считаешься?..

— Ты сама, Соня, не богачка, чтобы съ тобой не считаться... И наконецъ я долженъ помогать матери... Бросимъ лучше этотъ разговоръ!—твердо сказалъ я.—Я пріѣхалъ въ Петербургъ работать, а не сидѣть сложа руки. Надѣюсь, ты не захочешь стать мнѣ поперекъ дороги, если дѣйствительно любишь меня... У меня, Соня, впереди дорога широкая...

Она слушала, взглядывая на меня во всѣ глаза, покачала головой и грустно усмѣхнулась.

— Люблю ли я?.. И тебѣ не стыдно сомнѣваться?

— Такъ если любишь—не удерживай и не дѣлай сценъ. Я сценъ не люблю!

Тогда Соня, по своему обыкновенію, отъ упрековъ перешла къ извиненіямъ. Она склонила голову на мою грудь и, нервно рыдая, просила прощенія.

— Ты правъ, ты правъ, Петя,—прерывая слова всхли-

пываніями, говорила она. — Я гадкая женщина... я эгоистка... я мѣшаю тебѣ... Поѣзжай, милый мой, поѣзжай... Какъ ни тяжело мнѣ будетъ прожить безъ тебя три мѣсяца, но я вытерплю, все вытерплю...

Она увѣрена была, что я вернусь.

— И когда ты вернешься, Петя,—продолжала она, улыбаясь сквозь слезы:—когда вернешься, ты увидишь, какая у тебя будетъ комната! Я отдѣлаю тебѣ большую комнату, въ которой теперь живетъ генералъ... Я его попрошу выѣхать... У тебя будетъ превосходный кабинетъ... Я поставлю туда новую мебель... Ты какую хочешь обивку... зеленую или синюю?.. Что же ты молчишь?..

— Все равно...

— Ну, нѣтъ, не все равно... Синюю лучше... Я куплю хорошаго репсу, и къ твоему пріѣзду все будетъ готово... Обои тоже новые подъ цвѣтъ мебели... Гардины, знаешь, съ узорами... Ты увидишь, какъ будетъ хорошо.

Я не мѣшалъ ея веселой болтовнѣ и не спѣшилъ разрушать ея надеждъ. А она, разъ попавши на любимаго своего конька, продолжала на ту же тему, разсказывала, какъ можно лѣтомъ выгодно купить подержанную мебель и всякія вещи, и рисовала одну за другой свѣтленькія картинки нашей будущей жизни. Она не отдастъ ребенка, но онъ не будетъ меня стѣснять... Кормить она будетъ сама, а какъ ребенокъ подрастетъ, мы непремѣнно поѣдемъ на дачу на Крестовскій островъ.

— Ты непремѣнно полюбишь его!—говорила она, краснѣя, въ какомъ-то волненіи.—Ты вѣдь добрый.

Глупая! Она и не понимала, какъ рѣзала мое ухо эта болтовня о дешевой мебели, свѣтленькихъ обояхъ и дачѣ на Крестовскомъ! Она съ восторгомъ разсказывала обо всемъ этомъ, думая, вѣроятно, что я всю жизнь просижу на мебели изъ Апраксина двора, и что дача на Крестовскомъ составляетъ для меня недосягаемую прелесть. Впрочемъ, и то: я бѣденъ, такъ какъ же мнѣ не мечтать о дешевой мебели и свѣтленькихъ обояхъ?

Бѣдная женщина съ обычной своей аккуратностью собирала меня въ дорогу и, утирая набѣгавшія слезы, укладывала въ чемоданъ платье, бѣлье и нѣсколько книгъ. Она непремѣнно хотѣла меня проводить на желѣзную дорогу, и мнѣ стоило не малыхъ трудовъ отговорить ее отъ этого, доказывая, что присутствіе такой «хорошенькой»

женщины, какъ она, можетъ уронить меня въ глазахъ Рязанова.

— Ты скажи, что я твоя сестра,—настаивала она.

— Онъ знаетъ, что здѣсь у меня сестры нѣтъ.

Она наконецъ согласилась на мои доводы.

Наканунѣ отъѣзда Соня цѣлый день плакала и ничего не ѣла, и только вечеромъ, когда я приласкалъ ее, она повеселѣла и стала душить меня горячими поцѣлуями. Словно бы предчувствуя, что въ послѣдній разъ цѣлуетъ меня, она съ какой-то страстью отчаянія обнимала меня, безпокойно заглядывая въ глаза. Она то и дѣло спрашивала: люблю ли я ее, и, получая утвердительный отвѣтъ, смѣялась и плакала въ одно время, прижимаясь ко мнѣ, какъ испуганная голубка. Когда наконецъ наступилъ часъ разлуки, она повисла на шеѣ и, судорожно рыдая, шепнула:

— Смотри же, пиши и возвращайся... Ты вѣдь вернешься, не обманешь?

— Вернусь, вернусь,—отвѣчалъ я.

— Смотри же, а то... будетъ стыдно бросить такъ человѣка... Вѣдь я тебя люблю!

Я вышелъ разстроенный. Мнѣ все-таки жаль было Соню, съ которой я разставался навсегда.

Еще разъ она крѣпко поцѣловала меня, и... я вышелъ изъ своей маленькой конуры съ тѣмъ, чтобы никогда больше въ нее не возвращаться.

XIII.

Пріѣхавъ на Николаевскій вокзалъ, я уже засталъ тамъ все семейство Рязановыхъ: мужа, жену, сестру жены — пожилую даму, племянницу г. Рязанова—дѣвушку лѣтъ шестнадцати, англичанку-гувернантку и Володю.

Рязанова оглядывала публику въ pince-nez, которое придавало ея лицу необыкновенно пикантный видъ, Рязановъ былъ какой-то сумрачный и недовольный. Онъ сидѣлъ около жены и что-то говорилъ ей, но она, казалось, не очень-то внимательно его слушала и продолжала разглядывать публику.

Когда я подошелъ къ группѣ, Рязанова оглядѣла меня съ ногъ до головы, кивнула головкой и сухо проговорила:

— Наконецъ-то! Мы думали, что вы опоздаете.

Рязановъ любезно протянулъ свою руку и сказалъ:

— Напрасно ты конфузишь, Hélène, молодого человѣка: еще полчаса времени до отхода поѣзда.

Затѣмъ онъ представилъ меня своей свояченицѣ и племянницѣ и, отводя въ сторону, проговорилъ:

— Смотрите же, Петръ Антоновичъ, пишите мнѣ, какъ занимается Володя. Пишите чаще,—обронилъ онъ.

Я обѣщалъ писать о сынѣ, и мы подошли къ группѣ.

Рязанова пристально взглянула на меня, отвела взглядъ и какъ-то странно пожала плечами, взглядывая на своего осоловѣвшаго мужа.

Пора была садиться въ вагоны. Рязанова поднялась съ мѣста, а за нею вся остальная компанія съ мѣшками, баулами и сумками. Мнѣ тоже дали нести маленькій саквояжъ. Мужъ и жена пошли вмѣстѣ и оживленно заговорили. Я шелъ недалеко отъ нихъ, и до меня доносились звонкій смѣхъ Рязановой и веселый голосъ мужа. На платформѣ Рязановъ не имѣлъ уже мрачнаго вида. Напротивъ, онъ былъ доволенъ и веселъ и не отходилъ отъ жены. Какъ видно, она умѣла, по своему желанію, мѣнять его настроеніе. Не даромъ Остроумовъ предупреждалъ меня, что Рязанова взбалмошная бабенка и держитъ мужа въ рукахъ. По всему было видно, что онъ говорилъ правду.

Для семейства Рязанова было отведено особое купе (Рязановъ былъ директоромъ желѣзнодорожнаго общества; онъ занималъ нѣсколько должностей), въ которомъ и размѣстилась дамская компанія. Рязанова однако находила, что тѣсно, и сдѣлала гримасу, такъ что мужъ безпокойно взглянулъ на нее. Впрочемъ, когда поставили къ мѣсту всѣ мѣшки, чемоданы и баулы, то оказалось, что «ничего себѣ».

Мое мѣсто было въ сосѣднемъ вагонѣ I класса. Я занялъ мѣсто у окна и вышелъ изъ вагона наблюдать за Рязановыми, къ которымъ бросила меня судьба. Рязановъ мнѣ очень нравился, а сама она казалась капризной и избалованной женщиной, которой, пожалуй, трудно будетъ понравиться. Я помнилъ совѣтъ Остроумова: «постарайтесь понравиться ей».

— Ужъ вы, Петръ Антоновичъ, будьте такъ добры, навѣщайте изрѣдка дамъ и вообще не оставляйте ихъ въ дорогѣ!—любезно просилъ меня Рязановъ, оборачиваясь ко мнѣ.

— Непремѣнно.

— Не пугайтесь просьбы мужа!—вставила Рязанова.—

Вамъ не придется очень хлопотать съ нами. Мы привыкли путешествовать.

Я взглянулъ на барыню. Она была необыкновенно изящна въ сѣромъ короткомъ дорожномъ платьѣ, плотно облегавшемъ красивый ея станъ и не скрывавшемъ маленькихъ ножекъ, обутыхъ въ ботинки на толстой подошвѣ, съ сумкой черезъ плечо и въ крошечной соломенной шляпкѣ, надѣтой почти на затылокъ. Она была такая свѣжая, красивая, статная. Все на ней было изящно и просто. Тонкая струйка душистаго аромата пріятно щекотала первы, когда она стояла близко. На подвижномъ лицѣ ея играла привѣтливая, довольная улыбка выхоленной женщины, сознающей свою красоту и силу. Теперь она отвѣчала ласковымъ взглядомъ на взгляды, полные любви, бросаемые на нее мужемъ. Онъ, казалось, самъ расцвѣталъ подъ ея взглядомъ, тихо разговаривая съ ней.

Пробилъ второй звонокъ.

Рязановъ поцѣловалъ женину руку, потомъ поцѣловался съ ней три раза и перекрестилъ ее. Сына онъ горячо обнялъ и тоже перекрестилъ.

— Смотри, Леонидъ, скорѣй пріѣзжай!—говорила Рязанова изъ вагона.

— Ты знаешь, Hélène, какъ бы я хотѣлъ скорѣй быть съ вами!... Быть-можетъ, въ концѣ іюля вырвусь...

— Пріѣзжай, папа!—крикнулъ сынъ.

— Пріѣду, пріѣду. Кланяйся, Володя, Никитѣ. Твоїи пони ждетъ тебя! Ты, Hélène, пожалуйста, не рискуй... Не садись на Орлика, пока его не выѣздятъ... Съ кѣмъ ты будешь ѣздить? Съ Андреемъ? Да скажи, пожалуйста, Никитѣ, чтобы онъ написалъ мнѣ... Ну, Христосъ съ вами... Прощайте! Прощай, Hélène, до свиданія, Володя... Поправляйтесь, Marie... Не шали, Вѣрочка!.. Прощайте, миссъ Куперъ!..

Пробилъ третій звонокъ.

Рязановъ привѣтливо махалъ шляпой, махнулъ и въ мою сторону. Поѣздъ тихо двинулся.

Дорогой я изрѣдка подходилъ къ Еленѣ Александровнѣ, освѣдомляясь, не могу ли я быть чѣмъ-нибудь ей полезенъ, но она любезно благодарила и говорила, что ей не нужно ничего. Въ Москвѣ мы остановились на сутки и затѣмъ поѣхали дальше по Рязанской дорогѣ. На третій день вечеромъ мы вышли на маленькой станціи, гдѣ два эки-

пажа ожидали насъ, чтобы везти въ деревню. Елена Александровна была не въ духѣ. Она суетилась и жаловалась на усталость. Совершенно напрасно она сдѣлала замѣчаніе Володѣ, распекла горничную и, обратившись ко мнѣ, раздражительно сказала:

— Пожалуйста, поскорѣй, Петръ Антоновичъ... Да что-жъ вещи?.. Распорядитесь, чтобы скорѣй ихъ несли!

Я ни слова не отвѣтилъ на ея выходку... Да и что̀ сказать? Ясно, она глядѣла на меня, какъ на «учителя», который, по ея понятіямъ, почти приравнивался къ слугѣ.

Мнѣ пришлось ѣхать въ экипажѣ вмѣстѣ съ гувернанткой, Володей и горничной. Всю дорогу я молчалъ и злился.

XIV.

Прелестный уголокъ былъ «Засижье», куда мы пріѣхали. Огромный старинный домъ стоялъ въ тѣнистомъ саду съ вѣковыми липами, кленами и дубами. Садъ тянулся къ маленькой быстрой рѣчкѣ, шумѣвшей по камнямъ... За рѣчкой шли поля съ чернѣвшими крестьянскими избами.

Усадьба была отлично устроена. Домъ содержался въ порядкѣ и чистотѣ. Мнѣ отвели прекрасную комнату во второмъ этажѣ съ балкономъ въ садъ. Классная комната была внизу.

Съ слѣдующаго же дня я началъ занятія съ мальчикомъ. Онъ занимался недурно, но былъ разсѣянъ. Задумчиво глядѣлъ онъ большими черными глазами во время уроковъ и вздрагивалъ, когда я обращался къ нему съ вопросами. Со мной онъ былъ ласковъ, но, казалось, я ему не особенно нравился; онъ никогда не разсказывалъ мнѣ, что̀ волнуетъ его ребячью голову и о чемъ онъ такъ задумывается; никакихъ щекотливыхъ вопросовъ не задавалъ.

Жизнь въ деревнѣ потекла однообразно, правильнымъ порядкомъ. Я рано вставалъ и ходилъ гулять, потомъ пилъ кофе у себя въ комнатѣ, затѣмъ часа два мы занимались съ мальчикомъ; остальное время было въ полномъ моемъ распоряженіи. Завтракали и обѣдали по звонку. Я спускался къ завтраку и обѣду и скоро уходилъ наверхъ. Меня не удерживали внизу и не стѣсняли. Я держалъ себя въ сторонѣ, обмѣниваясь короткими фразами съ членами семейства.

Елена Александровна въ деревнѣ казалась еще красивѣе, чѣмъ въ городѣ. Румянецъ игралъ на ея щекахъ, и она, всегда изящно одѣтая, свѣжая, веселая, вела въ деревнѣ дѣятельную жизнь. По утрамъ бесѣдовала съ приказчикомъ Никитой, умнымъ, плутоватымъ мужикомъ, читала, а послѣ обѣда устраивала общія прогулки и катанія. Меня никогда не приглашали принять въ нихъ участіе, и я, признаться, былъ очень радъ этому, такъ какъ Рязанова продолжала держать себя со мной съ любезной сухостью и, казалось, боялась допустить меня стать съ членами семейства на равную ногу. Меня, очевидно, третировали, какъ учителя, бѣднаго молодого человѣка совсѣмъ другого круга, которому мѣсто не въ порядочномъ обществѣ. Всѣ члены семейства смотрѣли Еленѣ Александровнѣ въ глаза. Когда она бывала въ духѣ за обѣдомъ, всѣ весело шутили и смѣялись; но чуть Елена Александровна капризно поджимала губки, хмурила брови и пожимала плечами—всѣ притихали. Старшая ея сестра, немолодая и болѣзненная женщина, безпокойно взглядывала на нее, подросточекъ-племянница, бойкая гимназистка, опускала свои быстрые глазки на тарелку, а миссъ Куперъ, аккуратная англичанка, еще болѣе вытягивалась и сидѣла, точно проглотила аршинъ. Одинъ только пасынокъ не раздѣлялъ общаго поклоненія. Онъ очень сдержанно относился къ мачехѣ и, повидимому, не очень-то ее любилъ. И она не выказывала большой привязанности къ нему, была съ нимъ ласкова, ровна, но между ними теплыхъ отношеній не было... Общее поклоненіе, которымъ окружали эту барыню, она принимала, какъ нѣчто должное... Избалованная вниманіемъ, она, казалось, и не могла подумать, чтобы къ ней могли относиться иначе. За обѣдомъ, отлично сервированнымъ, обильнымъ и вкуснымъ, она изрѣдка обращалась ко мнѣ съ двумя-тремя фразами, какъ бы желая осчастливить учителя, и часто, не дожидаясь отвѣтовъ, обращалась къ другимъ, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія. Понятно, это оскорбляло меня, но я не показывалъ вида и держалъ себя сдержанно и скромно, не вмѣшиваясь въ разговоръ и отвѣчая короткими фразами, если со мной заговаривали.

Первое время Рязанова была весела. Каждый вечеръ до меня доносились изъ сада веселый ея смѣхъ и болтовня. Она ежедневно каталась верхомъ и, возвратившись, вечеромъ садилась за рояль и пѣла. У нея былъ пріятный

контральтовый голосъ, и я нерѣдко, сидя одинъ на балконѣ, заслушивался ея пѣніемъ. Въ такіе вечера мнѣ дѣлалось тоскливо... Злоба и тоска подступали къ сердцу, и я особенно чувствовалъ, какъ не хорошо быть бѣднымъ и незначительнымъ человѣкомъ... Посмотрѣлъ бы я, такъ ли бы со мною обращались, если бы я не былъ скромнымъ молодымъ человѣкомъ, нанятымъ въ качествѣ учителя! Прошло двѣ недѣли, и Рязанова стала хандрить, капризничать и раздражаться. Все было не по ней. За обѣдомъ она придиралась къ сестрѣ, къ племянницѣ, распекала лакеевъ и дѣлала замѣчанія Володѣ, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Всѣ сидѣли молча и съ трепетомъ ждали, когда Елена Александровна успокоится. Меня смѣшилъ этотъ трепетъ, особенно смѣшила сестра Рязановой, которая глядѣла на свою младшую сестру съ благоговѣйнымъ восторгомъ. Однажды во время обѣда, когда Елена Александровна особенно капризничала, я взглянулъ на нее и улыбнулся... Она поймала мой взглядъ и изумилась, такъ-таки просто изумилась. Прошло мгновеніе. Въ глазахъ ея мелькнула злая улыбка, но она перестала капризничать и до конца обѣда просидѣла молча.

«Чортъ меня дернулъ смѣяться!—думалъ я, досадуя на себя, что такъ опростоволосился.—Пожалуй, она мнѣ не проститъ улыбки, напишетъ мужу и... прощай мои надежды...»

Но, къ удивленію моему, на другой день она была со мной гораздо любезнѣе и послѣ обѣда, когда, по обыкновенію, я хотѣлъ уходить, замѣтила:

— Ну, что, довольны вы своимъ ученикомъ?

— Доволенъ.

— И писали объ его занятіяхъ мужу?—спросила она съ едва замѣтной улыбкой.

— Нѣтъ, еще не писалъ.

— Вы напишите. Леонидъ Григорьевичъ такъ любитъ Володю, что отчетъ объ его занятіяхъ обрадуетъ его. Ну, а сами вы довольны деревенской жизнью?..

— Очень.

— И не скучаете?

— Нѣтъ.

— А мнѣ все казалось, что вамъ должно быть скучно. Вы все сидите у себя наверху и никогда не гуляете.

— Я гуляю.

Разговоръ не завязывался. Она пристально взглянула

на меня и вдругъ какъ-то странно улыбнулась, точно красивую ея головку осѣнила внезапная мысль.

— Куда же вы? Мы сейчасъ ѣдемъ кататься. Хотите?— проговорила она.

Я вспыхнулъ отъ этого неожиданнаго приглашенія. Она взглянула на меня, увѣренная, что осчастливила несчастнаго учителя. Явился капризъ пригласить его, и онъ бѣдненькій, смутился отъ восторга.

— Благодарю васъ, но я бы лучше остался дома. Я хотѣлъ пѣшкомъ идти въ лѣсъ.

— Не хотите?.. — изумилась Елена Александровна. — Какъ хотите!

Она повернулась и ушла на балконъ.

Дурное расположеніе ея продолжалось. Елена Александровна хандрила. Гостей никого не было, а если бывали, то не интересные—какой-то допотопный помѣщикъ съ женой и дальніе родственники Рязановой. Рязанова, видимо, скучала. Она по цѣлымъ вечерамъ каталась верхомъ и, возвратившись усталая, одѣвала капотъ, распускала волосы и лѣниво прилегала на оттоманку, заставляя подростка играть Шопена.

— Ахъ, Вѣрочка, ты не такъ играешь! — доносился снизу ея голосъ.—Развѣ можно такъ барабанить Шопена?

Она садилась за рояль, и рояль начиналъ пѣть подъ ея пальцами. Капризные, страстные звуки доносились до меня. Я выходилъ на балконъ и жадно слушалъ.

Обыкновенно она скоро переставала, уходила въ садъ, и долго въ тѣни густого сада мелькалъ ея бѣлый капотъ.

Со мной она стала любезнѣй, оставляла меня послѣ обѣда «посидѣть» и иногда спускалась до шутки.

Барыня, видно, со скуки не прочь была даже пококетничать съ учителемъ. Это я очень хорошо видѣлъ и держалъ себя насторожѣ. Ей забава, а мнѣ можетъ кончиться плохо. Съ одной стороны—капризная барыня, а съ другой—ревнивый мужъ.

О ревности его я уже догадывался изъ разговоровъ, которые вели иногда между собою сестры, смѣясь, что онѣ живутъ въ деревнѣ, запертыя «Синей Бородой».

Наступилъ іюль.

Я не просиживалъ уже букой наверху, а проводилъ большую часть времени внизу съ дамами, гулялъ вмѣстѣ, читалъ имъ журналы, ѣздилъ иногда верхомъ вмѣстѣ съ

Еленой Александровной и держалъ себя съ почтительной скромностью тайно вздыхающаго по ней молодого человѣка. Это, замѣтилъ я, Рязановой нравилось. Я робко иногда взглядывалъ на молодую женщину и, когда она вскидывала на меня взоръ, тотчасъ же опускалъ глаза, какъ бы смущенный, что она замѣтила. Пріютившись гдѣ-нибудь въ уголкѣ, когда Рязанова играла на фортепіано, я задумывался и, когда она спрашивала о причинахъ моей задумчивости, я вздрагивалъ и отвѣчалъ, какъ будто застигнутый врасплохъ. А она какъ-то весело усмѣхалась и, казалось, принимала мое почтительное ухаживаніе снисходительно, какъ маленькое развлеченіе отъ деревенской скуки, тѣмъ болѣе, что она не допускала и мысли, чтобы скромный учитель смѣлъ когда-нибудь обнаружить чувства, волнующія его.

Меня интересовала эта игра, я съ затаенной улыбкой смотрѣлъ, какъ эта капризная, избалованная женщина, самоувѣренная, гордящаяся своей красотой, снисходила къ скромному молодому человѣку, увѣренная, что онъ тайно влюбленъ въ нее, и что достаточно одного ласковаго слова съ ея стороны, чтобы осчастливить его. И Рязанова иногда дарила меня этимъ счастьемъ! Она бросила прежній тонъ и сдѣлалась ровна, ласкова, покровительственно-ласкова. Ей, кажется, было забавно и весело видѣть молчаливаго и застѣнчиваго учителя (она считала меня застѣнчивымъ), робко поднимающаго на нее глаза и какъ-то осторожно отодвигающагося отъ нея, когда она удостаивала присѣсть рядомъ. Она продолжала свою забаву, вполнѣ увѣренная, что въ ней нѣтъ никакой опасности. Ей и въ голову, конечно, не могло придти, чтобы изъ этого могло выйти что-нибудь серьезное; она иногда брала меня съ собой верхомъ, и мы носились, какъ бѣшеные, вдвоемъ по лѣсу.

Сестра Елены Александровны, познакомившись со мной поближе, была необыкновенно ласкова. Эта добрая, больная женщина, вѣчно съ удушливымъ кашлемъ, жалѣла «молодого человѣка, разлученнаго съ семьей», разспрашивала о матери и сестрѣ съ женскимъ участіемъ и за завтракомъ и обѣдомъ хлопотала, чтобы я больше ѣлъ, и по нѣскольку разъ приказывала подавать мнѣ блюда. Всѣ принимали меня за скромнаго тихоню, и я, разумѣется, не сталъ разувѣрять ихъ. Миссъ Куперъ, пожилая англичанка, очень чопорная и щекотливая, и та на-

ходила, что я благовоспитанный молодой человѣкъ, и однажды вызвалась похлопотать за меня о мѣстѣ гувернера въ какомъ-нибудь «вполнѣ приличномъ» домѣ. Только подростокъ-гимназистка да Володя какъ-то сухо относились ко мнѣ и рѣдко со мной разговаривали; ну, да это меня не заботило. Мальчикъ занимался очень хорошо; я написалъ два письма Рязанову объ его успѣхахъ и получилъ отъ него въ отвѣтъ благодарственное письмо. Послѣ оказалось, что Елена Александровна написала обо мнѣ лестный отзывъ, какъ о скромномъ молодомъ человѣкѣ, не похожемъ на обыкновенныхъ учителей-студентовъ.

Отъ Софьи Петровны я получалъ письма по два раза въ недѣлю. Письма ея заключали въ себѣ однѣ любовныя изліянія и скрытную ревность. Я читалъ ихъ, рвалъ и изрѣдка отвѣчалъ, отговариваясь занятіями. Нѣсколько разъ хотѣлъ я написать Сонѣ, что между нами все кончено, но какъ-то не рѣшался. Лучше, думалъ я, исподволь приготовить бѣдную женщину и написать ей послѣ лѣта, что я уѣзжаю на Кавказъ, что ли, и не скоро вернусь.

Ко мнѣ въ «Засижьѣ» мало-по-малу такъ привыкли, что, когда я послѣ обѣда долго засиживался наверху, за мной посылали, и Елена Александровна капризно спрашивала:

— Что̀ вы тамъ дѣлаете, Петръ Антоновичъ? Мы ждемъ васъ, хотимъ читать!

Я садился за чтеніе, въ то время, какъ дамы работали, а Вѣрочка вертѣлась на стулѣ, вызывая строгіе взгляды тетки.

XV.

Былъ чудный іюльскій вечеръ. Дневная жара только-что спала. Въ воздухѣ потянуло пріятной свѣжестью и ароматомъ цвѣтовъ и зелени. Всѣ ушли гулять. Елена Александровна осталась дома; ей нездоровилось, и она просила меня почитать ей.

Она сидѣла на балконѣ, въ капотѣ, съ распущенными волосами, протянувъ ноги на подушки, и слушала повѣсть, въ которой описывалась какая-то добродѣтельная женщина, не любившая мужа, но вѣрная своему долгу и не поддавшаяся искушенію любви. Когда я кончилъ, Елена Александровна задумчиво глядѣла въ садъ, играя махровой розой.

Я всталъ, чтобы уйти, но она остановила меня:

— Куда вы? Посидите.

Мы молчали нѣсколько минутъ. Я смотрѣлъ на нее. Она замѣтила мой взглядъ и улыбнулась.

— Нравится вамъ повѣсть?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Мнѣ кажется, авторъ выбралъ неестественное положеніе.

— Чье?

— Жены. Если она не любила мужа, кто же мѣшалъ ей...

— Оставить его?..—перебила она.

— Нѣтъ. Сказать ему объ этомъ.

Она усмѣхнулась.

— Разбить чужую жизнь? Нѣтъ, авторъ правъ, молодой человѣкъ. Порядочная женщина должна поступить такъ, какъ поступила эта женщина!—сказала она горячо и вдругъ замолчала.

— И наконецъ довольно того, что она позволяла любить себя другому,—проговорила она задумчиво:—любить свѣтлой, высокой любовью, какъ можетъ любить только чистая, неиспорченная юность.

Она поднялась съ кресла, жмуря глаза, потягиваясь и изгибаясь всѣмъ тѣломъ съ граціей кошки, нѣжащейся подъ лучами солнца, взглянула на меня и весело замѣтила:

— Какой еще вы юный мальчикъ! Вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать три!—серьезно проговорилъ я.

— Двадцать три! какъ много!—пошутила она надъ моимъ серьезнымъ отвѣтомъ.

Она тихо усмѣхнулась и вышла съ балкона, забывъ на столѣ цвѣтокъ, который держала въ рукахъ.

Не прошло и минуты, какъ она вернулась. Я быстро отдернулъ розу отъ своихъ губъ и казался смущеннымъ. Она взглянула, усмѣхнулась и не сказала ни слова. Я сидѣлъ, опустивъ голову, точно виноватый. Меня забавляла игра съ этой кокеткой—забавляла и наполняла сердце какимъ-то злорадствомъ. Мнѣ нравилось, что она вѣритъ; мнѣ пріятно было, что эта свѣтская, блестящая барыня, сперва третировавшая меня, какъ лакея, теперь держитъ себя на равной ногѣ и даже намекаетъ о своей неудавшейся жизни съ мужемъ. Конечно, она бѣсилась, что называется, съ жиру, вообразила о своемъ несчастіи отъ скуки. Сытая, богатая, окруженная общимъ поклоненіемъ, не знавшая, куда дѣвать время,—мало ли какихъ глупостей не лѣзло ей въ голову? А тутъ, подъ бокомъ,

молодой, свѣжій и, по совѣсти сказать, далеко не уродливый малый, съ пробивающимся пушкомъ на румяныхъ щекахъ, не смѣющій поднять глаза на блестящую барыню и втайнѣ по ней страдающій. Положеніе интересное для такой милой бездѣльницы, какъ она! Можно поиграть, позабавиться, пощекотать нервы двадцатитрехлѣтняго «мальчика» крѣпкимъ пожатіемъ, нѣжнымъ взглядомъ, тонкимъ, опьяняющимъ ароматомъ, которымъ, казалось, было пропитано все ея существо; пожалуй, пощекотать и свои нервы, и потомъ забыть, какъ прошлогодній снѣгъ, несчастнаго учителя и съ веселой усмѣшкой разсказывать какой-нибудь подобной же бездѣльницѣ, какъ смѣшонъ былъ этотъ медвѣжонокъ, осмѣлившійся робко вздыхать и вздрагивать въ присутствіи красавицы. Если я поступалъ неискренно, то у меня по крайней мѣрѣ было оправданіе. Я хотѣлъ ей понравиться, чтобы черезъ мужа добиться положенія, а она... Что̀ оправдывало эту барыню, опытную свѣтскую женщину двадцати шести-семи лѣтъ? Что̀ заставляло ее какъ бы нечаянно спускать косынку съ плечъ и повертывать голыми плечами передъ «скромнымъ мальчикомъ», заставляя его вздрагивать не на шутку?

А съ какимъ презрѣніемъ эта же самая женщина говорила иногда о безнравственности прислуги; какъ жестока она была въ своихъ приговорахъ, когда вопросъ касался какой-нибудь дѣвушки, оставившей родительскій домъ! Тогда глаза ея сверкали злостью, и она говорила о «нравственномъ паденіи» съ патетической восторженностью, отыскивая во всемъ грязную сторону и относясь къ «непорядочнымъ» людямъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ, хотя и была дѣятельнымъ членомъ какого-то благотворительнаго общества.

«Вотъ она, — нерѣдко думалъ я, весело усмѣхаясь: — этотъ образецъ добродѣтели, эта ненавистница мужчинъ, какою рекомендовалъ мнѣ ее шутъ гороховый Остроумовъ! Она не прочь «пошалить» съ «мальчикомъ», но такъ «пошалить», чтобы все было прилично, и чтобы никто не смѣлъ кинуть камень осужденія въ эту добродѣтель, защищенную богатствомъ, связями и изящными формами».

Замѣтивъ мое смущеніе, Елена Александровна приблизилась ко мнѣ и тихо проговорила:

— Что̀ это вы задумались и повѣсили голову? Вѣрно,

деревня уже надоѣла вамъ, и вамъ хочется скорѣй въ Петербургъ? Кстати, извините за вопросъ, вы знаете, женщины такъ любопытны,—добавила она, смѣясь:—съ кѣмъ это вы ведете такую дѣятельную переписку? Каждую недѣлю мнѣ подаютъ два-три письма изъ Петербурга на ваше имя.

— Это старая тетка мнѣ пишетъ.

— Совѣтуетъ, вѣрно, не скучать въ деревнѣ?

— Я не скучаю!..—прошепталъ я.

— Не лгите!.. Какое же вамъ веселье здѣсь? Вотъ, впрочемъ, скоро пріѣдетъ мужъ, и тогда вы будете съ нимъ въ пикетъ играть. Вы играете?

— Играю.

— Все веселѣе будетъ!—подсмѣивалась она. — Не правда ли?

Я поднялъ на нее глаза. Она стояла такая веселая, свѣжая, блестящая и такъ кокетливо улыбалась. Я пристально и смѣло посмотрѣлъ на нее, и вдругъ лицо ея измѣнилось. Куда дѣвалась кокетливая ласковая улыбка! Она нахмурилась и взглянула на меня строгимъ надменнымъ взглядомъ, точно наказывая меня за смѣлость, съ которою я взглянулъ на нее, и показывая, какое огромное разстояніе раздѣляло меня отъ нея, Елены Александровны Рязановой, супруги Леонида Григорьевича Рязанова, виднаго дѣятеля и чиновника-аристократа.

Она ушла съ балкона, не проронивъ ни слова и не дожидаясь отвѣта на свой вопросъ, сѣла за рояль и долго играла въ темной залѣ, играла порывисто, бурно, словно бы негодуя на что-то.

Я сидѣлъ, прижавшись въ углу, и слушалъ.

Она оборвала рѣзкимъ аккордомъ какую-то бравурную арію, вышла на балконъ и, облокотившись на перила, перегнулась станомъ, глядя въ темнѣвшую глубь сада. Ея бѣлая, стройная фигура рѣзко выдѣлялась въ темнотѣ. Она простояла долго, не оборачиваясь, и, проходя назадъ, повернула голову въ мою сторону и проговорила строго:

— Вы еще здѣсь? Подите, пожалуйста, взгляните, не идутъ ли наши? Уже поздно!

Скоро пришли всѣ съ прогулки и сѣли за чайный столъ. Елена Александровна была не въ духѣ; зато сестра ея Марья Александровна, по обыкновенію, пододвигала мнѣ хлѣбъ и масло, удивляясь, что я мало ѣмъ, и спрашивала, отчего я такой скучный.

— Вѣрно, отъ матушки давно писемъ не получали?— замѣтила она ласково.

— Да,—отвѣчалъ я.

Елена Александровна подняла на меня глаза, и, показалось мнѣ, усмѣшка пробѣжала по ея губамъ.

«Смѣйся, смѣйся!—думалъ я.—Смѣйся, сколько тебѣ угодно!»

Первые дни послѣ этого вечера Елена Александровна выдерживала свой строгій тонъ и почти не говорила со мной, думая, конечно, что наказываетъ меня за дерзость, обнаруженную мной нѣсколько дней тому назадъ, но черезъ нѣсколько дней она смягчилась и стала любезнѣй. Ее точно забавляло дразнить меня, и она нерѣдко мѣняла обращеніе: то была любезна, кокетлива, внимательна, то вдругъ снова третировала меня съ небрежностью гордой барыни и даже бывала дерзка, такъ что Марья Александровна не разъ пожимала плечами и съ укоромъ шептала, взглядывая на сестру впалыми, большими глазами:

— Hélène! Hélène!

Разъ я даже слышалъ, притаившись въ саду, какъ Марья Александровна допрашивала сестру:

— За что̀ ты такъ притѣсняешь бѣднаго Петра Антоновича? Ты иногда бываешь просто невозможна съ нимъ.

— Будто?

— Онъ прекрасный молодой человѣкъ. Такой скромный, такой внимательный и, кажется, несчастный! За что̀ такое обращеніе?

— Ужъ не нравится ли онъ тебѣ?

И Елена Александровна залилась смѣхомъ.

— Ты такъ горячо его защищаешь.

— Hélène! Что̀ за вздоръ! Какъ тебѣ не стыдно говорить глупости? Мнѣ просто жаль его. Я удивляюсь, какъ еще онъ выноситъ твое обращеніе.

— Еще бы! — какъ-то самоувѣренно сказала она. — Смѣлъ бы не выносить!..

— Ты просто взбалмошная женщина!—съ сердцемъ проговорила сестра.

— Можетъ-быть; только напрасно ты такъ жалѣешь этого... сурка. Онъ вовсе не такъ скроменъ, какъ кажется. Каріе его глаза часто бѣгаютъ, какъ мышонки. Ну, да Богъ съ нимъ!

И разговоръ сестеръ смолкъ.

Я слушалъ и злился. Злился и хотѣлъ проучить эту

женщину. Но какъ проучить, въ этотъ моментъ я не давалъ себѣ отчета.

Я сталъ рѣже спускаться внизъ. Когда Елена Александровна приглашала меня «поскучать вмѣстѣ», я отговаривался спѣшной работой, которую будто бы долженъ приготовить для Остроумова. Рязанова пристально взглядывала на меня, точно изумляясь моему стоицизму. Ей хотѣлось продолжать шалить, а я настойчиво уклонялся. Она стала капризна и раздражительна. Очевидно, ей было скучно. Цѣлую недѣлю я выдержалъ добровольное затворничество, и когда Рязанова, недовѣрчиво улыбаясь, спрашивала: «а вы все работаете?» я отвѣчалъ, что «все работаю».

Однажды послѣ обѣда Марья Александровна съ Вѣрочкой и миссъ Куперъ собрались на озеро смотрѣть рыбную ловлю. Звали Рязанову, но она сказала, что поѣдетъ кататься верхомъ, и приказала сѣдлать «Орлика».

— Съ кѣмъ же ты поѣдешь, Hélène? Андрей боленъ.

— Съ кѣмъ?—переспросила она и прибавила:—Петръ Антоновичъ меня проводитъ.

Марья Александровна съ укоромъ взглянула на сестру. Дѣйствительно, тонъ Рязановой былъ небреженъ и рѣзокъ.

— Но, быть-можетъ, Петръ Антоновичъ не можетъ. Онъ кончаетъ работу...

— Онъ, вѣрно, кончилъ! — проговорила Рязанова. — Хотите провожать меня?—повернулась она вдругъ ко мнѣ, скидывая быстрымъ ласковымъ взглядомъ, рѣзко отличавшимся отъ небрежнаго тона ея словъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ!

Марья Александровна пожала плечами, видя, какъ безропотно я согласился, а Вѣрочка и Володя даже сердито взглянули, изумляясь покорности и безотвѣтности передъ этимъ небрежнымъ приказаніемъ.

Рязанова взглянула на сестру съ усмѣшкой, точно хотѣла сказать: «видишь, какой онъ послушный!»

Марья Александровна съ дѣтьми уѣхала на озеро, а мы выѣхали на дорогу и тотчасъ же свернули въ лѣсъ, большой густой лѣсъ, тянувшійся верстъ на пятнадцать.

Сперва мы ѣхали шагомъ, молча. Елена Александровна была серьезна. Я искоса взглядывалъ на барыню: она была очень хороша въ амазонкѣ; высокая шляпа, надѣтая набекрень, удивительно шла къ ней. Стройная, изящная, красивая, блестѣвшая подъ лучами солнца, она прекрасно

сидѣла на красивомъ конѣ и точно чувствовала, что ею любуются.

— Ну, не отставайте отъ меня!—проговорила она, подтянула поводья, взмахнула хлыстикомъ, пустила лошадь рысью, потомъ въ галопъ и понеслась по лѣсу.

Мы скакали по лѣсной дорогѣ, среди густой чащи деревьевъ, сквозь которую едва пробивалось солнце. Въ лѣсу было свѣжо и несло смолистымъ ароматомъ. Рязанова неслась впереди, какъ бѣшеная, подгоняя лошадь хлыстомъ, когда Орликъ уменьшалъ бѣгъ. Я едва поспѣвалъ за ней; въ моихъ глазахъ мелькала только развѣвавшаяся длинная вуаль. Мы углублялись все дальше и дальше въ чащу, а Рязанова все неслась, какъ сумасшедшая... Наконецъ я сталъ отставать. Она обернулась назадъ, взмахнула хлыстомъ и скрылась изъ моихъ глазъ...

Когда наконецъ я догналъ ее, она ѣхала шагомъ, опустивъ поводья. Орликъ былъ весь въ мылѣ, и она ласково трепала его благородную шею. Елена Александровна раскраснѣлась и прерывисто дышала... Глаза ея блестѣли и улыбались; полуоткрытыя губы слегка вздрагивали.

— Благодарите меня,—проговорила она, смѣясь, когда я подъѣхалъ къ ней:—что я позволила вамъ догнать себя, а то бы ѣхали вы теперь одинъ-одинешенекъ... Ахъ, какъ хорошо здѣсь... въ лѣсу!—прибавила она, заворачивая лошадь въ узкую тропинку, по которой едва можно было проѣхать двоимъ.

Она поѣхала впередъ, я ѣхалъ сзади. Такъ ѣхали мы нѣсколько минутъ. Наконецъ Рязанова обернулась.

— Что-жъ вы сзади?.. Мнѣ поболтать хочется...

Мы поѣхали рядомъ; наши лошади почти касались другъ друга.

Она посмотрѣла на меня, улыбаясь какой-то странной улыбкой, и сказала:

— А вы все еще сердитесь?

— Я не сердился...

— Ну, ну, не сочиняйте, скромный юноша; точно я не знаю, что у васъ никакой работы нѣтъ. Вѣдь правда?—шепнула она, нагибаясь ко мнѣ.—Правда?

— Правда!—еще тише проговорилъ я.

— То-то! Вѣдь я все вижу,—сказала она и засмѣялась.

Тонъ ея былъ особенный: ласковый и въ то же время рѣзкій. Она глядѣла на меня какимъ-то загадочнымъ, страннымъ взглядомъ, продолжая улыбаться. Я ощущалъ

въ это время обаяніе близости этой женщины. Казалось, между нами не было теперь никакихъ преградъ, и я свободно любовался ея пышнымъ станомъ, ея разгорѣвшимся лицомъ, ея маленькой ручкой. Она позволяла мнѣ любоваться ею, точно испытывая силу своего очарованія.

Мы все подвигались впередъ. Въ лѣсу было такъ хорошо и свѣжо. Только трескъ подъ копытами сухого валежника нарушалъ торжественную тишину лѣса. Впереди, на полянкѣ, показалась маленькая, полуразвалившаяся изба, густо заросшая вьющимся хмелемъ.

— Я устала. Отдохнемъ здѣсь!—проговорила Рязанова.

Я спрыгнулъ съ лошади и помогъ ей сойти. Когда я обхватилъ ея станъ, руки мои вздрагивали.

Я привязалъ лошадей. Елена Александровна вошла въ избу и присѣла на лавкѣ у окна.

— Тутъ прежде лѣсникъ жилъ,—замѣтила она и задумалась.—А вы что̀ стоите? Садитесь!—рѣзко сказала она.

Я сѣлъ около, молча любуясь ею. Она сдернула краги, облокотилась на окно и глядѣла въ лѣсъ, вся залитая багровыми лучами заходившаго солнца. Я любовался ею и видѣлъ, какъ тяжело вздымалась ея грудь, какъ вздрагивали ея губы.

— Что же вы молчите?—повернула она свою голову.—Говорите что-нибудь... Посмотрите, какъ хорошо здѣсь!

Но что̀ я могъ сказать?

— Какой вы... смѣшной! Что̀ вы такъ смотрите, а? Говорите же что-нибудь, а то вы такъ странно молчите! Ну, разсказывайте, отчего вы такъ сердились на меня? Теперь не сердитесь, нѣтъ?—говорила она страннымъ шопотомъ, вовсе не думая о томъ, что̀ говоритъ.

Но вмѣсто отвѣта я вдругъ схватилъ ея руку и покрылъ ее поцѣлуями. Она не отдернула руки, и я чувствовалъ, какъ рука ея дрожала въ моей. Я взглянулъ на нее. Она сидѣла, улыбаясь все тою же загадочной улыбкой, съ полуоткрытыми губами. Глаза ея подернулись влагой. Вся она словно млѣла.

У меня застучало въ вискахъ. Я вдругъ почувствовалъ, что эта женщина моя, обнялъ ее и сталъ покрывать поцѣлуями шею, лицо, грудь... Она тихо смѣялась, замирая въ моихъ объятіяхъ.

«Что̀, теперь не смѣешься?»—думалъ я, когда черезъ четверть часа помогалъ Рязановой садиться на Орлика. Она старалась не глядѣть на меня. Передо мной теперь

была уже не капризная, гордая барыня, а усталое, нѣжное созданіе, склонившее голову.

Мы ѣхали молча. Но скоро она погнала лошадь и помчалась изъ лѣсу, какъ сумасшедшая. Когда я вернулся домой, Орлика уже водили по двору.

На слѣдующій день, встрѣтившись за завтракомъ, Елена Александровна держала себя какъ ни въ чемъ не бывало. Она сухо поздоровалась со мною и сказала нѣсколько словъ. Съ этого памятнаго вечера обращеніе ея сдѣлалось еще суше и рѣзче. Она рѣдко говорила со мной, и если говорила, то небрежнымъ тономъ, третируя меня, какъ несчастнаго учителя, что̀ приводило добрую Марью Александровну въ огорченіе. Я рѣдко оставался внизу и продолжалъ относиться къ Рязановой съ почтительной вѣжливостью учителя; мое обращеніе ей видимо нравилось. Послѣ обѣда мы часто ѣздили кататься и заѣзжали въ избушку, а черезъ нѣсколько времени, когда ночи стали темнѣй, я лазилъ изъ сада къ ней въ спальню, и она ждала меня, встрѣчая горячими объятіями, тихимъ смѣхомъ и сладостнымъ лепетомъ...

Я торжествовалъ. Самолюбіе мое было удовлетворено. Эта свѣтская барыня, третировавшая меня днемъ, была моей послушной любовницей ночью, дѣлала сцены ревности, когда я пропускалъ одну ночь, говорила, что только въ моихъ ласкахъ она поняла счастіе любви. Ни одна душа не догадывалась о нашихъ отношеніяхъ. Такой скромный любовникъ, какъ я, и нуженъ былъ этой женщинѣ, боявшейся свѣтской молвы, какъ огня.

XVI.

Наступилъ августъ.

Въ одно прекрасное утро была получена телеграмма, что пріѣдетъ Рязановъ. Елена Александровна казалась очень обрадованной и веселой. Я, признаться, струсилъ. А вдругъ она въ порывѣ признается мужу? Я намекнулъ ей объ этомъ. Она весело расхохоталась и шепнула:

— Глупый! Развѣ я отпущу тебя?—и прибавила:—мы будемъ опять кататься верхомъ!

Рязановъ пріѣхалъ, веселый и довольный; въ послѣднее время Рязанова часто писала ему и звала его пріѣхать. Въ теченіе мѣсяца, который пробылъ Рязановъ въ деревнѣ, онъ былъ постоянно веселъ и счастливъ. Елена Александровна какъ будто измѣнилась: не капризничала,

не дѣлала мужу сценъ и даже позволила ему спать въ спальнѣ. Онъ благодарилъ меня за занятія съ сыномъ и былъ предупредителенъ со мной.

Послѣ обѣда онъ нерѣдко просилъ меня ѣхать кататься съ его женой и часто дѣлалъ замѣчанія Еленѣ Александровнѣ за то, что та недостаточно со мной любезна... По вечерамъ мы играли съ нимъ въ пикетъ. Рязановъ все болѣе и болѣе ко мнѣ привыкалъ и однажды спросилъ меня, не желаю ли я служить? Я, конечно, пожелалъ.

— Мнѣ нуженъ секретарь!—сказалъ онъ.—Вы пишете хорошо. Въ скромности вашей я увѣренъ, въ трудолюбіи тоже. Хотите?

Я, конечно, разсыпался въ благодарности.

— Работы у васъ будетъ много, но жалованье у насъ невелико. Впрочемъ, мы пособимъ и этому. Я вамъ еще устрою мѣсто въ правленіи желѣзной дороги... такъ что вы будете получать тысячи три, а впереди дорога для васъ открыта... Такой способный молодой человѣкъ, какъ вы, не можетъ остаться незамѣченнымъ.

Онъ попробовалъ меня, далъ составить резюме изъ огромной докладной записки и остался очень доволенъ моей работой...

— Что же касается до взгляда на службу, то едва ли мнѣ нужно говорить съ вами, Петръ Антоновичъ. Вы, кажется, понимаете, что на службѣ личныя убѣжденія надо спрятать въ карманъ и... исполнять волю пославшаго тя...—замѣтилъ онъ, улыбаясь.—Впрочемъ, — прибавилъ онъ:—у васъ такта довольно. Главное—тактъ... Безъ такта служить нельзя...

Когда на другой день мы ѣхали по лѣсной глуши съ Еленой, то она сказала:

— Предлагалъ мужъ тебѣ мѣсто?

— Да... и этимъ я, конечно, обязанъ вамъ!

Она засмѣялась, какъ ребенокъ, веселымъ смѣхомъ и проговорила:

— Вы всѣмъ обязаны себѣ, мой красивый и скромный Ромео!..

Она весело болтала, разсказывала, какъ сдѣлаетъ меня секретаремъ благотворительнаго общества, въ которомъ она предсѣдательствуетъ, какъ мы будемъ ѣздить вдвоемъ посѣщать бѣдныхъ, и какъ она будетъ смотрѣть, чтобы я въ Петербургѣ велъ себя хорошо...

А я?.. Я ѣхалъ и думалъ, какъ скоро судьба помогла

мнѣ. Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, и я уже вышелъ на дорогу... Впереди—дорога открытая, и отъ меня будетъ зависѣть не сходить въ сторону. Съ Соней я уже покончилъ. Недѣли двѣ тому назадъ я наконецъ написалъ ей письмо, въ которомъ писалъ, что отношенія наши кончены, что мы не пара. Письмо было убѣдительное, и я увѣренъ былъ, что Соня пойметъ и приметъ его, какъ неизбѣжный конецъ нашихъ отношеній. Меня только удивляло, что я не получалъ никакого отвѣта.

При сравненіи ея съ блестящей, красивой Еленой, маленькая Соня казалась такой невзрачной «мѣщаночкой», такой глупенькой, смѣшной...

Елена весело болтала. Въ это время, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, изъ лѣса вышла толпа крестьянскихъ мальчишекъ, окружавшихъ высокую, стройную фигуру дѣвушки. Невдалекѣ отъ нихъ шелъ какой-то пожилой рыжебородый господинъ въ высокихъ сапогахъ.

Мы поровнялись съ толпой, и въ изящной дѣвушкѣ я узналъ Екатерину Нирскую. Она весело разговаривала съ мальчишками, и когда подняла голову, я поклонился ей; она вдругъ поблѣднѣла, едва кивнула на мой поклонъ и съ презрѣніемъ отвернулась отъ меня. Я былъ изумленъ, когда до моихъ ушей долетѣли ея слова, произнесенныя съ ироническимъ смѣхомъ:

— Это тотъ самый скромный молодой человѣкъ!

— Вы знаете Нирскую?!—изумилась Рязанова.

— Знаю. Я былъ чтецомъ у ея бабушки!

— А!.. Она живетъ верстахъ въ десяти отъ насъ, въ деревнѣ. Странная дѣвушка! Оригинальничаетъ!.. Открыла школу и возится съ этими пачкунами,—произнесла она, презрительно щуря глаза.—Нравится она вамъ?

— Нѣтъ.

Къ счастію, Рязанова не слыхала словъ, произнесенныхъ Нирской, и не входила въ дальнѣйшія объясненія. Она взмахнула хлыстомъ; мы понеслись впередъ и скоро свернули въ глухую тропинку.

Дня черезъ два, когда я сидѣлъ у себя наверху, лакей сказалъ мнѣ, что какой-то господинъ желаетъ меня видѣть. Я недоумѣвалъ, кто бы это могъ быть, и удивился, когда черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ тотъ самый рыжебородый господинъ въ высокихъ сапогахъ, ко-

тораго я на-дняхъ встрѣтилъ въ лѣсу. Лицо его напомнило мнѣ Соню, что-то похожее было. Господинъ взглянулъ холодно и проговорилъ:

— Вы г. Брызгуновъ?

— Я! Что вамъ угодно?

Я хотѣлъ-было протянуть руку, но господинъ держалъ руки засунутыми въ карманахъ.

— Моя фамилія Ивановъ. Я двоюродныи оратъ Сони Васильевой!—проговорилъ онъ.

Я струсилъ. Онъ, должно-быть, замѣтилъ это, какъ-то презрительно усмѣхнулся, помолчалъ и тихо началъ:

— Соня больна. Она получила ваше письмо и слегла въ постель.

— Если надо, я поѣду навѣстить ее,—проговорилъ я.

— Послушайте, зачѣмъ же вы ее обманывали?—какъ-то грустно проговорилъ господинъ.

Я началъ-было оправдываться, но онъ остановилъ меня:

— Я знаю все отъ сестры. Она давно догадывалась, что вы не любите ее, и просила разузнать о васъ. Я недалеко живу, на фабрикѣ. Я слышалъ, какъ вы любезничали съ этой барыней въ лѣсу, и написалъ Сонѣ, чтобы она забыла васъ, но вы продолжали писать ей жалкія слова и наконецъ написали письмо, жестокое письмо. Она сообщила мнѣ его содержаніе, но просила ничего вамъ не говорить.

Онъ умолкъ и какъ-то грустно взглянулъ на меня.

— Вы такъ молоды, а между тѣмъ такъ поступили съ бѣдною женщиной! А она надѣялась! Ея письма дышали такою любовью къ вамъ! Впрочемъ, не въ томъ дѣло. Вчера я получилъ телеграмму отъ доктора, что она опасно больна. Она выкинула ребенка, и жизнь ея находится въ опасности.

— Я поѣду къ Софьѣ Петровнѣ, если вы находите это необходимымъ, и успокою ее.

Онъ пристально оглядѣлъ меня съ ногъ до головы и повторилъ:

— Если я нахожу необходимымъ? А вы... вы не находите это необходимымъ?!—вдругъ крикнулъ онъ, подходя ко мнѣ вплотную...

Я подался назадъ, замѣтивъ, какъ вдругъ лицо его исказилось злобою и стало бѣлѣй полотна...

Онъ стоялъ какъ бы въ раздумьѣ, стиснувъ зубы, и снова спросилъ:

— А вы... вы не находите необходимымъ?

Я инстинктивно схватился за стулъ. Онъ окинулъ меня презрительнымъ взглядомъ и тихо прошепталъ:

— Господи! Такой молодой и такой... подлецъ!

Съ этими словами онъ тихо вышелъ изъ комнаты.

Злоба душила меня. Я хотѣлъ-было броситься на него, но вспомнилъ, что внизу занимался Рязановъ, и употребилъ чрезвычайныя усилія, чтобы остаться на мѣстѣ.

Я припалъ на постель и долго не могъ придти въ себя. Черезъ нѣсколько часовъ я былъ спокоенъ и далъ себѣ слово никогда не забыть этого человѣка и припомнить ему оскорбленіе.

И что я такое сдѣлалъ? Развѣ я обязанъ былъ вѣчно няньчиться съ этой влюбленной дурой и смотрѣть, какъ она чинитъ мое бѣлье?

Это по меньшей мѣрѣ было бы глупо.

Въ сентябрѣ я пріѣхалъ съ Рязановыми въ Петербургъ и скоро получилъ обѣщанное мѣсто. Жизнь моя измѣнилась. Я жилъ въ приличной квартирѣ, держалъ лакея, работалъ, познакомился съ порядочными людьми и принималъ у себя тайкомъ Рязанову. Я достигъ своей цѣли и могъ сказать наконецъ, что живу такъ, какъ люди живутъ... Будущее манило меня блестящими картинами, а пока и настоящее было хорошо. Ко мнѣ всѣ относились съ уваженіемъ; чиновники заискивали въ секретарѣ Рязанова, а самъ Рязановъ не чаялъ во мнѣ души и радовался, какъ дуракъ, когда черезъ восемь лѣтъ супружества у него наконецъ родился сынъ...

Тѣ самые люди, которые годъ тому назадъ не протянули бы мнѣ руки, теперь относились съ уваженіемъ къ солидному молодому человѣку, принятомъ въ порядочномъ обществѣ. У меня было положеніе, была будущность; оставалось пріобрѣсти состояніе, и я рѣшилъ, что и оно у меня будетъ...

Черезъ годъ я увидалъ Соню. Однажды я шелъ по улицѣ и встрѣтилъ ее. Она была такая же пухлая и свѣжая, но теперь лицо ея показалось мнѣ слишкомъ вульгарнымъ. Я привѣтливо поклонился ей, но она вдругъ поблѣднѣла, взглянувъ на меня, и прошла, не отвѣтивъ на мой поклонъ. Я только пожалъ плечами и усмѣхнулся.

Я съѣздилъ въ свое захолустье, къ матушкѣ, и засталъ ее въ большомъ горѣ. Лена, какъ я и предвидѣлъ,

кончила скверно, отыскивая какую-то дурацкую свою «правду».

Я старался успокоить старушку, но она была безутѣшна и все просила меня похлопотать за нее у Рязанова.

Но развѣ могъ я, не компрометируя себя, просить за сестру, и у кого? У Рязанова?

Развѣ я могъ сказать слово въ защиту глупой, смѣшной дѣвчонки?

Я старался объяснить это матушкѣ, но она какъ-то странно посмотрѣла на меня, залилась слезами и съ укоромъ замѣтила:

— Петя, Петя! Что̀ сказалъ бы твой отецъ?

— Покойный отецъ былъ непрактичный человѣкъ, маменька!

— А ты... ты слишкомъ ужъ практичный! — грустно прошептала она и простилась со мною очень холодно.

Глупая старушка!

Она не понимала, что я былъ правъ и что въ жизни бываютъ положенія, когда надо заставить молчать сердце и жить разсудкомъ. Благодаря тому, что я жилъ разсудкомъ, я выбился изъ унизительнаго положенія.

Прошло нѣсколько лѣтъ, я разстался съ Рязановой. Ужъ очень ревнива стала она, и наконецъ связь наша могла компрометировать меня въ глазахъ общества.

Она стала упрекать меня, говорила, будто я погубилъ ее, но, какъ умная женщина, скоро поняла, что говоритъ глупости. Елена Александровна, впрочемъ, утѣшилась, отыскавъ другого юнаго любовника...

Я имѣлъ положеніе и средства. Я былъ счастливъ.

Оставалось увѣнчать счастіе семейной жизнью, и я сталъ пріискивать приличную невѣсту...

Вспоминая прошлую жизнь, я съ гордостью могу сказать, что обязанъ всѣмъ самому себѣ, и гляжу на будущее съ спокойствіемъ и трезвостью человѣка, понимающаго жизнь, какъ она есть.

Только сумасшедшіе, дураки или блаженные въ родѣ Лены могутъ погибать въ житейской борьбѣ, не добившись счастія.

Умный и практичный человѣкъ нашего времени никогда не останется наковальней.

Жить, жить надо!

УЖАСНАЯ БОЛѢЗНЬ.

I.

Трудно съ точностью опредѣлить начало болѣзни, сгубившей моего бѣднаго пріятеля Ивана Ракушкина. Онъ уже былъ юноша семнадцати лѣтъ, съ еле пробивавшимся пушкомъ на блѣдномъ лицѣ, съ большими голубыми глазами, болѣзненно-самолюбивый, застѣнчивый малый, добрый товарищъ, кончавшій вмѣстѣ со мною курсъ въ одномъ спеціальномъ заведеніи, когда однажды, поздно ночью, проснувшись отъ жестокой зубной боли, я увидалъ слѣдующее: Ракушкинъ приподнялся на кровати, внимательно озираясь, потомъ тихо всталъ, подошелъ къ лампѣ, уменьшилъ въ ней огонь, одѣлся и, осторожно крадучись, словно боясь, чтобы кто-нибудь не проснулся, прошелъ въ залу и скрылся въ темнотѣ. Черезъ нѣсколько времени сквозь стеклянныя двери спальной видно было, какъ въ залѣ засвѣтился слабый огонекъ.

«Вѣрно пошелъ приготовляться къ экзамену!» — подумалъ я, нѣсколько изумленный таинственностью, съ которою онъ совершалъ свое путешествіе по спальнѣ. Мнѣ долго не спалось. Я хорошо слышалъ, какъ часы медленно пробили два, три, четыре... Огонекъ все еще мерцалъ въ залѣ... Наконецъ послышались тѣ же осторожные шаги, и я увидалъ Ракушкина, съ тѣми же предосторожностями возвращавшагося назадъ. Я кашлянулъ. Онъ вдругъ замеръ на мѣстѣ, обратилъ свое лицо въ мою сторону и еще тише прокрался далѣе, раздѣлся и легъ въ постель.

Меня это заинтересовало. На утро я подошелъ къ Ракушкину и неожиданно спросилъ его:

— Куда это ты ходилъ ночью?

Онъ весь вспыхнулъ до корней волосъ и, заикаясь, отвѣтилъ:

— Ночью?.. Я никуда не ходилъ!.. Да... ходилъ воду пить... Ужасная была жажда!

Я было-хотѣлъ наотрѣзъ сказать ему, что онъ вретъ, что въ теченіе трехъ часовъ воды не пьютъ, но, когда взглянулъ на его смущенное лицо, на его большіе голубые глаза, растерянно глядѣвшіе куда-то вкось, мнѣ стало жаль Ракушкина, и я больше ни о чемъ его не разспрашивалъ.

Черезъ нѣсколько дней я всталъ въ четыре часа утра, чтобы позаняться передъ экзаменомъ. Смотрю: кровать Ракушкина пуста. Я вышелъ въ залу. Въ самомъ концѣ ея, при свѣтѣ мерцающаго огарка, я увидалъ знакомую фигуру товарища. Я подошелъ ближе... Ракушкинъ спалъ, склонившись надъ столомъ. Передъ нимъ лежала большая толстая тетрадь, а сбоку руководство астрономіи, раскрытое на предисловіи автора. Ясно было, что онъ не астрономіей занимался. Я заглянулъ въ тетрадь: на открытой страницѣ были написаны стихи; перевернулъ страницу, другую, третью,—вездѣ стихи и стихи, рѣдко попадалась, впрочемъ, и проза...

Я прочелъ еще не совсѣмъ засохшую страницу стиховъ, но какихъ стиховъ! Ужасныхъ! Я и теперь хорошо помню слѣдующее двустишіе, блестѣвшее свѣжими чернилами, написанное въ честь Петра Великаго. Оно врѣзалось въ мою память, и никогда ничѣмъ не выбьешь его оттуда:

О, Петръ, Петръ, ты великій геній,
Мы о тебѣ хорошихъ мнѣній!

Я понялъ все. И таинственныя ночныя экскурсіи, и крайнюю скрытность пріятеля. Тогда же припомнилось мнѣ, какъ годъ или два тому назадъ, однажды въ классѣ, когда не было преподавателя, сосѣдъ Ракушкина вырвалъ у него листокъ бумаги и, несмотря на протесты Ракушкина, громко прочиталъ передъ классомъ стихотвореніе, начинавшееся, сколько помнится, такъ:

Вчера во снѣ свою Гликерію я видѣлъ,
Полураздѣтую, съ распущенной косой...

Я позабылъ дальнѣйшія строки, но помню, что въ концѣ концовъ Гликерія звала поэта слѣдующими стихами:

Идемъ... Идемъ!... Сокроемся подъ кипарисной тѣнью
И предадимся тамъ любви и наслажденью!

Общій взрывъ хохота двадцати трехъ молодыхъ саврасовъ привѣтствовалъ эти строки. Всѣ безжалостно гоготали, нисколько не заботясь о томъ, что въ это время дѣлалось съ бѣднымъ Ракушкинымъ. Я взглянулъ на него.

Онъ былъ смертельно блѣденъ. Его странные голубые глаза съ какою-то мольбой глядѣли передъ собою. Губы дрожали... Весь онъ какъ-то съежился... Вдругъ изъ глазъ его брызнули слезы. Онъ закрылъ лицо руками и бросился вонъ изъ класса, подъ звуки оглушительнаго хохота.

— Господа!.. — заговорилъ одинъ товарищъ, котораго всѣ звали «математикомъ», презиравшій литературу и называвшій «бабой» или «литераторомъ» всякаго, кто выказывалъ трусость, слабость характера, или не понималъ поэзіи аналитики.—Господа! Это подло! За что̀ мы обидѣли Ракушкина?..

Рѣзкія эти слова подѣйствовали на классъ. Всѣ затихли и рѣшили извиниться передъ Ракушкинымъ. Послали за нимъ двухъ депутатовъ, и, когда Ракушкинъ пришелъ красный, какъ піонъ, классъ торжественно извинился, и дѣло было кончено.

Съ тѣхъ поръ я никогда не видалъ, чтобы Ракушкинъ писалъ стихи, никто его не дразнилъ, и всѣ забыли объ его стихахъ... Онъ сдѣлался еще скрытнѣй, всегда аккуратно запиралъ ключомъ свою конторку въ залѣ и часто удалялся отъ товарищей, просиживая гдѣ-нибудь въ сторонкѣ за чтеніемъ какого-нибудь романа или стихотворенія.

Оказывалось, что онъ писалъ стихи по ночамъ, тайно отъ всѣхъ, выбирая такое время, когда никто не занимается.

Я хотѣлъ-было отойти, какъ вдругъ Ракушкинъ проснулся, посмотрѣлъ на меня соннымъ взглядомъ, потомъ быстро вскочилъ, взглянулъ на тетрадь и, схватывая мою руку, спросилъ:

— Ты читалъ?

— Читалъ...

— Не говори имъ... пожалуйста... Не говори!—сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Я обѣщалъ никому не говорить.

— Ты самъ пишешь стихи,—продолжалъ онъ застѣнчиво:—и поймешь, что смѣяться надъ этимъ глупо... Я тебѣ правду скажу... Помнишь, третьяго дня, ночью, ты кашлянулъ, а потомъ утромъ спросилъ меня, куда я ходилъ?.. Я ходилъ сюда... Я каждую ночь сюда хожу... Я много написалъ... Ты не выдашь меня?.. Нѣтъ?.. Вотъ сколько я написалъ!—быстро, словно захлебываясь, проговорилъ онъ съ скрытымъ торжествомъ въ голосѣ.

И онъ показалъ мнѣ, кромѣ толстой тетради, лежавшей на столѣ, еще двѣ такихъ же толстыхъ тетради.

— Все стихи?

— О, нѣтъ!.. У меня есть тутъ и повѣсти, и разсказы... есть даже одинъ романъ. Хочешь, я тебѣ прочту? Только не здѣсь... Здѣсь насъ могутъ увидать. Приходи какъ-нибудь въ воскресенье ко мнѣ домой.

Я обѣщалъ придти. Съ этого времени мы сблизились съ Иваномъ Ракушкинымъ. Онъ, бывало, часто декламировалъ мнѣ свои стихи, говорилъ о своихъ задуманныхъ поэмахъ и спрашивалъ, какъ передать ихъ въ редакцію такъ, чтобъ никто не узналъ имени автора.

Въ одно изъ воскресеній я цѣлый день слушалъ романъ Ивана Ракушкина. Романъ былъ ужасный. Ни проблеска дарованія, ни одного сколько-нибудь правдиваго положенія, ни фантазіи, ни здраваго смысла, такъ что я удивлялся, какъ могъ неглупый Ракушкинъ сочинить такую непроходимую глупость.

— Ну, что? — спросилъ онъ меня, когда кончилъ, и вдругъ поблѣднѣлъ.

— Я, братъ, плохой судья...

— Ты не рѣшаешься сказать?..

— По моему мнѣнію... нехорошо.

Онъ опустилъ голову.

— Но вѣдь это твой первый романъ?—поспѣшилъ я утѣшить Ракушкина.

— Первый...

— Сокрушаться нечего... Можетъ-быть, второй будетъ лучше.

Онъ вдругъ повеселѣлъ и торжественно сказалъ:

— Я тебѣ прочту повѣсть! Увидишь, какая это повѣсть!

Повѣсть была не лучше романа, и я высказалъ ему откровенное мнѣніе. Ракушкинъ перемѣнилъ разговоръ, и мы возвратились вмѣстѣ въ заведеніе, не проронивъ ни слова во всю дорогу. На слѣдующій день онъ подалъ мнѣ слѣдующую записку:

«Не сердись, если я тебѣ выскажу правду. Ты самъ пишешь; мнѣ показалась въ твоемъ отзывѣ завистливая нотка. Я понимаю это чувство въ писателѣ и не сержусь на него, но провѣрь себя... такъ ли это?»

Я былъ просто сконфуженъ. Я самъ тогда маралъ бумагу и, быть-можетъ, отнесся къ Ракушкину строже, чѣмъ

бы слѣдовало... А что, если въ самомъ дѣлѣ зависть?— подумалъ я и тотчасъ же отвѣтилъ ему:

«Ты правъ, Ракушкинъ. Я, быть-можетъ, отнесся несправедливо. Я не увѣренъ, но мнѣ кажется, что не слѣдуетъ авторамъ читать свои произведенія другъ другу».

Послѣ этого мы пожали другъ другу руки. Вскорѣ Иванъ Ракушкинъ, выдержавшій отлично выпускные экзамены, объявилъ, что выходитъ изъ заведенія.

— Что же ты думаешь съ собой дѣлать?

— И ты еще спрашиваешь? Я буду писать. Бабушка дастъ мнѣ триста рублей въ годъ, съ меня этого довольно... Я во что бы то ни стало напишу достойную меня вещь!

— Да, кстати...—спросилъ я.—Ты посылалъ что-нибудь въ редакцію?

— Посылалъ,—грустно отвѣтилъ Ракушкинъ. — Отвѣтили, что слабо... Это меня сперва огорчило, но потомъ... Ты вѣдь знаешь, что истинные таланты долго не признаются!—торжественно заключилъ онъ и съ гордымъ видомъ прибавилъ: — Прощай! Ты еще услышишь объ Иванѣ Ракушкинѣ!

Мы дружно простились съ нимъ и обѣщали писать другъ другу. Я скоро уѣхалъ изъ Петербурга.

II.

Прошло четыре года, въ теченіе которыхъ я ничего не слыхалъ объ Иванѣ Ракушкинѣ и не встрѣчалъ его имени ни въ одномъ изъ журналовъ. Я снова вернулся въ Петербургъ, вспомнилъ о старомъ товарищѣ и разыскалъ его. Онъ жилъ въ маленькой комнаткѣ очень бѣдно и попрежнему писалъ ужасное количество романовъ. Мы обрадовались другъ другу.

Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ, рѣдко обѣдалъ, но не унывалъ и бранилъ всѣ редакціи. Оказалось, что не было редакціи, гдѣ бы не находилось его рукописи, такъ что подъ конецъ во всѣхъ редакціяхъ боялись, какъ огня, имени Ивана Ракушкина.

Его дьявольское упрямство и увѣренность крайне изумляли меня. Самолюбіе и обидчивость его сдѣлались несравненно щекотливѣе, чѣмъ были прежде, такъ что съ нимъ трудно было говорить о предметахъ, касающихся литературы. Мы часто съ нимъ видѣлись и нерѣдко проводили время вмѣстѣ съ третьимъ товарищемъ, молодымъ

актеромъ, недавно поступившимъ на сцену. Разумѣется, при Иванѣ Ракушкинѣ мы избѣгали говорить объ его произведеніяхъ, да и вообще о литературѣ. Онъ самъ тоже рѣдко начиналъ. Но, помню, разъ кто-то изъ насъ замѣтилъ, что Бальзакъ, прежде чѣмъ сталъ знаменитымъ романистомъ, написалъ нѣсколько плохихъ романовъ. Вдругъ Иванъ Ракушкинъ весь просіялъ и, краснѣя, проговорилъ:

— Великіе писатели всегда такъ начинали!

Было ясно, что онъ думалъ о себѣ и не терялъ надежды.

Однажды Ракушкинъ принесъ къ намъ (я жилъ вмѣстѣ съ актеромъ) толстую рукопись и просилъ прочесть. На рукописи стояли роковыя слова: «возв...»

— Я носилъ ее въ три редакціи, но тамъ не приняли... Вѣрно, и не читали! Извѣстно, какъ относятся редакціи къ молодымъ писателямъ! Прочтите, господа, и скажите ваше мнѣніе... Я въ самомъ дѣлѣ начинаю думать: не бросить ли мнѣ писать!

На другой день мы стали читать рукопись. Этотъ романъ былъ чортъ знаетъ что̀ такое.

Черезъ нѣсколько дней является Иванъ Ракушкинъ.

— Прочли?

— Прочли.

— Ну что же?

— Брось, Иванъ, писать! — замѣтилъ актеръ. — Право, брось лучше!

— А ты что̀ скажешь?

— Я подпишусь подъ его словами!

— Ну, братъ, тебѣ нельзя въ этомъ случаѣ довѣрять... Ты тоже литераторъ!—замѣтилъ, хитро улыбаясь, Иванъ Ракушкинъ.—Да и онъ относится съ предубѣжденіемъ...

Мы стали его серьезно убѣждать бросить писаніе и предложили слѣдующее: мы свеземъ рукопись къ одному извѣстному критику, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ, и пусть онъ скажетъ свое мнѣніе.

Ракушкинъ согласился.

— Тогда ты бросишь писать, если онъ скажетъ, что романъ твой плохъ?—спросилъ актеръ.

— Брошу! — сумрачно отвѣтилъ Иванъ Ракушкинъ, уходя вонъ.

Мы поѣхали къ извѣстному критику и разсказали, въ чемъ дѣло. Критикъ былъ такъ любезенъ, что охотно со-

гласился внимательно прочитать рукопись и дать черезъ недѣлю отвѣтъ.

— Только напрасно вы думаете излѣчить его отъ этой болѣзни. Это болѣзнь ужасная!—прибавилъ, улыбаясь, критикъ.

Черезъ недѣлю мы получили обратно рукопись съ замѣчаніями. Въ нихъ, въ крайне деликатной формѣ, былъ выраженъ совѣтъ автору никогда не писать беллетристическихъ вещей.

На другой день Ракушкинъ пришелъ къ намъ. Онъ былъ взволнованъ. Голубые его глаза блестѣли... Лицо то и дѣло вспыхивало.

Онъ, какъ и всѣ очень самолюбивые люди, не сразу повелъ разговоръ о томъ, что̀ его занимало больше всего, а заговорилъ о какихъ-то пустякахъ... Только черезъ полчаса онъ, какъ бы нечаянно, обронилъ:

— Ну что, Х* прочелъ рукопись?

— Прочелъ... Вотъ и отвѣтъ.

Онъ сталъ читать. По лицу его пробѣгала горькая усмѣшка: не то тяжелое сознаніе, что критикъ правъ, не то высокомѣрная увѣренность непризнаннаго генія... Когда Ракушкинъ дочиталъ до конца, онъ взялъ рукопись и, уходя, сказалъ:

— Теперь шабашъ... Больше писать не буду!

— Слава Богу!—замѣтилъ актеръ.—Бѣдный Иванъ излѣчился!

— Едва ли онъ сдержитъ слово. Ты видѣлъ, какъ онъ усмѣхался?—замѣтилъ я.

И я былъ правъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Ракушкинъ снова написалъ два романа, но уже подъ псевдонимомъ Ракитина. Ни одна редакція его романовъ не приняла, и онъ продалъ ихъ одному рыночному книжному торговцу за 50 рублей. Очень ужъ громкія были заглавія!

Оба романа были жестоко обруганы, но Иванъ Ракушкинъ равнодушно-презрительно отнесся къ статьямъ и сказалъ:

— Много они понимаютъ!.. Вездѣ зависть и кумовство!

Ракушкинъ былъ неисправимъ.

III.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Ракушкинъ куда-то исчезъ изъ Петербурга.

Однажды я получаю по городской почтѣ письмо съ знакомымъ почеркомъ. Письмо было отъ Ивана: «Приходи, пожалуйста, ко мнѣ,—писалъ онъ:—я боленъ, лежу въ Маріинской больницѣ».

Я тотчасъ же поѣхалъ къ нему и засталъ его за работой. Онъ писалъ новый романъ. Увидавъ меня, онъ горько-горько улыбнулся и сказалъ:

— Я, какъ видишь, неисправимъ.

Онъ былъ совсѣмъ худъ, изнуренъ и истомленъ, въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Въ эти годы онъ бѣдствовалъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, но нигдѣ не устраивался, отдавая бо̀льшую часть своего времени писанью... Жизнь его была настоящимъ бѣдованіемъ; бабушка давно умерла, и онъ перебивался кое-какъ. Отъ мѣстъ онъ отказывался.

— Видишь ли, на мѣстахъ надо тратить много времени на скучную работу, и мнѣ не было бы времени писать...

Я долго просидѣлъ около него. Онъ съ лихорадочною поспѣшностью говорилъ о своихъ новыхъ работахъ, о своихъ мечтахъ...

— Я вѣрю, что могу создать большое произведеніе... Ты читалъ, какъ сперва Зола не признавали?.. И однако же въ концѣ концовъ...

Отъ долгаго разговора онъ ослабѣлъ и склонился на подушку...

— Послушай... — тихо проговорилъ онъ спустя нѣсколько времени:—если я умру... снеси мои произведенія къ N (онъ назвалъ имя одного извѣстнаго писателя) и попроси его прочесть.

Я обѣщалъ.

— А пока прочти вотъ эту вещь и приходи сказать мнѣ... какова она?.. Ты только, смотри, не церемонься... не жалѣй больного... говори правду!

Онъ протянулъ руку, взялъ со столика рукопись и передалъ мнѣ.

Я взялъ тетрадь и скоро простился съ нимъ

Въ тотъ же вечеръ я принялся за рукопись. Меня поразило, что она была написана не рукой Ивана, а чьей-то другой рукой... Я сталъ читать и пришелъ въ восторгъ... Это была замѣчательно талантливая вещь. Я былъ обрадованъ на моего пріятеля и рано утромъ спѣшилъ къ нему.

— Поздравляю... поздравляю тебя! Ты наконецъ написалъ прелестную вещь!

Ракушкинъ весь просіялъ. Глаза радостно блеснули... Румянецъ покрылъ его блѣдное, исхудалое лицо.

Я подалъ ему рукопись. Онъ взглянулъ на нее и вдругъ печально поникъ, точно ему объявили смертный приговоръ...

— Это не моя рукопись... Это рукопись одного молодого человѣка здѣсь въ больницѣ... Я далъ тебѣ ее по ошибкѣ,—глухо прошепталъ онъ.

Я молча сидѣлъ, точно виноватый.

Наконецъ онъ нѣсколько оправился и тихо сказалъ:

— Молодой человѣкъ читалъ мнѣ свою повѣсть. Я удивляюсь, что ты въ ней нашелъ особенно хорошаго!..

Я ничего не отвѣтилъ.

Черезъ нѣсколько времени бѣдный мой пріятель сталъ бредить и въ бреду рядомъ съ именами Бальзака, Тургенева и Толстого повторялъ имя Ивана Ракушкина.

Когда на другой день я пришелъ въ больницу, моего пріятеля уже не было на свѣтѣ. Онъ умеръ въ ту же ночь и передъ смертью говорилъ своему сосѣду, что придетъ время, когда Россія оцѣнитъ произведенія Ивана Ракушкина.

Оглавленіе

II ТОМА.

стр.

Безъ исхода. Романъ 3

Повѣсти и разсказы.

Танечка 333
Испорченный день 350
Благотворительная комедія 365
Истинно-русскій человѣкъ 384
Оригинальная пара 405
Похожденія одного благонамѣреннаго молодого человѣка, разсказанныя имъ самимъ 444
Ужасная болѣзнь 534

Y0-AIQ-159